зала 18
шкафъ 268.
полка 5.
№ 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Е. САЛТЫКОВА, т. VIII.

ДНЕВНИКЪ ПРОВИНЦІАЛА

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

[1872 — 1873 гг.]

ЗА РУБЕЖЕМЪ

[1880 — 1881 гг.]

зала 18 968
шкафъ 200.
полка 5.
№ 1. 14.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1895.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА]

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—

1895.

М. Е. Салтыковъ

[Н. Щедринъ]

ДНЕВНИКЪ ПРОВИНЦІАЛА

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

[1872 — 1873 гг.]

ЗА РУБЕЖЕМЪ

[1880 — 1881 гг.]

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1895.

2312

СОДЕРЖАНІЕ.

Дневникъ провинціала въ Петербургѣ.

	стр.
Глава I.	1
„ II.	18
„ III.	50
„ IV.	82
„ V.	114
„ VI.	145
„ VII.	172
„ VIII.	201
„ IX.	229
„ X.	252
„ XI.	286

За рубежемъ.

Глава I.	323
„ II.	364
„ III.	401
„ IV.	442
„ V.	497
„ VI.	531
„ VII.	564—591

I.

ДНЕВНИКЪ ПРОВИНЦІАЛА

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

[1872—1873 гг.]

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

I

Глава I.

Я въ Петербургѣ.

Зачѣмъ я въ Петербургѣ? по какому случаю?—этого вопроса, по врожденной провинціаламъ неосмотрительности, я ни разу не задалъ себѣ, покидая нашъ постылый губернскій городъ. Мы, провинціалы, устремляемся въ Петербургъ какъ-то инстинктивно. Сидимъ-сидимъ -и вдругъ тронемся. Губернаторъ сидитъ и вдругъ надумается: толкнусь-моль, нѣтъ ли чего подходящаго! Прокуроръ сидитъ—и тоже надумается: толкнусь-ка, нѣтъ ли чего подходящаго! Партикулярный человѣкъ сидитъ—и вдругъ, словно озаренный, начинаетъ укладываться... „Вы въ Петербургъ ѣдете?“—Въ Петербургъ!—Этимъ все сказано. Какъ будто Петербургъ самъ собою, однимъ своимъ именемъ, своими улицами, туманомъ и слякотью долженъ что-то разрѣшить, на что-то пролить свѣтъ. Что разрѣшить? на что пролить свѣтъ?—этого ни одинъ провинціалъ никогда не пробуетъ себѣ уяснить, а просто-на-просто, съ безсознательною увѣренностью твердитъ себѣ: „вотъ ужо съѣзжу въ Петербургъ, и тогда“... Что тогда?

Какъ бы то ни было, вопросъ: зачѣмъ я ѣду въ Петербургъ? возникъ для меня совершенно неожиданно, возникъ спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я усѣлся въ вагонъ николаевской желѣзной дороги.

Въ этомъ вагонѣ сидѣла *губернія*, сидѣло все то, отъ чего я бѣжалъ, отъ лицезрѣнія чего стремился отдохнуть. Тутъ были: и Петръ Иванычъ, и Тертій Семенычъ, и самъ представитель „высшаго въ имперіи сословія“, Александръ Прокофьичъ (онъ же „Прокопъ Лянуновъ“) съ супругой, на лицѣ которой читается только

одна мысль: „Alexandre! у тебя опять галстухъ на бокъ съѣхалъ!“ Это была ужаснѣйшая для меня минута. Всѣ они были на-лицо, съ своими жирными затылками, съ своими клинообразными кадыками, въ фуражкахъ съ красными околышами и съ кокардой надъ козырькомъ. Всѣ притворялись, что у нихъ есть нѣчто въ карманѣ, и ни одинъ даже не пытался притвориться, что у него есть нѣчто въ головѣ. Повидимому это послѣднее обстоятельство для нихъ составляло дѣло рѣшенное, потому что смотрѣть на міръ такими осовѣлыми глазами, какими смотрѣли они, могутъ только люди или совершенно эманципированные отъ давленія мысли, или люди совсѣмъ наглые. А такъ какъ моихъ спутниковъ нельзя же назвать вполнѣ наглыми людьми, то очевидно, что они принадлежатъ къ числу вполнѣ свободныхъ. На меня эти красные околыши произвели какое-то болѣзненное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что я опять въ нашемъ рязанско-курско-тамбовско-воронежско-саратовскомъ клубѣ, окруженный сѣятелями, дѣятелями и всѣхъ сортовъ шлющимися и непомнящими родства людьми...

Разумѣется, обрадовались. Но въ этихъ привѣтственныхъ возгласахъ мнѣ слышалось что-то обидное. Какъ будто, привѣтствуя меня, они въ одинъ голосъ говорили: а вотъ и еще нашего стада скотина пришла! Не потому ли эта встрѣча до такой степени уязвила меня, что я никогда такъ отчетливо, какъ въ эту минуту, не сознавалъ, что вѣдь я и самъ такой же шлющійся и незнающій куда приткнуть голову человѣкъ, какъ и они? Кайдановъ удостовѣряетъ, что древніе авгуры не могли удерживаться отъ смѣха, встрѣчаясь другъ съ другомъ. Быть можетъ, на первыхъ порахъ оно такъ и было: но впослѣдствіи, когда интересъ новизны исчезъ, эти встрѣчи должны были возбуждать не смѣхъ, а взаимное озлобленіе. Скажите: можно ли безъ злобы ежеминутно встрѣчаться съ человѣкомъ, котораго видишь насквозь, со всѣмъ его нутромъ? Помилуйте! да отъ этого человѣка за тридевять земель бѣжать надобно, а не то что улыбаться ему!

Легко сказать: бѣжать! Вы бѣжите, а онъ—за вами! Онъ, этотъ земскій авгуръ, населяетъ теперь всѣ вагоны, всѣ гостиницы! Онъ ораторствуетъ въ клубахъ и ресторанахъ; онъ проникаетъ въ педагогическія, экономическія, сельскохозяйственныя и иныя собранія и даже защищаетъ тамъ какіе-то рефераты. Онъ желанный гость у

Елисеева, Эрбера и Одинцова; онъ смотритъ Патти, Паску, Лукку. Шнейдеръ. Словомъ, онъ вездѣ. Это какой-то неугомонный духъ, отъ вездѣсущія котораго не упастись нигдѣ...

По обыкновенію, какъ только размѣстились въ вагонахъ, такъ тотчасъ же начался обмѣнъ мыслей.

— Въ Петербургъ? — спрашиваетъ Прокопъ Петра Иваныча.

— Въ Петербургъ.

— Зачѣмъ, смѣю спросить?

— Да такъ... насчетъ концессіи одной... А вы?

— Я, признаться, тоже... отъ земства... А вы, Тертій Семенычъ?

— Да я... какъ бы вамъ сказать... вѣдь и я тоже насчетъ концессіи!

Наконецъ вопросъ обращается ко мнѣ:

— Въ Петербургъ-съ?

Тутъ-то вотъ именно и представился мнѣ вопросъ: зачѣмъ я въ самомъ дѣлѣ ѣду въ Петербургъ? и какимъ образомъ сдѣлалось, что я, убѣгая изъ губерніи и находясь несомнѣнно за предѣлами ея, въ вагонѣ все-таки очутился въ самомъ сердцѣ оной? И мнѣ сдѣлалось такъ совѣстно и конфузно, что я совершенно неосновательно отвѣтилъ Прокопу:

— Да тамъ... тоже маленькая концессія...

Тогда начались проекты самыхъ фантастическихъ концессій. Изъ Пензы въ Наровчатъ, захвативъ на дорогѣ Мокшанъ и Инсаръ; изъ Рязани въ Михайловъ, а тамъ въ Каширу, въ Алексинъ, въ Бѣлевъ, въ Медынь и т. д. Слышались фразы: „вотъ бы!“ „вотъ кабы!“ „ну ужъ тогда бы!“ и проч. Но меня такъ всецѣло поглотила мысль, зачѣмъ я-то собственно собрался въ Петербургъ,—я, который не имѣлъ въ виду ни получить концессію, ни защитить педагогическій или сельскохозяйственный рефератъ,—что даже не замѣтилъ, какъ мы проѣхали Тверь, Бологово, Любань. Съ этою же мыслью я очутился утромъ на дебаркадерѣ николаевской желѣзной дороги.

Но здѣсь случилось что-то неслыханное. Оказалось, что всѣ мы, то-есть вся губернія, останавливаемся въ Grand Hôtel... Уклониться отъ совмѣстнаго жительства не было возможности. Еще въ Колпинѣ начались возгласы: „да остановимтесь, господа, всѣ вмѣстѣ!“ — „вмѣстѣ, господа, веселѣе!“ — „стыдно землякамъ въ разныхъ мѣстахъ

останавливаться!“ и т. д. Нужно было имѣть твердость Муція Сцеволы, чтобы устоять противъ такихъ зазываній. Разумѣется, я не устоялъ.

Но за то и наказана же была моя душевная рыхлость!

Вотъ буквально тѣ впечатлѣнія, которыя въ теченіе первыхъ двухъ недѣль я испытывалъ въ Петербургѣ изо дня въ день.

Каждое утро, покуда я потягиваюсь и пью свой кофе, три стука раздаются въ дверь моего нумера. Раньше всѣхъ стучитъ Прокопъ.

— Ну, что? какъ концессія? заполучили?—обращается онъ ко мнѣ своимъ обычнымъ лающимъ голосомъ.

— Нѣтъ еще... да и не знаю...

— Тутъ, батюшка, зѣвать некогда! Какъ разъ изъ-подъ носа стибрятъ!

Черезъ полчаса опять стукъ: стучитъ Тертій Семенычъ.

— Ну, что? заполучили?

— Не знаю, какъ бы сказать...

— Что-жъ вы мямлите-то! что мямлите! вѣдь этакъ какъ разъ изъ-подъ носа утащатъ!

Проходитъ четверть часа: стукъ, стукъ! Идетъ мимо Петръ Иванычъ.

— Что? какъ концессія?

Мнѣ ужъ дѣлается весело. Я самъ начинаю вѣрить, что пріѣхалъ за концессіей, и что есть какая-то линія между Сапожкомъ и Каспмовымъ, которую мнѣ совершенно необходимо заполучить.

— Да что, батюшка!—говорю я:—эта концессія... шутъ ее знаетъ!

— Что вы зѣваете-то! что зѣваете! Прокопъ вотъ всѣ передпія ужъ объѣздилъ, а вы! Хотите, я вамъ скажу одну вещь!

— Ахъ! сдѣлайте милость!

— Тамъ полковникъ одинъ есть... Просто даже и вѣдомства-то совсѣмъ не того, отставной... Такъ вотъ покуда мы стоимъ этакъ въ пріемной, проходитъ мимо насъ этотъ полковникъ прямо въ кабинетъ... Потомъ, черезъ четверть часа, опять этотъ полковникъ изъ кабинета проходитъ, и только глазомъ мигнетъ!

— Ну, и что-жъ?

— Ну, тутъ его и лови!

Затѣмъ „губернія“ часа на два, на три исчезаетъ. Но не успѣлъ

я одѣться (бьетъ два часа), какъ опять стукъ въ дверь. Влетаетъ Прокопъ.

— Развѣ такъ дѣлаютъ дѣла?—накидывается онъ на меня.—Вы вотъ потягиваетесь тутъ, а я ужъ во всѣхъ трехъ министерствахъ былъ!

— Александръ Прокофьичъ! Неужто?

— Да-съ, былъ-съ. Только ужъ и ходьба!

— А что?

— Да вотъ, посчитайте-ка сами ступеньки отъ перваго этажа до четвертаго, тогда увидите!

— А результатъ?

— Да какъ сказать?—покуда еще никакого! Вѣдь здѣсь, батюшка, не губернія! чтобы слово-то ему сказать, чтобы глазкомъ-то его увидѣть, надо съ мѣсяцъ мѣста побѣгать! Здѣсь вѣдь всѣ дѣла дѣлаются такъ!

— Однако это непріятно!

— А вамъ все чтобъ было „пріятно"! Вамъ бы вотъ чтобъ Ѳаддей и поски вамъ на ноги надѣлъ, и сапоги бы натянулъ, а изъ этого чтобъ концессія вышла! Нѣтъ, сударь, пріятности-то тогда пойдутъ, когда вотъ линійку заполучимъ, а теперь не до пріятностей! Здѣсь, батюшка, и всѣ такъ живутъ!

Прокопъ подходитъ къ окну, видитъ бѣгущаго по улицѣ мазурика, и воображеніе рисуетъ передъ нимъ цѣлую картину.

— Смотрите!—восклицаетъ онъ:—вонъ онъ высуня языкъ бѣжитъ! Вы думаете, онъ дѣло дѣлаетъ! Пустяки, сударь! пустяки онъ дѣлаетъ! День-то деньской онъ пробѣгаетъ, вечеромъ прибѣжитъ домой: что я сдѣлалъ?—Иной даже заплачетъ! Ничего, ну, просто-на́-просто ничего! А тамъ пройдетъ и еще день, и еще, и еще... И все-то такъ! и всякій-то день ничего! А черезъ мѣсяцъ, смотришь, что-нибудь у него и сформируется! Ка́къ сформируется? почему сформируется?—ничего неизвѣстно! Тамъ бросилъ словечко, тамъ глазкомъ глянулъ, туда забѣжалъ, тамъ съ швейцаромъ покалякалъ—на видъ оно пустяки, анъ смотришь, въ результатѣ оно самое и есть!

Снова стукъ. Петръ Иванычъ влетаетъ прямо въ соболяхъ. Щеки у него горятъ, кадыкъ застылъ отъ мороза, усы влажны.

— Ну, кажется, идетъ дѣло на ладъ!—говоритъ онъ весело.

— Рѣшена? — спрашиваетъ Прокопъ, и въ глазахъ его появляется какой-то блуждающій огонь, котораго я прежде не примѣчалъ.

— Рѣшена!

— Ну, а моя еще нѣтъ!

— Теперь только бы въ самую середку-то угодить!

— Да, это тоже штука. Одно средство: къ тузу какому-нибудь примазаться! Ужъ чортъ его душу дери... Ѣшь половину!

Еще стукъ. Влетаетъ Тертій Семенычъ и падаетъ въ изнеможеніи въ кресло.

— Усталъ,—говоритъ онъ:—былъ вездѣ! И у Бубновина былъ, и у Мерзавскаго былъ, и у сына Сирахова былъ!

— Ну, и что же?

— Всѣ въ одинъ голосъ: „полезнѣйшее предпріятіе“!

— Смотри, какъ бы тебя съ „полезнѣйшимъ-то предпріятіемъ“ не продернули! вѣдь это тоже народъ теплый!

— Меня-то? у меня линія вѣрная! Отъ Корочи черезъ Тимъ, Щигры, да такъ-таки прямо въ Ливны. А тамъ у меня кстати и имѣніе есть.

— Да ты что̀ возить-то по этой линіи будешь?

— Ужъ это наше дѣло!

— Нѣтъ, ты скажи!

— А позвольте узнать, Александръ Прокофьичъ, что̀ вы-то по вашей линіи возить будете?

— Это отъ Изюма-то, черезъ Купянку, Валуйки да въ Острогожскъ? Да тутъ, батюшка, хлѣба одного столько, что ахнешь! Опять: конопель, пенька, масло, скотъ, кожи! Да ты пойми: вѣдь въ Изюмѣ-то окружный судъ! Члены суда будутъ ѣздить! судебные слѣдователи! судебные пристава! Твое же острогожское имѣніе описывать поѣдутъ!

Между тѣмъ Петръ Иванычъ безпокойно поглядываетъ на часы, и вдругъ вскакиваетъ:

— Однако, пора бѣжать!

И всѣ трое, обращаясь ко мнѣ, разомъ восклицаютъ:

— Вы развѣ не пойдете устрицы ѣсть?

— Не знаю... Я какъ-то еще не думалъ объ этомъ.

— Ну, какимъ же образомъ послѣ того вы концессію получить хотите! Гдѣ же вы съ настоящими дѣльцами встрѣтитесь, какъ не у Елисеева или у Эрбера? Вѣдь тамъ всѣ! Всѣхъ тамъ увидите!

— Да вѣдь я... право, и дорога-то у меня плохая, кажется! Ну, что̀ я, въ самомъ дѣлѣ, возить по ней буду!

— А вамъ-то что̀? Это что̀ еще за тандрессы такія! Вонъ Петръ Иванычъ сиѣтокъ бѣлозерскій хочетъ возить... а сооруженія-то, батюшка, затѣваетъ какія! Черезъ Чегодощу мостъ въ двѣ версты —разъ! черезъ Тихвинку мостъ въ три версты (тутъ грузы захватитъ)—два! Черезъ Волховъ мостъ—три! По горамъ, по доламъ, по болотамъ, по лѣсамъ! Въ болотахъ морошку захватитъ, въ лѣсу —рябчика! за то въ Питерѣ настоящій сиѣтокъ будетъ! Не псковскій какой-нибудь, а настоящій бѣлозерскій! Вкусъ-то въ немъ какой —ха! ха!

— Смѣйтесь! смѣйтесь! а вотъ какъ заполучу дорожку, тогда будетъ... хи! хи!

— Мы, батюшка, нынче всю эту статистику до тла разузнали! Гдѣ что̀ родится, гдѣ какое производство идетъ! Гдѣ мамура-ягода, гдѣ княженика-ягода! Гдѣ сыръ-рыба, гдѣ сельдь, гдѣ сиѣтокъ! Гдѣ мыло варятъ, гдѣ кожи дубятъ! Разносчикъ кричитъ: „сельди переславскія!“—а мы примѣчаемъ!

Дѣлать нечего, отправляемся вчетверомъ на биржу къ Елисееву.

Устричная зала полна. Губернія преобладаетъ. Кадыки, кадыки, кадыки; затылки, затылки. На столахъ валяются фуражки съ красными околышами и кокардами. Тамъ и сямъ мелькаютъ какія-то оливковыя личности, не то греки, не то евреи, не то армяне, словомъ—какіе-то иконописные люди, которымъ удалось сбѣжать съ киларисовой доски и отгуляться на волѣ у Дюссо и у Бореля. Они жирны, словно скотъ, откормленный бардою. Личности эти составляютъ центры, около которыхъ образуются группы кадыковъ. Но самый главный центръ представляетъ какой-то необыкновенно жирный и, повидимому, не очень умный человѣкъ, который сидитъ на диванѣ у средней стѣны и на груди у котораго отдыхаетъ тяжелая золотая цѣпь, обремененная драгоцѣнными желѣзнодорожными жетонами. Онъ уже поѣлъ и, сложа руки на груди и зажмуривъ глаза, предается пищеваренію. По временамъ пройдетъ мимо него кадыкъ, скажетъ: „Анемподисту Тимофеичу!“—тогда онъ отдѣлитъ отъ туловища одну изъ рукъ и вложитъ ее въ протянутую руку кадыка. Хотя этотъ человѣкъ сидитъ за своимъ столомъ одиноко, но что̀ не кто другой, а именно онъ составляетъ настоящій центръ компаніи—

въ этомъ нельзя усомниться. Кадыки, очевидно, ни на минуту не теряютъ его изъ вида. Они и сидятъ за своими столами какъ-то не прямо, а въ полъ-оборота къ нему, и говорятъ другъ съ другомъ словно не другъ съ другомъ, а обращаясь къ третьему лицу, которое нельзя безпокоить прямо, но безъ мнѣнія котораго обойтись немыслимо.

Проходя мимо него, Прокопъ толкаетъ меня въ бокъ и шепчетъ какимъ-то испуганнымъ голосомъ:

— Бубновинъ!

Въ залѣ сыро, наслякощено, накурено. Словно туманъ стоитъ. Но кадыки не гогочутъ, по своему обычаю, а какъ-то сдержанно бесѣдуютъ, запскиваютъ.

— Аристиду Ѳемистоклычу!—восклицаетъ Прокопъ, расцвѣтая при видѣ одного изъ византійскихъ изображеній, котораго наружность напоминаетъ паука, только-что проглотившаго муху:—какъ пожинаете? каково прижимаете?

— Ницево! зивемъ!

— Дѣвочки какъ?

— И дѣвоцки!.. у насъ дѣвоцекъ завсегда бываетъ оцень достатоцно!

— Ну, и слава Богу!

Мы садимся за особый столъ; приносятъ громадное блюдо, усѣянное устрицами. Но завистливые глаза Прокопа уже прозрѣваютъ въ будущемъ и усматриваютъ тамъ потребность въ новомъ такомъ же блюдѣ.

— Вели еще десятка четыре вскрыть!—командуетъ онъ:—да надо бы и насчетъ вина распорядиться... Аристидъ Ѳемистоклычъ! вы какое вино при устрицахъ потребляете?

— Сабли... а впрочемъ я могу всякое!

— Ну, и намъ подавай шабли, а потомъ и до „всякаго“ доберемся!

Начинается истребленіе устрицъ подъ гвалтъ общаго говора.

— Я вамъ докладываю: простой армейскій штабсъ-капитанъ былъ!—ораторствуетъ какой-то „кадыкъ“:—въ нашемъ городѣ въ квартальные просился—не дали.

— А теперь третью дорогу строитъ!—отзывается другой „кадыкъ“:—вотъ оно что̀ значитъ умъ-то!

— Да; если человѣкъ съ умомъ... это тоцно!..—замѣчаетъ Аристидъ Ѳемистоклычъ.

Онъ пропустилъ ужъ полсотни устрицъ и развалился на диванѣ, попыхивая какую-то неслыханной красоты сигару.

— Товарищи были! въ одно время въ полку служили!—повѣствуетъ въ другомъ углу третій „кадыкъ“:—вчерась встрѣчаемся на Невскомъ. „Ты что?“ говоритъ.—Такъ и такъ, говорю, дорожку бы заполучить!—„Приходи“, говоритъ.

Я вглядываюсь въ говорящаго и вижу, что онъ лжетъ. Быть можетъ, онъ и отъ природы не можетъ не лгать, но въ эту минуту къ его хвастовству видимо примѣшивается разсчетъ, что оно подѣйствуетъ на Бубновина. Послѣдній, однакожъ, поддается туго: онъ окончательно зажмурилъ глаза, даже слегка похрапываетъ.

— А какая доброта-то!—продолжаетъ хвастаться кадыкъ:—такъ-таки просто и говоритъ: „пріѣзжай, говоритъ, я тебя съ женой познакомлю, а потомъ и объ дорожкѣ потолкуемъ! я, говоритъ, знаю, что твое дѣло вѣрное!“

Бубновинъ продолжаетъ похрапывать.

— Шпейдершу бы вотъ попросить, чтобы словечко замолвила! —вдругъ предлагаетъ кто-то.

Бубновинъ открываетъ одинъ глазъ, какъ будто хочетъ сказать: насилу хоть что-нибудь путное молвили! Но предложенію не дается дальнѣйшаго развитія, потому что оно, какъ и всѣ другія восклицанія, въ родѣ: „вотъ бы! тогда бы!“ явилось точно такъ же случайно, какъ тѣ мухи, которыя неизвѣстно откуда берутся, прилетаютъ и потомъ опять неизвѣстно куда исчезаютъ.

Съѣдаются первые четыре десятка устрицъ, потомъ съѣдаются еще четыре десятка устрицъ; въ промежуткахъ съѣдаются: два фунта свѣжей икры, фунтъ сыру, фунтъ семги. Вышивается по бутылкѣ шабли на брата, потомъ по бутылкѣ шампанскаго; въ промежуткахъ пробуются разные сорта водокъ. Дымъ синими волнами ходитъ по комнатѣ, такъ что, несмотря на зажженный газъ, почти ничего не видно. И чѣмъ больше вышивается, тѣмъ гуще дѣлается шумъ. Приходятъ новые дѣятели; слышатся вопросы: „рѣшена?“ „аудіенціи-то добился ли, по крайней мѣрѣ?“ и отвѣты: „а чортъ ихъ разберетъ!“... „семь дней хожу и дальше передней—ни-ни!“... Въ пять часовъ мы выходимъ наконецъ на воздухъ.

— Гдѣ же дѣльцы-то?—спрашиваю я у Прокопа.

— А Бубновинъ!

— Да вѣдь вы съ нимъ даже не говорили!

— Какой вы, батюшка, однакожъ, чудной! развѣ этакого человѣка можно сразу! Его надобно еще пріучить къ себѣ, чтобы онъ, значитъ, къ физіономіи-то сначала присмотрѣлся! Разъ скажешь ему: Анемподисту Тимоѳеичу! въ другой: Анемподисту Тимоѳеичу!—ну, онъ и прислушивается помаленьку. Успѣлъ ты ему понравиться — дѣло въ шляпѣ! Не успѣлъ—домой поѣзжай! и проѣдаться тутъ нечего! Вотъ этотъ баринъ, что про Шнейдершу-то давеча молвилъ—вы видѣли, какъ онъ на него посмотрѣлъ! Да баринъ-то плохъ! Другой бы на его мѣстѣ такъ бы этой Шнейдершей Бубновина разъудилъ, что завтра и по рукамъ бы хлопнули!

— Зачѣмъ же дѣло? воспользуйтесь!

— Я, батюшка, и то ужъ подумываю! Кончено дѣло! завтра же чѣмъ свѣтъ — къ Бубновину! Я ему этотъ прожектецъ во всѣхъ статьяхъ разверну!

Я возвращаюсь въ свой нумеръ—усталый, ошеломленный, полупьяный; нераздѣтый бросаюсь въ постель и засыпаю тяжелымъ сномъ. Во снѣ мнѣ видится желѣзная дорога отъ Петербурга до самаго устья Печоры. Локомотивъ, пыхтя и свистя, несется въ необозримую даль; болотныя трясины содрогаются; лѣса оглашаются безконечнымъ эхомъ; испуганные звѣри и птицы скрываются куда-то далеко, въ непроглядный мракъ. На ноѣздѣ сидитъ жандармъ и какой-то партикулярный молодой человѣкъ. И мчатся эти люди день и ночь, худо спятъ, наскоро закусываютъ, бѣгутъ, спѣшатъ, какъ будто и невѣсть какія пріятства ожидаютъ ихъ на устьѣ Печоры. А съ устья Печоры въ свою очередь тоже мчится ноѣздъ, и несется на немъ господинъ Латкинъ съ свѣжею печорскою семгою и кедровой шишкой въ рукахъ, какъ доказательство крайней необходимости дороги въ этотъ климатическій естественными богатствами край. И вдругъ въ Усть-Сысольскѣ ужасное столкновеніе... Раздается трескъ, громъ; я въ ужасѣ мечусь на постели и наконецъ вскакиваю.

Въ комнатѣ темно; въ дверь моего нумера дѣйствительно кто-то сильнѣйшимъ образомъ стучитъ.

Отпираю: влетаетъ Прокопъ.

— Спите, батюшка, спите!—говоритъ онъ мнѣ укоризненно:—

а я, покуда вы тутъ спите, у Дюссо съ такимъ человѣчкомъ знакомство свелъ!

— Съ какимъ еще человѣчкомъ?—спрашиваю я, наспу продирая глаза.

— Да ужъ съ такимъ человѣчкомъ, что ежели черезъ недѣлю мое дѣло не будетъ слажено и покончено, назовите меня въ глаза подлецомъ!

Не успѣваю я отвѣтить, какъ влетаютъ разомъ Тертій Семенычъ и Петръ Иванычъ.

— Ну, батюшка, слава Богу! кажется, мое дѣло въ шляпѣ!—говоритъ Тертій Семенычъ.

— И меня, я полагаю, черезъ недѣльку поздравить будетъ можно!—перебиваетъ его Петръ Иванычъ.

— Ну, а теперь пора и отдохнуть!—возглашаетъ Прокопъ:—да что, впрочемъ, не выпить ли на ночь прощёную!

Но я рѣшительно отказываюсь, и гости, послѣ долгихъ упрашиваній, расходятся наконецъ по нумерамъ.

Я остаюсь одинъ (бьетъ ужъ два часа) и вновь ложусь спать.

Такимъ образомъ продолжается пятнадцать дней. Кромѣ своего нумера и устричной залы Елисеева, я ничего не вижу. Я ни разу даже не пообѣдалъ какъ слѣдуетъ. Кромѣ устрицъ, икры, семги—ничего. Горячаго ни-ни! Наконецъ я чувствую, что ежели это времяпрепровожденіе продолжится, то я сдѣлаюсь пьяницей. Каждый день, по малой мѣрѣ, три бутылки вина, не считая водки! И это, такъ сказать, натощакъ. Перестаю наконецъ понимать, кто я и гдѣ я. Въ одно прекрасное утро просыпаюсь—и ничего, положительно ничего не понимаю. Что? какъ? зачѣмъ? Наконецъ, когда ужъ мнѣ вылили на голову цѣлое ведро холодной воды (я помню, я все кричалъ: лей! лей!)—только тогда я понялъ, что я—я. Подобѣжалъ къ зеркалу, смотрю—глаза налитые, совсѣмъ круглые. Значитъ, дошелъ до точки.

Нѣтъ, надо бѣжать. Но какъ же уѣхать изъ Петербурга, не видавъ ничего, кромѣ нумера гостиницы и устричной залы Елисеева? Вѣдь есть, вѣроятно, что-нибудь и поинтереснѣе. Есть умственное движеніе, есть публицистика, литература, искусство, жизнь. Наконецъ, найдутся старые знакомые, товарищи, которыхъ хотѣлось бы повидать...

Кончено. Я предпринимаю героическое рѣшеніе. Въ одно прекрасное утро, покуда „губернія“ шныритъ по разнымъ концамъ города, я улаживаю мой счетъ въ Grand Hôtel и тайкомъ перебираюсь въ скромныя chambres garnies на Гороховой.

— —

Прежде всего я отправляюсь въ Воронинскія бани, гдѣ парюсь до тѣхъ поръ, покамѣстъ не сознаю себя вполнѣ трезвымъ. Затѣмъ приступаю вновь къ практическому разрѣшенію вопроса: зачѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ?

Сознаюсь откровенно: изъ всѣхъ названныхъ выше соблазновъ (умственное движеніе, публицистика, литература, искусство, жизнь) меня всего болѣе привлекаетъ послѣдній, то-есть „жизнь“. Мы, провинціалы,—да, впрочемъ, одни ли мы?—имѣемъ о „жизни“ представленіе нѣсколько двойственное. Хазовый конецъ этого представленія составляютъ интересы умственные и общественные; дѣйствительной же его сущности отвѣчаетъ все то, что льститъ интересамъ личнымъ и непосредственнымъ, то-есть вкусу и чувственности. На этотъ конецъ у насъ и слово такое выдумано: жуировать. А жуировать совсѣмъ не значитъ ходить въ Публичную Библіотеку, посѣщать лекціи профессора Сѣченова, защищать въ педагогическихъ и иныхъ собраніяхъ рефераты и проч., а просто, въ переводѣ на французскій языкъ, означаетъ: buvons, chantons, dansons et aimons! Поэтому, если мы встрѣчаемъ человѣка, который, говоря о жизни, драпируется въ мантію научныхъ, умственныхъ и общественныхъ интересовъ, и увѣряетъ, что никогда не бываетъ такъ счастливъ и не живетъ такою полною жизнью, какъ изслѣдуя вопросъ о призваніи варяговъ или о мѣстѣ погребенія князя Пожарскаго, то можно сказать навѣрное, что этотъ человѣкъ или преднамѣренно, или безсознательно скрываетъ свои настоящія чувства. Говоритъ онъ о пользѣ классическаго образованія, а на умѣ у него: buvons, chantons, dansons et aimons! Говоритъ о податной реформѣ, а на умѣ: buvons, chantons, dansons et aimons! Всѣ эти вопросы, системы, нововведенія и проч. представляютъ лишь неизбѣжную, но сухую и горькую приправу жизни. Безъ нихъ нельзя обойтись, потому что они даютъ однимъ—прекраснѣйшія должности съ прекраснѣйшимъ содержаніемъ, другимъ, не нуждающимся въ содержаніяхъ—прекраснѣйшія обществен-

ныя положенія. Но конечный результатъ всѣхъ этихъ содержаній и положеній все-таки резюмируется такъ: buvons, chantons, dansons et aimons. Никакое полезное предпріятіе немыслимо, если оно время отъ времени не освѣжается обѣдомъ съ шампанскимъ и устрицами. Туна грамматика, косноязычна реторика, если ихъ не оплодотворяетъ струя редерера. Даже археологъ, защищая рефератъ о „ярославлѣ-сребрѣ“ — и тотъ думаетъ: „вотъ ужѣ выпьемъ изъ той самой урны, въ которой хранился прахъ Овидія!“ Вотъ гдѣ настоящая русская подоплека, а совсѣмъ не тамъ, гдѣ безплодно пищутъ ее глаголемые славянофилы. Москва поняла это въ совершенствѣ; оттого-то въ ней и ѣдятъ, такъ сказать, подходя.

Слѣдуя общему примѣру, и я отправился на поиски „жизни“, и съ этою цѣлью посѣтилъ товарищей моихъ по школѣ.

Прихожу къ одному — статскій совѣтникъ!

— Статскій совѣтникъ! — восклицаю я: — поздравляю, поздравляю!

А самъ между тѣмъ чувствую, что въ голосѣ у меня что-то оборвалось, а внутри какъ будто закипаетъ. Я добрый и даже рыхлый малый, но когда подумаю, что не выйди я титулярнымъ совѣтникомъ въ отставку, то могъ бы... могъ бы... Ахъ, чортъ побери да и совсѣмъ!

— Да, душа моя, — съ невозмутимою важностью отвѣчаетъ мнѣ бывшій товарищъ: — не могу пожаловаться, начальство цѣнитъ-таки труды мои!

„Труды твои! пишъ твои труды — вотъ что!“ со злобою помышляю я, но вслухъ говорю слѣдующее: — Ну, а дальше... есть виды?

— Насчетъ видовъ — это покамѣстъ еще секретъ. Но, конечно, съ Божьею помощью...

Сказавъ это, онъ устремилъ такой проницательный взглядъ въ даль, что я сразу понялъ, что сей человѣкъ ни передъ какими видами несостоятельнымъ себя не окажетъ.

— Ну, а въ настоящемъ какъ?

— А въ настоящемъ... журуемъ! Гандонъ, Ловато, Шнейдеръ... Да ты Шнейдеръ-то видѣлъ?

— Нѣтъ еще... я такъ недавно въ Петербургѣ...

— Ты не видалъ Шнейдеръ! Чудакъ! Чего же ты ждешь? Же-

лалъ бы я знать, зачѣмъ ты пріѣхалъ! Boulotte... да вѣдь это перлъ! Comme elle se gratte les hanches et les jambes... sapristi! И онъ не видѣлъ!

Въ эту минуту въ комнату входитъ другой товарищъ, еще только коллежскій совѣтникъ.

— Смѣльскій! ужасайся! онъ не видалъ Шнейдеръ!

— Ты не видалъ Шнейдеръ?

— Онъ не слыхалъ „Dites-lui“!

— Et Boulotte donc! Comme elle se gratte les hanches et les jambes... c'tte fille! Barbare!.. va!

— Я слушаю и краснѣю. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлалъ я въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль? Я бесѣдовалъ съ Прокопомъ, я наслаждался лицезрѣніемъ иконописнаго Аристида Осмистоклыча—и чего не видѣлъ! не видѣлъ Шнейдеръ!

— Ради Бога... нельзя ли?—лепечу я въ смущеніи.

— Ah, mon cher, c'est grave! C'est très-grave, ce que tu nous demande-là. Однако вотъ что̀. У насъ ложа на всѣ пятнадцать представленій, и хотя насъ четверо, но для тебя, pour te désinfecter de ta chère ville natale... мы потѣснимся. Но помни: только для тебя! А теперь, messieurs, обѣдать, но за обѣдомъ, чуръ, много вина не пить! Помните, что сегодня идетъ „Barbe bleue“; а чтобъ эту пьесу просмаковать, нужно, чтобъ голова была свѣтла да и свѣтла!

И точно, за обѣдомъ мы пьемъ сравнительно довольно мало, такъ-что когда я, руководствуясь бывшими примѣрами, палилъ себѣ передъ закускою большую (желѣзнодорожную) рюмку водки, то на меня оглянулись съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Затѣмъ: по рюмкѣ хересу, по стакану добраго лафита и по бутылкѣ шампанскаго на человѣка—и только.

На свѣжую голову Шнейдеръ дѣйствуетъ изумительно. Она производитъ то̀, что̀ должна была бы произвести вторая бутылка шампанскаго. Влетая на сцену, черезъ какое-нибудь мгновеніе, она ужъ поднимаетъ ногу...

— Adorable!—шепчетъ мой другъ, статскій совѣтникъ.

— И замѣть, что у насъ она въ стократъ скромнѣе играетъ, нежели въ Парижѣ!—комментируетъ другой мой другъ, коллежскій совѣтникъ.

И вдругъ она начинаетъ пѣть. Но это не пѣніе, а какой-то оньяни-

няющій, звенящій хохотъ. Поетъ, и въ то же время чешетъ себя во всѣхъ мѣстахъ, какъ это, впрочемъ, и слѣдуетъ дѣлать наивной поселянкѣ, которую она изображаетъ.

— Mais comme elle se gratte! comme elle se gratte!... parlez-moi de ça!—захлебывается статскій совѣтникъ.

— Je vous demande un peu, si ce n'est pas là une grande actrice!—вторитъ коллежскій совѣтникъ, и съ какою-то ненавистью озирается по сторонамъ, какъ будто вызываетъ дерзновеннаго, который осмѣлился бы выразить противоположное мнѣніе.

Но зала составлена слишкомъ хорошо; никто и не думаетъ усомниться въ геніальности m-lle Шнейдеръ. Во время пѣнія всѣ благоговѣйно слушаютъ; послѣ пѣнія всѣ неистово хлопаютъ. Мы съ своей стороны хлопаемъ и вызываемъ до тѣхъ поръ, покуда зала окончательно пустѣетъ.

Послѣ спектакля ужинъ (уже безъ воздержанія) и за ужиномъ разговоръ.

— Mais comme elle se gratte!

— En voilà une fille!

— Et remarquez, comme elle a fait ceci...

Статскій совѣтникъ пробуетъ пройтись церемоніальнымъ маршемъ, какъ это дѣлаетъ Шнейдеръ, то-есть вскидывая поочередно то ту, то другую ногу на плечо.

Я самъ взволнованъ отъ глубины души, и желаю выразить свои чувства.

— Признаюсь, господа,—говорю я:—это... это... замѣтили ли вы, напримѣръ, какой у нея отлётъ?

Я изгибаюсь головой и грудью впередъ, а остальною частью корпуса силюсь изобразить „отлётъ“.

— Именно отлётъ! C'est le vrai mot! Otliott! magnifique!

— Ай-да деревня! сидитъ въ захолустьи, да и выдумаетъ!

— Messieurs! не говорите такъ легко о нашемъ захолустьи! У насъ тамъ одна помпадурша есть, такъ у нея отлётъ! Je ne vous dis que ça!

Я собираю пальцы въ кучку и цѣлую кончики.

— Ну, все-таки, противъ Шнейдеръ...—сомнѣвается статскій совѣтникъ.

— Да развѣ я объ Шнейдерихъ!.. Schneider! mais elle est uni-

que! Шнейдеръ... это... это... Но, я вамъ скажу, и помнадурша! Elle ne se gratte pas les hanches,—c'est vrai, — mais si elle se les grattait! я не ручаюсь, что и вы... Человѣкъ! четыре бутылки шампанскаго!

Потомъ слѣдуютъ еще четыре бутылки, потомъ еще четыре бутылки... Желудокъ отказывается вмѣщать, въ груди чувствуется стѣсненіе. Я возвращаюсь домой въ пять часовъ ночи, усталый и настолько отуманенный, что едва успѣваю лечь въ постель, какъ тотчасъ же засыпаю. Но я не безъ гордости сознаю, что сего числа я былъ истинно пьянъ не съ пяти часовъ пополудни, а только съ пяти часовъ пополуночи.

На другой день къ другому товарищу — этотъ уже не просто статскій, а дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Ужъ дѣйствительный статскій!!

— Да, душа моя, дѣйствительный. Благодареніе Богу, начальство видитъ мои труды и цѣнитъ ихъ.

— Да вѣдь такимъ образомъ ты, пожалуй...

— И очень не мудрено. Теперь, душа моя, люди нужны, а мои правила настолько извѣстны... Enfin qui vivra — verra.

Сказавши это, онъ поднялъ ногу, какъ будто инстинктивно куда-то ее заносилъ. Потомъ, какъ бы сообразивъ, что серьезныхъ разговоровъ со мной, провинціаломъ, вести не приходится, спросилъ меня:

— Надѣюсь, что ты видѣлъ Шнейдеръ?

— Вчера съ старыми товарищами былъ.

— Это въ „Barbe bleue“? Délicieuse! не правда ли?

— Comme elle se gratte les hanches et les jambes!

— N'est-ce pas! quelle fille! quelle diable de fille! Et en même temps, actrice! mais une actrice... ce qui s'appelle — consommée!

— А ты замѣтилъ, какъ она церемоніальнымъ маршемъ къ вѣнцу-то прошла!

Я пробую напомнить Шнейдершу въ лицахъ, но при первой же попыткѣ вскинуть ногу на плечо спотыкаюсь и падаю.

— Ну, вотъ! ну, вотъ!—смѣется мой другъ: —это хорошо, что ты такъ твердо запомнилъ, но зачѣмъ подражать неподражаемому! En imitant l'inimitable, on finit par se casser le cou.

— Mais comme elle se gratte! dieu des dieux! comme elle se gratte!

A! mais c'est encore un traité de génie... ça! Замѣть, кого она представляетъ? Она представляетъ простую, наивную поселянку! Une villageoise! une paysanne! une fille des champs! Ergo ..

— Mais c'est simple comme bonjour!

— Вотъ сегодня, напримѣръ, ты увидишь ее въ „Le sabre de mon père" —здѣсь она не только не чешется, но даже поразитъ тебя своимъ величіемъ! А почему? потому что этого требуетъ роль!

— Увы! у меня нѣтъ на сегодня билета!

— Вздоръ! Надо, чтобъ ты видѣлъ эту пьесу. Вы—люди земства, mon cher, и наша прямая обязанность—это стараться, чтобъ вы все видѣли, все знали. Вотъ что: у насъ есть ложа, и хотя мы тамъ вчетверомъ, но для тебя потѣснимся. Я хочу, непремѣнно хочу, чтобъ ты видѣлъ, какъ *она* поетъ „Dites-lui"! Я съ намѣреніемъ говорю: „чтобъ ты видѣлъ", потому что это мало слышать, это именно *видѣть* надо! А теперь идемъ обѣдать, mais soyons sobres, mon cher! parceque c'est très sérieux, ce que tu vas voir ce soir!

Мы обѣдаемъ вчетеромъ. Выпиваемъ по рюмкѣ хересу, по стакану добраго лафита и по бутылкѣ шампанскаго на человѣка—и только.

Я не стану описывать впечатлѣнія этого чуднаго вечера. *Она* изнемогала, таяла, извивалась и такъ потрясала „отлётомъ", что товарищи мои, несмотря на то, что всѣ четверо были дѣйствительные статскіе совѣтники, изнемогали, таяли, извивались и потрясали точно такъ же, какъ и *она*.

Изъ театра—къ Борелю.

— Ну-съ, что скажете, любезный провинціалъ?

— Да, messieurs, это... Это, я вамъ скажу... Это искусство!

— C'est le mot. On cherche l'art, on se lamente sur son dépérissement! Eh bien! je vous demande un peu, si ce n'est pas la personnification même de l'art! „Dites-lui!"—parlez-moi de ça!

— И замѣтьте, messieurs, какой у нея „отлётъ"!

— Otliott! c'est le mot! mais il est unique, ce cher provincial!

Какъ и наканунѣ,—я изогнулся головой и корпусомъ впередъ.

— Именно! именно! c'est ça! c'est bien ça!—кричали дѣйствительные статскіе совѣтники, хлопая въ ладоши.

Даже Борелевскіе татары—и тѣ смѣялись.

— А теперь, господа, въ благодарность за высокое наслажденіе, доставленное мнѣ вами, позвольте... Человѣкъ! шесть бутылокъ шампанскаго!

Затѣмъ еще шесть бутылокъ, еще шесть бутылокъ и еще... Я вновь возвращаюсь домой въ пять часовъ ночи, но на сей разъ уже съ мéньшею гордостью сознаю, что хотя и не съ пяти часовъ пополудни, но все-таки другой день сряду ложусь въ постель усталый и съ отягченной винными парами головой.

Такимъ образомъ проходитъ десять дней. Утромъ—вставанье и потягиванье до трехъ часовъ; потомъ—посѣщеніе старыхъ товарищей и обѣдъ съ умѣренной выпивкой; потомъ—Шнейдерша и ужинъ съ выпивкой неумѣренной. На одиннадцатый день я подхожу къ зеркалу и удостовѣряюсь, что глаза у меня налитые и совсѣмъ круглые. Значитъ, опять въ самую точку попалъ.

„Ужъ не убраться ли по добру по здорову подъ сѣнь рязанско-козловско-тамбовско-воронежско-саратовскаго клуба?“—мелькаетъ у меня въ головѣ. Но мысль, что я почти мѣсяцъ живу въ Петербургѣ, и ничего не видалъ, кромѣ Елисеева, Дюссо, Бореля и Шнейдеръ, угрызаетъ меня.

„Нѣтъ, думаю:—попробую еще! По крайней мѣрѣ, узнаю, что̀ такое современная петербургская жизнь!“

Принявъ это рѣшеніе, отправляюсь въ Воронинскія бани, гдѣ парюсь до тѣхъ поръ, пока сознаю себя вполнѣ трезвымъ.

Затѣмъ на цѣлый день остаюсь дома и занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ желудка. И только на другой день, свѣжій и встрепанный, начинаю новый рядъ похожденій.

Глава II.

Что̀ же такое, однако, „жизнь“?

Въ теченіе болѣе трехъ недѣль я продѣлалъ все, что̀, по ходячему кодексу о „жизни“, надлежитъ продѣлать, чтобы имѣть право сказать: я жупировалъ, и слѣдовательно жилъ. Я исполнилъ „buvons“—ибо ни одного дня не ложился спать трезвымъ; я исполнилъ „chantons et dansons“—ибо стоически выдержалъ цѣлыхъ десять

представленій „avec le concours de m-lle Schneider“; наконецъ, я не могу сказать, чтобы не было въ продолженіе этого времени кое-чего и по части „aimons“... А въ результатѣ все-таки долженъ сознаться, что не только „жизни“, но даже и жупровки тутъ не было никакой. Мало того: по окончаніи всего этого жизненнаго процесса я испытываю какое-то удивительно странное чувство. Мнѣ сдается, что все это время я провелъ въ одиночномъ заключеніи!

И дѣйствительно, это было не болѣе какъ одиночное заключеніе, только въ особенной, своеобразной формѣ. Провести въ продолженіе двухъ недѣль всѣ сознательные часы въ устричной залѣ Елисеева, среди кадыковъ и иконописныхъ людей—развѣ это не одиночное заключеніе? Провести остальные десять дней въ обществѣ дѣйствительныхъ статскихъ кокодессовъ, лицомъ къ лицу съ несомнѣннѣйшею чепухой, въ видѣ „Le sabre de mon père“, съ чепухой безъ начала, безъ конца, безъ середки—развѣ это не одиночное заключеніе? Ежели первый признакъ, по которому мы сознаемъ себя живущими въ человѣческомъ обществѣ, есть живая человѣческая рѣчь, то развѣ я ощущалъ на себѣ ея дѣйствіе? Говоря по совѣсти, все, что я испытывалъ въ этомъ смыслѣ, ограничивалось слѣдующимъ: я безразличнымъ образомъ сотрясалъ воздухъ, я внималъ рѣчамъ безъ подлежащаго, безъ сказуемаго, безъ связки, и самъ произносилъ рѣчи безъ подлежащаго, безъ сказуемаго, безъ связки. „Вотъ кабы“, „ну, ужъ тогда бы“—вѣдь это такого рода словопренія, которыя я могъ бы совершенно удобно производить и въ одиночномъ заключеніи. Ужели же я безъ натяжки могу утверждать, что меня окружало дѣйствительно людское общество, когда въ моемъ времяпровожденіи не было даже внѣшнихъ признаковъ общественности? Нѣтъ, это были не болѣе какъ люди стѣноподобные, обладающіе точно такими же собесѣдовательными средствами, какими обладаютъ стѣны одиночнаго заключенія. Это было не общество въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, а именно одиночное заключеніе, въ которое, вслѣдствіе упущенія начальства, ворвалось шампанское съ устрицами, съ пѣніемъ и танцами.

А между тѣмъ кодексъ, формулирующій жизнь словами: buvons, dansons, chantons et aimons—сочиненъ не нами. Онъ существуетъ издревле, и цѣлыя поколѣнія довольствовались имъ, не думая ни о чемъ другомъ и не желая ничего больше. Отчего же онъ опротивѣлъ

мнѣ въ двадцать-четыре дня, а достославнымъ моимъ предкамъ казался лучше всякаго эдема? Отчего мои прапуры могли всю жизнь, безъ всякаго ущерба, предаваться культу „buvons“, а я не могу выдержать мѣсяца, чтобы у меня не затрещала голова, чтобы глаза мои явно не изобличили меня въ нетрезвомъ поведеніи, чтобы мнѣ самому, наконецъ, моя собственная персона не сдѣлалась до нѣкоторой степени противною? Отчего дѣдушка Матвѣй Иванычъ, передъ которымъ дѣвка Палашка каждый вечеръ, изо дня въ день, потрясала плечами и бедрами, не только не скучалъ ея скуднымъ репертуаромъ, но такъ и умеръ, не насладившись имъ до-сыта, а я, несмотря на то, что передо мной потрясала бедрами сама Шнейдерша, въ какихъ-нибудь десять дней ощутилъ такую сытость, что хоть повѣситься?

Я живо помню дѣдушку Матвѣя Иваныча. Это былъ старикъ высокій, широкоплечій, бодрый, сильный и румяный. Онъ вставалъ рано, никогда не нѣжился и не потягивался, но сразу одѣвался, выливалъ на голову кувшинъ холодной воды, выпивалъ красоулю и отправлялся въ отъѣзжее поле. Тамъ, въ промежуткахъ полеванія, выпивалось до пропасти, и основаніемъ выпивки всегда служилъ спиртъ. Очевидно, тутъ было отъ чего ошалѣть самому крѣпкому организму, но старикъ возвращался домой не только безъ всякихъ признаковъ пресыщенія, но съ явнымъ намѣреніемъ выпить до пропасти и за обѣдомъ. Послѣ обѣда онъ задавалъ выхрапку, продолжавшуюся часа три; потомъ выпивалъ „дессертную“, выслушивалъ старосту и отправлялся въ залъ. Тамъ его ожидали свѣжія дѣвушки, съ дѣвкой Палашкой во главѣ, и начиналось непереставшее потрясаніе бедрами, все въ одномъ и томъ же тонѣ, съ однѣми и тѣми же прибаутками, нынче какъ вчера. Какъ страстный любитель потрясаній, дѣдушка, разумѣется, не могъ ни устоять, ни усидѣть, и потому притопывалъ, приплясывалъ, жаловалъ по рюмкѣ, самъ выпивалъ по двѣ и проводилъ такимъ образомъ время до ужина. За ужиномъ онъ велъ пристойный разговоръ съ гостями, если таковые наѣзжали, или съ домашними, если гостей не было, и выпивалъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы имѣть возможность сейчасъ же заснуть и отнюдь не видѣть никакихъ сновъ. И разсчетъ никогда не обманывалъ его; онъ безмятежно засыпалъ вплоть до утра, съ наступленіемъ котораго вновь повторялся вчерашній день съ тою же выпивкой, съ тѣмъ же отъѣзжимъ полемъ и тѣми же потрясаніями.

А дяденька у меня былъ, такъ у него во всякой комнатѣ было по шканику, и во всякомъ шканикѣ по графинчику, такъ что все времяпровожденіе его заключалось въ томъ: въ одной комнатѣ походитъ и выпьетъ, потомъ въ другой походитъ и выпьетъ, покуда не обойдетъ весь домъ. И ни малѣйшей скуки, ни малѣйшаго недовольства жизнью!

Десятки лѣтъ проходили въ этомъ однообразіи, и никто не замѣчалъ, что это — однообразіе, никто не жаловался ни на пресыщеніе, ни на головную боль! Въ баню, конечно, ходили и прежде, но не для вытрезвленія, а для того, чтобы испытать, какой вкусъ имѣетъ вино, когда его пьетъ человѣкъ совершенно нагой и окруженный цѣлымъ облакомъ горячаго пара.

Положимъ, что въ былое время, какъ говорятъ, на Руси рождались богатыри, которымъ ни почемъ было выпить штофъ водки, согнуть подкову, переломить цѣлковый; но вѣдь дѣло не въ томъ, что человѣкъ имѣлъ возможность совершать подобные подвиги и не лопнуть, а въ томъ, какъ онъ могъ не лопнуть отъ скуки!

А мнѣ вотъ скучно. Я пью у Елисеева вино первый сортъ, а мнѣ кажется, что есть и еще какое-то вино, которое представляетъ собою уже самый первый сортъ, и мнѣ его не даютъ; я смотрю на Шнейдершу, а мнѣ кажется, что есть еще какая-то оберъ-Шнейдерша, и что вотъ если бы эту оберъ-Шнейдершу посмотрѣть, такъ это точно... Гдѣ бы я ни находился, вездѣ меня угнетаетъ мысль, что есть еще нѣчто, что необходимо было бы заполучить, но въ чемъ состоитъ это нѣчто—вотъ этого-то именно я формулировать и не могу. Я процвѣталъ подъ сѣнью рязанско-козловско-тамбовско-саратовскаго клуба—и изнемогалъ отъ скуки; я наслаждался рѣчами земскихъ авгуровъ—и изнемогалъ отъ скуки; наконецъ я пріѣхалъ въ Петербургъ—и опять изнемогаю отъ скуки. Вездѣ чего-то недостаетъ, какъ будто вся жизнь не настоящая. И вино не настоящее, и Шнейдерша не настоящая, и пѣсни не настоящія, и любовь не настоящая, и авгуры не настоящіе, и ихъ рѣчи не настоящія. Словомъ сказать, жизнь идетъ словно плохое театральное представленіе. Какъ будто вотъ наняли актеровъ изъ Александринки и сказали имъ: представляйте комедію. Ну, они и вьютъ во снѣ веревки за приличное вознагражденіе.

Отчего дѣдушка Матвѣй Иванычъ могъ жуировать такъ, что

эта журировка не приводила его къ низапторіи, а я, его потомокъ, не могу вкусить ни отъ какого плода безъ того, чтобъ этотъ плодъ тотчасъ же не показался мнѣ прѣснымъ до отвращенія? Оттого ли, что въ развеселое житье Матвѣя Иваныча входилъ какой-нибудь особый, намъ неизвѣстный элементъ, котораго теперь не существуетъ и который даже однообразію сообщалъ извѣстнаго рода осмысленность? Или оттого, что мы, потомки дѣдушки Матвѣя Иваныча, лучше и развитѣе нашего пращура, что нашъ кругозоръ нѣсколько шире, и что, вслѣдствіе этого, мы не можемъ удовлетворяться тѣми дешевыми наслажденіями, которыя тѣшили нашихъ предковъ?

Вопросы эти какъ-то невольно пришли мнѣ на мысль во время моего вытрезвленія отъ похожденій съ дѣйствительными статскими кокодессами. А такъ какъ впредь до окончательнаго приведенія въ порядокъ желудка дѣлать мнѣ рѣшительно было нечего, то они меня заняли до такой степени, что я цѣлый вечеръ лежалъ на диванѣ и все думалъ, все думалъ. И долженъ сознаться, что результаты этихъ думъ были не особенно для меня лестны.

Элементы, которые могли оттѣнять внѣшнее однообразіе жизни дѣдушки Матвѣя Иваныча, были слѣдующіе: во-первыхъ, дворянскій интересъ; во-вторыхъ, сознаніе власти; въ-третьихъ, интересъ сельскохозяйственный; въ-четвертыхъ, моціонъ. Постараюсь разъяснить здѣсь, какую роль играли эти элементы въ томъ общемъ тонѣ жизни, который на принятомъ тогда языкѣ назывался журированіемъ.

Что ни говорите о дворянскомъ интересѣ, но онъ существовалъ. Содержаніе этого явленія было несложное и фальшивое (потому-то оно и улетучилось такъ легко), но что самое явленіе имѣло очень реальное существованіе—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Еще на нашей памяти дворянскія собранія были шумны и многолюдны, и хотя предметомъ ихъ было охраненіе только одного единственнаго права, но это единственное право обладало такою способностью проникать и окрашивать все, что къ нему ни прикасалось, что само по себѣ представляло, такъ сказать, цѣлый пантеонъ правъ. Говорятъ, что это было дурное и вредное право, и я, конечно, не стану возражать противъ этого. Но я веду рѣчь не о достоинствахъ права, а о томъ, въ какой мѣрѣ оно могло служить подспорьемъ для жизни. Дѣдушка Матвѣй Иванычъ не даромъ не пропускалъ ни одного собранія, не даромъ, періодически черезъ каждые три года, бушевалъ въ губери-

скомъ городѣ. Бушеваніе было для него не цѣлью, а символомъ. Онъ сознавалъ себя представителемъ *своего* права, но по случаю этого права предавался всякаго рода необузданностямъ, съ полною увѣренностью, что онѣ пройдутъ для него безнаказанно. Необузданность и безнаказанность были два понятія, которыя шли рядомъ и взаимно другъ друга оплодотворяли. Необузданность льстила грубому чувству сама по себѣ, а безнаказанность усложняла получаемое отъ необузданности удовольствіе и придавала ему нѣкоторую пикантность. Посмотрите: всѣ люди ходятъ опасно и жмутся къ сторонѣ, а дѣдушка Матвѣй Иванычъ одинъ во всякое время мчится вихремъ по улицамъ, разбиваетъ на голову полицію и бьетъ въ трактирахъ посуду! Какъ хотите, а такое обладаніе монополіей необузданности не могло не льстить чувству человѣка, не обладавшаго особенно утонченнымъ развитіемъ...

Сами по себѣ взятыя, такого рода удовольствія, даже въ глазахъ очень грубыхъ людей, не могли казаться ни особенно разнообразными, ни особенно умными. Я думаю, что непрерывное ихъ повтореніе повергло бы даже дѣдушку въ такое же уныніе, какъ и меня, если бы тутъ не было подстрекающей мысли о какихъ-то якобы правахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что эта подстрекающая мысль сказывалась на каждомъ шагу, напоминала о себѣ ежеминутно. Извѣстно, что наши предводители дворянства считали своимъ долгомъ пикироваться съ губернаторами и даже, по временамъ, подставлять имъ ножки. Еслибъ кто-нибудь взялъ на себя трудъ обстоятельно написать исторію этихъ пикировокъ, вышла бы очень интересная исторія, изъ которой всякій увидѣлъ бы, что это былъ просто глупый обычай, по поводу котораго можно только развести руками. Объ стороны лаяли въ буквальномъ смыслѣ этого слова, лаяли безсознательно, безпричинно, просто потому, что изстари такъ ужъ заведено. Но вѣдь дѣло не въ томъ, глупо или умно было содержаніе пикировки, а въ томъ, что вотъ ни одинъ курицынъ сынъ не смѣетъ ее производить, а я, имя рекъ, произвожу — и горя мнѣ мало. Конечно, и это опять-таки вносило въ жизнь нашихъ пращуровъ глупость сугубую, но такъ-какъ это была глупость предвзятая, то она невольнымъ образомъ получала всѣ свойства убѣжденія. Что можетъ быть глупѣе, какъ сдернуть скатерть съ виолинѣ сервированнаго стола, и тѣмъ не менѣе для человѣка, занимающагося подобными дѣлами, это не просто глупость, а молодечество и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, рыцарскій подвигъ, въ основѣ кото-

раго лежитъ убѣжденіе: *другіе* мимо этого самаго стола пробираются бокомъ, а *я* подхожу и прямо сдергиваю съ него скатерть! Такимъ образомъ, натѣшившись вдоволь въ губерніи, то-есть огласивши неслыханнымъ крикомъ собраніе и неслыханнымъ пьянствомъ гостиницы, напикировавшись съ губернаторомъ и кинувши подачку прочимъ чинамъ, наши пращуры возвращались въ свои дворянскія гнѣзда и предавались тамъ дворянскимъ удовольствіямъ. Удовольствія эти подробно указаны выше, при описаніи дня дѣдушки Матвѣя Ивановича, и несложность ихъ очевидна для всякаго. Но, несмотря на эту несложность, мысль, что онѣ дворянскія, играла роль масла, питающаго огонь. Человѣкъ вращался въ заколдованномъ кругѣ изо дня въ день на одинъ и тотъ же манеръ, но не падалъ духомъ и не роптамъ на судьбу, потому что былъ убѣжденъ, что вращаться такимъ образомъ—*сіе право* и въ то же время его долгъ. Да и однихъ ли пращуровъ нашихъ поддерживала подобная мысль при отбываніи скучнаго процесса жизни? Подите дальше, припомните всевозможные пріемы, церемоніи и приседанія, которыми кишитъ міръ, и вы убѣдитесь, что причина, вслѣдствіе которой они такъ упорно поддерживаются, не дѣлаясь постылыми для самихъ участвующихъ въ нихъ, заключается именно въ томъ, что въ основѣ ихъ непремѣнно лежитъ хоть подобіе какого-то представленія о правѣ и долгѣ.

Къ тому же наши пращуры въ упомянутомъ выше *своемъ правѣ* видѣли твердыню, и видѣли ее не безъ основанія. Дѣдушка Матвѣй Ивановичъ понималъ очень отчетливо, что ежели онъ твердъ въ вѣрѣ, то никто не только не тронетъ его, но и *не можетъ* тронуть. Онъ самъ сознавалъ себя твердыней, и кратковременные капризы его съ губернаторомъ были не больше, какъ обоюдное развлеченіе двухъ твердынь. А такъ какъ послѣднему это было такъ же хорошо извѣстно, какъ и дѣдушкѣ, то онъ, конечно, остерегся бы сказать, какъ это дѣлается въ странахъ, гдѣ особыхъ твердынь по штату не полагается: „я васъ, милостивый государь, туда турну, гдѣ Макаръ телятъ не гонялъ!“ —потому что дѣдушка на такой репримандъ, нимало не сумнясь, отвѣтилъ бы: „вы не осмѣлитесь этого сдѣлать, ибо я самъ государя моего отставной подпоручикъ!“ И губернаторъ навѣрное прикусилъ бы языкъ, потому что дѣдушкина твердость въ вѣрѣ была такова, что вошла даже въ пословицу. Припомнимъ, что въ ту пору не было ни эмансипаціи, ни вольнаго труда, ни вольной продажи вина и

вообще ничего такого, что̀ поселяетъ въ человѣческой совѣсти разладъ и зарождаетъ въ человѣкѣ печальныя думы о коловратности счастія. А коль скоро нѣтъ въ жизни разлада, то человѣкъ, даже безъ всякаго давленія фанатизма, имѣетъ вѣру сильную и стремительную. Онъ смотритъ въ одну точку, около которой располагаетъ и всѣ прочія подробности жизни. А такъ какъ эта точка не только существовала для нашихъ пращуровъ, но и составляла совершеннѣйшій пантеонъ, то человѣку, убѣжденному, что онъ находится въ самомъ центрѣ храма славы, весьма естественно было примиряться съ нѣкоторыми его недостатками, заключавшимися въ однообразіи представляемыхъ имъ наслажденій. И отъѣзжее поле, и потрясающая бедрами дѣвка Палашка, и даже хожденіе по комнатамъ, украшеннымъ шкапиками съ графинчиками—все это выносилось безропотно, потому что во всемъ этомъ видѣлся символъ, за которымъ пряталась идея о *правѣ* и *долгѣ*.

Мы, потомки дѣдушки Матвѣя Иваныча, никакихъ подобнаго рода интересовъ не имѣемъ. Мы какъ-то вдругъ онѣмѣли и убѣдились, что у насъ отъ *нашего* права не осталось ни капельки. Собранія наши малолюдны; мы не пикируемся, потому что пикироваться на манеръ пращуровъ не имѣемъ уже повода, а какимъ образомъ пикироваться на новый манеръ—еще не придумали. Съ другой стороны, мы не срываемъ скатертей съ сервированныхъ столовъ и не услаждаемся потрясаніями доморощенныхъ Палашекъ, потому что это слишкомъ дорого стоитъ. Для того, чтобы имѣть хоть призракъ тѣхъ удовольствій, которыми пользовались наши пращуры, мы должны ѣхать въ Петербургъ, и тамъ, въ складчину, по два рубля съ рыла, облизываться на Шнейдершу, qui se gratte les jambes et les hanches. Но вѣдь Шнейдерша—достояніе общее, а при общедоступности доставляемаго ею удовольствія кто же изъ насъ можетъ сказать: это *моя* Шнейдерша! какъ, бывало, говаривалъ дѣдушка Матвѣй Иванычъ: „это моя Палашка“? А въ возможности подобныхъ-то восклицаній и заключается тайна живучести тѣхъ несложныхъ удовольствій, которыя составляютъ удѣлъ нашъ. Вникните въ смыслъ этого восклицанія, вслушайтесь въ тонъ, которымъ оно сказано—и вы убѣдитесь, что тутъ звучитъ нѣчто большее, нежели просто удовлетворенная необузданность. Вы почувствуете, что Палашка была для дѣдушки не просто Палашкой, а олицетвореніемъ *его права*; что онъ,

услаждая свой взоръ ея потрясаніями, пріобрѣталъ не на два рубля съ рыла удовольствія, а сознавалъ удовлетвореннымъ свое чувство дворянина. А мы что? Мы даже m-lle Филиппо не можемъ заставить спѣть „L'amour—ce n'est que cela", ежели этой нѣсенки не значится въ афишахъ. Да если бы и имѣли возможность заставить—что же потомъ? Или, быть можетъ, есть у насъ, кромѣ m-lle Филиппо и ея нѣсенокъ, и другіе какіе-нибудь интересы, какъ напримѣръ: ужинъ съ шампанскимъ у Дюссо, устрицы съ шампанскимъ у Елисеева и нумеръ въ гостинницѣ для отдохновенія отъ пьяно-проведенной ночи?

Понятно, что мы разочарованы и нигдѣ не можемъ найти себѣ мѣста. Мы не выработали ни новыхъ интересовъ, ни новыхъ способовъ жуировать жизнью, ни того, ни другого. Старые интересы улетучились, а старые способы жуировать жизнью остались во всей неприкосновенности. Очевидно, что при такомъ положеніи вещей не помогутъ намъ никакія кривляніи, хотя бы они производились даже съ талантливостью m-lle Schneider.

Вторымъ оттѣняющимъ жизнь элементомъ было сознаніе власти. Чтобы понять всю важность этого элемента, представьте себѣ безсребренника квартальнаго надзирателя, обяжите его съ утра до вечера распоряжаться на базарѣ и оставьте при немъ только сладкое сознаніе исполненныхъ обязанностей. Навѣрное онъ въ самый короткій срокъ выйдетъ въ отставку. „Помилуйте, скажетъ,—изъ-за чего тутъ биться! и грошей не собирать, да еще какія-то обязанности наблюдать! развѣ съ ними, чертями, такъ можно!" Но скажите тому же квартальному: „Другъ мой! на тебя возложены важныя и скучныя обязанности; но для того, чтобы исполненіе ихъ не было слишкомъ противно, дается тебѣ въ руки власть" — и вы увидите, какъ онъ воспрянетъ духомъ и какихъ надѣлаетъ чудесъ! Увы! какъ ни малоплодотворно занятіе, формулируемое выраженіемъ: „гнуть въ баранiй рогъ", но при отсутствіи другихъ занятій, при отчаянномъ однообразіи общаго тона жизни, и оно освѣжаетъ. Дѣдушка Матвѣй Иванычъ говаривалъ: „когда я иду, то земля подо мной дрожитъ" —и радовался этому обстоятельству. Конечно, это была радость неразвитого человѣка, но это была настоящая, заправская радость, и отвергать возможность ея нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,

—сказалъ поэтъ, а дѣдушка мой, съ своей стороны, могъ прибавить: „есть наслажденіе и въ сѣченіи“, разумѣя подъ этимъ, впрочемъ, не самый процессъ сѣченія, а принципъ его. Конечно, мы, по чувству учтивости, отвергаемъ такого рода наслажденія, но такъ какъ они существовали на нашей памяти, то понимать ихъ, все-таки, можемъ. Если мы въ настоящее время и сознаемъ, что желаніе властвовать надъ ближними есть признакъ умственной и нравственной грубости, то кажется, что сознаніе это пришло къ намъ путемъ только теоретическимъ, а подонлека паша и теперь врядъ-ли далеко ушлаотъ этой грубости. Всякій вслухъ глумится надъ позывами властности, но всякій же про себя держитъ такую рѣчь: „а вѣдь, еслибъ только пустили, какого бы я звону задалъ!“ Я думаю даже, что большая часть нашихъ горестей отъ того происходитъ, что намъ не надъ кѣмъ и не надъ чѣмъ властвовать. А дѣдушкѣ Матвѣю Ивановичу было надъ чѣмъ и надъ кѣмъ повластвовать, и онъ понималъ себя въ этомъ отношеніи не пятымъ колесомъ въ колесницѣ и не отставнымъ козы барабанщикомъ. Смотритъ онъ, напримѣръ, на дѣвку Палашку, какъ она коверкается, и въ то же время если не формулируетъ, то всѣмъ существомъ сознаетъ: „я съ этой Палашкой что хочу, то и сдѣлаю: захочу—косу обстригу, захочу—за Антинку-пастуха замужъ выдамъ“.

— Палашка! хочешь за пастуха Антинку замужъ?

— Помилуйте, баринъ! чѣмъ же я провинилась? кажется, стараюсь!

— А ну, Христосъ съ тобою, пляши!

И Палашка ожесточеніе прежняго упирала руки въ боки, прыгала, крутилась, взвизгивала, а дѣдушка посматривалъ на ея плясательные пароксизмы и думалъ про себя: „Однако важно я ее, поганку, напугалъ!“

И такимъ образомъ въ общее однообразіе жизни прокрадывалась новая стихія, которая ее оживляла и скрашивала.

Мы, потомки дѣдушки Матвѣя Ивановича, лишены даже такого сорта оживляющихъ эпизодовъ.

— *Мы курить не можемъ сдѣлать зла!* ma parole!—говорилъ мнѣ на дняхъ мой другъ Сеня Бирюковъ:—объясни же мнѣ, ради Христа, какого рода роль мы играемъ въ природѣ?

И я ничего не могъ ни выразить, ни объяснить, ибо знаю, что,

по утвердившемуся на улицѣ понятію, обладаніе властью дѣйствительно равносильно возможности гнуть въ баранiй рогъ, и что въ этомъ смыслѣ мы точно никакой власти не имѣемъ. Или, быть можетъ, мы имѣемъ ее въ какомъ-нибудь другомъ смыслѣ?... Risum teneatis, amici!

Но если такое убѣжденіе объ утраченной властности уже укоренилось въ насъ, то, очевидно, намъ остается пести иго жизни безъ всякаго сознанія, что мы что-нибудь можемъ, и, напротивъ того, съ полнымъ и горькимъ сознаніемъ, что съ нами все совершить можно. Мы такъ и поступаемъ. Конечно, съ нашей стороны это очень большая добродѣтель, и мы имѣемъ-таки право утѣшать себя мыслью, что дальше отъ властности—дальше отъ зла; но вѣдь вопросъ не о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя отрицательнымъ путемъ очень легко достаются, а о той скукѣ, о тѣхъ жизненныхъ неудобствахъ, которыя составляютъ естественное послѣдствіе всякой страдательной добродѣтели. У меня былъ очень добродѣтельный дяденька, который служилъ засѣдателемъ въ судѣ и которому именно за добродѣтель его было велѣно подать въ отставку. Я живо помню, что когда это случилось, то не только самъ дяденька, но и всѣ родные были въ неописанномъ волненіи.

— Мухи не обидѣлъ!—говорилъ дяденька.

— Мухи не обидѣлъ!—восклицали родные.

— Мухи не обидѣлъ!—шептались между собой дворовые.

— Мухи не обидѣлъ!—разсуждали дяденькины сослуживцы.

Это было, дѣйствительно, сладкое сознаніе; но кончилось дѣло. все-таки, тѣмъ, что дяденька же долженъ былъ всѣхъ приходившихъ къ нему съ выраженіями сочувствія угощать водкой и пирогомъ. Такъ и умеръ съ сладкою увѣренностью, что не обидѣлъ мухи и что за это, именно за это долженъ былъ выйти въ отставку.

Не то же ли явленіе повторяется теперь надо мною? Дѣдушка Матвѣй Иванычъ обидѣлъ многихъ—и жилъ! Я, его внукъ, клянусь честью, именно мухи не обидѣлъ—и чувствую себя находящимся отъ жизни въ отставкѣ! За что?

За что? вникните въ этотъ вопросъ: вспомните, что его повторяютъ многія тысячи людей, и разсудите, каковы должны быть люди, у которыхъ не выработалось никакихъ другихъ вопросовъ, кромѣ: за что?

Третье подспорье—интересъ сельско-хозяйственный. Надобно сознаться, что интересъ этотъ во времена дѣдушки былъ обставленъ очень рутинно и самъ по себѣ занималъ нашихъ предковъ весьма умѣренно. Но они самими условіями жизни были поставлены въ центрѣ хозяйственной сутолоки, и потому волею-неволею не могли оставаться ей чуждыми. Не было рѣчи ни объ улучшеніяхъ, ни о преимуществахъ той или другой системы, ни о замѣнѣ человѣческаго труда машиннымъ (объ исключеніяхъ, разумѣется, я не говорю), но была безконечная ходьба, неумолкаемое галдѣніе, понуканіе и помыканіе во всѣхъ видахъ и наконецъ та надоѣдливая придирчивость, которая положила основаніе пословицѣ: свой глазокъ-смотрокъ. Этотъ „глазокъ-смотрокъ“ очень мало видѣлъ, но смотрѣлъ, дѣйствительно, много, и этого было достаточно, чтобъ наполнить время всевозможными распорядительными подробностями. Наши прадуры не хозяйничали въ собственномъ смыслѣ этого слова, а „спрашивали“. Дѣдушка Матвѣй Иванычъ такъ разсуждалъ: распорядиться работами—дѣло приказчика и старосты, а мое дѣло—съ нихъ „спросить“. И дѣйствительно, „спрашивалъ“ много, хотя въ этомъ „спрашиваньи“ первое мѣсто, конечно, занимала случайность. Поѣдетъ, бывало, дѣдушка въ бѣговыхъ дрожкахъ на пашню, наѣдетъ на прошашку или на комъ нетронутой бороной земли —и „спросить“. Пойдетъ на гумно, захватитъ въ горсть мякины, усмотритъ въ ней невывѣянныя зерна—и онять „спросить“. Все въ этомъ *хозяйничаньи* основывалось на случайности, на томъ, что дѣдушка захватывалъ ту, а не другую горсть мякины; но эта случайность составляла одинъ изъ тѣхъ жизненныхъ эпизодовъ, совокупность которыхъ заставляла говорить: въ сельскомъ хозяйствѣ вздохнуть некогда: сельское хозяйство такое дѣло, что только на минутку ты отъ него отвернись, такъ оно тебя рублемъ по карману наказало. Допустимъ, что это было самообольщеніе; но вѣдь вопросъ не въ томъ, правильно или неправильно смотритъ человѣкъ на дѣло своей жизни, а въ томъ, есть ли у него хотя какое-нибудь дѣло, около котораго онъ можетъ держаться. Дѣдушка, напримѣръ, слылъ однимъ изъ лучшихъ хозяевъ въ губерніи, а между тѣмъ я положительно знаю, что онъ ни бельмеса не смыслилъ въ хозяйствѣ, то-есть пахалъ и сѣялъ тамъ (земли-дескать вдоволь, рабочія руки даромъ—все же хоть полтора зерна да уродится!), гдѣ нынче ни одинъ человѣкъ со смысломъ пахать и сѣять

не станетъ. Но онъ умѣлъ „спрашивать“, и въ этомъ заключалась вся тайна его репутаціи. И эта потребность „спрашивать“ не сосредоточивалась на одномъ хозяйствѣ, но преслѣдовала его всюду, окрашивала всю остальную его дѣятельность, сообщая ей характеръ неумолкающей суеты. Онъ вездѣ „спрашивалъ“, вездѣ являлъ себя энциклопедистомъ. И хоть эта суета, въ концѣ концовъ, не созидала и сотой доли того, что она могла бы создать, еслибы была примѣнена болѣе осмысленнымъ образомъ, но она помогала жить и до извѣстной степени оттѣняла ту вещь, которая извѣстна подъ именемъ жупровки и которую—безъ этихъ вспомогательныхъ средствъ—слѣдовало бы назвать смертельною тоской.

Мы, потомки дѣдушки Матвѣя Иваныча, рѣшительно никакихъ хозяйственныхъ интересовъ не имѣемъ. Зачѣмъ, спрашиваю я васъ, пойду я на пашню или на гумно? Съ кого я „спрошу“? А вѣдь и у меня, точно также какъ и у дѣдушки, кромѣ „спрашиванья“, никакихъ другихъ распорядительныхъ средствъ по части сельскаго хозяйства не имѣется. Поэтому, если мнѣ и случается какъ-нибудь заблудиться на гумнѣ, то я отнюдь не позволяю себѣ прикоснуться ни къ мякинѣ, ни къ провѣянному зерну. Къ чему? вѣдь это любопытство только растравитъ мои раны! И заочно я совершенно увѣренъ, что провѣянное зерно содержитъ въ себѣ на половину мякины, а, напротивъ, мякина содержитъ на половину невывѣяннаго зерна—зачѣмъ же я буду удостовѣряться въ этомъ? Лучше я буду сидѣть и вздыхать. Вздыхать—это мое право, и я тѣмъ съ бо́льшимъ увлеченіемъ пользуюсь имъ, что это единственное право, которое я самъ выработалъ и котораго никто у меня не отниметъ. Въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли: я не только не меньше дѣдушки знаю толкъ въ сельскомъ хозяйствѣ, но даже нѣсколько больше, а между тѣмъ дѣдушка ежегодно ставилъ цѣлый городъ скирдовъ, а у меня на гумнѣ всего два скирдочка стоятъ, да и тѣ какіе-то растрепанные и накренившіеся на бокъ. А все отчего? А оттого, милостивые государи, что какъ у меня, такъ и у дѣдушки, главное основаніе сельскохозяйственныхъ распоряженій, все-таки, не что иное, какъ система „спрашиванія“, съ тою лишь разницей, что дѣдушка могъ „спрашивать“, а я не могу. Слѣдовательно мнѣ и хозяйничать нечего, а надлежитъ все бросить и какъ можно скорѣе ѣхать въ столичный городъ Петербургъ и тамъ наслаждаться нѣніемъ дѣвицы Филиппо, проглатываніемъ у

Елисеева устрицъ и истребленіемъ шампанскихъ винъ Дюссо до тѣхъ поръ, пока глаза не сдѣлаются налитыми и вполнѣ круглыми.

Затѣмъ четвертый оттѣняющій жизнь элементъ—моціонъ... Но права на моціонъ, повидимому, и мы не утратили, а потому я и оставляю этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія. Не могу, однакожъ, не замѣтить, что и этимъ правомъ мы пользуемся до крайности умѣренно, потому что, собственно говоря, и ходить намъ некуда и незачѣмъ, просто же идти куда глаза глядятъ—все еще какъ-то совѣстно.

Такимъ образомъ, вопросъ, отчего насъ такъ скоро утомляютъ тѣ несложныя удовольствія, которыя нимало не пресыщали нашихъ предковъ, отчасти разъясняется. Но, написавши изложенное выше, я невольнымъ образомъ спрашиваю себя: ужели перо мое начертало апологію добраго стараго времени—апологію тѣхъ патріархальныхъ отношеній, которыя такъ картинно выражались въ крѣпостномъ правѣ?

Не пугайся, однакожъ, о, слишкомъ либеральный читатель! Рѣчь идетъ вовсе не о томъ. Жаль не крѣпостного права, а жаль того, что право это, несмотря на его упраздненіе, еще живетъ въ сердцахъ нашихъ. Отрѣшившись отъ него внѣшнимъ образомъ, мы не выработали себѣ ни бодрости, составляющей первый признакъ освобожденнаго отъ путъ человѣка, ни новыхъ взглядовъ на жизнь, ни болѣе притязательныхъ требованій къ ней, ни новаго права, а просто-напросто успокоились на одномъ формальномъ признаніи факта упраздненія. Развѣ этимъ все сказано? Развѣ это конецъ, а не начало?

Затѣмъ я предоставляю каждому по собственному усмотрѣнію разрѣшить второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ: насколько мы лучше нашихъ пращуровъ и насколько съумѣли расширить нашъ кругозоръ? Я же, съ своей стороны, могу разрѣшить этотъ вопросъ лишь слѣдующимъ образомъ:

Да, мы лучше нашихъ пращуровъ. Но лучше не сами по себѣ, а потому что мы отцы дѣтей нашихъ, которыя несомнѣнно будутъ лучше и нашихъ пращуровъ, и насъ.

Совершенно свѣжій и трезвый я вышелъ на улицу съ твердымъ намѣреніемъ идти на всѣ четыре стороны, какъ при самомъ выходѣ, на крыльцѣ, меня застигъ Прокопъ.

— Такъ вотъ онъ гдѣ!—загремѣлъ онъ своимъ лающимъ голосомъ: —ну, батюшка, задали вы намъ задачу!

Признаюсь, при звукѣ этого голоса я струсилъ. Вотъ, думаю, сейчасъ схватитъ онъ меня въ охапку и опять потащитъ къ Елисееву!

— Мы думали, что онъ тихимъ манеромъ концессію выслѣживаетъ, а онъ, прошу покорно, Шнейдершу изучаетъ! Видѣли, батюшка, видѣли!

— Да, кстати... а ваши дѣла по концессіи?

— Ну ихъ!

Прокопъ вдругъ заволновался, и нѣсколько секундъ я думалъ, что у него отъ гнѣва сперло въ зобу дыханіе.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, какая со мной штука случилась!—воскликнулъ онъ наконецъ:—все дѣло ужъ было на мази, и денегъ я съ три пропасти разсорилъ, вдругъ—хлопъ рѣшеніе: вести отъ Изюма дорогу несвоевременно! Это отъ Изюма!

— Гм... да... Изюмъ.. это...

— Одно слово: Изюмъ! Только назови—всякій пойметъ! Да вѣдь кому у насъ понимать-то? вы вотъ что мнѣ скажите! Кому понимать-то?

Я чувствовалъ, что вотъ-вотъ Прокопъ сейчасъ ударится въ либерализмъ, и какъ-то инстинктивно прошепталъ:—prenez garde... on peut nous entendre...

— Ну ихъ! боюсь я ихъ, что-ли! Но мнѣ, сколько хочешь подслушивай! Такъ вотъ, сударь, какія дѣла у насъ дѣлаются!

— Ну, и что жъ теперь?

— Теперь я другую линію повелъ. Желѣзнодорожную-то часть бросилъ. Я свое дѣло сдѣлалъ, указалъ на Изюмъ—нельзя!—стало быть, куда хочешь, хоть къ чорту-дьяволу дороги веди—мое дѣло теперь сторона! А я нынче по административной части гусара запустилъ. Хочу въ губернаторы. Съ такими, скажу вамъ, людьми знакомство свелъ — отдай все да и мало!

— А что?

— Да ужъ шабашъ! Одно скверно—скучно очень, да и водки не подаютъ. Не хотите ли, я васъ сегодня вечеромъ представлю? Сегодня въ одномъ мѣстѣ проектъ „объ уничтоженіи“ читать будутъ.

— Объ уничтоженіи чего же?

— Ну... чего? разумѣется, всего. И мировые суды чтобъ уничтожить, и окружные суды чтобы по боку, и земство по шапкѣ. Словомъ сказать, чтобы ширь да высь—и больше ничего!

— Что вы! да вѣдь это цѣлая революція!

— А вы какъ объ этомъ полагали? Мы вѣдь не нѣмцы, помаленьку не любимъ! Вонъ головорѣзы-то—слышали, чай?—милліонъ триста тысячъ головъ требуютъ, ну, а мы, имъ въ пику, сорокъ милліоновъ поясницъ заполучить желаемъ.

Прокопъ, сказавъ это, залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ. Этотъ смѣхъ—именно драгоцѣннѣйшее качество, за которое рѣшительно нѣтъ возможности не примириться съ нашими кадыками. Не могутъ они злокозиствовать серьезно—сейчасъ же сами свои козни на смѣхъ поднимутъ. А если который и начнетъ серьезничать, то навѣрное такую глупость сморозитъ, что тутъ же его въ шуты произведутъ, и пойдетъ онъ ходить всю жизнь съ надписью: „гороховый шутъ".

— Однако это любопытно!

— Еще какъ любопытно-то, умора! Нынче прожекты-то эти въ модѣ: всѣ пишутъ. Одинъ пишетъ о сокращеніи, другой—о расширеніи. Недавно одинъ изъ нашихъ даже прожектъ о разстрѣляніи прислалъ—право!

— И что жъ?

— На виду! Говорятъ: горяченько немного, однако кой-чѣмъ позаимствоваться можно.

— Стало быть и вы...

— Еще бы. И я прожектъ о расточеніи написалъ. Вѣдь и мнѣ, батюшка, пирожка-то хочется! Не удалось въ одномъ мѣстѣ—пробую въ другомъ. Тамъ побываю, въ другомъ мѣстѣ прислушаюсь—смотришь, анъ помаленьку и привыкаю фразы-то округлять. Я нынче по очереди каждодневно въ семи домахъ бываю, и вездѣ только и дѣла дѣлаю, что прожекты объ уничтоженіи выслушиваю.

Говоря такимъ образомъ, мы вышли на Невскій проспектъ и поровнялись съ Домиником.

— Зайти развѣ?—пригласилъ Прокопъ: — вѣдь я съ тѣхъ поръ, какъ изюмскую-то линію порѣшили, къ Елисееву—ни-ни! Ну его! А у Доминика, я вамъ доложу, кулебяки на гривенникъ съѣшь да огня на гривенникъ проглотишь—и правъ! Только вотъ мерзлаго сига въ кулебяку кладутъ—это скверно!

— Признаюсь, не хотѣлось бы заходить. Все ѣшь да ѣшь... Голова какъ-то...

— Да развѣ возможно не пить! Вотъ хоть бы то мѣсто, куда мы сегодня поѣдемъ, развѣ нашъ братъ можетъ тамъ хоть одинъ часъ пробыть, не подкрѣпившись заранѣе? Скучища адская, а развлеченіе—одинъ чай. Кабы, кажется, не надежды мои на полученіе—ни одной минуты въ этомъ постыломъ мѣстѣ не остался бы!

Согласился. Съѣли по два куска кулебяки; выпили по двѣ рюмки водки.

— Да обѣдаемъ вмѣстѣ! Тутъ же, не выходя, и исполнимъ все, что̀ долгъ повелѣваетъ! Скверно здѣсь кормятъ—это такъ. И масло горькое, и салфетки какія-то... особливо вонъ та, въ углу, что̀ ножи обтираютъ... Ну, батюшка, да вѣдь за рублякъ—не прогнѣвайтесь!

Однимъ словомъ, день пошелъ своимъ чередомъ...

Вечеромъ Прокопъ заставилъ меня надѣть фракъ и бѣлый галстухъ, а въ десять часовъ мы уже были въ салонахъ князя Оболдуй-Тараканова.

Раутъ былъ въ полномъ разгарѣ; въ гостиной стоялъ говоръ: лакеи безшумно разносили чай и печенье. Насъ встрѣтилъ хозяинъ, который, послѣ первыхъ же рекомендательныхъ словъ Прокопа, произнесъ:

— Радъ-съ. Намъ, консерваторамъ, не мѣшаетъ какъ можно тѣснѣе стоять другъ около друга. Мы страдали изолированностью—и это насъ погубило. Наши противники сходились между собою, обмѣнивались мыслями—и въ этомъ обмѣнѣ нашли свою силу. Воспользуемся же этою силой и мы. Я теперь принимаю *всѣхъ*, лишь бы эти *всѣ* гармонировали съ моимъ образомъ мыслей; *всѣхъ*... vous concevez? Я впрочемъ надѣюсь, что вы консерваторъ?

Признаюсь, я такъ мало до сихъ поръ думалъ о томъ, консерваторъ я или прогрессистъ, что чуть-было не опѣшилъ передъ этимъ вопросомъ. Притомъ же фраза: „Я теперь принимаю *всѣхъ*“, какъ-то странно покоробила меня. „Вотъ,—мелькнуло у меня въ головѣ,—скотина! заискиваетъ, принимаетъ, и тутъ же считаетъ долгомъ дать почувствовать, что ты въ его глазахъ не больше, какъ—*всѣ*!“ Вотъ это-то собственно и называется у насъ „сближеніемъ“. Одинъ принимаетъ у себя другого, и думаетъ: „съ какимъ бы я наслажде-

ніемъ вышвырнулъ тебя, курицына сына, за окно, кабы"... а другой сидитъ и тоже думаетъ: съ какимъ бы я наслажденіемъ плюнулъ тебѣ, гнусному мыжику, въ лицо, кабы"... Представьте себѣ, что этого „кабы" не существуетъ—какой обмѣнъ мыслей вдругъ произошелъ бы между собесѣдниками! Быть можетъ, соображенія мои пошли бы и дальше по этому направленію, но, къ счастью для меня, я встрѣтилъ строгій взоръ Прокопа и поспѣшилъ на скорую руку сказать:

— Mais oui! mais comment donc! mais certainement!

Затѣмъ послѣдовало представленіе княгинѣ и какому-то крошечному старичку (дядѣ хозяина), который сидѣлъ отдѣльно на длинномъ креслѣ и имѣлъ видъ черемисскаго божка, которому вымазали красною глиною щеки и вмѣсто глазъ вставили можжевеловыя ягодки.

Картина, представлявшаяся моимъ глазамъ, была слѣдующаго рода. Хозяинъ постоянно былъ на ногахъ и переходилъ отъ одной группы бесѣдующихъ къ другой. Это былъ человѣкъ довольно высокій, тощій и совершенно прямой, но возраста его я и теперь опредѣлить не могу. Скорѣе всего, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей безъ возраста, какихъ въ настоящее время встрѣчается довольно много и которые, едва покинувъ школьную скамью, уже смотрятъ государственными младенцами. Физіономія его имѣла что-то кислонадменное; рѣчь и движенія были сдержанны и какъ бы брезгливы. Очевидно, тутъ все держалось очень усиленною внѣшнею выправкой, скрывавшей то внутреннее недоумѣніе, которое обыкновенно отличаетъ людей раздраженныхъ и въ то же время не умѣющихъ себѣ ясно представить причину этого раздраженія. Подобнаго рода выправка очень многими принимается за серьезность и представляетъ весьма значительное вспомогательное средство при составленіи карьеры. Княгиня, женщина видная, очень красивая, сидѣла за особымъ établissement, около котораго ютились какіе-то попошенные люди, имѣвшіе видъ государственныхъ семинаристовъ. Одинъ изъ нихъ объяснялъ на французскомъ діалектѣ вопросъ о соединеніи церквей, причемъ слегка касался и того, въ какомъ отношеніи должна находиться Россія къ догмату о папской непогрѣшимости. Тутъ же сидѣлъ французскій attaché, изъ породы брюнетовъ, который ѣлъ княгиню глазами и ждалъ только конца объясненій по церковнымъ вопросамъ, чтобы въ свою очередь объяснить княгинѣ мотивы, побудившіе императора Наполеона III начать мексиканскую войну. Гости сидѣли и стояли

группами въ три-четыре человѣка, и между ними я замѣтилъ нѣсколько кадыковъ, которыхъ видѣлъ у Елисеева и которые вели себя теперь необыкновенно солидно. Въ слѣдующей комнатѣ мелькали женскія фигуры (то были сестры хозяина и ихъ подруги) въ перемежку съ безбородыми молодыми людьми, имѣвшими видъ ососовъ. По временамъ оттуда долеталъ сдержанный смѣхъ, обыкновенно сопровождающій такъ-называемыя невинныя игры. Я сталъ около дверей и увидѣлъ странное зрѣлище. По срединѣ комнаты стоялъ старикъ-французъ, который съ полуномѣшаннымъ видомъ декламировалъ:

Petit oiseau! qui es-tu?

И затѣмъ, отъ лица птички, отвѣчалъ, что она—l'envoyé du ciel, родилась dans les airs и т. д. Затѣмъ предлагалъ опять вопросъ:

Petit oiseau! où vas-tu?

И опять объяснялъ, что она летитъ, чтобы утѣшить молодую мать, отереть слезы невинному младенцу, наполнить радостью сердце поэта, пропѣть узнику вѣсть о его возлюбленной и т. д.

Petit oiseau! que veux-tu?

— Charmant—восклицала молодая особа:—monsieur Connot! mais récitez-nous donc quelque chose de „Zaïre"!

— „Zaïre", mesdames,—началъ мсьё Конно, становясь въ позу: —c'est, comme vous le savez, une des meilleures tragédies de Voltaire...

Но я уже не слушалъ далѣе. Увы! не прошло еще четверть часа, а мнѣ казалось, что теперь самое настоящее время пить водку.

Тѣмъ не менѣе, я переломилъ себя и посѣшилъ примкнуть къ группѣ, въ которой находился хозяинъ.

— Ваше мнѣніе, messieurs,—говорилъ онъ,—вотъ насущная потребность нашего времени; вы—люди земства; вы—дѣйствительная консервативная сила Россіи. Вы, наконецъ, стоите лицомъ къ лицу съ народомъ. Мы безъ васъ—selon l'aimable expression russe —ни взадъ, ни впередъ. Только теперь начинаетъ разъясняться, сколько бѣдствій могло бы быть устранено, если бы были выслушаны *лучшіе люди* Россіи!

— „Излюбленные“, ваше сіятельство!—осклабился какой-то государственный семинаристъ.

— Именно „излюбленные“!—c'est le mot! Vous savez, messieurs, que du temps de Jean le Terrible il y avait de ces gens qu'on qualifiait d' „izlioublenny“, et qui, ma foi, ne faisaient pas mal les affaires du feu tzar!

— А что тамъ у насъ дѣлается, князь, кабы вы изволили видѣть—чудеса!—доложилъ почтительнымъ басомъ Прокопъ:—народъ спили, рабочихъ взять негдѣ, хозяйство поросали... Смотрѣть, ваше сіятельство, больно!

— Не отчаивайтесь... ne perdez pas courage! Русскій народъ добръ... au fond, notre peuple est excellent! Впрочемъ я уже давно все предвидѣлъ и изложилъ въ моей запискѣ объ „устраненіи“... Теперь я кончаю мой другой трудъ объ „уничтоженіи“, который, я надѣюсь... Къ сожалѣнію, я не могу сегодня представить его на вашъ судъ, потому что недостаетъ нѣсколько штриховъ. Но у меня есть другой небольшой трудъ, который я, немного погодя, lorsque nous serons au complet, буду имѣть честь прочесть вамъ.

— Нѣтъ, вы скажите, ваше сіятельство, куда это насъ приведетъ?

— Боюсь сказать, но думаю выразить мысль, общую намъ всѣмъ: мы быстрыми, но твердыми шагами приближаемся... en un mot, nous dansons sur un volcan!

— Да еще на какомъ волканѣ-то, князь! Вѣдь это точь-въ-точь лихорадка: то посредники, то акцизные, то судьи, а теперь даже всѣ вмѣстѣ! Конечно, вамъ отсюда этого не видно...

— Но поэтому-то мы и просимъ васъ, messieurs: выскажитесь! дайте услышать вашъ голосъ! Expliquez-nous le fin mot de la chose—et alors nous verrons... По крайней мѣрѣ я убѣжденъ, что еслибъ каждый помѣщикъ прислалъ свой проектъ... mais un tout petit projet!.. согласитесь, что это не трудно! Вы какого объ этомъ мнѣнія?—внезапно обратился князь ко мнѣ...

— Mais oui! mais comment donc! un tout petit projet! Mais avec plaisir!—на скорую руку выговорилъ я, и вслѣдъ затѣмъ употребилъ очень ловкій маневръ, чтобы незамѣтнымъ образомъ отдѣлиться отъ этой группы и примкнуть къ другой.

— Куда мы идемъ?—слышалось въ этой другой группѣ:—къ чему приближаемся?

— И это та самая Россія, которая двадцать лѣтъ тому назадъ цвѣла! Pauvre chère patrie!

— Тогда каждый крестьянинъ по праздникамъ щи съ говядиной ѣлъ! пироги! А нынче, попробуйте-ка спросить, на сколько дворовъ одна корова приходится?

— Comment? Comment dites-vous?—послышался голосъ хозяина:— прежде мужики ѣли щи съ говядиной?.. vous en êtes bien sûr?

— Точно такъ, ваше сіятельство. Въ моемъ собственномъ имѣніи такъ было. А въ храмовые праздники даже утокъ рѣзали!

— Ссс... А теперь, вы говорите, одна корова на нѣсколько дворовъ?

— Это вѣрно-съ. Да что же тутъ мудренаго, ваше сіятельство! Сначала посредники, потомъ акцизные, потомъ судьи. Вѣдь это почти лихорадка-съ! вотъ вы недавно оттуда; какъ вы объ этомъ думаете?

— Я... что жъ... я, конечно... Mais oui! mais comment donc! mais certainement!—пробормоталъ я опять на скорую руку и тутъ же предпринялъ маневръ, чтобы какъ-нибудь примкнуть къ третьей группѣ.

— Народъ безъ религіи—все равно, что тѣло безъ души,— пискнулъ какой-то сѣдовласый младенецъ:—отнимите у человѣка душу, и тѣло перестаетъ фонксіонировать, дѣлается бездушнымъ трупомъ; точно такъ же, отнимите у народа религію—и онъ внезапно погрязаетъ въ пучинѣ апатіи. Онъ перестаетъ воздѣлывать поля, становится непочтителенъ къ старшимъ, и въ своемъ высокомѣріи возвышаетъ заработную плату до такихъ размѣровъ, что предпринимателю ничего больше не остается, какъ оставить свои плодотворные прожекты и идти искать счастья ailleurs!

— Куда мы идемъ? вотъ что вы объясните намъ!

— Безъ религіи, безъ авторитетовъ, безъ истиннаго знанія куда же можно придти, кромѣ... Но я не произношу этого страшнаго слова; я просто зажмуриваю глаза и говорю: Dieu. qui mène toutes choses à bien ne laissera pas périr notre chère et sainte Russie... нашу святую, православную Русь, messieurs!

Тутъ ужъ я самъ не выдержалъ и произнесъ:

— Mais oui! mais comment donc! mais certainement!

При этомъ перерывѣ сѣдовласый младенецъ посмотрѣлъ на меня

такъ изумительно, какъ будто я оскорбилъ его. Взоръ его совершенно явственно говорилъ: qu'est-ce qu'il veut, cet intrus, avec son „comment donc“! Я вспомнилъ недавнія слова хозяина: „теперь мы принимаемъ *всѣхъ*“, и въ умѣ моемъ опять мелькнуло: „скотина!“ Нечего и говорить, что я сейчасъ же поспѣшилъ осчастливить своимъ присутствіемъ четвертую группу.

— Земледѣліе уничтожено, промышленность чуть-чуть дышитъ (прошедшимъ лѣтомъ, въ мою бытность въ уѣздномъ городѣ, мнѣ понадобилось пришить пуговицу къ пальто, и я буквально—à la lettre!—не нашелъ человѣка, который взялъ бы на себя эту операцію!), въ торговлѣ застой... Скажите, куда мы идемъ?

Въ отвѣтъ слышатся вздохи.

— Я, впрочемъ, десять лѣтъ тому назадъ предвидѣлъ это. Я уже тогда всѣмъ и каждому говорилъ: messieurs! мы стоимъ у подошвы волкана! Остерегитесь, ибо еще шагъ—и мы будемъ на вершинѣ опаго!

— Mais oui! mais certainement! mais comment donc!—отвѣчаетъ кто-то за меня, покуда я маневрирую къ пятой группѣ.

— И чего церемонятся съ этою паскудною литературой!—слышится въ этой группѣ:—вѣдь это, наконецъ, неслыханно!

— А судъ, ваше превосходительство, между тѣмъ оправдываетъ-съ!

— Ахъ! этотъ судъ! вотъ онъ гдѣ у меня сидитъ! Этотъ судъ!!

— Я, ваше превосходительство, записку составилъ, гдѣ именно доказываю, что въ литературѣ нашей, со смерти Булгарина, ничего кромѣ тлетворнаго направленія не существуетъ-съ.

— Тлетворное—c'est le mot! Cest un malfaiteur qui tue par sa nauséabonde puanteur! Я со времени покойнаго Николая Михайловича (c'était le bon temps!) ничего не читаю, но на дняхъ мнѣ для курьеза прочитали пять строкъ... всего пять строкъ. И клянусь вамъ Богомъ, что я увидѣлъ тутъ все: и дискредитированіе власти, и презрѣніе къ обществу, и насмѣшку надъ религіей, и космополитизмъ, и восхваленіе соціализма... Ma parole, c'était tout un petit cosmos d'immondices de tout genre!

— Я, ваше превосходительство, именно эту самую мысль въ моей запискѣ провожу-съ!

— И прекрасно дѣлаете, другъ мой! Надобно, непремѣнно на-

добно, чтобы люди бодрые, сильные, спасали общество отъ растлѣвающихъ людей! И какихъ тамъ еще идей нужно, когда вокругъ насъ все, съ Божьею помощью, цвѣтетъ и благоухаетъ! N'est-ce pas, mon jeune ami?

Увы! вопросъ этотъ относился опять ко мнѣ, и я опять не нашелъ никакого отвѣта, кромѣ:

— Mais oui! mais comment donc! mais certainement!

Къ счастію, въ это время въ гостиной раздалось довольно громогласное „шш“. Я обернулся и увидѣлъ, что хозяинъ сидитъ около одного изъ столовъ и держитъ въ рукахъ исписанный листъ бумаги.

— Messieurs,—говорилъ онъ:—по желанію нѣкоторыхъ уважаемыхъ лицъ, я рѣшаюсь передать на вашъ судъ отрывокъ изъ предпринятаго мною обширнаго труда „объ уничтоженіи“. Отрывокъ этотъ носитъ названіе: „Какъ мы относимся къ прогрессу?“ — и я помѣщу его въ передовомъ нумерѣ одной газеты, которая имѣетъ на дняхъ появиться въ свѣтъ...

— Mesdemoiselles! voulez-vous bien venir écouter ce que va lire le prince!—обратилась княгиня въ другую комнату.

Смѣхъ и шумъ прекратились; молодежь высыпала въ гостиную.

— Надо вамъ объяснить, messieurs, что мы, то-есть люди консервативной партіи, давно чувствовали потребность въ печатномъ органѣ. У насъ была одно время газета, но, отчасти по недостатку энергіи, отчасти вслѣдствіе нѣкоторой шаткости понятій, она должна была прекратить свое плодотворное существованіе. Теперь мы рѣшились издавать новую газету подъ юмористическимъ названіемъ: „Шалонай, ежедневное консервативно-либеральное прибѣжище для молодцовъ, не знающихъ куда приклонить голову“. Мы выбрали это названіе, потому что оно совершенно въ русскомъ, немножко насмѣшливомъ тонѣ... N'est-ce pas, messieurs?

— Изъ-за одного заглавія, ваше сіятельство, сколько будетъ пренумерантовъ! вотъ увидите!—вставилъ свое слово господинъ, который хвастался запиской о тлетворномъ направленіи современной русской литературы.

— Итакъ, messieurs, приступимъ.

Какъ мы относимся къ прогрессу?

„Сила совершившихся фактовъ, безъ сомнѣнія, не подлежитъ отрицанію. Фактъ совершился — слѣдовательно не принять его нельзя.

Его нельзя не принять, потому что онъ фактъ, и при томъ не просто фактъ, но фактъ совершившійся (въ публикѣ говоръ: *Quelle lucidité!*). Это, такъ сказать, фундаментъ или, еще лучше, отправной пунктъ.

„Итакъ, фактъ совершился!

„И мы не отрицаемъ его, но принимаемъ съ благодарностью. Мы съ благоговѣйною благодарностью принимаемъ всѣ совершившіеся факты, хотя бы появленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ казалось намъ прискорбнымъ и даже легкомысленнымъ (въ публикѣ: *Avalez-moi cela, messeigneurs!*)... Фактъ совершился—и мы благодаримъ. Мы благодаримъ, потому что мы благодарны по самой природѣ, потому что наши преданія, завѣты нашихъ отцовъ, наше воспитаніе, правила, внушенныя намъ съ дѣтства—все, en un mot, создало насъ благодарными“...

— Pardon! — раздается голосъ стараго дяди: — vous avez fourré là une expression francaise! Mettez plutôt: „однимъ словомъ“...

— C'est juste, mon oncle! Итакъ, messieurs:

„Все, *однимъ словомъ*, создало насъ благодарными. Мы не можемъ не благодарить, точно также какъ не можемъ не принести наши сердца на алтарь отечества въ минуту опасности. Отечество, находящееся въ опасности—это мы сами, находящіеся въ опасности! И мы не принесемъ ему въ даръ сердца наши! мы поспѣшимъ привѣтствовать его враговъ! Нѣтъ, мы не сдѣлаемъ ни того, ни этого, потому что отечество и мы—это что-то совершенно нераздѣльное. Это до такой степени не подлежитъ отдѣленію, въ смыслѣ умственности, какъ и въ смыслѣ матеріальности, что какъ отечество не можетъ существовать безъ насъ, такъ и мы не можемъ существовать безъ него. А потому, возвращаясь къ первичной моей мысли, повторяю: мы благодаримъ, ибо это есть наша натура.

„Теперь разсмотримъ нѣсколько близкимъ образомъ, что̀ такое есть это священное право благодарить?

„Благодарить—это онміамъ. Это возносящійся онміамъ сердца. Точно такъ же, какъ для того, чтобы понятно писать по-русски, надобно прежде всего и преимущественнѣйше обзнакомиться съ русскимъ языкомъ и памятниками грамотности, точно такъ же, повторяемъ мы, для того, чтобы благодарить, надобно имѣть доброе и преданнѣйшее сердце. Но преданнѣйшее сердце не только благода-

рить, но и преимущественнѣйше предостерегаетъ. Или, лучше сказать, не предостерегаетъ, въ грубомъ значеніи этого слова, но отъ благодарныхъ чувствъ заявляетъ. Мы не отрицаемъ совершившихся фактовъ, мы благодаримъ, но въ то же время заявляемъ! Мы заявляемъ, потому что имѣемъ преданнѣйшее сердце, и потому заявленіе является на устахъ нашихъ не въ печальномъ образѣ горькой улыбки, но въ прекрасномъ видѣ улыбки, исполненной довѣрія. Мы не осмѣливаемся изречь изъ нашихъ устъ: „довольно!“ ибо не можемъ даже знать, дѣйствительно ли есть то довольно, что намъ кажется таковымъ. Но мы говоримъ: примите благоговѣйный оміамъ, который испускаютъ наши сердца, и ежели мы ошибаемся, то дайте нашей мыслительности другое направленіе“...

— Encore une fois pardon! — вновь откликается дядя: — мнѣ кажется, это не совсѣмъ точно! Не лучше ли сказать: „дайте другое и, конечно, *столь же благоговѣйное* направленіе нашей мыслительности“? А еще бы лучше: *нашимъ мыслительнымъ благожелательностямъ*. N'oubliez pas, mon cher, que vous protestez (ты мягко постилаешь, но спать на твоей постели весьма будетъ жестко, comme dit un charmant proverbe russe), et tu sais, que dans ces choses-là rien n'est à négliger! (Присутствующіе переглядываются между собой, какъ бы говоря: какой тонкій старикъ!)

— Merci, mon oncle, vous avez touché juste! Итакъ, messieurs, будемъ продолжать въ измѣненной редакціи:

„другое, и, конечно, столь же благоговѣйное направленіе нашимъ мыслительнымъ благожелательностямъ.

„Итакъ, фактъ совершился. Мы всѣ видѣли его совершеніе, и сердца наши благожелательно, можно сказать, благоговѣйно содрогались. Теперь мы спрашиваемъ себя только, долженъ ли повторяться этотъ едва совершившійся фактъ безгранично? и на вопросъ этотъ позволяемъ себѣ думать, что ежели бы рядомъ съ совершившимся фактомъ было поставлено благодѣтельное *тире*, то отъ сего наши сердца преисполнились бы не менѣе благоговѣйною признательностью, какою былъ оміамъ, наполнявшій ихъ по поводу совершившагося факта. Мы были благодарны за фактъ, но мы, конечно, будемъ не меньше благодарить и за *тире*, ибо, какъ я сказалъ уже выше, право благодарить есть, такъ сказать, лучшее и преимущественнѣйшее право, которое мы за собой признаемъ!

„Совершившійся фактъ — это есть мудрость. *Тире* — это есть болѣе, нежели мудрость: это мудрость въ мудрости (*quelle profondeur!*). Вспомнимъ по сему случаю Наполеона III, а въ настоящую минуту — князя Бисмарка. Они сіе должны современемъ познать, что̀ мы теперь отъ себя скромнымъ образомъ утверждаемъ. Вспомнимъ еще великаго преобразователя экономическихъ законовъ Англіи, Роберта Пиля, но не забудемъ и величайшаго Вашингтона! Вездѣ и повсюду — законъ одинъ, который есть таковъ: прогрессъ — это мудрость стремительная, уносящая за собой исторію; *тире* — это мудрость, оглядывающаяся назадъ, скующая исторію, а не низвергающая ее въ прахъ!

„Стало быть, если мы благоговѣйно просимъ поставить *тире*, то не только не грѣшимъ противъ мудрости дѣйствительной, но даже сносѣйшествующимъ образомъ доказываемъ, какая отъ того есть приносимая польза.

„Мы объяснились съ нашими читателями съ открытымъ сердцемъ; надѣемся, что они съ таковымъ же отнесутся и къ намъ. Быть можетъ, насъ будутъ бранить ретроградами, но мы того не боимся. Мы не имѣемъ ничего бояться, ибо мы не ретрограды. Мы только не хотимъ бѣжать впередъ, сломя голову, потому что ежели всѣ побѣгутъ и отъ того сломаютъ головы — что̀ можетъ изъ сего произойти, кромѣ несвоевременной гибели? Вотъ этого именно вопроса никогда не задаютъ себѣ господа слишкомъ пламенные прогрессисты, но не мѣшало бы отъ времени до времени все оное себѣ припоминать. Мы говоримъ: не мѣшало бы, потому что никогда не мѣшаетъ то̀, что̀ есть само по себѣ полезно. А что припоминаніе такого рода полезно, то это несомнѣнно доказывается приносимою имъ вездѣ и повсюду безчисленною пользой.

„Затѣмъ, прощаясь съ читателями до слѣдующаго нумера, въ коемъ постараемся обстоятельнѣйше объяснить нашу profession de foi, воскликнемъ: съ нами наше право, а затѣмъ да пребудетъ надъ нами Божіе благословеніе!“

Хозяинъ умолкъ. Въ публикѣ раздавались сдержанныя восклицанія: „прекрасно!“ — „мастерски!“ — „bien écrit et surtout bien pensé!“

Но я почти обезумѣлъ отъ скуки. Никогда я такъ ясно не сознавалъ, что пора пить водку, какъ въ эту минуту. Проконъ, оче-

видно, слѣдилъ за выраженіемъ моего лица, потому что подошелъ ко мнѣ, какъ только кончилось чтеніе.

— Уйдемъ! на тебѣ лица нѣтъ! тошнитъ тебя, что-ли? (Онъ вдругъ началъ говорить мнѣ „ты“.)

Мы вышли: насъ охватила лунная, морозная петербургская ночь.

— Айда къ Палкину!—скомандовалъ Прокопъ извозчику:—Я, братъ, нынче все у Доминика да у Палкина развлекаюсь: напитки тутъ крѣпки. Есть устрицы у Елисеева да ужинать у Дюссо тогда хорошо, когда на сердцѣ легко. Концессію тамъ выхлопатываешь или Шнейдершу облюбовываешь—ну, и тянетъ тебя къ легкому напитку. А какъ наслушаешься прожектовъ „объ уничтоженіи“ да „объ разстрѣляніи“, такъ на сердцѣ-то сдѣлается такъ моркотно, такъ моркотно, что радъ цѣлую четверть выпить, чтобы его опять въ прежнее положеніе привести! А какова статейка-то?

— Гм... да... статья... это...

Вспомнивъ про статью, я такъ обозлился, что не своимъ голосомъ закричалъ на извозчика:—Пошелъ!

— Да, братъ, за такія статейки въ уѣздныхъ училищахъ питанники снимаютъ, а онъ еще вонъ какъ кочевряжится. „Для того, говоритъ, чтобы понятно писать по-русски, надобно прежде всего и преимущественнѣйше обзнакомиться съ русскимъ языкомъ“... Вотъ и поди ты съ нимъ!

Мы пробесѣдовали у Палкина до двухъ часовъ. Съѣли только по одному бифштексу, но выпили...

Однимъ словомъ. мы вышли на улицу, держась подъ-руки. Кажется, даже мы пѣли пѣсни.

На другой день утромъ, вѣроятно въ видахъ скорѣйшаго вытрезвленія, Прокопъ принесъ мнѣ знаменитый проектъ „О разстрѣляніи и благихъ онаго послѣдствіяхъ“, составленный ветлужскимъ помѣщикомъ Поскудниковымъ. Проекту предпослано вступленіе, въ которомъ авторъ объясняетъ, что хотя онъ, *со времени извѣстнаго происшествія*, живетъ въ деревнѣ не у дѣлъ, но здоровье его еще настолько крѣпко, что онъ и на другомъ поприщѣ могъ бы довольно многое „всеусерднѣйше и не къ стыду“ совершить. А коль скоро человѣкъ въ чемъ-нибудь убѣжденъ, то весьма естественно, что въ

немъ является желаніе въ томъ же убѣдить и другихъ. Отсюда попытка разъяснить вопросъ: *отчего все сіе происходитъ*, а затѣмъ и осуществленіе этой попытки въ формѣ предлагаемаго проекта.

„Отчего все сіе происходитъ?“ —конечно, отъ недостатка спасительной строгости. Если бы, напримѣръ, своевременно было прибѣгнуто къ разстрѣлянію, то и общество было бы спасено, и молодое поколѣніе ограждено отъ заразы заблужденій. Конечно, не легко лишить человѣка жизни, „сего первѣйшаго дара милосерднаго Творца“, но авторъ и не требуетъ, чтобы разстрѣливали всѣхъ поголовно, а предлагаетъ только: „разстрѣливать по внимательномъ всѣхъ винъ разсмотрѣніи, но неукоснительно“. И тогда „все сіе“ исчезнетъ, „лицо же добродѣтели, нынѣ потускнѣвшее, возсіяетъ вновь, какъ десять лѣтъ тому назадъ“.

Нѣкоторые мотивы, которыми авторъ обусловливаетъ необходимость предлагаемой мѣры, не изъяты даже чувствительности. Такъ напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ выражается такъ: „Молодые люди, увлекаемые пылкостью нрава и подчиняясь тлетворнымъ вліяніямъ, цѣлыми толпами устремляются въ бездну; а такъ какъ подобное устремленіе законами нашего отечества не допускается, то и видятъ сіи несчастные младыя свои существованія подсѣченными въ самомъ началѣ (честное слово, я даже прослезился, читая эти строки!). А мы равнодушными глазами смотримъ на сіе странное позорище, видимъ гибель самой цвѣтущей и, быть можетъ, самой способной нашей молодежи, и не хотимъ пальцемъ объ палецъ ударить, чтобы спасти ее. Устремимъ же наши спасительныя ладьи для спасенія сихъ утопающихъ! подадимъ руку помощи этимъ несчастнымъ, увлекающимся юношамъ! Сдѣлаемъ все сіе—и тогда съ спокойною совѣстью скажемъ себѣ: мы совершили все для огражденія дѣтей нашихъ!“

Но всего замѣчательнѣе то, что и вступленіе, и самый проектъ умѣщаются на одномъ листѣ, написанномъ очень разгонистой рукой! Какъ мало нужно, чтобъ заставить возсіять лицо добродѣтели! Въ особенности же кратки заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ. Вотъ они:

„А потому полагается небезполезнымъ подвергнуть разстрѣлянію нижеслѣдующихъ лицъ:

Первое, всѣхъ несогласно мыслящихъ.

Второе, всѣхъ, въ поведеніи коихъ замѣчается скрытность и отсутствіе чистосердечія.

Третье, всѣхъ, коп угрюмымъ очертаніемъ лица огорчаютъ сердца благонамѣренныхъ обывателей.

Четвертое, зубоскаловъ и газетчиковъ".

И только.

Вечеромъ мы были на раутѣ у предсѣдателя общества чающихъ движенія воды, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стрекозы. Присутствовали почти все старики, и потому въ комнатахъ господствовалъ какой-то особенный старческій запахъ. Подали чай и читали статью, въ которой современная русская литература сравнивалась съ вавилонскою блудницей. Въ промежуткахъ между чаемъ и чтеніемъ происходилъ обмѣнъ вздоховъ (то были именно не мысли, а вздохи).

— Гдѣ тѣ времена, когда пѣлъ сладкогласный Жуковскій? когда Карамзинъ плѣнялъ своею прозой?—вздыхалъ одинъ.

— „Какъ лебедь на брегахъ Меандра"...—зажмуривъ глаза, вздыхалъ другой.

— Увы! изъ всей этой плеяды остался только господинъ Страховъ!—вздыхаючи, вторилъ третій.

— Куда мы идемъ? куда мы идемъ?—вздыхалъ четвертый.

Старцы задумывались и въ тактъ покачивали головами. Очень возможное дѣло, что они такъ и заснули бы въ этой позѣ, если бы отъ времени до времени не пробуждалъ ихъ возгласъ:

— И это литература! Куда мы идемъ?

Я пробылъ у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стрекозы съ девяти до одиннадцати часовъ и насчиталъ, что въ теченіе этого времени по крайней мѣрѣ двадцать разъ былъ повторенъ вопросъ: „куда мы идемъ?" Это произвело на меня такое тоскливое, давящее впечатлѣніе, что когда мы вышли съ Прокопомъ на улицу, я самъ безотчетно воскликнулъ:

— Куда же мы въ самомъ дѣлѣ идемъ?

— Сегодня я сведу тебя къ Шухардину,—отвѣтилъ Прокопъ: —а завтра, если Богъ грѣхамъ потерпитъ, направимъ стопы въ „Старый Пекинъ".

Опять два бифштекса, и—что всего непріятнѣе—опять возвращеніе домой съ пѣснями. И съ чего я вдругъ такъ распѣлся? Я начинаю опасаться, что если дѣло пойдетъ такимъ образомъ дальше, то меня непремѣнно когда-нибудь посадятъ въ часть.

На третій день—раутъ у предсѣдателя общества благихъ начинаній, отставного генерала Проходимцева. Приходимъ и застаемъ компанію человѣкъ въ двѣнадцать. Все отставные провіантскіе чиновники, заявившіе о необыкновенномъ усердіи во время севастопольской кампаніи. У всѣхъ на лицѣ написано: я по суду не изобличенъ, а потому надѣюсь еще послужить! Общество сидитъ вокругъ чайнаго стола; хозяинъ читаетъ *):

—А онъ: моя ты лада!
Есть мѣсто рѣпѣ точно.
Но садъ засѣять надо,
За то, что онъ цвѣточный!

— Прекрасно! не въ бровь, а прямо въ глазъ!
— Куда мы идемъ? скажите, куда мы идемъ?
— Позвольте, господа? послушайте, что̀ дальше будетъ!

—Ее (рощу) порубятъ, лада,
На зданіе такое,
Гдѣ бъ жирныя говяда
Кормились на жаркое!

— Но какой стихъ! Вотъ. наконецъ, настоящая-то сатира!
— Шш... шш... слушайте! слушайте!

—О, другъ ты мой единый!—
Воскликнула невѣста:
Ужель для той скотины
Иного нѣту мѣста?
—Есть много мѣста, лада,
Но тотъ пріютъ тѣнистый
Затѣмъ изгадить надо,
Что въ немъ свѣжо и чисто!

---

*) Отрывки, приводимые ниже, взяты изъ стихотворенія графа А. К. Толстого: „Баллада съ тенденціей". Любопытствующіе могутъ отыскать эту балладу въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1871 года за октябрь.

— Именно! именно! — рукоплескали отставные провіантскіе чиновники, и затѣмъ поднялся хохотъ, который и не прерывался уже до самаго конца пьесы. Особенный фуроръ произвело слѣдующее опредѣленіе современнаго матеріалиста:

Они жъ, матерьялисты,
Отъ имени прогресса,
Кричатъ, что трубочисты
Суть выше Апеллеса...

— „Суть выше Апеллеса“! Каковъ, господа, пошибъ! Вотъ это я называю сатирой! Это отпоръ! Это настоящій, заправскій отпоръ!

Затѣмъ всѣ на минуту смолкли и погрузились въ думы. Какъ вдругъ кто-то завылъ:

— Куда мы идемъ? Объяснпте, куда мы идемъ?

И всѣ, словно ужаленные, вскочили съ мѣстъ и подняли такой неизреченный лай, что я поскорѣе схватилъ шляпу и увлекъ Прокопа въ „Старый Пекинъ“.

Бифштексъ—и возвращеніе домой съ пѣснями.

И еще два вечера провелъ я въ обществѣ испуганныхъ людей. и ничего другого не слышалъ, кромѣ возгласа: „куда мы идемъ?“ Но послѣ пятаго вечера со мной случилось нѣчто совсѣмъ необыкновенное.

Я проснулся утромъ съ головною болью и долгое время ничего не понималъ, а только смотрѣлъ въ потолокъ. Вдругъ слышу голосъ Прокопа: „Господи Іисусе Христе! да гдѣ же мы?“ Вскакиваю, оглядываюсь и вижу, что мы въ какой-то совершенно непзвѣстной квартирѣ, что я лежу на диванѣ, а на другомъ диванѣ лежитъ Прокопъ. Мною овладѣлъ страхъ.

Я вспомнилъ слышанную въ дѣтствѣ исторію о какомъ-то пустынножителѣ, который сначала напился пьянъ, потомъ совершилъ прелюбодѣяніе, потомъ укралъ, убилъ—однимъ словомъ, въ самое короткое время исполнилъ всю серію смертныхъ грѣховъ.

— Гдѣ мы вчера были?—обратился я къ Прокопу.

Но Прокопъ стоялъ какъ бы въ остолбенѣніи и только пялилъ на меня свои опухшіе глаза.

Я сталъ припоминать и съ помощью невѣроятныхъ усилій успѣлъ составить нѣчто цѣлое изъ уцѣлѣвшихъ въ моемъ мозгу обрыв-

ковъ. „Да, мы отправились сначала къ Балабину, потомъ къ Палкину, оттуда къ Шухардину и наконецъ въ „Пекинъ“. Но тутъ нить воспоминаній оборвалась. Не украли ли мы въ „Пекинѣ“ серебряную ложку? не убили ли мы на скорую руку полового? не вели ли насъ на веревочкѣ?—вотъ этого-то именно я не могъ возстановить въ своей памяти.

Я припоминалъ, что со мною уже былъ почти такой же случай въ молодости. Въ то время я былъ студентомъ московскаго университета и охотно бесѣдовалъ объ искусствѣ (святое искусство!) въ трактирѣ „Британія“. Однажды, находясь въ хорошей компаніи, я выпилъ, рюмку за рюмкой, рублей на двадцать ассигнаціями водки и, совершивши этотъ подвигъ, исчезъ. Гдѣ я былъ, этого я совершенно не помню, но дѣло въ томъ, что черезъ какіе-нибудь полчаса опять я воротился въ „Британію“, но воротился... безъ штановъ! Можно себѣ представить, какъ изумило меня это обстоятельство, когда я, переночевавъ въ „Британіи“ на бильярдѣ, на другой день проснулся! И что жъ оказалось?—что штаны мои преспокойно лежатъ у меня дома! Что я нарочно приходилъ домой, чтобы ихъ снять, и, совершивши этотъ подвигъ, отправился назадъ въ „Британію“.

— Да какимъ же образомъ это случилось? Я говорилъ что-нибудь? Приказывалъ?—допрашивалъ я своего слугу.

— Ничего не изволили приказывать. Изволили придти, сняли и опять ушли-съ.

— Да что же я еще-то дѣлалъ?

— Изволили придти-съ, сняли и опять ушли-съ.

Такъ вотъ на какіе подвиги я способенъ...

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда мнѣ все это припоминалось, дверь нашей комнаты отворилась, и передъ нами очутился расторопный малый въ мундирѣ помощника участковаго надзирателя. Оказалось, что мы находимся у него на квартирѣ, что мы ничего не украли, никого не убили, а просто-на-просто въ безобразномъ видѣ шатались ночью по улицѣ.

— Какимъ же образомъ у васъ-то мы очутились?—полюбопытствовалъ Прокопъ.

— Да просто шелъ я, по должности, дозоромъ-съ; ну, вижу, благородные люди... не могутъ объяснить мѣстожительства-съ...

Никогда не бывало мнѣ до такой степени стыдно...

Глава III.

Пользуясь моею нравственною рыхлостью, Прокоп завалилъ меня проектами, чтеніе которыхъ чуть-чуть не навело меня на мысль о самоубійствѣ. Истинно только Богъ спасъ мою душу отъ конечной погибели... Но буду разсказывать по порядку...

Прежде всего, при одномъ воспоминаніи о моемъ послѣднемъ приключеніи, мнѣ было такъ совѣстно, что я нѣкоторое время не могъ подумать о себѣ, не покраснѣвши при этомъ. Посудите сами: пріѣхать въ Петербургъ, въ этотъ, такъ сказать, центръ россійской интеллигенціи и дебютировать тѣмъ, что по истеченіи четырехъ недѣль очутиться невѣдомо какимъ образомъ въ квартирѣ помощника участковаго надзирателя Хватова! Я взглянулъ на себя въ зеркало —и ужаснулся: лицо распухло, глаза заплыли и даже потеряли способность дѣлаться круглыми. Съ какимъ-то щемящимъ чувствомъ безнадежности бродилъ я въ халатѣ, изъ угла въ уголъ, по моему нумеру и совершенно явственно чувствовалъ, какъ меня сосетъ. Именно „сосетъ“ — и ничего больше. Еслибъ кто-нибудь спросилъ меня, что со мною дѣлается, я положительно ничего другого не нашелъ бы отвѣтить, кромѣ этого страннаго слова: „сосетъ“. Не то тоска, не то смутное напоминаніе объ адмиральскомъ часѣ. Къ довершенію позора, въ теченіе цѣлой недѣли, аккуратно изо дня въ день, меня посѣщалъ расторопный поручикъ Хватовъ и съ самою любезною улыбкой напоминалъ мнѣ о моемъ грѣхопаденіи. Придетъ, сядетъ, закуритъ папироску и начнетъ:

— Иду, знаете, дозоромъ, и вдругъ вижу —благородные люди! И можно сказать, даже въ очень веселомъ видѣ-съ! Время, знаете, ночное-съ... мѣстожительства объявить не могутъ... Ну-съ, конечно, какъ самъ благородный человѣкъ... по силѣ возможности-съ... Сейчасъ къ себѣ на квартиру-съ... Диванъ-съ, подушки-съ...

— То-есть, такъ я вамъ благодаренъ! такъ благодаренъ! —завѣрялъ я въ свою очередь, весь пунцовый отъ стыда: — кажется, умирать стану, а услуги вашей не забуду!

— Помилуйте! что-же-съ! благородные люди... время ночное-съ... мѣстожительство объявить не могутъ... диванъ, подушки-съ...

И такимъ образомъ цѣлыхъ семь дней сряду. Придетъ, выкурить

три-четыре папиросы, выпьетъ рюмку водки, закуситъ и уйдетъ. Подъ конецъ даже такъ меня полюбилъ, что началъ говорить мнѣ *ты*.

Дѣдушка Матвѣй Иванычъ! думалось мнѣ въ эти минуты:— воображалъ-ли ты когда-нибудь, чтобъ твой потомокъ могъ покрыть себя подобнымъ позоромъ! Ты, который, выходя грузнымъ изъ рязанско-козловско-тамбовскаго клуба, не торопясь влѣзалъ въ экипажъ, подаживаемый вѣрными слугами, и затѣмъ благополучно слѣдовалъ до постоялаго двора, гдѣ ожидали тебя и взбитая перина, и теплое пуховое одѣяло! Ты, который о самомъ имени полиціи зналъ только потому, что отъ времени до времени приходилось посылать какого-нибудь Андрюшку-пьяницу или Гонку-подлеца въ часть! Могъ ли ты представить себѣ, что твой родной внукъ, какъ какой-нибудь безпаспортный мѣщанинъ, проведетъ цѣлую ночь въ самомъ сердцѣ той самой полиціи, о которой ты зналъ только по наслышкѣ, какъ о вмѣстилищѣ клоповъ, блохъ и розогъ! Что этотъ внукъ будетъ поднятъ на улицѣ (позоръ! у него нѣтъ ни экипажа, ни вѣрныхъ слугъ, ни цуга лошадей!) и призрѣнъ, буквально: призрѣнъ, разночиннымъ полицейскимъ поручикомъ Хватовымъ! Что этотъ самый Хватовъ будетъ заявлять претензію на вѣчную признательность сердца со стороны твоего внука! что онъ будетъ прохаживаться съ нимъ по водочкѣ и наконецъ, въ минуту откровенности, скажетъ ему „ты“!

Позоръ!

И вотъ, о, реформы, горькіе ваши плоды!

Какимъ же образомъ, послѣ всего этого, утишить негодующее сердце? какимъ образомъ сдержать благородные порывы? Реформы!!

Вотъ Прокопъ—такъ тотъ мигомъ понравился. Очевидно, на него даже реформы не дѣйствуютъ. Голова у него трещала всего одинъ день, а на другой день онъ уже прибѣжалъ ко мнѣ какъ ни въ чемъ не бывало и навалилъ на столъ цѣлую кипу проектовъ.

— Читать ли?—молвилъ я робко:—какъ бы опять не запить!

— Какъ не читать! надо читать! Зачѣмъ же ты пріѣхалъ сюда? Вѣдь если ты хочешь знать, въ чемъ послѣдняя суть состоитъ, такъ гдѣ же ты объ этомъ узнаешь, какъ не тутъ? Вотъ, напримѣръ, проектъ о децентрализаціи—ужъ такъ онъ мнѣ понравился! такъ понравился! И словъ-то, кажется, не приберешь, какъ хорошо!

— А что?

— Да чтобы, значитъ, вездѣ, по всему лицу земли... по зубамъ чтобъ бить свободно было... вотъ это и есть самая децентрализація!

Прокопъ, по обыкновенію своему, залился смѣхомъ.

И чортъ его знаетъ, что это за смѣхъ у Прокопа—никакъ понять не могу! Дѣйствительно ли звучитъ въ немъ иронія, или это только такъ, избытокъ веселонравія, который самъ собой просится наружу? Вотъ, кажется, и хохочетъ человѣкъ надъ децентрализаціей съ точки зрѣнія безпрепятственнаго и повсемѣстнаго битья по зубамъ, а загляните-ка ему въ нутро—анъ окажется, что вѣдь онъ и впрямь ничего кромѣ этой безпрепятственности не вожделѣетъ! Вотъ и поди, разбери, какъ это въ немъ разомъ укладывается: и тоска по мордобитію, и несомнѣннѣйшая язвительнѣйшая насмѣшка надъ этою самою тоской!

— А ужъ ежели,—продолжалъ между тѣмъ Прокопъ,—ты отъ этихъ прожектовъ запьешь, такъ, значитъ, линія такая тебѣ вышла. Оно, по правдѣ сказать, трудно и не запить. Все бить, да сѣчь, да стрѣлять... коли у кого чувствительное сердце—ну, просто невозможно не запить! Ну, а ежели кто закалился—вотъ, какъ я, напримѣръ—такъ ничего. Большую даже пользу нахожу. Свѣтлыя мысли есть—ей Богу.

Опять хохотъ, этотъ загадочный, разстраивающій нервы хохотъ!

Но такъ какъ у меня голова все еще была несвѣжа, то я два дня сряду просто-на-просто пробродилъ изъ угла въ уголъ и искоса поглядывалъ на кипу писанной бумаги. А въ груди между тѣмъ сосало, и Богъ знаетъ какихъ усилій мнѣ стоило, чтобъ не крикнуть: водки и закусить! Воздержаться отъ этого клича было тѣмъ труднѣе, что у лакеевъ chambres garnies есть привычка, и притомъ препоганая: поминутно просовываетъ, каналья, голову въ дверь и спрашиваетъ: „что прикажете?“ Ну, что̀ я могу приказать? Что̀ могу я отвѣтить на его вызывающій вопросъ, кромѣ: водки и закусить!? Вотъ дѣдушка Матвѣй Иванычъ—тотъ точно могъ разныя приказанія отдавать, а я—что̀ я могу?!

Однако, повторяю, Богъ спасъ, и, можетъ быть, я провелъ бы время даже не совсѣмъ дурно, еслибъ не раздражали меня, во-первыхъ, періодическіе визиты поручика Хватова и, во-вторыхъ, назойливость Прокопа. Помимо этихъ двухъ непріятностей, право, все было хорошо.

Я находился въ томъ состояніи, когда голова, за нѣсколько времени передъ тѣмъ трещавшая, начинаетъ мало-по-малу разгуливаться. Настоящимъ образомъ еще ничего не понимаешь, но кое-какія мысли ужъ бродятъ. Подойдешь къ печкѣ—и остановишься: къ окну подойдешь—и посмотришь. Что въ это время бродитъ въ головѣ—этого ни подъ какимъ видомъ не соберешь, а что бродитъ нѣчто—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. По временамъ даже удается иное схватить. Вотъ сейчасъ мелькнуло: „хорошо бы двѣсти тысячъ выиграть!“—и ушло. Потомъ: „какое это въ самомъ дѣлѣ благодѣяніе, что откупа уничтожены!“—и опять ушло. Вообще, все приходитъ и уходитъ до такой степени какъ-то смутно, что ни встрѣчать, ни провожать нѣтъ надобности. И вдругъ каналья мысль: „не прикажать ли водки?“

— Ну, нѣтъ, братъ, шалишь! водка—это, братъ, ядъ! Вспомни, какъ ты въ „Старомъ Пекинѣ“ чуть-чуть полового не ушибъ, и какъ потомъ въ квартирѣ у поручика Хватова розовершую аврору встрѣчалъ!

Ушло.

И проходятъ, такимъ образомъ, часы за часами спокойно, безмятежно, даже почти весело! Все бы ходилъ да мечталъ, а о чемъ бы мечталъ—и самъ не знаешь! Вотъ, кажется, сейчасъ чему-то блаженно улыбался, по поводу чего-то шевелилъ губами, а черезъ мгновенье—смотришь, забылъ! Да и кто знаетъ? можетъ быть, оно и хорошо, что забылъ...

Вотъ что совсѣмъ ужъ нехорошо—это Прокопъ, который самымъ наглымъ образомъ врывается въ жизнь и отравляетъ лучшія, блаженнѣйшія минуты ея. Каждый день, утромъ и вечеромъ, онъ влетаетъ ко мнѣ и начинаетъ приставать и даже ругаться.

— Ну что, прочелъ?

— Да право, душа моя, боюсь я...

— Что же ты послѣ этого за патріотъ, коли не хочешь знать, въ чемъ нынѣшняя суть состоитъ!

— Да знаю я! чувствуетъ мое сердце, что знаю!

— Такъ ты помаленьку, не вдругъ! Сперва „о децентрализаціи“, потомъ „о необходимости оглушенія, въ смыслѣ временнаго усыпленія чувствъ“, потомъ „о переформированіи де сіянсъ академіи“. Есть даже прожектъ „о напжелательнѣйшемъ для всѣхъ сторонъ

упраздненіи женскаго вопроса". Честью тебѣ ручаюсь: начни только! Пригубь! Не успѣешь и оглянуться, какъ самъ собою, безъ масла, всю груду проглотишь!

И я началъ.

Но я приступилъ не вдругъ. Сначала произвелъ наружный осмотръ, причемъ оказалось, что всѣ прожекты были коротенькіе: на одномъ, много на двухъ листахъ. Потомъ перечиталъ заглавія и убѣдился, что вездѣ говорилось объ упраздненіи и уничтоженіи, и только одинъ прожектъ трактовалъ о расширеніи, но и то—о расширеніи области дѣйствія квартальныхъ надзирателей. Затѣмъ мною овладѣла моя обычная привычка резонировать по поводу выѣденнаго яйца, и я уже на цѣлыя сутки сдѣлался неспособнымъ ни къ какимъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Одни названія навели на меня какія-то необыкновенно тоскливыя мысли, отъ которыхъ я не могъ отдѣлаться ни насвистываніемъ аріи изъ „Герцогини Герольштейнской", ни припоминаніемъ особенно характерныхъ эпизодовъ изъ послѣднихъ нашихъ трактирныхъ похожденій, ни даже закусываніемъ соленаго огурца, каковое закусываніе, какъ извѣстно, представляетъ во время загула одно изъ самыхъ дивныхъ, возстановляющихъ средствъ (увы! даже и это средство отыскано не мною, непризнаннымъ Гамлетомъ сороковыхъ годовъ, а все тѣмъ же дѣдушкой Матвѣемъ Иванычемъ!).

Во имя чего—думалось мнѣ—волнуются и усердствуютъ изъ глубины своихъ усадьбъ отставные прапорщики, ротмистры, полковники? изъ-за чего напрягаютъ мозги выгнанные изъ службы подъячіе? что породило это ужаснѣйшее творчество, которымъ заражены россійскіе грады и веси, и печальный плодъ котораго — вотъ эта груда прожектовъ, которую мнѣ предстоитъ перечитать?

Вникните пристальнѣе въ процессъ этого творчества, и вы убѣдитесь, что первоначальный источникъ его заключается въ неугасшемъ еще чувствѣ жизни, той самой „жизни", съ тѣмъ же содержаніемъ и тѣми же поползновеніями, о которыхъ я говорилъ въ предыдущихъ моихъ дневникахъ. Всѣ мы: поручики, ротмистры, подъячіе, однимъ словомъ, всѣ, причисляющіе себя къ сонму представителей отечественной интеллигенціи—всѣ мы были свидѣтелями этой „жизни", всѣ воспитывались въ ея преданіяхъ, и какъ бы мы ни открещивались

отъ нея, но не можемъ, ни подъ какимъ видомъ не можемъ представить себѣ что-либо иное, что не находилось бы въ прямой и неразрывной связи съ тѣмъ содержаніемъ, которое выработано нашимъ прошедшимъ. Всѣ мы хотимъ жить именно тѣмъ самымъ способомъ, какимъ жилъ дѣдушка Матвѣй Иванычъ, то-есть жить хотя безобразно (увы! до другихъ идеаловъ рѣдкіе изъ насъ додумались), но властно, а не слоняться по бѣлу свѣту, выпуча глаза.

Эта перспектива „слоненія“ раздражаетъ насъ. Былъ моментъ, когда мы искренно повѣрили, что въ раскладываніи грань-насьянса заключается единственно возможная, такъ сказать провиденціальная роль наша въ будущемъ. Былъ моментъ, когда мы не шутя ощутили, что почва ушла изъ-подъ ногъ нашихъ, и что намъ остается только бѣжать, бѣжать и бѣжать. И теперь, при одномъ воспоминаніи объ этомъ ужасномъ времени, скверно дѣлается во рту. Но инстинктъ самосохраненія спасъ насъ. Онъ заставилъ насъ оглянуться и подумать. Оглянулись, подумали—видимъ: мы тѣ же, да и кругомъ насъ все то же. И мы—„dansons, chantons et buvons“, и кругомъ насъ—„chantons, dansons et buvons“. Конечно, нѣкоторыя подробности измѣнились, но развѣ подробности когда-нибудь составляли что-нибудь существенное? Сегодня онѣ имѣютъ одинъ видъ, завтра—будутъ имѣть другой. Если главная основа жизни не поколеблена, то нѣтъ ничего легче, какъ дать подробностямъ ту или другую форму—какую хочешь. Сегодня у насъ — la grandeur d'âme est à l'ordre du jour, а завтра—alea jacta est!—на очереди будутъ: натискъ и быстрота! Стало быть, ежели намъ, отставнымъ корнетамъ, ротмистрамъ и подъячимъ, показалось на минуту, что почва ускользаетъ изъ-подъ нашихъ ногъ, то это именно только показалось, а на самомъ дѣлѣ ничего новаго не произошло, кромѣ кавардака, умономраченія, труса и т. д. Стало быть, надо только разъяснить, разсѣять и затѣмъ—настоять. Мы струсили! какъ дѣти, сами не зная—чего: мы призрачную жизнь, простую взбалмошную какиш, признали за нѣчто реальное и устойчивое. Нѣтъ, шалишь! Мы докажемъ міру, что всѣ эти призраки можно разсѣять совершенно просто и легко: тѣмъ же маніемъ руки, какимъ и въ прежнія времена достославные наши предки разсѣвали и расточали всякаго рода дурные призраки!

Отсюда—понятное раздраженіе противъ тѣхъ, которые продолжаютъ напоминать намъ о „слоненіи“. Какъ не раздражаться, если

мы сами чуть-чуть не повѣрили этой провиденціальной роли и не обрекли себя на перспективу вѣчнаго слоненія? Надо же, наконецъ, дать почувствовать заблуждающимся всю тщету ихъ надеждъ! И вотъ, какъ плодъ этого раздраженія—являются прожекты объ уничтоженіи и упраздненіи.

Сидятъ корнеты-землевладѣльцы въ своихъ логовищахъ и немолчно скребутъ перьями. А такъ какъ для нихъ связать двѣ мысли—трудъ совершенно анаѳемскій, то очень понятно, что творчество ихъ лишь послѣ неимовѣрныхъ потугъ находитъ себѣ какое-нибудь выраженіе. Мысли, зарождающіяся въ усадьбахъ, вдали отъ всякихъ учебныхъ пособій, вдали отъ возможности обмѣна мыслей—вѣдь это все равно, что мухи, бродящія въ лѣтнее время по столу. Поди собери ихъ въ одну кучу! Поэтому проводится множество безсонныхъ ночей, портится громада бумаги, для того только, чтобы въ концѣ концовъ вышло: „на послѣднемъ я листочкѣ напишу четыре строчки“. Но чѣмъ малограмотнѣе человѣкъ, тѣмъ упорнѣе онъ въ своихъ начинаніяхъ, и, однажды задумавъ какой-нибудь подвигъ, рано или поздно добьется-таки своего. Вожделѣнныя „четыре строчки“ несомнѣнно будутъ написаны и смыслъ ихъ несомнѣнно будетъ таковъ: уничтожить, вычеркнуть, воспретить...

Въ одно прекрасное утро корнетъ выходитъ къ утреннему чаю и объявляетъ женѣ:

— Я, душа моя, сегодня проектъ свой кончилъ!

— Ну, и слава Богу! Я знаю, ты вѣдь у меня умный!

— Однако и помучился-таки я надъ нимъ! Странно это: мы, русскіе, кажется, на все способны, а вотъ проекты писать—смерть!

Почему, однако, уничтожить, вычеркнуть, воспретить, а не расширить, создать, разрѣшить? Тайна этого обстоятельства опять-таки заключается въ слишкомъ страстномъ желаніи „жить“, въ представленіи, которое съ этимъ словомъ соединено, и въ неимѣніи другихъ средствъ удовлетворить этому представленію, кромѣ тѣхъ, которыя завѣщаны намъ преданіемъ. И въ счастіи, и въ несчастіи мы какъ-то равно неразсудительны и опрометчивы. Немного лѣтъ тому назадъ (это были дни нашего несчастія), когда мы находились подъ игомъ недоразумѣній, томительно замутившихъ нашу жизнь, мы не боролись, не отстаивали себя, а только унывали и испускали жалобные стоны. Откуда? что? какъ нужно поступить?—мы ни о чемъ не спра-

нивали себя, а только чувствовали, что насъ придавило какое-то горе. Теперь, когда случайныя недоразумѣнія случайно разсѣялись, когда жажда жизни (*наша* жажда жизни!) получила возможность вновь вступить въ свои права, мы опять-таки не хотимъ подумать ни о какомъ внутреннемъ перерабатывающемъ процессѣ, не спрашиваемъ себя: куда? какъ? что изъ этого выйдетъ? — а только чувствуемъ себя радостными, и вслѣдствіе этого весело гогочемъ. Насъ опять придавило, но на этотъ разъ—придавила радость. Наша не выгорѣла — мы приникли; наша взяла — мы подняли голову. Мы инстинктомъ чувствуемъ, что *наша взяла* — и потому хотимъ начать жить какъ можно скорѣе, сейчасъ.

Но спрашивается: возможно ли достигнуть *нашего* идеала жизни въ такой обстановкѣ, гдѣ не только мы, но и всякій другой имѣетъ право заявлять о своемъ желаніи жить?

Дѣдушка Матвѣй Ивановичъ на этотъ счетъ совершенно искренно говорилъ: „Жить тамъ, гдѣ всѣ другіе имѣютъ право, подобно мнѣ, жить,—я не могу! Не могу, сударь, я стерпѣть, когда вижу, что хамъ идетъ мимо меня и кочевряжится! И будь этотъ хамъ хоть милліонеръ, хоть разоткупщикъ, все-таки я ему напомню (дѣйствіемъ, государь мой, напомню, дѣйствіемъ!), что тѣлесное наказаніе есть удѣлъ его въ этомъ мірѣ! Хоть тысячу рублей штрафу заплачу, а напомню.

Такова была дѣдушкина мораль, и я, съ своей стороны, становясь на его точку зрѣнія, нахожу эту мораль совершенно естественною. Нельзя жить такъ, *какъ желалъ жить дѣдушка*, иначе, какъ подъ условіемъ полнаго исчезновенія жизни въ другихъ. Дѣдушка это чувствовалъ всѣмъ нутромъ своимъ: онъ зналъ и понималъ, что если міръ, по малой мѣрѣ верстъ на десять кругомъ, перестанетъ быть пустыней, то онъ погибъ. А мы?!

Что дѣдушкина мораль удержалась въ насъ всецѣло—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но—увы! —мы уже не знаемъ, какъ устраивается та пустыня, безъ которой дѣдушкина мораль падаетъ сама собою. Секретъ этотъ потерянъ для насъ навсегда — вотъ почему мы колеблемся, путаемся и виляемъ. Прямо признать за „хамами" право на жизнь—не хочется, а устроить такимъ образомъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы—нѣтъ умѣнія. Нѣтъ выдержки, выработки, подготовки. Хорошо бы, конечно, такую штуку удрать, чтобы „хамы"

на самомъ дѣлѣ не жили, а только думали бы, что живутъ: да вѣдь для этого надобно, во-первыхъ, кой-что знать, а во-вторыхъ—придумывать, взвѣшивать, соображать. А у насъ первый разговоръ: „знать ничего не хочу!“ да „ни о чемъ думать не желаю!“ Скажите, возможно ли съ такимъ разговоромъ даже простодушнѣйшаго изъ хамовъ надуть?

Естественно, что при такой простотѣ нравовъ остается только одно средство оградить свою жизнь отъ вторженія непріятныхъ элементовъ — это, откинувъ всѣ сомнѣнія, начать снова бить по зубамъ. Но какъ бить! Бить—безъ яснаго права на битье; бить — и въ то же время бояться, что каждую минуту можетъ послѣдовать приглашеніе къ мировому по дѣлу о самовольномъ избитіи!..

До какой степени для насъ всякое думанье—ножъ острый, это всего лучше доказалъ мнѣ Прокопъ.

— Послушай, мой другъ,—говорю я ему на дняхъ: — отчего это тебѣ такъ претитъ, что и другой рядомъ съ тобой жить хочетъ?

— А по твоему какъ? по твоему, стало быть, другой у меня изо рту куски станетъ рвать, а я молчи!

— Да вѣдь кусковъ много, мой другъ! И для тебя куски, и для другихъ тоже; вѣдь всѣхъ кусковъ одинъ не заглотаешь!

— Ну, нѣтъ-съ, это аттàндe. Я свои куски очень хорошо знаю, и ежели до моего куска кто-нибудь дотронется—прошу не взыскать!

— Ахъ, все не то! Пойми же ты наконецъ, что можно, при нѣкоторомъ умѣньи, такимъ образомъ устроить, что другіе-то будутъ на самомъ дѣлѣ только облизываться, глядя, какъ ты куски заглатываешь, а между тѣмъ будутъ думать, что и они куски глотаютъ!

— Это какъ?

— То-то, душа моя, надобно сообразить, какъ это умѣючи сдѣлать. Я и самъ, правду сказать, еще не знаю, но чувствую, что средства сыскать можно. Не все же разомъ, не все разомъ: иной разъ слѣдуетъ и развязать потрудиться!

— Ну, это ужъ ты трудись, а я — слуга покорный! Думать тамъ! соображать! Какая же это будетъ жизнь, коли меня на каждомъ шагу думать заставлять будутъ! Нѣтъ, братъ, ты прость-прость, а тоже у тебя въ головѣ прожекты... тово! Да ты знаешь ли, что какъ только мы начнемъ думать—тутъ намъ и смерть?!

Такъ мы и разстались на томъ, что свобода отъ обязанности думать есть та любезнѣйшая приправа, безъ которой вся жизнь человѣческая есть не что иное, какъ юдоль скорбей. Быть можетъ, въ настоящемъ случаѣ, то-есть какъ ограждающее средство противъ возможности систематическаго и ловкаго надуванія (не ее ли собственно я и разумѣлъ, когда говорилъ Прокопу о необходимости „соображать?“), эта боязнь мысли даже полезна, но какъ хотите, а теорія, видящая красоту жизни въ свободѣ отъ мысли—все-таки ужасна!

Кто вникнетъ ближе въ циклъ понятій, наивнымъ выразителемъ которыхъ явился Прокопъ, тотъ пойметъ, почему единственнымъ надежнымъ выходомъ изъ всѣхъ жизненныхъ затрудненій прежде всего представляется дѣйствіе, обозначаемое словомъ: „вычеркнуть“. Вычеркнуть легко, создать трудно—въ этомъ разгадка той безцеремонности, съ которою мы приступаемъ къ разсѣченію всевозможныхъ жизненныхъ задачъ.

Предположите, что въ головѣ у васъ завелась затѣя, что вы возлюбили эту затѣю и съ жаромъ принялись за ея осуществленіе. Прибавьте къ этому, пожалуй, что затѣя ваша въ высшей степени женерозна, что она захватываетъ очень широко, и что съ осуществленіемъ ея легко осчастливить цѣлый міръ. Въ дѣлѣ затѣй, зарождающихся на нашей почвѣ, такого рода предположенія совсѣмъ не „шаржъ“, потому что у насъ изстари такъ заведено: затѣвать, такъ ужъ затѣвать. Но затѣмъ, все-таки, слѣдуетъ вопросъ: откуда эта затѣя явилась? составляетъ ли она плодъ предварительной жизненной подготовки или по крайней мѣрѣ хотя теоретически сложившагося убѣжденія? Или, быть можетъ, она пришла съ вѣтру, затѣмъ что у прочихъ такъ водится, такъ чтобы и намъ не стыдно было въ людяхъ глаза показать? Какъ ни придирчивъ кажется этотъ вопросъ (когда дѣло идетъ о женерозныхъ начинаніяхъ у насъ даже вопросовъ никакихъ допускать не принято), но онъ далеко не праздный. Разрѣшите себѣ его, и вы разомъ получите возможность не только оцѣнить по достоинству самую затѣю и исходный пунктъ, изъ котораго она возникла, но и провидѣть дальнѣйшій процессъ ея осуществленія, со всѣми ожидающими ее впереди колебаніями и неизбѣжнымъ въ концѣ концовъ фіаско.

Потребность въ выработкѣ новыхъ формъ жизни всегда и вездѣ являлась какъ слѣдствіе не одного теоретическаго признанія неудов-

летворительности старыхъ формъ, но и реальнаго недовольства ими. Имѣли ли мы, интеллигенція, поводъ быть недовольными этими старыми формами? — нѣтъ, говоря по совѣсти, у насъ даже повода къ недовольству не существовало. Повторяю: нашъ кодексъ жизни вполнѣ исчерпывался формулой: „chantons, dansons et buvons“ — а этой формулѣ не только не мѣшали старые порядки, но даже вполнѣ ее обезпечивали. Но, можетъ быть, насъ заставляло задумываться сосѣдство множества людей, которымъ старые порядки ни въ какомъ случаѣ не могли быть попутру! Безспорно, такое сосѣдство существовало, но мы до такой степени мало думали о немъ, что даже и теперь, когда несомнѣнность сосѣдства уже гораздо болѣе выяснилась, мы все-таки продолжаемъ столь же мало принимать его въ разсчетъ, какъ и прежде. Еслибъ это было иначе, развѣ мы обращались бы столь легкомысленно съ словами: вычеркнуть, похерить, воспретить? Развѣ мы позволили бы себѣ считать ихъ палладіумомъ всевозможныхъ мѣропріятій? Ясно, стало быть, что сосѣдство тутъ ни-при-чемъ, или, по крайней мѣрѣ, что представленіе о немъ никогда насъ сознательно не тревожило. Наконецъ, еще третье предположеніе: быть можетъ, въ насъ проснулось сознаніе абсолютной несправедливости старыхъ порядковъ, и вслѣдствіе того потребность новыхъ формъ жизни явилась уже дѣломъ необходимымъ для удовлетворенія человѣческой совѣсти вообще? — но въ такомъ случаѣ почему же это сознаніе не напоминаетъ о себѣ и теперь съ тою же предполагаемою страстною настойчивостью, съ какою оно напоминало о себѣ въ первыя минуты своего возникновенія? почему оно улетучилось на глазахъ нашихъ, и притомъ улетучилось не подвергаясь никакимъ серьезнымъ испытаніямъ? Да впрочемъ въ такихъ ли мы условіяхъ воспитывались, которыя могли бы серьезно породить въ насъ подобное сознаніе, составляющее, такъ сказать, вѣнецъ нравственнаго и умственнаго развитія человѣка?

Всѣ эти соображенія приводятъ къ заключенію очень печальному, но которое едва-ли можно назвать невѣрнымъ, а именно: что наша женерозность пришла къ намъ безъ особенно дѣятельнаго участія сознанія. Это не женерозность, а просто желаніе куда-нибудь приткнуться отъ скуки и однообразія жизни — и въ то же время развлечь себя новымъ фасономъ одежды. Мы сказали себѣ: пусть будетъ новый фасонъ, а что касается до результатовъ и примѣненій, то мысль о нихъ никогда съ особенною ясностью не представлялась намъ. Мы

до такой степени не думали ни о какихъ результатахъ и примѣненіяхъ, что даже не задались при этомъ никакою преднамѣренно-злостною мыслью, въ родѣ, напримѣръ, того, что новые фасоны должны только отводить глаза отъ прикрываемаго ими стараго содержанія. Не было органической, кровной надобности въ новыхъ фасонахъ, слѣдовательно не было мысли и о томъ, что они могутъ чему-нибудь угрожать. А слѣдовательно не было надобности остерегаться или надувать. Самое негодованіе наше было ретроспективное. и явилось уже post factum, то-есть тогда, когда новая пригонка начала производить эффекты, не вполнѣ согласные съ общимъ тономъ жизни и съ нашими интимными пожеланіями. Тогда только мы начали суетиться. ахать и извергать безграмотные проекты о необходимости возвратиться къ системѣ заушенія.

При такомъ легкомъ отношеніи къ исходному пункту новой жизненной дѣятельности возможно ли ожидать устойчивости и во всемъ дальнѣйшемъ ея развитіи? Увы! если тутъ и была устойчивость, то это именно была только устойчивость легкомыслія. Сколько бы ни твердили намъ, что разумный выходъ изъ извѣстнаго положенія, созданнаго хотя бы и внезапно, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно пріобрѣвшаго право гражданственности—это признать его со всѣми естественными результатами, которое оно можетъ дать—развѣ мы, отставные прапорщики и подъячіе, способны на такое признаніе?

Развѣ мы что-нибудь предвидѣли, что-нибудь призывали сознательно? Нѣтъ, мы только сію минуту узнали (да и то не можемъ разобрать, врутъ это или правду говорятъ), что наша затѣя, кромѣ новаго фасона, заключаетъ въ себѣ и еще нѣчто. а до сихъ поръ мы думали. что это положительнымъ образомъ только фасонъ. Да это фасонъ и есть: мы это дѣло такъ разумѣли, когда увлекались имъ и аплодировали ему; такъ хотимъ разумѣть его и теперь. Всѣ эти колебанія и движенія, на которыя намъ указываютъ какъ на слѣдствіе новыхъ фасоновъ—все это вздоръ, миражъ и ничего больше. А ежели они и вирямъ. эти колебанія, существуютъ, то изъ этого слѣдуетъ только. что новые фасоны надо отмѣнить и возвратиться къ старымъ. А то еще развивать! Что развивать? Фасоны-то развивать!

Разсуждая такимъ образомъ. отставные корнеты даже выходятъ изъ себя при мысли, что кто-нибудь можетъ не понять ихъ. Въ ихъ глазахъ все такъ просто, такъ ясно. Новая форма жизни—фасонъ;

затѣмъ слѣдуетъ естественное заключеніе: та же случайность, которая вызвала новый фасонъ, можетъ и прекратить его дѣйствіе. Вотъ тутъ-то именно и является какъ нельзя кстати на помощь слово „вычеркнуть“, которое въ немногихъ буквахъ, его составляющихъ, резюмируетъ всѣ ихъ жизненныя воззрѣнія.

И за то, посмотрите, какая изумительная краткость проявляется во всѣхъ этихъ плодахъ деревенскаго досуга! Листъ, много два—и дѣлу конецъ. Да и тутъ еще всякій безпристрастный читатель непремѣнно почувствуетъ не краткость, а прискорбное многословіе. Всякій читатель совершенно ясно видитъ, что авторъ ничего другого не желаетъ, кромѣ трехъ вещей: уничтожить, вычеркнуть, воспретить. Слѣдовательно, взялъ бы листъ бумаги, написалъ бы на немъ эти три слова—и дѣло съ концомъ. Зачѣмъ же онъ примѣшиваетъ тутъ какого-то господина Токевиля (удерживаю фамилію этого писателя въ томъ видѣ, какъ она является въ плодахъ деревенскихъ досуговъ) *) и даже Бисмарка, Наполеона, Вашингтона, а изъ отечественныхъ публицистовъ—академика Безобразова и кн. Мещерскаго? Очевидно, онъ дѣлаетъ это въ обремененіе читателю, думая, что такъ будетъ фасонистѣе.

Эта многословная краткость приводила меня въ отчаяніе еще въ то время, когда я процвѣталъ подъ сѣнью рязанско-козловско-саратовскаго клуба. Видѣть человѣка, который напружинается, у котораго на лбу жилы лопнуть готовы и изъ устъ котораго вылетаетъ безсвязное бормотаніе съ примѣсью Токевиля, Наполеона и кн. Мещерскаго—можетъ ли быть зрѣлище болѣе прискорбное для сердца человѣка, сознающаго себя патріотомъ! Съ какимъ-то ужасомъ думаешь: да неужели же мы и въ самомъ дѣлѣ не можемъ двухъ мыслей порядкомъ переварить? И отчего не можемъ? оттого ли, что природа обошла насъ своею благосклонностью, или оттого, что откупа уничтожены и вслѣдствіе того подешевѣла водка? Въ каждой, въ каждой-таки деревнѣ кабакъ—какъ хотите, а тутъ хоть кого сва-

*) Токвиль положительно сдѣлался популярнѣйшимъ изъ публицистовъ въ нашихъ усадьбахъ. Безъ него корнеты шагу ступить не могутъ, хотя знаютъ его только по слухамъ и устнымъ разсказамъ другихъ корнетовъ. Думалъ ли когда-нибудь знаменитый авторъ „L'ancien régime et la révolution“, что сочиненіе это можетъ послужить опорною точкой при составленіи „прожекта объ оглушеніи“?

лить! Развѣ „Токевиль“ въ такихъ условіяхъ писалъ свои прожекты? Развѣ Наполеонъ III заглядывалъ черезъ каждые полчаса въ буфетъ, когда диктовалъ свои мѣропріятія относительно разстрѣлянія? А мы что дѣлаемъ? Ужъ не потому ли у насъ изъ всѣхъ реформъ наиболѣе прочнымъ образомъ привилась одна—это буфеты при земскихъ собраніяхъ?

Именно отъ этой многословной краткости, отъ этихъ раздражающихъ Токевилей и Бисмарковъ я бѣжалъ изъ провинціи, и именно се-то я и обрѣлъ опять въ Петербургѣ. Все, что въ силахъ что-нибудь дѣятельно напакостить, все, что не чуждо азбуки,—все это устремилось въ Петербургъ, оставивъ на мѣстахъ лишь гарнизонъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то-есть людей, буквально могущихъ только хлопать глазами и таращить ихъ...

Но Прокопъ говоритъ, что и эти невдолгѣ пріѣдутъ.

— Вотъ погоди немного,—предсказываетъ онъ:—зашевелятся и они! И Хлобыстовскіе пріѣдутъ, и Дракины пріѣдутъ—всѣ прибѣгутъ!

Жутко, но должно сознаться, что пророчество Прокопа имѣетъ нѣкоторое основаніе. Я самъ собственными ушами слышалъ, какъ въ дебаркадерѣ желѣзной дороги одинъ изъ Хлобыстовскихъ коснѣющимъ языкомъ сказалъ:

— Гм... въ Петербургъ... скоро... сейчасъ... фью!

Теперь для меня смыслъ этого бормотанія совершенно ясенъ.

Ужели, однакожъ, и сего не довольно? ужели на смѣну нынѣшней уничтожательно-консервативной партіи грядетъ изъ мрака партія, которую придется уже назвать нануничтожательнѣйше-консервативнѣйшею? А эта послѣдняя партія, вслѣдствіе окончательной безграмотности и незнакомства съ именемъ господина „Токевиля“, даже не дастъ себѣ труда писать проекты объ уничтоженіи, а просто будетъ зря махать руками направо и налѣво?

Привожу здѣсь на выдержку нѣсколько проектовъ, придерживаясь въ этомъ случаѣ указаній Прокопа.

О необходимости децентрализаціи.

„Избѣгая вреднаго многословія, приступаю прямо. Извѣстно, какія неудобства всегда и вездѣ представляла излишняя централиза-

ція. Токевиль выражается о семъ прямо: „централизація есть зло". Монтескью, подтверждая сіе мнѣніе, прибавляетъ: „зло, съ трудомъ поправимое даже деспотизмомъ". Наконецъ, англійскій писатель Джонъ Стуартъ выражается такъ: „централизація есть остатокъ варварства". Хотя же преосвященнѣйшій Георгій Конисскій, въ привѣтственной рѣчи покойной императрицѣ Екатеринѣ II, и говоритъ, „солнце наше вокругъ насъ ходитъ, да мы въ безмятежіи почиваемъ", но сіе отнюдь не слѣдуетъ относить къ централизаціи, но къ свойственному всякому вѣрноподданному радостному чувству.

„И дѣйствительно, не токмо во Франціи, сей классической странѣ централизаціи, но и у насъ на каждомъ шагу мы видимъ плоды сего горькаго порядка вещей. Благодаря оному, какихъ хлопотъ и издержекъ, напримѣръ, стоило, дабы выиграть тяжбу въ правительствующемъ сенатѣ! сколько изнуреній даже и до-днесь нужно перенести, дабы получить въ государственномъ банкѣ какое-либо удовлетвореніе?

„Въ первомъ случаѣ необходимо было: во-первыхъ, ѣхать въ уѣздный городъ и нанимать подъячаго, который былъ бы искусенъ въ написаніи просьбъ; во-вторыхъ, идти въ судъ, подать просьбу и тамъ одарить всѣхъ, начиная съ судьи и кончая сторожемъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, просьба можетъ быть возвращена съ надписаніемъ: въ-третьихъ, отъ времени до времени посылать секретарю деревенскихъ запасовъ и писать ему льстивыя письма; въ-четвертыхъ, въ теченіи стяжать душу свою. И вотъ, по истеченіи двухъ-трехъ лѣтъ, уѣздный судъ дастъ, наконецъ, резолюцію, въ родѣ той знаменитой, которая разрѣшила истцу „ловить въ озерѣ рыбу *удою*". Тогда надо ѣхать въ губернскій городъ и подавать просьбу въ гражданскую палату. И здѣсь нанимать искуснаго подъячаго, и здѣсь поголовно всѣхъ одарить, и здѣсь посылать деревенскій запасъ (при разстояніи уже значительно большемъ) и писать льстивыя письма секретарямъ. Наконецъ, года черезъ три, издаетъ палата резолюцію, которою тоже разрѣшается „ловить въ ономъ озерѣ рыбу *удою*". Тогда надобно направлять стопы въ сенатъ, гдѣ по дальности разстояній подъячіе деревенскими запасами уже не берутъ, а берутъ чистыми деньгами.

„Во второмъ случаѣ, ежели вы, напримѣръ, имѣете въ банкѣ вкладъ, то забудьте о своихъ человѣческихъ немощахъ и думайте объ одномъ: что вамъ предназначено судьбою ходить. Кажется, и росписка

у васъ есть, и все въ порядкѣ, что слѣдуетъ, тамъ обозначено, но, клянусь, раньше двухъ-трехъ дней процентовъ не получите! И объявленія писать вамъ придется, и роспысываться, и съ сторожемъ разговаривать, и любоваться, какъ чиновникъ спичку зажечь не можетъ, какъ онъ папироску закуриваетъ, и, наконецъ, стоять, стоять и стоять!

„Таковы плоды централизаціи! Прахъ друга своего схоронить невозможно, предварительно не разстроивъ своего здоровья и не раздавъ полъ-имѣнія своего извозчикамъ!

„Наши заатлантическіе друзья давно уже сіе поняли, и Токевиль справедливо говоритъ: „въ Америкѣ—говоритъ онъ—даже самый простой мужикъ—и тотъ давно смѣется надъ централизаціей, называя ее никуда негоднымъ продуктомъ гнилой цивилизаціи“. Но зачѣмъ ходить такъ далеко? Сказываютъ, даже Наполеонъ III нерѣдко въ послѣднее время о семъ поговаривалъ въ секретныхъ бесѣдахъ съ господиномъ Піетри.

„И для чего таковое непосильное изнуреніе обывателей? для того ли, чтобы власть отъ того возвеличивалась и, возвеличиваясь, предъявляла благодѣтельныя свои для управляемыхъ насильства?

„Нѣтъ! власть нѣмотствуетъ, а государственный банкъ, тиранствуя надъ своими кліентами, нисколько симъ не возвеличивается!

„Токевиль говоритъ: „безполезное тиранство никогда пользы принести не можетъ“.

„Обыватель не можетъ своевременно процентовъ получить, а зло накопляется, распространяетъ крылѣ свои, поднимаетъ голову и въ концѣ концовъ образуетъ гидру! Обыватель тщетно расточаетъ льстивыя увѣренія передъ сонмищемъ секретарей, стараясь убѣдить ихъ въ правотѣ имущественнаго своего иска, а зло между тѣмъ рыщетъ и останавливается лишь для того, чтобы выкопать бездну! Зло счастливо и безпечно: оно не получаетъ процентовъ и не имѣетъ имущественныхъ процессовъ!

„Примѣровъ такого разслабленнаго состоянія власти множество. Приведу два или три.

„Въ селѣ проживаетъ поповскій сынъ и открыто проповѣдуетъ безначаліе. По правиламъ централизаціи, надлежитъ въ семъ случаѣ поступить такъ: начать слѣдствіе, потомъ представить оное на разсмотрѣніе, потомъ, буде найдены будутъ достаточные поводы для

сужденія, то нарядитъ судъ. Затѣмъ судъ немедленно оправдываетъ бунтовщика, и поповскій сынъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ распространять свой ядъ!

„Другой примѣръ: крестьянскіе гуси потравили помѣщичій овесъ. По правиламъ централизаціи, помѣщикъ, для возстановленія нарушеннаго права собственности, поступаетъ такъ: во-первыхъ, по незнанію законовъ, обращается въ волостной судъ. Тамъ ему отказываютъ на томъ основаніи, что волостные суды вѣдаютъ лишь дѣла крестьянъ между собою. Дѣлать нечего, велитъ помѣщикъ закладывать лошадей и, по незнанію законовъ, отправляется за двадцать, за тридцать верстъ, искать правосудія къ мировому посреднику. Сей, тоже по незнанію законовъ, принимаетъ просьбу, но черезъ двѣ недѣли, посовѣтовавшись съ своимъ письмоводителемъ, объявляетъ просителю, что нынѣ уже порядки не тѣ, и направляетъ его къ мировому судьѣ. Тѣмъ временемъ овесъ выросъ вновь, а свидѣтели преступленія, не будучи обязаны подпиской о невыѣздѣ, разбрелись по сторонамъ. Руководясь сими данными и къ тому же будучи филантропомъ, судья пишетъ отказъ и взыскиваетъ съ просителя издержки!

„Какое сердце не обольется кровью при видѣ сего!

„Тогда какъ при децентрализаціи и поповскій сынъ, распространяющій безначаліе, и крестьяне, допустившіе своимъ гусямъ наносить ущербъ помѣщичьему хозяйству, давно были бы наказаны и самое свидѣтельство о содѣянныхъ ими преступленіяхъ содѣлалось бы достояніемъ исторіи!

„Извѣстный криминалистъ Сергій Баршевъ говоритъ: „ничто такъ не спасительно, какъ штрафъ, своевременно налагаемый, и ничто такъ не вредно, какъ безнаказанность“ *). Святая истина!

„Но что же необходимо учинить, дабы ввести сію многожелаемую и спасительную децентрализацію?

„На сіе отвѣчу прямо: необходимо прежде всего вооружить власть.

„Можно ли назвать власть вооруженною, если для достиженія

*) Напрасно мы стали бы искать этой цитаты въ сочиненіяхъ бывшаго ректора московскаго университета. Эта цитата, равно какъ и ссылки на Токевиля, Монтескьё и проч., сдѣланы отставнымъ корнетомъ Толстолобовымъ, очевидно, со словъ другихъ отставныхъ же корнетовъ, наслышавшихся о томъ, въ свою очередь, въ земскихъ собраніяхъ.—*Примѣчаніе автора „Дневника“.*

ея необходимо ѣхать за тридцать, за сорокъ верстъ, но и тутъ трепетать, что попадешь не туда, куда надлежитъ, или же что власть взглянетъ на все сіе иронически, или отзовется неимѣніемъ средствъ и указаній?

„Можно ли назвать власть вооруженною, ежели, даже при искреннемъ желаніи помочь ближнему, она на каждомъ шагу стѣснена всякаго рода сомнительностями и пагубнымъ формализмомъ?

„Можно ли назвать власть вооруженною, ежели злу, для того, чтобы быть безнаказаннымъ, стоитъ только поселиться подальше отъ становой квартиры?

„Токевиль справедливо отвѣчаетъ на сіе: невозможно.

„А между тѣмъ при нынѣшней централизаціи власть именно находится въ семъ безпомощномъ и, такъ сказать, ироническомъ состояніи.

„Губернаторы стѣснены судами, палатами, общими присутствіями. Ищутъ преданности, и находятъ одно противорѣчіе.

„Исправники лишены права поступать по обстоятельствамъ, и, не имѣя прочной руководящей нити, совсѣмъ никакъ не поступаютъ.

„Становые пристава до такой степени опутаны сѣтями начальственныхъ предписаній, что вскорѣ самую жизнь за тягость себѣ почитать будутъ.

„О дворянахъ-землевладѣльцахъ—умолчу.

„Всѣ жалуются и вопіютъ; вездѣ говорятъ о власти, вездѣ ищутъ сего надежнаго убѣжища, и за всѣмъ тѣмъ не только не приближаются къ оному, но, въ похвальномъ стремленіи всѣхъ осчастливить, постепенно все больше и больше отъ здраваго смысла отдаляются!

„И сіе все при нашихъ обширныхъ, можно сказать, даже непреоборимыхъ пространствахъ!!

„А между тѣмъ, какъ говоритъ безсмертный нашъ баснописецъ Крыловъ: вѣдь ларчикъ просто открывался!!!

„Будучи одаренъ многолѣтнею опытностью и двадцать-пять лѣтъ лично управляя моими имѣніями, я много о семъ предметѣ имѣлъ случай разсуждать, а нѣкоторое даже и въ имѣніяхъ моихъ примѣнилъ. Конечно, по малому моему чину, я не могъ своихъ знаній на широкомъ поприщѣ государственности оказать, но такъ какъ нынѣ уже, такъ сказать, принято о чинахъ произносить съ усмѣшкой, то

думаю, что и я не худо сдѣлаю, ежели здѣсь мои результаты вкратцѣ попытаюсь изложить. Посему соображаю такъ:

„Для того, чтобы искоренить зло, необходимо вооружить власть.

„Для того же, чтобы власть чувствовала себя вооруженною, необходимо повсюду оную децентрализировать.

„Затѣмъ, уже руководствуясь такими соображеніями, предлагаю:

„1) Губернаторовъ назначать вездѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, яко знающихъ обстоятельства. Чинами при семъ не стѣсняться, хотя бы былъ и корнетъ, но надежнаго здоровья и опытенъ.

„2) По избраніи губернатора, немедленно онаго вооружить, освободивъ отъ всякихъ репортовъ, донесеній, а тѣмъ болѣе отъ совѣтовъ съ палатами и какими-либо присутствіями.

„3) Ежели невозможно предоставить губернатору издавать настоящіе законы, то предоставить издавать *правила*, и отнюдь не стѣснять его въ мѣропріятіяхъ къ искорененію зла.

„4) На каждыхъ пяти верстахъ поставить особеннаго дистанціоннаго начальника изъ знающихъ обстоятельства мѣстныхъ землевладѣльцевъ, котораго также вооружить, съ предоставленіемъ искоренять зло по обстоятельствамъ.

„5) Дистанціонному начальнику поставить въ обязанность быть праздным, дабы онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, всегда былъ готовъ принимать нужныя мѣры *).

„6) Уѣзды раздѣлить на округа (по четыре на уѣздъ), и въ каждомъ округѣ учредить изъ благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства помѣщиковъ особливую коммиссію, подъ наименованіемъ: „коммиссія для изслѣдованія благонадежности“.

„7) Членамъ сихъ коммиссій предоставить: а) опредѣлять степень благонадежности обывателей; б) дѣлать обыски, выемки и облавы, и вообще испытывать; в) удалять вредныхъ и неблагонадежныхъ людей, преимущественно избирая для поселенія мѣста необитаемыя и ближайшія къ Ледовитому океану.

и „8) Въ вознагражденіе трудовъ положить всѣмъ симъ лицамъ приличное и вполнѣ обезпечивающее ихъ содержаніе.

---

*) Пользу отъ сего я испыталъ собственнымъ опытомъ. Двадцать-пять лѣтъ я проводилъ время въ праздности, а имѣнія мои были такъ устроены, какъ дай Богъ всякому. Не оттого ли, что я всегда имѣлъ нужный досугъ?

Примѣч. автора проекта.

„Излагая все сіе, не ищу для себя почестей, но буду доволенъ, ежели за всѣ подъятые мною труды предоставлено мнѣ будетъ хотя единое утѣшеніе—утѣшеніе сказать: *и моего тутъ капля меду есть*“.

Отставной корнетъ Петръ Толстолобовъ.

— Ну что? каково?—приставъ ко мнѣ въ тотъ же вечеръ Прокопъ?

— Да что-жъ... хорошо-то хорошо... только вотъ насчетъ Америки какъ-то сомнительно...

— А ну ее, Америку! Главное дѣло—децентрализація чтобъ была... Согласенъ ты, что централизація—вредъ?

— Вредъ-то вредъ... что и говорить!

— Ну, а ежели вредъ, стало-быть какъ слѣдуетъ по твоему поступить?

— А чортъ его знаетъ, какъ оно тамъ...

— То-то же вотъ и есть!

— Вотъ тоже: какой-то „англійскій писатель Стуартъ“... чортъ его знаетъ, кто онъ таковъ! Ну, да и Токевиль... воля твоя, а врядъ-ли онъ такъ говорилъ!

— Что? Токевиль-то? Да я отъ Петра Иваныча Дракина самъ своими ушами слышалъ, что именно это самое у него въ книжкѣ написано! А ужъ если Петру Иванычу не повѣрить—кому же и вѣрить?

— Н-да... а все-таки какъ-то... На каждыхъ пяти верстахъ по помѣщику, и все такое... Чортъ знаетъ что!

— А я про что же говорю! Именно: чортъ не разберетъ! Ты сообрази только, какое мордобитіе-то пойдетъ—любо!

И Прокопъ залился такимъ раздражающимъ смѣхомъ, что я нѣсколько секундъ стоялъ какъ ошеломленный. Передо мной вдругъ совершенно отчетливо встала вся картина децентрализаціи по мысли и сердцу отставного корнета Толстолобова...

Это было ужасное зрѣлище...

Не было ни судовъ, ни палатъ, ни присутствій—словомъ сказать, ничего, чѣмъ красна современная русская жизнь. Была пустыня, въ которой рѣяли децентрализованные квартальные надзиратели изъ знающихъ обстоятельства помѣщиковъ.

Бьютъ, испытываютъ и ссылаютъ. Потомъ на-скоро подкрѣпляютъ силы холодными закусками и водкой, и опять бьютъ, испытываютъ и ссылаютъ.

Нѣтъ ни сапожниковъ, ни портныхъ, ни музыкантовъ, ни литераторовъ, ни ученыхъ, ибо всѣхъ испытываютъ. Всѣ кому-нибудь когда-нибудь нагрубили, за всѣми есть какой-нибудь счетецъ, и потому всѣ подлежатъ изслѣдованію.

Объятый ужасомъ, я инстинктивно схватился за графинъ и сразу выпилъ десять рюмокъ очищенной.

Другой проектъ:

О необходимости оглушенія въ смыслѣ временнаго усыпленія чувствъ.

„Новоявленный публицистъ кн. В. Мещерскій говоритъ справедливо: „реформы необходимы, но не менѣе того необходимы и знаки препинанія. Или, говоря иными словами: выпустилъ реформу—довольно, ставь точку; потомъ, спустя время, опять выпустилъ реформу и опять точку ставь. И такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока не исполнятся неисповѣдимые Божіи пути.

„Съ своей стороны скажу болѣе: не одну, а нѣсколько точекъ всякій разъ ставить не мѣшало бы. И не непремѣнно послѣ реформы, но и въ другое, свободное отъ реформъ время.

„Одно не вполнѣ ясно: какимъ образомъ все сіе исполнить? Въ теоретичной принципіальности сія мысль совершенно вѣрна, но въ практичной удовлетворительности она далеко не представляется столь же ясною и удобоприемлемою.

„Что такое реформа? Реформа есть такое дѣйствіе, которое человѣческимъ страстямъ сообщаетъ новый полетъ. А коль скоро страсти получили полетъ, то онѣ летятъ—это ясно. Не успѣвъ оставить гавань одной реформы, онѣ уже видятъ открывающуюся вдали гавань другой реформы, и стремятся къ ней. Вотъ здѣсь-то именно, то-есть на этомъ-то пути стремленія отъ одной реформы къ другой, и слѣдуетъ, по мысли кн. Мещерскаго, употреблять тотъ знакъ препинанія, о которомъ идетъ рѣчь. Возможно ли это?

„Возможно; но дабы получить въ семъ случаѣ успѣхъ, необходимо предварительно привести страсти въ нѣкоторое особливое состояніе, которое поставило бы ихъ въ невозможность препятствовать постановкѣ точекъ. Ибо, въ противномъ случаѣ, онѣ всенепремѣнно тому воспрепятствуютъ.

„Страсти почувствовали силу и получили полетъ—возможно ли, чтобъ онѣ, чувствуя себя сильными, равнодушно взглянули, какъ небольшое количество благонамѣренныхъ людей будутъ ставить имъ точки? И опять, какія это точки? Ежели тѣ точки, кои обыкновенно публицисты въ сочиненіяхъ своихъ ставятъ, то развѣ великаго труда стоитъ превратить оныя въ запятыя, а въ крайнемъ случаѣ и совсѣмъ выскоблить?

„Стало быть, прежде всего надо ослабить силу страстей, а потомъ уже начать ставить точки, и притомъ не такія, которыя можно бы выскоблить, а настоящія, дѣйствительныя.

„Удобнѣе всего это достигается посредствомъ такъ-называемаго *оглушенія*.

„Многіе возстаютъ противъ этой системы, находя ее недостаточно человѣколюбивою и прогрессивною. Но это говорятъ люди, которые, очевидно, знакомы съ системой поверхностно или по слухамъ. Я же, напротивъ того, утверждаю: оглушеніе не токмо не противно либерализму, но и составляетъ необходимѣйшее отъ онаго отдохновеніе.

„Токевиль говоритъ: „такъ-называемое оглушеніе не только не противно человѣческой природѣ, но въ весьма многихъ случаяхъ даже способствуетъ возстановленію человѣческихъ силъ". А за Токевилемъ эту истину уже повторяютъ нынѣ всѣ англійскіе публицисты.

„Съ физической стороны оглушеніе причиняетъ боль—это правда. Но съ нравственной—оно успокоиваетъ и сберегаетъ слишкомъ легко издерживающіяся силы. Да развѣ необходимо, чтобъ оглушеніе имѣло характеръ непремѣнно физическій? развѣ невозможно оглушеніе умственное и нравственное?

„Что зло повсюду распространяетъ свои корни—это ни для кого уже не тайна. Люди обыкновенно начинаютъ съ того, что съ усмѣшкой отзываются о сотвореніи міра, а кончаютъ тѣмъ, что не признаютъ начальства. Все это дѣлается публично, у всѣхъ на глазахъ и притомъ съ такою самоувѣренностью, какъ будто уставъ о пресѣ-

ченіи и предупрежденіи давно уже совершилъ теченіе свое. Что могутъ въ этомъ случаѣ сдѣлать простые знаки препинанія?

„Опасность такъ велика, что не только занятыя, даже точки не упраздняютъ ея. Наполеонъ I на островѣ св. Елены говорилъ: „чѣмъ сильнѣе опасности, тѣмъ сильнѣйшія должны быть употреблены средства для ихъ уврачеванія". Подъ именемъ сихъ „сильнѣйшихъ средствъ" что разумѣлъ великій человѣкъ? Очевидно, онъ разумѣлъ то же, что разумѣю и я, то-есть: сперва оглуши страсти, а потомъ уже ставь точку, хоть цѣлую страницу точекъ.

„Но дабы оглушеніе не противорѣчило идеямъ современнаго человѣколюбія, необходимо, чтобы оно имѣло характеръ преимущественно нравственный.

„Ежели я человѣка, посредствомъ искусно комбинированной системы воспрещеній и сокрытій, отвлеку отъ предметовъ, кои могутъ излишне плѣнять его любознательность или давать его мысли несвоевременный полетъ, то этимъ я уже довольно много сдѣлаю. Но „довольно много" еще не значитъ „все". Человѣкъ, лишенный средствъ питать свой умъ, впадаетъ въ дремотное состояніе — но и только. Самая дремота его будетъ непадежная и, при первомъ нечаянномъ послабленіи системы сокрытій, превратится въ бдѣніе тѣмъ болѣе опасное, что, благодаря временному оглушенію, послѣдовало сбереженіе и накопленіе умственныхъ силъ.

„Необходимо, чтобы дремотное состояніе было не токмо вынужденное, но имѣло характеръ дѣятельный и укрепній.

„Если, напримѣръ, пріурочить молодыхъ людей къ чтенію сонниковъ, или къ ежедневному разсмотрѣнію дѣвицы Гандонъ (самъ не видѣлъ, но изъ газетъ очень довольно знаю), или же, наконецъ, занять ихъ исключительно вытверживаніемъ азбуки въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оную изобрѣлъ Тауть, то умы ихъ будутъ дремотствовать, но дремотствовать дѣятельно.

„Предавшись чтенію сонниковъ, молодые люди будутъ ожидать отъ сего исполненія желаній. Одолѣвъ Таутову азбуку, они преисполнятся сладкой увѣренности, что назначеніе человѣческой жизни ими совершено сполна. О дѣвицѣ Гандонъ—уже не говорю. Во всѣхъ сихъ упражненіяхъ, очевидно, будетъ участвовать страсть, но страсть спасительная, имѣющая въ предметѣ отличаться въ изученіи сюжетовъ безопасныхъ и малополезныхъ, какъ напримѣръ зоіонскаго языка.

И такимъ образомъ получится поколѣніе дремотствующее, но бодрое, и не только не препятствующее знакамъ препинанія, но *дѣятельно* на постановку ихъ согласное.

„При таковомъ согласіи реформы примутъ теченіе постепенное и вполнѣ правильное. При наступленіи благопріятнаго времени, начальство, конечно, и безъ сторонихъ побужденій издастъ потребную по обстоятельствамъ реформу, но оная уже будетъ встрѣчена безъ сомнѣнія, ибо всякому будетъ извѣстно, что вслѣдъ затѣмъ послѣдуютъ года, кои имѣютъ быть употреблены на то, чтобы ставить той реформѣ знаки препинанія. Что, кромѣ системы нравственнаго оглушенія, можетъ дать такой, превышающій всякія ожиданія, результатъ?

„Будучи вынужденъ по непріятностямъ оставить службу и проживая въ своей чухломской усадьбѣ, я имѣлъ возможность много о семъ предметѣ разсуждать и даже мѣняться мыслями съ нѣкоторыми уважаемыми сосѣдями, и всѣ мы пришли къ заключенію: Токевиль правъ.

„Законовъ издавать—права не имѣю; но преподать нѣчто къ изданію таковыхъ—могу.

„Съ горестью покинулъ службу; съ радостью вновь возвратился бы въ лоно оной; но удостоюсь ли сего по труднымъ и превратнымъ нынѣшнимъ обстоятельствамъ—настоящимъ образомъ предсказать не могу.

„Но ежели бы сей мой проэктъ оказался почему-либо неудобнымъ—могу написать другой, болѣе удобный“.

Бывшій штатный смотритель чухломскаго училища
титулярный совѣтникъ Иванъ Филоверитовъ.

„P. S. Многіе изъ сверстниковъ моихъ давно уже архіереями; я же вынужденъ взяться за плугъ. А у насъ, въ Чухломѣ, и овесъ никогда болѣе какъ самъ-третій не родится!!“

Я былъ униженъ, оскорбленъ, раздраженъ...

Вотъ, думалось мнѣ, ни образованія, ни привычки мыслить, ни даже умѣнья обращаться съ человѣческою рѣчью—ничего у этого человѣка нѣтъ, а между тѣмъ какую ужасную, ехидную мерзость онъ

сооружилъ! И какъ свободно, естественно, созрѣла она въ его головѣ! Ни разу не почувствовалъ онъ потребности провѣрить себя, или посовѣтоваться съ своею совѣстью. или, наконецъ, хоть изъ чувства приличія, сослаться на какіе-нибудь факты. Нѣтъ; онъ имѣлъ въ виду только одно: что ему предстоитъ сочинить пакость, и что измышленіе его, яко пакостное, непремѣнно найдетъ себѣ прозелитовъ.

Выскажи онъ мысль сколько-нибудь человѣческую—его засмѣютъ, назовутъ блаженненькимъ, не дадутъ проходу. Но онъ явился не съ проектомъ о признаніи въ человѣкѣ человѣческаго образа (это былъ бы не проектъ, а опасное мечтаніе), а съ проектомъ о превращеніи человѣческихъ головъ въ стѣнобитныя машины—и нѣтъ хвалы, которою не считалось бы возможнымъ наградить эту гнилую отрыжку старой канцелярской каверзы, не нашедшей себѣ ограниченія ни въ совѣсти, ни въ знаніи.

Филоверитовъ стоялъ передо мной какъ живой. Длинный, змѣеобразный, онъ извивался, складывался пополамъ, ползалъ. Голосъ у него былъ дѣтскій, плачущій, на глазахъ дрожали слезы крокодила. И онъ такъ вкрадчиво смотрѣлъ на меня этими глазами, какъ будто говорилъ: а хочешь, мой другъ, я засажу тебя за эѳіопскія спряженія?

А что, если въ самомъ дѣлѣ мнѣ ничего отнынѣ не дадутъ читать, кромѣ сонниковъ? Что, если ко мнѣ приставятъ педагога, который неустрашительно начнетъ обколачивать меня по части памятниковъ эѳіопской письменности?

Нѣтъ! надобно все это забыть!

Но какъ забыть—вотъ вопросъ! Куда бѣжать, гдѣ скрыться отъ *сіе* вездѣсущія? На улицѣ, въ трактирѣ, въ клубѣ, въ гостиной—*оно* вездѣ или предшествуетъ вамъ, или бѣжитъ по пятамъ. Вездѣ *оно* гласитъ: уничтожить, вычеркнуть, запретить!

Корнетъ Толстолобовъ скользнулъ по поверхности; чухломецъ Филоверитовъ—прямо пропизалъ взоромъ въ глубь. Въ проектѣ Толстолобова черезъ-чуръ много блеску; онъ обращаетъ слишкомъ мало вниманія на человѣческую жизнь, онъ слишкомъ охотно ею жертвуетъ. Шутка сказать! населить поморье Ледовитаго океана людьми, оказавшимися, по испытаніи, неблагопадежными! Это, наконецъ, даже непрактично! Напротивъ того, Филоверитовъ простъ и скроменъ до крайности; онъ смотритъ на человѣческую жизнь какъ на драгоцѣн-

пѣйшій даръ Творца, и потому говоритъ: живи, но пребудь навсегда дуракомъ! Не блестяще... но какъ практично!

Но ежели нельзя забыть объ этихъ прожектахъ, то во всякомъ случаѣ надобно ихъ сжечь!

Я схватилъ всю кипу и съ какимъ-то дикимъ ожесточеніемъ бросилъ ее въ каминъ. Съ наслажденіемъ слѣдилъ я, какъ сначала повалилъ изъ-подъ кипы густой, черный дымъ; какъ отдѣльные листы постепенно свертывались, коробились и бурѣли; какъ огонь, долгое время не будучи въ состояніи осилить брошенную въ него массу бумаги, только лизалъ ея края; какъ наконецъ онъ вдругъ прорвался сквозь самый центръ массы и разомъ обхватилъ ее.

О, ужасъ! всѣ проекты, одинъ за другимъ, горѣли и уничтожались, но одинъ оставался нетлѣннымъ!

Напрасно огонь напрягалъ свои усилія, напрасно я самъ, вооружившись щипцами, пихалъ бумагу въ самую глубь камина; листъ лежалъ чистый, невредимый, безмятежный, точь-въ-точь, какъ лежалъ онъ за пять минутъ передъ тѣмъ у меня на письменномъ столѣ.

Очевидно, тутъ было какое-то указаніе, которому я, скрѣпя сердце, долженъ былъ повиноваться.

--

Я прочиталъ слѣдующее:

О переформированіи де-сіянсъ академіи.

„Съ юныхъ лѣтъ получилъ я сомнѣніе въ пользѣ наукъ, а затѣмъ, постепенно произрастая, все болѣе и болѣе въ томъ сомнѣніи утверждался, такъ что нынѣ, находясь въ чинѣ подполковника и съ 1807 года въ отставкѣ, даже не за сомнѣніе, а уже за вѣрное для себя оное почитаю.

„Вращаясь между людьми всякаго званія, я всегда примѣчалъ, что лишь тѣ изъ нихъ вполнѣ благополучны, кои держатъ себя въ довольномъ отъ наукъ разстояніи. Безпечная веселость лица, любезная простота нравовъ и пройство въ тѣлесныхъ упражненіяхъ—вотъ качества, отличающія истиннаго сына природы. Обладая симъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, простодушный поселянинъ смѣло можетъ

считать свой жребій болѣе счастливымъ, нежели даже вельможа, отягченный добычей и преступленіями. Причина же сему явная та: не зная наукъ, поселянинъ о многомъ не догадывается, а многаго и совсѣмъ не разумѣетъ. Напротивъ того, вельможа всегда допытывается, но, не всегда будучи разсудительнымъ, зачастую попадаетъ совсѣмъ не въ тотъ пунктъ, куда мѣтить надлежитъ. И вслѣдствіе того приходитъ въ меланхолію, а современемъ и въ истощеніе силъ.

„Посему самымъ лучшимъ средствомъ достигнуть благополучія почиталось бы совсѣмъ покинуть науки, но какъ, по настоящему развращенію нравовъ, уже повсемѣстно за истину принято, что безъ наукъ прожить невозможно, то и намъ приходится съ сею мыслью примириться, дабы, въ противномъ случаѣ, въ военныхъ нашихъ предпріятіяхъ какого ущерба не претерпѣть. Какъ ни велико, впрочемъ, сіе горе, но и оное можно малымъ сдѣлать, ежели при семъ, смотря по обширности и величію нашего отечества, соблюдено будетъ:

„*Первое*, чтобы науки наши противъ всѣхъ прочихъ были превосходнѣе;

„и *второе*, чтобы оныя подлинно распространяли свѣтъ, а не тьму.

„Но здѣсь представляется весьма щекотливый вопросъ: какъ сего достигнуть?

„На сіе отвѣчаю кратко: посредствомъ заведенія такихъ учрежденій, которыя имѣли бы въ предметѣ не распространеніе наукъ, но тщательное оныхъ разсмотрѣніе.

„Казалось бы, что съ сею именно цѣлью учреждена въ С.-Петербургѣ извѣстная де-сіянсъ академія; но ежели и была такова цѣль ея учрежденія, то сколь много она отъ оной отдалилась!

„Вмѣсто того, чтобы разсматривать науки, академія де-сіянсъ отчасти распространяла ихъ, отчасти же пребывала къ нимъ равнодушной!

„Причина такового упущенія двоякая!

„*Во-первыхъ*, члены де-сіянсъ академіи, будучи въ большей части изъ нѣмцевъ, почитаютъ для себя разсмотрѣніе наукъ за нестерпимое и несносное.

„*Во-вторыхъ*, при обширныхъ пространствахъ, занимаемыхъ нашимъ отечествомъ, члены де-сіянсъ академіи не въ силахъ усмѣдить

за возникающими въ уѣздахъ и волостяхъ науками, а равнымъ образомъ, не имѣя никакихъ начальственныхъ отношеній къ капитанъ-исправникамъ, не могутъ и сихъ послѣднихъ уполномочить на то.

„Очевидно, что пока сіи двѣ причины не будутъ устранены, дѣло останется все въ прежнемъ положеніи!..

„А что положеніе сіе нестерпимо, въ томъ свидѣтельствуютъ три вещи:

1) „Въ каждомъ селеніи заведенъ кабакъ, а въ нѣкоторыхъ по два и по три.

2) „На дняхъ, въ Хвалынской губерніи, какъ свидѣтельствуетъ газета „Гражданинъ“, одна дочь оставила одного отца, дабы безпрепятственнѣе предаться наукамъ.

и 3) „На дняхъ, при моихъ глазахъ, дочь одного почтеннаго генерала рѣзала лягушку и надѣялась получить отъ сего результатъ.

„Всѣ таковые факты внушили мнѣ особливую нѣкоторую мысль, развитіе которой яснѣе выражается изъ слѣдующихъ пунктовъ.

§ 1. *Цѣль учрежденія академій.*

„Въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ учреждается особливая центральная де-сіянсъ академія, назначеніемъ которой будетъ разсмотрѣніе наукъ, но отнюдь не распространеніе оныхъ *).

„Съ тою же цѣлью, повсемѣстно, по мѣрѣ возникновенія наукъ, учреждаются отдѣленія центральной де-сіянсъ академіи, а такъ какъ нынѣ едва ли можно встрѣтить даже одинъ уѣздъ, гдѣ бы хотя о причинахъ частыхъ градобитій не разсуждали, то надо прямо сказать, что отдѣленія сіи или, лучше сказать, малыя сіи де-сіянсъ академіи разомъ во всѣхъ уѣздахъ безъ исключенія объявятся.

„Академіямъ симъ, для бо́льшаго удобства въ предстоящихъ имъ дѣйствіяхъ, прежде всего поставлено будетъ въ обязанность опредѣлить:

§ 2. *Что такое въ наукахъ свѣтъ?*

„Мнѣнія по сему предмету раздѣляются на правильныя и не-

*) О составѣ и занятіяхъ сей центральной академіи умалчиваю, предоставляя устройство сего высшему начальству. Скажу только, что заведеніе сіе должно быть обширное.—*Примѣчаніе составителя проекта.*

правильныя, а въ числѣ послѣднихъ есть даже много такихъ, кои, по всей справедливости, могутъ считаться дерзкими.

„Дабы предотвратить въ столь важномъ предметѣ всякія разногласія, всего натуральнѣе было бы постановить, что только тѣ науки распространяютъ свѣтъ, кои способствуютъ выполненію начальственныхъ предписаній. Во-первыхъ, правило сіе вполнѣ согласуется съ показаніями свѣдущихъ людей и, во-вторыхъ, установляетъ въ жизни вполнѣ твердый и надежный опорный пунктъ, съ опубликованіемъ котораго всякій, кто по малодушію или изъ хвастовства вздумалъ бы противъ онаго преступить, не можетъ уже сослаться на то, что онъ не былъ о томъ предупрежденъ.

§ 3. *Какіе люди для разсмотрѣнія наукъ наиболѣе пригодны суть?*

„Люди свѣжіе и при томъ опытные.

„Какъ сказано выше, главная задача, которую науки должны преимущественно имѣть въ виду, есть наученіе, какимъ образомъ въ исполненіи начальственныхъ предписаній быть исправнымъ надлежитъ. Таковъ фундаментъ. Но дабы въ совершенствѣ таковой достигнуть, нѣтъ надобности въ обремепительныхъ или прихотливыхъ познаніяхъ, а требуется лишь свѣжее сердце и не вполнѣ поврежденный умъ. Все сіе въ свѣжемъ человѣкѣ не токмо на-лицо имѣется, но даже и преизбыточествуетъ.

„Посему, какъ въ президенты де-сіянсъ академій, такъ и въ члены оныхъ надлежитъ избирать благонадежныхъ и вполнѣ свѣжихъ людей изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, кои въ юности въ кадетскихъ корпусахъ образованіе получили, но отъ времени все позабыли.

„*Примѣчаніе.* Президентомъ слѣдуетъ избирать человѣка хотя и преклонныхъ лѣтъ, но лишь бы здравый умъ былъ.

§ 4. *Что отъ сего произойти можетъ?*

„Слѣдующее:

„Прежде нежели свѣжій человѣкъ приступитъ къ разсмотрѣнію наукъ, онъ постарается припомнить, въ какомъ видѣ преподавались оныя ему въ кадетскомъ корпусѣ. Убѣдившись затѣмъ, что въ его

время науки имѣли видъ краткій, онъ, конечно, окомъ нѣсколько изумленнымъ взглянетъ на безчисленные томы, кои послѣ того произошли. Во-первыхъ, увидитъ онъ, что хрестоматіи появились новыя и притомъ такія, въ коихъ заключаются зачатки революціи. Во-вторыхъ, что появилось множество наукъ, о коихъ въ кадетскихъ корпусахъ даже въ упоминовеніи не было (въ особенности одна изъ нихъ вредная и, какъ распространительница бездѣльныхъ мыслей, весьма даже пагубная, называемая „Психологіей“). Третье, наконецъ, что партикулярные люди о такихъ матеріяхъ явно размышляютъ, о которыхъ въ прежнее время даже генераламъ не всегда размышлять дозволялось.

„Въ виду сего какъ онъ поступитъ?

„Не знаю, какъ другіе, но я поступилъ бы прямо и откровенно, то-есть сказалъ бы: все сіе навсегда прекратить!

„А кто же, кромѣ виолиѣ свѣжаго человѣка, можетъ такимъ образомъ поступить?

§ 5. *О предѣлахъ власти де-сіянсъ академій.*

„Предѣлы власти де-сіянсъ академій надлежитъ сколь возможно распространить.

„Вездѣ, гдѣ присутствуютъ науки, должны оказывать свою власть и де-сіянсъ академіи. А какъ въ наукахъ главнѣйшую важность составляютъ не столько самыя науки, сколько дѣйствіе, ими на партикулярныхъ людей производимое, то изъ сего прямо явствуетъ, что ни одинъ обыватель не долженъ мнить себя отъ вѣдомства де-сіянсъ академіи свободнымъ. Слѣдственно, чѣмъ менѣе ясны будутъ границы сего вѣдомства, тѣмъ лучше, ибо нѣтъ ничего для начальника обременительнѣе, какъ ежели онъ видитъ, что пламенности его положены предѣлы.

§ 6. *О правахъ и обязанностяхъ президентовъ де-сіянсъ академій.*

„Президенты де-сіянсъ академій имѣютъ слѣдующія права:

„1) Нѣкоторыя науки временно прекращать, а ежели не замѣтятъ раскаянія, то отмѣнять навсегда.

„2) Въ остальныхъ наукахъ вредное направленіе перемѣнять на полезное.

„3) Призывать сочинителей наукъ и требовать, чтобы давали отвѣты по сущей совѣсти.

„4) Ежели даны будутъ отвѣты сомнительные, то приступать къ испытанію.

„5) Прилежно испытывать обывателей, не заражены ли, и въ случаѣ открытія—таковыхъ отсылать, для продолженія наукъ, въ отдаленные и малонаселенные города.

„и 6) Вообще распоряжаться такъ, какъ бы въ комнатѣ засѣданій де-сіянсъ академіи никого, кромѣ ихъ президентовъ, не было.

„Обязанности же президентовъ таковы:

„1) Дѣйствовать безъ послабленія.

„и 2) Отъ времени до времени требовать отъ обывателей представленія сочиненій на тему: „О средствахъ къ совершенному наукъ упраздненію, съ такимъ при томъ разсчетомъ, чтобы отъ сего государству ущерба не произошло, и чтобы опое, и по упраздненіи наукъ, сосѣдей своихъ въ страхѣ содержало, а отъ оныхъ почитаемо было, яко всѣхъ просвѣщеніемъ превзошедшее“.

§ 7. *Объ орудіяхъ власти президента.*

„Ближайшія орудія президента суть члены де-сіянсъ академіи.

„Права ихъ слѣдующія:

„1) Они съ почтительностью выслушиваютъ приказанія президента, хотя бы оныя и не отвѣтствовали ихъ желаніямъ.

„2) По требованію президента, являются къ нему въ мундирахъ во всякое время дня и ночи.

„3) При входѣ президента, встаютъ съ мѣстъ стремительно и шумно, и стоятъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшено принять сидячее положеніе. Тогда стремительно же садятся, ибо время начать разсмотрѣніе.

„4) Ссоръ межъ собой не имѣютъ.

„5) Въ домашнихъ своихъ дѣлахъ дѣйствуютъ по личному усмотрѣнію, при чемъ не возбраняется, однакожъ, въ щекотливыхъ случаяхъ, обращаться къ президенту за разъясненіями.

„6) Наружность имѣютъ приличную, а въ одеждѣ соблюдаютъ опрятность.

„7) Науки разсматриваютъ не ослабляючи, но, не чиня по замѣченнымъ упущеніямъ исполненія, обо всемъ доносятъ президенту.

„8) Впрочемъ, голоса не имѣютъ.

„Послѣ того, въ качествѣ орудій же, слѣдуютъ чины канцеляріи, кои пребываютъ въ непрерывномъ писаніи. Права сихъ чиновъ таковы:

„1) Они являются къ президенту по звонку.

„2) Разсматривать науки обязанности не имѣютъ, но, услышавъ нѣчто отъ постороннихъ людей, секретно доводятъ о томъ до свѣдѣнія президента.

„3) Бумаги пишутъ по очереди; написавъ одну, записываютъ оную въ регистръ, кладутъ въ пакетъ и, запечатавъ, отдаютъ курьеру для врученія; послѣ того начинаютъ писать слѣдующую бумагу и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока не испишутъ всего.

„4) Голоса не токмо не имѣютъ, но даже рта разинуть не смѣютъ.

„и 5) Относительно почтительности, одежды и прочаго поступаютъ съ такою пунктуальностью, какъ и члены.

§ 8. *О прочемъ.*

„Кромѣ сего, въ распоряженіи президента должна быть исправная команда курьеровъ.

„Что касается прочаго, то оное объявится тогда, когда де-сіяпсъ академіи, въ новомъ своемъ видѣ, по всему лицу россійскія державы дѣйствіе возъимѣютъ. Теперь же присовокупляю, что ежели потребуется отъ меня мнѣніе насчетъ мундировъ или столовыхъ денегъ, то я во всякое время дать оное готовъ“.

Отставной полковникъ Дементій Сдаточный.

Я прочиталъ до конца, но что̀ послѣ этого было—не помню. Знаю, что сначала я ѣхалъ на тройкѣ, потомъ сидѣлъ гдѣ-то на вышкѣ (кажется, въ трактирѣ, въ Третьемъ-Парголовѣ) и угощалъ проѣзжихъ маймистовъ водкой. Сколько времени продолжалась эта исторія: день, мѣсяцъ или годъ — ничего неизвѣстно. Извѣстно только то, что *забыть* я все-таки не могъ.

Глава IV.

Не знаю, какъ долго я послѣ того спалъ, но, должно быть, времени прошло не мало, потому что я видѣлъ во снѣ цѣлый романъ.

Но прежде всего я долженъ сказать нѣсколько словъ о сновидѣніяхъ вообще.

Въ этомъ отношеніи жизнь моя рѣзко раздѣляется на двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга половины: до упраздненія крѣпостного права и послѣ упраздненія онаго.

Клянусь, я не крѣпостникъ; клянусь, что еще въ молодости, предаваясь бесѣдамъ о святомъ искусствѣ въ трактирѣ „Британія“, я никогда не могъ безъ угрызенія совѣсти вспомнить, что всѣ эти пунши, глинтвейны и ламиноѣ, которыми мы, питомцы нашей alma mater, услаждали себя—все это приготовлено руками рабовъ; что сапоги мои вычищены рабомъ и что когда я, веселый, возвращаюсь изъ „Британіи“ домой, то и спать меня укладываетъ — рабъ!.. Я ужъ тогда сознавалъ, насколько было бы лучше, чище и благороднѣе, и цѣлесообразнѣе, еслибъ ламиноѣ для меня приготовляли, сапоги мои чистили, комои мои выносили не рабы, а такіе же свободные люди, какъ я самъ. А многіе ли въ то время сознавали это!? Я даже написалъ одну повѣсть (я помню, она называлась „Маланьей“), въ которой самыми негодующими красками изобразилъ безвыходное положеніе русскаго крѣпостного человѣка, и хотя по тогдашнему строгому времени цензура не пропустила этой повѣсти, но я до сихъ поръ не могу позабыть (многіе даже называютъ меня за это злопамятнымъ), что я—авторъ непапечатанной повѣсти „Маланья“. И когда Прокопъ или кто-нибудь другой изъ „нашихъ“ начинаютъ хвастаться передо мною своими эмансипаторскими и реформаторскими подвигами, то я всегда очень деликатно даю почувствовать имъ, что теперь, когда всѣ вообще хвастаются безъ труда, ничего не стоитъ, конечно, прикинуть два-три словечка себѣ въ похвалу; но было время...

— Вотъ когда я свою „Маланью“ писалъ, вотъ тогда бы попробовали вы похвастаться, господа!

Такъ говорю я въ упоръ хвастуну Прокопу, и этого напоминанія совершенно достаточно, чтобы заставить его понизить тонъ. Ибо какъ

онъ ни мало развитъ, но все-таки понимаетъ, что написать „Маланью“ въ такое время, когда даже въ альбомы дѣвицамъ ничего другого не писали, кромѣ:

О, Россъ! о, родъ непобѣдимый!
О, твердокаменная грудь!

—дѣло далеко не шуточное...

Тѣмъ не менѣе я долженъ сознаться, что при всей моей ненависти къ крѣпостному праву сны у меня въ то время были самые веселые. Либо ѣдешь въ гости, либо сидишь въ гостяхъ, либо изъ гостей ѣдешь съ сладкою надеждой, что въ непродолжительномъ времени опять въ гости ѣхать надо. Ничего огорчительнаго, ничего такого, что̀ имѣло бы прямое отношеніе къ „Маланьѣ“ или къ бунтовскимъ разговорамъ въ „Британіи“. Я помню, что въ „Маланьѣ“ я очень живо изобразилъ, какъ нѣкоторый Силантій томится въ темной, вонючей конурѣ. И за что̀ томится!—за то только, что не хочетъ „съ великимъ своимъ удовольствіемъ“ предоставить свою дочь Маланью любострастію помѣщика Пѣночкина! Но во снѣ тотъ же самый Силантій представлялся мнѣ ужъ совсѣмъ въ иномъ видѣ: тутъ онъ не только не изнываетъ и не томится, но, напротивъ того, или нѣсни поетъ, или Бога за меня молитъ. „Добрый я, добрый!“—грезилось мнѣ во снѣ, и на эту сладкую грезу не оказывалъ вліянія даже тяжкій бредъ моего камердинера и раба, Гришки, который въ это самое время, разметавшись въ сосѣдней комнатѣ на войлокѣ, изнемогалъ подъ игомъ иного рода сонной фантазіи. Ему представлялся милліонъ саноговъ, которые онъ обязывался вычистить, милліонъ печей, которыя ему предстояло вытопить, милліонъ наполненныхъ помоями лоханокъ, мимо которыхъ онъ не могъ пройти, чтобы не терзала его мысль, что онъ, а не кто другой, долженъ все это вынести, вылить, вычистить и опять поставить на мѣсто для дальнѣйшаго наполненія помоями... Съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ онъ вскакивалъ съ одра своего, схватывалъ въ руки кочергу и начиналъ мѣшать ею въ холодной печкѣ, а я, между тѣмъ, перевертывался на другой бокъ и продолжалъ себѣ потихоньку грезить: „добрый я! добрый!“

Теперь все это измѣнилось, и сновидѣнія мои приняли характеръ печальный, почти трагическій. Правда, что я все еще продолжаю

ѣздить въ гости, но возвращаться вечеромъ изъ гостей ужъ не совсѣмъ безопасно. Всегда какъ-то такъ случается, что ѣдешь лѣсомъ; а ужъ коль скоро снится человѣку лѣсъ, то непремѣнно приснятся и волки. Они выбѣгаютъ на дорогу, скалятъ зубы, стучатъ ими, прыгаютъ около коляски, визжатъ, воютъ и наконецъ бросаются. Я чувствую, какъ желѣзные когти вонзаются въ мою грудь; я вижу разинутую розовую пасть, чувствую ея шумное дыханіе и просыпаюсь... Конечно, осмотрѣвшись кругомъ, я успокоиваюсь и благодарю моего Создателя за то, что я не въ лѣсу, а у себя на мягкой постели. Но едва я успѣваю повернуться на другой бокъ, какъ опять сонъ. Я гуляю въ своемъ паркѣ (извѣстно, какъ опасно помѣщику ходить одному въ своемъ паркѣ съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ крѣпостныхъ садовниковъ!), и вдругъ изъ-за куста—волкъ! Опять желѣзные когти, опять разинутая розовая пасть, опять тлетворное несье дыханіе...

Положимъ, что всѣ эти страхи мнимые: но если ужъ они забрались въ область сновидѣній, то ясно, что и въ реальной жизни имѣется какая-нибудь отрава. Если человѣку жить хорошо, то какъ бы онъ ни притворялся, что жить ему худо—сны его будутъ веселые и легкіе. Если жить человѣку худо, то какъ бы онъ ни разыгрывалъ изъ себя удовлетворенную невинность—сны у него будутъ тяжелые и печальные. Нѣтъ сомнѣнія, что въ сороковыхъ годахъ я написалъ „Маланью“, и слѣдовательно въ нѣкоторомъ родѣ протестовалъ, но такъ какъ, говоря по совѣсти, жить мнѣ было отлично, то протесты мои шли своимъ чередомъ, а сны—своимъ. Теперь же хотя я и говорю: ну, слава Богу! свершились лучшія упованія моей молодости! — но такъ какъ на душѣ у меня при этомъ скребетъ, то осуществившіяся упованія моей юности идутъ своимъ чередомъ, а сны—своимъ. Скажу болѣе: сны едва-ли въ этомъ случаѣ не вѣрнѣе выражаютъ дѣйствительное настроеніе моей души, нежели протесты и осуществившіяся упованія. Поэтому, когда я встрѣчаю на улицѣ человѣка, который съ лучезарною улыбкой на лицѣ объявляетъ мнѣ, что въ пошехонскомъ земствѣ совершился новый отрадный фактъ: крестьянинъ Семенъ Никифоровъ, увлеченный артельными сыроварнями, пріобрѣлъ двѣ новыя коровы!—мнѣ какъ-то невольно приходитъ на мысль: мой другъ! и Семенъ Никифоровъ, и артельныя сыроварни—все это „осуществившіяся упованія твоей юности“: а вотъ разсказалъ бы ты лучше, какія ты исторіи во снѣ видишь!

Печальные сны стали мнѣ видѣться съ тѣхъ поръ, какъ я былъ выбранъ членомъ нашего мѣстнаго комитета по улучшенію быта крестьянъ. Въ то время, какъ ни придешь, бывало, въ засѣданіе, такъ и сыплются на тебя со всѣхъ сторонъ самыя трагическія новости.

— Представьте себѣ! у сосѣда моего ребенка свинья съѣла!— говоритъ одинъ членъ.

— Представьте себѣ! компаньонку моей жены волкъ искусалъ! — объясняетъ другой.

— А я вамъ доложу вотъ что-съ,—присовокупляетъ третій:— съ тѣхъ поръ, какъ эта эмансипація у насъ завелась, жена моя нарочно по деревнѣ гулять ходитъ—и что жъ бы вы думали? ни одна шельма даже шапки не думаетъ передъ нею ломать!

И такимъ образомъ мы жили въ чаду самыхъ разнообразныхъ страховъ. Съ одной стороны—опасенія, что дѣтей нашихъ переѣдятъ свиньи, съ другой—грустное предвидѣніе относительно неломанія шапокъ... Возможно ли же, чтобы при такой перспективѣ мы, беззащитные, такъ сказать, временно лишенные покровительства законовъ, могли имѣть какіе-нибудь другіе сны, кромѣ страшныхъ?!

Но этого мало. Въ одно прекрасное утро намъ объявляютъ, что нашъ собственный предсѣдатель исчезъ невѣдомо куда, но „въ сопровожденіи“... Признаюсь, это ужъ окончательно сразило меня! Что жъ это будетъ, если ужъ начали пропадать предсѣдатели! И Богъ знаетъ, чего-чего ни припомнилось мнѣ по этому случаю. И анекдотъ о помѣщикѣ, котораго за продерзость приказано было всю жизнь возить по большимъ дорогамъ, нигдѣ не останавливаясь. И слышанный въ дѣтствѣ разсказъ о младенцѣ, котораго проѣздомъ родители выронили изъ саней въ снѣгъ, и только черезъ сутки потомъ изъ-подъ снѣгу вырыли. „И что жъ бы вы думали! спитъ мой младенчикъ самымъ, то-есть, крѣпкимъ сномъ, и какъ теперича его изъ-подъ снѣгу вырыли, такъ онъ сейчасъ: мама!“—Такъ оканчивала обыкновенно моя няня разсказъ свой объ этомъ происшествіи.

Въ слѣдующую за пропажей предсѣдателя ночь я видѣлъ свой первый страшный сонъ. Сначала мнѣ представлялось, что нашего предсѣдателя возятъ со станціи на станцію и, не выпуская изъ кибитки, командуютъ: „лошадей!“ Потомъ видѣлось, что его обронили въ снѣгъ... „Любопытно бы знать“, думалось мнѣ, „отроютъ

ли его, и скажетъ ли онъ: мама! какъ тотъ почтительный младенецъ, о которомъ нѣкогда повѣствовала моя няня?“

И такимъ образомъ, получивъ для страшныхъ сновъ прочную реальную основу, я съ горестью убѣждаюсь, что прежніе веселые сны не возвратятся ко мнѣ, по малой мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не возвратится порождавшее ихъ крѣпостное право.

Но возвратится ли оно?

Итакъ, я видѣлъ сонъ.

Мнѣ снилось, что я былъ когда-то откупщикомъ, нажилъ милліонъ и умираю одинокій въ chambres garnies.

Около меня стоитъ Прокопъ и съ какою-то хищническою тревогой слѣдитъ за послѣдними, предсмертными искаженіями моего лица. Онъ то на меня посмотритъ, то броситъ ядовитый взглядъ на мою шкатулку. По временамъ онъ обращается ко мнѣ со словами: „ну, ну! не бойтесь! Богъ не безъ милости!“ Но я, съ свойственною умирающимъ проницательностью, слышу въ его словахъ нѣчто совсѣмъ другое. Мнѣ чудится, что Прокопъ говоритъ: „ужъ какъ ты ни отпрашивайся, а отъ смерти не отвертишься! такъ умирай же, ради Христа, поскорѣе, не задерживай меня понапрасну!“ Одно мгновеніе мнѣ показалось, что на губахъ его мелькнула какая-то подлѣйшая улыбка, словно онъ ужъ заранѣе меня смаковалъ,—и ахъ, какъ не понравилась мнѣ эта улыбка!

Наконецъ я испускаю послѣдній вздохъ, но не успѣваю еще окончательно потерять сознаніе, какъ вижу: шкатулка моя въ одно мгновеніе ока отперта, и Прокопъ торопливо, задыхаясь, вытаскиваетъ изъ нея мои капиталы...

Я умеръ.

Читатель! не воображай, что я человѣкъ жадный до денегъ, что я думаю только о стяжаніи, и что поэтому сребролюбивыя мечтанія даже во снѣ не даютъ мнѣ покоя. Нѣтъ; я никогда не принадлежалъ къ числу капиталистовъ, а тѣмъ менѣе откупщиковъ; никогда не задавался мыслью о стяжаніяхъ и присовокупленіяхъ, а, напротивъ того, съ такимъ постояннымъ легкомыслiемъ относился къ вопросу „о производствѣ и накопленіи богатствъ“, что въ настоящее время буквально проѣдаю послѣднее свое выкупное свидѣтельство. Я

съ гордостью могу сказать, что при составленіи уставной грамоты пожертвовалъ крестьянамъ четыре десятины лугу по мокрому мѣсту и всѣ безнадежныя недоимки простилъ. Когда я покончу съ послѣднимъ выкупнымъ свидѣтельствомъ, у меня останется въ виду лишь нѣсколько сотъ десятинъ худородной и отчасти болотистой земли при деревнѣ Проплёванной *), да еще какія-то надежды... На что̀ надежды—этого я и самъ хорошенько не объясню, но что надежды никогда и ни въ какомъ случаѣ не оставятъ меня—это несомнѣнно. Все сдается, что вотъ-вотъ совершится какое-то чудо и спасетъ меня. Напримѣръ: у другихъ ничего не уродится, а у меня всего уродится вдесятеро, и я буду продавать свои произведенія по десятерной цѣнѣ. Или еще: вдругъ Волга измѣнитъ теченіе, повернетъ лѣвѣй-лѣвѣй, и прямо въ мое имѣніе! Деревню Проплёванную при этомъ, разумѣется, разрушитъ до основанія, а мои болота обратитъ въ богатѣйшіе заливные луга.

Но ежели не личная корысть дала основаніе моему сну, тѣмъ не менѣе основаніе это до извѣстной степени, все-таки, не было чуждо реальности. Дѣло въ томъ, что я много лѣтъ сряду безвыѣздно живу въ провинціи, а мы, провинціалы, обдѣлываемъ свои денежныя дѣла просто, а относимся къ нимъ еще проще. Это совсѣмъ не то, что,

*) Названіе „Проплёванной“—историческое. Однажды дѣдушка Матвѣй Ивановичъ, будучи еще корнетомъ, ѣхалъ походомъ съ своимъ однополчаниномъ, тоже корнетомъ, Семеномъ Петровичемъ Сердюковымъ. Послѣдній, надо сказать правду, былъ довольно-таки простъ, и дѣдушка хорошо зналъ это обстоятельство. И такъ какъ походомъ дѣлать было нечего, то хитрый старикъ, тогда еще, впрочемъ, полный надеждъ юноша, воспользовался простотой своего друга и предложилъ играть въ плевки (игра, въ которой дѣдушка, по истинѣ, не зналъ себѣ побѣдителя). Развязка не заставила долго ждать себя: малыми кушами Сердюковъ проигралъ столь значительную сумму, что долженъ былъ предоставить въ полную собственность дѣдушки свою деревню Сердюковку. Дѣдушка же, въ память о финансовой операціи, съ помощью которой онъ эту Сердюковку пріобрѣлъ, переименовалъ ее въ „Проплёванную“. Замѣчательно, что мужики долгое время сердились, когда ихъ называли „проплёванными“, а два раза даже затѣвали бунтъ. Но, благодареніе Богу, съ помощью экзекуціи все улаживалось благополучно. Впрочемъ, съ объявленіемъ мужицкой воли, мужики опять переименовали деревню въ Сердюковку; но я, въ пику, продолжаю называть ихъ „проплёванными“. Я дѣлаю это въ ущербъ самому себѣ, потому что въ отмщеніе за мое названіе они ни за какія деньги не хотятъ ни косить мои луга, ни жать мой хлѣбъ; но что же дѣлать? Пусть лучше хлѣбъ мой останется несжатымъ и луга нескошенными, но за то я всегда буду высоко держать мое знамя.

напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ ежели кто и ограбитъ умирающаго родственника, то тотчасъ же начинаетъ разсчитывать, сколько теперь у него шансовъ на полученіе бубноваго туза на спину—и сколько противъ такового полученія. Мы грабимъ не стыдясь, а ежели что-нибудь и огорчаетъ насъ въ подобныхъ финансовыхъ операціяхъ, то это только неудача. Удалась операція—исполать тебѣ, добру молодцу! не удалась—разиня! Достаточно посѣтить наши клубы въ дни общихъ обѣдовъ, чтобы получить любопытнѣйшія по сему предмету свѣдѣнія, особливо ежели сосѣди по бокамъ—люди знающіе и словоохотливые.

— Вотъ этого видите, вонъ того, черноволосаго, что передъ обѣдомъ такъ усердно Богу молился—онъ у своего собственнаго сына материнское имѣніе оттягалъ!—скажетъ сосѣдъ съ правой руки.

— Вотъ этого видите, вонъ того, что салфеткой брюхо себѣ застелилъ—онъ родной теткѣ конфектъ изъ Москвы привезъ, а она, поѣвши ихъ, черезъ два часа Богу душу отдала!—шепчетъ сосѣдъ съ лѣвой руки.

— А вонъ того видите—вонъ что ротъ-то разинулъ—онъ, батюшка, передъ самою эмансипаціей всѣмъ мужикамъ вольныя далъ, да всѣхъ ихъ къ кущу на фабрику и закабалилъ. Сколько деньжищъ отъ кущца получилъ, да мужицкіе дома продалъ, да скотину, а земля-то вся при немъ осталась... Вотъ ты и смотри, что онъ ротъ разѣваетъ, а онъ операцію-то эту въ лучшемъ видѣ устроилъ!—снова нашептываетъ сосѣдъ съ правой руки.

И вдругъ—о, удивленіе!—человѣкъ, застилавшій брюхо салфеткой, шлетъ моему лѣвому сосѣду стаканъ шампанскаго. Разумѣется, обмѣнъ мыслей.

— Ивану Николаевичу! каково поживаете? каково прижимаете?

— Вы какъ?

— Вашими молитвами. Послѣ обѣда пульку составить надо.

— Не вредно.

И дѣйствительно, тотчасъ же послѣ обѣда брюханъ и мой лѣвый сосѣдъ сидятъ уже за ералашемъ и дружелюбнѣйшимъ образомъ козыряютъ до глубокой ночи. И кто же знаетъ? если за брюханомъ есть конфекта, то не считается ли за моимъ лѣвымъ сосѣдомъ цѣлаго пирога?

Какимъ образомъ создалась эта круговая порука снисходитель-

ности—я объяснить не берусь, но что порука эта была нѣкогда очень крѣпка—это подтвердитъ каждый провинціалъ. Однажды я былъ свидѣтелемъ оригинальнѣйшей сцены, въ которой роль героя игралъ Прокопъ. Онъ обличалъ (вовсе не думая, впрочемъ, ни о какихъ обличеніяхъ) друга своего, Анемподиста Пыркова, въ присвоеніи непринадлежащаго ему имущества.

— Ну, братъ, ужъ нѐчего тутъ очки-то вставлять!—ораторствовалъ Прокопъ: —ужъ всякому вѣдь извѣстно, какъ ты дядю-то мертваго подъ постель спряталъ, а на мѣсто его другого въ колпакѣ подъ одѣяло положилъ! Чтобы свидѣтели, значитъ, подъ завѣщаніемъ подписались, что покойникъ, дескать, въ здравомъ умѣ и твердой памяти... Штукарь вѣдь ты!

— Мѐ... финиссѐ...—умолялъ Пырковъ, простирая руки.

— Нѐчего „финиссѐ“... или ужъ по-французски заговорилъ! Ужъ что̀ было, то̀ было... Вонъ онъ и на кровати-то за покойника лежалъ!—вдругъ указалъ Прокопъ на добродушнѣйшаго старичка, который, проходя мимо и увидѣвъ, что собралась порядочная кучка бесѣдующихъ, остановился и съ наивнѣйшимъ видомъ прислушивался къ разговору.

— Пожалуйста, финиссѐ... прошу!—продолжалъ умолять Пырковъ.

— Чего финиссѐ! Вотъ выпить съ тобой—я готовъ, да и то чтобъ бутылка за семью печатями была! А другихъ дѣловъ имѣть не согласенъ! Потому ты сейчасъ: либо конфектъ отъ Эйнема подаришь, либо пирогомъ съ начинкой угостишь! Ужъ это вѣрно!

И что̀ жъ? черезъ какіе-нибудь полчаса, и Прокопъ, и Пырковъ сидѣли за однимъ столомъ и дружелюбнѣйшимъ образомъ чокались, что̀, впрочемъ, не мѣшало Прокопу отъ времени до времени язвить:

— А ужъ что ты тогда покойника подъ постель спряталъ—это, братъ, вѣрно!

Въ другой разъ, за обѣдомъ у одного изъ почтеннѣйшихъ лицъ города, я услышалъ отъ сосѣда слѣдующій наивный разсказъ о двоеженствѣ нашего амфитріона.

— Служили они, знаете, въ Польшѣ-съ... ну, молоды-съ... нѐлечки тамъ, панеочки... сейчасъ руку и сердце-съ. Вотъ только, женившись, и спохватились они, что дурно это сдѣлали. Приданаго за панеочкой—обтрепанный хвостъ-съ, а родители у нихъ престро-

гіе-съ. Вотъ и говорятъ они своей коханой-съ: „я, говоритъ, душенька, къ старикамъ съѣзжу, а ты, говоритъ, послѣ пріѣдешь. какъ я подготовлю ихъ“. Сказано — сдѣлано-съ. Пріѣзжаютъ это въ наши палестины, а тѣмъ временемъ родители-то ужъ вдову для ихъ приготовили. Двѣнадцать тысячъ душъ-съ. Задумались-съ. Однако, какъ увидѣли, что отъ ихней теперича рѣшительности все будущее счастіе въ зависимости состоитъ, довольно-таки твердо выговорили: „согласенъ-съ“. А потомъ, не говоря худого слова, веселымъ пиркомъ да за свадебку-съ. Пошли тутъ пиры да банкеты; они было въ Варшаву, для устройства служебныхъ дѣлъ—куда тебѣ! Наша вдовушка такъ во вкусъ вошла, что и слышать ничего не хочетъ-съ! Только проходитъ три мѣсяца, четыре-съ, получаютъ нашъ Петръ Иванычъ изъ Варшавы письмо за письмомъ-съ! А наконецъ и рѣшительное-съ. „Не знаю, говоритъ, что и подумать, коханый мой Петрусь (это она по-польски его Петрусемъ называла), я же безъ тебя не могу жить, а потому и выѣзжаю завтрашняго числа къ тебѣ“. Ну-съ, и въ другое время непріятно, знаете, этакую конфекту получить, а у нихъ, кромѣ того, еще балъ на другой день въ подгородномъ имѣніи на всю губернію назначенъ-съ. Вотъ и открылись они Кузьмѣ Тихонычу —вонъ они, съ большими-то усами, по правую руку отъ нихъ сидятъ—„такъ и такъ, говорятъ, устрой!“ И что-же-съ! на другой день идетъ это балъ, кадрели, вальсы, все какъ слѣдуетъ—вдругъ входитъ Кузьма Тихонычъ, подходитъ къ хозяину. и только, знаете, шепнулъ на ушко: „алле!“ И представьте себѣ, никто даже не замѣтилъ, какъ они съ Кузьмой Тихонычемъ въ Незнамовку съѣздили (почтовая станція такъ называется, верстахъ въ четырехъ отъ ихъ имѣнія), какъ тамъ свое дѣло сдѣлали и обратно оттуда пріѣхали. И такой это пріятный балъ былъ, что долгое время вся губернія о немъ говорила! А напеночки съ тѣхъ поръ и слѣдъ простылъ. Сказывали, будто въ Незнамовкѣ стаканъ воды выпила-съ. Такъ вотъ, сударь, какіе встарину люди-то живали! Этакое, можно сказать, особливой важности дѣло сдѣлалось, а они хоть бы видъ подали!

. . . . . .

Такимъ образомъ, реальность моихъ сновидѣній не можетъ подлежать сомнѣнію. Если я самъ лично и никого не обокралъ, а тѣмъ менѣе лишилъ жизни, то во всякомъ случаѣ имѣю полное основаніе

сказать: я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло... а чортъ его знаетъ, можетъ быть, и въ ротъ попало!

Итакъ, продолжаю.

Я умеръ; но такъ какъ смерть моя произошла только во снѣ, то само собою разумѣется, что я могъ продолжать видѣть и все то, что случилось послѣ смерти моей.

Прокопъ мигомъ очистилъ мою шкатулку. Тамъ было пропасть всякаго рода цѣнныхъ бумагъ на предъявителя, но онъ оставилъ только двѣ акціи рыбинско-бологовской желѣзной дороги, да и то лишь для того, чтобы не могли сказать, что дворянина одной съ нимъ губерніи (очень онъ на этотъ счетъ щекотливъ!) не на что было похоронить. Все остальное запихалъ онъ въ свои карманы и даже за голенища сапоговъ.

Потомъ Прокопъ посѣтилъ мой чемоданъ, и такъ какъ нельзя было взять вещей очень громоздкихъ, то укралъ (кажется, я вправѣ употребить это выраженіе?) два батистовыхъ носовыхъ платка. Затѣмъ онъ вскрылъ мой дорожный несессеръ и укралъ оттуда чайную серебряную ложку.

Исполнивши все это, Прокопъ остановился посреди комнаты и нѣкоторое время осовѣлыми глазами озирался кругомъ, какъ бы нѣчто обдумывая. Но я—я совершенно ясно видѣлъ, что у него въ головѣ уже зрѣетъ защитительная рѣчь: „Я не укралъ,—говорилъ онъ себѣ,—я только устранилъ билеты изъ мѣста ихъ прежняго нахожденія!“ Очевидно, онъ уже заразился петербургскимъ воздухомъ: онъ воровалъ безъ провинціальной непосредственности, а разсчитывая напередъ, какіе могутъ быть у него шансы для оправданія.

Затѣмъ онъ отеръ украденнымъ платкомъ лицо, позвалъ нумерного... и заплакалъ!!

Это были до такой степени настоящія слезы, что мнѣ сдѣлалось жутко. Видя, какъ онѣ текутъ по его лоснящимся щекамъ, я чувствовалъ, что умираю все больше и больше. Казалось, я погружаюсь въ какую-то бездонную тьму, въ которой не можетъ быть рѣчи ни объ уликѣ, ни объ отмщеніи. Здѣсь не было достаточной устойчивости даже для того, чтобы задержать слѣдъ какого бы то ни было дѣйствія. Забвеніе—и далѣе ничего...

Но я ошибался. Мой мститель или, лучше сказать, мститель моихъ законныхъ наслѣдниковъ, былъ на-лицо.

То былъ нумерной Гаврило. Очевидно, онъ наблюдалъ въ какую-нибудь щель и имѣлъ настолько вѣрное понятіе насчетъ цѣнности Прокоповыхъ слезъ, что когда Прокопъ, всхлипывая и указывая на мое бездыханное тѣло, сказалъ:—Вотъ, братъ, Гаврилушко (прежде онъ никогда не называлъ его иначе, какъ Гаврюшкой), единственный другъ былъ на землѣ—и тотъ померъ!—то Гаврило до такой степени иронически взглянулъ на него, что Прокопъ сразу все понялъ.

Тогда произошелъ между ними разговоръ, который неизгладимо напечатлѣлся въ безсмертной душѣ моей.

— Видѣлъ?

— Смотрѣлъ-съ.

— Однако, братъ, ты шельма!

— По нашей части, сударь, безъ того нельзя-съ.

— Вотъ тебѣ три серебра!

Прокопъ протянулъ зеленую кредитку; но Гаврило стоялъ съ заложенными за спину руками и не прикасался къ подачкѣ.

— Что-жъ не берешь?

— Какъ возможно-съ.

— Рожна, что-ли, тебѣ нужно? Ну, сказывай!

— А вотъ какъ-съ. Тысячу рублей деньгами, да изъ платья, да изъ бѣлья—это чтобы сейчасъ. А впослѣдствіи, по смерть мою, чтобы кормить-поить, жалованья десять рублей въ мѣсяцъ... вина ведро-съ.

— Да ты очумѣлъ?

— Это какъ вамъ угодно-съ. Угодно—сейчасъ можно людей скричать-съ?

— Стой! мы вотъ какъ сдѣлаемъ. Деньги тебѣ сейчасъ—сто рублей...

— Никакъ невозможно-съ.

— Да ты слушай! Денегъ сейчасъ тебѣ сто... ну, двѣсти рублей. Да слушай же, братецъ, не торопись. Денегъ сейчасъ тебѣ... ну, триста рублей. Потомъ увезу я тебя къ себѣ въ деревню и сдѣлаю надъ всѣми моими имѣніями въ родѣ какъ оберъ-мажордомомъ... понимаешь?

— А какое будетъ въ деревнѣ положеніе?

— Жалованья—пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Одежда, пища, вино—это само собой.

Гаврило, однакожъ, мялся.

— Сумнительно, сударь,—наконецъ произнесъ онъ: —какъ бы послѣ обиды отъ васъ не было. Многіе вотъ такъ-то обѣщаютъ, а послѣ, гляди, свидѣтелевъ-то на тотъ свѣтъ угодить норовятъ.

Но я уже видѣлъ, что колебанія Гаврилы не могутъ быть продолжительны. Дѣйствительно, Прокопъ набавилъ всего полтину въ мѣсяцъ—и торгъ былъ заключенъ. Тутъ же Прокопъ вынулъ изъ кармана триста рублей, затѣмъ вытащилъ изъ чемодана двѣ рубашки, всѣ носовые платки, новый сюртукъ (я только-что сдѣлалъ его у Тедески) и вручилъ добычу Гаврюшкѣ.

Никогда я такъ ясно не ощущалъ, что душа моя безсмертна, и въ то же время никогда съ такою опредѣленностью не сознавалъ, до какой степени можетъ быть безпомощною, безсильною моя безсмертная душа!

Я могъ рѣять въ эмпиреяхъ, могъ съ быстротой молніи перелетать черезъ громадивѣйшія пространства, могъ все видѣть, все слышать, могъ страдать и негодовать, но не могъ одного: не могъ воспрепятствовать грабежу моихъ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ капиталовъ.

Черезъ часъ въ моемъ нумерѣ уже ходили взадъ и впередъ какія-то неизвѣстныя личности (изъ нихъ только одна была мнѣ знакома—это поручикъ Хватовъ), которыя описывали, опечатывали, составляли протоколы, однимъ словомъ, принимали такъ-называемыя охранительныя мѣры. И никто изъ нихъ не удивился, что въ моей шкатулкѣ оказалось всего-на-все двѣ акціи рыбинско-бологовской желѣзной дороги, да старинная конѣчка, которою когда-то благословила дѣдушку Матвѣя Иваныча какая-то нищенка. Никому не показалось страннымъ, что у меня нѣтъ *ни одного* носового платка. Никому не пришло въ голову поинтересоваться, отчего у Прокопа такъ безобразно оттопырились карманы пиджака. „Пришли, понюхали—и ушли". Одинъ Хватовъ на мгновеніе какъ бы удивился.

— Скажите на милость!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ Прокопу:—я вѣдь, признаться, воображалъ, что они—милліонщики!

— Ну да, держи карманъ—милліонщики! Въ прежнее время—это точно, и изъ помѣщиковъ милліонщики бывали! а съ тѣхъ поръ какъ прошла надъ нами эта эмансипація—всѣмъ намъ одна цѣна:

грошъ! Конечно, вотъ кабы дали на концессіи разжиться—ну, тогда слова нѣтъ; да и тутъ подлецъ Мерзавскій надулъ!

— Се...

— Ужъ такъ были бѣдны! такъ бѣдны!—лгалъ, въ свою очередь, и Гаврюшка:—какъ только дотянули! Третьяго-дня подходятъ это ко мнѣ: „Гаврилушка, говорятъ, дай на два дня три цѣлковыхъ!“

Издержки по погребенію моего тѣла принялъ Прокопъ на свой счетъ, и надо отдать ему справедливость, устроилъ похороны очень прилично. Прекраснѣйшія дроги, шесть попонъ, хоръ нѣвчихъ и цѣлый взводъ факельщиковъ, а сзади громаднѣйшій кортежъ, въ которомъ приняли участіе всѣ находящіеся въ Петербургѣ на-лицо кадыки. На могилѣ моей одинъ изъ кадыковъ началъ говорить, что душа безсмертна, но зарыдалъ и не кончилъ. Видя это, отецъ протоіерей поспѣшилъ на выручку.

— Достославный боляринъ! — произнесъ онъ, обращаясь къ моему гробу:—не будемъ много глаголати, но скажемъ кратко. Что означаетъ сіе торжество? Сіе торжество прискорбное, ибо оно означаетъ, что душа твоя оставила насъ, друзей и присныхъ твоихъ! Но сіе торжество и радостное, ибо отколѣ бѣжала душа твоя и куда воспарила? Она бѣжала отъ прегорькія сей юдоли и воспарила въ высоты! Днесь вкушаетъ она отъ трапезы благоуготованной и благоучрежденной! Вкушай же, душе! вкушай пищу благопотребную, вкушай вѣчно! Мы же, воспоминая о тебѣ, друже нашъ, да не постыдимся!

Эти слова были сигналомъ къ отъѣзду кортежа въ ближайшую кухмистерскую, гдѣ Прокопъ заказалъ погребальный обѣдъ. Блюда, приготовленныя кухаркой Карпѣевой, московскихъ поросятъ съ кашей, осетрину по-русски, жареную телятину и ледникъ (мороженое). И я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ во щи капали Прокоповы слезы и нимало не портили ихъ.

По настоящему, на этомъ мѣстѣ мнѣ слѣдовало проснуться. Умеръ, ограбленъ, погребенъ—чего ждать еще болѣе? Но послѣ продолжительнаго иьянственнаго бдѣнія организмъ мой требовалъ не менѣе продолжительнаго освѣженія сномъ, а потому сновидѣнія слѣдовали за сновидѣніями, не прерываясь. И при этомъ съ замѣчательнымъ упорствомъ продолжали разработывать разъ начатую тему ограбленія.

Душа моя не могла болѣе выдерживать зрѣлища Прокоповой

безнаказанности — и воспарила. А однажды воспарившн, мой духъ совершенно естественно очутился въ господской усадьбѣ при деревнѣ Проплёванной.

На этотъ разъ, впрочемъ, сонная фантазія не представляла мнѣ никакихъ преувеличеній. Передъ умственнымъ взоромъ моимъ дѣйствительно стояла моя собственная усадьба, съ потемнѣвшими отъ дождя стѣнами, съ составленными изъ кусочковъ стекла окнами, съ прожавѣвшею крышей, съ завалившеюся оранжереей, съ занесенными снѣгомъ въ саду дорожками, однимъ словомъ, со всѣми признаками несомнѣнной опальности, въ которую ввергла ее такъ-называемая „катастрофа“.

Зимній вечеръ близится къ концу; въ окнахъ усадьбы тамъ и сямъ мелькаетъ свѣтъ. Я незримо пробираюсь въ домъ и застаю моихъ присныхъ въ гостиной. Тутъ и сестрица Машенька, и сестрица Дашенька, и племянницы Фофочка и Лелечка. Онѣ сидятъ съ работой въ рукахъ и при трепетномъ свѣтѣ сальной свѣчи разсуждаютъ, что̀ было бы, да какъ бы оно сдѣлалось, если бы...

При жизни, сестрицы меня ненавидѣли и въ то же время любили. Какъ было имъ не ненавидѣть меня? Я былъ богатъ, онѣ—бѣдны! И чѣмъ быстрѣе я обогащался, тѣмъ быстрѣе росла моя холодность къ нимъ. Сколько разъ онѣ умоляли меня (разумѣется, каждая съ глазу на глазъ и по секрету отъ другой) дозволить имъ „походить“ за мной, а ежели не имъ, то вотъ хоть Фофочкѣ или Лелечкѣ. И я всякій разъ съ безпримѣрною въ семейныхъ лѣтописяхъ черствостью отказывался. Мало того: я не просто отказывался, но и язвилъ при этомъ. Еще недавно, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ въ послѣдній разъ въ Петербургъ, Дарья Ивановна, несмотря на распутицу, прискакала ко мнѣ изъ Ветлуги и уговаривала довѣриться ей.

— Неровёнъ часъ, братецъ,—говорила она:—и занеможется вамъ, и другое что̀ случится—все лучше, какъ родной человѣкъ подлѣ! Принять, подать...

— Вотъ сестра Марья тоже просится...

Я сказалъ это нарочно, ибо зналъ, что одно упоминовеніе имени сестрицы Машеньки выведетъ сестрицу Дашеньку изъ себя. И дѣйствительно, Дарья Ивановна немедленно понеслась на всѣхъ парусахъ. Ужъ лучше перваго встрѣчнаго наемника, чѣмъ Марью Ивановну! Разбойникъ съ большой дороги—и у того сердце мягче, добрѣе, не-

жели у Марьи Ивановны! Марья Ивановна! да развѣ не ясно, какъ дважды два четыре, что она способна насыпать яду, задушить подушками, зарубить топоромъ!

— Развѣ примѣры-то эти, братецъ, не бывали?!

Тѣмъ не менѣе я остался глухъ ко всѣмъ просьбамъ и предложеніямъ, и за то имѣлъ удовольствіе видѣть, какая глубокая ненависть блестѣла въ глазахъ обѣихъ сестрицъ, когда онѣ прощались со мной, отправляясь обратно въ Ветлугу.

Но въ то же время онѣ не могли и не любить меня. Кошка усматриваетъ вдали кусокъ сала, и такъ какъ опытъ прошлыхъ дней доказываетъ, что этого куска ей не видать какъ своихъ ушей, то она естественнымъ образомъ начинаетъ ненавидѣть его. Но, увы! мотивъ ненависти фальшивый. Не сало она ненавидитъ, а судьбу, разлучающую ее съ нимъ. Напрасно старается она забыть о салѣ, напрасно отворачивается отъ него, начинаетъ замывать лапкой мордочку, ловить зубами блохъ и проч. Сало—такая вещь, не любить которую невозможно. И вотъ она принимается любить его. Любить—и въ то же время ненавидѣть...

— А развѣ я не былъ именно такимъ кускомъ сала для моихъ сестрицъ?

Онѣ до того любили меня, что ради меня даже другъ друга возненавидѣли. Не существовало на свѣтѣ той клеветы, того подозрѣнія, о которыхъ не было бы заявлено въ нашихъ интимныхъ семейныхъ бесѣдахъ. И Фофочка, и Лелечка—все перелелось, перепуталось въ этой безконечной сѣти любвей и ненавистей, которую нерукотворно сплела семейная связь. „И легъ и всталъ“, „подходя воруетъ“, „грабитъ“, „добро изъ дому тащитъ“—таковъ былъ созданный временемъ семейный нашъ лексиконъ, и сжели этотъ безсмысленный винигретъ всевозможныхъ противорѣчій, увертокъ и оговорокъ могъ казаться для постороннято человѣка забавнымъ, то жить въ немъ, играть въ немъ дѣятельную роль—было просто нестерпимо.

— И что вы грызетесь!—говорилъ я имъ иногда подъ добрую руку:—каждой изъ васъ по двугривенному дать—за глаза довольно, а вы вотъ думаете милліонъ послѣ меня найти, и добромъ подѣлить не хотите: все какъ бы одной захапать!

— Это не я, братецъ, это сестрица Даша! Это она завистлива;

а мнѣ что̀! Я и своимъ предовольна-довольна! —оправдывалась сестрица Марья Ивановна.

— Это не я, братецъ, это сестрица Маша! мнѣ что̀! Это она завистлива, а я и своимъ предовольна-довольна! — въ свою очередь оправдывалась сестрица Дарья Ивановна.

И такимъ образомъ въ взаимныхъ поклонахъ шло время, покуда мои милліоны не очутились въ рукахъ Прокопа.

Итакъ, сестрицы сидѣли въ гостиной усадьбы Проплёванной и толковали. Взаимное горе соединило ихъ, но поводы для взаимной ненависти чувствовались еще живѣе. Для каждой каждая представлялась единственною причиной обманутыхъ надеждъ и случившагося разоренія. Если бы не Машенькины интриги—братецъ навѣрное отказалъ бы свой милліонъ Дашенькѣ, и наоборотъ. Хотя же усадьба Проплёванная и принадлежала имъ несомнѣнно, но большого утѣшенія въ этомъ онѣ не видѣли. Во-первыхъ, трудно подѣлить землю: кому отдать просто худородную землю, кому—болота и пески? Во-вторыхъ, домъ: неминучее дѣло продать его за безцѣнокъ на свозъ: Отдать Машенькѣ — будетъ протестовать Дашенька; отдать Дашенькѣ—будетъ протестовать Машенька. Кончится тѣмъ, что придется выписать изъ Петербурга адвоката, который и присудитъ себѣ Проплёванную за труды. Слѣдовательно въ будущемъ видѣлись только ссоры, утучненіе адвоката и безконечное, безвыходное галдѣніе. И куда дѣлся этотъ милліонъ? Вотъ кабы онъ былъ на-лицо, такъ тогда, точно, подѣлить было бы не трудно! Вотъ вамъ, Марья Ивановна, пятьсотъ тысячъ; а вотъ вамъ, Дарья Ивановна, пятьсотъ тысячъ. Это была бы такая свѣтлая, такая лучезарная возможность, что на ней сестрицы позабыли даже о взаимной враждѣ своей.

— Самъ! самъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ говорилъ: „милліона, говоритъ, добромъ подѣлить не хотите!“ —восклицаетъ сестрица Марья Ивановна, и отъ волненія даже вскакиваетъ съ мѣста и грозится куда-то въ пространство кулакомъ.

— Сама собственными ушами слышала, какъ говорилъ: „милліона, говоритъ, добромъ подѣлить не хотите!“ —вторитъ съ невольнымъ увлеченіемъ сестрица Дарья Ивановна.

Фофочка, Лелечка, Нисочка, Анинька пожимаютъ плечиками и, шепелявя на институтскій манеръ, произносятъ:

— Это ужасно! Это ужъ Богъ знаетъ что̀!

— И куда этотъ милліонъ дѣвался?

— Точно въ прорву какую этотъ милліонъ провалился!

— То-есть руку на отсѣченье отдаю, что Прокопка-мерзавецъ его укралъ!

— Онъ, онъ, онъ! Кому другому украсть, какъ, не ему, мерзавцу!

— Сказываютъ, нашъ-то пьяница такъ и не разставался съ нимъ въ послѣднее время! Куда нашъ прощелъ идетъ—глядишь, и подлецъ за нимъ слѣдомъ!

— А я такъ слышала: еще гдѣ до свѣту, добрые люди отъ заутрени возвращаются, а они ужъ въ трактиръ пьянствовать бѣгутъ! Вотъ и допьянствовался голубчикъ!

— У нашего-то, говорятъ, даже глаза напослѣдокъ отъ пьянства остановились!

— Какъ не остановиться! съ утра до вечера водку жралъ! Тутъ хоть желѣзный будь, а глаза выпучишь!

Я слушаю эти разговоры, и мнѣ дѣлается такъ жаль, такъ жаль моихъ бѣдныхъ сестрицъ! Правда, что онѣ не совсѣмъ-то вѣжливо обо мнѣ отзываются, но вѣдь и я съ ними поступилъ... ахъ, какъ я поступилъ! Шутка сказать — милліонъ! Чье сердце не содрогнется при этомъ словѣ! И какъ удачно этотъ Прокопъ дѣло обдѣлалъ! Ни малѣйшаго усложненія! Ни взлома, ни словоохотливой любовницы, ни даже глупой родственницы, которая иначе не помирилась бы, какъ на подложномъ завѣщаніи, и потомъ стала бы этимъ завѣщаніемъ его же, Прокопа, всю жизнь шпиговать! Ничего! Взялъ, укралъ—и былъ таковъ!

Но часы бьютъ одиннадцать, и сестрицы расходятся по угламъ. Тѣмъ не менѣе сонъ долгое время не смежаетъ ихъ глазъ; какъ тѣни, бродятъ онѣ, каждая въ своемъ углу, и все мечтаютъ, все мечтаютъ.

— Ужъ кабы я на мѣстѣ Прокопки-подлеца была,—мечтаетъ сестрица Марья Ивановна:—ужъ, кажется, такъ бы... такъ бы! Ну, вотъ ни съ эстолько этой Дашкѣ-паскудѣ не оставила бы!

Сестрица отмѣриваетъ на мизинцѣ самую крохотную частицу и какъ-то такъ загадочно улыбается, что нельзя даже опредѣлить, что въ этой улыбкѣ играетъ главную роль: блаженство или злорадство.

— Ужъ кабы я на мѣстѣ подлеца-Прокопки была,—съ своей стороны мечтаетъ сестрица Дарья Ивановна:—ужъ, кажется, такъ,

бы... такъ бы! Ну, вотъ ни съ эстолько эта Машка-паскуда отъ меня бы не увидѣла!

И тоже отмѣриваетъ крохотную частицу на мизинцѣ, и тоже улыбается загадочно блаженно-злорадною улыбкой...

Минутное сожалѣніе, которое я только-что почувствовалъ-было къ сестрицамъ, смѣняется негодованіемъ. Мнѣ думается: если несомнѣнно, что украла бы Маша, украла бы Даша, то почему же нельзя было украсть Прокопу? Развѣ кража, совершенная „кровными", имѣетъ какой-нибудь особенный вкусъ противъ кражи, совершенной посторонними?

И въ умѣ моемъ невольно возникаетъ вопросъ: что могло бы случиться, еслибъ мой милліонъ былъ устраненъ изъ своего первоначальнаго помѣщенія не Прокопомъ, а, напримѣръ, сестрицей Машей?

Во-первыхъ, для меня, или, лучше сказать, для моего тѣла — послѣдствія были бы самыя скверныя.

Хотя я и знаю, что Прокопъ проѣдаетъ свое послѣднее выкупное свидѣтельство, но покуда онъ еще не проѣлъ его, онъ сохраняетъ всѣ внѣшніе признаки человѣка достаточнаго, живущаго въ свое удовольствіе. Слѣдовательно, обокравши меня, онъ по крайней мѣрѣ имѣлъ полную возможность дать полный просторъ чувству благодарности, наполнявшему его сердце. Онъ *могъ* нанять прекраснѣйшія дроги для моего гроба, *могъ* устроить для меня погребеніе съ шестью попами и обѣдъ у кухмистера. И еслибъ выискался вольнодумецъ, который сказалъ: „вотъ какъ свободно можетъ человѣкъ распоряжаться награбленными деньгами!" — Прокопъ могъ бы, въ видѣ опроверженія, вынуть изъ кармана *свое собственное* выкупное свидѣтельство и сунуть его вольнодумцу подъ носъ: „вотъ оно!"

Напротивъ того, ограбь меня сестрица Маша — о великолѣпіи, сопровождавшемъ мое погребеніе, не могло бы быть и помину. Будучи состоянія бѣднаго и погребая брата, оставившаго послѣ себя только старинную копѣечку да двѣ акціи рыбинско-бологовской желѣзной дороги, она, для того только, *чтобы не обличить самое себя*, обязывалась бы продолжать притворяться нищей и сократить расходы по погребенію до послѣдней крайности. Прощай попы, прощай факельщики, прощай великолѣпный кортежъ кадыковъ! Кто знаетъ, не было ли бы мое тѣло въ такомъ случаѣ погребено гдѣ-нибудь на островѣ Голодаѣ? И имѣла ли бы тогда возможность душа моя на-

рить, негодовать, ликовать и вообще испытывать всякаго рода ощущенія, какъ она дѣлаетъ это теперь, когда тѣло мое, по милости Прокопа, погребено въ I-мъ классѣ Волковскаго кладбища?

Стало быть, съ точки зрѣнія моего тѣла, еще бабушка на-двое сказала, выгоднѣе ли было бы, еслибъ меня обокрала сестрица Маша, а не Прокопъ.

Во-вторыхъ, *для моего капитала*—послѣдствія были бы едва-ли менѣе невыгодны. Обладая *своимъ собственнымъ* выкупнымъ свидѣтельствомъ, Прокопъ, подъ его эгидой, имѣетъ полную возможность пустить въ ходъ мои деньги. Онъ можетъ и у Бореля кредитъ себѣ открыть, и около Шнейдерши походить, а пожалуй, чего добраго, и концессію получить. И никто не имѣетъ юридическаго основанія сказать: „вотъ какъ человѣкъ на награбленныя деньги кутитъ!“ А такъ какъ я и самъ при жизни любилъ, чтобъ мой капиталъ имѣлъ обращеніе постоянное и быстрое, то душа моя можетъ только радоваться, что въ рукахъ Прокопа онъ не прекращаетъ своего теченія, не дѣлается мертвымъ.

Напротивъ того, сестрица Маша прежде всего вынуждена была бы скрыть мои таланты отъ всѣхъ взоровъ, потому что всякому слишкомъ хорошо извѣстно, что собственно у нея нѣтъ даже мѣднаго гроша за душой. Но скрыть—этого еще недостаточно. Она обязывалась даже теперешніе свои расходы сократить до невозможности, потому что подозрительные глаза сестрицы Даши съ бдительностью аргуса слѣдили бы за каждымъ ея шагомъ. Купила Маша фунтъ икры — сейчасъ Даша: „а Манька-воровка нынче ужъ икру исходя ѣстъ!“ Сшила Маша Нисочкѣ ситцевое платьице—сейчасъ Даша: „а видѣли вы, какъ воровка-то наша принцессу свою вырядила?!“ Чѣмъ могло бы кончиться это ужасное преслѣдованіе? А вотъ чѣмъ: въ одно прекрасное утро, убѣдясь, что украденный капиталъ принесъ ей только терзанія, Маша съ отчаянія бросила бы его въ отхожее мѣсто... Каково было бы смотрѣть на это душѣ моей!

Стало быть, какъ ни кинь, а выходитъ, что даже лучше, что меня обокралъ Прокопъ, а не сестрицы.

Но въ ту минуту, когда я пришелъ къ этому заключенію, должно быть, я вновь перевернулся на другой бокъ, потому что сонная моя фантазія вдругъ оставила родныя сѣни и перенесла меня, по малой мѣрѣ, верстъ за пятьсотъ отъ деревни Пролёванной.

Я счутился въ усадьбѣ Прокопа. Онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ; передъ нимъ, въ позѣ болѣе нежели развязной, стоялъ Гаврюшка.

Прокопъ постарѣлъ, посѣдѣлъ и осунулся. Онъ глядѣлъ исподлобья, но когда, по временамъ, вскидывалъ глаза, то отъ нихъ исходилъ какой-то хищный, фальшивый блескъ. Что-то среднее между „убью!“ и „боюсь!“ видѣлось въ этихъ глазахъ.

Очевидно было, что устраненіе моихъ денегъ изъ первоначальнаго ихъ помѣщенія не прошло ему даромъ, и что въ его жизнь проникло новое начало, дотолѣ совершенно ей чуждое. Это начало—всегдашнее, никогда не оставляющее человѣка, совершившаго рискованное предпріятіе по присвоенію чужой собственности, опасеніе, что вотъ-вотъ сейчасъ все кончится, соединенное съ чувствомъ унизительнѣйшей зависимости вотъ отъ этого самаго Гаврюшки, который въ эту минуту въ такой нахальной позѣ стоялъ передъ нимъ.

И дѣйствительно, стоило лишь взглянуть на Гаврюшку, чтобъ понять всю горечь Прокопова существованія. Правда, Гаврюшка еще не сидѣлъ, а стоялъ передъ Прокопомъ, но по отставленной впередъ ногѣ, по развязно-заложеннымъ между петлями сюртука пальцамъ руки, по осовѣлымъ глазамъ, которыми онъ съ наглѣйшею самоувѣренностью озирался кругомъ, можно было догадываться, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ возьметъ да и сядетъ.

— На что жъ это теперича похоже-съ!—докладывалъ Гаврюшка:—я ему говорю: предоставь мнѣ Аннушку, а онъ, вмѣсто того, чтобъ угожденіе сдѣлать...

— Да пойми ты, ради Христа! развѣ могу я его заставить? такіе ли теперь порядки у насъ? Вотъ кабы лѣтъ пятнадцать долой—ну, тогда точно! Развѣ жалко мнѣ Аннушки-то?

— Это какъ вамъ угодно-съ. И прежде вы барины были, и теперь барины состопте... А только доложу вамъ, что ежели, паче чаянья, и дальше у насъ такъ пойдетъ—большіе у насъ будутъ съ вами нелады!

— Да опомнись ты! чего тебѣ отъ меня еще нужно? Сколько ты денегъ высосалъ! сколько винища одного вылакалъ! Натко съ чѣмъ еще присталъ: Аннушку ему предоставь! Ну, ты умный человѣкъ! ну, скажи же ты мнѣ, какъ я могу его принудить уступить тебѣ Аннушку? Умный ли ты человѣкъ, или нѣтъ?

— Опять-таки, это какъ вамъ угодно. А я съ своей стороны полагаю такъ: вмѣстѣ похищеніе сдѣлали—вмѣстѣ, значитъ, и отвѣчать будемъ.

— Вотъ видишь ли, какъ ты со мной говоришь! Ну, какъ ты со мной говоришь! Кабы ежели ты настоящій человѣкъ былъ—ну, смѣлъ ли бы ты со мной такъ говорить! Гдѣ у тебя рука?

— Гдѣ-же рука-съ! при мнѣ-съ!

— То-то вотъ „при мнѣ-съ“! Развѣ такъ отвѣчаютъ? Развѣ смѣлъ бы ты мнѣ такимъ родомъ отвѣтить, кабы ты человѣкъ былъ! „При мнѣ-съ“! А я вотъ тебѣ, свиньѣ, спихожу! Зачѣмъ спихожу? Оказалъ ты мнѣ услугу—я помню это и спихожу! Вотъ и ты, кабы ты былъ человѣкъ, а не свинья, тоже бы понималъ!

— А я, напротивъ того, такъ понимаю, что съ моей стороны къ вамъ снисхожденіевъ не въ примѣръ больше было. И коли ежели изъ насъ кто свинья, такъ скорѣе всего вы противъ меня свиньей себя показали!

Я ожидалъ, что Прокопъ раздереть на себѣ ризы и, во всякомъ случаѣ, хоть одну скулу да своротить Гаврюшкѣ на сторону. Но онъ только зарычалъ, и притомъ такъ деликатно, что лишь безсмертная душа моя могла слышать это рычаніе.

— Для тебя ли, подлецъ, мало дѣлается!—говорилъ онъ, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобъ сообщить своему голосу возможно-мягкіе тоны:—мало ли тебѣ въ прорву-то пихали! Вспомни... искаріотъ ты этакой! Заставилъ ли я тебя, каналья ты этакая, когда-нибудь хоть пальцемъ объ палецъ ударить? И за что только тиранишь ты меня, безчувственный ты скотъ?

— Это какъ вамъ угодно-съ. Только я такъ полагаю, что ежели мы вмѣстѣ похищеніе дѣлали, такъ вмѣстѣ, значитъ, слѣдуетъ намъ и линію эту вести. А то какой же мнѣ теперича, значитъ, разсчетъ! Вотъ вы, сударь, на диванѣ теперича сидите—а я стою-съ! Или опять: вы за столомъ кушаете, а я, какъ какой-нибудь холопъ—въ застольной-съ... На что похоже!

И Гаврюшка до того забылся, что началъ даже кричать. А такъ какъ онъ съ утра былъ пьянъ (очевидно, съ самаго дня моего погребенія, онъ ни одной минуты не былъ трезвъ), то къ крику присоединились слезы.

Прокопъ нѣкоторое время смотрѣлъ на него съ выпученными

глазами, но наконецъ-таки обнялъ всю необъятность Гаврюшкиныхъ претензій, и не выдержалъ, то-есть съ поднятыми длaнями устремился къ негодяю.

— Вонъ... курицынъ сынъ!—гремѣлъ онъ, не помня себя.

— Это какъ вамъ угодно-съ. Только какое вы слово теперича мнѣ сказали... ахъ, какое это слово! Ну, да и отвѣтите же вы передо мной за это ваше слово!

Гаврюшка съ шикомъ повернулся на каблукахъ и не торопясь вышелъ изъ кабинета. А Прокопъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, ошеломленный и уничтоженный. Наконецъ онъ, однакожъ, очнулся и быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Каждый день такъ! каждый день!—слышалось мнѣ его невнятное бормотаніе.

Прокопъ былъ несчастливъ. Онъ укралъ милліонъ, и не только не получилъ отъ того утѣшенія, но убѣдился самымъ наглядымъ образомъ, что совершилъ кражу исключительно на пользу Гаврюшки. Онъ не могъ ни одной копѣйки изъ этого капитала употребить производительно, потому что Гаврюшка былъ всегда тутъ, и при первой попыткѣ Прокопа что-нибудь пріобрѣсти замѣчалъ: „а вѣдь мы вмѣстѣ деньги-то воровали“. Стало быть, положеніе Прокопа было, приблизительно, такое же, какъ и то, которое душа моя рисовала для сестрицы Марьи Ивановны, еслибъ не Прокопъ, а она украла мои деньги. Вездѣ и всегда Гаврюшка! Онъ болталъ безъ умолку, и если еще не выболталъ тайны во всемъ ея составѣ, то о многомъ уже далъ подозрѣвать. Самое присутствіе Гаврюшки въ имѣніи, льготы, которыми онъ пользовался, нахальное его поведеніе—все это уже представляло богатую пищу для догадокъ. Дворовые уже шепчутся между собою, а шопотъ этихъ людей — первый знакъ, что нѣчто должно случиться. Прокопъ видѣлъ это, и у него готова была лопнуть голова при мысли, что изъ его положенія только два выхода: или самоубійство, или...

И Прокопъ все шагалъ и шагалъ, какъ будто усиливаясь прогнать ехидную мысль.

— И кто же бы на моемъ мѣстѣ не сдѣлалъ этого!—бормоталъ онъ:—кто бы свое упустилъ! Хоть бы эта самая Машка или Дашка —ну, развѣ онѣ не воспользовались бы? А вѣдь онѣ, по настоящему-то, даже и сказать не могутъ, зачѣмъ имъ деньги нужны! Вотъ

мнѣ, напримѣръ... ну, я... что бы, напримѣръ... ну, пятьдесятъ бы стипендій пожертвовалъ... Театръ тамъ „Буффъ“. что-ли... тьфу! А имъ на что? Такъ, жадность одна!

Но ехидная мысль: „или самоубійство, или...“, разъ забравшись въ голову, наступаетъ все больше и больше. Напрасно онъ хочетъ освободиться отъ нея при помощи разсужденій о томъ, какое можно бы сдѣлать полезное употребленіе изъ украденнаго капитала: она тутъ, она жжетъ и преслѣдуетъ его.

— Позвать Андрея!—наконецъ кричитъ онъ въ переднюю.

Андрей—старый дядька Прокопа, въ настоящее время исправляющій у него должность мажордома. Это старикъ добрѣйшій, неспособный муху обидѣть, но за всѣмъ тѣмъ Прокопъ очень хорошо знаетъ, что ради него и его интересовъ Андрей готовъ даже на злодѣяніе.

— Надо намъ отъ этого Гаврюшки освободиться!—обращается Прокопъ къ старому дядькѣ.

— И что за причина такая?—вздыхаетъ на это Андрей.

— Ну, братъ, причина тамъ или не причина, а надо намъ отъ него освободиться!

— Въ шею бы его, сударь!

— Кабы можно было въ шею, развѣ сталъ бы я съ тобой, дуракомъ, разговаривать!

Наступаетъ нѣсколько минутъ молчанія. Прокопъ ходитъ по кабинету и постепенно все больше и больше волнуется. Андрей вздыхаетъ.

— Надо его вотъ такъ!.. — наконецъ произноситъ Прокопъ, дѣлая правою рукой жестъ, какъ будто прищелкиваетъ большимъ пальцемъ блоху.

— Да вѣдь и то, сударь, съ утра до вечера винище трескаетъ, а все лопнуть не можетъ! — объясняетъ Андрей и по обыкновенію своему прибавляетъ: — и что за причина такая — понять нельзя!

Опять молчаніе.

— Дурману бы...—произноситъ Прокопъ, и какими-то такими безстрастными глазами смотритъ на Андрея, что мнѣ становится страшно.

Я вижу, что преступленіе, совершонное въ минуту моей смерти, не должно остаться безслѣднымъ. Теперь уже идетъ дѣло о другомъ.

болѣе тяжеломъ преступленіи, и кто знаетъ, быть можетъ, певдолгѣ этотъ самый Андрей... Не потребуется ли устранить и его, какъ свидѣтеля и участника совершонныхъ злодѣяній? А тамъ—Кузьму, Ивана, Петра? Душа моя съ негодованіемъ отвращается отъ этого зрѣлища и спѣшитъ оставить кабинетъ Прокопа, чтобы направить полетъ свой въ людскую.

Тамъ идетъ говоръ и гомонъ. Дворовые хлебаютъ щи. Гаврюшка, совсѣмъ ужъ ньяный, сидитъ между ними и безобразничаетъ.

— Мнѣ бы, по настоящему, совсѣмъ не съ вами, свиньями, сидѣть надо!—говоритъ онъ.

— Что говорить! И то тебя баринъ ужо за столъ съ собой посадитъ!—поддразниваетъ его кто-то изъ дворовыхъ.

— А то не посадитъ! Посадитъ, коли прикажу! Баринъ! великъ твой баринъ! Онъ баринъ, а я противъ него слово имѣю —вотъ что!

— Какое же такое слово, Гаврилушка? И что такое ты противъ барина можешь, коли онъ тебя сію минуту и всячески наказать, и даже въ Сибирь сослать можетъ?

— А такое слово... воръ!!

Рѣчь эта нѣсколько озадачиваетъ дворовыхъ, но такъ какъ крѣпостное право ужъ уничтожено, то смущеніе, произведенное словомъ „воръ“, проходитъ довольно быстро. Къ Гаврюшкѣ начинаютъ приставать, требовать объясненій; дальше—больше...

И вотъ, въ тотъ самый вечеръ, камердинеръ Семенъ, получивши отъ Прокопа затрещину за то, что, снимая съ него на ночь сапоги, нечаянно тронулъ баринову мозоль, не только не стерпѣлъ, по обыкновенію, нанесеннаго ему оскорбленія, но прямо такъ-таки и выпалилъ Прокопу въ лицо:

— Отъ вора да еще плюхи получать—это ужъ не порядки!

При такой неожиданной апострофѣ Прокопъ до того растерялся, что даже не нашелся сказать слова въ отвѣтъ.

Вся его жизнь прошла передъ нимъ въ эту ночь. Вспомнилось и дѣтство, и служба въ гусарскомъ полку, и сватовство, и рожденіе перваго ребенка... Но все это проходило передъ его умственнымъ взоромъ какъ-то смутно, какъ бы для того только, чтобы составить горькій контрастъ тому безвыходному положенію, ужасъ котораго онъ въ настоящую минуту испытывалъ на себѣ. Одна только мысль была совершенно ясна: „зачѣмъ я это сдѣлалъ?“ но и она была

до того очевидно-безплодна, что останавливаться на ней значило только безполезно мучить себя. Но бываютъ въ жизни минуты, когда только такія мысли и преслѣдуютъ, которыя имѣютъ привилегію вгонять человѣка въ потъ. Другая мысль, составлявшая неизбѣжное продолженіе первой: „вотъ сейчасъ... сейчасъ, сію минуту... вотъ!“ —была до того мучительна, что Прокопъ стремительно вскакивалъ съ постели и начиналъ бродить взадъ и впередъ по спальной.

— Всѣхъ!—бормоталъ онъ:—всѣхъ!

Однакожъ нелѣпость этой угрозы была до того очевидна, что онъ едва успѣвалъ вымолвить ее, какъ тутъ же начиналъ скрипѣть зубами и съ какимъ-то безсильнымъ отчаяніемъ сучить руками.

— Всѣмъ! — продолжалъ онъ, вдругъ измѣняя направленіе своихъ мыслей:—всѣмъ съ завтрашняго же дня двойное жалованье положу! А ужъ Гаврюшку-подлеца изведу! Изведу я тебя, мерзкій ты, неблагодарный ты человѣкъ!

Прокопъ шагалъ и скрипѣлъ зубами. Онъ злобствовалъ тѣмъ болѣе, что его же собственная мысль доказывала ему всю непрактичность его предположеній. Развѣ Гаврюшка одинъ?—подсказывала эта мысль.—Нѣтъ, онъ былъ одинъ только до тѣхъ поръ, пока нѣмотствовали его уста. Теперь куда ни оглянись—вездѣ Гаврюшки! Сегодня ихъ двадцать; завтра—будетъ сто, тысяча. Да опять и то: за что имъ платить? за что? Развѣ они что-нибудь заслужили? Развѣ они видѣли, помогли, скрыли? Ну, Гаврюшка... это такъ! Онъ видѣлъ, и все такое... Онъ былъ вправѣ требовать, чтобъ ему платили! А то, натко, съ боку-припеку, нашлась цѣлая орава охотниковъ—и всѣмъ плати!

— Да будь я анаѳема-проклятъ, если хоть копѣйку вы отъ меня увидите... м-м-мерзавцы!—задыхается Прокопъ.

И онъ шагаетъ безъ сна до тѣхъ поръ, пока розоперстая аврора не освѣщаетъ спальни лучами своими.

Утромъ онъ узнаетъ, что Гаврюшка исчезъ неизвѣстно куда...

А сестрица Марья Ивановна ужъ успѣла тѣмъ временемъ кой-что пронюхать, и вотъ въ одно прекрасное утро Прокопу докладываютъ, что изъ города пріѣхалъ къ нему въ усадьбу адвокатъ.

Адвокатъ — молодой человѣкъ самой изящной наружности. Онъ одѣтъ въ щегольскую, коротенькую визитку; волосы аккуратно расчесаны à la Jésus; лицо чистое, бѣлое, слегка лоснящееся; отъ

каждой части тѣла пахнетъ особыми, той части присвоенными, духами. Улыбка очаровательная; жестъ мягкій, изысканный; произношеніе такое, что вотъ такъ и слышится: а хочешь, сейчасъ по-французски заговорю! Прокопъ въ первую минуту думаетъ, что это женихъ, пріѣхавшій свататься къ старшей его дочери.

— Я пріѣхалъ къ вамъ,—начинаетъ адвокатъ,—по одному дѣлу, которое для меня самого крайне прискорбно. Но... vous savez... вы знаете... наше ремесло... впрочемъ, au fond, что же въ этомъ ремеслѣ постыднаго?

Сердце Прокопа болѣзненно сжимается, но онъ перемогаетъ себя и прерываетъ рѣчь своего собесѣдника вопросомъ:

— Позвольте... въ чемъ дѣло-съ?!

— Итакъ, приступимъ къ дѣлу. Въ сущности, это бездѣлица —une misère! И ежели вы будете настолько любезны, чтобъ пойти на нѣкоторыя уступочки, то бездѣлица эта сама собой... et ma foi! il n'en sera plus question! Итакъ, приступимъ. Нѣсколько времени тому назадъ, въ chambres garnies, содержимыхъ нѣкоторою ревельскою гражданкою Либкнехтъ, умеръ одинъ господинъ, котораго молва называла милліонеромъ. Я вамъ сознаюсь по совѣсти: существованіе этихъ милліоновъ еще не доказано, но въ то же время, entre nous soit dit, оно *можетъ* быть доказано, и доказано безъ труда. Итакъ, въ видахъ упрощенія нашихъ переговоровъ, допустимъ, что это ужъ дѣло доказанное, что милліоны были, что во всякомъ случаѣ они *могли* быть, что, наконецъ...

— Позвольте-съ... умеръ... милліоны... Не понимаю, при чемъ же тутъ я?—все еще храбрится Прокопъ.

— Я понимаю, что вамъ понять не легко, но въ то же время надѣюсь, что если вы будете такъ добры подарить мнѣ нѣсколько минутъ вниманія, то дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, для васъ самихъ будетъ ясно какъ день. Итакъ, продолжаю. Въ нумерахъ нѣкоей Либкнехтъ умеръ нѣкоторый милліонеръ, при которомъ въ минуту смерти не было ни родныхъ, ни знакомыхъ—словомъ, никто изъ тѣхъ близкихъ и дорогихъ сердцу людей, присутствіе которыхъ облегчаетъ человѣку переходъ въ лучшую жизнь. Здѣсь былъ только одинъ человѣкъ, и этотъ-то одинъ человѣкъ, который называлъ себя другомъ умиравшаго, и закрылъ ему глаза...

— Прекрасно-съ! это прекрасно-съ! Называлъ себя другомъ!

закрылъ глаза! Скажите, какое важное преступленіе!—все еще бодрилъ себя Прокопъ.

— Покуда преступленія, дѣйствительно, еще нѣтъ. Закрыть глаза другу—это даже похвально. Да и вообще я долженъ предупредить васъ, что я и въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ этого друга не вижу ничего такого... однимъ словомъ, непохвальнаго. Я не ригористъ, Dieu merci. Я понимаю, что только Богу приличествуетъ судить тайныя побужденія человѣческаго сердца, самъ же лично смотрю на человѣческія дѣйствія лишь съ точки зрѣнія наносимыхъ ими потерь и ущербовъ. Конечно, быть можетъ, на судѣ, когда наступитъ приличная обстоятельствамъ минута — я отъ всего сердца желаю, чтобы эта минута не наступила никогда!—я тоже буду вынужденъ квалифицировать извѣстныя дѣйствія извѣстнаго „друга“ присвоеннымъ имъ въ законѣ именемъ; но теперь, когда мы говоримъ съ вами, какъ порядочный человѣкъ съ порядочнымъ человѣкомъ, когда мы находимся въ такой обстановкѣ, въ которой ничто не говоритъ о преступленіи, когда, наконецъ, надежда на соглашеніе еще не покинула меня...

— Ну, да! это значитъ, что вамъ хочется что-нибудь съ меня стянуть—такъ, что-ли?

— „Стянуть“—ce n'est pas le vrai mot, но сознаюсь откровенно, что если бы вы пошли на соглашеніе, я услышалъ бы объ этомъ съ большимъ, съ величайшимъ, можно сказать, удовольствіемъ!

— Съ кѣмъ же на соглашеніе? съ Машкой? съ Дашкой?

— Въ настоящую минуту я еще не нахожу удобнымъ открыть вамъ, кто въ этомъ дѣлѣ истецъ. Вообще, съ потерпѣвшею стороной... Я полагаю, что покамѣстъ это и для васъ совершенно безразлично.

— Однако, братъ, ты фификусъ!—вдругъ произноситъ Прокопъ съ какою-то горькою ироніей.

Но видно, что кроткое введеніе молодого адвоката уже привело его въ то раздраженное состояніе, когда человѣку, какъ говорится, ни усидѣть, ни устоять нельзя. Съ судорожнымъ подергиваніемъ во всемъ организмѣ, съ рычаніемъ въ груди, вскакиваетъ онъ со стула и начинаетъ обычное маятное движеніе взадъ и впередъ по комнатѣ. По временамъ изъ устъ его вылетаютъ легкія ругательства. А молодой человѣкъ между тѣмъ такъ ясно, такъ безмятежно смотритъ на него, какъ будто хочетъ сказать: а согласись, однако, что въ на-

стоящую минуту нѣтъ ни одного сустава въ цѣломъ твоемъ организмѣ, который бы не болѣлъ!

— А знаете ли вы, сударь, русскую пословицу: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись“? — вопрошаетъ наконецъ Прокопъ, останавливаясь передъ молодымъ человѣкомъ.

— Помилуйте! я затѣмъ и адвокатъ, чтобы знать всѣ прекраснѣйшія наши пословицы!

— Ну-съ, и что же?

— И за всѣмъ тѣмъ намѣреній своихъ измѣнить не могу-съ. Я отнюдь не скрываю отъ себя трудностей предстоящей мнѣ задачи: я знаю, что мнѣ придется упорно бороться и многое преодолѣвать: но—ma foi!—я надѣюсь! И повѣрите ли, прежде всего я надѣюсь на васъ! Вы сами придете мнѣ на помощь, вы сами снимете съ меня часть того бремени, которое я такъ неохотно взялъ на себя нести!

— Ну, ужъ это, кажется... дудки!

— Нѣтъ-съ, это совсѣмъ не такъ страшно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Во-первыхъ, вамъ предстоитъ публичный и—не могу скрыть—очень и очень скандальный процессъ. При открытыхъ дверяхъ-съ. Во-вторыхъ, вы, конечно, безъ труда согласитесь понять, что пожертвовать десятками тысячъ для васъ, все-таки, выгоднѣе, нежели рисковать сотнями, а быть можетъ—кто будетъ такъ смѣлъ, чтобы прозрѣть въ будущее?—и потерей всего вашего состоянія!

— „Десятками тысячъ“! однако это шутка! Ни дай, ни вынеси за что—плати десятки тысячъ!

— Позвольте, мы, кажется, продолжаемъ не понимать другъ друга. Вы изволите говорить, что платить тутъ не за что, а я, напротивъ того, придерживаюсь объ этомъ предметѣ совершенно противоположнаго мнѣнія. Поэтому я постараюсь вновь разъяснить вамъ обстоятельства настоящаго дѣла. Итакъ, приступимъ. Нѣсколько времени тому назадъ, въ Петербургѣ, въ Гороховой улицѣ, въ chambres garnies, содержимыхъ ревельской гражданкою Либкнехтъ...

— Да ты видѣлъ, что-ли, какъ я укралъ?

— Pardon! Я констатирую, что выраженіе: „укралъ“, никогда не было мною употреблено. Конечно, быть можетъ, въ судѣ... начальная обязанность... но здѣсь, въ этой комнатѣ, я сказалъ только: нѣсколько времени тому назадъ, въ Петербургѣ, въ Гороховой улицѣ, въ chambres garnies...

Любопытно было видѣть, съ какою милою непринужденностью этотъ молодой и повидимому даже тщедушный мышенокъ игралъ съ такимъ старымъ и матерымъ котомъ, какъ Прокопъ, и заставлялъ его жаться и дрожать отъ боли. Наконецъ Прокопъ не выдержалъ.

— Стой!—зарычалъ онъ въ неистовствѣ:—сруву? сколько надобно?

— Помилуйте... сруву! развѣ я далъ поводъ предполагать?..

— Да ты не мямли! сказывай, сколько?

— Ежели такъ, то, конечно, я буду откровенъ. Прежде всего я охотно допускаю, что исходъ процесса неизвѣстенъ и что, слѣдовательно, надежды на обратное полученіе милліона не могутъ быть названы вполнѣ вѣрными. Поэтому потерпѣвшая сторона *можетъ* и даже *должна* удовлетвориться возмѣщеніемъ лишь части понесеннаго ею ущерба. Въ этихъ видахъ, а равно и въ видахъ округленія цифръ, я полагалъ бы справедливымъ и достаточнымъ... ограничить наши требованія суммой въ сто тысячъ рублей.

— Натко! выкусн!

Прокопъ сдѣлалъ при этомъ такой мало-употребительный жестъ, что даже молодой человѣкъ, несмотря на врожденную ему готовность, утратилъ на минуту ясность души и сталъ готовиться къ отъѣзду.

— Стой! пять тысячъ на бѣдность! Довольно?

Молодой человѣкъ обидѣлся.

— Я рѣшительно замѣчаю,—сказалъ онъ:—что мы не понимаемъ другъ друга. Я допускаю, конечно, что вы можете желать сбавки пяти... ну, десяти процентовъ съ рубля... Но предлагать вознагражденіе до того ничтожное, и притомъ въ такой странной формѣ...

— Ну, сядемъ... будемъ разговаривать. За что же я, по вашему, вознагражденіе-то долженъ дать?

— Я полагаю, что этотъ предметъ нами уже исчерпанъ, и что насчетъ его не можетъ быть даже недоразумѣній. Дѣло идетъ вовсе не о *правѣ* на вознагражденіе—это право внѣ всякаго спора — а лишь о размѣрѣ его. Я надѣюсь, что это наконецъ ясно.

— Ну, хорошо. Положимъ. Поддѣли вы меня—это такъ. Ходите вы, шатуны, по улицамъ и примѣчаете, не сблудилъ ли кто—это ужъ хлѣбъ такой нынѣче у васъ завелся. Я вотъ тебя въ глаза никогда не видалъ, а ты мной здѣсь орудуешь. Такъ дери же, братецъ, ты съ меня по-божески, а не такъ, какъ разбойники на боль-

ныхъ дорогахъ грабятъ! Не все же по семи шкуръ драть, а ты пожалѣй! Ну, согласенъ на десяти тысячахъ помириться? Сказывай! сейчасъ и деньги на столъ выложу!

Молодого человѣка слегка передергиваетъ. Съ минуту онъ колеблется, но колебаніе это длится именно не больше одной минуты, и твердость духа окончательно торжествуетъ.

— Извольте, — говоритъ онъ:—для васъ девяносто тысячъ. Менѣе—ей Богу—не въ состояніи!

— Да ты говори по совѣсти! Вѣдь десять тысячъ—это какія деньги! Сколько дѣловъ на десять тысячъ сдѣлать можно! Вѣдь и Дашкѣ твоей, и Машкѣ—обѣимъ имъ вмѣстѣ красная цѣна грошъ! Имъ десяти-то тысячъ и не прожить! Куда имъ! пойми ты меня, ради Христа!

— Я все очень хорошо понимаю-съ, но позвольте вамъ доложить: тутъ дѣло идетъ совсѣмъ не о какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ Машкахъ или Дашкахъ, а о возстановленіи нарушеннаго права! Вотъ на что я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе!

— Ну, да! и возстановленія, и упраздненія—все это мы знаемъ! Слыхали. Сами прожекты объ упраздненіяхъ писывали!

Я не стану описывать дальнѣйшаго разговора. Это былъ ужъ не разговоръ, а какой-то ни съ чѣмъ несообразный сумбуръ, въ которомъ ничего невозможно было разобрать, кромѣ: „пойми же ты!“, да „слыхано ли?“, да „держи карманъ, нашелъ дурака!“ Я долженъ, впрочемъ, сознаться, что требованія адвоката были довольно умѣрены и что подъ конецъ онъ даже уменьшилъ ихъ до восьмидесяти тысячъ. Но Прокопъ, какъ говорится, осатанѣлъ: не идетъ далѣе десяти тысячъ — и баста. И при этомъ такъ неосторожно выражается, что такъ-таки напрямки и говоритъ:

— Милліонъ просужу, а тебѣ, прохвосту, копѣйки не дамъ!

Съ тѣмъ адвокатъ и ушелъ.

Дальнѣйшія подробности этого замѣчательнаго сновидѣнія представляются мнѣ довольно смутно. Помню, что было слѣдствіе и былъ судъ. Помню, что Прокопъ то-и-дѣло таскалъ изъ кошелки деньги. Помню, что сестрица Машенька и сестрица Дашенька, внимая разсказамъ о безумныхъ затратахъ Прокопа, вздыхали и облизывались. Наконецъ помню и залу суда.

Рѣчи, то пламенныя, то язвительныя, неслись потокомъ; при-

сяжные засѣдатели обливались потомъ; съ Прокоповой женой случилась истерика; Гаврюшка, противъ всякаго чаянія, коснѣющимъ языкомъ показывалъ:

— Ничего этого не было, и никому я этого не говорилъ. Я человѣкъ пьяный, слабый, а что жилъ я у ихъ благородія въ оберъ-мажордомахъ—это конечно; и отказу мнѣ въ винѣ не было — это всегда могу сказать!

Наконецъ формулированы и вопросы для присяжныхъ...

Но какіе это были странные вопросы! Именно только во снѣ могло представиться что-нибудь подобное!

Вопросъ первый: Согласно ли съ обстоятельствами дѣла поступилъ Прокопъ, воспользовавшись единоличнымъ своимъ присутствіемъ при смертныхъ минутахъ такого-то (имя рекъ), дабы устранить изъ первоначальнаго помѣщенія принадлежавшія послѣднему цѣнности на сумму, приблизительно, въ милліонъ рублей серебромъ?

Вопросъ второй: Не поступили ли бы точно такимъ же образомъ родственницы покойнаго, являющіяся въ настоящемъ дѣлѣ въ качествѣ истицъ, если бы были въ такихъ же обстоятельствахъ, то-есть единолично присутствовали при смертныхъ минутахъ милліоновладѣльца и имѣли легкую возможность секретно устранить изъ первоначальнаго помѣщенія принадлежавшій ему милліонъ?

Душа моя такъ и ахнула.

Черезъ минуту отвѣты ужъ были готовы (до такой степени присяжные засѣдатели были тверды въ вѣрѣ!).

На первый вопросъ: Да; строго-согласно съ обстоятельствами дѣла.

На второй вопросъ: Да; поступили бы, и притомъ не оставя даже двухъ акцій рыбинско-бологовской желѣзной дороги!

Одинъ изъ засѣдателей простеръ свое усердіе до того, что, не удовольствовавшись симъ краткимъ исповѣданіемъ своихъ убѣжденій, зычнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Свое—да упускать! Этакъ и по міру скоро пойдешь!

Прокопъ сіялъ; со всѣхъ сторонъ его обнимали, нюхали и осыпали поцѣлуями.

Одинъ молодой адвокатъ глядѣлъ какъ-то томно и былъ какъ бы обезкураженъ; правда, я слышалъ, какъ онъ сквозь зубы процѣдилъ:

— Ну, нѣтъ, messieurs, еще роберъ не весь сыгранъ! О, нѣтъ, сыграна еще только первая партія!

Но внутренно онъ, конечно, скорбѣлъ, что не примирился съ Прокопомъ въ десяти тысячахъ.

Я проснулся съ отяжелѣвшею, почти разбитою головой. Тѣмъ не менѣе хитросплетенія недавняго сна представлялись мнѣ съ такою ясностью, какъ будто это была самая яркая, самая несомнѣнная дѣйствительность. Я даже бросился искать мой милліонъ и, нашедши въ шкатункѣ послѣднее мое выкупное свидѣтельство, обрадовался ему, какъ родному отцу.

— Однако-таки оставилъ!—вырвалось у меня изъ груди.

Но черезъ минуту я опять вспомнилъ о милліонѣ и, продолжая бредить, такъ сказать, наяву, предался размышленіямъ самаго горькаго свойства.

„Какъ жить?—думалось мнѣ:—какъ оградить свою собственность? какъ обезпечить права присныхъ и кровныхъ? „Согласно съ обстоятельствами дѣла“!—шутка сказать! Развѣ можно украсть не согласно съ обстоятельствами дѣла? Нѣтъ, надо бѣжать! Непремѣнно куда-нибудь скрыться, затеряться, забыть! Не денегъ жалко—нѣтъ! Деньги—дѣло наживное! Вотъ, выйду изъ нумера, стану играть оставшимися двумя акціями рыбинско-бологовской желѣзной дороги—и доиграюсь опять до милліона! Не денегъ—нѣтъ!—жаль этого дорогого принципа собственности, этого, такъ сказать, палладіума... Но куда бѣжать? въ провинцію? Но тамъ Петръ Иванычъ Дракинъ, Сергѣй Васильичъ Хлобыстовскій... Вѣдь они уже притаились... они уже стерегутъ! Я вижу отсюда, какъ они стерегутъ!!“

И я готовъ былъ окончательно расчувствоваться, какъ въ комнату мою, словно буря, влетѣлъ Прокопъ.

— Обложили!—кричалъ онъ неистово:—обложили!

— Кого? когда? какимъ образомъ?

— Сами себя! на этихъ дняхъ! кругомъ!... Ну, то-есть, просто вплотную!

Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

Глава V.

Очевидно, рѣчь шла или о подоходномъ налогѣ, или о всесословной рекрутской повинности. А можетъ быть, и о томъ и о другомъ разомъ.

Прокопъ былъ внѣ себя; онъ, какъ говорится, и рвалъ и металъ. Я всегда зналъ, что онъ ругатель по природѣ, но и за всѣмъ тѣмъ былъ изумленъ. Такихъ ругательствъ, какія въ эту минуту расточали уста его, я, признаюсь, даже въ соединенномъ рязанско-тамбовско-саратовско-воронежскомъ клубѣ не слыхивалъ.

— Успокойся, душа моя!—умолялъ я его:—въ чемъ дѣло?

— Да ты, съ маймистами-то пьянствуя, видно, не слыхалъ, что̀ на свѣтѣ дѣлается! Сами себя, любезный другъ, обкладываемъ! Сами въ петлю лѣземъ! Солдатчину на дѣтей своихъ накликаемъ! новые налоги выдумываемъ! Нѣтъ, ты мнѣ скажи—глупость-то какая!

— Напротивъ того, я вижу тутъ прекраснѣйшій порывъ чувствъ!

— Фофанъ ты—вотъ что! Вездѣ-то у васъ порывъ чувствъ. все-то вы свысока невѣжничаете, а коли поближе на васъ посмотрѣть —именно только глупость одна! Ну, гдѣ же это видано, чтобы человѣкъ тосковалъ о томъ, что съ него денегъ не берутъ или въ солдаты его не отдаютъ!

— Однако согласись, что нельзя же допускать такую неравномѣрность! вѣдь берутъ же деньги съ *другихъ*! отдаютъ же *другихъ* въ солдаты!

— Да вѣдь *другихъ*-то и порютъ! Порютъ вѣдь, милый ты человѣкъ! Такъ отчего же у тебя не явится порыва чувствъ попросить, чтобы и тебя за-одно пороли?!

Признаюсь откровенно, вопросъ этотъ былъ для меня новъ; но я какъ-то всегда уклонялся отъ его разрѣшенія. И деньги, покуда ихъ еще не требуютъ, я готовъ отдать съ удовольствіемъ, и въ солдаты, покуда еще не зовутъ на службу, идти готовъ; но какъ только зайдетъ вопросъ о всесословныхъ поронцахъ (хотя бы даже только въ теоріи), инстинктивно какъ-то стараешься замять его. Не лежитъ сердце къ этому вопросу—да и полно! „Ну, тамъ какъ-нибудь“, или: „будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе успѣхи цивилизаціи“—вотъ фразы, которыя обыкновенно произносятъ уста мои въ подобныхъ случаяхъ, и хотя я очень хорошо понимаю, что фразы эти

ничего не разъясняютъ, но, можетъ быть, именно потому-то и говорю ихъ, что дѣйствительное разъясненіе этого предмета только завело бы меня въ безвыходный лабиринтъ.

Эта боязнь взглянуть вопросу прямо въ лицо всегда угнетала меня. И я тѣмъ болѣе не могу простить ее себѣ, что въ душѣ и даже на бумагѣ я одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ равенства. Ужъ если драть, такъ драть всѣхъ поголовно и неупустительно— нельзя сказать, чтобъ я не понималъ этого. Но я не имѣю настолько твердости въ характерѣ, чтобъ быть совершенно послѣдовательнымъ, то-есть просить и даже требовать для самого себя права быть поротымъ. Иногда я иду даже далѣе идеи простого равенства передъ драньемъ и формулирую свою мысль такъ: ужъ если не драть одного, то не будетъ ли еще подходящѣе не драть никого? Кажется, что̀ можетъ быть радикальнѣе! Но и тутъ опять овладѣваетъ мною малодушіе... Да какъ это никого не драть? Да вѣдь этакъ, пожалуй, мы и Бога-то позабудемъ! И кончается дѣло тѣмъ, что я порѣшаю съ моими сомнѣніями при помощи заранѣе проштудированныхъ фразъ: ну, тамъ какъ-нибудь... будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе успѣхи цивилизаціи... съ одной стороны, опо, конечно, и т. д.

Такъ точно поступилъ я и теперь.

— Послушай, душа моя,—сказалъ я Прокопу:—какая у тебя, однакожъ, странная манера! Ты всегда поставишь вопросъ на такую почву, на которой просто всякій обмѣнъ мыслей дѣлается невозможнымъ! Вѣдь это нельзя!

И, говоря такимъ образомъ, я постепенно такъ разгорячился, что даже возвысилъ голосъ и нѣсколько разъ сряду въ упоръ Прокопу повторилъ:—Это нельзя! нѣтъ, это нельзя!

— Что нельзя-то? Ты не грозись на меня, а сказывай прямо: отчего ты не просишь, чтобы тебя, по примѣру „другихъ“, пороли? Ну, говори! не виляй!

— Послушай, если я еще въ сороковыхъ годахъ написалъ „Маланью“, то, мнѣ кажется, этого достаточно... Наконецъ, я безвозмездно отдалъ крестьянамъ четыре десятины очень хорошей земли... Понимаешь ли—*безвозмездно!!*

— Ну, а я „Маланьи“ не писалъ и никакой земли безвозмездно не отдавалъ, а потому какъ оно тамъ—не знаю. И поронцы

похулить не хочу, потому что безъ этого тоже нельзя. Сѣчь—какъ не сѣчь? сѣчь нужно! Да самъ-то я, другъ ты мой любезный, поротымъ быть не желаю!

— Но я не понимаю, какое же можетъ быть отношеніе между порощами, какъ ты ихъ называешь, и, напримѣръ, всесословною рекрутскою повинностью?

— Гдѣ тебѣ понять! У тебя вѣдь порывъ чувствъ! А вотъ какъ у меня два сына ростутъ, такъ я понимаю!

Прокопъ былъ въ такомъ волненіи, въ какомъ я никогда не видалъ его. Онъ былъ блѣденъ и повидимому совершенно искренно разстроенъ.

— Я это дѣло такъ понимаю,—продолжалъ онъ:—вотъ какъ! Я самъ, братъ, два года взводомъ командовалъ—меня порывами-то не удивишь! Бывало, подойдешь къ солдатику: ты что, такой-сякой, ротъ-то разинулъ!.. Это сыну-то моему! А! хорошъ сюрпризъ!

— Но позволь... вѣдь успѣхи цивилизаціи...

— Какіе тутъ успѣхи цивилизаціи, тутъ убійства будутъ—вотъ что! „Что ты ротъ-то разинулъ!“—ахъ, чортъ подери! Ты понимаешь ли, какъ въ наше время на это благородные люди отвѣчали!

Дѣйствительно, я вспомнилъ, что когда я еще былъ въ школѣ, то какой-то генералъ обозвалъ меня „щенкомъ“ за то только, что я зазѣвался, идя по улицѣ, и не вытянулся передъ нимъ во фронтъ. И долженъ сознаться, что при одномъ воспоминаніи объ этомъ эпизодѣ моей жизни мнѣ сдѣлалось крайне неловко.

— Или опять этотъ подоходный налогъ!—продолжалъ Прокопъ:—съ чего только бѣсятся! съ жиру, что-ли? Держи карманъ—жирны!

При этихъ словахъ я вдругъ вспомнилъ о своемъ милліонѣ, и невольнымъ образомъ началъ разсчитывать, сколько должно сойти съ меня налогу, если восторжествуетъ система просто подоходная, и сколько—ежели восторжествуетъ система подоходно-поразрядная.

— Вѣдь знаешь ли,—сказалъ я:—я сегодня во снѣ видѣлъ, что у меня милліонъ.

— Ну, развѣ что во снѣ.

— А если бы, однакожъ, у тебя былъ милліонъ—что бы тогда?

— Ну, тогда, пожалуй, и подоходный, и поразрядный—катай на все!

— Однако непослѣдователенъ же ты, душа моя!

— Да пойми же, ради Христа, вѣдь тогда...

Прокопъ, повидимому, хотѣлъ объяснить, что изъ дарового милліона, конечно, ничего не стоитъ уступить сотню-другую тысячъ; но вдругъ опомнился и уставился на меня глазами.

— Фу, чортъ! — воскликнулъ онъ: — да никакъ ты еще не очнулся! о какихъ это ты милліонахъ разговариваешь?

— Нѣтъ, ты не вилляй! ты отвѣть прямо: ежели бы!..

— „Ежели бы"! Мало чего ежели бы! Вотъ я каждую ночь въ концѣ іюня да въ концѣ декабря во снѣ вижу, что двѣсти тысячъ выигралъ, только толку-то изъ этихъ сновъ нѣтъ!

— А ну какъ выиграешь?

— Кабы выиграть! Ужъ такихъ бы мы дѣловъ съ тобою надѣлали!

— Я бы сейчасъ у Донона текущій счетъ открылъ!

— Дононъ—это само собой. Я бы и въ Парижъ скаталъ—это тоже само собой. Ну, а кромѣ того... Вотъ у меня молотилка уже другой годъ не молотитъ... а тамъ, говорятъ, еще жнеи да сѣноворошилки какія-то есть! Это, братъ, посерьезнѣе, чѣмъ у Донона текущій счетъ открыть.

— Винокуренный заводъ хорошо бы устроить. Про костяное удобреніе тоже пишутъ...

— Ужъ какъ бы не хорошо! Ты пойми, вѣдь теперь хоть бы у меня земля... ну, какая это земля? Вѣдь она холодная! Ну, можетъ ли холодная земля какой-нибудь урожай давать! Ну, а тогда бы...

Разговоръ какъ-то вдругъ смякъ, и мы нѣкоторое время молча похаживали по комнатѣ, сладко вздыхая и еще того слаще соображая и вычисляя.

— И отчего это у насъ ничего не идетъ! — вдругъ какъ-то нечаянно сорвалось у меня съ языка: — машинъ накупимъ — не дѣйствуютъ! удобренія накупимъ видимо-невидимо — не родитъ земля, да и баста! Знаешь что! Я такъ думаю: чѣмъ машины-то покупать, лучше прямо у Донона текущій счетъ открыть — да и покончить на этомъ!

— А что ты думаешь: вѣдь оно пожалуй...

Сказавши это, Прокопъ опять взглянулъ на меня изумленными глазами, словно сейчасъ пробудился отъ сна.

— Слушай! не мути ты меня, Христа ради!—сказалъ онъ:—вѣдь мы ужъ и такъ наяву бредимъ.

— Отчего же и не побредить, душа моя! вѣдь прежняго не воротишь, а если не воротишь, такъ надо же что-нибудь на мѣсто его вообразить?

— Тоска! Тоски мы своей избыть не можемъ—вотъ что!

Я зналъ, что когда Проконъ заводитъ разговоръ о тоскѣ, то, въ переводѣ на рязанско-тамбовско-саратовскій жаргонъ, это значитъ: водки и закусить!—и потому поспѣшилъ распорядиться. Черезъ минуту мы дружелюбнѣйшимъ образомъ расхаживали по комнатѣ и постепенно закусывали.

— Не понимаю я одного,—говорилъ я:—какъ ты не признаешь возможности внезапнаго порыва чувствъ!

— Кто? я-то не признаю? я, братъ, даже очень хорошо понимаю, что съ самой этой эмансипаціи мы ничѣмъ другимъ и не занимаемся, кромѣ какъ внезапными порывами чувствъ!

— Ну, видишь ли! Сидимъ мы себѣ да помалчиваемъ; другой со стороны посмотритъ: „вотъ, скажетъ, безчувственные!“ А мы вдругъ возьмемъ да и вскочимъ: бери все!

— Намъ, значитъ, чтобъ ничего!

— А зачѣмъ намъ? Жить бы только припѣваючи да не знать горя-заботушки—чего еще нужно?

Начался разговоръ о сладостяхъ безпечальнаго житія, безъ крѣпостного права, но съ подоходными и поразрядными налогами, съ всесословною рекрутскою повинностью и т. д. Мало-по-малу перспективы, которыя при этомъ представились, до того развеселили насъ, что мы долгое время стояли другъ противъ друга и хохотали. Однакожъ, постепенно, серьезное направленіе мыслей вновь одержало верхъ надъ смѣшливостью.

— А знаешь ли, что мнѣ пришло въ голову,—вдругъ сказалъ я:—вѣдь, можетъ быть, это они не спроста?

— Что такое не спроста?

— А наши-то обкладываютъ себя. Вотъ теперь они себя обкладываютъ, а потомъ и начнутъ... и начнутъ забирать!

— Да что забирать-то?

— Какъ что! чудакъ ты! Да просто возьмутъ да и скажутъ:

„мы, скажутъ, сдѣлали удовольствіе, обложили себя, что называется, вилотную; а теперь, дескать, и вы удовольствіе сдѣлайте!“

— Держи карманъ!

— Нѣтъ, да ты вникни! вѣдь это дѣло очень и очень статочное! Возьми хоть Петра Иваныча Дракина—ну, станетъ ли онъ себя обкладывать, коли нѣтъ у него про запасъ загвоздки какой-нибудь?!

— Та и есть загвоздка, что будетъ твой Петръ Иванычъ денежки платить, а сыну его будутъ „что ты ротъ-то разинулъ!“ говорить.

— Однакожъ деньги-то вѣдь не свой братъ! Коли серьезно-то отдавать ихъ придется... вѣдь это ой-ой-ой!

— Ничего! обойдемся! А коли тошно придется—нардону попросимъ!

— Нѣтъ! какъ хочешь, а что-нибудь тутъ есть! Петръ Иванычъ—онъ прозорливъ!

Но Прокопъ, который только-что передъ тѣмъ запихалъ себѣ въ ротъ огромный кусокъ колбасы, сомнительно покачивалъ головой.

— Вотъ развѣ что,—наконецъ произнесъ онъ:—можетъ, новыхъ мѣстовъ по этому случаю много откроется. Вотъ это—такъ! противъ этого—не спорю!

— Зачѣмъ же тутъ мѣста?

— А какъ же. Навѣрное, пойдутъ счеты да отчеты, складки да раскладки, наблюденія, изысканія... Одинхъ доносовъ сколько будетъ!

— Гм... а что ты думаешь! вѣдь, пожалуй, это и такъ!

— Вѣрно говорю. Сначала вотъ земство тоже бранили, а теперича сколько черезъ это самое земство людей счастливыми себя почитаютъ!

— Что же! если даже только мѣста—вѣдь и это, братъ, штука не плохая!

— Что говорить. И я въ раскладчики пойду, коли доброе жалованье положатъ!

— А я доносы буду разбирать, коли тысячи двѣ въ годъ дадутъ! Стало быть, чортъ-то и не такъ страшенъ, какъ его малюютъ! Вотъ ты сюда прибѣжалъ, чуть посуду сгоряча не перебилъ, а посмотрѣлъ да поглядѣлъ—анъ даже выгоду для себя запримѣтилъ!

Прокопъ молча перебиралъ пальцами, какъ будто нѣчто разсчитывалъ.

— Съ тебя что̀ возьмутъ?—продолжалъ я:—ну, триста, четыреста рублей, а жалованья-то двѣ-три тысячи положатъ! А *мы* вѣдь никогда никакого жалованья не положатъ, а все будутъ брать! все брать!

— И такъ-то, братъ, будутъ брать, что только держись! Это вѣрно.

— Ну, вотъ видишь ли!

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы совершенно шутя выпили графинчикъ и, настроивъ себя на чувствительный тонъ, пустились въ разговоры о меньшей братіи.

— Меньшая братія—это, братъ, первое дѣло!—говорилъ я.

— Меньшая братія—это, братъ, штука!—вторилъ Прокопъ.

И—странное дѣло!—ни мнѣ, ни Прокопу не было совѣстно. Напротивъ того, я чувствовалъ, какъ постепенно проходила моя головная боль и какъ мысли мои все больше и больше яснѣли. Что же касается до Прокопа, то лицо его, подъ конецъ бесѣды, дышало такимъ довѣріемъ, что онъ рѣшился даже тряхнуть стариной и, прощаясь со мной, совсѣмъ неожиданно продекламировалъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Иду впередъ я безъ боязни!

— Такъ-то, братъ!—заключилъ онъ:—надо теперь бѣжать домой да письма писать. А то вѣдь и мѣсто памѣтишь, а его у тебя изъ-подъ носа выхватятъ!

Несмотря на будничный исходъ, разговоръ этотъ произвелъ на меня возбуждающее дѣйствіе. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, кроется въ этомъ самообкладываніи? подкопъ ли какой-нибудь, или только внезапный наплывъ чувствъ?

— Или, быть можетъ,—мелькало у меня въ головѣ:—дѣло объясняется и еще проще. Пришло какому-нибудь либералу-гласному въ голову сказать, что налоги, равномѣрно распредѣляемые, суть единственные, которые, по справедливости, слѣдуетъ назвать равномѣрно распредѣленными!—другимъ эта мысль понравилась, а тамъ и пошла пилыня въ ходъ.

Прежде всего я, разумѣется, обратился за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ къ исторіи нашей общественности.

Имѣли ли наши предки какое-нибудь понятіе о подкопахъ? Конечно, имѣли, ибо фрондерство изстари составляло характеристическую черту нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ. Они фрондировали въ дворянскихъ собраніяхъ, фрондировали въ клубахъ, фрондировали—устраивая въ пику предержащимъ властямъ благородные спектакли и пикники. Но имъ никогда не приходило на мысль (по крайней мѣрѣ исторія не даетъ ни одного примѣра въ этомъ родѣ), что самообкладываніе есть тоже видъ фрондерства, изъ котораго могутъ выйти для нихъ какія-то якобы права. Какъ люди грубые и неразвитые, они предпочитали пользоваться правами вполнѣ реальными (не весьма нравственными, но все-таки реальными), нежели заглядываться на какія-то якобы права, сущность которыхъ до того темна, что можетъ быть выражена только словами: „кабы“, да „еслибы“, да „паче чаянія, чего Боже сохрани“. Поэтому они обкладывали не себя, а другихъ, обкладывали всякаго, кого имъ было подъ силу обложить, обкладывали безъ энтузіазма и безъ праздной политико-экономической игры словъ. И если бы, напримѣръ, дѣдушкѣ Матвѣю Иванычу кто-нибудь предложилъ поступиться своимъ правомъ обкладывать другихъ и, взамѣнъ того, воспользоваться правомъ обложить самого себя, онъ навѣрное сказалъ бы: „помилуй Богъ! какая же это мѣна?“

И что̀ всего страннѣе: даже мужикъ, въ качествѣ искони обкладываемаго лица, долженствовавшій знать до тонкости всѣ послѣдствія обложенія—и тотъ никогда не возвышался до мысли, что чѣмъ болѣе его обложатъ, тѣмъ больше выйдетъ изъ этого для него якобы правъ. Какъ человѣкъ, стоящій на реальной почвѣ, онъ зналъ, что двойное, напримѣръ, обложеніе приведетъ за собой для него только одно право: право быть обложеннымъ вдвое—и больше ничего. Поэтому онъ несъ тяготы доколѣ возможно, то-есть до тѣхъ поръ, пока у него въ сусѣкѣ водилась „пушнина“. Какъ скоро изсякала и пушнина, онъ или проспалъ лошади, или бунтовалъ на колѣняхъ; но ни въ мольбѣ о лошади, ни въ бунтѣ на колѣняхъ, все-таки, никакого подкопа не видѣлъ и видѣть не могъ.

Однимъ словомъ, и обкладывающіе, и обкладываемые—всѣ стояли на реальной почвѣ. Одни говорили: „мы обкладываемъ“, другіе—„насъ обкладываютъ“, и никто изъ этого простѣйшаго акта внутрен-

ней политики никакихъ для себя якобы правъ не ожидалъ. Напротивъ того, всякій молчаливо сознавалъ, что самое нестерпимое реальное положеніе, все-таки, лучше, нежели какія-то „якобы“ права.

Затѣмъ, были ли наши предки доступны такъ-называемому наплыву чувствъ?—Я полагаю, что и на этотъ вопросъ никто не рѣшится отвѣчать отрицательно. Дѣды наши не были скопидомы и не тряслись надъ каждою копѣйкой, изъ чего можно было бы заключить, что они не были способны къ самообложенію изъ энтузіазма. Напротивъ того, по большей части, это были широкія русскія натуры, изъ числа тѣхъ, которымъ, при извѣстной степени возбужденія, самое море по колѣна. Бабушка Царья Андреевна отказала цирульнику Прошкѣ каменный домъ въ Москвѣ за то только, что онъ какимъ-то особеннымъ образомъ умѣлъ взбивать ей букли. Дяденька Петръ Петровичъ подарилъ заѣзжему человѣку, маркизу де-Безе, пятьдесятъ дворовъ (замѣчательно, что дяденька и тутъ не удержался, чтобы не пошутить: подарилъ всѣ дворы черезъ дворъ, такъ что вышла неслыханнѣйшая черезполосица, расхлебывать которую пришлось его же наслѣдникамъ) за то, что онъ его утѣшилъ.

— Дарю тебѣ, голоштанному, пятьдесятъ дворовъ, — сказалъ онъ при этомъ: — чтобы не ѣздилъ ты на будущее время по помѣщикамъ на штаны собирать!

— Oh, monseigneur!—захлебнулся въ отвѣтъ растерявшійся французъ, воздѣвая руки.

Стало быть, ни въ энтузіазмѣ, ни въ презрѣніи къ металлу недостатка не было; только примѣненіе ихъ было нѣсколько иное, нежели въ настоящее время. „Бей въ мою голову!“, „за все одинъ въ отвѣтъ!“—такого рода восторженныя восклицанія были до того общеупотребительны, что ни въ комъ даже не возбуждали удивленія. Взирая на эти подвиги человѣческой самоотверженности (я совершенно въ правѣ назвать ихъ таковыми, потому что большинство ихъ, все-таки, оканчивалось въ уголовной палатѣ), никто не восклицалъ: какое великодушіе!—но всякій считалъ ихъ дѣломъ вполнѣ обыкновеннымъ, нимало не выходящимъ изъ общаго репертуара привилегированныхъ занятій. Но и за всѣмъ тѣмъ, повторяю, никому изъ нашихъ предковъ и на мысль не приходило обкладывать самихъ себя, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобное самообкладываніе, въ смыслѣ удовлетворенія внезапному наплыву чувствъ, могло обойтись даже

дешевле, нежели, напримѣръ, подарокъ пятидесяти мужицкихъ дворовъ заѣзжему маркизу де-Безе.

Но ежели ни фрондерство, ни наплывъ чувствъ не могли произвести самообкладыванія, то нужно ли доказывать, что экономическіе вицы, въ родѣ того, что равномѣрность равномѣрна, а равноправность равноправна—были тутъ ни-при-чемъ? Нѣтъ, объ этомъ нѣтъ надобности даже говорить. Какъ люди интересовъ вполнѣ реальныхъ, наши дѣды не понимали никакихъ вицевъ, а, напротивъ того, очень хорошо понимали, что равномѣрность именно потому и называется равномѣрностью, что она никогда не бываетъ равномѣрною.

Очевидно, стало быть, что мысль о самообкладываніи принадлежитъ всецѣло намъ, потомкамъ нашихъ предковъ, и должна быть разсматриваема какъ результатъ: во-первыхъ, способности выдерживать наплывъ чувствъ, нѣсколько большей противъ той, которою обладали наши предки; во-вторыхъ, вѣчно присущей намъ мысли о якобы правахъ и, въ-третьихъ, нашей страсти къ политико-экономическимъ вицамъ.

Что наплывъ чувствъ, и притомъ съ подкладкой болѣе или менѣе либеральною, составляетъ главную основу нашей теперешней жизни—противъ этого я никакихъ возраженій не имѣю. Всякая либеральная восторженность есть плодъ той привычки къ обобщеніямъ, которою предки наши, какъ люди неразвитые, обладать не могли. Имъ жилось, по своему, хорошо, но у нихъ былъ очень важный недостатокъ: они не понимали, что другіе тоже имѣютъ основаніе желать, чтобы и имъ жилось хорошо. Они смотрѣли на вещи исключительно съ точки зрѣнія ихъ конкретности и никогда не примѣчали тѣхъ невидимыхъ нитей, которыя идутъ отъ одного предмета къ другому, взаимно уменьшаютъ пропорціи явленій и дѣлаютъ ихъ солидарными. Поэтому они были, такъ сказать, поставлены даже внѣ возможности обобщать.

Мы въ этомъ отношеніи стоимъ неизмѣримо выше нашихъ предковъ. Мы не только фактически констатируемъ, что между жизненными явленіями существуютъ единственныя нити, но и понимаемъ, что—въ какихъ бы благопріятныхъ условіяхъ ни стоялъ человѣкъ—онъ не можетъ быть вполнѣ счастливымъ, если его окружаютъ несчастливцы. И что же?—странное дѣло! даже этотъ несомнѣнный шагъ впередъ на пути развитія мы какимъ-то образомъ съумѣли

свести на нѣтъ! Мы обобщаемъ, но приступаемъ къ обобщенію не прямо, а такъ сказать сбоку, или, еще точнѣе, съ задней стороны. Мы не говоримъ: выгоды, которыми я пользуюсь, справедливо распространять и на другихъ, не говоримъ: невыгоды, которыя стѣсняютъ жизнь другихъ, я нахожу справедливымъ распространить и на меня! Допустимъ, что когда мы формулируемъ подобныя положенія, то нами руководитъ самый чистый и искренній либерализмъ, но спрашивается: не примѣшивается ли къ этому либерализму и извѣстная доля легкомыслія? нѣтъ ли тутъ чего-то похожаго на распущенность, на недостатокъ мужества, на совершенную неспособность взглянуть на вопросъ съ дѣятельной стороны?..

Затѣмъ перехожу къ третьему предположенію: къ предположенію о какихъ-то заднихъ мысляхъ.

Есть убѣжденіе, что жизненныя пріобрѣтенія никогда не достигаются иначе, какъ окольными путями. Поэтому благоразумные люди постоянно вопіютъ къ людямъ менѣе благоразумнымъ: остерегитесь! подождите! придетъ время, когда и нашъ грошъ сдѣлается двугривеннымъ.

Я ничего не имѣю ни противъ подобныхъ полезныхъ предостереженій вообще, ни въ особенности противъ самочиннаго превращенія гроша въ двугривенный. Пускай себѣ превращается—это для меня все равно, тѣмъ болѣе, что я и на двугривенный смотрю не какъ на особенно-цѣнную монету. Но я совершенно вправѣ утверждать, что въ обобщеніи невыгодъ, неудобствъ и стѣсненій не только нѣтъ окольнаго пути, но есть даже отсутствіе всякаго пути. Если бы кто посредствомъ самоубійства вздумалъ доказывать свое право на жизнь—многое ли бы онъ доказалъ? Онъ доказалъ бы только, что существовалъ на свѣтѣ несчастливецъ, который не нашелъ другого выхода изъ жизненныхъ запутанностей, кромѣ самаго простого: смерти. Въ самомъ крайнемъ случаѣ, это личный протестъ—и ничего больше. Общее значеніе (впрочемъ, все-таки, весьма маленькое) этотъ личный протестъ могъ бы имѣть только тогда, еслибъ онъ имѣлъ возможность отыскать для себя вполнѣ яркое и образное выраженіе, то-есть когда бы всѣ подготовлявшія самоубійство причины могли быть выслѣжены и констатированы. Но представьте себѣ, что въ большей части случаевъ такого рода протесты сводятся къ „найденному на берегу рѣки Пряжки тѣлу неизвѣстнаго человѣка“! Ка-

кое странное фіаско! „Тѣло неизвѣстнаго человѣка“!—и это протестъ! что же въ немъ, однакожъ, есть поучительнаго? И какой практическій результатъ можетъ быть достигнуть *подобнымъ* окольнымъ путемъ?

Но сторонники мысли о подкопахъ и заднихъ мысляхъ идутъ еще далѣе и утверждаютъ, что тутъ дѣло идетъ не объ однихъ окольныхъ путяхъ, но и о сближеніяхъ. Отказъ отъ привилегій—говорятъ они—знаменуетъ величіе души, а величіе души, въ свою очередь, способствуетъ забвенію старыхъ распрей и счетовъ и приводитъ къ сближеніямъ. И вотъ, дескать, когда мы сблизимся... Но, къ сожалѣнію, и это не болѣе, какъ окольный путь, и притомъ до того ужъ окольный, что можно ходить по немъ до скончанія вѣковъ, все только ходить, а никакъ не приходить.

Я отнюдь не хочу сказать, что человѣчество, на какой бы низкой степени развитія оно ни стояло, неспособно оцѣнивать приносимыя жертвы. Нѣтъ, оно относится къ нимъ сочувственно, но все-таки лишь къ такимъ жертвамъ, которыя имѣютъ характеръ положительный, а не отрицательный. Такія *положительныя* жертвы вовсе не невидаль и не утопія: это жертвы, приносимыя, во-первыхъ, знаніемъ, охотно дѣлящимся своими сокровищами съ незнаніемъ, и, во-вторыхъ, дѣятельнымъ сочувствіемъ къ интересамъ, не находящимъ себѣ, вслѣдствіе несчастно-сложившихся обстоятельствъ, огражденія и защиты. Если я сижу въ деревнѣ, умно веду свое хозяйство и не отказываю въ добромъ совѣтѣ нуждающемуся—я, очевидно, приношу жертву *положительную*. Если я выслушиваю жалобу человѣка, попавшагося въ просакъ, угнетеннаго, обиженнаго, принимаю эту жалобу къ сердцу, предпринимаю ходатайства, хлопоты—я тоже приношу жертву *положительную*. Такія жертвы *всегда* оцѣниваются по достоинству, и человѣкъ, который приноситъ ихъ, будетъ почтенъ даже въ томъ случаѣ, если онъ несомнѣнно платитъ налоговъ на три копѣйки меньше противъ сущей справедливости. Но представьте себѣ, что я умѣю только раскладывать гранъ-пасьянсъ, и этотъ недостатокъ умственныхъ сокровищъ предполагаю замѣнить гривенникомъ! Представьте себѣ, что къ одному несчастливцу приходитъ другой несчастливецъ и начинаетъ утѣшать его, говоря: „посмотри! я столько же несчастливъ, какъ и ты!“ Ужели тутъ есть какая-нибудь жертва? а если и есть жертва, то какое же она можетъ принести за собой утѣшеніе?

Увы! это будетъ утѣшеніе самое микроскопическое, а быть можетъ даже и не совсѣмъ хорошаго качества. Утѣшаться общимъ равенствомъ передъ несчастіемъ можно лишь сгоряча; тѣ же люди, которые въ подобныхъ утѣшеніяхъ видятъ нѣчто удовлетворяющее. суть люди несомнѣнно злые и испорченные и, во всякомъ случаѣ, не настолько умные, чтобы отличать облегченія мнимыя отъ облегченій реальныхъ...

Но въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящее время, даже и такого по истинѣ злого утѣшенія не можетъ быть. Тщетно будемъ ожидать забвеній и сближеній при помощи самообкладыванія: зоркій глазъ несчастливца дѣйствительнаго очень тонко съумѣетъ угадать несчастливца мнимаго. Онъ различитъ тутъ все до послѣдней мелочи, до послѣдней утаенной копѣйки, и въ этой работѣ разслѣдованія дойдетъ до обличенія такихъ подробностей, которыхъ на дѣлѣ, быть можетъ, и нѣтъ. Обыкновенное простодушіе онъ возведетъ на степень преднамѣреннаго поддразниванія; въ такъ-называемомъ внезапномъ наплывѣ чувствъ увидитъ систему, задуманную издалека. А коль скоро люди вступаютъ на темный путь подозрѣній, то ничего хорошаго отъ нихъ ждать ужъ нельзя. Вмѣсто прежней, исторической распри, которую желали устранить, но къ которой такъ или иначе успѣли уже приглядѣться, явится распря новая, которая тѣмъ менѣе доступна будетъ соглашеніямъ, что въ основаніе ея—положимъ, неправильно, но *непремѣнно*—лягутъ слова: преднамѣренность и обманъ.

Такимъ образомъ, достаточныхъ основаній, которыя оправдывали бы надежды на сближенія, нѣтъ. А ежели нѣтъ даже этого, то о какихъ же заднихъ мыслях можетъ идти рѣчь?!

Слѣдовательно, и предположеніе о наплывѣ чувствъ, и предположеніе о неизвѣстныхъ, по крайне хитрыхъ и либеральныхъ цѣляхъ—оказываются равно несостоятельными.

Остается, стало быть, предположеніе о наклонности къ политико-экономическимъ вещамъ. Но одна мысль о возможности чего-либо подобнаго была такъ странна, что я вскочилъ какъ ужаленный.

Ужели!?

Ужели афоризмъ, утверждающій, что равномѣрность равномѣрна, а равноправность равноправна, до того обольстителенъ, что можетъ кого-нибудь увлекать?

Я гналъ отъ себя эту ужасную мысль, но въ то же время чувствовалъ, что сколько я ни размышляю, а ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, все-таки, придти не могу. И то невозможно, и другое немыслимо, а третье даже и совсѣмъ не годится. А между тѣмъ фактъ существуетъ! Что же, наконецъ, такое?

Мучимый сомнѣніями, я почувствовалъ потребность провѣрить мои мысли, и притомъ провѣрить въ такой средѣ, которая была бы въ этомъ случаѣ вполнѣ компетентною.

Я вспомнилъ, что у меня былъ товарищъ, очень прыткій мальчикъ, по фамиліи Менандръ Прелестновъ, который еще въ университетѣ написалъ сочиненіе на тему: „Гомеръ, какъ поэтъ, человѣкъ и гражданинъ“, потомъ перевелъ какой-то учебникъ или даже одну страницу изъ какого-то учебника и, наконецъ, теперь, за оскудѣніемъ, сдѣлался либераломъ и публицистомъ при ежедневномъ литературно-научно-политическомъ изданіи „Старѣйшая Всероссійская Пѣвкоснимательница“. Открытіе это освѣжило и ободрило меня. Наконецъ-то, думалось мнѣ, я буду въ самомъ сердцѣ всероссійской интеллигенціи! И не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, я побѣжалъ къ Прелестнову.

Я ужъ не разъ порывался къ Прелестнову съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но меня удерживала свойственная всѣмъ провинціаламъ застѣнчивость передъ печатнымъ словомъ и его служителями. Намъ и до сихъ поръ еще кажется, что въ области печатнаго слова происходитъ что-то въ родѣ священнодѣйствія, и мы были бы до крайности огорчены, если бы узнали за достовѣрное, что въ настоящее время это дѣло упрощено до того, что стоитъ только поплевать на перо, чтобы вышла прелюбопытнѣйшая передовая статья.

Лично же для меня трепетъ передъ печатнымъ словомъ усложняется еще воспоминаніемъ о томъ, что я и самъ когда-то собирался сослужить ему службу. Экземпляръ „Маланьи“, отлично переписанный и великолѣпно переплетенный, и до-днесь хранится у меня, и по временамъ—надо ли въ томъ сознаться?—я втихомолку кой-что изъ него почитываю. Иногда я до того упиваюсь красотами моего произведенія, что въ головѣ моей вдругъ мелькнетъ дерзкая мысль:

а не махнуть ли въ типографію? Но не успѣетъ эта мысль зародиться, какъ мнѣ уже дѣлается вполнѣ ясною вся ея несостоятельность. Увы! время „Маланіи“ прошло безвозвратно! Никто теперь такъ не пишетъ, никто такъ не мыслитъ и ужъ, конечно, никто не переписываетъ своихъ „Маланій“ на-бѣло и не перелетаетъ ихъ! Очевидно, что входъ въ литературу закрытъ для меня навсегда, и что мнѣ остается только скитаться по берегу вѣчно-кипящаго моря печатнаго слова и лишь издали любоваться, какъ болѣе счастливые иловцы борются съ волнами его!

„Маланья“ написана неуклюже и формой своей напоминаетъ старинные, топорной работы помѣщичьи экипажи. Въ ней затиснано множество подробностей и отступленій, которыя положительно загромождаютъ архитектуру повѣсти. И кузовъ выпятился безобразно назадъ, и козла построены такія, что ни влѣзть, ни слѣзть, и мѣшечковъ понавѣшено множество, а подножекъ чуть не четыре этажа. Съ перваго взгляда трудно даже опредѣлить, что̀ это такое: домъ, корабль, или экипажъ. Что-то тутъ и звенитъ, и громыхаетъ, что-то грозитъ перекувырнуться вверхъ дномъ, но что̀ именно—хоть цѣлый день ломай голову, не отыщешь. Все это я сознаю совершенно ясно, но тѣмъ не менѣе утверждаю, что ежели сравненіе съ экипажемъ тутъ умѣстно, то это былъ, все-таки, *свой собственный* экипажъ, а не извозчичій.

Нынче, даже въ литературѣ, пошли на Руси въ ходъ экипажи извозчичьи. Почистили сбрую, покрасили подержанные экипажи съ графскими гербами, завели пріобрѣтенныхъ по случаю, послѣ отъѣзжающихъ кокотокъ, кровныхъ рысаковъ: „ваше сіятельство! прокачу!“ И вотъ вы мчитесь, мчитесь во всѣ лопатки, и нигдѣ васъ не тряхнетъ, ничѣмъ не потревожитъ, не шелохнетъ. Молодецъ-лихачъ ни обо что не зацѣпится, держитъ въ рукахъ возжи бодро и самоувѣренно, и примчитъ къ вожделѣнной цѣли такъ легко, что вы и не замѣтите. Мысли у него коротенькія, фразы коротенькія; даже главы имѣютъ видъ кулетовъ. Такъ и кажется, что онъ спѣшитъ поскорѣе сдѣлать конецъ, потому что его ждетъ другой сѣдокъ, котораго тоже нужно на славу прокатить. Слышно: „пади! побережись!“ и ничего больше. Черезъ двѣ-три минуты—пріѣхали.

Ну, куда же тутъ соваться съ „Маланьей“!

Взирая на этихъ людей, съ такою легкостью мчащихся по улицѣ мостовой, я ощущаю невольную робость. Вотъ люди,—снится мнѣ—

которые не зарыли своихъ талантовъ въ землю, но, имѣя за душой грошъ, съумѣли, съ помощью однихъ быстрыхъ оборотцевъ, преобразить его въ двугривенный! Правда, что это все-таки только двугривенный, но вѣдь и двугривенный... воля ваша, а для гроша и это неслыханный успѣхъ! И кто же можетъ предвидѣть, что станется съ этимъ двугривеннымъ въ будущемъ! Вглядитесь въ него хорошенько: вѣдь онъ и теперь чуть-ли не выглядитъ ужъ рублемъ!

И когда я подумаю, что если бы меня въ свое время не обезкуражили цензора, то и я, постепенно оборачиваясь, могъ бы въ настоящую минуту быть обладателемъ цѣлаго литературнаго двугривеннаго,—мной овладѣваетъ какая-то положительно дурная зависть. И я бы мчался теперь невѣдомо куда, мчался бы на подержанныхъ графскихъ дрожкахъ, блестя почищенною сбруей на купленномъ по случаю кокоткиномъ рысакѣ! Но мнѣ на первомъ же шагу закричали: „стой!“ и тѣмъ, такъ сказать, навсегда прекратили мое теченіе. Оскорбленный, я изнемогалъ съ тѣхъ поръ или въ деревнѣ, или подъ сѣнію рязанско-тамбовско-саратовскаго клуба, и все унывался воспоминаніями о „Маланьѣ“. О, Маланья! о, юнѣйшее изъ юнѣйшихъ, о, горячѣйшее изъ горячѣйшихъ произведеній, одно воспоминаніе о которомъ можетъ извлечь токи слезъ изъ глазъ его автора! А время между тѣмъ шло, не внося въ мои взгляды никакихъ усовершенствованій. Появились коротенькія фразы, изобрѣтены коротенькія мысли, а я все упорно оставался при четырехъ-этажныхъ періодахъ и хитросплетенныхъ силлогизмахъ. Собственные экипажи давно заброшены, проданы въ ломъ... а я и до сего дня ношусь съ своею „Маланьей“ да съ воспоминаніями о неизмѣримомъ пьянствѣ и безконечныхъ спорахъ въ трактирѣ „Британія!“

Понятно, стало быть, почему я, литераторъ неудавшійся, литераторъ съ длинными, запутанными фразами, съ мыслями, сдѣлавшимися сбивчивыми и темными, вслѣдствіе усилій высказать ихъ какъ можно яснѣе, робѣю и стушевываюсь передъ краткословными и краткомысленными представителями новѣйшей русской литературы. Мысль, что любой изъ этихъ господъ можетъ кого угодно, съ помощью самой коротенькой фразы, и осчастливить, и сконфузить, — преслѣдуетъ меня. А такъ какъ коротенькія фразы въ сущности даже усилій никакихъ не требуютъ, то представьте себѣ, сколько тутъ можно разбросать двугривенныхъ, нимало не трогая самаго капи-

тала, который такъ и останется навсегда неразмѣннымъ двугривеннымъ! О, Бутковъ! о, Достоевскій! о, Аполлонъ Григорьевъ! О, вы, немазанно-колесившіе, о, вы, скрипяще-мыслящіе прорицатели сороковыхъ годовъ! какъ бы стушевались, сконфузились вы передъ лобанчиками *) современной русской литературы!

Отъ Прелестнова пахло публицистикой, просонками и головною болью. Такъ какъ онъ редижировалъ отдѣлъ „Намъ пишутъ“, и слѣдовательно постоянно находился подъ угрозой мысли: а что если и завтра опять сообщатъ, что въ Шемахѣ произошло землетрясеніе? —то лицо его приняло какое-то уныло-озабоченное выраженіе. Двѣ фразы были совершенно ясно написаны на этомъ лицѣ: первая—„о чемъ, бишь, я хотѣлъ сказать?“ и вторая—„ахъ, не забыть бы, что изъ Иркутска пишутъ!“ Тѣмъ не менѣе, когда Прелестновъ увидѣлъ меня входящаго, то лицо его на мгновеніе просвѣтлѣло.

— „Британія“!—воскликнулъ онъ, простирая ко мнѣ руки.

— Санковская! Мочаловъ! „Башмаковъ еще не износила“!—отозвался я съ немéньшимъ увлеченіемъ.

— Давно ли? И не побывать? не грѣхъ ли? Помнишь „Маланью“?

Мы долгое время стояли рука въ руку и смотрѣли другъ на друга свѣтящимися глазами. Наконецъ рукамъ нашимъ стало тепло. и мы бросились обнимать другъ друга и цѣловаться.

— Хорошее было это время!—говорилъ онъ, сжимая меня въ объятіяхъ.

— Еще бы! Ты писалъ диссертацію „Гомеръ, какъ поэтъ, человѣкъ и гражданинъ“; я...

— А ты... ты вдохновлялся „Маланьей“! Ты былъ поэтъ! О! это было время святого искусства!.. А впрочемъ, вѣдь и теперь... вѣдь не оскудѣла же русская земля дѣятелями! не правда ли? вѣдь не оскудѣла?

---

*) „Лобанчикомъ“ въ сороковыхъ годахъ называлась въ русской торговлѣ французская монета съ изображеніемъ одного изъ Бурбоновъ, какъ извѣстно, обладавшихъ большими, открытыми лбами. Монета эта была почти всегда стертая и ходила нѣсколько ниже, нежели двадцатифранковики поздиѣйшихъ чекановъ.

— Гдѣ же, голубчикъ, оскудѣть! возьми: вѣдь больше семидесяти милліоновъ жителей, и ежели на каждый милліонъ хоть по одному Ломоносову...

— Не правда ли? вотъ и я постоянно твержу: не оскудѣетъ она, говорю! Такъ ли?

— Помилуй! какъ оскудѣть!

— Полководцевъ, говорятъ, нѣтъ—будутъ, говорю!

— Будутъ!

— Администраторовъ, говорятъ, подлинныхъ нѣтъ—будутъ, говорю!

— Будутъ!

— Денегъ, говорятъ, нѣтъ—будутъ, говорю!

— Еще бы! и пословица говоритъ: нѣтъ денегъ—передъ деньгами!

— Передъ нами времени-то сколько!

— Мало ли передъ нами времени!

Мы поцѣловались опять.

— Только вотъ голова болитъ!—продолжалъ онъ:—постоянно болитъ! Корреспонденціи эти, что-ли... а впрочемъ какой это бодрый, крѣпкій народъ—корреспонденты!

— Коренники!

— У насъ есть одинъ екатеринославскій корреспондентъ—ну, просто можно зачитаться его корреспонденціями!

— Что и говорить! екатеринославцы—они молодцы! Въ наше время ярославцы молодцами слыли... помнишь, половые?—вѣдь все были ярославцы! И все одинъ къ одному! Мяса какія у нихъ были—не уколупнешь?

— Ну, екатеринославцы... тѣ по части публицистики!

— Да, братъ, вездѣ прогрессъ! не прежнее нынче время! Поди-ка ты нынче въ половые—кто на тебя какъ на дѣятеля взглянетъ! Нѣтъ! нынче вотъ земство, суды, свобода книгопечатанія... вонъ оно куда пошло!

Подъ вліяніемъ воспоминаній, я такъ разгулялся, что даже совсѣмъ позабылъ, что еще часъ тому назадъ меня волновали жестокія сомнѣнія насчетъ тѣхъ самыхъ предметовъ, которые теперь возбуждали во мнѣ такой безграничный энтузіазмъ. Я ходилъ рядомъ съ Прелестновымъ по комнатѣ, потрясалъ руками и, какъ-то нелѣпо

захлебываясь, восклицалъ:—Вонъ оно куда пошло! вонъ мы куда метнули!

— Не правда ли?—вторилъ, въ свою очередь, Прелестновъ:—не правда ли, какъ легко дышется?

— Ужъ чего легче надо!

— И какъ свѣтло живется!

— Ужъ чего же...

— Банки, ссудо-сберегательныя кассы, артельныя сыроварни... А сколько въ одномъ Ледовитомъ океанѣ богатствъ скрыто... О, чортъ побери!

Мы поцѣловались еще разъ.

— Только, братъ, расплываться не надо—вотъ что!—прибавилъ онъ съ нѣкоторою таинственностью:—не надо лѣзть въ задоръ! Тише! тише!

— То-есть, какъ же это: не расплываться?

— Ну, да, вотъ, напримѣръ, ежели взялся писать о ссудо-сберегательныхъ кассахъ—объ нихъ и пиши! Чтобъ ни о соціализмѣ, ни объ интернаціоналкѣ... упаси Богъ!

— Это вслѣдствіе свободы печати, что-ли?

— Ну, да, и свобода печати, да и вообще... расплываться не слѣдуетъ!

Лицо Прелестнова приняло строгое выраженіе, какъ будто онъ вдругъ получилъ изъ Екатеринославля совершенно вѣрное извѣстіе, что я имѣю намѣреніе расплываться. Мнѣ, съ своей стороны, показалось это до крайности обиднымъ.

— Да я развѣ... расплываюсь?—спросилъ я, смотря на него изумленными глазами.

— То-то! то-то! Время „Маланій“, братъ, нынче прошло! Ну, да впрочемъ не въ томъ дѣло. Я очень радъ тебя видѣть, но теперь некогда: надо корреспонденцію разбирать. Кстати: изъ Кишинева пишутъ, что тамъ въ продолженіе цѣлаго часа было видимо сѣверное сіяніе... Каковъ фактецъ!

— Да... фактецъ—ничего!

— Ну-съ, такъ вотъ что: приходи ты ко мнѣ завтра вечеромъ, и тогда...

Лицо Прелестнова изъ строгаго вдругъ сдѣлалось таинственнымъ.

Видно было, что онъ хотѣлъ нѣчто сообщить мнѣ, но нѣкоторое время не рѣшался.

— Впрочемъ отъ тебя скрываться нечего,—наконецъ сказалъ онъ:—съ нѣкотораго времени здѣсь образовалось общество, подъ названіемъ „Союзъ Пѣнкоснимателей“... Но, ради Бога, чтобъ это осталось между нами!

Онъ произнесъ это такъ тихо, что я даже поблѣднѣлъ.

— И это общество... запрещенное?—спросилъ я.

— То-есть, какъ тебѣ сказать... оно, конечно... Цѣли нашего общества самыя благонамѣренныя... Ведемъ мы себя, даже можно сказать, примѣрнѣйшимъ образомъ... Но—странное дѣло!—для правительства все какъ будто неясно, что отъ пѣнкоснимателей никакого вреда не можетъ быть!

— Гм... и завтра у тебя сборище?

— Ну, да, ты увидишь тутъ всѣхъ.

— Отлично. А у меня кстати нѣсколько вопросовъ есть.

— Прекрасно. Стало быть, до завтра. Завтра мы все порѣшимъ. Только, чуръ, не расплываться! Помни, что время „Маланіи“ прошло! А покуда вотъ тебѣ писанный уставъ нашего общества.

Мы опять обнялись, поцѣловались и, смотря другъ на друга свѣтящимися глазами, простояли рука въ руку до тѣхъ поръ, пока намъ не сдѣлалось тепло.

Наконецъ, однакожъ, я вышелъ. Но когда я уже былъ внизу лѣстницы, Прелестновъ, должно быть, не выдержалъ, выбѣжалъ на площадку и сверху закричалъ мнѣ:

— Смотри же! не расплываться! „Маланью“ нужно оставить! Оставить „Маланью“ нужно!

Я не шелъ домой, а бѣжалъ.

„Тайное общество!—думалось мнѣ:—и какое еще тайное общество! Общество, цѣль котораго формулируется словами: „не расплываться“ и „снимать пѣнки“! Великій Боже! въ какія мы времена, однакожъ, живемъ!“

А вѣдь какой былъ прекраснѣйшій малый, этотъ Прелестновъ, въ то незабвенное время, когда онъ писалъ свою диссертацію: „Гомеръ, какъ поэтъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ“! Совсѣмъ

даже и не похожъ былъ на заговорщика! А теперь, вотъ, заговорщикъ, хитрецъ, почти даже государственный преступникъ! Какое горькое сплетеніе обстоятельствъ нужно было, чтобы произвести эту метаморфозу!

Я какъ сейчасъ помню нѣкоторыя выдержки изъ его достопамятной диссертаціи.

„Гомеръ! кто не испытывалъ высокаго наслажденія, читая безсмертную „Иліаду“? Гомеръ—это море, или, лучше сказать, цѣлый океанъ, какъ онъ же безбрежный, какъ онъ же глубокій, а быть можетъ, даже бездонный!“

Далѣе:

„Но Гомеръ безбреженъ не только какъ поэтъ, но и какъ человѣкъ. Ежели мы хотимъ представить себѣ идеалъ человѣка, то, конечно, не найдемъ ничего лучшаго, какъ остановиться на величественномъ образѣ благодушнаго старца, въ которомъ, какъ въ морѣ, отразилась сѣдая древность временъ“.

И еще далѣе:

„Но Гомеръ былъ въ то же время и гражданинъ. Онъ не скрываетъ своего сочувствія къ оскорбленному Менелаю; что же касается до его патріотизма, то это вопросъ настолько рѣшенный, что всякое сомнѣніе въ немъ можетъ возбудить лишь *гомерическій* хохотъ“.

И проч., и проч.

И этотъ человѣкъ—заговорщикъ! Этотъ человѣкъ не настолько свободенъ, чтобы ясно сказать, что въ городѣ Имяркъ исправникъ ѣздитъ на казенныхъ лошадяхъ! Этотъ человѣкъ, защитникъ Гомера, какъ человѣка, поэта и гражданина—одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ разбойнической банды „Пѣнкоснимателей“!

И что это за банда такая?! настоящая ли разбойничья, или такъ, въ родѣ Оффенбаховской, при которой Менандръ разыгрываетъ роль Фальзакапы?!

О, Менандръ! что же таится въ душѣ твоей?.. что кроется въ этомъ тихо дремлющемъ заливѣ, въ которомъ такъ весело смотрится „нашъ екатеринославскій корреспондентъ“? Снятся ли ей сны о подконахъ, или просто закипаетъ неясный наплывъ неясныхъ чувствъ? О, Менандръ!!

Прибѣжавъ домой, я съ лихорадочною поспѣшностью вынулъ

изъ кармана данную мнѣ Прелестновымъ рукописную тетрадку и на заглавномъ листѣ ея прочиталъ:

„Уставъ Вольнаго Союза Пѣнкоснимателей“.

Но въ глазахъ у меня рябило, духъ занимало, и я нѣкоторое время не могъ придти въ себя. Однакожъ, двѣ-три рюмки водки — и я былъ уже въ состояніи продолжать.

„Уставъ“ раздѣленъ на семь параграфовъ, въ свою очередь подраздѣленныхъ на статьи. Каждая статья снабжена объясненіемъ, въ которомъ подробно указываются мотивы, послужившіе для статьи основаніемъ.

„Уставъ“ гласилъ слѣдующее:

§ 1. *Цѣль учрежденія Союза и его организація.*

Ст. 1. За отсутствіемъ настоящаго дѣла и въ видахъ безобиднаго препровожденія времени, учреждается учено-литературное общество подъ названіемъ „Вольнаго Союза Пѣнкоснимателей“.

Объясненіе. Въ журналѣ „Вѣстникъ Пѣнкосниманія“, въ статьѣ „Вольный Союзъ Пѣнкоснимателей передъ судомъ общественной совѣсти“ сказано: „Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ какой исходъ предстоялъ для русской литературы? — По нашему посильному убѣжденію, такихъ исходовъ было два: во-первыхъ, принять добровольную смерть и, во-вторыхъ, развиться въ Вольный Союзъ Пѣнкоснимателей. Она предпочла послѣднее рѣшеніе, и, смѣемъ думать, поступила въ этомъ случаѣ не только разумно, но и вполнѣ согласно съ чувствомъ собственнаго достоинства. Зачѣмъ умирать, когда въ виду еще имѣется обширное и плодотворное поприще пѣнкосниманія?“

Ст. 2. Никакой организаціи Союзъ не имѣетъ. Нѣтъ въ немъ ни президентовъ, ни секретарей, ни даже совокупнаго обсужденія общихъ всѣмъ пѣнкоснимателямъ интересовъ, по той простой причинѣ, что изъ столь невиннаго занятія, каково пѣнкосниманіе, никакихъ интересовъ проистечь не можетъ.

Союзъ сей — вольный по преимуществу. Каждому предоставляется снимать пѣнки съ чего угодно и какъ угодно; эта уступка дѣлается

тѣмъ охотнѣе, что въ подобномъ занятіи никакихъ твердыхъ правилъ установить невозможно.

Объясненіе. Въ той же статьѣ далѣе говорится: „Что же такое этотъ „Вольный Союзъ Пѣвкоснимателей“, который, едва явившись на свѣтъ, уже задалъ такую работу близнецамъ „Московскихъ Вѣдомостей“? Имѣетъ ли онъ въ виду проведеніе какихъ-либо разрушительныхъ началъ? Или же представляетъ собой, какъ увѣряютъ нѣкоторые доброжелатели нашей прессы, хотя и невинное, но все-таки недозволенное закономъ тайное общество? Мы смѣло можетъ отвѣтить на эти вопросы: ни того, ни другого предположить нельзя. Пѣвкоснимательство составляетъ въ настоящее время единственный живой общественный элементъ; а ежели оно господствуетъ въ обществѣ, то весьма естественно его господство и въ литературѣ. Пѣвкосниматели всюду играютъ видную роль, и литература *обязана была* раскрыть имъ свои двери сколь возможно шире. И она сдѣлала это тѣмъ безтрепетнѣе, что пѣвкосниматели суть вполнѣ вольные люди, приходящіе въ литературный вертоградъ съ однимъ чистымъ сердцемъ и вполнѣ свободные отъ какой бы то ни было мысли. Поэтому говорить о какой-то организаціи, о какихъ-то тайныхъ намѣреніяхъ— просто смѣшно. Этимъ чистымъ людямъ самая мысль объ организаціи должна быть противна!“

§ 2. *О членахъ Союза.*

Ст. 1-я. Въ члены Союза Пѣвкоснимателей имѣетъ право вступить всякій, кто можетъ безобиднымъ образомъ излагать смутность испытываемыхъ имъ ощущеній. Ни познаній, ни тѣмъ менѣе такъназываемыхъ идей не требуется. Но ежели бы кто, видя, какъ извозчикъ истязуетъ лошадь, почелъ бы за нужное, рядомъ фактовъ, взятыхъ изъ древности или изъ исторіи развитія современныхъ государствъ, доказать вредъ такого обычая, то сіе не токмо не возбраняется, но именно и составляетъ тотъ высшій видъ пѣвкоснимательства, который въ современной литературѣ извѣстенъ подъ именемъ „науки“.

Объясненіе. Тамъ же: „Чувство, одушевляющее пѣвкоснимателя, есть чувство наивной непосредственности. А такъ какъ чувство это

доступно всякому, то можно себѣ представить, какъ громадно должно быть число нѣкоснимателей! Но само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда это чувство является во всеоружіи знанія и ищетъ примѣненій въ наукѣ, оно пріобрѣтаетъ еще бо́льшую цѣну. Хорошъ нѣкоснимать-простецъ, но ученый нѣкоснимать — еще того лучше. Появленіе сихъ послѣднихъ на аренѣ нашей литературы есть признакъ утѣшительный и, смѣемъ думать, даже здоровый. Пора, наконецъ, убѣдиться, что наше время—не время широкихъ задачъ, и что тотъ, кто, подобно автору почтеннаго разсужденія: „Русскій романсъ: Чижикъ! чижикъ! гдѣ ты былъ?—передъ судомъ здравой критики", съумѣлъ придти къ разрѣшенію своей скромной задачи —тотъ сдѣлалъ гораздо болѣе, нежели всѣ совокупно взятые утописты-мечтатели, которые постановкой „широкихъ" задачъ самонадѣянно волнуютъ міръ, не удовлетворяя опаго".

Ст. 2-я. Отмѣтчики и газетные репортеры, то-есть, всѣ тѣ, кои наблюдаютъ, дабы полуда на посудѣ въ трактирныхъ заведеніяхъ всегда находилась въ исправности, могутъ вступать въ Союзъ даже въ томъ случаѣ, если не имѣютъ вполнѣ твердыхъ познаній въ грамматикѣ.

Объясненіе. Въ передовой статьѣ, напечатанной объ этомъ предметѣ въ газетѣ „Старѣйшая Всероссійская Нѣкоснимательница", сказано: „Газетный репортеръ есть, такъ сказать, первообразъ истиннаго литературнаго нѣкоснимателя, отъ котораго всѣ прочіе (ученые, публицисты, беллетристы и проч.) заимствуютъ свои главныя типическія особенности. Вся разница (оговариваемся, впрочемъ: разница очень значительная) заключается лишь въ большемъ или меньшемъ объемѣ произведеній тѣхъ и другихъ. Какою бы эрудиціей ни изумлялъ, напримѣръ, авторъ „Изслѣдованія о Чурилкѣ", но ежели читатель возьметъ на себя трудъ проникнуть въ самыя глубины собраннаго имъ драгоцѣннаго матеріала, то на днѣ оныхъ онъ несомнѣнно увидитъ отмѣтчика-нѣкоснимателя. Поэтому намъ кажется, что ограничить, относительно отмѣтчиковъ, возможность вступать въ Союзъ Нѣкоспимателей было бы несправедливо даже въ томъ случаѣ, если бы люди сіи и не вполнѣ безукоризненно разставляли знаки препинанія. Скажемъ болѣе: это значило бы подрывать самыя основы Союза, лишая его содѣйствія такихъ лицъ, отъ которыхъ онъ получилъ свои главнѣйшія типическія особенности". По

этому же поводу въ газетѣ „Истинный Россійскій Пѣвкоснимателъ“ говорится слѣдующее: „Въ литературѣ нашей много надѣлалъ шуму вопросъ: слѣдуетъ ли отмѣтчиковъ и газетныхъ репортеровъ считать членами „Вольнаго Союза Пѣвкоснимателей“? И повидимому весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что много-де встрѣчается такихъ репортеровъ, которые даже грамотно писать не умѣютъ. Мы позволяемъ себѣ думать, однакожъ, что даже возбужденіе подобныхъ вопросовъ представляетъ нѣчто въ высшей степени странное. Въ чемъ заключается истинная цѣль пѣвкоснимательства?—Она заключается въ облегченіи литератора, въ освобожденіи его отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ узъ. А въ чемъ же мы можемъ найти облегченіе болѣе дѣйствительное, какъ не въ свободѣ отъ грамматики, этого стараго, изжившаго свой вѣкъ пугала, котораго въ нашъ просвѣщенный вѣкъ не страшатся даже вороны и воробьи?“

§ 3. *О приличнѣйшей для пѣвкоснимательства аренѣ.*

Ст. 1. Разсѣянные по лицу земли, лишенные организаціи, не связанные ни идеалами, ни ясными взглядами на современность—да послужатъ россійскіе пѣвкосниматели на славномъ поприщѣ россійской литературы, которая издревле всѣмъ безъ пороху палящимъ пріютъ давала!

Объясненіе. Объ этомъ предметѣ газета „Зеркало Пѣвкоснимателя“ выразилась такъ: „Гдѣ самое сподручное поприще для пѣвкоснимателя?—очевидно, въ литературѣ. Всякая отрасль человѣческой дѣятельности требуетъ и спеціальной подготовки, и спеціальныхъ пріемовъ. Сапожникъ обязуется шить *непремѣнно* сапоги, а не подобіе сапоговъ, и чтобы достигнуть этого, *непремѣнно* долженъ знать, какъ взять въ руки шило и дратву. Напротивъ того, публицистъ очень свободно можетъ написать не передовую статью, а лишь подобіе оной, и нимало не потерять своей репутаціи. Отсюда ясно, что одна литература можетъ считать себя свободною отъ обязательства изготовлять работы вполнѣ опредѣленныя и логически послѣдовательныя. Составленная изъ элементовъ самыхъ разнообразныхъ и никакимъ правиламъ не подчиненныхъ, она представляетъ для пѣвкоснимательства арену тѣмъ болѣе приличную, что на оную, въ боль-

ншествѣ случаевъ, являются люди, не искушенные въ наукахъ, но одушевляемые единственно жаждой какъ можно болѣе собрать пѣнокъ и продать ихъ по 1 к. за строчку".

§ 4. *Объ обязанностяхъ членовъ Союза.*

Ст. 1. Обязанности сіи суть:

Первое. Не пропуская ни одного современнаго вопроса, обо всемъ разсуждать съ такимъ разсчетомъ, чтобы никогда ничего изъ сего не выходило.

Объясненіе. Въ газетѣ „Старѣйшая Всероссійская Пѣнокосимательница" читаемъ: „Странный вы человѣкъ, читатель! Какъ хотите вы, чтобы мы высказывались ясно, когда, съ одной стороны, намъ угрожаетъ за это административная кара, а съ другой стороны мы и сами вполнѣ ясныхъ представленій о вещахъ не имѣемъ?!" Объ этомъ же предметѣ, въ еженедѣльномъ изданіи „Обыватель Пѣнокосимающій", въ статьѣ „Отповѣдь Старѣйшей Всероссійской Пѣнокосимательницѣ" (служащей отвѣтомъ на предыдущую статью), сказано: „Съ одной половиной этой мысли мы имѣемъ полную готовность согласиться весьма безусловно. Что жъ дѣлать! Старѣйшая наша Пѣнокосимательница всегда имѣетъ такія мысли, что лишь половина оныхъ надлежащую здравость имѣетъ; другая же половина или отсутствуетъ, или идетъ на встрѣчу первой, какъ два столкнувшіеся въ лобъ поѣзда желѣзной дороги, нечаянно встрѣчущіеся. И такъ, если мы положимъ руку на сердце, то оно скажетъ намъ, что мы дѣйствительно истинно здравыхъ понятій о вещахъ въ своемъ ясноостиженіи обладать не можемъ. Это такъ. Но чтобы за сіе насъ ожидала какая-то административная кара—это никогда!! Это не есть въ предѣлахъ возможности!!"

Второе. По наружности имѣть видъ откровенный и даже смѣлый, внутренно же трепетать.

Объясненіе. Въ газетѣ „Зеркало Пѣнокосимателя" говорится: „Одно изъ величайшихъ затрудненій для успѣховъ пѣнокосимательства въ будущемъ заключается въ слѣдующемъ. Читатель любитъ, чтобы бесѣдующій съ нимъ публицистъ имѣлъ видъ открытый и даже смѣлый; цензура, напротивъ, не любитъ этого. Какимъ обра-

зомъ пройти между Харибдой и Сциллой? Какимъ образомъ, съ одной стороны, не растерять подписчиковъ, а съ другой—не навлечь на себя кару закона? Въ этомъ именно и заключается задача современнаго нѣкоснимателя. До сихъ поръ единственное практическое рѣшеніе этой задачи было таково: смѣлый видъ имѣть лишь по наружности, а внутренно трепетать. Соглашаясь вполнѣ съ правильностью такого рѣшенія, мы, съ своей стороны, полагали бы нелишнимъ, для большей смѣлости, прибѣгать при этомъ къ нѣкоторымъ фразамъ, которыя, по мнѣнію нашему, могли бы съ успѣхомъ послужить для достиженія обѣихъ высказанныхъ выше цѣлей. Фразы эти суть: „мы предупреждали", „мы предсказывали", „мы предвидѣли" и т. д. Примѣненныя къ дѣлу нѣкоснимательства, эти фразы никакой въ цензурномъ отношеніи опасности не представляютъ, а между тѣмъ публицисту придаютъ видъ бодрый и отчасти даже проницательный".

Третіе. Усиливать откровенность и смѣлость по мѣрѣ того, какъ предметъ, о которомъ заведена рѣчь, представляетъ меньшую опасность для вольнаго обсужденія. Такъ напримѣръ, по вопросу о неношеніи нѣкоторыми городовыми на виду бляхъ надлежитъ дѣйствовать съ такою настоятельностью, какъ бы имѣлось въ виду получить за сіе третье предостереженіе.

Объясненіе. Газета „Истинный Россійскій Нѣкоснимать" выражается по этому поводу такъ: „Въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ литературѣ ничего не остается болѣе, какъ обличать городовыхъ. Но пусть она помнитъ, что и эта обязанность не легкая, и пусть станетъ на высоту своей задачи. Это единственный случай, когда она не вправѣ идти ни на какія сдѣлки и, напротивъ того, должна выказать ту твердость и непреклонность, которую ей не дано привести въ дѣйствіе по другимъ вопросамъ".

Четвертое. Разсуждая о современныхъ вопросахъ, стараться по возможности сокращать ихъ размѣры.

Объясненіе. Въ газетѣ „Старѣйшая Всероссійская Нѣкоснимательница" читаемъ: „Наклонность расплываться и захватывать вширь изстари была самымъ важнымъ, такъ сказать, органическимъ нашимъ недостаткомъ. Разсматривая, напримѣръ, поступокъ городового бляха № 000, мы никакъ не упустимъ, чтобы не зацѣпить по дорогѣ и весь почтенный институтъ городовыхъ. Понятно, какое раздраженіе долженъ породить подобный неосновательный образъ

дѣйствій не только въ гг. городовыхъ, но и въ гг. участковыхъ и околоточныхъ надзирателяхъ, ихъ непосредственныхъ начальникахъ. Поэтому, въ виду благодѣтельнаго поворота нашей литературы въ смыслѣ нѣкоснимательства, мы не обинуясь и во всеуслышаніе говоримъ: не раздражайте! Говорите сколько угодно о бляхѣ № 000, но не касайтесь института. Silenzio! Prudenzia! какъ поютъ хористы въ итальянской оперѣ. Не раздражайте!“

Пятое. Ежеминутно обращать вниманіе читателя на пройденный имъ славный путь. Но такъ какъ при семъ легко впасть въ ошибку, то-есть выдать славное за неславное и наоборотъ, то наблюдать скромность и осмотрительность.

Объясненіе. „Обыватель Нѣкоснимающій“ выражается такъ: „Съ тѣхъ высотъ, на коихъ мы находимся, полезно, хотя бы и съ головокруженіемъ, взглядывать на путь, который уже пройденъ нами. Оглянемся — и что жъ увидимъ? Увидимъ бездну, въ которой многое и прекрасно и своевременно, многое же только прекрасно, хотя, быть можетъ, и не столь своевременно. Но назовемъ ли мы прекрасное безусловно прекраснымъ, а несвоевременное безусловно несвоевременнымъ? Нѣтъ, мы остережемся отъ такого опрометчиваго поступка, омрачущаго нашу совѣсть! Ибо мы не знаемъ, дѣйствительно ли прекрасно для читателя то, что̀ мы считаемъ прекраснымъ для себя. Мы опасаемся, какъ бы не назвать прекраснымъ то, что̀ для читателя совсѣмъ не есть потребно, и непотребнымъ то, что̀ для него всегда было прекрасно, и теперь оставалось бы таковымъ, если бы не внезапность обстоятельствъ, измѣнившая все къ наилучшему (см. соч. Токвиля: „L'ancien régime et la révolution“). И если бы кто-нибудь взялъ трудъ на себя завѣрять насъ, что все сіе есть безсмыслица, то мы на сіе отвѣтствовали бы: „Судите сами! Мы же, съ Божьею помощью, и впредь таковое намѣрены говорить!“ На эту замѣтку „Зеркало Нѣкоснимателя“ возражало: „Изъ цѣлаго лѣса безсмыслицъ, которыми переполнена замѣтка почтенной газеты, выдѣляется только одна свѣтлая мысль: нужно обращать вниманіе русскаго общества на пройденный имъ славный путь, но не слѣдуетъ дѣлать никакой практической оцѣнки этому пути. Эта мысль справедлива уже по тому одному, что не всѣ вкусы одинаковы, а слѣдовательно трудно угадать, кому изъ подписчиковъ нравится арбузъ, а кому — свиной хрящикъ“.

Шестое. Обнадеживать, что въ будущемъ ожидаетъ читателей еще того лучше.

Объясненіе. Въ фельетонѣ газеты „Пѣвкосниматель на-распашку“ сказано: „Не знаю, какъ вы, читатель, но я преисполненъ вѣры въ будущее. Я совсѣмъ не раздѣляю взглядовъ тѣхъ мрачныхъ людей, которые на все смотрятъ съ подозрительностью. Фи! какой это скучный и необтесанный народъ! Напротивъ того, я совершенно ясно вижу то время, когда грудь Россіи вдоль и поперекъ исполосуется желѣзными путями, когда увидятъ свѣтъ безчисленныя богатства, скрывающіяся въ нѣдрахъ земли, и безконечными караванами потянутся во всѣ стороны. Уже повезли въ Ташкентъ наши плисы и ситцы — почему бы вслѣдъ за ними не проникнуть туда и изданіямъ общества распространенія полезныхъ книгъ? То то порадуется русскій мужичокъ, когда отдаленный Самаркандъ будетъ носить ситцевыя рубахи его издѣлія, а кичливый сынъ туманнаго Альбіона облечется въ плисовыя шаровары, изготовленныя въ самомъ сердцѣ Россіи—въ Москвѣ золотыя маковки! Москва! чье сердце не трепещетъ при твоемъ имени!“

Седьмое. Проводить русскую мысль, русскую науку, и высказывать надежду, что „новое слово“ когда-нибудь будетъ сказано.

Объясненіе. Журналъ „Пѣвкоснимательная Подонлека“, въ статьѣ „Корреспонденція изъ Вильно“, выражается такъ: „Обрусеніе—вотъ наша задача въ этомъ краѣ, но обрусеніе дѣйствительное, сопровождаемое никюлькированіемъ настоящаго русскаго духа. Мы не вѣримъ болѣе Петербургу, ибо какой же тамъ русскій духъ?! Петербургъ указываетъ намъ на Западъ и предлагаетъ нашу общественность перестроить на манеръ тамошней. Странное дѣло! Не все ли это равно, что предложить человѣку надѣть запошенное исподнее бѣлье его сосѣда?“ На это газета „Зеркало Пѣвкоснимателя“ возражала слѣдующее: „Стремленіе создать *свою* мысль, *свою* науку—весьма похвально. Мы не имѣемъ права успокоиться до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ *своей* ариометики, *своей* химіи, *своей* астрономіи и проч. Но сравненіе западной цивилизаціи съ чужимъ поношеннымъ бѣльемъ, все-таки, не выдерживаетъ критики. Оно неосновательно уже по тому одному, что недоброжелатели наши могутъ возразить намъ, что на Западѣ бѣлье никогда не доводится до степени полной запошенности, и что ежели за кѣмъ есть грѣшокъ въ нѣко-

торой непріятности, то это именно за нами. Итакъ, не станемъ напрашиваться на ненужныя возраженія и останемся при основной и несомнѣнно вѣрной мысли: да, мы призваны создать новую науку и сказать дряхлѣющему міру новое, обновляющее слово! Не будемъ заимствоваться отъ сосѣдей ихъ заношеннымъ исподнимъ бѣльемъ, но не станемъ дорожить и собственнымъ таковымъ же! „Новое слово“ —вотъ все, что отъ насъ требуется въ настоящій моментъ. Чѣмъ скорѣе оно будетъ сказано, тѣмъ лучше!“

Осьмое. Всемѣрно опасаться, какъ бы все сіе внезапно не уничтожилось.

Объясненіе. Въ газетѣ „Старѣйшая Всероссійская Пѣвкосниматильница“ читаемъ: „Мы такъ молоды и неопытны, что не жалѣть о насъ было бы совершенно безполезною жестокостью. Скажемъ болѣе: мы отъ души сожалѣемъ о тѣхъ, которые не находятъ въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобъ пожалѣть объ насъ, о нашей молодости и неопытности. Это люди злые и жалкіе. Представьте себѣ ребенка, который едва собрался встать на ноги и котораго вдругъ ткнутъ пальцемъ въ грудь—естественно, что онъ упадетъ и ушибется. Не то ли же самое можетъ случиться и съ нашимъ молодымъ обществомъ, если мы будемъ обращаться съ нимъ безъ надлежащей осторожности? Мы приглашаемъ нашихъ противниковъ подумать объ этомъ серьезно и дѣлаемъ это тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ, что и помимо литературы найдется довольно охотниковъ тыкать въ бѣднаго новорожденнаго, называющагося русскимъ обществомъ“.

Девятое. Опасаться вообще.

Объясненіе. Въ той же газетѣ говорится: „Какъ ни величественно зрѣлище бури, уничтожающей все встрѣчающееся ей на дорогѣ, но отъ этой величественности нимало не выигрываетъ положеніе того, кто испытываетъ на себѣ ея дѣйствіе. Вотъ почему благоразумные люди не вызываютъ бурь, а опасаются ихъ: они знаютъ, что стоитъ подуть жестокому аквилону—и ихъ ужъ нѣтъ! Мы совѣтуемъ нашимъ противникамъ подумать объ этомъ, и ежели они послѣдуютъ нашему совѣту, то, быть можетъ, поймутъ, что роль пѣвкосниматели (то-есть человѣка, опасающагося по препмуществу) далеко не столь смѣшна, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ этой роли много трагическаго“.

§ 5. *О правахъ членовъ Союза.*

Ст. 1. Права членовъ Вольнаго Союза Пѣвкоснимателей прямо вытекаютъ изъ обязанностей ихъ. Почему и распространяться о нихъ нѣтъ надобности.

Объясненіе. Въ газетѣ „Истинный Россійскій Пѣвкоснимателъ“ читаемъ: „Намъ говорятъ о правахъ; но развѣ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе относительно права, коль скоро обязанность несомнѣнна? Очевидно тутъ есть недоразумѣніе, и люди, возбуждающіе вопросъ о правахъ, не понимаютъ или не хотятъ понять, что, принимая на себя бремя обязанностей, мы съ тѣмъ вмѣстѣ принимаемъ и бремя истекающихъ изъ нихъ правъ. Это подразумѣвается само собой, и напоминать о семъ значитъ лишь подливать масла въ огонь. Не будемъ же придираться къ словамъ, но постараемся добропорядочнымъ поведеніемъ доказать, что мы одинаково созрѣли и для обязанностей, и для правъ“.

§ 6. *Что сіе означаетъ?*

Ст. 1. Вопросъ этотъ ближе всего разрѣшается „Старѣйшею Всероссійскою Пѣвкоснимательницею“, которая, задавшись вопросомъ: „во всѣхъ ли случаяхъ необходимо приходить къ какимъ-либо заключеніямъ?“—отвѣчаетъ такъ: „Нѣтъ, не во всѣхъ. Жизнь не мертвый силлогизмъ, который во что бы то ни стало требуетъ логическаго вывода. Заключенія, даваемыя жизнью, не зависятъ ни отъ посылокъ, ни отъ общихъ положеній, но являются ex abrupto и почти всегда неожиданно. Поэтому, ежели мы нерѣдко ведемъ съ читателемъ бесѣду на шести столбцахъ и не приходимъ при этомъ ни къ какимъ заключеніямъ, то никто не вправѣ поставить намъ это въ укоръ. Укорителямъ нашимъ мы совершенно резонно отвѣтимъ: какихъ вы требуете отъ насъ заключеній, коль скоро мы съ тѣмъ и начали нашу рѣчь, чтобы ни къ какимъ заключеніямъ не приходить?“

§ 7. *Цѣль учрежденія Союза и его организація* *).

Ст. 1. За отсутствіемъ настоящаго дѣла и въ видахъ безобиднаго препровожденія времени, учреждается учено-литературное общество подъ названіемъ „Вольный Союзъ Пѣвкоснимателей“.

. . . . . .

Я кончилъ. Не знаю, какъ это случилось, но едва я успѣлъ дочитать послѣднее слово „Устава“, какъ мной овладѣлъ глубочайшій сонъ.

Въ этомъ снѣ я пробылъ до тѣхъ поръ, когда пробилъ часъ ѣхать къ Прелестнову.

Что происходило потомъ—до слѣдующей главы.

Глава VI.

„Такъ вотъ вы каковы!“—думалось мнѣ, покуда я шелъ къ Прелестнову: „заговорщики! почти-что революціонеры!“

Вотъ къ чему привело классическое образованіе! вотъ что значитъ положить въ основаніе дальнѣйшей дѣятельности диссертацію „Гомеръ какъ человѣкъ, какъ поэтъ и какъ гражданинъ!“ Умъ вскую шатающійся, умъ оторванный отъ дѣйствительности, воспитанный въ преданіяхъ Греціи и Рима, можетъ ли такой умъ имѣть что-нибудь другое въ виду, кромѣ систематическаго, подрывающаго основы общественности пѣвкоснимательства?

А что, ежели они... да съ оружіемъ въ рукахъ! Страшно подумать!

А мы-то сидимъ въ провинціи и думаемъ, что это просто невинные люди, которые увидятъ заборъ — поютъ: заборъ! заборъ! увидятъ рѣку—поютъ: рѣка! рѣка! Какъ бы не такъ—„заборъ“! Нѣтъ, это люди себѣ на умѣ; это люди, которые въ совершенствѣ

*) Этотъ параграфъ составляетъ дословную перепечатку § 1-го и существуетъ только въ первомъ изданіи „Устава“, гдѣ онъ, очевидно, напечатанъ по недосмотру корректора. Во второмъ изданіи онъ исключенъ; но помѣщаю его, какъ потому, что у меня въ рукахъ было первое изданіе, такъ и потому, что напоминаніе о цѣли учрежденія Союза въ концѣ Устава какъ нельзя болѣе умѣстно. *Примѣчаніе автора „Дневника“.*

усвоили Суворовскую тактику. „Заманивай! заманивай!“ —кричатъ они другъ другу, и все бѣгутъ, все бѣгутъ, куда глаза глядятъ, затылкомъ къ опасности!

И какъ хитро все это придумано! По наружности вы видите какъ будто отдѣльныя изданія: тутъ и „Старѣйшая Всероссійская Пѣвкоснимательница“, и „Истинный Россійскій Пѣвкоснимать“, и „Зеркало Пѣвкоснимательности“, а на повѣрку выходитъ, что все это одна и та же сказка о бѣломъ бычкѣ, что это лишь рубрики одного и того же ежедневно-еженедѣльно-ежемѣсячнаго изданія „Общероссійская Пѣвкоснимательная Сраминца!“ Каковъ сюрпризъ!

Но этого мало. Мало того, что родные братья притворяются, будто они другъ другу только седьмая вода на киселѣ—посмотрите, какъ они враждуютъ другъ съ другомъ! „Мы—говоритъ одинъ—и только мы одни имѣемъ совершенно правильныя и здравыя понятія насчетъ института городовыхъ, а вамъ объ этомъ важномъ предметѣ и заикаться не слѣдуетъ!“ „Нѣтъ,—огрызается другой,—истинная компетентность въ этомъ дѣлѣ не на вашей, а на нашей сторонѣ. Мы первые подали мысль о снабженіи городовыхъ свистками—а вы, гдѣ были вы, когда мы предлагали эту спасительную мѣру? И послѣ этого вы осмѣливаетесь утверждать, что мы не имѣемъ сказать ничего плодотворнаго по вопросу о городовыхъ! Но мы отдаемъ нашъ споръ на судъ публики и ей предоставляемъ рѣшить, какого названія заслуживаетъ взводимая на насъ нахальная ложь!“

Читая эти вдохновенныя рѣчи, мы, провинціалы, задумываемся. Конечно,—говоримъ мы себѣ,—эти люди невинны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они непреклонны! посмотрите, какъ они козыряютъ другъ друга! Какъ они способны замучить другъ друга по вопросу о вывѣденномъ яйцѣ!

Обманъ двойной! во-первыхъ, они не невинны; во-вторыхъ, совсѣмъ не непреклонны, и ежели затѣяли между собой полемику, то единственно, какъ говорится, для оживленія своихъ столбцовъ и страницъ.

Невинны! на чемъ основано это мнѣніе? На томъ ли, что всѣ они славословятъ и поютъ хвалу? На томъ ли, что всѣ въ одно слово прорицаютъ: тише! не расплывайтесь! не заѣзжайте! не раздражайте? Прекрасно. Я первый бы согласился, что нѣтъ никакой опасности, если бы они кричали „тише!“ каждый самъ по себѣ. Но вѣдь они кричатъ всѣ вдругъ, кричатъ единогласно—поймите это, ради Хри-

ста! Вѣдь это ужъ сконъ! Вѣдь этакъ можно съ часу на часъ ожидать, что они не задумаются кричать „тише!“—съ оружіемъ въ рукахъ! Ужели же это не анархія!?

Да; это люди опасные, и нечего удивляться тому, что даже сами они убѣдились, что съ ними нужно держать ухо востро. Но сколько должно накопиться горечи, чтобы даже на людей, кричащихъ: „тише!“—взглянуть окомъ подозрительности?! чтобы даже въ нихъ усмотрѣть наклонности къ какимъ-то темнымъ замысламъ, въ нихъ, которые до сихъ поръ выказали одно лишь мастерство: мастерство виваться другъ въ друга по поводу вынѣденнаго яйца!

Что же касается до непреклонности, то мнѣ невольно припомнилось, какъ въ былое время мой другъ, Никодимъ Крошечкинъ, тоже прибѣгалъ къ полемикѣ „въ видахъ оживленія столбцовъ издаваемой имъ газеты“.

То было время господства „Британіи“ и эстетическихъ споровъ. Никодимъ редижировалъ какую-то казенную газету, при которой, для увеселенія публики, имѣлся и литературный отдѣлъ. На пріобрѣтеніе матеріала для этого отдѣла Никодиму выдавалась какая-то неизмѣримо малая сумма, съ помощью которой онъ и обязывался три дня въ недѣлю „оживлять столбцы газеты“. Пріятелей у Крошечкина было множество, но, во-первыхъ, все это были люди необыкновенно глубокіе, а потому „какъ слѣдуетъ писать объ этомъ предметѣ, братецъ, времени нѣтъ, а коротенько писать—не стоитъ руки марать“; а во-вторыхъ, всѣ они проводили время по большей части въ „Британіи“, и потому не всегда бывали трезвы. Такимъ образомъ Никодимъ и остался одинъ, какъ ракъ на мели. Бился онъ, бился—и вдругъ нашелся. Къ величайшему удивленію, мы стали замѣчать, что Никодимъ ведетъ газету на славу, что „столбцы ея оживлены“, что въ ней появилась цѣлая стая совершенно новыхъ сотрудниковъ, которые неустанно ведутъ между собою живую и даже ожесточенную полемику по поводу содержанія московскихъ бульваровъ, по поводу ненужности посыпанія пескомъ тротуаровъ въ лѣтнее время и т. д. Заинтригованные въ высшей степени, мы всѣмъ хоромъ приступили къ Никодиму съ вопросомъ: что̀ сей сонъ значитъ?—И что же оказалось!—Что онъ, Никодимъ, просто-на-просто полемизируетъ самъ съ собою! Что онъ въ одномъ своемъ лицѣ соединяетъ и Корытникова, и Иванова, и Федула Долгомостьева, и Прохожаго, и Про-

ѣзжаго и т. д.! Что сначала онъ напишетъ статью о необходимости держать бульвары въ чистотѣ, и уязвитъ при этомъ московскую городскую думу, а въ слѣдующемъ нумерѣ накинется самъ на себя и совершенно убѣдительно докажетъ, что все это пустяки, и что бульвары прежде всего должны служить въ качествѣ неисчерпаемаго вмѣстилища человѣчьяго гуано!

И вотъ теперь, когда я ближе ознакомился съ „Уставомъ Вольнаго Союза Пѣкоснимателей“ и сопоставилъ начертанныя въ немъ правила съ современною литературною и журнальною дѣйствительностью, я не могъ воздержаться, чтобы не воскликнуть: да, это Никодимъ! это онъ, подъ разными псевдонимами полемизирующій самъ съ собою!

Признаюсь, мнѣ даже сдѣлалось какъ будто неловко. Вѣдь это, наконецъ, бездѣльничество! думалось мнѣ, и ежели въ этомъ бездѣльничествѣ нѣтъ ни организаціи, ни предумышленности—тѣмъ хуже для него. Значитъ, оно проникло въ глубину сердецъ, проѣло нашихъ пѣкоснимателей до мозга костей! Значитъ, они бездѣльничаютъ отъ полноты чувствъ, бездѣльничаютъ власть, бездѣльничаютъ потому, что дѣйствительно ничего другого передъ собой не видятъ.

Но какъ они, отъ нечего-дѣлать, ѣдятъ другъ друга—это даже ужасно! Загляните, напримѣръ, въ „Старѣйшую Всероссійскую Пѣкоснимательницу“, и первое, что васъ поразитъ—это смотръ, который она періодически дѣлаетъ всѣмъ прочимъ органамъ пѣкоснимательства. Что побуждаетъ ее къ тому? то ли, что ее раздѣляетъ бездна отъ прочихъ пѣкоснимателей?—нѣтъ, этой бездны нѣтъ, да и она сама, въ минуты откровенности, коснѣющимъ языкомъ проговаривается, что, въ сущности, каждый пѣкоснимать равенъ каждому пѣкоснимателю. Очевидно, стало быть, ей хочется только отличиться, отвести глаза и оживить свои столбцы, даже рискуя собственными боками. Ей хочется, чтобы публика, благодаря общему затишью, слышала, какъ она жуетъ во снѣ собственные рукава.

Теперь этотъ наглый обманъ выяснился для меня съ какою-то безнадежною вынуклостью... Но, признаюсь, и прежде, когда я былъ еще въ провинціи, меня уже смущали нѣкоторыя неясныя сомнѣнія на этотъ счетъ. Едва-ли не десять лѣтъ сряду, каждое утро, какъ мнѣ подаютъ вновь полученные съ почты органы русской мысли, я ощущаю, что мною начинаетъ овладѣвать тоскливое чувство. Иногда

мнѣ кажется, что вотъ-вотъ я сейчасъ услышу какое-то невнятное и ненужное бормотаніе о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ; иногда сдается, что мнѣ подаютъ дѣтскую пеленку, въ которой новорожденный младенецъ начерталъ свою первую передовую статью; иногда же просто-на-просто я во-очію вижу, что въ мой кабинетъ вошелъ дуракъ. Пришелъ, сѣлъ и забормоталъ. И я не могу указать ему на дверь, я долженъ бесѣдовать съ нимъ, потому что это дуракъ привилегированный: у него за пазухой есть двѣ-три новости, которыхъ я еще не знаю!

И эти-то люди обозрѣваютъ другъ друга! эти люди, ради оживленія какихъ-то столбцовъ, язвятъ и чернятъ другъ друга! Они, которымъ слѣдовало бы цѣловать другъ друга въ засосъ! Проказники!

У каждаго изъ этихъ анестоловъ самоѣдства сидитъ въ головѣ маковое зернышко, которое онъ хочетъ во что бы то ни стало помѣстить; каждый изъ нихъ имѣетъ за душой матеріала настолько, чтобы изобразить: „на послѣднемъ я листочкѣ нашишу четыре строчки!“ —зато ужъ и набрызжетъ же онъ въ этихъ четырехъ строчкахъ! И посмотрите, съ какою серьезностью какой-нибудь мудрый Натанъ воробьинаго царства произноситъ свои: „позволительно думать, что возбужденіе подобныхъ вопросовъ едва ли своевременно“, или: „по нашему мнѣнію, это не совсѣмъ такъ!“ Мудрѣйшій изъ воробьевъ! кто тебя? не все ли равно, кто, какъ и съ чего снимаетъ пѣнки?

Какая громадная разница съ Никодимомъ! Когда Никодимъ полемизировалъ самъ съ собою, уличалъ самого себя въ неправдѣ и доказывалъ свою собственную несостоятельность — онъ не вставалъ на дыбы, не артачился и не похвалялся, что идетъ на рать. Онъ откровенно говорилъ: „мнѣ даютъ мелкую монету и требуютъ, чтобы я дѣйствовалъ такъ, какъ бы имѣлъ въ распоряженіи своемъ монету крупную—понятное дѣло, что я не могу удовлетворить этому требованію иначе, какъ пятязуя самого себя“. Такъ объяснялся Никодимъ, и мы очень хорошо понимали, что онъ относится къ своему занятію вполнѣ объективно, что онъ рѣзко отдѣляетъ свое внутреннее „я“ отъ того горькаго дѣла, къ которому приневолила его судьба, отдѣляетъ настолько же, насколько отдѣлялъ себя въ тѣ времена каждый молодой либералъ-чиновникъ отъ службы въ департаментахъ и канцеляріяхъ, которые онъ всякое утро посѣщалъ. Внутренно Никодиму было рѣшительно все равно, стоятъ ли будочники при буд-

кахъ, или же они разставлены по перекресткамъ улицъ; поэтому онъ могъ смѣло и не расходуя своихъ убѣжденій доказывать: разъ, что полезно, чтобы будочники находились при будкахъ, и два—что еще полезнѣе, если они разставлены по перекресткамъ. Слѣдовательно, ежели современные россійскіе нѣнкоснимателн и заимствовали у Никодима внѣшніе пріемы „оживленія столбцовъ“, то они совершенно забыли о той объективности, которая скрывалась за этими пріемами. Подобно Никодиму, они самоѣдствуютъ, но при этомъ горячатся, встаютъ на дыбы, и—о, верхъ самохвальства!—изо всѣхъ силъ доказываютъ, что у нихъ даже въ помышленіи ничего другого не имѣется, кромѣ мысли о необходимости снабженія городовыхъ свистками. О, заговорщики! кто же повѣритъ вамъ?

„Тише! не расплывайся! не раздражай!“—это ли не карбонарство? Этого ли мало для возбужденія въ самомъ кроткомъ начальникѣ подозрительности?

Таковы были вопросы, которые застали меня на подъѣздѣ дома, въ которомъ жилъ Прелестновъ. Я обернулся: сзади меня разстилалось зеркало Невы, все облитое тихимъ мерцаніемъ бѣлой майской ночи. Воздухъ былъ недвижимъ; деревья въ сосѣднемъ саду словно застыли; на поверхности рѣки—ни малѣйшей зыби; съ другой стороны рѣки доносился смутный городской гомонъ и стукъ: здѣсь, на Выборгской—царствовала тишина и благораствореніе воздуховъ. „А не удрать ли на тоню, или на Острова?“ мелькнуло у меня въ головѣ. Но нѣнкоснимательная мысль: „я долженъ исполнить свой долгъ!“—уже безвозвратно отравила мое существованіе. Я позвонилъ.

Въ кабинетѣ у Менандра было довольно много народа и страшно накурено. Тутъ были люди всякаго роста и всякихъ комплекцій, но на всѣхъ лицахъ было написано присутствіе головной боли. У всѣхъ цвѣтъ лица былъ тусклый, сѣрый, а выраженіе озабоченное, какъ бы скорбящее о грѣхѣхъ; всѣ страдали геморроемъ, слѣдствіемъ слишкомъ усидчиваго нѣнкоснимательства. Всѣ великіе наши нѣнкоснимателн были тутъ на-лицо, всѣ тѣ, которые даже одну минуту опасаются провести праздно: такъ велика вереница пустяковъ, которые имъ предстоитъ разрѣшать. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ, Ме-

пандръ разсказывалъ собравшейся около него кучкѣ о своемъ путешествіи по Италіи.

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ:—небо тамъ синее, море синее, по морю корабли плывутъ, а надъ кораблями рѣютъ какія-то неизвѣстныя птицы... но буквально неизвѣстныя, à la lettre!

— Позвольте! не объ этихъ ли птицахъ писалъ Страбонъ? — пустилъ кто-то догадку.

— Нѣтъ, это не тѣ. Кювье же хотя и догадывался, что это простыя вороны, однако Гумбольдтъ разбилъ его доводы въ прахъ... Но что̀ всего удивительнѣе—въ Италіи и вообще на югѣ совсѣмъ нѣтъ сумерекъ! Идете по улицѣ—свѣтло, и вдругъ—темно!

— И апельсины на воздухѣ ростутъ? — полюбопытствовалъ нѣкто.

— Еще бы. Я самъ видѣлъ дерево, буквально обремененное плодами. Ну, все равно, что у насъ яблоки, или, вѣрнѣе, даже не яблоки, а рябина.

Въ эту минуту хозяинъ замѣтилъ мое присутствіе.

— А! старый другъ! Господа! бывшій товарищъ по университету! написалъ когда-то повѣсть, на которую обратилъ вниманіе Бѣлинскій!—рекомендовалъ онъ меня и въ свою очередь представилъ мнѣ присутствующихъ:—Иванъ Николаевичъ Неуважай-Корыто, авторъ „Изслѣдованія о Чурилкѣ“! Семенъ Петровичъ Нескладинъ, авторъ брошюры: „Новые суды и легкомысленное отношеніе къ нимъ публики“! Петръ Сергѣичъ Болиголова, авторъ диссертаціи „Русская пѣсня: *Тяжико! тяжико! гдѣ ты былъ?*—передъ судомъ критики“! Вячеславъ Семенычъ Размазовъ, авторъ статьи „Куда несетъ нашъ крестьянинъ свои сбереженія?“...

Но тутъ со мной случилось что-то совершенно неловкое. Раскланиваясь и пожимая руки во всѣ стороны, я до того замотался, что принялъ послѣднюю рекомендацію за вопросъ, обращенный ко мнѣ. И потому совершенно невпопадъ отвѣчалъ:

— Да въ казначейство, я полагаю...

На этотъ разъ, однакожъ, мой легкомысленный отвѣтъ не повлекъ за собой никакого репримanда. Напротивъ того, насупленныя лица нѣкоспимателей какъ-то снисходительно осклабились, и всѣ они очень радушно пожали мнѣ руку.

Прерванный на минуту разговоръ возобновился; но едва успѣлъ

Менандръ сообщитъ, что лаццарони лежатъ цѣлый день на солнцѣ и питаются макаронами, какъ стали разносить чай, и гости раздѣлились на группы. Я горѣлъ нетерпѣніемъ улучить минуту, чтобы пристать къ одной изъ нихъ и предложить на обсужденіе волновавшія меня сомнѣнія. Но это положительно не удавалось мнѣ, потому что у каждой группы былъ свой вопросъ, поглощавшій все ея вниманіе.

— Такъ вы полагаете, что Чурилка?..—шла рѣчь въ одной группѣ.

Центромъ этой группы былъ Неуважай-Корыто. Это былъ сухой и длинный человѣкъ, съ длинными руками и длиннымъ же носомъ. Мнѣ показалось, что передо мною стоитъ громадныхъ размѣровъ дятелъ, который долбитъ носомъ въ дерево и постепенно приходитъ въ деревянный экстазъ отъ звуковъ собственнаго долбленія. „Да, этотъ человѣкъ, если примется снимать нѣники, онъ сдѣлаетъ это... чисто!“ думалось мнѣ, покуда я разглядывалъ его.

— Не только полагаю, но совершенно опредѣлительно утверждаю,—объяснялъ между тѣмъ Неуважай-Корыто:—что Чуриль, а не Чурилка, былъ не кто иной, какъ швабскій дворянинъ VII столѣтія. Я, батюшка, полъ-Европы изъѣздилъ, покуда, наконецъ, въ королевской мюнхенской библіотекѣ нашелъ рукопись, относящуюся къ VII столѣтію, подъ названіемъ: „Похожденія знаменитаго и доблестнаго швабскаго дворянина Чуриля“... Ба! да это нашъ Чурилка! сейчасъ же блеснула у меня мысль... И повѣрите ли, я цѣлую ночь послѣ этого былъ въ бреду!

— Понятное дѣло. Но Добрыня... Илья Муромецъ... вѣдь они *наши*?

Собесѣдникъ, произнося: „они *наши*?“—очевидно, страдалъ. Онъ и опасался, и надѣялся; ему почему-то ужасно хотѣлось, чтобы *они* были *нашими*, и въ то же время въ душу уже заползывали какія-то скверныя сомнѣнія. Но Неуважай-Корыто съ суровою непреклонностью положилъ конецъ колебаніямъ, „ни въ какомъ случаѣ не достойнымъ науки“.

— Напротивъ того,—отдолбилъ онъ совершенно ясно:—я положительно утверждаю, что и Добрыня, и Илья Муромецъ—все это были не болѣе, какъ сподвижники датчанина Канута!

— Но Владиміръ Красное Солнышко?

— Онъ-то самый Канутъ и есть!

Въ группѣ раздался общій вздохъ. Совопросникъ вытаращилъ на минуту глаза.

— Однакожъ, какой свѣтъ это проливаетъ на нашу древность! —произнесъ онъ тихимъ, но все еще не успокоившимся голосомъ.

— Я говорю вамъ: камня на камнѣ не останется! Я съ болью въ сердцѣ это говорю, но что же дѣлать—это такъ! Мнѣ больно, потому что всѣ эти Чурилки, Алеши Поповичи, Ильи Муромцы— всѣ они съ дѣтства волновали мое воображеніе! Я жилъ ими... понимаете, жилъ?! Но противъ науки я безсиленъ. И я съ болью въ сердцѣ повторяю: да! ничего этого нѣтъ!

Собесѣдники стояли съ раскрытыми ртами, смотря на обличителя Чурилки, какъ будто ждали, что вотъ-вотъ придетъ новый Моисей и извлечетъ изъ этого кремня огонь. Но тутъ Неуважай-Корыто съ такою силой задолбилъ носомъ, что я понялъ, что мнѣ нечего соваться съ моими сомнѣніями, и поспѣшилъ ретироваться къ другой группѣ.

Въ другой группѣ ораторствовалъ Болтоголова, маленькій, юрконькій человѣчекъ, который съ трудомъ могъ устоять на мѣстѣ и судорожно подергивался всѣмъ своимъ корпусомъ. Голосъ у него былъ тоненькій, дѣтскій.

— Ужели же, наконецъ, и „Чижикъ, чижикъ! гдѣ ты былъ?“ — изумлялись окружающіе пѣнокосниматели.

— Подлогъ-съ!

— Позвольте-съ! Но какимъ же образомъ вы объясните стихъ „на Фонтанкѣ воду пилъ“? Фонтанка—вѣдь это, наконецъ... Наконецъ, я вамъ долженъ сказать, что нашъ почтеннѣйшій Иванъ Семеновичъ живетъ на Фонтанкѣ!

— И пьетъ оттуда воду!—сьострилъ кто-то.

— Подлогъ! подлогъ! и подлогъ-съ! Въ мавританскомъ подлинникѣ именно сказано: „на Гвадалквивирѣ воду пилъ“. Всю Европу, батюшка, изъѣздилъ, чтобы убѣдиться въ этомъ!

— Это удивительно! Но какъ вамъ пришло на мысль усомниться въ подлинности „Чижика“?

— Ну, ужъ это, батюшка, спеціальность моя такова!

— Однако, какой странный свѣтъ это проливаетъ въ нашу народность! Все чужое! даже „Чижика“ мы не сами сочинили, а позаимствовали!

— Говорю вамъ: камня на камнѣ не останется! Съ болью въ сердцѣ это говорю, но противъ указаній науки ничего не подѣлаешь!

И т. д., и т. д.

Въ третьей группѣ шелъ разговоръ таинственнаго свойства. Сообщались по секрету свѣдѣнія о какихъ-то козняхъ, предпринимаемыхъ противъ какихъ-то учрежденій; слышались соболѣзнованія, жалобы, вздохи.

— Я самъ сейчасъ оттуда,—полушопотомъ объяснялъ Нескладинъ, авторъ брошюры: „Новые суды и легкомысленное отношеніе къ нимъ публики“.

— И что жъ?

— Дѣло очень простое. Существуютъ два проекта: одинъ объ уничтоженіи, другой объ упраздненіи. Теперь весь вопросъ въ томъ, который изъ этихъ проектовъ пройдетъ.

Всѣ въ нѣмомъ негодованіи оглянулись другъ на друга. И вдругъ кому-то пришло на мысль:

— Но тайный совѣтникъ Кузьма Прутковъ!! ужели онъ допуститъ до этого!?

— Я именно сейчасъ отъ него!

— И говорили съ нимъ?

— Да; и онъ мнѣ сказалъ прямо: „любезный другъ! о томъ, чтобы устранить *оба* проекта—не можетъ быть и рѣчи; но вѣроятно, съ Божьею помощью, мнѣ удастся провести проектъ объ упраздненіи, а „уничтоженіе“ прокатить!“

— Но вѣдь и это будетъ значительный успѣхъ!

— Конечно. Но онъ прибавилъ къ этому еще слѣдующее: „во всякомъ случаѣ, мой другъ, я тогда только могу ручаться за успѣхъ, если пресса наша будетъ вести себя съ *особенною* сдержанностью“. Слово „особенною“ старикъ даже подчеркнулъ.

Извѣстіе это производитъ въ группѣ общее впечатлѣніе.

— И я полагаю,—продолжаетъ все тотъ же Нескладинъ,—что намъ ничего болѣе не остается, какъ послѣдовать этому благоразумному совѣту!

Собесѣдники нѣсколько минутъ мнутся, и въ комнатѣ слышится какое-то неясное жужжаніе. Какъ будто влетѣлъ комаръ и затянулъ свою неистово-назойливую проповѣдь о томъ, о семъ, а больше ни о

чемъ. Наконецъ одинъ изъ собесѣдниковъ, болѣе рѣшительный, выступаетъ впередъ и говоритъ:

— Я, съ своей стороны, полагаю, что намъ слѣдуетъ молчать, молчать и молчать!

— Молчать!—восклицаютъ хоромъ прочіе.

— Не слѣдуетъ забывать, господа,—вставляетъ свое слово вдругъ появившійся Менандръ,—что въ насъ воплощается либеральное начало въ Россіи! Слѣдовательно намъ прежде всего надо поберечь самихъ себя, а потомъ позаботиться и о томъ, чтобъ у нашего бѣднаго, едва встающаго на ноги общества не отняли и того, что̀ у него уже есть!

— Молчать! молчать! и молчать!

— Надобно, наконецъ, имѣть настолько гражданскаго мужества, чтобы взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза,—продолжаетъ Менандръ:—надо понять, что ежели мы будемъ разбрасываться, какъ это къ сожалѣнію, до сихъ поръ было, то самъ тайный совѣтникъ Кузьма Прутковъ окажется внѣ возможности поддержать насъ.

— И тогда у насъ отнимутъ и то, что̀ мы въ настоящее время имѣемъ.

— И будутъ совершенно правы, потому что люди легкомысленные, не умѣющіе терпѣть, ничего другого и не заслуживаютъ. А между тѣмъ это будетъ потеря очень большая, потому что если соединить въ одинъ фокусъ все то, что̀ мы имѣемъ, то окажется, что намъ дано очень и очень многое! Вотъ о чемъ не слѣдуетъ забывать, господа!

— Очень и очень многое!—восклицаютъ хоромъ всѣ нѣкоснимателн и, какъ бы послѣ принятаго важнаго рѣшенія, вдругъ всѣ разсыпаются по комнатѣ. У всѣхъ свѣтлыя лица, всѣ съ безпечною довѣрчивостью глядятъ въ глаза будущему; нѣкоторые бьютъ себя по ляжкамъ и повторяютъ:—очень и очень многое!

Я смотрѣлъ во всѣ глаза и, конечно, старался стать на одинъ уровень со всѣми. И, можетъ быть, это удалось бы мнѣ (я очень хорошо помню, что и самъ разъ или два ужъ ударилъ себя по ляжкѣ съ восклицаніемъ: очень и очень многое!), но меня испугалъ Неуважай-Корыто. Этотъ загадочный человѣкъ очевидно олицетворялъ собою принципъ радикализма въ нѣкоснимательствѣ. Объѣздить Европу для того, чтобы доказать швабское происхожденіе Чурилки—согла-

ситесь, что въ этомъ есть что-то непреклонное! И если бы вмѣсто Чурилки этому человѣку помѣстить въ голову какую-нибудь подлинную мысль, то изъ него могъ бы выйти своего рода... Робеспьеръ! Ужъ онъ не отступитъ! онъ не отстанетъ до тѣхъ поръ, пока не высосетъ изъ Чурилки всю кровь до послѣдней капли!

Тѣмъ не менѣе я сдѣлалъ попытку сблизиться съ этимъ человѣкомъ. Замѣтивъ, что Неуважай-Корыто и Болиголова отдѣлились отъ публики въ уголъ, я направилъ въ ихъ сторону шаги свои. Я засталъ ихъ именно въ ту минуту, когда они взаимно слагали другъ другу славословія.

— Однако задали вы, Иванъ Николаичъ, задачу московскимъ буквоѣдамъ!—привѣтствовалъ Болиголова.

— Да и вы, Петръ Сергѣичъ, кажется, поусердствовали!—отвѣчалъ Неуважай-Корыто.

— Я думаю, что теперь, когда Чурилкѣ нанесенъ такой рѣшительный ударъ, немного останется отъ прежнихъ трудовъ по части изученія россійскихъ древностей!

— Ну-съ, я вамъ доложу, что и „Чижикъ“... вѣдь это своего рода coup de massue... Вѣдь до сихъ поръ никто и не подозрѣвалъ, что Испанія была покорена при звукахъ пѣсни „Чижикъ, чижикъ! гдѣ ты былъ“!

Я счелъ этотъ моментъ удобнымъ, чтобъ вступить въ разговоръ.

— Итакъ,—сказалъ я:—и Чурилка, и чижикъ погребены?

Оба посмотрѣли на меня такими веселыми глазами, какими смотрятъ на ученика, совершенно неожиданно обнаружившаго понятливость.

— Погребены—это такъ,—продолжалъ я:—но, признаюсь, меня смущаетъ одно: какимъ же образомъ мы вдругъ остаемся безъ Чурилки и безъ Чижика? Вѣдь это же, наконецъ, пустота, которую необходимо замѣстить?

Неуважай-Корыто насупилъ брови.

— Ну-съ, на этотъ счетъ наша наука никакихъ утѣшеній преподать намъ не можетъ,—сказалъ онъ сухо.

— Позвольте-съ; я не смѣю не вѣрить показаніямъ науки. Я ничего не имѣю сказать противъ швабскаго происхожденія Чурилки; но за всѣмъ тѣмъ сердце мое совершенно явственно подсказываетъ мнѣ: не можетъ быть, чтобъ у насъ не было *своего* Чурилки!

Волиголова и Неуважай-Корыто удивленно переглянулись между собою. Моя дерзость, очевидно, начинала пугать ихъ.

— И все-таки я не могу васъ утѣшить,—сказалъ послѣдній, и какъ бы желая дать мнѣ почувствовать, что аудіенція кончилась, запѣлъ:

—Парисъ преле-е-стный,
Судья извѣ-ѣстный!

Но сейчасъ же вспомнилъ, что Оффенбаховская музыка не къ лицу такой серьезной птицѣ, какъ дятелъ, и затянулъ изъ „Каменнаго Гостя“:

—Вѣдь я не го!
Сударственный преступникъ!

Прошѣвъ это, онъ обдалъ меня надменно-ледянымъ взоромъ и отошелъ.

Я очутился въ самомъ неловкомъ положеніи. Я только однажды въ жизни былъ въ подобномъ положеніи, и именно, когда меня представляли одному сановнику, который *могъ* (буде заблагоразсудилъ бы) подать мнѣ руку, но которому я *ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права* протягивать свою руку. Но я не зналъ этого правила—и протянулъ. И вдругъ я почувствовалъ, что рука моя такъ и остается на вѣсу, въ тщетномъ ожиданіи взаимнаго пожатія. Ахъ, какъ мнѣ было тогда стыдно! За кого стыдно, за себя или за сановника—не знаю, но во всякомъ случаѣ чувство, которое я испытывалъ, было самаго непріятнаго свойства.

Точно то же ощущалъ я теперь. Зачѣмъ я говорилъ съ этимъ гордымъ, непреклоннымъ пѣнкоснимателемъ? думалось мнѣ. За что онъ меня сразилъ? Что̀ обиднаго или неприличнаго нашелъ онъ въ томъ, что я высказалъ сомнѣнія моего сердца по поводу Чурилки? Неужели „наука“ такъ неприступна въ своей непогрѣшимости, что не можетъ взглянуть снисходительно даже на тревоги простецовъ?

Увы! покуда я разсуждалъ такимъ образомъ, молва, что въ среду пѣнкоснимателей затесался свистунъ, который позволилъ себѣ неуважительно отнестись къ „наукѣ“, уже успѣла облетѣть все сборище. Какъ всѣ люди, дышущіе зараженнымъ воздухомъ замкнутаго кружка̀, пѣнкосниматели съ удивительною зоркостью угадывали человѣка, который почему-либо былъ имъ несочувственъ. И разъ усмотрѣвши такового, немедленно уставляли противъ него свои рога.

Я долженъ былъ убѣдиться, что не только Болиголова и Неуважай-Корыто недоумѣваютъ, какимъ образомъ я очутился въ ихъ обществѣ. но что и прочіе нѣкоснимателн перешептываются между собой и покачиваютъ головами, взглядывая на меня. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился исполнить свой долгъ до конца, и потому, желая сдѣлать новую попытку къ общенію, подошелъ съ этою цѣлью къ Нескладину:

— Если я не ошибаюсь,—сказалъ я: — вы изволили давеча выразить опасеніе, что у насъ съ часу на часъ могутъ отнять даже и то, что̀ мы имѣемъ?

— Выразилъ-съ. А вы изволите сомнѣваться въ этомъ?

— Нѣтъ, я не сомнѣваюсь. О! я далеко не сомнѣваюсь! Я готовъ написать не шесть, а шестьсотъ-шесть столбцовъ передовыхъ статей, въ которыхъ надѣюсь главнѣйшимъ образомъ развить мысль, что все на свѣтѣ семъ превратно, все на свѣтѣ коловратно...

— Ну-съ, въ чемъ же затрудненіе?

— Но я не понимаю одного: почему вы предпочитаете проектъ упраздненія проекту уничтоженія?

— Д-д-да-съ! такъ вотъ въ чемъ дѣло? А почему вы, смѣю васъ спросить, утверждаете, что дважды-два—четыре, а не пять?

На одно мгновеніе вопросъ этотъ изумилъ меня; но Нескладинъ глядѣлъ на меня съ такою ясною самоувѣренностью, что мнѣ даже на мысль не пришло, что эта самоувѣренность есть не что иное. какъ продуктъ извѣстнаго рода выработки, которая дозволяетъ человѣку барахтаться и городить вздоръ даже тогда, когда онъ чувствуетъ себя окончательно уличеннымъ и припертымъ къ стѣнѣ. Выдержавшіе подобнаго рода дрессировку люди никогда не отвѣчаютъ прямо и даже не увертываются отъ вопросовъ: они просто, въ свою очередь. ошеломляютъ васъ вопросами, не имѣющими ничего общаго съ дѣломъ, о которомъ идетъ рѣчь. Признаюсь, я въ эту минуту испытывалъ именно подобное ошеломленіе.

— Извините,—бормоталъ я: — я не зналъ... Дѣйствительно, дважды-два—это такъ... Я хотѣлъ только сказать, что сердце мое какъ-то отказывается вѣрить, что упраздненіе...

— А такъ какъ я имѣю дѣло съ фактами, а не тревогами сердца, то и не могу ничего сказать вамъ въ утѣшеніе.

Произнося эти слова, Нескладинъ совершенно безцеремонно обра-

тился къ одному изъ единомышленниковъ, взялъ его подъ руку и отошелъ прочь.

— Стало быть, это условлено: мы будемъ поддерживать „упраздненіе“?—слышался мнѣ его удаляющійся голосъ.

Нѣтъ сомнѣнія, я потерпѣлъ рѣшительное фіаско. Я дошелъ до того, что не понималъ, гдѣ я нахожусь и съ кѣмъ имѣю дѣло. Что это за люди? спрашивалъ я себя: просто ли глупцы, давшіе другъ другу слово ни подъ какимъ видомъ не сознаваться въ этомъ? или это переодѣтые принцы, которымъ правила этикета не позволяютъ ни улыбаться не-во-время, ни поговорить по душѣ съ человѣкомъ, не посвященнымъ въ тайны нѣкоснимательской абракадабры? или, наконецъ, это банда Оффенбаховскихъ разбойниковъ, давшая клятву накидываться и скалить зубы на всѣхъ, кто къ ней не принадлежитъ?

Вѣроятно лицо мое выражало очень большое недоумѣніе, потому что Менандръ поспѣшилъ ко мнѣ на выручку.

— А вѣдь я, братъ, проврался!—сказалъ я ему уныло.

— А я еще предупреждалъ тебя!—укорялъ онъ меня:—говорилъ я тебѣ, что распиваться не слѣдуетъ! Да забудь же ты хоть на нѣсколько часовъ о „Маланьѣ“!

— Но могъ ли я думать, что у васъ на этотъ счетъ такъ строго!

— Еще бы! Такое серьезное дѣло затѣяли—да чтобы безъ дисциплины! Мы, братъ, только и дѣла дѣлаемъ, что другъ за другомъ приматриваемъ! Впрочемъ это еще можетъ уладиться. Только, ради же Бога, душа моя, не распивайся! Признай, наконецъ, авторитетъ „науки“!

И Менандръ отъ полноты души засуетился.

— Господа,—сказалъ онъ:—вотъ мой пріятель! онъ провинціалъ, и слѣдовательно, какъ человѣкъ дикій, не знаетъ нашихъ обычаевъ. Но это не мѣшаетъ ему интересоваться нѣкоторыми вопросами, и между прочимъ вопросомъ о распредѣленіи налоговъ. Онъ —владѣлецъ деревни Проплёванной—такъ, кажется?—и потому, какъ членъ рязанско-тамбовско-саратовскаго клуба... то бишь, земства... естественнымъ образомъ желаетъ стать на ту точку зрѣнія, съ которой всего удобнѣе взглянуть на этотъ вопросъ. Поэтому я попросилъ бы Ивана Петровича Нескладина прочитать статью, кото-

рую онъ приготовилъ по этому предмету для нашей газеты. Господа! прошу присѣсть!

Кресла шумно задвигались, и когда всѣ болѣе или менѣе удобно разсѣлись вокругъ большого круглаго стола, Нескладинъ прочиталъ:

С.-Петербургъ 30-го мая.

„Что налоги, равномѣрно распредѣленные, суть тѣ, которые, по преимуществу, заслуживаютъ наименованія равномѣрно распредѣленныхъ—въ этомъ, при настоящемъ положеніи экономической науки. никто не сомнѣвается, кромѣ развѣ какихъ-нибудь безпашабашныхъ свистуновъ, которые даже въ этой простой и для всѣхъ вразумительной истинѣ готовы заподозрить экономическое празднословіе. Но мы и не обращаемся къ свистунамъ; мы съ гомерическимъ хохотомъ встрѣчаемъ нахальныя выходки этихъ отпѣтыхъ людей, а ежели не клеймимъ ихъ презрѣніемъ, то только потому, что слишкомъ хорошо знаемъ литературныя приличія. Только тѣ могутъ сомнѣваться, что равномѣрность равномѣрна, кто въ состояніи усомниться даже въ томъ, что бѣлое бѣло и черное черно. Съ такими людьми не стоитъ тратить словъ. Прикрываясь и даже гордясь незнаніемъ литературныхъ приличій (которыя въ ихъ глазахъ, выражаясь ихъ же литературнымъ слогомъ, не стоютъ выѣденнаго яйца), они способны предать дерзкому, безсодержательному глумленію все, что представляетъ собой несомнѣнную побѣду цивилизаціи надъ варварствомъ (*Превосходно! Очень хорошо! Браво!*).

„Итакъ, говоримъ мы, аксіома, утверждающая, что равномѣрность равномѣрна, находится внѣ спора, и не о ней намѣрены мы повести рѣчь съ почтенною газетою „Зеркало Пѣнкоснимательности“, которая дѣлаетъ намъ честь считать насъ въ числѣ ея противниковъ почти по всѣмъ вопросамъ нашей общественной жизни.

„Мы намѣрены говорить о слѣдующемъ: „Зеркало Пѣнкоснимательности“ утверждаетъ, что лучшіе крайніе сроки для взноса налоговъ суть сроки, опредѣленные нынѣ дѣйствующими по сему предмету узаконеніями, то-есть: 15-ое января и 15-ое марта; мы же, напротивъ того, утверждали, что сроки эти надлежитъ на двѣ недѣли отдалить, то-есть назначить ихъ 1-го февраля и 1-го апрѣля. Вотъ въ чемъ споръ. Конечно, „Зеркало Пѣнкоснимательности“, быть можетъ, имѣетъ очень полновѣсныя причины называть себя болѣе ком-

истентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ. Быть можетъ, оно черпаетъ свои свѣдѣнія изъ такихъ источниковъ, о которыхъ мы даже понятія не имѣемъ... Но все это тайны, углубляться въ которыя намъ не позволяютъ литературныя приличія“...

— Позвольте!—не вытерпѣлъ я:—но вѣдь вы сами черпаете свѣдѣнія отъ тайнаго совѣтника Кузьмы Пруткова!

— Ахъ, душа моя, какъ ты, однакожъ, горячъ! Вѣдь это, наконецъ, невозможно!—укорилъ меня Менандръ.—Тайный совѣтникъ Прутковъ! да знаешь ли ты, что это одинъ изъ либеральнѣйшихъ людей нашего времени! что, быть можетъ, онъ самъ на дняхъ получитъ разомъ три предостереженія!

Я долженъ былъ поникнуть головой. Нескладинъ продолжалъ:

„Все это тайны, углубляться въ которыя намъ не позволяютъ литературныя приличія. Но мы находимъ въ себѣ настолько гражданскаго мужества, чтобы сказать нашему противнику: ваше превосходительство! вы введены въ заблужденіе! (*Общій смѣхъ, въ которомъ участвую и я.*) И мы дѣлаемъ это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что искренно уважаемъ этого бодраго и смѣлаго противника, который даже при словѣ „субсидія“ не смущается духомъ. Мы даже убѣждены, что наши безшабашные свистуны поставятъ намъ это въ укоръ, что они воспользуются нашею почтительностью, чтобъ поднять насъ на смѣхъ, подобно тому, какъ уже и поступили они на дняхъ съ однимъ изъ нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ, столь доблестно отличившимся въ защитѣ четырехъ негодяевъ, сознавшихся въ умерщвленіи одного почтеннаго земледѣльца *). Но это не помѣшаетъ намъ слѣдовать по избранному разъ пути, не смущаясь ни наглостью смѣха, ни нахальствомъ инсинуацій...

„Итакъ (да простятъ читатели нѣкоторыя повторенія въ нашей статьѣ: они необходимы), „Зеркало Пѣнкоснимательности“ утверждаетъ, что лучшіе сроки для платежа налоговъ суть тѣ, которые

*) Въ слѣдующемъ затѣмъ нумерѣ „Старѣйшей Россійской Пѣнкоснимательницы“ было напечатано: „Въ городѣ разнеслись слухи, что авторъ передовой статьи, появившейся вчера въ нашей газетѣ, есть г. Нескладинъ, то-есть самъ знаменитый защитникъ четырехъ знаменитыхъ негодяевъ. Считаемъ долгомъ заявить здѣсь, что это наглая и гнусная клевета. Мы не имѣемъ надобности отсѣкивать г. Нескладина противъ набѣговъ нашихъ литературныхъ баши-бузуковъ, но говоримъ откровенно: мы перервемъ горло всякому (если позволятъ наши зубы), кто осмѣлится быть не одного съ нами мнѣнія о нашихъ сотрудникахъ“.

издавна установлены закономъ. Въ подкрѣпленіе этой мысли почтенная газета приводитъ слѣдующее: 1) привычку платить и 2) сравнительное благосостояніе, которое, будто бы, постигаетъ плательщика именно въ сроки 15 января и 15 марта. Разберемъ эти доводы съ тѣмъ вниманіемъ, котораго они заслуживаютъ. Но напомнимъ при этомъ читателю, что насъ постигло уже два предостереженія, тогда какъ другіе журналы, быть можетъ, менѣе благонамѣренные по направленію (литературныя приличія не позволяютъ намъ назвать ихъ), еще не получили ни одного. (*Браво! Браво! Ядовито и въ то же время вполнѣ согласно съ литературными приличіями!*)

„Итакъ—приступимъ къ первому доводу.

„Намъ говорятъ: обыватели привыкли платить именно въ январѣ и въ мартѣ—и мы охотно соглашаемся, что въ этомъ возраженіи есть извѣстная доза справедливости. Но что же такое, однакожъ, привычка? Съ одной стороны—это начало всепроникающее и до такой степени подчиняющее себѣ *всего* человѣка, что субъектъ, находящійся подъ игомъ привычки, готовъ не только платить налоги, но и совершать преступленія. „Человѣкъ есть животное привычки“, сказалъ великій Бюффонъ, и сказалъ святую истину. Съ этой стороны, конечно, полезно и даже необходимо принимать во вниманіе народные обычаи и даже суевѣрія, и мы не будемъ утверждать что-нибудь противное этой святой истинѣ. Но, съ другой стороны, если взглянуть на дѣло пристальнѣе, то окажется, что привычка платить налоги, по самому свойству своему, никогда не укореняется настолько, чтобы нельзя было отстать отъ нея. Положимъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о томъ, чтобы навсегда отстать отъ привычки платить (только безшабашные наши свистуны могутъ остановиться на подобной дикой мысли), но и за всѣмъ тѣмъ, положа руку на сердце, мы смѣемъ утверждать: отдалите, по мѣрѣ возможности, сроки платежа податей—и вы увидите, какъ расцвѣтутъ сердца земледѣльцевъ!

„Но намъ говорятъ: привычка—вторая натура. Назначьте для плательщика другіе сроки—онъ, все-таки, понесетъ въ казначейство свои сбереженія въ январѣ и въ мартѣ. На это мы можемъ отвѣтить одно: тѣмъ лучше: Какъ не догадываются наши почтенные противники, что чѣмъ раньше несутъ плательщики въ казначейство свои избытки, тѣмъ лучше для нихъ и для казны. Пускай несутъ—милости просимъ! Это хорошо для плательщиковъ—потому что черезъ это

они избавляются отъ опасеній военной экзекуціи; это хорошо и для казны, потому что издержки экзекуціи хотя и падаютъ, главнымъ образомъ, на обывателей, но косвенно задѣваютъ и государственное казначейство. Но вѣдь истинный государственный взглядъ на вещи долженъ имѣть въ виду не только тѣхъ бодрыхъ и смѣлыхъ людей, которые привыкли серьезно смотрѣть на свои обязанности къ государственному казначейству, но и тѣхъ, которые, не столько вслѣдствіе преступности воли, сколько подъ вліяніемъ слабохарактерности, утратили этотъ здоровый инстинктъ. И такъ какъ послѣдніе, несмотря на принимаемыя противъ нихъ мѣры, все-таки составляютъ довольно значительное меньшинство, то мы не понимаемъ, зачѣмъ идти на встрѣчу экзекуціямъ, когда еще остается неиспытаннымъ одно совершенно безвредное и ни для кого не обидное средство, а именно отдаленіе на двѣ недѣли послѣднихъ сроковъ для взноса налоговъ? Двѣ недѣли! понимаете ли, только двѣ недѣли! И ни одной минуты больше! (*Совершенно справедливо! прекрасно! браво!*)

„Приступимъ теперь ко второму доводу. Во-первыхъ, намъ указываютъ на какія то климатическія условія; но это доказательство до того уже несостоятельно, что нѣтъ даже надобности и распространяться о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ выраженіе: „платить налоги“? Для тѣхъ, до кого оно относится, это выраженіе означаетъ: перенести деньги изъ того помѣщенія, въ которомъ онѣ дотолѣ находились, въ другое, болѣе для нихъ подходящее. Спрашиваемъ по совѣсти: могутъ ли и въ какой мѣрѣ дѣйствовать тутъ климатическія условія? Во-вторыхъ—и это возраженіе очень серьезное—намъ говорятъ, что благоденствіе постигаетъ плательщика преимущественно въ январѣ и въ мартѣ. Но на чемъ основано такое внезапное заключеніе?—по истинѣ мы не понимаемъ этого. По нашему мнѣнію, если плательщикъ постигнутъ благоденствіемъ въ январѣ, то нѣтъ резона не быть ему постигнутымъ и въ декабрѣ, и въ іюлѣ, и во всѣ прочіе мѣсяцы. Но намъ возражаютъ: вы сами знаете, что въ іюлѣ плательщикъ благоденствіемъ не постигнутъ;—тогда мы спрашиваемъ: отчего? что̀ же это за благоденствіе, которое постигаетъ плательщика только въ ту минуту, когда ему надлежитъ нести въ казначейство деньги?

„Вотъ тутъ-то мы и настигаемъ васъ, наши уважаемые противники. Мы недаромъ предлагаемъ вамъ вопросъ: отчего? потому что раз-

рѣшеніе его лежитъ на вашей отвѣтственности. Вы находитесь слишкомъ въ исключительномъ положеніи относительно извѣстныхъ сферъ, чтобы уклониться отъ солидарности съ ними. Поэтому мы имѣемъ полное право требовать именно отъ васъ отвѣта на нашъ вопросъ, или, лучше сказать, не отвѣта, а оправданія. (*Браво! Отлично!*) Мы требуемъ этого во имя великихъ нѣкоснимательныхъ началъ, которыхъ мы служимъ представителями, и не перестанемъ требовать, хотя бы намъ угрожали за это безчисленными предостереженіями! Мы примемъ эту кару закона безъ ропота, но и безъ удовольствія, и позволимъ себѣ только спросить, почему предостереженія постигаютъ именно насъ, а не „Истиннаго Нѣкоснимателя“, напримѣръ? Ни для кого не тайна, что эта газета, издаваемая безъ цензуры, тѣмъ не менѣе пользуется услугами таковой; ни для кого не тайна, что она всячески избѣгаетъ вопросовъ, волнующихъ весь нѣкоснимательный міръ; ни для кого, наконецъ, не тайна, что лучшія статьи по части нѣкоснимательства (какъ напримѣръ замѣчательнѣйшая статья „о необходимости содержанія въ конюшняхъ козловъ“) были помѣщены не въ ней, а у насъ или въ дружескихъ намъ литературныхъ органахъ! Что же за причина того предпочтенія, которымъ пользуется эта уважаемая газета? (*Прекрасно! Браво! Отлично!*)

„Но мы отвлеклись отъ главнаго предмета нашей статьи и должны сознаться, что двѣ причины побудили насъ къ такому уклоненію. Прежде всего—принципы справедливости. Повидимому, намъ нѣтъ дѣла до того, кто и сколько получилъ предостереженій, а равно и до того, кто и какимъ образомъ снимаетъ нѣжки. Но это только повидимому. Намъ было бы несравненно пріятнѣе быть самимъ на мѣстѣ счастливцевъ, снимающихъ нѣжки въ веселіи сердца своего, нежели снимать таковыя, посыпавъ главу пепломъ, какъ мы это дѣлаемъ. Во-вторыхъ, къ величайшему нашему удивленію, насъ упрекаютъ въ какомъ-то простодушіи и даже утверждаютъ, что за простодушіе-то мы и подвергаемся карѣ закона. Но этотъ упрекъ во всѣхъ отношеніяхъ несправедливъ. Мы не только не простодушны, но, напротивъ того, обдѣлываемъ свои дѣла, какъ дай Богъ всякому. (*Отлично! отлично!*) Мы и журналы издаемъ, и на судѣ защищаемъ, а быть можетъ участвуемъ и въ акціонерныхъ компаніяхъ. На нашей сторонѣ все образованное русское чиновничество—и кто же знаетъ?—быть можетъ, не далеко то время, когда мы будемъ снимать нѣжки

въ размѣрахъ не только обширныхъ, но и неожиданныхъ... И ужели, наконецъ, правительство настолько непроницательно, чтобы стѣснять насъ въ проявленіи такого совершенно неопаснаго для него качества, какъ простодушіе? Вотъ въ томъ-то и дѣло, милостивые государи, что мы далеко не такъ просты, какъ это можетъ показаться, судя по нѣкоторымъ изъ нашихъ передовыхъ статей!

„Но мы отвлеклись опять, и потому постараемся сдержать себя. Не станемъ бродить съ перомъ въ рукахъ по газетному листу, какъ отравленныя мухи, но выскажемъ кратко наши надежды и упованія. По нашему мнѣнію, отъ котораго мы никогда ни на одну іоту не отступимъ, самые лучшіе сроки платежа налоговъ—это первое февраля и первое апрѣля. Эти же сроки—наиболѣе подходящіе и для экзекуцій. И мы докажемъ это такимъ множествомъ фактовъ, которые заставятъ замолчать нашихъ словоохотливыхъ противниковъ.

„Факты эти мы надѣемся изложить въ цѣломъ рядѣ статей, которыя и будутъ постепенно появляться въ нашей газетѣ".

Нескладинъ кончилъ и необыкновенно чистыми, ясными глазами смотрѣлъ на всѣхъ. Пѣкоснимателн были въ восторгѣ и поздравляли счастливаго передовика, предвкушая заранѣе тотъ рядъ статей, который онъ обѣщалъ имъ. Но я, признаюсь, былъ нѣсколько смущенъ. Я испытывалъ то самое ощущеніе, которое испытываетъ человѣкъ, задумавшій высморкаться, но которому вдругъ помѣшали выполнить это предпріятіе. Я, такъ сказать, ужъ распустилъ уши: я ожидалъ, что вотъ-вотъ услышу ссылки на „Статистическій Временникъ" министерства внутреннихъ дѣлъ, на примѣры Англіи, Франціи, Италіи, Пруссіи, Соединенныхъ Штатовъ; я былъ убѣжденъ, что будетъ наконецъ неопровержимо доказано, что въ апрѣлѣ и февралѣ происходятъ самыя выгодныя для плательщиковъ сдѣлки, что никогда базары не бываютъ такъ людны, и что, наконецъ, только пахалы, не знающіе литературныхъ приличій, могутъ утверждать, и т. д.—и вдругъ пауза, сопровождаемая лишь угрозой цѣлаго ряда статей! Каково жить въ ожиданіи выполненія этой угрозы!

Казалось, и Менандръ отчасти раздѣлялъ мое чувство. По крайней мѣрѣ, физіономія его въ эту минуту не выражала особенной восторженности.

— Статья превосходна,—сказалъ онъ:—но жаль, что вы прервали вашу рѣчь на самомъ интересномъ мѣстѣ!

— А я, напротивъ того, сдѣлалъ это даже съ умысломъ!—отвѣчалъ Нескладинъ, улыбаясь язвительно.

— Именно, именно!—подхватили прочіе нѣкоснимателн.

— Статья, которая обѣщаетъ другую статью,—объяснилъ Нескладинъ:—изъ которой, въ свою очередь, должна выйти третья статья и такъ далѣе,—всегда производитъ особенное впечатлѣніе на тѣхъ, до кого она касается.

— Совершенно справедливо!

— Она держитъ противниковъ въ тревогѣ, а для публики составляетъ своего рода загадку. Вѣдь мнѣ ничего бы не стоило разомъ написать столбцовъ десять или двѣнадцать, но я именно хотѣлъ сначала нѣсколько заинтересовать публику, а потомъ ужъ и зарядить дней на двадцать!

— Да; очень можетъ быть, что вы и правы!—какъ-то уныло отозвался Менандръ.

— Вторая статья у меня ужъ почти готова, то-есть готовы рамки: „въ прошедшій разъ мы обѣщали нашимъ читателямъ“, „такимъ образомъ, изъ сравненія статистическихъ данныхъ оказывается“, „объ этомъ интересномъ предметѣ мы побесѣдуемъ съ читателемъ въ слѣдующій разъ“—все это ужъ сложилось въ моей головѣ. Затѣмъ остается только наполнить эти рамки—и дѣло съ концомъ.

Послѣ этого вечеръ, видимо, начиналъ приходить къ концу, такъ что нѣкоторые нѣкоснимателн уже дремали. Я, впрочемъ, понималъ эту дремоту и даже сознавалъ, что влачи я свое существованіе среди подобныхъ статей, кто знаетъ —быть можетъ, и я давно бы заснулъ непробуднымъ сномъ. Ни водки, ни закуски—ничего, все равно какъ въ пустынѣ. Огорченіе, которое ощутилъ я по этому случаю, должно быть, сильно отразилось на моемъ лицѣ, потому что Менандръ отвелъ меня въ сторону и шепнулъ:

— Пусть уйдутъ! Мы съ тобой выпьемъ и закусимъ.

И дѣйствительно, едва скрылся въ переднюю послѣдній гость, какъ Менандръ повелъ меня въ столовую, гдѣ была накрыта роскошная закуска, украшенная нѣсколькими бутылками вина.

— Помянемъ, братъ, доброе старое время!—воскликнулъ Менандръ, наливая рюмку водки:—хорошо тогда было!

— А теперь развѣ...

— Да какъ тебѣ сказать! Уважаю я этихъ господъ, очень ува-

жаю, а, коли правду сказать прескучно съ ними. Не ѣдятъ, не пьютъ, все передовыя статьи пишутъ!

— А мы съ тобой и до сихъ поръ помнимъ старую пословицу: „потѣхѣ время, а дѣлу часъ"!.. Такъ, что-ли, душа моя?

— Да, голубчикъ, этакъ-то лучше. Право, иногда зло меня беретъ! Брошу, думаю, всѣхъ этихъ анаѳемъ! Хоть въ лѣсъ, что-ли, отъ нихъ уйти!

— Ну, братъ, это такіе молодцы, что и въ лѣсу сыщутъ!

— Отыщутъ, дружище! отыщутъ! (Менандръ какъ-то безнадежно вздохнулъ.) Кстати: какъ тебѣ понравилась статья Нескладина?

— Да какъ бы тебѣ сказать? Странно какъ-то. Въ заголовкѣ, во-первыхъ, *Санктпетербургъ*, во-вторыхъ, *30-го мая*,— зачѣмъ это? Вѣдь, коли говорить правду, статья ничало не проиграла бы, еслибъ въ заголовкѣ поставить: *Островъ Голодай. 31-го мартобря.*

— Именно, братъ, *мартобря*. Жилы они изъ меня этимъ мартобремъ вытянули. Какъ ни возьмешь въ руки газету — такъ отъ нея мартобремъ и разитъ!

— А я вѣдь вчера подумалъ, что ты одинъ изъ искреннѣйшихъ нѣкоснимателей! А ты, братъ, какъ видно, тово...

— Ахъ, жизнь они мою отравили! Самого себя я проклялъ съ тѣхъ поръ, какъ они меня сѣтями своими опутали... Ты еще не знаешь, какой ужасный человѣкъ этотъ Неуважай-Корыто!

Эта исповѣдь поразила меня, но сомнѣваться въ искренности ея было невозможно.

Менандръ дѣйствительно страдалъ; на глазахъ у него были слезы, а когда онъ произнесъ фамилію Неуважай-Корыто, то даже затрясся весь.

— Ну, скажи на милость,—продолжалъ Менандръ съ возрастающею горечью:—развѣ Бѣлинскій, Грановскій... ну, Добролюбовъ, Писаревъ, что-ли... развѣ писали они что-нибудь подобное той канители, которая въ настоящее время носитъ названіе передовыхъ статей?

— Знаешь, оно не то чтобы что... а дѣйствительно глуповато какъ-то!

— Глуповато! нѣтъ, ты замѣтилъ ли, что̀ этотъ Нескладинъ нагородилъ? Это, братъ, ужъ не глуповато, а глуповатище! Выпьемъ, братъ, вотъ что̀!

Выпили.

— Ты не знаешь, какъ они меня истязаютъ! Что они меня про себя писать и печатать заставляютъ! Ну, вотъ хоть бы самая статья „о необходимости содержанія козла при конюшняхъ“ —ну, что въ ней публицистическаго? А вѣдь я долженъ былъ объявить, что авторъ ея, все тотъ-же Нескладинъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ публицистовъ нашего времени! Попался я, братъ,—вотъ что!

Выпили вновь.

— Ты не знаешь,—продолжалъ Менандръ:—есть у меня вещица. Я написалъ ее давно, когда былъ еще въ университетѣ. Она коротенькая. Я хотѣлъ тогда помѣстить ее въ „Московскомъ Наблюдателѣ“; но Бѣлинскій сказалъ, что это бредъ куриной души... Обидѣлъ онъ меня въ ту пору... Хочешь, я прочту ее тебѣ?

— Сдѣлай милость, голубчикъ!

Менандръ вскочилъ и устремился въ кабинетъ.

— Вотъ она,—сказалъ онъ, возвращаясь ко мнѣ съ листочкомъ почтовой бумаги:—и называется: „Исторія маленькаго погибшаго дитяти“. Одну минуту вниманія—и ты узнаешь исповѣдь моей души.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ всхлипывающимъ отъ волненія голосомъ прочиталъ:

Исторія маленькаго погибшаго дитяти.

Новелла.

„Жило на свѣтѣ маленькое дитя. И оно задолжало. Оно любило леденцы, грецкіе орѣхи и пастилу въ палочкахъ. И когда продавецъ сластей приступилъ къ нему съ требованіемъ уплаты, дитя, опасаясь тюрьмы, обратилось къ могущественнымъ людямъ, указывая на свое рубище и на свои способности. И что оно безъ пастилы жить не можетъ. Тогда могущественные люди сказали ему: хорошо! мы поможемъ тебѣ! Но ты должно поступить въ шайку нѣкоснимателей и отнимать жизнь у всякаго, кто явится противникомъ нѣкоснимательству! И оно поступило въ шайку нѣкоснимателей и поклялось отнимать жизнь; но таковой до сихъ поръ ни у кого отнять не могло. Такова исторія маленькаго погибшаго дитяти“.

Конецъ.

— Теперь ты меня понялъ, надѣюсь? Вотъ еще когда я провидѣлъ это гнусное пѣвкоснимательство! — воскликнулъ Менандръ, грузно приникая головой къ столу.

Я сжалъ его руку, и такъ какъ горе его было неподдѣльно, то постарался утѣшить его.

— Послушай, другъ мой!—сказалъ я:—обстоятельства привели тебя въ лагерь пѣвкоснимателей—это очень прискорбно, но дѣлать нечего, отъ судьбы, видно, не уйдешь. Но зачѣмъ ты непремѣнно хочешь быть разбойникомъ? Снималъ бы себѣ да снималъ пѣвки въ тиши уединенія—никто бы не подумалъ препятствовать тебѣ! Но ты хочешь во что бы то ни стало отнимать жизнь!! Воля твоя, а это несправедливо.

— Кто? я-то хочу отнимать жизнь? Господи! да кабы не клятва моя! Ты не повѣришь, какъ они меня мучаютъ! На дняхъ—тутъ у насъ обозрѣватель одинъ есть—принесъ онъ мнѣ свое обозрѣніе... Прочиталъ я его—ну, точно въ отхожемъ мѣстѣ часа два просидѣлъ! Грона у него за душой нѣтъ, а онъ такъ и лѣзетъ, такъ и скачетъ! Помилуйте, говорю, зачѣмъ? по какому случаю? Недѣли двѣ я его уговаривалъ; такъ нѣтъ же, онъ все свое: „нѣтъ, говоритъ, вы клятву дали!“ Такъ и заставилъ меня напечатать!

— Странно мнѣ во всемъ этомъ одно: если вы, какъ ты увѣряешь, выступаете прямо съ намѣреніемъ отнимать жизнь у всякаго, кто не занимается пѣвкоснимательствомъ, то отчего же и у васъ не отнимутъ жизни? вѣдь это, кажется, очень нетрудно!

— Нѣтъ, братъ, теперь это очень и очень даже трудно. Если бы прихлопнули насъ въ то время, когда мы только-что начинали разводить нашу капитель—ну, тогда, точно, это было бы нетрудно. Тогда и публикѣ оно было бы понятнѣе, да и у насъ кое-какая совѣсть еще была. А теперь, когда мы и сами вошли во вкусъ, да и публику отуманило наше пѣвкоснимательство—ничего ты съ нами не подѣлаешь! Какъ ты ни прижимай меня къ стѣнѣ—во-первыхъ, съ меня нечего взять... голь, братецъ, я какъ соколъ! а во-вторыхъ, я все-таки, до послѣдняго издыханія буду барахтаться и высовывать тебѣ языкъ! Я, братъ, отлично эту штуку понялъ, что покуда я барахтаюсь—какія бы я пошлости ни говорилъ, публика, все-таки, скажетъ: „эге! да этотъ человѣкъ барахтается, стало быть что-нибудь да есть у него за душой!“ Впрочемъ, что толковать объ этомъ! выпьемъ!

Менандръ нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, потеръ себѣ лобъ и сказалъ:

— Да: нѣтъ мнѣ отъ нихъ спасенія! Эй! Кто тутъ! отнести статью господина Нескладина въ типографію! Теперь газета наша обезпечена. Онъ, по крайней мѣрѣ, нумеровъ пятнадцать будетъ закатывать по семи столбцовъ!

Менандръ посмотрѣлъ на меня и разразился хохотомъ.

— А я еще тебя хотѣлъ завербовать въ нашу газету!—воскликнулъ онъ:—нѣтъ, ужъ лучше ты не ходи... не ходи ты ко мнѣ, ради Христа! Не раздражай меня! Бѣлинскій! Грановскій! Добролюбовъ!.. и вдругъ Неуважай-Корыто! Чортъ знаетъ что̀ такое!

Менандръ вытянулъ руку во всю величину и повторилъ:—Неуважай-Корыто!—Я въ свою очередь взглянулъ на него: онъ былъ пьянъ.

Между тѣмъ розоперстая аврора уже смотрѣла во всѣ окна и напоминала о благодѣяніяхъ сна.

— Прощай, братъ!.. Пожалуйста, прошу тебя, ты ко мнѣ не приходи! Покойной тебѣ ночи, а я пойду екатеринославскую корреспонденцію разбирать. Тамъ, братъ, нынче сурки всѣ поля изрыли—вонъ оно куда пошло!

Мы вошли въ переднюю, и—о, ужасъ!—застали тамъ самого Неуважай-Корыто, который спалъ на лавкѣ или притворялся спящимъ.

— Онъ насъ подслушивалъ!—шепнулъ мнѣ Менандръ.

Неуважай-Корыто между тѣмъ протиралъ глаза и бормоталъ:

— А я калоши искалъ, да, кажется, и заснулъ. Боже! четвертый часъ! А мнѣ еще нужно дописать статью: „О типѣ древней русской солоницы“! Менандръ Семенычъ! а когда же вы напечатаете мою статью: „Къ вопросу о томъ: макали ли русскіе цари въ соль пальцами, или доставали оную посредствомъ ножей“?

Но Менандръ смотрѣлъ на него осовѣлыми глазами и мычалъ что-то совсѣмъ несообразное...

— Закусывали?!—язвительно замѣтилъ Неуважай-Корыто, и сталъ отыскивать калоши.

Въ углу, дѣйствительно, стояли огромные зимніе боты, въ которые Неуважай-Корыто и обулъ свои ноги, къ величайшему изумленію „веселаго мая“, выглядывавшаго въ окна.

Мы очутились на улицѣ вдвоемъ съ Неуважай-Корыто. Воздухъ былъ влаженъ и еще болѣе неподвиженъ, нежели съ вечера. Нева казалась окончательно погруженною въ сонъ; городской шумъ стихъ, и лишь внезапный и быстро улетучивавшійся стукъ какого-нибудь запоздавшаго экипажа напоминалъ, что городъ не совсѣмъ вымеръ. Солнце едва показывалось изъ-за домовыхъ крышъ и разрисовывало причудливыми тѣнями лицо Неуважай-Корыто. Верхняя половина этого лица была ярко освѣщена, тогда какъ нижняя часть утопала въ тѣни.

Нѣсколько минутъ мы шли молча.

— Нѣтъ, вы рѣшительно не понимаете меня!—вдругъ воскликнулъ Неуважай-Корыто, круто останавливаясь. И видя, что лицо мое выражаетъ недоумѣніе, продолжалъ:—не зная пѣнкоснимательства, вы, конечно, не можете постичь тѣ наслажденія, которыя сопряжены съ этимъ занятіемъ!

— Да; я почти незнакомъ съ этимъ дѣломъ...

— Вотъ почему оно и кажется вамъ легкомысленнымъ. Вы не знаете восторговъ, которые охватываютъ все существо человѣка, когда онъ вдругъ совершенно неожиданно для самого себя открываетъ, что Чурилка—совсѣмъ не Чурилка.

Онъ снялъ съ себя картузъ: волоса на головѣ у него растрепались, глаза горѣли дикимъ блескомъ.

— Вы думаете, что тутъ дѣло идетъ только о Чурилкѣ!—продолжалъ онъ:—нѣтъ, тутъ захватываются авторитеты... эти презрѣнные, ненавистные кумиры, которымъ мы, къ стыду нашему, до сихъ поръ еще поклоняемся. Нѣтъ, я не просто пѣнкоснимательство... я радикалъ пѣнкоснимательства! Погодинъ! Карамзинъ! Бодянскій! Забѣлинъ! вы всѣ, которые съ помощью Чурилокъ нашли себѣ доступъ въ храмъ исторіи!—я проклинаю васъ! А меня даже мальчишки на улицахъ дразнятъ, что я занимаюсь Чурилками! И никто не хочетъ понять, что Чурилка—только предлогъ, который позволяетъ мнѣ удовлетворить моей страсти разрушенія! Погодинъ! проклинаю! проклинаю! проклинаю!

Послѣднее заклинаніе онъ выкрикнулъ такъ громко, что дремавшій вблизи городовой проснулся и сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Знаете ли вы,—продолжалъ онъ:—что я боготворю Оффенбаха! Оффенбахъ!—да вѣдь это самое отрицаніе! А между тѣмъ я вынужденъ защищать Даргомыжскаго и Кюи—не горько ли это?

— Позвольте! но ежели вы нашли въ себѣ достаточно силы, чтобы отставить Чурилку, то почему бы вамъ не поступить точно такимъ же образомъ и относительно Кюи?

— Не могу! тутъ есть одно недоразумѣніе!

Неуважай-Корыто повертѣлся нѣсколько секундъ на мѣстѣ, какъ бы желая нѣчто объяснить, потомъ носпѣшно надѣлъ картузъ на голову, махнулъ рукой и сталъ быстро удаляться отъ меня. Черезъ минуту, однакожъ, онъ остановился.

— Но эта минута настанетъ!—крикнулъ онъ мнѣ:—я уничтожу ихъ! Я утоплю въ ложкѣ воды и Даргомыжскаго, и Цезаря Кюи! Я сниму съ нихъ маску!! Сниму!!

Глава VII.

Некомпетентность „нѣкоснимателей“ въ вопросахъ жизни не подлежала сомнѣнію. Ясно, что это люди унылые, безнадежно ограниченные и притомъ злые и упорные. Они способны безконечно ходить вокругъ живого дѣла, ни разу не взглянувъ ему въ лицо. Въ литературѣ, сколько-нибудь одаренной жизнью и сознающей свое воспитательное значеніе, существованіе подобныхъ дѣятелей было бы немыслимо; въ литературѣ, находящейся въ состояніи умертвія, они имѣютъ возможность не только играть роль, но даже имитировать, и дѣтскія пеленки, дѣтскій разрозненный лепетъ „ба-ля-ма-а“ выдавать за отвѣты на запросы жизни.

Среди этой груды мертвыхъ тѣлъ Неуважай-Корыто—единственная личность, къ которой можно чувствовать симпатію. По крайней мѣрѣ это человѣкъ убѣжденный и чего-нибудь достигающій. Онъ, не переставая долбить въ одну точку, рано или поздно непремѣнно что-нибудь выдолбитъ. Его спеціальность—царство мертвыхъ. Въ этомъ царствѣ, сражаясь съ Чурилками и изслѣдуя вопросъ о томъ, макали ли русскіе цари въ соль пальцами, онъ можетъ совершить тьму подвиговъ, не особенно славныхъ и полезныхъ, но въ примѣненіи къ царству тѣней весьма приличныхъ. Но зачѣмъ понадобилось его участіе въ дѣлѣ, имѣющемъ претензію на жизнь? Или Меандру во что бы то ни стало необходимо было, чтобъ въ этомъ сонмищѣ мертвыхъ тѣлъ, притворяющихся живыми, было хоть одно подлинно мертвое тѣло?

Я увѣренъ, что Неуважай-Корыто глубоко презираетъ и Менандра, и Нескладина, и всѣхъ остальныхъ притворщиковъ. Притворство не въ его характерѣ. Зачѣмъ притворяться живыми, когда мы мертвы, и когда нѣтъ положенія болѣе почтеннаго, какъ положеніе мертваго человѣка?—такъ убѣждаетъ онъ своихъ сонѣпокоснимателей. И ежели онъ, за всѣмъ тѣмъ, якшается съ ними, то потому только, что какъ ни изловчаются они казаться живыми, все-таки не могутъ не быть мертвыми.

Разочаровавшись въ Менандрѣ, я рѣшился не обращаться болѣе къ литературѣ. Къ чему?—литература умерла или убита; она отказалась отъ поисковъ въ области мысли и всецѣло обратилась къ нѣпокоснимательству. Нѣпокоснимательство—не какое-нибудь частное явленіе: это болѣзнь данной минуты. Это общее пониженіе мыслительнаго уровня до той неслыханной степени, которая сама себѣ отыскала названіе нѣпокоснимательства. Очевидно, что литературная мысль утратила ясность и сдѣлалась неспособною не только давать практическія рѣшенія по вопросамъ жизни, но даже опредѣлять характеръ и значеніе послѣднихъ. Литература уныло бредетъ по заглохшей колеѣ и безсвязно лепечетъ о томъ, что̀ первое попадется подъ руку. Творчество замѣнено словосочиненіемъ; потребность страстной руководящей мысли—хладнымъ пережовываніемъ азбучныхъ истинъ. Какимъ горькимъ процессомъ дошла литература до современнаго несноснаго нѣпокоснимательнаго бормотанія? Было ли тутъ насильство, или же измельчаніе произошло вслѣдствіе непростительнаго самопроизвольнаго перяшества?

Что внѣшній гнетъ игралъ здѣсь немалую роль—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но, признаюсь, въ моихъ глазахъ едва-ли не важнѣе вопросъ: сопровождалось ли это вынужденное измельчаніе какой-нибудь попыткой ускользнуть отъ него? Была ли попытка оградить литературную самостоятельность отъ случайностей, или, по малой мѣрѣ, обезпечить писателя на случай вынужденнаго бездѣйствія? Вотъ на эти-то вопросы я и не берусь отвѣчать. Я могу только догадываться, что ежели литература, даже по вопросамъ самосохраненія, неспособна придти къ единомыслію, а способна только предаваться взаимнымъ заушеніямъ по поводу выѣденнаго яйца, то ея вынужденное измельчаніе равняется измельчанію самопроизвольному.

Мы со всѣхъ сторонъ слышимъ жалобы на ненадежность литературной профессіи, и между тѣмъ ни одинъ изъ ожирѣвшихъ капуновъ, занимающихся антрепренерствомъ нѣкоснимательства, пальца о палецъ не ударитъ, чтобъ придти на помощь или, по малой мѣрѣ, возбудить вопросъ объ устраненіи этой ненадежности. Литературное дѣло идетъ заведеннымъ издревле порядкомъ къ наибыстрѣйшему наполненію антрепренерскихъ кармановъ, а писатель-труженикъ, писатель, полагающій свою жизнь въ литературное дѣло, рискуетъ, оставаясь при убѣжденіи, что печать свободна, въ одно прекрасное утро очутиться на мостовой...

Но какъ бы тамъ ни было, а въ результатѣ оказывается какое-то безнадежное утомленіе. Писателю не хочется писать, читателю—противно читать. Взялъ бы бросилъ все и ушелъ—только куда бы ушелъ? Необходимость что-нибудь высказать является результатомъ не внутренней подстрекающей потребности духа, а извѣстнымъ образомъ сложившихся внѣшнихъ обстоятельствъ. Нужно къ извѣстному сроку дать извѣстное количество печатнаго матеріала—въ этомъ одномъ вся задача. Это—бремя, не имѣющее въ себѣ ничего привлекательнаго, а въ большинствѣ случаевъ даже небезопасное. Понятно, что выходитъ безсвязный дѣтскій лепетъ, съ тою разницею, что послѣдній естественъ и свободенъ, тогда какъ такъ-называемыя капитальныя произведенія литературы имѣютъ характеръ жалкой вымученности. Понятно также, что и читатель пропускаетъ мимо всѣ эти такъ-называемыя капитальныя произведенія русской журналистики и обрушивается на мелкія извѣстія и стенографическіе отчеты. Тутъ, по крайней мѣрѣ, онъ имѣетъ дѣло съ фактомъ, не отравленнымъ нѣкоснимательными разсужденіями о томъ, что все на свѣтѣ семъ превратно, все въ семъ свѣтѣ коловратно.

Но для нѣкоснимателей это время все-таки самое льготное.

Повторяю: въ литературѣ, сколько-нибудь одаренной жизнью, они не могли бы существовать совсѣмъ, тогда какъ теперь они имѣютъ возможность дать полный ходъ невинному бормотанію, которымъ преисполнены сердца ихъ. Навѣрное, никто ихъ не прочитаетъ, а слѣдовательно никто и не обезпокоитъ вопросомъ: что сей сонъ значитъ? Стало быть, *для нихъ* выгода очевидная.

Прежде всего положеніе нѣкоснимателей относительно такъ-называемыхъ „карательныхъ мѣръ“ самое благонадежное, и ежели

они за всѣмъ тѣмъ жалуются, что имъ дано мало свободы, то это происходитъ отчасти вслѣдствіе дурной привычки клянчить, а отчасти вслѣдствіе того, что они все-таки забываютъ, что при большей свободѣ *они совсѣмъ не могли бы существовать*. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое „нѣкоснимателн“? — Это недоконченный, лишенный самостоятельной жизни организмъ, который можетъ водиться только въ запертомъ наглухо и никогда непровѣтриваемомъ помѣщеніи. Откройте окна и двери, пустите струю свѣжаго воздуха —и паразиты мгновенно исчезнутъ. Ужели же нѣкоснимателн навѣки осуждены не понимать, что ежели современное ихъ существованіе не вполнѣ совершенно, то все-таки оно лучше, нежели то *не*существованіе, на которое они были бы обречены при болѣе благопріятныхъ для печатнаго слова условіяхъ!

Что̀ бы ни говорили нѣкоснимателн, никто не повѣритъ, чтобы относительно свободы тянуть канитель когда-нибудь и гдѣ бы то ни было возможны были препятствія. Если же таковыя, къ удивленію, и встрѣчаются, то это не больше какъ плодъ минутнаго недоразумѣнія, разсѣять которое не составляетъ никакого труда. И нѣкоснимателн, и ихъ случайные карателн стоятъ такъ близко другъ къ другу, что серьезной вражды между ними невозможно предположить. Иногда они не понимаютъ другъ друга —это, конечно, дѣло возможное; но причина этого явленія заключается не въ чемъ-либо существенномъ, а просто въ томъ озорствѣ, которому по временамъ и притомъ всегда безъ надобности предаются нѣкоснимателн. Имъ хочется казаться самостоятельными, не бывъ ими,— и вотъ они начинаютъ критиковать, придираться и дразнить. Такъ напримѣръ, если дѣйствительность въ извѣстныхъ случаяхъ гласитъ: за такое-то дѣяніе—семь лѣтъ каторги, то нѣкоснимателъ непремѣнно сочтетъ за долгъ доказать, что было бы и справедливѣе, и цѣлесообразнѣе уменьшить этотъ срокъ до шести лѣтъ одиннадцати мѣсяцевъ двадцати-девяти дней двадцати-трехъ часовъ пятидесяти-пяти минутъ. Но мало того, что онъ будетъ утверждать это, онъ станетъ упрекать дѣйствительность въ безчеловѣчіи, начнетъ дразниться своимъ открытіемъ, будетъ безъ конца приставать съ нимъ и оттачивать объ него свое гражданское мужество. И дѣйствительно, въ концѣ концовъ, по недоразумѣнію, такъ раздразнитъ, что сейчасъ ему—въ лобъ камнемъ. Ясно, однакожъ, что этотъ камень повредитъ ему лобъ совсѣмъ не

за собаку пяти минутъ каторги, а за то: не дразнись! не провѣдайся! не приставай!

Слѣдовательно нужно только перестать дразнить—и дѣло будетъ въ шляпѣ. Не нѣкоснимательство пугаетъ, а претитъ лишь случайный вкусъ того или другого вида его. Одинъ видъ на вкусъ сладковатъ, другой кисловатъ, третій горьковатъ: но и тотъ, и другой, и третій—все-таки представляютъ собой видоизмѣненія одного и того же нѣкоснимательства—и ничего больше.

Вторая выгода, которою пользуются нѣкосниматели, заключается въ томъ, что ихъ ни подъ какимъ видомъ ни услѣдить, ни уличить невозможно. Нѣтъ у нихъ ничего, а потому и ухватить ихъ не за что.

Одна изъ характеристическихъ чертъ нѣкоснимательства—это враждебное отношеніе къ такъ-называемымъ утопіямъ. Не то чтобы нѣкосниматели прямо враждовали, а такъ, гадятъ. Всякій нѣкоснимать есть человѣкъ не только ограниченный, но и совершенно лишенный воображенія; человѣкъ, который самой природой осужденъ на хладное пережевываніе первоначальныхъ, такъ сказать обнаженныхъ истинъ. Надѣлите самаго ограниченнаго человѣка нѣкоторымъ количествомъ фантазіи—онъ непремѣнно устроитъ себѣ уголокъ, въ которомъ будетъ лелѣять какую-нибудь завѣтную мечту. Мечты эти будутъ, конечно, неважныя: онъ будетъ мечтать или о возможности выиграть двѣсти тысячъ, или о томъ, что хорошо было бы завоевать Византію, или о томъ, наконецъ, въ Москвѣ или въ Кіевѣ надлежитъ быть сердцу Россіи. Но во всякомъ случаѣ у него будетъ нѣчто свое, завѣтное, къ чему можно отнестись критически, чѣмъ можно разбередить его умственныя силы. Нѣкоснимать не только свободенъ отъ всѣхъ мечтаній, но даже гордъ этой свободой. Онъ не понимаетъ, что утопія точно также служитъ цивилизаціи, какъ и самое конкретное научное открытіе. Онъ уткнулся въ заборъ, и ни о чемъ другомъ, кромѣ забора, не хочетъ знать. Не хочетъ знать даже, существуютъ ли на свѣтѣ иные заборы, и въ какомъ отношеніи находятся они къ забору, имъ созерцаемому. И всѣхъ, кто напоминаетъ ему объ этихъ *иныхъ* заборахъ, онъ называетъ утопистами, оговариваясь при этомъ, что только литературныя приличія не дозволяютъ ему примѣнить здѣсь названіе жуликовъ. „Ковыряй тутъ, а не въ иномъ мѣстѣ, ибо только тутъ обрѣтешь искомый навозъ!“—вѣщаетъ онъ глубокомы-

сленно и забрызжетъ съ ногъ до головы всякаго, кто позволитъ себѣ не послѣдовать его вѣщаніямъ.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія фантазіи, нѣкоснимать неуязвимъ. Нѣтъ у него ея, а слѣдовательно и доказывать ему необходимость этого элемента въ литературѣ и жизни—значитъ только возбуждать въ немъ смѣхъ, въ которомъ простодушіе до такой степени перемѣшано съ нахальствомъ, что трудно отличить, на которой сторонѣ перевѣсъ.

Богъ съ ними, однакожъ, съ утопіями, если ужъ этому выраженію суждено наводить страхъ на всѣхъ, кому нужны страшныя слова, чтобы замаскировать ими духовную нищету. Но вѣдь и помимо утопій есть почва, на которой можно критически отнестись къ дѣйствительности, а именно та почва, на которой стоитъ сама дѣйствительность. Ограничьте конкретность факта до самой послѣдней степени, доведите ее до самой нищенской наготы—вы все-таки не отвергнете, что даже оскопленный нѣкоснимательными усиліями фактъ имѣетъ и свою исторію, и свою современную обстановку, и свои ближайшія послѣдствія, не касаясь уже отдаленнаго будущаго. Разъяснить эту обстановку факта, опредѣлить путь, которому онъ долженъ слѣдовать, не извращая своего внутренняго смысла—все это уже совсѣмъ не утопія, а именно та самая почва факта, на которой онъ стоитъ въ дѣйствительности. Но нѣкоснимать, постоянно твердя о конкретности фактовъ, даже и здѣсь выказываетъ лишь безсиліе. Твердя о конкретности, онъ разумѣетъ совсѣмъ не конкретность, а разрозненность, а потому все, что имѣетъ видъ обобщенія, что напоминаетъ объ отношеніи и связи—все это уже не подходитъ подъ *его* понятіе о конкретности, и сваливается въ одну кучу, которой дается названіе „утопія“. Наше время—не время широкихъ задачъ! гласитъ онъ безъ всякаго стыда: не расплывайся! не заѣзжай! не раздражай! Взирай прилежно на то, что у тебя лежитъ подъ носомъ, и далѣе не дерзай!

Какъ ни противна эта мутная пѣна словъ, но она представляетъ своего рода твердыню, за которою, съ полною безопасностью, укрывается безчисленное нѣкоснимательное воинство. Благодаря этой твердынѣ, нѣкоснимать выскальзываетъ изъ рукъ своего изслѣдователя, какъ вьюнъ, и услѣдить за случайными эволюціями его бродячей мысли все равно, что услѣдить неуслѣдимое. Конечно, коли

хотите, и тутъ должна же существовать извѣстная логическая послѣдовательность, какъ была таковая и у тѣхъ харьковскихъ юношей, которые отъ хорошаго житья задумали убить ямщика; но для того, чтобы открыть эту послѣдовательность и вынести для нея оправдательный вердиктъ, необходимо быть или всеоправдывающимъ присяжнымъ будущаго, или, по малой мѣрѣ, присяжнымъ харьковскаго окружного суда.

Возьмитесь за любое литературное изданіе нѣкоснимательнаго пошиба, и вы убѣдитесь, какъ трудно отнестись критически къ тому, что̀ никогда не знало никакого идеала, никогда не сознавало своихъ намѣреній! Это болото, въ которомъ тамъ и сямъ мелькаютъ блудящіе огоньки. Вотъ какъ будто брезжитъ нѣчто похожее на мысль: вотъ кажется, что нѣкоснимать карабкается, хочетъ встать на какую-то точку. А ну-ко еще! еще, милый, еще! восклицаете вы, мысленно натуживаясь вслѣдъ за нѣкоснимателемъ. И вдругъ, хвать-похвать,—туманъ, то-есть безконечное и лишенное всякаго содержанія бормотаніе! И замѣтьте, что нѣкоснимать никогда не обезкуражится своимъ безсиліемъ, никогда не замолчитъ. Нѣтъ, онъ будетъ судить и рядить безъ конца; не можетъ прямо идти—заѣдетъ въ сторону; тутъ-ползолотника скинетъ, тамъ ползолотника накинетъ, и при этомъ будетъ взирать съ такою ясностью, что вы ни на минуту не усомнитесь, что онъ еще четверть золотника накинуть можетъ, если захочетъ. Или вдругъ на кого-нибудь накипится, и начнетъ полемизировать, полемизировать точь-въ-точь, какъ полемизируютъ между собой обыватели рязанско-тамбовско-саратовскаго клуба.

— Почему же вы такъ полагаете, Сидоръ Кондратьевичъ?

— Да ужъ такъ!

— Однако, Сидоръ Кондратьевичъ, нельзя же утверждать или отрицать, приводя въ доказательство: „да ужъ такъ“!

— Да ужъ помяните вы мое слово!

И онъ не выйдетъ изъ своего „да ужъ такъ!“ до послѣдняго издыханія, и дотолѣ не сочтетъ себя побѣжденнымъ, доколѣ будетъ сознавать себя способнымъ разѣвать ротъ и произносить: „помяните мое слово!“

Поэтому и съ точки зрѣнія конкретнаго факта нѣкоснимать точно такъ же обнаженъ, какъ и на почвѣ утопій. Отъ утопій онъ отворачивается, къ конкретному же факту хотя и имѣетъ привержен-

ность, но приверженность слѣпую, чуждую сознательности. Въ обоихъ случаяхъ онъ неуязвимъ, какъ и любой изъ уличныхъ обывателей. Фактъ, представленный не одиноко, а въ извѣстной обстановкѣ, для него такая же смѣшная абстракція, какъ Фаланстеръ или Икарія. Требуйте отъ него отчета, доказывайте, прижимайте къ стѣнѣ — онъ все будетъ барахтаться и произносить свое: „да ужъ такъ!“ И надъ вами же, въ заключеніе, вдосталь нахохочется. „Нѣтъ, скажетъ, ты меня не поймаешь! Ловокъ ты, а я вотъ тебѣ каждый день языкъ показывать буду — и хоть ты что хочешь, а ничего со мной не подѣлаешь!“

Но есть и еще почва, на которой нѣкоснимать неуязвимъ — это почва либерализма. Либерализмъ — это своего рода дойная корова, за которою, при нѣкоторой сноровкѣ и при недостаткѣ бдительности надзора, можно жить припѣваючи, какъ живали нѣкогда цѣлыя поколѣнія людей съ хозяйственными наклонностями, прокармливаясь около Исаіевскаго собора. Нѣкоснимать выражается не особенно ясно, но всегда съ такимъ разсчетомъ, чтобы загадочность его была истолкована въ либеральномъ смыслѣ. Онъ умѣетъ кстати подпустить: „мы говоримъ съ прискорбіемъ“, или: „ничто такъ не огорчаетъ насъ, какъ нападки на наши молодыя, неокрѣпшія учрежденія“, и, разумѣется, никогда не промолвится, что крѣпостной трудъ лучше труда свободнаго, или что гласное судопроизводство хуже судопроизводства при закрытыхъ дверяхъ. Нѣтъ, никогда; ибо склады либерализма извѣстны ему въ точности. Конечно, онъ все-таки ничего не смыслитъ ни въ дѣйствительной свободѣ, ни въ дѣйствительной гласности; но такъ какъ онъ произноситъ свои афоризмы совершенно такъ, какъ бы находился въ здравомъ умѣ и твердой памяти, то со стороны можетъ казаться, что онъ, пожалуй, что-нибудь и смыслитъ. И такимъ образомъ въ результатѣ оказывается безконечный обманъ, имѣющій подкладкой одно самоувѣренное нахальство. Вамъ говорятъ о благодѣяніяхъ свободнаго труда, но въ то же время пріурочиваютъ его дѣйствіе къ такой безконечно-малой сферѣ, что въ сущности выходитъ лишь замаскированный крѣпостной трудъ. Вамъ повѣствуютъ о выгодахъ гласнаго суда, а на повѣрку выходитъ, что рѣчь сводится къ рекламамъ въ пользу такого-то адвоката или судьи. И вся эта обнаженная канитель тянется съ такой солидностью, что дѣлается жутко за человѣческую мысль. „Дважды два четыре“, проповѣдуетъ

нѣкоснимателъ, и совершенно искренно вѣритъ, что дальше этой истины ничего ужъ нѣтъ, и что доискиваться какихъ-либо дальнѣйшихъ комбинацій есть дѣло прихоти и продерзостнаго мальчишества.

Всѣ эти три неуязвимости достойно прикрываются четвертою: солидностью. Способность говорить солидно и увѣренно самыя непзреченныя пошлости есть именно та драгоцѣнная способность, которою въ совершенствѣ обладаетъ всякій нѣкоснимателъ. Это василискъ празднословія, при встрѣчѣ съ которымъ надобно выбирать одно изъ двухъ: или плюнуть и бѣжать отъ него прочь, или обречь себя на выслушиваніе его. Никогда ни по какому вопросу онъ не придетъ къ ясному выводу, но въ то же время никогда ни по какому вопросу не спасуетъ. Онъ будетъ плавно и мѣрно выпускать фразу за фразой, и ожиданіемъ вывода или заведетъ въ ловушку, или доведетъ до изступленія. Поэтому полезнѣе всего—это избѣгать всякихъ встрѣчъ съ нѣкоснимателями, ибо только этимъ способомъ можно оградить себя отъ дьявольскаго наважденія. Но существуютъ люди слабые (увы! вселенная кишитъ ими!), которые не могутъ устоять передъ взорами этихъ василисковъ, и потому ввергаются въ бездну празднословія. Вотъ въ этихъ-то слабохарактерныхъ личностяхъ нѣкоснимателп и черпаютъ ту силу, которая такъ изумляетъ изслѣдователей современности. И будутъ черпать ее до тѣхъ поръ, пока литература не почувствуетъ себя свободною отъ кошмара, который давитъ ее, или пока совсѣмъ не потонетъ въ океанѣ безсмысленнаго бормотанія...

Я долго блуждалъ по Выборгской, заглянулъ въ Лѣсной, но вспомнилъ, что здѣсь главный очагъ нашихъ революцій, и отправился на Охту, гдѣ отяжелѣлыми отъ сна глазами оглядѣлъ зданія пороховыхъ заводовъ.

Проведенный вечеръ не выходилъ изъ головы моей. Впрочемъ изъ всѣхъ индивидуумовъ, которые играли въ немъ роль, я оплакивалъ лишь двоихъ: русскую литературу и Менандра. Всѣ прочіе были такъ счастливы и довольны собой, казались до того на своемъ мѣстѣ, что и жалѣть объ нихъ не было ни малѣйшаго повода. Они кружились и играли, какъ мошки на солнцѣ, и, кружась и играя, конечно, довлѣли сами себѣ, какъ выражалась критика сороковыхъ годовъ. Нѣкоснимательство было ихъ назначеніемъ, ихъ про-

виденціальною ролью. Они родились именно тогда, когда началось нѣкоснимательство, и умрутъ тогда, когда нѣкоснимательство кончится. Но литература, по Менандръ... Воля ваша, а я и до сихъ поръ не могу примириться съ мыслью, что они самопроизвольно заразились этою язвою. Мнѣ все кажется, что это индивидуумы подневольные, сносящіе иго нѣкоснимательства лишь потому, что чувствуютъ себя въ каменномъ мѣшкѣ.

Сравните литературу сороковыхъ годовъ, не дѣлавшую шага безъ общихъ принциповъ, съ литературой нынѣшнею, занимающеюся вытаскиваніемъ бпрюлекъ; сравните Менандра прежняго, оглашавшаго стѣны „Британіи“ восторженными кликами о служеніи высшимъ интересамъ искусства и правды, и Менандра нынѣшняго, съ тою же восторженностью возвѣщающаго міру о видѣнномъ въ Екатеринославлѣ сѣверномъ сіяніи... Какая непроглядная пропасть лежитъ между этими сопоставленіями!

Я не говорю, чтобъ полезно и желательно было всецѣло воскресить сороковые года съ ихъ исключительнымъ служеніемъ всякаго рода абстрактностямъ, но не тѣ или другія абстрактности дороги мнѣ, а темпераментъ и направленіе литературы того времени. Никто не посмѣлъ бы крикнуть тогда: наше время не время широкихъ задачъ! Напротивъ того, всякій рвался захватить какъ можно шире и глубже. Говорятъ, что расплывчивость сороковыхъ годовъ породила множество монстровъ, которые и даютъ себя знать теперь въ качествѣ неумолимыхъ гонителей всякаго живого развитія. Я и не отрицаю, что такіе монстры дѣйствительно существуютъ. но отрицаю, чтобъ ихъ можно было считать представителями сороковыхъ годовъ. Это схоластики, увлекшіеся буквою и никогда не понимавшіе ея смысла. Они только поддакивали, когда глубоко убѣжденные люди утверждали, что дѣло литературы заключается въ разработкѣ общихъ руководящихъ идей, а не подробностей. Но, увы! убѣжденные люди безвременно сошли въ могилу, а схоластики остались, да еще остались старые болтуны, которые, какъ давно заброшенные часы, показываютъ все тотъ же часъ, на которомъ засталъ ихъ конецъ пятидесятыхъ годовъ.

Правда, что тогда же былъ и Булгаринъ, но вѣдь и Булгарины бываютъ разные. Бываютъ Булгарины злобствующіе и инсинуирующіе. но бываютъ и добродушные, въ простотѣ сердца переливающіе

изъ пустого въ порожнее на тему, что все на свѣтѣ коловратно, и что даже привозъ свѣжихъ устрицъ къ Елисееву и Смурову ничего не можетъ измѣнить въ этой истинѣ. Кто же можетъ утверждать навѣрное, что современная русская литература не кишитъ какъ злобствующими, такъ и простосердечными Булгариными?

Среди этихъ горькихъ размышленій, я очутился на Невскомъ уже тогда, когда часы на Публичной Библіотекѣ показывали одиннадцать. Къ довершенію всего, у Петропавловской лютеранской церкви я неожиданно наткнулся на Прокопа, о которомъ думалъ, что онъ уже нѣсколько дней тому назадъ отправился во-свояси хлопотать о мѣстѣ по части новыхъ налоговъ.

— Ба! какими судьбами? а я думалъ, что ты ужъ уѣхалъ домой!—воскликнули мы оба въ одинъ голосъ.

А между тѣмъ изъ церкви выѣзжалъ довольно людный печальный кортежъ. Невскій въ этомъ мѣстѣ былъ запруженъ войсками, которыя, при появленіи траурныхъ дрогъ, выстроились и подъ звуки похоронаго марша двинулись по направленію къ Смоленскому кладбищу.

— Что же ты здѣсь дѣлаешь? вѣдь я думалъ, что ты ужъ давно дома и объ мѣстѣ хлопочешь!—обратился я къ Прокопу.

— Нельзя, братецъ, дѣловъ много. Видишь, вотъ генерала хоронію.

— Какого еще генерала?

— Фонъ-Керль прозывался, изъ нѣмцевъ. Признаться сказать, я только съ недѣлю тому назадъ съ нимъ въ департаментской пріемной познакомился, а четвертаго дня, слышу, онъ холостымъ выстрѣломъ застрѣлился.

— Ты врешь, душа моя!

— Истиннымъ Богомъ. Пистонъ разорвало, а онъ съ испугу подумалъ, что его убило, да и умеръ.

— А вотъ еще сомнѣваются въ существованіи души! Ну, могъ ли бы случиться такой фактъ, еслибъ души не было? Но что за причина, что онъ покусился на самоубійство?

— Да года три сряду все по кавалеріи числился; ну, натурально, мѣстовъ искалъ, докладныя записки во всѣ министерства подавалъ. Въ губернаторы ужъ очень хотѣлось попасть! „Мнѣ бы, говоритъ, ваше превосходительство, какую-нибудь немудрящую губернію, въ Петрозаводскъ или въ Уфу“... Право!

— Скажите на милость! и не дали!

— Не дали. А онъ между тѣмъ, въ ожиданіи, все до нитки спустилъ. Еще наканунѣ происшествія я водилъ его на свой счетъ въ греческую кухмистерскую обѣдать—смотрѣть жалость! „Обносился весь!“ говоритъ. А теперь, гляди, съ какой помпой хоронятъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, какая несправедливость! Отчего бы не дать! Вѣдь нынче, говорятъ, отъ губернаторовъ все отошло!

— Вотъ и онъ тоже говорилъ. „Нынче, говоритъ, все отъ губернаторовъ отошло. Нужно только тактъ имѣть да хорошаго вице-губернатора“. А на другой день, слышу, застрѣлился!

— И хорошій, ты говоришь, генералъ былъ?

— Одно слово, черезъ Валдайскія горы однажды перешелъ!

— Не черезъ Балканскія ли, душа моя?

— Вѣрно говорю: черезъ Валдайскія. Черезъ Балканскія—это прежде бывало, а нынче и черезъ Валдайскія—спасибо скажи!

Кортежъ, между тѣмъ, удалялся, и звуки похороннаго марша ужъ довольно смутно доносились до насъ.

— Ну, братъ, я бѣгу!—спохватился Прокопъ:—да ты что, свободенъ, что-ли?

— Спать хочется, а то какія же у меня дѣла!

— Ну его, сонъ! успѣемъ выспаться, какъ въ деревню вернемся. Айда со мной на Смоленское! Тамъ, братъ, въ кухмистерской на казенный счетъ поминки устроены, такъ кстати закуспмъ и выпьемъ.

Я съ минуту колебался; но времени впереди было такъ много, времени ничѣмъ не занятаго, вполнѣ пустопорожняго...Оказывалось рѣшительно все равно, чѣмъ ни наполнить его, отданіемъ ли послѣдняго долга застрѣлившемуся холостымъ выстрѣломъ генералу, или безцѣльнымъ шаганіемъ по петербургскимъ тротуарамъ, захаживаніемъ въ кондитерскія, чтеніемъ нѣкоснимательныхъ передовыхъ статей, разсматриваніемъ проектовъ объ упраздненіи и посѣщеніемъ различнаго рода публицистическихъ раутовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не рискнуть ли на Смоленское?

— Мы вотъ какъ сдѣлаемъ,—продолжалъ между тѣмъ искушать Прокопъ:—сперва генералу честь отдадимъ и въ кухмистерской закуспмъ, потомъ отправимся обѣдать къ Дороту, а тамъ ужъ и на Минералы рукой подать! Какихъ, братъ, тамъ штучекъ съ но-

слѣдними кораблями привезли! Напередъ говорю: пальчики оближешь!

Но согласіе и безъ того уже видѣлось въ глазахъ моихъ...

Похороны были, такъ сказать, выморочные. Повидимому, и самъ покойный генералъ былъ выморочный, ни въ какомъ вѣдомствѣ ненужный генералъ. Переходъ черезъ Валдайскія горы, въ свое время составившій славу Фонъ-Керля, былъ давно забытъ; только немногіе изъ сослуживцевъ, да и то большею частью изъ состоящихъ по кавалеріи, почтили память усопшаго. Ни родственниковъ, ни хозяевъ печальнаго торжества не было: распоряжался казначей того вѣдомства, на счетъ котораго хоронили Фонъ-Керля, но и его дѣйствія заключались единственно въ уплатѣ издержекъ по церемоніи. Впрочемъ на закускѣ, въ ближайшей къ кладбищу кухмистерской, было довольно оживлено. Собрались большею частью люди ни мнѣ, ни Прокопу неизвѣстные, но насъ такъ усердно потчивали, какъ будто мы были ближайшіе родные покойнаго. Прокопъ, по обыкновенію, лгалъ, то-есть утверждалъ, что самъ присутствовалъ при томъ, какъ Фонъ-Керль застрѣлился, и собственными ушами слышалъ, какъ послѣдній, въ предсмертной агоніи, сказалъ: „Отнесите господину министру внутреннихъ дѣлъ послѣдній мой вздохъ, и доложите его превосходительству, что хотя я и не удостоился, но и умирая остаюсь при убѣжденіи, что для Петрозаводска... лучше не надо!“

Нѣкоторые изъ сослуживцевъ-генераловъ облизнулись при этомъ, а одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Вы обязаны исполнить волю покойнаго! Быть можетъ, его высокопревосходительство тронется этимъ и хотя въ отношеніи къ другимъ будетъ не столь взыскателенъ!

— Непремѣнно-съ, непремѣнно-съ!—увѣрялъ Прокопъ:—помилуйте! какого еще къ чорту губернатора надо!

По сцѣпленію идей, зашелъ разговоръ о губернаторствѣ, о томъ, что нынѣче отъ губернаторовъ все отошло, и что слѣдовательно имъ нужно только имѣть тактъ. Прокопъ сталъ-было утверждать, что и совсѣмъ ихъ не нужно, но потомъ самъ убѣдился, что, во-первыхъ, некому будетъ взыскивать недоимки, а во-вторыхъ, что безъ хозяина во всякомъ случаѣ какъ-то неловко. Отъ губернаторства разговоръ

опять возвратился къ покойному и къ славнѣйшему подвигу его жизни: къ переходу черезъ Валдайскія горы.

— Скажите пожалуйста: вы были свидѣтелемъ этого перехода? — обратился къ Прокопу одинъ изъ генераловъ.

— Еще бы! Я тогда юнкеромъ въ Бѣлобородовскомъ полку состоялъ; но такъ какъ покойный всегда особенно меня жаловалъ, то я у него почти за адъютанта служилъ. Только вотъ стоимъ мы, какъ сейчасъ помню, въ Яжелбицахъ...

— Такъ, такъ! Это было при Яжелбицахъ!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ генералы, словно чѣмъ-то обрадованные.

— Ну-съ, стоимъ мы этакъ въ Яжелбицахъ, а въ это время, надо вамъ сказать, рахинскіе крестьяне подняли бунтъ за то, что инженеры на ихъ село шоссе хотѣли вести *). Ну-съ, хорошо. Только смотритель Яжелбицкой станціи и говоритъ покойному: „не угодно ли, говоритъ, вашему высокоблагородію—онъ тогда еще полковникомъ былъ—ухи изъ форелей откушать? у насъ, говоритъ, преотмѣнныя въ озерѣ ловятся!“ Разумѣется, сейчасъ за мной: „Такъ и такъ, какъ ты думаешь, успѣемъ ли мы уху съѣсть?“—И думать, говорю, объ ухѣ, нечего! Ну, поморщился мой полковникъ—сами вы знаете, господа, какой онъ охотникъ покушать былъ—однако видитъ, что моя правда,—воздержался! Было это дѣло у насъ, доложу вамъ, 5 іюля, немного спустя послѣ полдёнъ...

— Такъ, такъ! 5 іюля! Такъ и въ исторіи этого похода сказано!

— Ну, вотъ видите! Не лгу же я! Да и зачѣмъ лгать, коли самъ собственными глазами все видѣлъ! Только вотъ смотрю я, солнышко-то ужъ книзу идетъ, а намъ въ тотъ же день надо было покончить съ Рахинымъ, чтобы разомъ, знаете, раздавить гидру—да и шабашъ!

— Совершенно справедливо! Бунты—тутъ первое дѣло натискъ и быстрота! А потомъ вольнымъ шагомъ, и по домамъ!—воскликнули генералы.

— Ну-съ, только вотъ и говоритъ мой полковникъ смотрителю: „Нѣтъ, говоритъ, старикъ! мнѣ, говоритъ, надо къ двумъ часамъ вотъ эту гору взять, а къ пяти часамъ чтобы въ Рахино! Когда тамъ покончимъ, тогда и уху къ вамъ ѣсть прибудемъ“. А вы, господа, изволите ли знать Яжелбицкую-то гору?

---

*) Яжелбицы и Рахино—станціи на петербургско-московскомъ шоссе.

— Какъ же, какъ же! ужаснѣйшая гора!—воскликнули генералы, изъ которыхъ нѣкоторые даже отмѣривали руками.

— Отвѣтивши такимъ манеромъ смотрителю, покойный улыбнулся этакъ и говоритъ солдатикамъ: „А что, ребята, къ пяти часамъ будемъ въ Рахиѣ?“ Ну, разумѣется: „Ради стараться!“ Сейчасъ—барабаны! Пѣсенники впередъ! на приступъ! гора къ чорту!—и къ пяти часамъ у насъ ужъ кипѣлъ горячій бой подъ Рахинымъ! Къ шести часамъ гидра была при послѣднемъ издыханіи, а въ девять полковникъ былъ въ Яжелбицахъ и говорилъ мнѣ: „Ну, теперь я надѣюсь, что и ты не скажешь, что я ухи не заслужилъ?“ И скушалъ разомъ цѣлыхъ три тарелки!

— Браво! браво! ну, и намъ теперь самое время выпить за покойнаго!

Быть можетъ, время такъ и прошло бы въ мирномъ веселіи, еслибъ Прокопъ не выпилъ нѣсколько лишнихъ рюмокъ хересу и подъ ихъ напѣвъ не вздумалъ вступить въ религіозный споръ.

— Одно жаль,—сказалъ онъ:—не въ нашей русской вѣрѣ померъ! Говорилъ я ему еще наканунѣ смерти: окрестись, говорю Карлъ Иванычъ! Вспомни, куда ты идешь! По крайности, въ царство небесное попадешь! съ людьми будешь!

Генералы, изъ которыхъ большинство были нѣмцы, обиженно переглянулись между собой.

— Но позвольте узнать,—спросилъ одинъ изъ нихъ:—какія основанія вы имѣете, чтобы такъ низко ставить нашу святую евангелическую религію?

— Да такія основанія, что она и не религія совсѣмъ!

— Однако, имѣете ли вы доказательства въ пользу вашего мнѣнія?

— Какихъ тамъ еще доказательствъ! Не религія—и все тутъ! Ну, первое доказательство: ваша вѣра таинства погребенія не признаетъ—на что похоже!

— Но позвольте вамъ доложить, что такого таинства и въ вашей русской религіи не находится!

— Ну, ужъ это дудки!

— Однакожъ, это ужасно!—воскликнули хоромъ генералы.

— У насъ надъ покойникомъ-то поютъ!—упорствовалъ Прокопъ:—и дьяконъ, и попъ—честь честью въ могилу кладутъ! А у

васъ что! пришелъ вашъ насторъ, полопоталъ что-то, даже закусить съ нами не захотѣлъ! На что похоже!

— Позволь, душа моя,—вступился я:—вѣдь дѣйствительно и у насъ таинства погребенія нѣтъ!

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ—не въ томъ штука. А вотъ мы въ Святого Духа вѣримъ, а вы, нѣмцы, не вѣрите!

— Позвольте же вамъ доложить...

— Нечего тутъ докладывать! Этакъ вы скажете, что и чухна бѣлоглазая—и та въ Бога вѣритъ!

— Но это ужасно!

— Ужасно-то оно ужасно, только не намъ! Вамъ будетъ ужасно —это такъ!

— Но позвольте вамъ сказать, милостивый государь, что мы такъ точно вѣримъ въ Святого Духа, какъ бы онъ сейчасъ между нами былъ!

— Ну, между нами-то, пожалуй, сейчасъ его и нѣтъ! Это, братъ, враки! А вотъ что вы въ Николая чудотворца не вѣрите—это вѣрно!

— Но Николай—это совсѣмъ другое дѣло! Николай—это былъ очень великій человѣкъ!

— Боговдухновенный, сударь! Не „великій человѣкъ“, а боговдухновенный мужъ! „Правило вѣры, образъ кротости, воздержанія учителю“—вотъ что-съ!—произнесъ Прокопъ строго.—А по вашему, по-нѣмецки, все одно: Бисмаркъ великій человѣкъ, и Николай чудотворецъ великій человѣкъ! Натко выкусп!

Глаза у генераловъ постепенно расширялись, чиновники похоронпаго вѣдомства потихоньку посмѣивались, а Прокопъ разгорячался все больше и больше.

— Скажи это я, русскій,—ораторствовалъ онъ:—давно бы у меня языкъ отнялся! А съ васъ, съ нѣмцевъ, все какъ съ гуся вода!

Слово за слово, генералы такъ обидѣлись, что прицѣпили палаши, взяли каски и ушли. Прокопъ остался побѣдителемъ, но поминовенная закуска разстроилась. Какъ ни упрашивалъ казначей-распорядитель еще и еще разъ помянуть покойнаго, строптивость Прокопа произвела свое дѣйствіе. Чиновники боялись, что онъ начнетъ придираться, и пожалуй даже не отступитъ передъ словомъ „прохвосты“. Мало-по-малу зала пустѣла, и не болѣе какъ черезъ полчаса мы остались съ Прокопомъ вдвоемъ.

— Ну, скажи пожалуйста, какая тебѣ была охота поднимать всю эту исторію?—укорялъ я Прокопа.

— А по твоему, въ ротъ имъ смотрѣть?

— Какъ ты странно, душа моя, разсуждаешь! совсѣмъ съ тобой правильнаго разговора вести нельзя!

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣть: въ ротъ, что-ли, имъ смотрѣть?—А я тебѣ вотъ что говорю: надоѣла мнѣ эта нѣмчура бѣлоглазая! Я, братъ, патріотъ—вотъ что!

— Но вѣдь здѣсь...

— И здѣсь, и тамъ, и вездѣ... вездѣ я имъ носъ утру! Поддитка что выдумали: двѣсти лѣтъ сряду въ плѣну у себя насъ держать!

Спорить было безполезно, ибо въ Прокопѣ всѣ чувства и мысли прорывались какъ-то случайно. Сегодня онъ негодуетъ на нѣмцевъ и пропагандируетъ мысль о необходимости свергнуть нѣмецкое иго; завтра онъ же будетъ говорить: „чудесный генералъ! одно слово, нѣмецъ!“ и даже станетъ совѣтовать: „хоть бы у нѣмцевъ министра финансовъ на подержаніе взялп—по крайности, тотъ аккуратно бы насъ обремизилъ!“

Когда мы вышли, солнце еще не думало склоняться къ западу. Я взглянулъ на часы—нѣтъ двухъ. Вдали шагали провіантскіе и другіе чиновники изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ и очевидно еще имѣли надежду до пяти часовъ сослужить службу отечеству. Но куда дѣваться мнѣ и Прокопу? гдѣ пріютиться въ такой часъ, когда одна ѣда отбыта, а для другой ѣды еще не наступилъ моментъ?

— Къ Дороту, что-ли?—раздумывалъ Прокопъ:—да тамъ, поди, и татары еще дрыхнутъ! А надо гдѣ-нибудь до пяти часовъ провести время! Ишь чиновники-то! ишь, ишь, ишь, какъ улепетываютъ! Счастливый народъ!

Дѣлать нечего, я долженъ былъ пригласить его ко мнѣ.

— Ну, вотъ, и спасибо! Вздремнемъ часокъ, другой, а тамъ и опять маршъ!

Но надеждѣ на возстановляющій сонъ не суждено было осуществиться съ желаемою скоростью. Прокопъ имѣетъ глупую привычку слоняться по комнатѣ, садиться на кровать къ своему товарищу, разговаривать и вообще ахать и охать, прежде нежели заснетъ. Такъ

было и теперь. Похороны генерала, очевидно, настроили Прокопа на минорный тонъ, и онъ началъ мнѣ сообщать новость за новостью, одна печальнѣе другой.

— Да ты знаешь ли,—сказалъ онъ,—что на этихъ дняхъ въ Калугѣ семнадцать гимназистовъ повѣсились?

— Что ты! Христосъ съ тобой!

— Вѣрно говорю, что повѣсились. Не хотятъ по-латыни учиться —и баста!

— Да врешь ты! Еслибъ что-нибудь подобное случилось, неужто въ газетахъ не напечатали бы!

— Такъ тебѣ и позволили печатать—держи карманъ! А что повѣсились—это такъ. Вчера знакомый изъ Калуги на Невскомъ встрѣтился: всѣ экзамены, говоритъ, выдержали, а какъ дошло до латыни—и на экзаменъ не пошли: прямо—взяли и повѣсились!

— Однако, братъ, это чортъ знаетъ что!

— И я то же говорю. Такое, братъ, это дѣло, такое дѣло, что я вотъ и не дуракъ, а ума не приложу.

Прокопъ потупился и нѣкоторое время, сложивъ въ раздумьи руки, обводилъ однимъ указательнымъ пальцемъ около другого.

— Нынче и дѣти-то словно не на радость,—продолжалъ онъ: —сперва латынь, потомъ солдатчина. Не тамъ, такъ тутъ, а ужъ ремиза не миновать. А у меня Петька смерть этой латыни боится.

— Ну, припудилъ бы себя! что за важность!

— И я ему тоже говорилъ, да ничего не подѣлаешь. „Помилуйте, говоритъ, папенька, это такой проклятый языкъ, что тамъ что ни слово, то исключеніе. Совсѣмъ, говоритъ, правилъ никакихъ нѣтъ!“

— Да нельзя ли попросить, чтобъ простили его?

— Просилъ, братецъ! ничѣмъ не проймешь! Одно ладятъ: нынче, говорятъ, и свиней пасти, такъ и то Корнелія Непота читать надо. Ну, какъ мнѣ послѣ этого нѣмцевъ-каналіевъ не ругать!

Прокопъ опять задумался, и нѣкоторое время въ комнатѣ царствовало глубокое молчаніе, прерываемое лишь вздохами моего друга.

— А то слышалъ еще: Дракинъ, Петръ Ивановичъ, помѣшался? —вновь началъ Прокопъ.

— Господи! да откуда у тебя все такія новости?

— Вчера изъ губерніи письмо получилъ. Читалъ, вишь, и-

стоянно „Московскія Вѣдомости“, а тамъ все опасности какія-то предрекаютъ: то нигилизмъ, то сепаратизмъ... Ну, онъ и порѣшилъ. Не стоитъ, говоритъ, послѣ этого на свѣтѣ жить!

— Скажите на милость! А какой здоровый былъ!

— Умница-то какая—вотъ ты что̀ скажи! Съ губернаторомъ ли сцѣпиться, на земскомъ ли собраніи кулеврину подвести—на все первый человѣкъ! Да что̀ Петръ Ивановичъ—этому, по крайней мѣрѣ, было съ чего сходить—а вотъ ты что̀ скажи: съ чего Хлобыстовскій, Петръ Лаврентьевичъ, задумываться сталъ?

— Неужто и онъ?

— Да, и отъ чего сталъ задумываться... отъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“! Съ реформами тамъ нынче все поздравляютъ—ну, вотъ онъ читалъ-читалъ, да и вообрази себѣ, что идетъ онъ по длинному-длинному корридору, а тамъ по обѣимъ сторонамъ все пеленки... то-бишь, все реформы развѣшены! Эхма! чья-то теперь очередь съ ума сходить!

Новое молчаніе, новые вздохи.

— И что̀, братецъ нынче за время такое! Гдѣ ни послышишь—вездѣ либо запилъ, либо съ ума сошелъ, либо повѣсился, либо застрѣлился. И вѣдь никогда мы этой водки проклятой столько не жрали, какъ теперь!

— Отъ скуки, любезный другъ!

— Именно, братъ, отъ скуки. Скажу теперича хоть про себя. Ну, встанешь это утромъ, начнешь думать, какъ нынче день провести. Ну, хоть ты меня зарѣжь, нѣтъ у меня дѣловъ, да и баста!

— Да и у меня, душа моя, ихъ немного.

— Вотъ, говорятъ, отъ губернаторовъ все отошло: посмотрѣли бы на насъ—у насъ-то что̀ осталось! Право, позавидуешь иногда чиновникамъ. Былъ я намедни въ департаментѣ—грѣшный человѣкъ, все еще поглядываю, не сорвется ли гдѣ-нибудь дорожка—только сидитъ ихъ тамъ какъ мухъ въ стаканѣ. Вотъ сидитъ онъ за столомъ, папироску покуритъ, ногами поболтаетъ, потомъ возьметъ перо, обмакнетъ и чего-то поваракаетъ, потомъ опять за папироску возьмется и опять поваракаетъ—анъ времени-то, гляди, сколько ушло!

— А намъ съ тобой дѣваться некуда!

— Пристанищевъ у насъ нѣтъ никакихъ—оттого и времени

праздная много. А и дѣло наверстся—тоска на него глядѣть! Отвыкли. Все тоска! все тоска! А отъ тоски, извѣстно, одно лекарство: водка. Вотъ мы и жремъ ее, чтобы, значитъ, время у насъ свободнѣе летѣло.

— Да, душа моя, видно, остались мы съ тобой за штатомъ!

— Не за штатомъ, а просто ни-при-чемъ. Ну, скажи на милость, кабы у тебя *свое* дѣло было, ну, пошелъ ли бы ты генерала хоронить? Или опять эти „Минералы“—ну, поѣхалъ ли бы ты за семь верстъ киселя ѣсть, кабы у тебя *свой* интересъ подъ руками былъ?

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Возьмемъ, да и не поѣдемъ сегодня на Минералы!

— Ну, стало быть, въ Шато-де-Флёръ поѣдемъ; а ужъ туда либо сюда—не минешь ѣхать.

— Да отчего же! Посидимъ дома, пошлемъ за обѣдомъ въ кухмистерскую, напьемся чаю, потолкуемъ... Можетъ быть, что-нибудь да и найдется!

— Ничего не найдется. О томъ, что-ли, толковать, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ? такъ оно ужъ и надоѣло маленько. А объ другомъ—не объ чемъ. Кончится тѣмъ, что посидимъ часокъ, да и уйдемъ къ Палкину, либо въ Малоярославскій трактиръ. Нѣтъ ужъ. брать, отъ судьбы не уйдешь! Выспимся, да и на Острова!

Увы! Я долженъ былъ согласиться, что планъ Прокопа все-таки былъ самый подходящій. О чемъ толковать, когда никакихъ своихъ дѣлъ нѣтъ? А если не о чемъ толковать, то, значитъ, и дома сидѣть незачѣмъ. Надо бѣжать къ Палкину, или на Минерашки, или въ Шато-де-Флёръ, однимъ словомъ, куда глаза глядятъ и гдѣ есть возможность забыть, что есть гдѣ-то какія-то дѣла, которыхъ у меня нѣтъ. Прибѣжишь—никакъ не можешь раздѣлаться съ вопросомъ: зачѣмъ прибѣжалъ? Убѣжишь—опять-таки не раздѣлаешься съ вопросомъ: зачѣмъ убѣжалъ? И все-то такъ.

Наконецъ я заснулъ.

Чертогъ сіялъ...

Въ саду, однакожъ, было почти темно. Отблескъ огней, которыми горѣло зданіе минеральныхъ водъ, превращалъ полумракъ майской ночи въ настоящую мглу. Публика съ какою-то безнадежною

апатіей колотилась взадъ и впередъ, не рискуя пускаться въ аллеи болѣе отдаленныя и кружась въ районѣ свѣта, выходящаго изъ оконъ зданія. Тутъ же, на площадкѣ, волочили свои шлейфы современныя Клеопатры изъ Гамбурга. По бокамъ площадки, около столиковъ, ютились обоего пола посѣтители и истребляли всякаго рода влагу. Въ разныхъ мѣстахъ, на покрытыхъ эстрадахъ, мерцали огни и раздавались звуки музыки, которые, благодаря влажности воздуха, даже въ небольшомъ разстояніи доходили до слуха въ видѣ треска. Несмотря на то, что толпа была довольно компактная, говоръ стоялъ до такой степени умѣренный, что мы, войдя въ садъ, послѣ шума и стука съѣзда, были какъ бы охвачены молчаніемъ. По временамъ слышалось бряцаніе палаша и раздавался крикъ: „человѣкъ!“ похожій на крикъ иволги въ глухомъ лѣсу. Сырость была несносная, пронизывающая.

Странное дѣло! я и прежде нерѣдко посѣщалъ это заведеніе, и довольно коротко знаю его публику, но и до сихъ поръ, входя въ садъ, не могу избавиться отъ чувства нѣкоторой неловкости. Посмотришь кругомъ—публика ведетъ себя не только благопристойно, но даже тоскливо, а между тѣмъ такъ и кажется, что вотъ кто-нибудь закричитъ: „караулъ!“; или пролетитъ мимо развязный кавалеръ и выдернетъ изъ-подъ тебя стулъ: или, наконецъ, просто налетитъ бряцающій ташкентецъ и предложитъ вопросъ: „а позвольте, милостивый государь, узнать, на какомъ основаніи вы осмѣливаетесь обладать столь наводящей уныніе физіономіей?“ А тамъ сейчасъ протоколъ, а на завтра засѣданіе у мирового судьи, а тамъ апелляція въ съѣздъ мировыхъ судей, жалоба въ кассаціонный департаментъ, опять судъ, опять жалоба,—и пошла писать. Положимъ, что подобныя происшествія случаются рѣдко; тѣмъ не менѣе, тревожное чувство, подсказывающее возможность чего-нибудь въ этомъ родѣ, несомнѣнно существуетъ, и, я увѣренъ, существуетъ не у меня одного.

Въ этотъ вечеръ тревожное чувство давало себя знать какъ-то сильнѣе обыкновеннаго. Очевидно, я одичалъ, одичалъ въ Петербургѣ, въ самомъ разгарѣ всякаго рода утѣхъ. Въ теченіе полугода я испыталъ все разнообразіе петербургской жизни: я былъ въ Воронинскихъ баняхъ, слушалъ Шнейдершу, Патти, Бланшъ Вилэнъ, ходилъ въ засѣданія суда, посѣтилъ всевозможные трактиры, бывалъ на публицистическихъ и другихъ раутахъ, присутствовалъ при за-

щитѣ педагогическихъ рефератовъ, видѣлъ въ „Птичкахъ пѣвчихъ“ Монахова и въ „Fanny Lear“ Пасху, засѣдалъ въ Публичной Библіотекѣ и осмотрѣлъ монументы столицы, побывалъ во всѣхъ клубахъ, а въ артистическомъ былъ даже свидѣтелемъ скандала; словомъ сказать, только въ парламентѣ не былъ, но и то не потому, чтобы не желалъ тамъ быть, а потому, что его нѣтъ. И несмотря на все это, я одичалъ. Можетъ быть, это отъ вина, а можетъ быть и отъ того, что разговоры постоянно слышу какіе-то нѣкоснимательно-несообразные,—какъ бы то ни было, но куда бы я ни пришелъ, вездѣ мнѣ кажется, что всѣ глаза устремлены на меня и во всѣхъ глазахъ я читаю: „а ты зачѣмъ сюда пожаловалъ?“ И вотъ, какъ только мелькнетъ этотъ вопросъ въ моей головѣ, мнѣ дѣлается совѣстно. И я начинаю робѣть и смущаться, и воображать, что вотъ этотъ, напримѣръ, усатый господинъ, который, гремя палашомъ, мчится въ мою сторону, мчится не иначе, какъ съ злостнымъ намѣреніемъ выдернуть изъ-подъ меня стулъ.

Напрасно напрягалъ я взоры въ темноту—я никого не могъ различить. Даже кокотки были какъ будто всѣ на одно лицо, и только по большей или меньшей смѣлости жаргона можно было различить бо́льшую или мѐньшую знаменитость. Были такія, около которыхъ раздавалось непрерывное бряцаніе — это, конечно, самыя счастливыя, имѣвшія въ перспективѣ ужинъ у Бореля и радужную бумажку; но были и такія, которыя кружились совѣмъ-совѣмъ одинъ, и, быть можетъ, осуждены были на послѣдніе два двугривенныхъ нанять ваньку, чтобъ вернуться на Вознесенскій проспектъ или въ Подъяческую. Прокопъ былъ счастливѣе меня; онъ какъ-то и въ тьму ухитрялся проникнуть, и безпрестанно толкалъ меня въ бокъ, спрашивая: „это кто?.. вонъ, высокій въ плащѣ?“ или: „а этотъ вонъ, въ бѣломъ жилетѣ, съ закрученными усиками... это директоръ департамента, кажется? Ну, да, онъ! онъ и есть!“

Мы съ полчаса самымъ отчаяннымъ образомъ бременили землю, и въ теченіе всего этого времени я не имѣлъ никакой иной мысли, кромѣ: „а что бы такое съѣсть или выпить?“ Не то чтобы я былъ голоденъ—нѣтъ, желудокъ мой былъ даже переполненъ—а просто не идетъ въ голову ничего, кромѣ глупой мысли о ѣдѣ. Вотъ долетѣлъ до ушей трескъ контрабаса, и вдругъ опять все стихло, хотя и видно, что на эстрадѣ какой-то мужчина не переставая махаетъ

палочкой, а другіе мужчины то поднимаютъ, то опускаютъ смычки. А мы все ходимъ и ходимъ, какъ будто чего-то ждемъ. Наконецъ, несмотря на то, что прошло съ пріѣзда не болѣе двадцати минутъ, начинаемъ ощущать адскую усталость. И вотъ, въ ту самую минуту, когда я уже порѣшилъ, что самое подходящее въ настоящемъ случаѣ: выпить коньяку — раздался звонокъ, призывающій въ залу представленій. Господи! какъ же обрадовались мы этому звонку! съ какимъ пиѳетомъ рванулись въ залу театра! и какъ рванулись вмѣстѣ съ нами всѣ эти безпріютные, чающіе движенія воды, которые ни къ чему въ жизни не могли приладиться, кромѣ бряцанія, кокотокъ и шампанскаго!

Вдругъ, при входѣ въ залъ, среди толпы, я встрѣчаю того самаго товарища, который, если читатель помнитъ, водилъ меня смотрѣть Шнейдершу. Онъ былъ окруженъ еще двумя-тремя старыми товарищами, которые, по обыкновенію, юлили около него.

— А! провинціалъ! А я вѣдь думалъ, что ты давно въ своей классической Проплёванной! Пришелъ смотрѣть Claudia? Quelle verve! Sapristi!

Затѣмъ Нагибинъ (фамилія моего товарища) нагнулся къ моему уху и таинственно шепнулъ:

— А вѣдь я къ вамъ въ губернію... mais chut!

— Какъ? уже помпадуромъ? Поздравляю!!

— Да, душа моя. Я рѣшился принять. Ce n'est pas le bout du monde, j'en conviens, mais en attendant, c'est assez joli... Я на тебя надѣюсь! Ты будешь содѣйствовать мнѣ! C'est convenu! Впрочемъ отсюда мы отправляемся ужинать къ Донону, и, разумѣется, ты съ нами!

Сказавъ это, Нагибинъ пожалъ мнѣ руку и прослѣдовалъ съ своими спутниками въ первые ряды.

Признаюсь, это извѣстіе взволновало меня. Откровенно говоря, первое чувство, заговорившее во мнѣ, было дрянное чувство зависти. Ну, за что? думалось мнѣ: за что? Вотъ онъ теперь „Le sire de Porc-Epic“ будетъ слушать, съ кокотками переглядываться — ну, и сидѣлъ бы тутъ, и переглядывался бы! „И самое мѣсто тебѣ, молокососу (я даже забылъ, что, называя Нагибина молокососомъ, я, какъ сверстникъ его, и себя причисляю къ сонму таковыхъ), здѣсь сидѣть! А ты, вмѣсто того, помпадурить будешь разводить, будешь содро-

гаться при видѣ царствующаго въ Тетюшахъ и Наровчатѣ вольномыслія, повсюду станешь внѣдрять руководящіе догматы Рогс-Ерiс'а". Но черезъ короткое время зависть улеглась и взволнованное чувство обратилось исключительно къ моей собственной личности. А что, думалось мнѣ, вѣдь ежели бы я не закостенѣлъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника, вѣдь и я бы... Конечно, живя въ провинціи, я и необносился, и одичалъ, и во французскомъ діалектѣ не безъ изъянцевъ: но ежели бы меня пріодѣть, необчистить, я бы и теперь... О, чортъ побери! именно я могъ бы, даже очень могъ бы и помадурить разводить, и содрогаться отъ вольномыслія Чебоксаръ, и кричать: „фюить"! Затѣмъ, переходя отъ смягченія къ смягченію, я дошелъ наконецъ до того, что даже ощутилъ радость по случаю назначенія Нагибина. По крайней мѣрѣ, говорилъ я себѣ, у меня другъ будетъ! Онъ будетъ повѣрять мнѣ свои тайны; по утрамъ мы будемъ вмѣстѣ содрогаться и изыскивать мѣры, а вечеромъ къ помпадуршамъ станемъ ѣздить!

А между тѣмъ Прокопъ все время ѣлъ меня глазами. По странной игрѣ природы любопытство выражалось въ его лицѣ въ видѣ испуга, и выраженіе это сохранялось до тѣхъ поръ, пока не полагался конецъ мучившей его неизвѣстности.

— Кто это?—спросилъ онъ меня, блуждая глазами.

— Мой другъ, Нагибинъ. Онъ, братъ, къ намъ въ помпадуры...

Лицо Прокопа совсѣмъ перекосило отъ испуга.

— Чудакъ! что же ты меня не представилъ?—упрекнулъ онъ меня.

Мы усѣлись гдѣ-то въ шестомъ или седьмомъ ряду. и Прокопъ никогда не роптал на себя такъ, какъ теперь, за то, что пожалѣлъ полтора рубля и не взялъ мѣста во второмъ ряду, гдѣ сидѣли мои друзья.

— Ну, что мы здѣсь увидимъ! — бормоталъ онъ: — эти вещи надо непремѣнно изъ первыхъ рядовъ смотрѣть!

Зала была почти полна, но Прокопъ какъ-то ухитрился сквозь массу головъ устроить себѣ coup d'oeil въ сторону Нагибина. Онъ приподнимался всѣмъ корпусомъ, чтобъ до-сыта наглядѣться хоть на затылокъ будущаго обладателя сердецъ рязанско-тамбовско-саратовскаго клуба.

— Да, этотъ подтянетъ!—говорилъ онъ.

— Да, душа моя. Нагибинъ шутить не любитъ!

— Этотъ маху не дастъ! Ну, а эти... которые съ нимъ... кто такіе?

— Это тоже старые товарищи, и вѣроятно всѣ по очереди у насъ перебываютъ.

— Перебываютъ—это вѣрно. Однако, завтра, чуть свѣтъ, напялю мундиръ и явлюсь. Нельзя.

Шелъ общій, густой говоръ; передвигали стульями; слышалось бряцаніе палашей и картавый французскій говоръ; румяные молодые люди, облокотясь на борты ложъ, громко хохотали и перебрасывались фразами съ партеромъ; кокотки представляли собою цѣлую выставку, но поражали не столько изяществомъ, сколько изобиліемъ формъ и какою-то тупою сытостью; нѣкоторыя изъ нихъ ощипывали букеты и довольно мѣтко бросали цвѣтами въ знакомыхъ кавалеровъ.

Но вотъ занавѣсъ поднялся. Относительно нелѣпости содержанія, „Le sire de Porc-Epic“ можетъ быть сравненъ развѣ съ „Fanny Lear“, съ тою лишь разницею, что послѣдняя имѣетъ претензію на серьезность, а „Porc-Epic“ съ тѣмъ и писанъ, чтобъ украсить сцену колоссальною глупостью. Разобрать что-нибудь въ этомъ сумбурѣ—нѣтъ возможности, кромѣ того, что г. Теофиль дастъ г. Ру пощечину ягодицами, что совсѣмъ даже неправдоподобно. Claudia звенѣла, сыпала пощечинами и съ какою-то изступленною восторженностью поднимала ноги. Но вотъ „Porc-Epic“ посрамленъ; гремятъ трещотки, бубны, тазы, барабаны: занавѣсъ опускается.

Зачѣмъ я пріѣхалъ?!

Но несмотря на то, что этотъ вопросъ представлялся мнѣ чуть не въ сотый разъ, я все-таки и къ Донону поѣхалъ, и съ кокотками ужиналъ, и даже увлекъ за собой Прокопа, предварительно представивъ его Нагибину, какъ одного изъ представителей нашего образованнаго сословія.

Нагибинъ принялъ Прокопа съ тою дружескою любезностью, которою отличаются вообще помпадуры новѣйшаго закала, а во время нашего переѣзда къ Донону (мы ѣхали въ четвероместной колескѣ) былъ даже очарователенъ. Онъ не переставалъ дѣлать Прокопу вопросы, явно свидѣтельствовавшіе, что онъ очень серьезно смотритъ на предстоящую ему задачу.

— Ваша губернія плодотворная?—любопытствовалъ онъ.

— Была, вашество, прежде, а теперь... Нынче, вашество, не плодородіе, а вольныя мысли въ ходу-съ. Вотъ ежели вы изволите насъ подтянуть, такъ оно, можетъ быть, и воротится плодородіе-то...

— Постараюсь-съ. Но не скрываю отъ себя, что задача будетъ трудная, потому что зло слишкомъ глубоко пустило корни... Ну-съ, а скажите: и лѣсъ въ вашей губерніи ростетъ?

— Росъ, вашество, прежде... богатые лѣса были! а теперь и лѣсокъ какъ-то тугонько идетъ. У меня, однакожъ, въ паркѣ, еще не всѣ лишки мужики вырубили.

— Гм... однако и липа ростетъ?!

Потомъ пошли разспросы: можно ли имѣть на мѣстѣ порядочную говядину (un roastbeef par exemple), какъ слѣдуетъ поступить относительно вина, а также представляется ли возможность пріобрѣсти такого рода повара, который могъ бы удовлетворить требованіямъ вкуса болѣе или менѣе изысканнаго.

— Не скрою отъ васъ, — говорилъ Нагибинъ:—я смотрю на свою роль нѣсколько иначе, нежели рутинеры прежняго времени. Я миротворецъ, медіаторъ, благосклонный посредникъ—и больше ничего. Смягчать раздраженныя страсти, примирять враждующія стороны, наконецъ показывать блестящія перспективы — вотъ какъ я понимаю мое назначеніе! Or, je vous demande un peu, s'il y a quelque chose comme un bon dîner pour apaiser les passions!

Съ своей стороны, Прокопъ рисовалъ картины самаго мрачнаго свойства.

— Все прежде бывало, вашество! — ораторствовалъ онъ: — и говядина была, и повара были, и погреба съ винами у каждаго были, кто мало-мальски не свиньей жилъ! Прежде, бывало, ростбифъ-то вотъ какой подадутъ (Прокопъ разставилъ руки во всю ширину), а нынче, ежели поваръ тебѣ бефъ брезе изготовитъ — и то спасибо скажи! Батюшка-покойникъ безъ стерляжьей-то ухи за столъ не саживался, а мнѣ и съ окунькомъ подадутъ — нахвалиться не могу!

— Скажите пожалуйста! стало быть, задача моя труднѣе, нежели я предполагалъ?

— Чего же, вашество, хуже! У меня до эмансипаціи-то пять поваровъ на кухнѣ готовило, да народъ-то все какой! Двѣ тысячи цѣлковыхъ за одного Кузьму губернаторъ Толстолобовъ давалъ—не

продалъ! Да и губернаторъ-то какой былъ: одинъ цѣлый окорокъ ветчины съѣдалъ! И куда они всѣ подѣвались!

— Однако, вѣдь вы кушаете же? — съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ Нагибинъ.

— Кушаемъ-то кушаемъ. У меня и нынче поваръ,—что-жъ! ничего поваръ. Да страху-то у него, вашество, нѣтъ!

Какъ только Прокопъ произнесъ слово: „страхъ", разговоръ оживился еще болѣе и сдѣлался общимъ. Всѣ почувствовали себя въ своей тарелкѣ. Начались разсужденія о томъ, какую роль играетъ страхъ въ общей экономіи народной жизни: можетъ ли страхъ, однажды исчезнувъ, возродиться вновь, и наконецъ, что̀ было бы, если бы реформы развивались своимъ чередомъ, а страхъ—своимъ, взаимно, такъ сказать, оплодотворяя другъ друга.

— Реформы, вашество, ничего!—либеральничалъ Прокопъ:—и не такія реформы бы можно вытерпѣть, кабы страхъ былъ!

На эту рѣчь Нагибинъ отвѣтилъ крѣпкимъ пожатіемъ руки.

— Я съ вами согласенъ,—сказалъ онъ:—безъ страха нельзя. Но я постараюсь!

— Трудненько будетъ, вашество!

— Трудно—я это знаю. Но я привыкъ. Я привыкъ къ борьбѣ и даже жажду борьбы! Но скажу прямо: не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ того, кто меня вызоветъ на борьбу! Sapristi, messieurs! Nous verrons! nous verrons qui de moi aura le panache!

И Нагибинъ такъ свирѣпо погрозилъ кому-то въ воздухѣ, что въ воображеніи моемъ вдругъ совершенно отчетливо нарисовалась цѣлая картина: почтовая дорога съ березовой аллеей, бѣгущей по сторонамъ; тройка, увлекающая двоихъ пассажировъ (одного—везущаго, другого—везомаго) въ безвѣстную даль, и наконецъ тихое пристанище, въ видѣ уединеннаго городка, въ которомъ нѣтъ ни настоящаго пріюта, ни настоящей ѣды, а есть сырость, угаръ, слякоть и вонь...

Фюпть!!

На Конюшенномъ мосту мои мечты были снова прерваны жалобами, которыя изливалъ Прокопъ.

— Даже климатъ,—говорилъ онъ:—и тотъ противъ прежняго хуже сталъ! Помѣщиковъ обидѣли—ну, они, натурально, всѣ лѣса

повырубили! Дождей-то и нѣтъ. Мѣсяцъ нѣтъ дождя, другой нѣтъ дождя — хоть ты тресни! А не то такой вдругъ зарядитъ, что два мѣсяца зги не видать! Вотъ тебѣ и эмансипація!

Нагибинъ слушалъ эти ламентаціи и улыбался. Ему пріятно было думать, что устраненіе всѣхъ этихъ бѣдствій: и недостатка поваровъ, и бездождія, и излишества дождя — все это лежало на немъ одномъ.

— Да-съ, тяжело ваше положеніе, messieurs, — произнесъ онъ задумчиво; — но я надѣюсь, что съ Божьею помощью и сильный общимъ довѣріемъ...

Конца фразы я не разслышалъ, потому что въ эту самую минуту мы въѣхали въ ворота ресторана.

Было около часу ночи, и Доноповскій садъ былъ погруженъ въ тьму. Но кіоски ярко свѣтились, и въ нихъ громко картавили молодые служители Марса и звенѣли женскіе голоса. Лакеи-татары, какъ тѣни, безшумно сновали взадъ и впередъ по дорожкамъ. Нагибинъ остановился на минуту на балконѣ ресторана и, взглянувъ впередъ, сказалъ:

— Совершенно какъ въ „Тысячѣ-одной ночи“! не правда ли?

А Прокопъ тѣмъ временемъ шепталъ мнѣ на ухо:

— У тебя деньги есть?

— Есть, а что?

— Чудакъ! надо же честь оказать!

Я пошелъ побродить по дорожкамъ, и потому не присутствовалъ при процессѣ заказыванія ужина. До моего слуха долетали: „écrevisses à la bordelaise“, „да перчику, перчику чтобы въ мѣру“, „дунеля есть?“, „земляники, братецъ, оглохъ, что-ли?“, „на первый разъ три крюшона“... Но на меня нашелъ какой-то необыкновенный стихъ: я вдругъ вздумалъ разсчитывать. Припомнилъ, сколько я въ такомъ-то случаѣ денегъ даромъ бросилъ, сколько въ такомъ-то мѣстѣ посѣялъ, сколько у меня еще остается, и наконецъ, достанетъ ли... При этомъ вопросѣ я почувствовалъ легкій ознобъ... Достанетъ ли? Въ какомъ смыслѣ достанетъ ли? Ежели въ обширномъ... о, чортъ побери! и зачѣмъ это я началъ разсчитывать? Но, разъ начавшись, работа мысли уже не могла скоро прерваться. Не сладивъ съ разсчетами, я обратился къ будущему, и долженъ былъ сознаться, что отнынѣ нигдѣ — ни въ рязанско-тамбовско-саратовскомъ клубѣ, ни даже въ

Пролѣванной—нигдѣ не избѣжать мнѣ ни Минерашекъ, ни Донона, ни Шато-де-Флёра. Нагибинъ непреклоненъ; онъ не положитъ оружія, доколѣ останется хотя одинъ медвѣжій уголъ, въ которомъ не восторжествовали бы „les grand principes du Porc-Epic“. А такъ какъ я его другъ, то, очевидно, было бы даже „подло“, если бы я не содѣйствовалъ этому торжеству. Вопросъ, значитъ, не въ томъ, чтобы избѣжать торжествъ, а въ томъ, во что̀ они обойдутся мнѣ въ остальное время живота моего? Опять разсчеты, и опять ознобъ... И въ заключеніе—вопросъ: да сколько же мнѣ жить остается? А ну, какъ я maѳусаиловъ вѣкъ проживу?

Ознобъ, ознобъ и ознобъ...

Я въ самомъ грустномъ расположеніи духа вернулся къ моимъ товарищамъ и нашелъ компанію въ значительно увеличенномъ составѣ. Новыми лицами оказались: адвокатъ Ненаѣдовъ, устьсысольскій купеческій сынъ Безпортошный и знаменитая дѣвица Сюзетта. Сюзетта предсѣдательствовала на банкетѣ и была пьяна. Купеческій сынъ, въ качествѣ временнаго нанимателя, сидѣлъ возлѣ нея и говорилъ:

— Мамзель Сузетта! покажите господамъ ручку! Какова ручка-то, господа! Почтенный! Крупничку еще! Да земляницы-то не жалѣйте!

Въ эту самую минуту я вошелъ.

— Гдѣ ты пропадалъ?—набросился на меня Прокопъ.

— Monsieur a eu mal au ventre! — рѣшила Сюзетта для перваго знакомства.

— Bravo, Suzette!—воскликнули собесѣдники.

— Госпожа Сузетта! сдѣлайте ваше одолженіе! скажите самыя эти слова по-русски-съ!—убѣждалъ купеческій сынъ.

— У гаспадинъ животъ болѣлъ!

— И превосходно-съ. Значитъ, первое дѣло — померанцовки. Пожалуйте! А какъ мы ужъ по крупничку на брата сокрушили, такъ и вы, господинъ, насъ догнать должны. Почтенный! крупничку для господина... Да земляницы-то не жалѣйте!

Начался обычный кутежъ нашихъ дней, кутежъ безъ веселости и безъ увлеченія, кутежъ, сопровождающійся лишь непрерывнымъ наполненіемъ желудковъ, и безъ того уже переполненныхъ. Сюзетта окончательно опьянѣла. Сначала она пропѣла „L'amour—ce n'est

que cela“, потомъ, постепенно возвышая температуру репертуара, достигла до „F..... nous“. Наконецъ, по просьбѣ Безпортошнаго, разомъ выплюнула весь лексиконъ ругательныхъ русскихъ словъ. Купеческій сынъ таращилъ на нее глаза и говорилъ:

— Ишь, шельма, какъ чисто по-русски выговариваетъ!

Въ такихъ занятіяхъ прошло добрыхъ три часа. Наконецъ купеческій сынъ сталъ придираться и окончательно набросился на Ненаѣдова.

— Для чего я тебя нанялъ?—приставалъ онъ:—нѣтъ, ты отвѣть, для чего я тебя нанялъ? А хочешь, я сейчасъ скажу, какіе такіе договоры промежъ насъ были, когда я тебя въ услуженіе бралъ?

Ненаѣдовъ краснѣлъ и блѣднѣлъ. Одну минуту я даже думалъ, что онъ обидится.

Когда мы разъѣзжались, по улицамъ уже шло то смутное движеніе, которое предшествуетъ пробужденію большого города.

— А! какова Сюзетта! какъ, шельма, ругается!—воскликнулъ Прокопъ, садясь со мной на извозчика.

Но на этотъ разъ я не выдержалъ.

— Послушай, душа моя,—сказалъ я:—завтра я позову вотъ этого самаго извозчика и велю ему всѣ ругательства, которыя мы слышали, при тебѣ повторить. А ты отдай ему тѣ сто рублей, которые ты взялъ у меня, чтобъ заплатить за ужинъ.

Глава VIII.

Я цѣлый мѣсяцъ не велъ дневника своимъ похожденіямъ, и, признаюсь, даже теперь не могу съ ясностью выразумѣть, что происходило со мной за это время.

Я былъ жертвой двухъ мистификацій сряду. Цѣлый мѣсяцъ я волновался, хлопоталъ и думалъ, что живу въ самомъ реальномъ значеніи этого слова. Сначала я былъ членомъ VIII международнаго статистическаго конгресса (въ качествѣ делегата отъ рязанско-тамбовско-саратовскаго клуба), участвовалъ во всѣхъ его трудахъ, доказывалъ негодность употребляемыхъ нынѣ пріемовъ для изслѣдованія трактирной промышленности, бесѣдовалъ съ Левассёромъ, Кеттле, Фаромъ и проч. Потомъ вдругъ, какимъ-то чудомъ, декораціи перемѣ-

нились. Оказалось, что вмѣсто статистическаго конгресса я чуть было не сдѣлался членомъ опаснѣйшаго тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе общественнаго порядка, и что только по особенной Божьей милости я явился предъ лицомъ суда не въ качествѣ главнаго обвиняемаго, а лишь въ качествѣ пособника и понустителя. Что Кеттлé совсѣмъ не Кеттлé, а пензенскій помѣщикъ Канканчиковъ, что Левассёръ—отставной корнетъ Шалапутовъ, Коррепти—шарманщикъ Корподибакко и т. д. И что всѣ эти господа — эмиссары отъ интернаціоналки... Но этого мало: въ самый разгаръ процесса, въ ту минуту, когда я уже начиналъ питать увѣренность, что невинность моя доказана, декораціи опять внезапно перемѣняются и являются новыя, средп которыхъ я вижу себя... дуракомъ! Ни конгресса, ни процесса—ничего этого не было. Былъ неслыханнѣйшій, возмутительнѣйшій фарсъ, самымъ грубымъ образомъ разыгранный шайкою досужихъ русскихъ людей надъ ватагой простодушныхъ провинціальныхъ кадыковъ, въ числѣ которыхъ, къ величайшей обидѣ, оказался и я...

Только въ обществѣ, гдѣ положительно никто не знаетъ, куда дѣваться отъ праздности, можетъ существовать подобное времяпровожденіе! Только тамъ, гдѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ изнурительнаго нѣкоснимательства, гдѣ нѣтъ другого общественнаго мнѣнія. кромѣ безпорядочнаго уличнаго говора, можно находить удовольствіе въ томъ, чтобы держать людей, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, въ смущеніи и тревогѣ! И въ какой тревогѣ! Въ самой дурацкой изъ всѣхъ! Въ такой, при одномъ воспоминаніи о которой бросается въ голову кровь!

Представьте себѣ такое положеніе: вы приходите по дѣлу къ одному изъ досужихъ русскихъ людей, вамъ предлагаютъ стулъ, и въ то время, какъ вы садитесь — трахъ! — задпія ножки у стула подгибаются! Вы падаете сразмаху на полъ, расшибаете затылокъ, а хозяинъ съ любезнѣйшею улыбкой говоритъ:

— Скажите, какой случай! Человѣкъ! скотина! Сколько разъ было говорено, чтобъ этотъ стулъ убрать! Извините пожалуйста!

Вы усаживаетесь на другой стулъ, и любезный хозяинъ предлагаетъ вамъ чаю. Не подозрѣвая коварства, вы глотаете изъ стоящаго передъ вами стакана—о, ужасъ!—это не чай, а помои! А хозяинъ съ тою же любезностью утѣшаетъ васъ:

— Ахъ, извините пожалуйста! Это стаканъ съ водой, въ который я обыкновенно сбрасываю пепелъ отъ папиросъ! Человѣкъ! Скотина! Сколько разъ было говорено, чтобъ стаканъ этотъ убирать!

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Ежели мистификаторы упорны и пользуются здоровьемъ, они могутъ свести человѣка съ ума. По крайней мѣрѣ я испыталъ это отчасти на себѣ. Теперь, послѣ двухъ сыгранныхъ со мною фарсовъ, я не могу сѣсть, чтобъ не подумать: а ну, какъ этотъ стулъ вдругъ подломится подо мной! Я не могу ступить по половицѣ, чтобъ меня не смущала мысль: а что, если эта половица совсѣмъ не половица, а только подобіе ея, устроенное съ исключительною цѣлью, чтобъ я провалился и расквасилъ себѣ носъ!

Есмь я или не есмь? въ нумерахъ я живу или не въ нумерахъ? Стѣны окружаютъ меня или какое-нибудь обманчивое подобіе стѣнъ? Какъ ни просты эти вопросы, но ни на одинъ изъ нихъ я положительнаго отвѣта дать не берусь. Я знаю только одно: что передо мною бездна, называемая „русскимъ досужествомъ“, бездна, которая всегда готова меня поглотить, потому что я самъ наравнѣ съ другими участвовалъ въ ея устройствѣ.

Куда дѣваться отъ шалуновъ? какъ оградить себя отъ нихъ? Жаловаться?—но представьте же себѣ процессъ, въ которомъ десятокъ молодыхъ шалопаевъ, при открытыхъ дверяхъ, будутъ въ самыхъ художественныхъ образахъ изъяснять, какимъ вы оказали себя дуракомъ! И представьте себѣ, кромѣ того, что вы даже ничего не имѣете сказать противъ этого! Потому что вы дѣйствительно вели себя какъ дуракъ, и нѣтъ въ дѣлѣ ни одного обстоятельства, которое бы не уличало васъ въ этомъ! Это сознаетъ и предсѣдатель суда, и прокуроръ, и даже собственный вашъ защитникъ, выступающій въ роли частнаго обвинителя. На всѣхъ лицахъ только одно слово и написано: дуракъ! Нѣтъ нужды, что вы были жертвой дураковъ еще болѣе безспорныхъ — это обстоятельство еще болѣе отягчаетъ вашу вину. Зачѣмъ связывался съ дураками — дуракъ! Какъ не разсмотрѣлъ, что тебя окружаютъ дураки — дуракъ! Какъ не понялъ, когда даже Шухардинскіе половые — и тѣ догадались, что русскіе досужіе люди надъ тобой шутки шутятъ — дуракъ! Дуракъ — и больше ничего.

Словомъ сказать, вы выигрываете процессъ, вы сознаете себя

вполнѣ удовлетвореннымъ передъ лицомъ юстиціи, и въ то же время, выходя изъ залы засѣданія, несомнѣнно чувствуете себя... дуракомъ! И даже не простымъ дуракомъ, а такъ сказать штемпелеваннымъ. Потому что вы утверждены въ этомъ званіи приговоромъ суда. Потому что не было ни обвиняемаго, ни свидѣтеля, ни даже жалобщика, котораго показаніе не резюмировалось бы въ одномъ словѣ: дуракъ! Потому что вся аудиторія хохотомъ выхохатывала это слово, и въ виду святости мѣста вамъ даже нельзя было сказать этой хохочущей братіи: „чему хохочете? надъ собой хохочете!“

Но буду разсказывать по порядку.

Когда разнесся слухъ, что въ Петербургѣ имѣетъ быть VIII международный статистическій конгрессъ, мною прежде всего овладѣло естественное чувство гордости. Стало быть, и мы не лыкомъ шиты, коль скоро къ намъ то-и-дѣло наѣзжаютъ то „братья“, то „друзья“, то „гости“. Положимъ, что для братьевъ-славянъ и для заатлантическихъ друзей мы могли служить оружіемъ демонстраціи, но жрецы статистики—какую демонстрацію могли они имѣть въ виду, выбирая себѣ мѣстопребываніемъ Петербургъ? Очевидно, они ни о чемъ другомъ не думали, кромѣ роскошнаго пира науки, который нигдѣ не могъ быть устроенъ съ такимъ удобствомъ, какъ въ Петербургѣ. Стало быть, если отнынѣ кто-нибудь назоветъ насъ кадетами цивилизаціи, то мы можемъ смѣло сказать тому въ глаза: нѣтъ, мы не кадеты! къ намъ обращали взоры братья-славяне! съ нами братались заатлантическіе друзья! у насъ, наконецъ, безъ всякой задней мысли отдыхали современные гиганты статистики!

Конечно, было тутъ и не безъ опасеній—какъ бы не осрамиться передъ иностранными гостями: но когда мы стали съ Прокопомъ считать по пальцамъ, сколько у насъ статистиковъ, то просто даже остолбенѣли отъ удивленія. Сколько разсѣяно статистиковъ по министерствамъ и губерніямъ, статистиковъ, получающихъ опредѣленное содержаніе, и слѣдовательно вполнѣ достовѣрныхъ! Сколько, сверхъ того, статистиковъ не вполнѣ достовѣрныхъ, а вольнопрактикующихъ, которые по собственной охотѣ ведутъ счетъ питейнымъ заведеніямъ и потомъ печатаютъ въ газетахъ свои труды въ формѣ корреспонденцій изъ Острогожска, Калязина, Ветлуги и проч.! Нако-

нецъ, сколько „Прохожихъ“, „Проѣзжихъ“, „Иксовъ“, „Зетовъ“ и другихъ трудолюбцевъ, при трепетномъ свѣтѣ лампады разрабатывающихъ достопримѣчательности Лаптева, Кадникова, Обояни и иныхъ!

— Если всѣхъ-то счесть, такъ, пожалуй, и пальцевъ на рукахъ не хватитъ!—воскликнулъ Прокопъ, когда мы кончили обозрѣніе нашихъ статистическихъ силъ:—да и народъ-то, братъ, все какой—ужъ эти не выдадутъ!

Такимъ образомъ, оставалось только гордиться и торжествовать. Но, увы! опасенія—такая вещь, которая, однажды закравшись въ душу, уже не легко покидаетъ ее. Опровергнутыя въ одной формѣ, они отыщутъ себѣ другую, третью и т. д., и будутъ смущать человѣка до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не доведутъ его до сознанія эфемерности его торжества. Нѣчто подобное случилось и со мной.

Не знаю почему, но мнѣ вдругъ показалось, что ежели конгрессъ соберется въ Петербургѣ, то предметомъ его можетъ быть только *коротенькая* статистика, то-есть такая, въ которой нѣсколько главъ окажутся оторванными. Вѣдь статистика, думалось мнѣ, наука почти всеобъемлющая; слѣдовательно предметомъ ея можетъ быть не одно движеніе народонаселенія, не одно сухое перечисленіе фабрикъ и заводовъ, но и другія, болѣе деликатнаго свойства общественныя явленія. Положимъ, что и явленіе самое деликатное можно обезцвѣтить, запрятавъ его въ графу и выразивъ въ видѣ голой цифры: но вѣдь и цифры порою бываютъ такъ краснорѣчивы, что прямо ведутъ къ аттестаціямъ, въ родѣ „хорошо“, „дурно“, „благопріятно“, „неблагопріятно“ и т. д. Ловко ли будетъ намъ признать нормальность и полезность подобныхъ аттестацій? И разъ признавши ихъ нормальность, можно ли будетъ впослѣдствіи (когда оно надоѣстъ) счесть для себя необязательнымъ этотъ контроль, идущій Богъ-вѣсть откуда и руководящійся Богъ-вѣсть какими предписаніями?

Возьмемъ для примѣра хоть научно-литературное развитіе страны. Какъ ни трудно подчиняется этотъ предметъ цифрнымъ опредѣленіямъ, но несомнѣнно, что такія опредѣленія существуютъ, а слѣдовательно статистика, даже самая скромная, не имѣетъ ни малѣйшаго права игнорировать ихъ. Съ одной стороны, во всякой странѣ издается извѣстное число газетъ и журналовъ, печатается извѣстное число книгъ. Съ другой стороны, во всякой же странѣ, за немногими

исключеніями, существуютъ учрежденія, обязанность которыхъ главнѣйшимъ образомъ заключается въ наблюденіи, чтобы въ литературѣ не было допускаемо случаевъ такъ-называемаго превышенія власти. Статистика не можетъ пройти молчаніемъ эти явленія: они слишкомъ крупны и ярки, чтобъ ихъ игнорировать. Но какъ же поступитъ она по ихъ поводу? Конечно, она прежде всего констатируетъ число наблюдающихъ за литературой чиновниковъ, сумму получаемаго ими содержанія, классы занимаемыхъ ими должностей и мундиры, тѣмъ должностямъ присвоенные. Разумѣется, я ничего не сказалъ бы противъ статистики, еслибъ она ограничилась исключительно одними этими фактами: но въ томъ-то и дѣло, что статистика, да вдобавокъ „международная", всегда идетъ далѣе тѣхъ границъ, которыя предписываются благоразуміемъ. Описавши мундиры чиновниковъ, она перейдетъ къ ихъ дѣятельности, а вступивши на эту почву, найдетъ, что дѣятельность эта выразилась въ стольких-то предостереженіяхъ, стольких-то закрытіяхъ и т. д. Вотъ тогда-то собственно и начнется такъ-называемое „краснорѣчіе цифръ". Хорошо, если цифры останутся только цифрами, т.-е. будутъ себѣ сидѣть въ подлежащихъ графахъ да поджидать очереди, когда ихъ, наравнѣ съ прочими, включатъ въ учебники; но ловко ли будетъ, если какой-нибудь „иностранный гость", отвѣдавши нашего хлѣба-соли, вдругъ вздумаетъ изъ цифръ вывести и для насъ какую-то аттестацію? Я уступаю заранѣе, что аттестація эта будетъ формулирована словами: „похвально" и „благопріятно", но пріятенъ ли будетъ самый фактъ *возможности аттестаціи*?—вотъ въ чемъ вопросъ, и вопросъ настолько важный, что надъ нимъ стоитъ очень и очень крѣпко призадуматься. Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что эта возможность обоюдуострая, и что мы въ равной мѣрѣ рискуемъ получить и благопріятныя, и неблагопріятныя отмѣтки. Тутъ все зависитъ отъ того, сохранилъ ли иностранный гость благодарное воспоминаніе о нашемъ гостепріимствѣ, или не сохранилъ. Нѣтъ, лучше ужъ совсѣмъ изъять главу о духовномъ развитіи изъ программы занятій международнаго конгресса, нежели подвергаться риску выслушиванья какихъ-то аттестацій отъ людей, которые, быть можетъ, и мундира-то порядкомъ носить не умѣютъ!

Другой примѣръ подобной же скабрёзности представляетъ вопросъ о неприкосновенности или общедоступности домашняго очага.

Въ нѣкоторыхъ странахъ вопросъ этотъ разрѣшается въ пользу неприкосновенности, въ другихъ—въ пользу общедоступности, но во всякомъ случаѣ то или другое рѣшеніе имѣетъ извѣстныя практическія послѣдствія, которыя отражаются на народной жизни и выражаются въ формѣ фактовъ и цифръ. Статистика была бы недостойна имени науки, еслибъ она не занялась этими цифрами и фактами и не занесла ихъ въ графы свои. И вотъ опять выступаетъ на сцену краснорѣчіе цифръ, опять является возможность аттестаціи и соединенныхъ съ нею опасеній, сохранилъ ли иностранный гость благодарное воспоминаніе о нашемъ гостепріимствѣ, или не сохранилъ? Ужели же изъ-за какой-нибудь статистики, единственно ради ея полноты, мы станемъ мучиться сомнѣніями? Risum teneatis, amici! Гораздо проще и эту главу изъять изъ программы занятій конгресса—и дѣло съ концомъ.

Третій, еще болѣе скабрёзный вопросъ представляютъ публичныя сборища, митинги и т. д., которые также извѣстнымъ образомъ отражаются на народной жизни и, конечно, не меньше питейныхъ домовъ имѣютъ право на вниманіе статистики. Не изъять ли, однакожъ, и его? Потому что вѣдь эти статистики—Богъ ихъ знаетъ!—пожалуй такихъ сравнительныхъ таблицъ напздаютъ, что и жить совсѣмъ будетъ нельзя!

Словомъ сказать, вопросъ за вопросомъ, ихъ набралось такое множество, что когда поступилъ на очередь вопросъ о томъ, насколько счастливъ или несчастливъ человѣкъ, который, не показывая кукиша въ карманѣ, можетъ свободно излагать мнѣнія о мѣропріятіяхъ становыхъ приставовъ (по моему мнѣнію, и это явленіе имѣетъ право на вниманіе статистики), то Прокопъ всплеснулъ руками и такъ испугался, что даже заговорилъ по-французски.

— Финисé!—усовѣщивалъ онъ меня:—пожалуйста финисé! Ну, что тамъ! чего тамъ? Еще услышатъ,—что хорошаго!

И вдругъ я получаю черезъ Прокопа печатное приглашеніе лично участвовать на VIII международномъ статистическомъ конгрессѣ, въ качествѣ делегата отъ рязанско-тамбовско-саратовскаго клуба! Разумѣется, что при одномъ видѣ этого приглашенія у меня „въ зобу дыханье сперло“, сомнѣнія исчезли и осталось лишь сладкое сознаніе, что, стало быть, и я не лыкомъ шитъ, коль скоро иностранные гости вспомнили обо мнѣ!

Ослѣпленіе мое было такъ велико, что я не обратилъ вниманія ни на странность помѣщенія конгресса, ни на несообразность его состава, ни на загадочные постуки нѣкоторыхъ конгрессистовъ, напоминавшіе скорѣе ярмарочныхъ героевъ, нежели жрецовъ науки. Я ничего не видѣлъ, ничего не помнилъ. Я помнилъ только одно: что я не лыкомъ шитъ, и слѣдовательно не плоше всякаго другого вольнопрактикующаго статистика могу имѣть сужденіе о вредѣ, производимомъ вольною продажей вина и проистекающемъ отсюда накопленіи недоимокъ.

Конгрессъ помѣщался въ саду гостиницы Шухардина — это была первая странность. Въ самомъ дѣлѣ, мы, которые такъ славимся гостепріимствомъ, ужели мы не могли найти болѣе приличнаго помѣщенія, хотя бы, напримѣръ, въ залахъ у Марцинкевича, которыя, кстати, лѣтомъ совершенно пусты?

Вторая странность заключалась въ томъ, что, кромѣ Кеттлé, Левассёра, Фарра, Энгеля и Корренти, которымъ меня тотчасъ же представилъ Прокопъ, всѣ остальные члены конгресса были въ фуражкахъ съ красными околышами. То были делегаты отъ Лапшева, Чухломы, Кадникова и проч. Судите, какой же могъ быть международный конгрессъ, въ которомъ главная масса дѣятелей явно тяготѣла къ Лившамъ, Карачеву, Обояни и т. д.?

Третья странность: Кеттлé кстати и некстати восклицалъ: „fichtre! sapristi!“ и „ventre de biche!“ Фарръ выказывалъ явную наклонность къ очищенной; Энгель не переставалъ тянуть пиво; а Левассёръ едва явился на конгрессъ, какъ тотчасъ же взялъ въ руки кій и сдѣлалъ клаптосомъ желтаго въ среднюю лузу!..

Четвертая странность: Шухардинскіе половые не только не обнаруживали никакого благоговѣнія, но даже шепнули мнѣ на ухо, не пожелаютъ ли иностранные гости послушать арфистокъ...

Но, повторяю, ничто въ то время не поразило меня: до такой степени я былъ весь проникнутъ мыслью, что я не лыкомъ шитъ.

Я пришелъ на конгрессъ первый, но едва успѣлъ углубиться въ чтеніе „Полицейскихъ Вѣдомостей“, какъ услышалъ прямо у своего уха жужжаніе мухи. Отмахнулся рукой одинъ разъ, отмахнулся въ другой; наконецъ поднялъ голову... о, чудо! передо мной стоялъ Веретьевъ! Веретьевъ, съ которымъ я провелъ столько пріятныхъ минутъ въ „Затишьѣ“!

— Веретьевъ! Боже! какими судьбами?—воскликнулъ я, простирая руки.

— Делегатъ отъ Амченскаго уѣзда, рекомендуюсь!—отвѣчалъ онъ, бросая искоса взглядъ на накрытый въ сторонѣ столъ, обремененный всевозможными сортами закусокъ и водокъ.

— Какъ? статистикъ? Браво!

Вмѣсто отвѣта Веретьевъ зажужжалъ по комариному, но такъ живо, такъ натурально, что передо мной разомъ воскресло все наше прошлое.

— А Маша?.. помнишь?—спросилъ я въ неописанномъ волненіи.

— Теперь, братъ, она ужъ не Маша, а цѣлая Марьище...

— Позволь, но вѣдь Маша утопилась!

— Это все Тургеневъ выдумалъ. Тонилась, да вытащили. Послѣ вышла замужъ за Чертопханова, вывела восемь человѣкъ дѣтей, овдовѣла и теперь такъ сильно штрафуетъ крестьянъ за потраву, что даже Фетъ—и тотъ отъ нея бѣгать сталъ! *)

— Скажите пожалуйста! Но что же мы стоимъ! Человѣкъ! рюмку водки! большую!

Веретьевъ потупился.

— Не надо!—произнесъ онъ угрюмо:—зарокъ далъ!

— Какъ! ты! не можетъ быть!

Не успѣлъ я докончить своего восклицанія, какъ въ садъ вошли... молодой Кирсановъ и Берсеневъ! Кирсановъ былъ одѣтъ въ чистенькій вицъ-мундиръ; изъ-подъ жилета видиѣлась ослѣпительной бѣлизны рубашка; галстухъ на шеѣ былъ аккуратно повязанъ; подъ мышкой онъ крѣпко стискивалъ щегольской портфель. За нимъ, своей мечтательной, милой походкой, съ перевальцемъ, плелся Берсеневъ и тоже держалъ подъ мышкой довольно поношенный портфель, который, вдобавокъ, постоянно у него выползалъ. Какъ ни неожиданна была для меня эта встрѣча, но, взглянувши на Кирсанова поближе, я безъ труда понялъ, что при скромности и аккуратности этого молодого человѣка ему самое мѣсто—въ статистикѣ. Нѣсколько

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, фактъ этотъ оказался невѣрнымъ. По крайней мѣрѣ И. С. Тургеневъ совершенно иначе разсказалъ конецъ Чертопханова въ „Вѣстникѣ Европы“ за Ноябрь 1872 г.—*Примѣчаніе автора „Дневника“.*

болѣе смутило меня появленіе Берсенева. Это человѣкъ мечтательный и рыхлый, думалось мнѣ, у котораго только одно въ мысли: идти по стопамъ Грановскаго. Но идти не самому, а чтобъ извозчикъ везъ. Вотъ и теперь на немъ и рубашка криво сидитъ, и портфель изъ-подъ мышки ползетъ... ну, гдѣ ему усидѣть въ статистикѣ!

— Делегатъ отъ Ефремовскаго уѣзда,—рекомендовался между тѣмъ Кирсановъ, подавая мнѣ руку, какъ старому знакомому.

— Очень радъ! очень радъ! Уже статистикъ! Давно ли?

— Мѣсяца два тому назадъ. Я долженъ, впрочемъ, сознаться, что въ нашемъ уѣздѣ статистика еще не совсѣмъ въ порядкѣ, но надѣюсь, что при содѣйствіи начальника губерніи успѣю въ непродолжительномъ времени двинуть это дѣло значительно впередъ.

— Вашъ батюшка? Дяденька?

— Благодарю васъ. Батюшка, слава Богу, здоровъ и попрежнему играетъ на віолончели свои любимые романсы. Дядя скончался, и мы съ папашей ходимъ въ хорошую погоду на его могилу. Оѳиничку мы пристроили: она теперь замужемъ за однимъ чиновникомъ въ Ефремовѣ, имѣетъ свой домъ, хозяйство и, повидимому, очень счастлива.

— Да... но скажите же что-нибудь о себѣ!

— Благодарю васъ, я совершенно счастливъ. Полтора года тому назадъ женился на Катѣ Одинцовой и уже имѣю сына. Поэтому полученіе мѣста было для меня какъ нельзя болѣе кстати. Знаете: хотя у насъ и довольно обезпеченное состояніе, но когда имѣешь сына, то лишнихъ тысяча рублей весьма не вредитъ.

— Базаровъ... помните?

Кирсанова передернуло при этомъ вопросѣ, и онъ довольно сухо отвѣтилъ мнѣ:

— Мы съ папашей и Катей каждый день молимся, чтобы Богъ простилъ его заблужденія!

— Ну... а вы, Берсеневъ!—обратился я къ Берсеневу, замѣтивъ, что оборотъ, который принялъ нашъ разговоръ, не нравится Кирсанову.

— Я... вотъ съ нимъ...—лѣниво пробормоталъ онъ, какъ бы не отдавая даже отчета, отъ кого или отъ чего онъ является делегатомъ.

„Ну, братъ, не усидѣть тебѣ въ статистикѣ!“ —мысленно повто-

рилъ я и вскинулъ глазами впередъ. О, ужасъ! передо мной стоялъ Рудинъ, а за нимъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, улыбался своею мягкою, нѣсколько грустной улыбкою Лаврецкій.

— Рудинъ! да вы съ ума сошли! вѣдь вы въ Дрезденѣ на баррикадахъ убиты!—воскликнулъ я внѣ себя.

— Толкуйте! Это все Тургеневъ сказки разсказываетъ! Онъ, батюшка, четыре эпизода обо мнѣ написалъ, а эпизодъ у меня самый простой: имѣю честь рекомендоваться—путивльскій делегатъ! Да-съ, батюшка, орудуемъ! Возбуждаемъ народъ-съ! пропагандируемъ „права человѣка“-съ! воюемъ съ губернаторомъ-съ!

— И очень дурно дѣлаете-съ,—замѣтилъ наставительно Кирсановъ:—потому что, строго говоря, и ваши цѣли, и цѣли губернатора—одинъ и тѣ же.

— Толкуй по праздникамъ! Вѣдь ты, братъ, либералъ! Я знаю, ты надъ передовыми статьями „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ слезы проливаешь! А по моему, такими либералами только заборы подпирать можно!

— Лаврецкаго... не забыли?—прозвучалъ около меня задумчивый, какъ бы вуалированный голосъ.

Но не знаю почему—отъ Лаврецкаго, этого истаго представителя „Дворянскаго гнѣзда“, у меня осталось только одно воспоминаніе: что онъ женатъ.

— Лаврецкій! вы?! какъ здоровье супруги вашей?

— Благодарю васъ. Она здорова и здѣсь со мною въ Петербургѣ. Знаете, здѣсь и Изомбаръ, и Андріё... ну, а въ нашемъ Малоархангельскѣ... Милости просимъ къ намъ: мы въ „Hôtel d'Angleterre“; жена будетъ очень рада васъ видѣть.

— Ахъ, Боже мой! Лаврецкій... вы! Лиза... помните?

— Лизавета Михайловна скончалась. Признаюсь вамъ, это была большая ошибка съ моей стороны. Увлечь молодую дѣвицу, не будучи вполнѣ увѣреннымъ въ своей свободѣ—какъ хотите, а это нехорошо! Теперь, однакожъ, эти увлеченія прошли, и въ занятіяхъ статистикой...

Но этому дню суждено было сдѣлаться для меня днемъ сюрпризовъ. Не успѣлъ я выслушать исповѣдь Лаврецкаго, какъ завидѣлъ входящаго Марка Волохова. Онъ былъ непричесанъ и ногти его были нечищены.

— Волоховъ!! и вы здѣсь!

— А вы какъ объ насъ полагали?

— Да... но вы... делегатъ!..

— Ну, да, делегатъ отъ Балашовскаго уѣзда... что жъ дальше! А вы небось думали, что я испугаюсь! Я, батюшка, ничего не испугаюсь! Мнѣ, батюшка, чортъ съ ними—вотъ что!

Сказавъ это, онъ отвернулся отъ меня и, замѣтивъ Рудина, процѣдилъ сквозь зубы:

— Балалайка безструнная!

Въ садъ хлынула вдругъ цѣлая толпа кадыковъ въ фуражкахъ съ красными околышами и заслонила собой моихъ знакомцевъ. Мнѣ показалось, что въ этой толпѣ мелькнула даже фигура Собакевича. Черезъ полчаса явился Прокопъ въ сопровожденіи иностранныхъ гостей, и засѣданіе началось.

Первое засѣданіе прошло шумно и весело. Члены живо разобрали между собой подлежащіе разработкѣ предметы и организовались въ отдѣленія; затѣмъ опредѣленъ былъ порядокъ засѣданій (число послѣднихъ ограничено семью). Въ заключеніе Энгель очень пріятно изумилъ, выпивъ бутылку пива и сказавъ по-русски:

— Ишò одна бутилкъ!

На что Фарръ очень мѣтко и любезно рипостировалъ:

— И мене ишò одинъ румкъ!

Организовавшись какъ слѣдуетъ, мы заключили нашъ avant-congrès, съѣвши по порціи ботвиньи и по порціи поросенка. При этомъ Прокопъ очень любезно извинился, что на сей разъ, по множеству другихъ организаторскихъ занятій, ѣда ограничивается только двумя блюдами, а Левассёръ чрезвычайно польстилъ нашему національному самолюбію, сказавъ:

— Mais non! mais pas du tout! mais donnez-moi tous les jours du parassenne—et vous ne m'entendrez jamais dire: assez!

Мы встали изъ-за стола сытые и довольно пьяные, постановивъ на прощаніе:

1) Ни въ какимъ издержкамъ по устройству закусокъ и обѣдовъ иностранныхъ гостей не привлекать.

2) Интернировать иностранныхъ гостей въ chambres garnies на Мѣщанской, съ предоставленіемъ имъ ежедневно по полъ-порціи чаю или кофею утромъ и постольку же вечеромъ, а издержки на этотъ

предметъ отнести на счетъ делегатовъ отъ градовъ, весей и клубовъ.

3) Завтрашній день начать осмотромъ Казанскаго собора, затѣмъ вновь собраться къ Шухардину, гдѣ, послѣ засѣданія, имѣетъ быть обѣденный столъ (меню: селянка московская, подовые пироги, осетрина по-русски, грибы въ сметанѣ, жареный поросенокъ съ кашей и малина со сливками). Послѣ обѣда—катанье на извозчикахъ.

Дорогой, пока мы шли съ Прокопомъ домой, онъ былъ въ такомъ энтузіазмѣ, что мнѣ большого труда стоило усовѣстить его.

— Да, братъ, эти будутъ почище братьевъ-славянъ!—говорилъ онъ: — замѣтилъ ли ты, какъ этотъ бестія Левассёръ: „la république, говоритъ, il n'y a que ça!“ Я такъ и остолбенѣлъ!

— А знаешь ли, какая мнѣ мысль пришла въ голову: какъ только всѣ дѣла здѣсь прикончимъ, покажемъ-ка мы иностраннымъ гостямъ Москву!

— А что ты думаешь! вѣдь слѣдуетъ!

— Еще бы! Ну, разумѣется, экстренный train на нашъ счетъ: въ Москвѣ каждому гостю нумеръ въ гостинницѣ и извозчикъ; первый день—къ Иверской, оттуда на политехническую выставку, а обѣдать къ Гурину; второй день—обѣдня у Василія Блаженнаго и обѣдъ у Тѣстова; третій день—осмотръ Грановитой палаты и обѣдъ въ Новотроицкомъ. А потомъ экстренный train къ Троицѣ, въ Хотьковъ... Пѣніе-то какое, мой другъ! Покойница-тетенька не даромъ говаривала: „ужъ и не знаю, говоритъ, на землѣ ли я, или на небесахъ!“ Надо имъ все это показать!

— Безподобно! То-то я давеча сижу и думаю, что чего-то недостаетъ! Анъ вонъ оно что: въ Москву!

— Ты одно то подумай: здѣшніе ли поросята, или московскіе!

— Гдѣ ужъ здѣшнимъ!

— Или опять осетрина! Ну, гдѣ жъ ты здѣсь такой осетрины достанешь, чтобы цѣлое звено—сплошь все жиръ!

— Сказано, въ Москву—и дѣло съ концомъ!

На другой день мы всѣ, кромѣ Марка Волохова, собрались въ Казанскій соборъ. Причемъ я не безъ удивленія замѣтилъ, что Левассёръ очень отчетливо положилъ три земныхъ поклона и приложился къ иконѣ.

— Смотри-ка! Левассёръ-то! по нашему молится!—толкнулъ

меня въ бокъ Проконъ:—et vous... comme nous?—прибавилъ онъ, обращаясь къ гостю.

Но удивленію нашему уже совѣмъ не стало предѣловъ, когда Левассёръ (вѣроятно застигнутый врасплохъ) совершенно чисто по-русски отвѣтилъ:

— Да-съ, моя маменька отъ этой иконы въ молодости исцѣленіе получила...

Но вслѣдъ затѣмъ онъ вдругъ спохватился, хлопнулъ себя по ляжкѣ и залопоталъ:

— Ah! sapristi je crois qu'à force d'entendre parler russe, je commence moi-même à parler cette langue comme ma langue maternelle! Mais oui, messieurs! Mais comment donc! Ah! fichtre... prosternons-nous! Adorons, ventre de biche! la tolérance en matière de religion... tolerenzia et prudenzia... je ne vous dis que ça!

И представьте себѣ, какъ ни грубъ былъ этотъ фактъ самоуличенія, но даже онъ не открылъ нашихъ глазъ: до такой степени мы были полны сознаніемъ, что и мы не лыкомъ шиты!

Второе засѣданіе началось съ объявленія Кеттлé, что онъ пятьдесятъ лѣтъ занимается статистикой и нигдѣ не встрѣчалъ такого горячаго сочувствія къ этой наукѣ, какъ въ Россіи. „Поэтому,— присовокупилъ онъ любезно,—я просто прихожу къ заключенію, что Россія есть настоящее мѣсторожденіе статистики“...

— Messieurs! un verre de champagne! Милости просимъ! Человѣкъ! шампанскаго! Господинъ Кеттлé! ваше здоровье! Votre santé! Vous acceptez, n'est-ce-pas? Du champagne!!

— Mais j'en prendrai avec plaisir,—скромно отвѣчалъ маститый старецъ, но скромность эта была такъ полна чувства собственнаго достоинства, что мы сразу поняли, что не мы почтили старца, но старецъ почтилъ насъ.

Когда бокалы были осушены, всталъ Фарръ и вынулъ изъ бокового кармана листъ разграфленной бумаги. Этотъ листъ онъ показалъ всѣмъ делегатамъ и объяснилъ, что такова форма для производства народной переписи, доставшаяся VIII-му международному конгрессу въ наслѣдіе отъ такового жъ, имѣвшаго свое мѣстопребываніе въ Гаагѣ. Но въ формѣ этой онъ, Фарръ, замѣчаетъ, однакожъ, одинъ очень важный недостатокъ, заключающійся въ томъ, что, при

исчисленіи народонаселенія по занятіямъ и ремесламъ, въ ней опущенъ довольно многочисленный классъ людей, извѣстный подъ именемъ „шпіоновъ“.

Я взглянулъ на Прокопа: онъ совершенно посоловѣлъ и дико озирался. Къ счастью, половые куда-то разошлись, такъ что онъ скоро оправился и довольно спокойно произнесъ:

— Съ своей стороны я полагалъ бы этотъ непріятный разговоръ оставить. Неужто, господа, у васъ за границей и разговоровъ другихъ нѣтъ!

И онъ уже предложилъ приступить къ слѣдующему по порядку предмету сужденій, какъ всталъ Левассёръ и по существу рѣшилъ дѣло въ пользу Прокопа.

— Messieurs, — сказалъ онъ: — l'espionnage a été reconnu de tous temps comme l'un des plus vifs stimulans de la vie politique. Déjà l'antique Jéroboam promettait des scorpions à ses peuples, ce qui, traduit en langue vulgaire, ne saurait signifier autre chose qu'espions. Ensuite, nous trouvons dans Aristophane des preuves irrécusables que les grecs ne connaissaient que trop ce moyen gouvernemental et qu'ils donnèrent aux espions le surnom sonore des sycophantes. Mais c'est aux césars de l'antique Rome que la science de l'espionnage est redevable de son plus grand développement. Au dire de Tacite, du temps de Néron, de Caligula et autres il n'y avait presque pas un seul homme dans tout l'Empire qui ne fût espion ou ne désirât de l'être. Ces majéstueux romains, qui ne commencaient pas autrement leurs blagues qu'en disant: „civis Romanus sum“, se sont fait au métier de l'espionnage comme s'ils étaient les plus majéstueux des chenapans. Enfin, notre belle France est là pour attester que l'espionnage n'est jamais de trop dans un pays dont la vie politique est à son apogée. Chez nous, messieurs, presque tout le monde s'entreespionne, ce qui n'empêche pas la vie sociale d'aller son train. La solidarité de l'espionnage fait qu'on n'en ressent presque pas l'inconvénient. Voici l'historique de ce phénomène social qui porte le nom malsonnant de l'espionnage. Mais si nous constatons ici les résultats pratiques du métier, nous devons en même temps constater que jamais ces résultats ne pourraient

être ni si grands, ni si accomplis, si les espions s'avisaient d'agir ouvertement... là, le cœur sur la main! Oui, messieurs. c'est une occupation qui ne saurait être pratiquée que sous le voile du plus grand mystère! Otez le mystère—et adieu l'espionnage! Il n'est plus—et avec lui tombe tout le préstige de la vie politique. Point d'espionnage—point d'accusations, point de procès, point de proscriptions! La vie politique reste, pour ainsi dire, en suspens. Tout passe, tout tombe, tout s'évanouit. Voilà pourquoi je ne partage pas l'opinion, exprimée par mon honorable collègue, M-r Farr. Je comprends très-bien sa pensée: il est par trop champion de la statistique pour ne pas gémir en voyant que cette science conserve encore des points inexpliqués et obscurs. Mais Dieu, dans sa divine sagesse, en a jugé autrement. Il a voulu que la statistique conserve à jamais quelques points inachevés pour que nous autres, humbles travailleurs de la science, ayons toujours quelque chose à éclaircir ou à achever. Aussi je conclus, en disant: messieurs! nous avons toute une rubrique, où se classent les chenapans et autres gens sans foi ni loi! Cette rubrique n'est-elle pas assez large pour que les espions y trouvent leur place naturelle? Oh, messieurs, classons les y hardiment et puis disons leurs: allez, gens sans aveu, et faites votre vil métier! la statistique ne veut pas vous connaître!

— Рѣчь эта произвела эффектъ необычайный. Крики: „bravo! vive la France!“ (Прокопъ по обыкновенію ошибся и крикнулъ: „vive Henri IV!“) неслись со всѣхъ сторонъ. Сейчасъ же всѣ побѣжали къ закусочному столу и буквально осадили его.

— Je crois que ça s'appelle lassassine? „Lassassine“ et „parasseuse“—il faut que je me souvienne de ça!—сказалъ Левассёръ, держа на вилкѣ кусокъ мариованной лососины.

— Oh, mangez, messieurs!—упрашивалъ какой-то делегатъ (кажется, ветлужскій):—человѣкъ! лососины принесите! пожалуйста, mangez!

Засѣданіе кончилось; начался обѣдъ.

Никогда я не ѣдалъ такихъ роскошныхъ подовыхъ пироговъ, какъ въ этотъ достопамятный день. Они были съ говядиной, съ яйцами и еще съ какою-то дрянью, въ которой, впрочемъ, и заключалась

вся суть. Румяные, пухлые, они таяли во рту и совершенно незамѣтно проходили въ желудокъ. Фарръ съѣлъ разомъ два пирога, а третій завернулъ въ бумажку, сказавъ, что отошлетъ съ попутчикомъ въ Лондонъ къ женѣ.

— La Russie—voilà où est la véritable patrie de la statistique!—въ экстазѣ повторилъ Кеттлé.

Послѣ обѣда—ѣзда на извозчикахъ, а окончаніе дня въ „Эльдорадо“.

— C'est ici que le sort du malheureux von-Zom a été décidé! ah, soyons sur nos gardes! — вздохнулъ Левассёръ, что̀ не помѣшало ему сдѣлать честь двумъ дѣвицамъ, предложивъ имъ по рюмкѣ коньяку.

На третій день—осмотръ Исаіевскаго собора, засѣданіе у Шухардина и обѣдъ тамъ же (меню: супъ съ потрохами, бараній бокъ съ кашей, жареные каплуны и малиновый дутикъ со сливками): послѣ обѣда—катанье на яликахъ по Невѣ.

Исаіевскій соборъ произвелъ на гостей самое пріятное впечатлѣніе.

— C'est fort, c'est solide, c'est riche, c'est ébourritant!—безпрестанно повторялъ Левассёръ:—et ça doit couter un argent fou!

Кеттлé же до того умилился духомъ, что произнесъ:

— Ah! si je n'étais pas catholique romain, je voudrais être catholique grec!

На что Прокошъ, который съ нѣкотораго времени получилъ настоящую манію приглашать иновѣрцевъ къ познанію свѣта истинной вѣры, поспѣшилъ замѣтить:

— А что̀ же, ваше превосходительство! съ легкой бы руки!

Засѣданіе началось чтеніемъ доклада делегата отъ тульско-курско-ростовскаго клуба, по отдѣленію нравственной статистики, о томъ, чтобы въ вѣдомость, утвержденную собиравшимся въ Гаагѣ конгрессомъ, о числѣ и родѣ преступленій была прибавлена новая графа для включенія въ нее такъ-называемыхъ „жуликовъ“ (jouliks).

— Jouliks! je ne comprends pas ce mot!—съ свойственною ему меридіональною живостью протестуетъ Левассёръ.

— Ce n'est précisement ni un voleur, ni un escroc; c'est un individu qui tient de l'un et l'autre. A Moscou vous verrez cela, messieurs!—объясняетъ докладчикъ.

Встаетъ Фарръ и опять дѣлаетъ скандалъ. Онъ утверждаетъ, что замѣтилъ на континентѣ особенный видъ проступковъ, заключающійся въ раскрытіи чужихъ писемъ. „Не далѣе какъ недѣлю тому назадъ, будучи въ Парижѣ,—присовокупляетъ онъ,—я получилъ письмо отъ жены, видимо подпечатанное". Поэтому онъ требуетъ прибавки еще новой графы.

Тетюшскій делегатъ поднимается съ своего мѣста и возражаетъ, что это неудобно.

— Why?—вопрошаетъ Фарръ.

— Неудобно — и все тутъ, и разговаривать нечего! За такіе вопросы нашего брата въ кутузку сажаютъ!

— Shocking!—восклицаетъ Фарръ.

Тогда требуетъ слова Левассёръ.

— Pardon! si je comprends la pensée de monsieur,— начинаетъ онъ, указывая на тетюшскаго делегата: — elle peut être formulée ainsi: oui le secret des lettres particulières est inviolable (bravo! bravo! oui! oui! inviolable!)—c'est la règle générale: mais il est des raisons de bonne politique, qui nous forcent quelquefois la main et nous obligent d'admettre des exceptions même aux règles, que nous reconnaissons tous pour justes et irréprochables. C'est triste, messieurs, mais c'est vrai. Envisagée sous ce point de vue, la violation du secret des lettres particulières se présente à nous comme un fait de haute convenance, qui n'a rien de commun avec le crime ou la contravention. L'Angleterre, grâce à sa position insulaire, ignore beaucoup de phénomènes sociaux, qui sont non-seulement tolérés par le droit coutumier du continent, mais qui en font pour ainsi dire partie. Ce qui est crime ou contravention en Angleterre, peut devenir une excellente mesure de salut public sur le continent. Aussi, je vote avec m-r de Tétiousch pour l'ordre du jour pur et simple.

— Bravo! Ура! Человѣкъ! шампанскаго! Мосье Левассёръ! Votre santé!

Не успѣли выпить за здоровье Левассёра, какъ Прокопъ вновь потребовалъ шампанскаго и провозгласилъ здоровье Фарра.

— Сознайтесь, господинъ Фарръ, что вы согрѣшили немножко! —привѣтствовалъ онъ англійскаго делегата съ бокаломъ въ рукахъ:

—потому что вѣдь ежели Англія, благодаря инсулярному положенію, имѣетъ многія инсулярныя добродѣтели, такъ вѣдь и инсулярныхъ пороковъ у нея не мало! Жадность-то ваша къ деньгамъ въ пословицу вѣдь вошла! А? такъ, что-ли? Господа! выпьемъ за здоровье нашего сотоварища, почтеннѣйшаго делегата Англіи!

Разумѣется, суровый англичанинъ успокоился и выпилъ разомъ два стакана.

Но за обѣдомъ случился скандалъ почище: бараній бокъ до такой степени вонялъ саломъ, что ни у кого не хватило смѣлости объяснить это даже особенностями національной кухни. Хотя же поданные затѣмъ кайлуны были зажарены божественно, тѣмъ не менѣе конгрессъ единогласно порѣшилъ: съ завтрашняго дня перенести засѣданія въ Малоярославецкій трактиръ.

Четвертый день—осмотръ Петропавловскаго собора, засѣданіе и обѣдъ въ Малоярославецкомъ трактирѣ (меню: ботвинья съ малосольной севрюжиной, поросенокъ подъ хрѣномъ и сметаной, жареныя утки и гурьевская каша); послѣ обѣда—прогулка пѣшкомъ по Марсову полю.

Петропавловскимъ соборомъ иностранные гости остались довольны, но видимо сѣѣшили кончить осмотръ его, такъ какъ Фарръ, указывая на крѣпостныя стѣны, сказалъ:

— Въ сей мѣстности воздухъ есть нездоровъ!

На что, впрочемъ, Прокопъ тутъ же нашелся возразить:

— Для тѣхъ, господинъ Фарръ, у кого чисто сердце,—воздухъ вездѣ здоровъ!

Въ четвертомъ засѣданіи я докладывалъ свою карту, надъ которой работалъ двѣ ночи сряду (Богъ помогъ мнѣ совершить этотъ трудъ безъ всякихъ пособій!) и по которой наглядимъ образомъ можно было ознакомиться съ положеніемъ трактирной и кабацкой промышленности въ Россіи. Сердце Россіи, Москва, было, comme de raison, покрыто самымъ густымъ слоемъ ярко-красной краски: отъ этого центра въ видѣ радіусовъ шли другія губерніи, постепенно блѣднѣя и блѣднѣя по мѣрѣ приближенія къ окраинамъ. Такъ что Новая Земля только отъ острова Колгуева заимствовала слабый блѣдно-розовый отблескъ. Въ заключеніе я потребовалъ, чтобы подобныя же карты были изданы и для другихъ странъ, такъ чтобы можно было сразу видѣть, гдѣ всего удобнѣе напиться.

— Ah, mais savez-vous que c'est bigrement sérieux, le travail que vous nous présentez là! — воскликнулъ Левассёръ, разсматривая мою карту.

— Prachtvoll!—одобрилъ Энгель.

— Beautiful!—присовокупилъ Фарръ.

— Benissime!—проурчалъ Корренти.

— Et remarquez bien que monsieur n'a employé que deux nuits pour commencer et achever ce beau travail! — отозвался Кеттлé, который передъ тѣмъ поцеловался съ Прокопомъ.

— Двѣ ночи—это вѣрно!— подтвердилъ Прокопъ:— и безъ всякаго руководства! Просто, взялъ листъ бумаги и съ Божьею помощью начертилъ!

Тогда всѣ бросились меня обнимать и цѣловать, что подъ конецъ сдѣлалось для меня даже обременительнымъ, потому что делегаты вздумали качать меня на рукахъ и чуть-чуть не уронили на полъ. Тѣмъ временемъ наступилъ адмиральскій часъ; Прокопъ наскоро произнесъ: „господа, милости просимъ хлѣба-соли откушать!“ и повелъ насъ въ столовую, гдѣ прежде всего нашимъ взорамъ представилась севрюжина... но какая это была севрюжина!

— Вотъ такъ севрюжина! — совершенно чисто произнесъ по-русски Кеттлѐ.

Но, увы! насъ и на этотъ разъ не вразумило это болѣе нежели странное восклицаніе иностраннаго гостя. До того наши сердца были переполнены ликованіемъ, что мы не лыкомъ шиты!

Послѣ обѣда, во время прогулки по Марсову полю, Левассёръ, ни съ того, ни съ сего, вступилъ со мной въ очень неловкій дружескій разговоръ. Во-первыхъ, онъ напрямикъ объявилъ, что ненавидитъ войну по принципу, и что самый видъ Марсова поля дѣйствуетъ на него непріятно.

— А мы, — отвѣтилъ я довольно сухо: — мы гордимся этимъ полемъ.

— Oui, je comprends ça! la fierté nationale—nous autres, français, nous en savons quelque chose! Mais, quant à moi—je vous avoue que ça me porte sur les nerfs!

Во-вторыхъ, постепенно раскрывая передо мной свою душу, онъ признался, что всегда былъ сторонникомъ парижской коммуны и даже участвовалъ въ разграбленіи дома Тьера.

— Ma femme est une petroleuse—je ne vous dis que ça!— прибавилъ онъ грустно.

Въ-третьихъ, онъ изъявилъ опасеніе, что за нимъ слѣдятъ; что клевета и зависть преслѣдуютъ его даже въ снѣгахъ Россіи; что вотъ этотъ самый Фарръ, который такъ искусно притворяется англичаниномъ, есть не что иное, какъ агентъ Тьера, которому нарочно поручено гласно возбуждать вопросы о шпіонахъ, а между тѣмъ подъ рукой требовать выдачи его, Левассёра. Въ заключеніе онъ просилъ меня посмотрѣть по сторонамъ и удостовѣриться, нѣтъ ли по близости полицейскаго.

Я въ смущеніи исполнилъ его просьбу; но такъ-какъ мы стояли на самой срединѣ поля и притомъ начало уже смеркаться, то полицейскіе представлялись разсѣянными по окраинамъ въ видѣ блудящихъ огоньковъ. Тѣмъ не менѣе я поспѣшилъ успокоить моего новаго друга и завѣрить его, что я и Прокопъ сдѣлаемъ все зависящее...

— Ah! quant à vous—vous avez l'âme sensible—je le vois, je le sens, j'en suis sûr! Mais quant à monsieur votre ami—permettez-moi d'en douter!—воскликнулъ онъ, съ жаромъ сжимая мою руку.

Къ сожалѣнію, я долженъ былъ умолкнуть передъ замѣчаніемъ Левассёра, потому что, говоря по совѣсти, и самъ въ точности не зналъ, есть ли у Прокопа какая-нибудь душа. Чортъ его знаетъ! можетъ быть, у него только фуражка съ краснымъ околышемъ—вотъ и душа!

Во всякомъ случаѣ признанія Левассёра произвели на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Коммуналистъ! жена петролейщица! И чортъ его за языкъ дергалъ соваться ко мнѣ съ своими признаніями! Поэтому первымъ моимъ движеніемъ было убѣдить его познать свои заблужденія, и я бойко и горячо принялся за выполненіе этой задачи, какъ вдругъ, среди самаго разгара моего краснорѣчія, онъ зашатался, зашатался и разомъ рухнулся на песокъ! Тутъ только я догадался, что онъ пьянъ въ послѣднемъ градусѣ, и что слѣдовательно всѣ его признанія были не что иное, какъ слѣдствіе привычки блягировать, столь свойственной его соотечественникамъ! Признаюсь, даже открытіе Америки не подѣйствовало бы на меня такъ благотворно, какъ эта неожиданная развязка, разомъ выведшая меня изъ затруднительнѣйшаго положенія!

Пятый день — осмотръ домика Петра Великаго: засѣданіе и обѣдъ въ Малоярославецкомъ трактирѣ (menu: суточныя щи и къ нимъ пяпя, свиныя котлеты, жаркое — теленокъ, посный одними сливками, вмѣсто пирожнаго — калужское тѣсто). Послѣ обѣда каждый удаляется во-свояси и ложится спать. Я нарочно настоялъ, чтобъ въ ordre du jour было включено спанье, потому что опасался новыхъ признаній со стороны Левассёра. Шутъ его разберетъ, вретъ онъ или не вретъ! А вдругъ съ-пьяпа ляпнетъ, что изъ Тьерова дома табакерку унесъ!

Осмотръ домика великаго преобразователя Россіи удался великолѣпно. Левассёръ о вчерашнемъ разговорѣ на Марсовомъ полѣ ни полслова. Напротивъ того, пришелъ какъ встрепанный и сейчасъ же воскликнулъ:

— C'en était un de tzar! fichtre, quel genre!

— Das war ein Tzar! — глубокомысленно отозвался Энгель.

— Tzarissimo, magnissimo! — чортъ знаетъ на какомъ языкѣ формулировалъ свое удивленіе Корренти.

Старичокъ Кеттлé нѣкоторое время стоялъ задумчиво опершись на трость. Наконецъ онъ взволнованнымъ голосомъ замѣтилъ, что и душѣ Петра была не чужда статистика.

Тогда выступилъ впередъ мой другъ Берсеневъ (изъ „Наканунѣ“) и сказалъ:

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, милостивые государи, слова о Петрѣ Великомъ, сказанныя однимъ изъ незабвенныхъ учителей моей юности, которыя будутъ здѣсь какъ нельзя болѣе у мѣста. Вотъ эти слова: „но великій человѣкъ не пріобщился нашимъ слабостямъ! Онъ не зналъ, что мы и плоть, и кровь! Онъ былъ великъ и силенъ, а мы родились малы и худы, намъ нужны были общіе уставы человѣчества!“ Я сказалъ, господа *).

Этимъ осмотръ кончился при громкомъ одобреніи присутствующихъ.

Пятое засѣданіе было посвящено вреднымъ звѣрямъ и насѣкомымъ. Делегатъ отъ Мигородскаго уѣзда, Иванъ Ивановичъ Перепенко, прочиталъ докладъ о тушканчикахъ, и въ виду *особенно*,

*) Рѣчь, сказанная профессоромъ Мордовцевымъ на актѣ московскаго университета „Объ Уложеніи и его дальнѣйшемъ развитіи“.

Примѣч. автора „Дневника“.

производимаго ими, вреда требовалъ, чтобъ этимъ животнымъ была отведена въ статистикѣ отдѣльная графа.

Давно я не слыхалъ такой блестящей импровизаціи. Тушканчикъ стоялъ передо мной какъ живой. Я видѣлъ его въ норѣ, окруженнаго безчисленнымъ и вреднымъ семействомъ; я видѣлъ его выползающимъ изъ норы, стоящимъ нѣкоторое время на заднихъ лапкахъ и *вредно* озирающимся; наконецъ, я видѣлъ его наносящимъ *особенный* вредъ нашимъ полямъ и поучающимъ тому же вредныхъ членовъ своего семейства. Это было нѣчто поразительное.

Но чему я былъ радъ несказанно—это случаю видѣть маститаго Переренко, о которомъ я такъ много слышалъ отъ Гоголя. О, Боже! какъ онъ постарѣлъ, осунулся, побѣлѣлъ, хотя, повидимому, все еще былъ бодръ и всегда готовъ спросить: „а можетъ, тебѣ и мяса, небога, хочется?“

— Ну, что, какъ ваше дѣло съ Иваномъ Никифоровичемъ? — спросилъ я его.

Старикъ грустно махнулъ рукой.

— Ужели не кончено?

— На дняхъ будетъ въ третій разъ слушаться въ кассаціонномъ департаментѣ!—отвѣтилъ онъ угрюмо.

— Великій Боже!

— Сначала слушали въ полтавскомъ окружномъ судѣ—кассацію подалъ я; потомъ перенесли въ черниговскій судъ—кассировалъ Довгочхунъ. Потомъ дѣло перенесли въ Харьковъ—опять кассирую я...

Онъ на минуту поникъ головой.

— Я уже не говорю о безпокойствахъ,—произнесъ онъ со слезами въ голосѣ:—но все мое состояніе... все состояніе пошло... туда! Вы знаете, какія у меня были дыни?

— И что жъ?

— Ни въ прошломъ году, ни въ нынѣшнемъ я не съѣлъ ни одной! Все съѣли адвокаты, хоть урожай былъ отличнѣйшій! Чтобы не умереть съ голоду, я вынужденъ писать газетныя корреспонденціи по полторы копѣйки за строчку. Но и тамъ урѣзываютъ!

— Ба! такъ это ваша корреспонденція, которая начинается словами: „Хотя нашъ Миргородъ въ сравненіи съ Гадячемъ или Конотопомъ можетъ быть названъ столицею, но ежели кто видѣлъ Нирятинъ...“?

Иванъ Ивановичъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Что жъ вы однако предполагаете дѣлать съ вашимъ процессомъ?

— Вѣроятно его переведутъ теперь въ Изюмъ; но ежели и изюмскій судъ откажетъ мнѣ въ удовлетвореніи, тогда надобно будетъ опять подавать на кассацію и просить о переводѣ дѣла въ Сумы... Но я не отступлю!

Иванъ Ивановичъ такъ сверкнулъ глазами, что я совершенно ясно понялъ, что онъ не отступитъ. Онъ и Неуважай-Корыто. Они не отступятъ. Они пойдутъ и въ Сумы, и въ Острогожскъ, и когда-нибудь да уискутъ Довгочхуна—это вѣрно!

Между тѣмъ какъ мы дружески бесѣдовали, на конгрессѣ поднялся дымъ коромысломъ. Виновникомъ скандала былъ все тотъ же несносный англичанинъ Фарръ, внесшій одно изъ самыхъ эксцентричныхъ предложеній, какого можно было только ожидать. Предложеніе это приблизительно можно было формулировать слѣдующимъ образомъ: „Тушканчики—это прекрасно; и такъ какъ вредъ, ими производимый, дѣйствительно имѣетъ свойства вреда *особеннаго*, то нѣтъ ничего справедливѣе, какъ отвести имъ и графу *особенную*. Надо, чтобъ каждый зналъ силу врага, съ которымъ имѣетъ дѣло, а кому же, какъ не статистикѣ, оказать человѣческую услугу приведеніемъ въ ясность всѣхъ золъ, его удручающихъ? Но не одни тушканчики производятъ *особенный* вредъ: онъ, Фарръ, знаетъ иной *особенный* вредъ, гораздо болѣе сильный, о которомъ статистика не упоминаетъ вовсе, а именно: вредъ, наносимый неправильными административными распоряженіями. Въ виду несомнѣнной важности и особенности этого вреда, не слѣдуетъ ли и для него отвести особенную графу, которая слѣдовала бы непосредственно за графой о тушканчикахъ?“

Едва произнесъ Фарръ свою рѣчь, какъ Левассёръ не выдержалъ. Весь блѣдный, онъ вскочилъ съ своего мѣста и сказалъ:

— Тѣ, которые такъ упорно инсинуируютъ здѣсь противъ правительствъ, гораздо лучше сдѣлали бы, если бы внесли предложеніе о вредѣ, наносимомъ переодѣтыми членами интернаціоналки!

— А еще полезнѣе было бы,—хладнокровно возразилъ Фарръ:—привести въ ясность вредъ, производимый переодѣтыми петролейщиками:

Я до сихъ поръ не могу себѣ объяснить тайны сопричества,

постоянно высказывавшагося между Фарромъ и Левассёромъ. Быть можетъ, оба они когда-нибудь служили агентами сыскной полиціи, и поэтому между ними существовала застарѣлая вражда. Смятеніе, которое произвелъ этотъ „разговоръ“, было несказанно. Всѣ делегаты заговорили разомъ. Старикъ Кеттлé всталъ съ мѣста и простеръ руки въ знакъ мира и любви. Энгель язвительно посматривалъ на „разговаривающихъ“ и шепталъ: „also nun!“, какъ бы ожидая, что вотъ сейчасъ подадутъ шампанскаго. Корренти равнодушно напѣвалъ изъ „Pifferaro“:

Evviva la Franzia!
Evviva la libertà!

Но настоящимъ миротворцемъ явился Проконъ!

— Господа! — обратился онъ къ спорящимъ: — прекратите! Пожалуйста, хоть для меня прекратите! Право, мы здѣсь не для пререканій! Мы всегда рады иностраннымъ гостямъ и повеземъ васъ въ Москву, и даже въ Нижній, только ужъ и вы, господа, эти ссоры оставьте! Мы дѣлаемъ вамъ удовольствіе—и вы насъ почтите. Вы, господинъ Фарръ, постоянно задираете. Характеръ у васъ самый несносный. Вы поднимаете такіе вопросы, что еслибъ не уваженіе къ иностраннымъ гостямъ, то васъ давно ужъ слѣдовало бы отправить къ мировому. Скажите, развѣ это пріятно? Вы, можетъ быть, думаете, что вы въ Англіи—анъ нѣтъ, вы ошибаетесь, вы въ Россіи! У насъ нѣтъ никакого инсулярнаго положенія, а потому мы ведемъ свою статистику на свой образецъ, какъ Богъ пошлетъ. Вотъ онъ (*указываетъ на меня*) сочинилъ карту питейныхъ домовъ—чего еще больше! Стыдитесь, сударь! Да и вы, господинъ Левассёръ! вы тоже! добрый вы малый, а вѣдь ахъ какъ и въ васъ эта французская жилка играетъ! Вотъ господинъ Энгель: сидитъ и молчитъ—чего лучше! Оттого-то нѣмцы васъ и побиваютъ! А вы—чуть что не по васъ—сейчасъ и вспыхнули! Порохъ! Подайте же другъ другу руки и не ссорьтесь больше. Стыдно! не маленькіе. Намъ еще трудовъ по горло, завтра ужъ шестое засѣданіе, а вы словно нѣтухи какіе! Человѣкъ! шампанскаго!

Левассёръ первый и съ удивительнѣйшею развязностью протянулъ руку; но Фарръ упирался. Тогда мы начали толкать его впередъ и кончили, разумѣется, тѣмъ, что враги столкнулись. Произошло примиреніе, начались заздравные, тосты, поднялся говоръ, смѣхъ

—какъ будто никакихъ прискорбныхъ столкновеній и въ поминѣ не было. Средп этой суматохи я вдругъ вспомнилъ, что на нашемъ пирѣ науки нѣтъ японцевъ.

— Господа! — сказалъ я: — изъ газетъ достовѣрно извѣстно, что японцы уже прибыли. Поэтому странно, чтобъ не сказать болѣе, что этихъ иностранныхъ гостей нѣтъ между нами. Я положительно требую отвѣта: отчего нѣтъ японцевъ на роскошномъ пирѣ статистики?

Но увы! упущеніе было уже сдѣлано, а потому конгрессъ положилъ: „По поводу отсутствія господъ японцевъ выразить искреннее („искреннѣйшее! искреннѣйшее!“ — вопили со всѣхъ сторонъ делегаты) сожалѣніе, поручивъ гг. Веретьеву и Кирсанову добыть японскихъ гостей и доставить ихъ къ слѣдующему засѣданію“.

Затѣмъ пробилъ адмиральскій часъ, мы бросились къ накрытымъ столамъ, и — клянусь честью — никогда калужское тѣсто не казалось мнѣ столь вкуснымъ, какъ въ этотъ достопамятный день!

Шестой день: осмотръ сфинксовъ, засѣданіе и обѣдъ въ Малоярославецкомъ трактирѣ (menu: стерляжья уха съ подовыми пирогами; солянна подъ хрѣномъ; гусь съ капустой; клюквенный кисель съ сытою). Послѣ обѣда — мытье въ Воронинскихъ баняхъ.

Осмотръ сфинксовъ прошелъ довольно холодно, быть можетъ потому, что предстоявшее засѣданіе слишкомъ живо затрогивало личные интересы конгрессистовъ. Въ этомъ засѣданіи предстояло окончательно рѣшить вопросъ объ учрежденіи постоянной коммиссіи, то-есть опредѣлить, какія откроются по этому случаю новыя мѣста, и на кого падетъ жребій замѣстить ихъ. Но естественно, что коль скоро выступаютъ на сцену подобные жгучіе вопросы, то преній по поводу ихъ слѣдуетъ ожидать оживленныхъ и даже бурныхъ.

Но Прокопъ предусмотрѣлъ это, и потому еще не успѣли приступить къ преніямъ, какъ онъ уже распорядился поднести всѣмъ членамъ конгресса по большой рюмкѣ водки. Повидимому одна, хотя и большая, рюмка едва ли могла бы достигнуть желаемыхъ результатовъ, но Прокопъ очень основательно разсчиталъ, что эта *одна* рюмка послужитъ только введеніемъ, за которымъ значительное число конгрессистовъ, уже motu proprio, потребуютъ по второй и по третьей. И разсчетъ его оказался вѣрнымъ. Едва засѣданіе было провозглашено открытымъ, какъ уже большая часть бойцовъ очутилась внѣ

боя. На аренѣ остались только самые упорные статистики или тѣ изъ конгрессистовъ, которые положили на водку зарокъ.

Засѣданіе открылось заявленіемъ Веретьева и Кирсанова, что принятыя ими мѣры къ отысканію японцевъ были безуспѣшны. Японцы дѣйствительно прибыли, и они даже напали на ихъ слѣдъ, но, какъ ни старались, ни разу не застали ихъ дома. Сколько могли они понять изъ объясненій прислуги, японскіе делегаты сами съ утра до вечера находятся въ тщетныхъ поискахъ за конгрессомъ; стало быть, остается только констатировать эту безплодную игру въ жмурки, производимую во имя науки, и присовокупить, что она представляетъ одинъ изъ прискорбнѣйшихъ фактовъ нашей современности.

Опредѣлено: „Записать о семъ въ журналъ и еще разъ выразить искреннее сожалѣніе, что страна столь могущественная, дружественная и притомъ неуклонно стремящаяся къ возрожденію, не имѣла на конгрессѣ своего представителя“.

Затѣмъ, не теряя времени, мы приступили къ голосованію параграфовъ „Положенія о постоянной статистической коммиссіи“, редактированнаго Прокопомъ по соглашенію съ Кеттлé.

— Mais il me semble, messieurs, que nous ne sommes pas en nombre!—замѣтилъ Левассеръ, указывая на простертыя по диванамъ тѣла нашихъ соконгрессистовъ.

— Ну, чего еще тутъ „en nombre“! Пожалуйста, Карлъ Иванычъ, не вмѣшивайся ты, ради Христа!

Откуда узналъ Прокопъ имя и отчество Левассёра? какимъ образомъ и когда сошелся онъ съ нимъ на „ты“! Изумительно!

— Господа! терять времени нечего! а то наши проснятся и заглядятъ! Параграфъ премьé: „Для наблюденія за работами гг. статистиковъ, въ отношеніи ихъ успѣшности и правильности, учреждается постоянная статистическая коммиссія, съ тѣми же правами, которыя присвоены международному статистическому конгрессу на время его собраній“... Ладно, что-ли?

— Прекрасно!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Параграфъ сегонъ: „Постоянная сія коммиссія имѣетъ мѣстопребываніе въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ, въ Малоярославецкомъ онаго трактирѣ“...

— Противъ этого параграфа я имѣю сдѣлать возраженіе,—заявилъ Кирсановъ.

— Покороче, сдѣлай милость!

— Я буду кратокъ: кушанье въ Малоярославецкомъ трактирѣ обходится такъ дорого...

— Да гдѣ же ты въ другомъ мѣстѣ такихъ поросятъ найдешь?

— Я не говорю, что поросята дурны, но я утверждаю, что въ случаѣ необходимости можно удовольствоваться и не столь жирными поросятами. Вспомните, господа, что членами коммиссіи могутъ быть люди семейные, для которыхъ далеко не безразлично, платить ли за порцію восемь гривенъ, или тридцать копѣекъ. А между тѣмъ я знаю на углу Садовой и Вознесенскаго трактирчикъ г-жи Васильевой, гдѣ, во-первыхъ, помѣщеніе очень приличное, во-вторыхъ, кушанье подается недорогое и вкусное, и въ-третьихъ, прислугѣ строго воспрещено произносить при гостяхъ ругательныя слова! Поэтому я и полагалъ бы....

— Ну, къ Васильевой, такъ къ Васильевой!—не мнѣ придется дохлятину-то ѣсть! Я, братъ, завтра взялъ шапку, да и былъ таковъ! Параграѳъ троазіемъ, господа: „Въ составъ коммиссіи входятъ по одному представителю отъ каждой изъ пяти первостепенныхъ державъ, съ жалованьемъ по шести тысячъ рублей въ годъ: второстепенныя державы посылаютъ въ складчину по одному представителю отъ каждыхъ двухъ государствъ, съ жалованьемъ по мѣрѣ средствъ. На канцелярскіе расходы ассигнуется по десяти тысячъ рублей въ годъ, каковой расходъ относится на счетъ патентнаго сбора съ вольнопрактикующихъ статистиковъ“.

Корренти всталъ и довольно нагло потребовалъ принять Италію въ число первостепенныхъ государствъ. Съ тѣхъ поръ,—говорилъ онъ,—какъ Римъ сдѣлался нашей столицей, непростительно даже сомнѣваться, что Италія признана быть рѣшительницей судебъ міра“. Но Прокопъ сразу осадилъ дерзкаго пришельца.

— Ну, братъ, это еще Улита ѣдетъ, когда-то будетъ!—сказалъ онъ ему, и этимъ мѣткимъ замѣчаніемъ увлекъ за собой все собраніе. Параграфъ 3-й былъ принятъ огромнымъ большинствомъ.

— Параграѳъ катріемъ е дерньé: „Постоянная коммиссія имѣетъ главный надзоръ за статистикой во всѣхъ странахъ міра. Она поощряетъ прилежныхъ и исправныхъ статистиковъ, нерадивыхъ же подвергаетъ надлежащимъ взысканіямъ. Сверхъ того, высшимъ мѣстамъ и учрежденіямъ она пишетъ доношенія и рапорты; съ равными

мѣстами сносится посредствомъ отношеній; статистикамъ, получающимъ отъ казны содержаніе, даетъ предложенія; статистикамъ вольнопрактикующимъ посылаетъ указы и предписанія".

Но не успѣли мы приступить къ голосованію послѣдняго параграфа, какъ случилось нѣчто поразительное. На лѣстницѣ послышался сильный шумъ, и въ залу засѣданій вбѣжалъ совершенно блѣдный и растерявшійся половой. Увидѣвъ его, Кеттлé съ быстротою молніи ухватилъ первую попавшуюся подъ руку шапку и улизнулъ. Его примѣру хотѣли послѣдовать и прочіе иностранные гости (какъ послѣ оказалось—притворно), но было уже поздно: въ комнатѣ засѣданій стоялъ господинъ въ полицейскомъ мундирѣ, а изъ-за дверей выглядывали головы городовыхъ. Левассёръ съ какою-то отчаянною рѣшимостью отвернулся къ окну и произнесъ:—Alea jacta est.

— Господинъ отставной корнетъ Шалапутовъ!—провозгласилъ между тѣмъ господинъ въ полицейскомъ мундирѣ.

— Здѣсь! — отозвался Левассёръ, отдаваясь въ руки правосудія.

Мы такъ и ахнули.

Глава IX.

Итакъ, этотъ статистическій конгрессъ, на который мы возлагали столько надеждъ, оказался лишь фальшивою декораціей, за которою скрывалась самая низкая подпольная интрига! Онъ былъ лишь средствомъ для занесенія нашихъ именъ въ списки сочувствующихъ, а оттуда—кто знаетъ?—быть можетъ, и въ книгу живота!

Можно себѣ представить, каково было удивленіе мое и Прокопа, когда мы узнали, что чуть-чуть не сдѣлались членами интернаціоналки!

Вечеръ этого дня я провелъ у Менандра, и мы оба долго и горько плакали. Чтобъ утѣшить меня, онъ началъ читать корреспонденцію изъ Екатеринослава, въ которой чертами, можно сказать, огненными описывались производимыя сусликами опустошенія: но чтеніе это еще болѣе разстроило насъ.

— Неужели же нѣтъ никакихъ мѣръ противъ этихъ негодяевъ? —воскликнулъ я, самъ, впрочемъ, хорошенько не сознавая, о чемъ я говорю.

— Къ сожалѣнію, должно признаться, что такихъ мѣръ не существуетъ, хотя съ другой стороны нельзя не сознаться, что еслибы земскія управы взялись за дѣло энергически, то суслики давно были бы уничтожены! Я намѣренъ посвятить этой мысли не менѣе десяти передовыхъ статей.

Сказавъ это, онъ такъ глубокомысленно взглянулъ на меня, что я поскорѣе взялъ шапку и побѣжалъ куда глаза глядятъ.

Всю дорогу я бѣжалъ безъ всякой мысли. То-есть, коли хотите, и была мысль, которая неотступно стучала мнѣ въ голову, но мысль самая странная, а именно: „къ сожалѣнію, должно признаться, хотя съ другой стороны нельзя не сознаться“ — и больше ничего. Это былъ своего рода дурацкій итальянскій мотивъ, который иногда по цѣлымъ часамъ преслѣдуетъ человѣка безъ всякаго участія со стороны его сознанія. Идетъ ли человѣкъ по тротуару, сидитъ ли въ обществѣ нѣкоснимателей, читаетъ ли корреспонденцію изъ Пирятина — вдругъ гаркнетъ: „odiar ti!“ — и самъ не можетъ дать себѣ отчета, зачѣмъ и почему. Даже когда я легъ въ постель, то и тутъ послѣднею мыслью моею было: „къ сожалѣнію, должно признаться, хотя съ другой стороны нельзя не сознаться“...

Ночь я провелъ безпокойно, почти бурно. Во снѣ я припомнилъ, что программа этого дня осталась невыполненною, и что намъ слѣдовало еще ѣхать съ иностранными гостями въ Воронинскія бани. Поэтому я тотчасъ же перенесся фантазіей въ бани, и, увидѣвъ себя и иностранныхъ гостей обнаженными, почему-то сконфузился. Но въ то самое время, какъ я обдумывалъ, какъ бы устроить, чтобъ нагота моя была какъ можно меньше замѣтна, Левассёръ благимъ матомъ и на чистѣйшемъ россійскомъ діалектѣ завопилъ: „пару! ради Христа, еще пару!“ Тутъ только я понялъ гнусный обманъ, котораго были жертвою мы, простодушные провинціальные кадыки, и уже бросился съ вѣникомъ, чтобъ наказать наглаго интригана, какъ вдругъ передо мной, словно изъ-подъ земли, выросъ Менандръ. Онъ былъ тоже совершенно голый, но въ рукахъ его, вмѣсто вѣника, торчала кипа корреспонденцій, изъ которыхъ на каждой огненными буквами были начертаны слова: „къ сожалѣнію, должно признаться“... Меня бросило въ потъ, и что было послѣ того — я ничего не помню...

Утромъ, едва успѣлъ я опомниться отъ страшнаго сна, какъ Прокопъ уже стоялъ передо мной.

— Ты пойми, — сказалъ онъ мнѣ: — вѣдь мы должны будемъ фигурировать въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ дураковъ... то-бишь, свидѣтелей!

— Надѣюсь, однако, что мы не виноваты?—рискнулъ я возразить, самъ впрочемъ не вполнѣ увѣренный, виноватъ я или не виноватъ.

— Дожидайся, будутъ тебя спрашивать, виноватъ ты или не виноватъ! Былъ съ ними—и дѣло съ концомъ!

Тутъ я вспомнилъ мой разговоръ съ Левассёромъ на Марсовомъ полѣ, и чуть не посѣдѣлъ отъ ужаса. Припомнитъ онъ или не припомнитъ? Ахъ, дай-то, Господи, чтобъ не припомнилъ! Потому что ежели онъ припомнитъ... Господи! ежели онъ припомнитъ! Это нужды нѣтъ, что я ничего не говорилъ и даже убѣждалъ его оставить заблужденія, но вѣдь, пожалуй, онъ припомнитъ, что *онъ* говорилъ, и тогда...

— Да ты не наболталъ ли чего-нибудь?—спросилъ Прокопъ, замѣтивъ мое смущеніе.

— Ей Богу, я ничего не говорилъ! Но я... но мнѣ...

— Ну, братъ, плохое твое дѣло, коли такъ. *Онъ* припомнитъ. Я, братъ, самъ однажды Энгеля пьянаго домой на извозчикѣ подвозилъ, такъ и то вчера цѣлый вечеръ въ законахъ рылся: какому за сіе наказанію подлежу! Потому, припомнитъ—это вѣрно.

— Но позволь, душа моя, вѣдь ты же всю эту исторію затѣялъ! Ты съ ними меня свелъ! Ты приглашеніе мнѣ принесъ! Ты засѣданія устраивалъ! За что же я долженъ терпѣть?

— Мало чего нѣтъ! А ты вспомни, что ты еще прежде про статистику-то говорилъ! Вспомни, какъ ты перебиралъ: и того у насъ нельзя, и то невозможно, и за это въ кутузку... Нѣтъ, братъ, шалишь! Коли ужъ приноминать, такъ все приноминать! Пущай начальство видитъ!

— Позволь... но вѣдь не въ этомъ дѣло!

— Нѣтъ, братъ, ужъ приноминать, такъ приноминать! Картуто насчетъ трактирныхъ заведеній кто составлялъ? а? Анъ карта-то, братъ,—вотъ она! (Прокопъ хлопнулъ рукой по боковому карману сюртука.)

— Но карта... что же она означаетъ?

— Тамъ, братъ, ужъ разберутъ. Тамъ всему мѣсто найдутъ. Нѣтъ, это ужъ не резонъ. Это, братъ, не по-товарищески!

— Но пожалуйста ты не думай, чтобъ я...

— Нечего тутъ „не думай“! Я и то не думаю. А по моему: вмѣстѣ блудили, вмѣстѣ и отвѣчать слѣдуетъ, а не отлынивать! Я виноватъ! скажите на милость! А кто меня на эти дѣла натравливалъ! Кто меня на дорогу-то на эту поставилъ! Нѣтъ, братъ, я самъ съ усамъ! Карта-то—вотъ она!

Словомъ сказать, гонимые страхами, мы вдругъ уподобились тѣмъ рыцарямъ современной русской журналистики, которые, не имѣя возможности проникнуть въ „храмъ удовлетворенія“, накидываются другъ на друга и начинаютъ грызться: „нѣтъ, ты!“—„анъ ты!“

Разъ вступивши на скользкій путь сплетенъ и припоминаній, Богъ знаетъ до чего бы мы могли дойти, но, къ счастью, мы не успѣли еще пустить другъ другу въ лицо ни „хамами“, ни „клопами“, ни однимъ изъ тѣхъ эпитетовъ, которыми такъ богата „многоуважаемая“ редакція „Старѣйшей Русской Нѣкоснимательницы“, какъ въ мой нумеръ влетѣлъ Веретьевъ.

— Берутъ!—ревѣлъ онъ, весело потирая руки.

Я поблѣднѣлъ; Прокопъ положительно упалъ духомъ.

— Кого?!

— Волохова, Рудина и Берсенева ужъ взяли... Кирсановъ—на волоскѣ!

— Но чему же вы радуетесь, Веретьевъ?

— Я чему радуюсь? Я? чему я радуюсь?!.. „Затишье“! Астаховъ! Маша! „Человѣкъ онъ былъ“! — а теперь что! Что я такое, спрашиваю я васъ! Утопула! Чорта съ два... вышла замужъ за Чертопханова! За Чертопханова—понимаете! „Башмаковъ еще не износила“!.. Зачѣмъ жить? За чѣмъ мнѣ жить, спрашиваю я васъ! Сибирь... каторга... по холодку! Вотъ тутъ!—закончилъ онъ, ударяя себя въ грудь: — тутъ!

Я зналъ, что Веретьевъ получилъ воспитаніе въ Бѣлобородовскомъ полку, и потому паясничества его никогда не удивляли меня. Иногда, вслѣдствіе общаго неприхотливаго уровня вкуса, они казались почти забавными, а въ глазахъ очень многихъ служили даже признакомъ несомнѣнной талантливости. Но въ эту минуту, признаюсь, мнѣ было досадно глядѣть на его кривлянья.

— Неужели вы хоть одинъ разъ въ жизни не можете быть серьезнымъ, Веретьевъ?—укорилъ я его.

— Тебѣ, Веретьевъ, когда ты въ компаніи—цѣны нѣтъ!—присовокупилъ съ своей стороны Прокопъ: — мухой ли прожужжать, сверчкомъ ли прокричать—на все ты молодецъ! Ну, а теперь, братъ, извини! теперь, братъ, слѣдовало бы и остепениться крошечку!

— Что-жъ! можно и остепениться! Ну, спрашивайте! глазомъ не моргну!

Сказавши это, Веретьевъ вдругъ зажужжалъ на манеръ пчелы, но зажужжалъ такъ натурально, что мы съ Прокопомъ инстинктивно начали отмахиваться.

— Ахъ, чортъ подери! Это все ты, шутъ гороховый!—обозлился Прокопъ: — и охота намъ съ отчаяннымъ связываться! Да говори толкомъ, оглашенный, что̀ такое случилось?

Быть можетъ, Веретьевъ и еще откинулъ бы нѣсколько фарсовъ, прежде нежели объяснить, въ чемъ дѣло. но, къ счастію для насъ, въ эту минуту пришелъ Кирсановъ. Онъ былъ видимо разстроенъ: чистенькое и блѣдное лицо его приняло желтоватые тоны, тонкія губы сжались; новенькій вицъ-мундирчикъ вздрагивалъ на его плечахъ.

— Господа! вы видите меня въ величайшемъ недоумѣніи, — началъ онъ раздраженнымъ голосомъ: — не говоря уже о томъ, что я цѣлую недѣлю, неизвѣстно по чьей милости, былъ дѣйствующимъ лицомъ въ какой-то странной комедіи. но—что̀ важнѣе всего—въ настоящую минуту заподозрѣна даже моя политическая благонадежность.

Аркаша остановился и окинулъ насъ взглядомъ, которому онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, старался придать олимпическій характеръ. Но Прокопа этотъ взглядъ, повидимому, нимало не смутилъ, такъ какъ онъ отвѣтилъ въ упоръ:

— Твоя благонадежность! Велика штука — твоя благонадежность! И мы заподозрѣны. и всѣ заподозрѣны! Его благонадежность! Есть объ чемъ толковать!

— Да... но вѣдь я...—запнулся Кирсановъ.

— И я... и ты... ну да! Ну, и ты! Ты вспомни-ка. что̀ ты съ Базаровымъ, лежа на травѣ, разговаривалъ!

Блѣдное лицо Кирсанова моментально вспыхнуло.

— Конечно,—сказалъ онъ:—и я былъ молодъ, и я заблуждался: но кто же изъ насъ не былъ молодъ. кто не заблуждался! Мнѣ кажется, что въ смыслѣ политической благонадежности тѣ люди даже

полезнѣе, которые когда-нибудь заблуждались, но потомъ оставили свои заблужденія! Эти люди, во-первыхъ, понимаютъ, въ чемъ заключаются такъ-называемыя заблужденія, и, во-вторыхъ, знаютъ сладость раскаянья. Поэтому мнѣ болѣе нежели странно, что меня упрекаютъ пропилымъ, отъ котораго я самъ отвернулся съ тѣхъ поръ, какъ произошла эта исторія съ Ѳеничкой!

Но Прокопъ былъ неумолимъ.

— Толкуй, братъ, по пятницамъ!—отрѣзалъ онъ:—ужъ коли въ комъ разъ эта проказа засѣла, такъ никакими раскаяньями оттолѣ ее не выкуришь! Ты на конгрессѣ-то нашемъ что̀ проповѣдовалъ?

— Я всего одинъ разъ говорилъ, и то лишь для того, чтобы указать на трактиръ г-жи Васильевой, какъ на самое удобное мѣсто для засѣданій постоянной коммиссіи!

— Ну, хорошо! ну, положимъ! Дѣйствительно на конгрессѣ ты велъ себя скромно. А какъ ты во время эмансипаціи себя велъ? Ты посредникомъ былъ—скажи, какъ ты себя велъ? а?

— Но мнѣ кажется, что въ видахъ общихъ интересовъ...

— Нѣтъ, ты не отлынивай, а отвѣчай прямо: какъ ты себя велъ! Вотъ они (Прокопъ указалъ на Веретьева и на меня) — никогда ничего объ нихъ не скажу! Вели себя какъ дворяне—а потому и благодарность имъ отъ всѣхъ! (Прокопъ прикоснулся рукою къ землѣ.) Ну, а ты, братъ!.. Нѣтъ, ты съ душкомъ! Какъ ты къ дворянину-то выходилъ? въ какомъ видѣ? а? Какъ ты дворянъ-то на очныя ставки съ хамами ставилъ? а? „Вы, говоритъ, не имѣли права, на основаніи... а онъ, говоритъ, имѣетъ право, на основаніи“... а? Анъ вотъ оно и отозвалось! вотъ оно когда отозвалось-то!

— Но позвольте! ежели я увлекался, то цѣли, которыя при этомъ одушевляли меня...

— Не говори ты мнѣ, ради Христа! Я вѣдь помню! я все помню! Помню я, какъ ты меня съ Прошкой-то кучеромъ судилъ! Вѣдь я со стыда за тебя сгорѣлъ! Вотъ ты какъ судилъ!

Кирсановъ слегка поникъ головой, какъ бы сознавая, что передъ трибуналомъ Прокопа для него нѣтъ оправданій. Тогда я выступилъ впередъ, въ качествѣ миротворца.

— Позвольте, господа! позволь, мой другъ!—сказалъ я, мягко устраняя рукой Прокопа, который начиналъ уже подпрыгивать по

направленію къ Кирсанову:—дѣло не въ пререканіяхъ и не въ томъ, чтобы воскрешать прошлое. Аркадій Павлычъ увлекался—онъ самъ сознаетъ это. Но это сознаніе и соединенное съ нимъ раскаяніе онъ подтвердилъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій, характеръ которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Еслибъ не быстрота, съ которою онъ вызвалъ волнскую команду въ деревню Пролёванную, то Богъ знаетъ, имѣлъ ли бы я удовольствіе бесѣдовать теперь съ вами. Стало быть, оставимъ рѣчь о прошломъ. Въ прошломъ, конечно, были грѣшки, но были и достославныя дѣйствія. Обратимтесь, господа, къ настоящему! Въ чемъ дѣло, Аркадій Павлычъ?

— А вотъ не угодно ли посмотрѣть?

И Кирсановъ подалъ бумагу, въ которой мы прочли: „Коммиссія по дѣлу объ эмиссарахъ: отставномъ корнетѣ Шалапутовѣ, пензенскомъ помѣщикѣ Канканчиковѣ съ товарищи, вызываетъ титулярнаго совѣтника Аркадія Павлова Кирсанова для дачи отвѣтовъ противъ показаній неслужащаго дворянина Берсенева".

— Ну, попался!—воскликнулъ Прокопъ, и какъ-то особенно при этомъ свиснулъ.

— Но что же я сдѣлалъ? И что̀ могъ, наконецъ, Берсеневъ...

— Тамъ, братъ, разберутъ... а что попался, такъ это вѣрно!

— Но почему же вы такъ тревожитесь, Аркадій Павлычъ? Вѣдь вы сознаете себя невиннымъ?

— Клянусь, что я...

— Охотно вамъ вѣрю. Но, можетъ быть, вы что-нибудь говорили? Можетъ быть, вы говорили... ну, что бы такое?.. ну, хоть бы, напримѣръ, что необходимо Семипалатинской области дать особенное, самостоятельное устройство?

Кирсановъ задумался на минуту, какъ бы припоминая.

— Да... объ этомъ, кажется, была рѣчь,—наконецъ произнесъ онъ тихо.

— Ну, и пропалъ! Пиши письма къ роднымъ!

— Но позвольте, господа! Положимъ, что я говорилъ глупости, но неужели же нельзя... даже въ частномъ разговорѣ... даже глупости...

Но оправданіе это было такъ слабо, что Прокопъ опровергъ его моментально.

— Говорить глупости ты можешь,—сказалъ онъ:—да не такія.

Вы заберетесь куда-нибудь въ Фонарный переулокъ да будете отечество раздроблять, а на васъ смотри! Одинъ Семипалатинскую область оторветъ, другой въ Полтавскую губернію лапу засунетъ... Нельзя, сударь, нельзя!

Тогда Кирсановъ въ свою очередь озлился.

— Позвольте, однакожъ-съ!—сказалъ онъ:—если я не имѣю права говорить глупости, такъ и вы-съ... Помните ли, какъ вы однажды изволили говорить: „вотъ какъ бы вмѣсто Москвы да нашъ Амченскъ столицею сдѣлать“!..

— Ну, это ты врешь! Этого я не говорилъ! Ишь вѣдь что вспомнилъ! ахъ ты, сдѣлай милость! Да не то что одна коммиссія, а десять коммиссій меня позови—передо всѣми одинъ отвѣтъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Нѣтъ, братъ, я вѣдь травленый! Меня тоже не скоро на кривой-то объѣдешь!

— Но я не къ тому веду рѣчь...

— Понимаю, къ чему ты ведешь рѣчь, только напрасно. Ты, коли хочешь, впишь, а я не повинюсь! Хоть сто коммиссій меня къ отвѣту позови—не говорилъ, и баста!

Распря эта не успѣла, однакожъ, разыграться, потому что въ комнату вошелъ совершенно растерянный Перепенко.

— Представьте себѣ, меня обвиняютъ въ намѣреніи отдѣлить Миргородскій уѣздъ отъ Полтавской губерніи!—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Что такое? какъ?

— Да-съ! вы видите передъ собой измѣнника-съ! сепаратиста-съ! Я, который всѣмъ сердцемъ-съ!—говорилъ онъ язвительно:—и добро бы еще рѣчь шла объ Золотоношѣ! Ну, тутъ дѣйствительно еще былъ бы резонъ, потому что Золотоноша отъ Канева—рукой подать! Но Миргородъ! по Хороль! по Пирятинъ! по Кобеляки!

— Откуда же такая напраслина, Иванъ Иванычъ? Ужели Довгочхунъ...

— Признаюсь, у меня у самого первое подозрѣніе пало на Довгочхуна, но, къ сожалѣнію, Довгочхуновъ много и здѣсь. Не Довгочхунъ, а неслужащій дворянинъ Маркъ Волоховъ!

— Но развѣ вы имѣли неосторожность открыть ему ваши намѣренія?

— Нечего мнѣ было открывать-съ, потому что я, какъ родился

безъ намѣреній, такъ и всю жизнь безъ намѣреній надѣюсь прожить-съ. А просто однажды господинъ Волоховъ попросилъ у меня взаймы три цѣлковыхъ, и я ему въ просьбѣ отказалъ! Онъ и тогда откровенно мнѣ высказалъ: „Вспомню я когда-нибудь объ васъ, Иванъ Иванычъ!“ И вспомнилъ-съ.

— Донесъ, что-ли?

— Нѣтъ, не донесъ-съ. Книжечка у него такая была, въ которую онъ все записывалъ, что̀ на умъ взбредетъ. Вотъ онъ и записалъ тамъ: „Перепенко, Иванъ Иванычъ; имѣть въ виду, на случай отдѣленія Миргородскаго уѣзда“... Анъ книжечку-то эту у него нашли!

— Однако, это, чортъ возьми, штука скверная! — всполошился Прокопъ: — третьяго-дня этотъ шутъ гороховый Левассёръ говорилъ мнѣ: „Votre pays, monsieur, est un fichu pays!“ — а я, чтобы не обидѣть иностраннаго гостя: да, говорю, Карлъ Иванычъ! есть-таки того... попахиваетъ! А ну, какъ онъ это въ книжку записалъ?

— И записалъ-съ! — вздохнулъ Перепенко.

Мы всѣ вдругъ сосредоточились, какъ отправляющіеся въ дальній путь. Даже Веретьевъ уныло свиснулъ, вспомнивъ, какъ онъ когда-то нагрубилъ Астахову, который занималъ въ настоящее время довольно видный постъ. Каждый старался перебрать въ умѣ всю жизнь свою... даже такую вполнѣ чистую и безупречную жизнь, какъ жизнь Перепенки и Прокопа!

Я былъ скомпрометтированъ больше всѣхъ. Не говоря уже о признаніяхъ Шалапутова на Марсовомъ полѣ, о томъ, что я неоднократно подвозилъ его на извозчикѣ и ссудилъ въ разное время по мелочи суммою до десяти рублей, въ моемъ прошедшемъ былъ фактъ, относительно котораго я и самъ ничего возразить не могъ. Этотъ фактъ — „Маланья“, повѣсть изъ крестьянскаго быта, которую я когда-то написалъ. Конечно, это было заблужденіе молодости, но нельзя себѣ представить, до какой степени живучи эти заблужденія! Вотъ, кажется, все забыто; прошедшее стерлось и какъ бы заплыло въ темной пучинѣ времени — анъ нѣтъ, оно не стерлось и не заплыло! Достаточно самаго ничтожнаго факта, случайнаго столкновенія, нечаянной встрѣчи — и опять все воскресло, задвигалось, засуетилось! забытые образы выступаютъ наружу, полинявшія краски оживаютъ; одна подробность вызываетъ другую — и канувшій въ вѣчность мо-

мент преступленія становится передъ вами во всей ослѣпительной ясности!

— Эге! да вѣдь это тотъ самый, который „Маланью“ написалъ?

— „Маланью“! Что такое „Маланья“? Это не то ли, что Верина на театрѣ представляетъ: „Маланья, русская сирота“... такъ, кажется?

— Нѣтъ, „русская сирота“ — это „Ольга“. А „Маланья“ — это... это... да это ужасъ что такое „Маланья“!

— И онъ написалъ „Маланью“?

— Онъ самый. И еще имѣетъ смѣлость оправдываться... excusez du peu!

Однимъ словомъ, „Маланья“ — это родъ первороднаго моего грѣха...

Эти горькія размышленія были прерваны стукомъ въ дверь моего нумера. Какъ ни были мы приготовлены ко всякимъ случайностямъ, но стукъ этотъ всѣхъ насъ заставилъ вздрогнуть. Въ комнату развязно вошелъ очень изящный молодой человѣкъ, въ сюртукѣ военнаго покроя, вручилъ мнѣ, Прокопу и Веретьеву по пакету и, сказавъ, что въ восемь часовъ, какъ только стемнѣетъ, за нами пріѣдетъ карета, удалился.

Это былъ не сонъ, но нѣчто фантастичнѣе самаго сна. Насъ было тутъ пять человѣкъ, не лишенныхъ Божьей искры,—и никому даже въ голову не пришло спросить, кто этотъ молодой человѣкъ, отъ кого онъ присланъ, въ силу чего призываютъ насъ къ отвѣту, почему, наконецъ, онъ не принимаетъ такъ-называемыхъ мѣръ къ пресѣченію способовъ уклоненія отъ суда и слѣдствія, а самымъ патріархальнымъ образомъ объявляетъ, что заѣдетъ за нами вечеромъ въ каретѣ, до тѣхъ же поръ мы обязываемся его ждать! Ни одинъ изъ этихъ вполнѣ естественныхъ вопросовъ не пришелъ намъ на мысль— до такой степени было сильно убѣжденіе, что мы виноваты и что „тамъ разберутъ“!

Это была уже вторая руководящая мысль, которая привела насъ къ путаницѣ. Во время статистическаго конгресса насъ преслѣдовало гордое убѣжденіе, что мы не лыкомъ шиты; теперь оно смѣнилось другимъ, болѣе смиренномудреннымъ убѣжденіемъ: мы виноваты, а тамъ разберутъ. Въ обоихъ случаяхъ основу представляло то чувство

неизвѣстности, которое всякіе сюрпризы дѣлаетъ возможными и удобоисполнимыми.

И мы ждали, ни разу даже не вспомнивъ о происшествіи, когда-то случившемся на Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ тоже пріѣхали неизвѣстные мужчины, взяли кассу и уѣхали... Мы терпѣливо просидѣли у меня въ нумерѣ до вечера. Въ восемь часовъ ровно, когда зажглись на улицѣ фонари, за нами явилась четверомѣстная карета, намъ завязали глаза и—повезли.

Мы ѣхали что-то очень долго (шутники очевидно колесили съ намѣреніемъ). Несмотря на то, что мы сидѣли въ каретѣ одни—провожатый нашъ сѣлъ на козлы рядомъ съ извозчикомъ — никто изъ насъ и не думалъ снять повязку съ глазъ. Только Прокопъ, однажды приподнявъ украдкой краешекъ, сказалъ: „кажется, черезъ Троицкій мостъ сейчасъ переѣзжать станемъ“ — и опять привелъ все въ порядокъ. Наконецъ карета остановилась, насъ куда-то ввели и развязали глаза.

Клянусь честью, мнѣ сейчасъ же пришло на мысль, что мы въ трактирѣ (и дѣйствительно, мы были въ Hôtel du Nord на Офицерской): до такой степени комната, въ которой мы очутились, всей обстановкой напоминала трактиръ средней руки—до того она была переполнена всевозможными трактирными испареніями! Я обонялъ запахъ жаренаго лука, смѣшанный съ запахомъ помоевъ: я видѣлъ лампу съ захватаннымъ пальцами шаромъ, лампу, которая, казалось, сама говорила: „нигдѣ, кромѣ трактира, я висѣть не могу“: я ощущалъ подъ собой стулъ съ прорванною клеенкой, стулъ, на которомъ смѣнилось столько поколѣній... но и за всѣмъ тѣмъ мысль, что я виноватъ и что „тамъ разберутъ“, переполнила всѣ соображенія.

Мы были тутъ всѣ. Всѣ, участвовавшіе въ злосчастномъ статистическомъ конгрессѣ! Большинство было свободно, но „иностранные гости“, а также и Рудинъ, и Волоховъ были въ кандалахъ. Но какъ легко и даже весело они переносили свое положеніе! Они смѣялись, шутили, а одну минуту мнѣ даже показалось, что они перемигиваются съ нашими судьями. Но, увы! тогда я приписалъ эту веселость гражданскому мужеству, и только когда Прокопъ, толкнувъ меня подъ бокъ, шепнулъ: „ну, братъ, ау! надѣются, подлецы. — стало быть, важныя показанія дали!“ — я нѣсколько дрогнулъ и измѣнился въ лицѣ.

Судьи сидѣли за столомъ, накрытымъ бѣлою скатертью. Ихъ было шесть человѣкъ, и всѣ шестеро — молодые люди; передъ каждымъ лежалъ листъ чистой бумаги. Опять-таки клянусь, что и молодость судей не осталась незамѣченною мной, и я, конечно, съумѣлъ бы вывести изъ этого замѣчанія надлежащее заключеніе, еслибъ Прокошъ, по своему обыкновенію, вновь не спуталъ меня.

— Молодые!—шепнулъ онъ мнѣ:—гдѣ ѣдятъ, тамъ и судятъ! Ну, эти, братъ, не простятъ! эти засудятъ! Это не то что старики! Тѣ, бывало, оборвутъ—и отпустятъ; ну, а эти — шалишь! „Comment allez-vous?“ „Садитесь, не хотите ли чаю?“ — и сейчасъ тебя въ кутузку!

Намъ сдѣлали перекличку; всѣ оказались на-лицо. Затѣмъ кандальныхъ куда-то увели, а одинъ изъ судей (увы! онъ разыгрывалъ презуса!) всталъ и обратился къ намъ съ рѣчью:

— Господа! вы обвиняетесь въ весьма тяжкомъ преступленіи, и только вполнѣ чистосердечное раскаянье можетъ облегчить вашу участь. Наши обязанности относительно васъ очень непріятны, но насъ подкрѣпляетъ чувство долга—и мы останемся вѣрны ему. Вы, господа, не усомнившіеся вступить въ самый гнусный изъ всѣхъ заговоровъ, вы, конечно, не можете понять это святое чувство, но мы... мы понимаемъ его! Тѣмъ не менѣе мы очень хорошо сознаемъ, что ваше положеніе не изъ пріятныхъ, и потому постараемся по возможности облегчить его. Покуда вы не осуждены закономъ—вы наши гости, messieurs! Объ одномъ только мы просимъ васъ: будьте чистосердечны. Будьте увѣрены, что мы уже *все* знаемъ, и ежели настоящее слѣдствіе имѣетъ мѣсто, то для того только, чтобы дать вамъ случай раскаяться и быть чистосердечными. Я сказалъ, господа. Теперь господинъ производитель дѣлъ отведетъ васъ, за исключеніемъ господина Кирсанова, въ особенную комнату и велитъ подать вамъ по стакану чаю. Прощайте, господа. Г. Кирсановъ! вы останетесь здѣсь для допроса!

Насъ заперли въ сосѣдней комнатѣ и подали чаю. Клянусь, что я гдѣ-то видѣлъ человѣка, который въ эту минуту разносилъ намъ чай (потомъ оказалось, что онъ служилъ недавно половымъ въ „Старомъ Пекинѣ“!).

Допрашивали до крайности быстро. Не прошло пяти-шести минутъ, какъ потребовали Веретьева, потомъ Лаврецкаго, Перепенку.

Прокопа и наконецъ меня. Признаюсь откровенно, я чувствовалъ себя очень неловко! ахъ, какъ неловко!

— Вы писали „Маланью“?—спросилъ меня лже-презусъ.

— Я-съ.

— И сознаете себя виновнымъ?

— То-есть... изволите видѣть... я не желалъ... въ строгомъ смыслѣ, я даже хотѣлъ воспрепятствовать...

— Безъ околичностей-съ. Отвѣчайте прямо и откровенно: виноваты?

— Виноватъ-съ.

— Ah! c'est grave! — произнесъ сбоку одинъ изъ лже-судей, рисовавшій на бѣломъ листѣ домикъ, изъ трубы котораго вьется дымокъ.

Я, въ полномъ смыслѣ этого слова, растерялся.

— Теперь извольте говорить откровенно: ѣздили ли вы 2-го августа на извозчикѣ съ шарманщикомъ Кориодибакко, присвоившимъ себѣ фамилію почтеннаго члена международнаго статистическаго конгресса Корренти? не завозили ли вы его въ домъ № 30-й на Канонерской улицѣ?

— Не... не помню...

— Извольте говорить откровенно. Вспомните, что только полное чистосердечіе можетъ смягчить вашу участь.

— Кажется... нѣтъ... кажется... ѣздилъ-съ!

— Безъ „кажется“-съ. Извольте говорить откровенно.

— Ѣздилъ-съ.

— Знали ли вы, что въ этомъ домѣ живетъ преступникъ Рудинъ? что Коррепти ѣхалъ именно къ нему, чтобъ условиться насчетъ плана всесвѣтной революціи?

— Нѣтъ-съ, не зналъ.

— Говорите откровенно! не опасайтесь!

— Ей-Богу, ваше превосходительство, не зналъ.

— Пригласите сюда господина Кориодибакко!

Загремѣли кандалы. Кориодибакко, тяжело дыша, всталъ рядомъ со мною.

— Уличайте его.

— И ви можетъ мине́ сказаль, что ви не зналь?—обратился ко

мнѣ Корподибакко: — oh, maladetto russo? Я бѣдна, нещастна итальянецъ—и я такъ не скажу, ищто ви сичасъ говорилъ!

— Чтò можете вы сказать противъ этой улики?

— Рѣшительно ничего. Я даже въ первый разъ слышу о всесвѣтной революціи!

— Хорошо-съ. Ваше упорство будетъ принято во вниманіе. Корподибакко, вы можете уйти. Прикажите дать стаканъ чаю господину Корподибакко!

Корподибакко вдругъ грохнулся на колѣни, воздѣлъ руки и воскликнулъ:—Pietà, signori!

— Вотъ, сударь, примѣръ раскаянья теплаго, невынужденнаго! Стыдитесь!—обратился ко мнѣ одинъ изъ лже-судей, указывая на Корподибакко.

— Ну-съ, теперь извольте говорить откровенно: какого рода разговоръ имѣли вы на Марсовомъ полѣ съ отставнымъ корнетомъ Шалапутовымъ?

Я окончательно смутился. „Вотъ оно!“—мелькнуло у меня въ головѣ: „оно самое!“

— Мнѣ кажется, — пробормоталъ я: — онъ говорилъ, что не любитъ войны...

— Еще-съ!

— Еще-съ... нѣтъ... кажется... гм, да... именно, онъ, кажется, говорилъ, что у него была непріятность съ Тьеромъ.

— Еще-съ!

— Что господинъ Фарръ—переодѣтый агентъ-съ...

— Къ дѣлу-съ. Извольте приступить къ дѣлу-съ.

— Что онъ служилъ въ коммунѣ...

— Ah! c'est grave!—произнесъ опять лже-судья, рисовавшій домикъ.

— Ну-съ, а вы чтò ему говорили?

— Я-съ... ничего-съ... онъ былъ такъ пьянъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ я самъ напомню вамъ, чтò вы говорили. Вы говорили, что вмѣсто того, чтобы разрушать домъ Тьера, слѣдовало бы разрушить домъ Вяземскаго на Сѣнной площади-съ! Вы говорили, что вмѣсто того, чтобы изгонять „этихъ дамъ“ изъ Парижа, слѣдовало бы очистить отъ нихъ бель-этажъ Михайловскаго театра-съ! Еще чтò вы говорили?

— Не... не... не помню...

— Вы говорили, что постараетесь скрыть его отъ преслѣдованій! Вы обѣщали ему покровительство и поддержку! Вы, наконецъ, объявили, что полагаете положить въ Россіи начало революціи введеніемъ обязательнаго оспопрививанія! Что вы можете на это сказать?

— Рѣшительно... нѣтъ... то-есть... нѣтъ, рѣшительно не припомню!

— Позвать сюда Шалапутова!

Опять загремѣли кандалы; но Шалапутовъ не вошелъ, а вбѣжалъ, и съ такою яростью напустился на меня, что я даже изумился.

— Вы не говорили? вы?!—кричалъ онъ:—вы лжецъ, позвольте вамъ сказать! Когда я вамъ сказалъ, что моя жена петролейщица—что вы отвѣтили мнѣ? Вы отвѣтили: „вотъ къ намъ бы этакихъ штучекъ пятокъ-побольше!“ Когда я изложилъ передъ вами мои планы—что вы сказали мнѣ? Вы сказали: „всѣ эти планы хороши за границей, а для насъ, русскихъ, совершенно достаточно, если мы добьемся обязательнаго оспопрививанія“. Вотъ что вы отвѣтили мнѣ!

— Но мнѣ кажется, что обязательное оспопрививаніе...—запнулся я.

— Не о томъ рѣчь, что вамъ „кажется“, государь мой! — строго прервалъ меня лже-презусъ:—а о томъ, говорили ли вы, или не говорили?

Говорилъ я, или не говорилъ? Говорилъ ли я, что слѣдуетъ очистить бель-этажъ Михайловскаго театра отъ *этихъ дамъ*? Говорилъ ли я о пользѣ оспопрививанія? Кто жъ это знаетъ? Можетъ быть, и дѣйствительно говорилъ! Все это какъ-то странно перемѣшалось въ моей головѣ, такъ что я рѣшительно пересталъ различать ту грань, на которой кончается *простой* разговоръ и начинается разговоръ *опасный*. Поэтому я рѣшился на все махнуть рукой и сознаться.

— Говорилъ!—произнесъ я совершенно твердо.

— A la bonne heure! Можете идти, господинъ Шалапутовъ! Дайте стаканъ чаю господину Шалапутову!

Шалапутовъ, гремя, удалился.

— Ну-съ, допросъ конченъ,—обратился ко мнѣ лже-презусъ: —и если бы вы не занятнали себя запирательствомъ по показанію Корподибакко...

— Помилуйте, ваше превосходительство! но вѣдь онъ, наконецъ, свинья! — воскликнулъ я дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ звучала такая нота искренности, что сами лже-судьи — и тѣ были тронуты.

— Гм, свинья... это конечно... это даже весьма можетъ быть! — сказалъ лже-презусъ: — но скажите, вы развѣ не употребляете свинины?

— Употребляю-съ.

— Ну, и мы употребляемъ. Къ сожалѣнію, свиньи покамѣстъ еще необходимы. C'est triste, mais c'est vrai! Не знаете ли вы за собой еще какихъ-нибудь преступленій?

Услышавъ этотъ вопросъ, я вдругъ словно въ ражъ впалъ.

— Одинъ изъ моихъ товарищей, — сказалъ я, — предлагалъ Москву упразднить, а вмѣсто нея сдѣлать столицею Мценскъ. И я раздѣлялъ это заблужденіе!

— Дальше-съ!

— Другой мой товарищъ предлагалъ отдѣлить отъ Россіи Семипалатинскую область. И я одобрялъ это предложеніе.

— Дальше-съ!

— Еще-съ... болѣе, ваше превосходительство, ничего за собой не имѣю!

— Довольно для васъ.

Лже-презусъ всталъ, направился къ двери направо и спросилъ: —Готово? Изнутри послышался отвѣтъ:—Готово.

— Потрудитесь войти въ эту комнату!

. . . . . .

Я и до сихъ поръ не могу опомниться отъ стыда!

. . . . . .

Изъ *этой* комнаты я перешелъ въ слѣдующую, гдѣ нашелъ Прокопа, Кирсанова и прочихъ, уже прошедшихъ сквозь искусъ. Всѣ были унылы и какъ бы стыдились. Лаврецкій попробовалъ-было начать разговоръ о томъ, какъ дороги въ Петербургѣ ces petits colifichets, которые въ Парижѣ пріобрѣтаются почти задаромъ, но изъ этого ничего не вышло.

Дальнѣйшіе допросы пошли еще живѣе. Въ нашу комнату поминутно прибывали тетюшскіе, новооскольскіе и другіе депутаты, которыхъ очевидно спрашивали только для проформы. Повидимому они даже черезъ комнату „искуса“ проходили безостановочно, потому что являлись къ намъ совершенно бодрые и веселые. Мало-по-малу общество наше до того оживилось, что Прокопъ при всѣхъ обратился къ Кирсанову:

— А вѣдь ты, поросенокъ, не утерпѣлъ, чтобъ про Амченскъ-то не сказать!

Кирсановъ слегка покраснѣлъ, но отвѣтить не рѣшился.

Наконецъ, въ половинѣ одиннадцатаго, двери отворились и насъ пригласили въ залу, гдѣ уже былъ накрытъ столъ на сорокъ куверовъ, по числу судей и обвиненныхъ.

— Ну-съ, господа! — сказалъ лже-президъ: — мы исполнили свой долгъ, вы—свой. Но мы не забываемъ, что вы такіе же люди, какъ и мы. Скажу болѣе: вы наши гости, и мы обязаны позаботиться, чтобъ вамъ было не совсѣмъ скучно. Теперь, за кускомъ сочнаго ростбифа и за стаканомъ добраго вина, мы можемъ вполнѣ беззаботно предаться бесѣдѣ о тѣхъ самыхъ проектахъ, за которые вы находитесь подъ судомъ. Человѣкъ! ужинать! и вдоволь шампанскаго!

И дѣйствительно, лже-судьи, разомъ сбросивши декорумъ, оказались добрѣйшими малыми. Они такъ блягировали, что даже Шалапутова—и того заткнули за поясъ. Въ довершеніе всего, дозволили снять съ кандальныхъ кандалы, что, разумѣется, произвело фуроръ и сразу пріобрѣло имъ съ нашей стороны популярность. Шампанское лилось рѣкою; Шалапутовъ разсказывалъ, какъ онъ ѣздилъ въ Ирландію и готовился, вмѣстѣ съ феніями, сдѣлать вылазку въ Англію; Корподибакко увѣрялъ, что онъ былъ другомъ Мадзини и разошелся съ нимъ только потому, что Мадзини до конца жизни оставался упорнымъ католикомъ. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ.

— За Гарибальди! — провозгласилъ лже-судья, рисовавшій домики.

— За Гамбетту!—отвѣтилъ ему лже-президъ.

— За нашего губернатора!—скромно поднялъ бокалъ Кирсановъ.

Словомъ сказать, всѣ одушевились и совершенно позабыли, что часъ тому назадъ... Но едва было двѣнадцать (впослѣдствіи оказа-

лось, что Hôtel du Nord въ этотъ часъ запирается), какъ на кандальниковъ вновь надѣли кандалы и увезли. Съ насъ же, прочихъ подсудимыхъ, взыскали издержки судопроизводства (по пятнадцати рублей съ человѣка) и, завязавъ намъ глаза, развезли по домамъ.

— Господа! завтра опять допросъ въ тѣ же часы! —весело сказалъ намъ лже-презусъ:—мы не арестуемъ васъ и вполнѣ полагаемся на ваше честное слово, что вы не выйдете изъ вашихъ квартиръ!

— Позвольте мнѣ вотъ съ нимъ!—попросилъ Прокошъ, указывая на меня.

— Можете-съ.

Затѣмъ было дано еще нѣсколько разрѣшеній совмѣстнаго жительства, что̀ возбудило новый фуроръ и новую популярность.

На другой день опять допросъ и ужинъ—съ тою же обстановкой. На третій, на четвертый день и такъ далѣе—то же. Наконецъ на седьмой день мы такъ вклеплись другъ въ друга и того сами на себя наболтали, что хоть всѣхъ на каторгу, такъ вору. Въ тотъ же день намъ было объявлено, что хотя мы по прежнему остаемся арестованными на честномъ словѣ въ своихъ квартирахъ, но совмѣстное жительство уже не допускается.

Когда я брался за шляпу, производитель дѣлъ таинственно отвелъ меня въ сторону и до крайности благожелательно сказалъ:

— Знаете, а вѣдь ваше дѣло очень плохо!

— Неужели?

— Такъ плохо, что самое малое, что̀ васъ ожидаетъ—это семь лѣтъ каторги. Развѣ ужъ очень искусный адвокатъ выхлопочетъ снисхожденья минутъ на пятнадцать!

— Это ужасно!

— Что̀ дѣлать! Ужъ я старался—ничего не подѣлаешь! Тоесть, коли хотите, оно можно...

— Ахъ, сдѣлайте милость!

— Можно-то можно, только вотъ видите ли... подмазочка тутъ нужна!

— Но сколько? скажите!

Производитель дѣлъ съ минуту подумалъ, пошевелилъ пальцами, какъ бы разсчитывая, сколько кому нужно, и наконецъ произнесъ:

— Вы стами тысячъ можете располагать?

Я даже затрясся весь.

— Сто тысячъ! да у меня и всего-то пять билетовъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа... на всю жизнь, понимаете? Сто тысячъ! да ежели я въ сентябрѣ не выиграю, по малой мѣрѣ, сорокъ тысячъ—я пропалъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ дайте хоть два билета!

— Два—съ удовольствіемъ! Съ величайшимъ удовольствіемъ! Два билета—и я буду совершенно чистъ?!

— Чисты какъ алмазъ—ручаюсь. Такъ завтра утромъ я буду у васъ.

— О! съ удовольствіемъ! съ величайшимъ удовольствіемъ!

Мы крѣпко пожали другъ другу руки и разстались.

Это была первая ночь, которую я спалъ спокойно. Я не видѣлъ никакихъ сновъ и ничего не чувствовалъ, кромѣ благодарности къ этому скромному молодому человѣку, который вмѣсто ста тысячъ удовольствовался двумя билетами и даже не отнялъ у меня всѣхъ пяти, хотя я самъ сознался въ обладаніи ими. На другой день утромъ все было кончено. Я отдалъ билеты и получилъ обѣщаніе, что еще два, три допроса—и меня не будутъ больше тревожить.

Но вотъ наступилъ вечеръ—кареты нѣтъ. Пришелъ и другой вечеръ—опять нѣтъ кареты. Я начинаю безпокоиться и даже скучать. На третій вечеръ—опять нѣтъ кареты. Это дѣлается уже невыносимымъ.

Бродя въ тоскѣ по комнатѣ, я припоминаю, что меня, между прочимъ, обвиняли въ пропагандѣ идеи оспопрививанія—и вдругъ обуреваюсь желаніемъ высказать гласно мои убѣжденія по этому предмету.

„Нашину статью, — думалъ я: — Менандръ тиснетъ, а при нынѣшней свободѣ книгопечатанія, чего добраго, она даже и пройдетъ. Тогда сейчасъ оттискъ въ карманъ—и въ судъ. Вы меня обвиняете въ пропагандѣ оспопрививанія—вотъ мои убѣжденія по этому предмету! они напечатаны! я не скрываю ихъ!“

Задумано—сдѣлано. Посыльный летитъ къ Менандру съ письмомъ: „Любезный другъ! ты знаешь, какъ горячо я всегда принималъ къ сердцу интересы оспопрививанія, а потому не желаешь ли, чтобъ я написалъ для тебя объ этомъ предметѣ статью?“ Черезъ часъ отвѣтъ: „Ты знаешь, мой другъ, что наша газета затѣмъ собственно и издается, чтобы распространять въ обществѣ здравыя понятія объ

оспопрививаніи! Пиши! сдѣлай милость, пиши! Статья твоя будетъ украшеніемъ столбцовъ“ и т. д.

Стало быть, за перо. Но тутъ на первыхъ же порахъ—затрудненіе. Нѣкоторые полагаютъ, что оспопрививаніе было извѣстно задолго до Рождества Христова; другіе утверждаютъ, что незадолго; третьи, наконецъ, полагаютъ, что открытіе это сдѣлано лишь послѣ Рождества Христова. Кто правъ—до сихъ поръ неизвѣстно. Опять мчится посыльный къ Менандру; слѣдуетъ ли упоминать объ этомъ въ статьѣ? Черезъ часъ отвѣтъ: слѣдуетъ говорить обо всемъ. И о томъ, что̀ было до Рождества Христова, и о томъ, что̀ было по Рождествѣ Христовомъ, и о томъ, что̀ неизвѣстно. Потому что статья будетъ выглядѣть солиднѣе. „Да загляни, сдѣлай милость, въ Китай: мнѣ сказывалъ Нескладинъ, что тамошняя цивилизація—это прелесть что такое!“ Ну, что жъ! въ Китай—такъ въ Китай! Сейчасъ посыльнаго къ Мелье—и черезъ полчаса на столѣ лежитъ уже книжица, въ которой самымъ обстоятельнымъ образомъ доказывается, что въ Китаѣ и оспопрививаніе, и порохъ были извѣстны гораздо ранѣе, нежели въ Европѣ, но только они прививали осну совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ. Припоминаю по этому случаю пословицу: заставь дурака Богу молиться—онъ лобъ расшибетъ, надписываю ее въ видѣ эпиграфа къ статьѣ, сажусь и съ Божьею помощью пишу.

Но для меня написать статью объ оспопрививаніи—все равно, что плюнуть въ порожнее мѣсто. Къ тремъ часамъ моя работа была ужъ готова и отослана къ Менандру съ запросомъ такого содержанія: „Не написать ли для тебя статью: кто была Тибуллова „Делія? Кажется, теперь самое время для подобныхъ статей?“ Черезъ часъ отвѣтъ: „Сдѣлай милость! Твое сотрудничество драгоцѣнно, потому что ты одинъ знаешь, когда, что̀ и какъ сказать. Всѣ нѣкосниматели въ эту минуту въ сборѣ въ моей квартирѣ, и всѣ въ восторгѣ отъ твоей статьи. Завтра, рано утромъ, „Старѣйшая Русская Нѣкосниматель-ница“ будетъ у тебя на столѣ съ *привитою оспою*“.

Опять въ руки перо – и къ вечеру статья готова. Рано утромъ на другой день она была уже у Менандра съ новымъ запросомъ: „Не написать ли еще статью: „Можетъ ли быть совмѣщенъ въ одномъ лицѣ промыселъ огородничества съ промысломъ разведенія козловъ?“ Кажется, теперь самое время?“ Къ полудню—отвѣтъ: „Сдѣлай милость! присылай скорѣе!“

Такимъ образомъ, въ теченіе семи дней, кромѣ поименованныхъ выше статей, я сочинилъ еще четыре, а именно: „Геморрой—русская ли болѣзнь?“, „Нравы и обычаи летучихъ мышей“, „Единокровные и единоутробные предъ лицомъ римскаго законодательства“, и „Нѣсколько словъ о значеніи и происхожденіи выраженія: гомерическій смѣхъ“. На восьмой день я занялся собираніемъ матеріаловъ для двухъ другихъ обширныхъ статей, а именно: „Церемоніалъ при погребеніи великаго князя Трувора“ и „Какъ слѣдуетъ понимать легенду о сожженіи великою княгинею Ольгою древлянскаго города Коростеня?“. Статьи эти я полагалъ помѣстить въ „Вѣстникѣ Пѣнокосниматьльства“, снабдивъ ихъ нѣкоторыми намеками на текущую современность.

Во всѣхъ семи напечатанныхъ статьяхъ моихъ оказалось четыре тысячи строкъ, за которыя я получилъ, считая по пятналтынному за строку, шестьсотъ рублей серебромъ-съ! Да ежели еще „Вѣстникъ Пѣнокосниматьльства“ рублей по двѣсти за листъ отвалитъ (въ обѣихъ статьяхъ будетъ не менѣе десяти листовъ)—анъ сколько денегъ-то у меня будетъ!

Я увлекался моей новой дѣятельностью, и до того всецѣло предался ей, что даже забылъ и о своемъ заключеніи, и о томъ, что вотъ уже десятый день, а никто меня никуда не требуетъ и никакой резолюціи по моему дѣлу не объявляетъ. Есть нѣчто опьяняющее въ положеніи публициста, изслѣдующаго вопросъ о происхожденіи Делін. И хочется „пролить новый свѣтъ“, и жутко. И хочется сказать: нѣтъ, г. Сури (авторъ статьи „La Delia de Tibule“, помѣщенной въ „Revue des deux Moudes“ 1872-го года), вы ошибаетесь!—и въ то же время боишься: а ну, ежели я самъ совралъ? А соврать немудрено, ибо что̀ такое, въ сущности, русскій публицистъ? —это не что̀ иное, какъ простодушный обыватель, которому попалась подъ руку „книжка“ (всего лучше, если маленькая) и у котораго есть твердое намѣреніе получить по пятналтынному за строчку. Нѣтъ ли на свѣтѣ другихъ такихъ же книжекъ—онъ этого не знаетъ, да и знать ему, собственно говоря, не нужно, потому что, попадись подъ руку „другія“ книжки, онѣ только собьютъ его съ толку, загромоздятъ память матеріаломъ, съ которымъ онъ никогда не справится,— и статьи не выйдетъ никакой. То ли дѣло—„одна книжка“! Тутъ остается только прочесть, „смекнуть“—и ничего больше. И вотъ онъ

смекаетъ, смекаетъ — и чѣмъ больше смекаетъ, тѣмъ шире становятся его горизонты. Наконецъ, статья, съ Божьею помощью, готова, и въ ней оказывается двѣнадцать столбцовъ, по пятидесяти строчекъ въ каждомъ. Положите-ка по пятналтынному-то за строчку — сколько тутъ денегъ выйдетъ!

Одно опасно: наврешь. Но и тутъ есть фортель. Не знаешь — ну, обойди, помолчи, проглоти, скажи скороговоркой: „нѣкоторые полагаютъ", „другіе утверждаютъ", „существуетъ мнѣніе, едва ли, впрочемъ, правильное" — или „повидимому, довольно правильное" — да мало ли еще какіе обороты рѣчи можно изыскать! Кому охота справляться, точно ли „существуетъ мнѣніе", что оспопрививаніе было извѣстно задолго до Рождества Христова? Ну, было извѣстно — и Христосъ съ нимъ!

Или еще фортель. Если сталъ въ тупикъ, если чувствуешь, что языкъ у тебя начинаетъ коснѣть — пиши смѣло: „объ этомъ поговоримъ въ другой разъ" — и затѣмъ молчокъ! Вѣдь читатель не злопамятенъ; не скажетъ же онъ: „а ну-ка поговори! поговори-ка въ другой-то разъ — я тебя послушаю!" Такъ это дѣло изморомъ и кончится...

Итакъ, работа у меня кипѣла. Ложась на ночь, я представлялъ себѣ двухъ столоначальниковъ, встрѣчающихся на Невскомъ.

— А читали ли вы, батюшка, статью: „Можетъ ли быть совмѣщенъ въ одномъ лицѣ промыселъ огородничества съ промысломъ разведенія козловъ"?—спрашиваетъ одинъ столоначальникъ.

— Еще бы!—восклицаетъ другой.

— Вотъ это статья! какой свѣтъ-то проливаетъ! Директоръ у насъ отъ нея безъ ума. „Дочери, говоритъ, дочери прикажу прочитать!"

Сердце мое начинаетъ играть, животъ колышется и все мое существо наполняется сладкимъ ликованіемъ...

Но на одиннадцатый день чувство дѣйствительности, все-таки, заявило о правахъ своихъ. Нельзя безнаказанно, въ теченіе семи дней сряду, не выходя изъ нумера, предаваться изнурительнымъ изслѣдованіямъ о церемоніалѣ при погребеніи великаго князя Трувора. Поэтому вопросъ: отчего столько дней за мной нѣтъ кареты? — вдругъ всталъ передо мной со всею ясностью.

Я помнилъ, что я арестованъ, и нарушить даннаго слова отнюдь

не хотѣлъ. Но вѣдь могу же я въ корридорѣ погулять? Могу или не могу?.. Борьба, которую возбудилъ этотъ вопросъ, была тяжела и продолжительна, но наконецъ инстинктъ свободы восторжествовалъ. Да, я могу выйти въ корридоръ, потому что мнѣ этого никто даже не воспрещалъ. Но едва я высунулъ носъ за дверь, какъ увидѣлъ Прокопа, несущагося по корридору на всѣхъ парусахъ.

— Вотъ такъ штука!—кричалъ онъ мнѣ издали:—вотъ это—штука!

— Что такое случилось?

— А то и случилось, что никакой коммиссіи нѣтъ и не бывало!

— Ты врешь, душа моя!

— Нѣтъ и не бывало. Ни конгресса, ни коммиссіи—ничего!

— Да говори толкомъ, что случилось?

— Случилось вотъ что. Сижу я сегодня у себя въ нумерѣ и думаю: странное дѣло, однакожъ! одиннадцатый день кареты нѣтъ! Скука! Читать—привычки нѣтъ! ходить да думать—боюсь, съ ума сойдешь. Вотъ и пришло мнѣ въ голову: не сходить ли келейнымъ образомъ къ Доминику,—по крайности, около людей потрусь! Сказано—сдѣлано. Надвинулъ-это фуражку на глаза, прихожу, иду въ дальнюю комнату—и что жъ бы, ты думалъ, вижу! Сидятъ-это за столомъ: судья, который насъ судилъ, Шалашутовъ, Канканчиковъ и Волоховъ—и вчетверомъ въ домино играютъ. Ну, я сначала не понялъ, обрадовался.—Что, говорю, Карлъ Иванычъ, выпустили? Это Шалашутову-то. Молчитъ. Я его по плечу: выпустили, моль, Карлъ Иванычъ? Онъ этакъ взглянулъ на меня, да какъ прыснетъ: „вы, говоритъ, за кого-нибудь другого меня принимаете!“—Чего, говорю, за другого! вотъ и они на-лицо! Дальше—больше. Я, говорю, изъ-за васъ восемнадцатый день изъ-подъ ареста не выхожу.—„Да это, говорятъ, сумасшедшій! Гарсонъ! пожалуйста, пошлите за городовымъ!“ Собралась около насъ публика; кто въ бильярдъ игралъ, кто въ шахматы—все бросили. Гогочутъ. Пришелъ хозяинъ. „Позвольте попросить васъ оставить мое заведеніе“. Это мнѣ-то!—Нѣтъ, говорю, шалишь! коли ты меня не уважаешь, такъ уважишь вотъ это! И показываю ему фуражку съ околышемъ! А кругомъ хохотъ, гвалтъ—хоть святыхъ вонъ неси! „Сумасшедшій! Сумасшедшій!“—только и словъ.—Да объясни ты мнѣ, ради Христа,—говорю я судьѣ:—долженъ ли, по крайней мѣрѣ, я подъ арестомъ-то сидѣть?—„Спди,

говоритъ, сдѣлай милость!“ Гогочутъ. И вѣдь какъ бы ты полагалъ? вывели-таки меня, раба Божія, изъ заведенія!

Обманъ былъ ясенъ. Тутъ только припомнились мнѣ всѣ аномаліи, которыми—къ сожалѣнію, лишь на мгновеніе—былъ пораженъ мой умъ во время процесса. И захватанная лампа, и дыравленные стулья, и запахъ жаренаго лука и помой...

— Слушай! вѣдь насъ съ тобой опять надули? и главное, надула все та же компанія!—воскликнулъ я въ неописанномъ испугѣ: —вѣдь этакъ намъ пожалуй въ Сибирь подорожную дадутъ, и мы поѣдемъ!

— И поѣдемъ—ничего не подѣлаешь!

— Какъ хочешь, а надо бѣжать отсюда!

— И я говорю: бѣжать!

— Стало быть, ѣдемъ!

Но Богу угодно было еще на неопредѣленное время продлить наше пребываніе въ Петербургѣ...

Глава X.

Нервы мои, возбужденные тревогой послѣднихъ дней, наконецъ не выдержали. Вынести сряду два такихъ испытанія, какъ статистическій конгрессъ и политическое судоговореніе —какъ хотите, а это сломитъ хоть кого! Чего я не передумалъ въ это время! Къ чему не приготовился! Перебирая въ умѣ кары, которымъ я подлежу за то, что подвозилъ Шалапутова на извозчикѣ домой, я съ ужасомъ помышлялъ: ужели жестокость скораго суда дойдетъ до того, что меня засадятъ въ уединенную комнату и подъ наблюденіемъ квартальнаго надзирателя заставятъ читать передовыя статьи „Старѣйшей Русской Пѣнкоснимательницы“? Или, быть можетъ, пойдутъ еще далѣе, то-есть заставятъ выучить наизусть „Бормотаніе вслухъ Честолюбивой Просвиряни“? Какимъ образомъ я выполню это? Господи! укрѣпи меня! просвѣти мой умъ глупопониманіемъ! Сердце безчувственно и закоснѣло созижди во мнѣ! Очи мои порази невидѣніемъ, уши—неслышаніемъ, уста научи слагати несмысленная! Всевидящее! спаси мя! спаси мя! спаси мя!

Даже тогда, когда я вполнѣ убѣдился, что все происшедшее со мной не больше, какъ неносный и глупый фарсъ, когда я съ оже-

сточеніемъ затискивалъ мои вещи въ чемоданы, съ тѣмъ, чтобъ завтра же бѣжать изъ Петербурга,—даже и тогда мнѣ казалось, что сзади кто-то стоитъ съ нумеромъ „Честолюбивой Просвирни“ въ рукахъ и иронически предлагаетъ: „а вотъ не угодно ли что-нибудь понять изъ моего „Бормотанія“? И я со страхомъ опять принимался за работу укладыванія, стараясь не поднимать головы и не оглядываться назадъ. Но вотъ, наконецъ, все уложено; я вздыхаю свободнѣе, зажмуриваясь бѣгу къ постели и ложусь спать, съ сладкой надеждой, что завтра, въ эту пору, Петербургъ, съ его шумомъ и наважденіями, останется далеко позади меня.

Надежда тщетная. Хотя я заснулъ довольно скоро, но этотъ сонъ былъ томителенъ и тревоженъ. Сначала передо мной проходитъ поодиночкѣ цѣлая вереница вялыхъ, безцѣльно глядящихъ и изнемогающихъ подъ игомъ апатіи лицъ; постепенно эта вереница скучивается и образуетъ довольно плотную, темную массу, которая полубезумно мечется изъ стороны въ сторону, стараясь подражать движеніямъ настоящихъ, живыхъ людей; наконецъ я глубже и глубже погружаюсь въ область сновидѣній, и воображеніе мое, какъ бы утомившись призрачностью пережитыхъ мною ощущеній, останавливается на единственномъ связномъ эпизодѣ, которымъ ознаменовалось мое пребываніе въ Петербургѣ. Эпизодъ этотъ—тотъ самый сонъ, который я видѣлъ мѣсяцевъ шесть тому назадъ (см. выше: глава IV) и въ которомъ фантазія представила меня сначала милліонеромъ, потомъ умершимъ, наконецъ ограбленнымъ.

Молодой человѣкъ, взявшій на себя защиту интересовъ сестрицъ, оказался правъ: роберъ не весь былъ сыгранъ; сыграна была только первая партія. Мѣсяца черезъ три приговоръ присяжныхъ былъ кассированъ, и безсмертная душа моя съ трепетомъ ожидала новыхъ волненій и тревогъ. Эти тревоги были тѣмъ естественнѣе, что дѣло мое совсѣмъ неожиданнымъ для меня образомъ вступило въ новый фазисъ, въ которомъ сестрицы, законныя наслѣдницы моихъ милліоновъ, были оттѣснены далеко на задній планъ, а на мѣсто ихъ, въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, явились лица, такъ сказать, абстрактныя и во всякомъ случаѣ для меня постороннія. Характеръ дѣла окончательно измѣнился: вмѣсто гражданскаго процесса, на сцену выступило простое, негарантированное правительствомъ предпріятіе, въ которомъ на первомъ планѣ стояло не то или другое рѣшеніе дѣла по существу,

а биржевая игра на повышеніе или пониженіе. Основной капиталъ—милліонъ въ туманѣ; акцій выпущено десять тысячъ по семидесяти рублей за сто; въ ожиданіи кассаціоннаго рѣшенія—биржа въ волненіи: „покупатели“ $71^3/_4$, „продавцы“ $72^1/_8$, „сдѣлано“ $71^7/_8$. Затѣмъ: разносится слухъ, что кассаціонная жалоба уважена—„покупатели“ $78^7/_8$, „продавцы“ $79^7/_8$ „сдѣлано“ $79^1/_2$; разносится новый слухъ, что гражданскіе истцы нашли какихъ-то неслыханныхъ и притомъ совершенно достовѣрныхъ лжесвидѣтелей—„покупатели“ $82^3/_4$ *безъ продавцовъ*; еще разносится слухъ: лжесвидѣтели, отысканные гражданскими истцами, оказываются недостовѣрными—„продавцы“ $62^3/_8$, „покупатели“ $58^3/_4$, „сдѣлано“ $59^1/_2$. И такъ далѣе. Можно себѣ представить, съ какимъ лихорадочнымъ любопытствомъ должна была слѣдить за этими измѣненіями безсмертная душа моя.

Я не помню подлинныхъ выраженій кассаціи, но приблизительно смыслъ ея былъ слѣдующій. Прежде всего постановка вопросовъ, сдѣланныхъ на первомъ судѣ, признана совершенно правильною. „Хотя невозможно не согласиться,—говорилось въ рѣшеніи,—что въ столь запутанномъ, имѣющемъ чисто-бытовой характеръ дѣлѣ, каково настоящее, постановка вопроса о томъ, *согласно ли съ обстоятельствами дѣла похищены подсудимымъ деньги*, представляется не только умѣстною, но даже почти неизбѣжною, тѣмъ не менѣе въ судебной практикѣ подобное откровенное обращеніе къ присяжнымъ засѣдателямъ представляетъ нововведеніе довольно смѣлое и во всякомъ случаѣ не имѣющее прецедентовъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о другомъ вопросѣ, предложенномъ присяжнымъ засѣдателямъ: *не поступили ли бы точно такимъ же образомъ родственницы покойнаго, если бы были въ такихъ же обстоятельствахъ, въ какихъ находился подсудимый?* Онъ правиленъ, но черезъ-чуръ уже новъ. Оба вопроса грѣшатъ не столько со стороны умѣстности, сколько со стороны необычности и несоотвѣтственности тѣмъ правиламъ, которыя предписываются издавна заведенными порядками канцелярскаго производства. Чтобы подобная постановка возымѣла надлежащую силу, необходимо, чтобы послѣдовательно нѣсколько составовъ присяжныхъ засѣдателей не усомнилось въ ея правильности и отвѣтило на предложенные вопросы съ тою же простосердечною ясностью, съ какою отвѣтилъ составъ присяжныхъ, рѣшавшихъ дѣло на первомъ судѣ.

Только этимъ путемъ можетъ быть достигнуто убѣжденіе, что въ самомъ обществѣ существуетъ *вкусъ* къ подобнымъ вопросамъ, и что слѣдовательно встрѣчается настоятельная надобность и въ судебной практикѣ допустить нѣкоторыя полезныя, соотвѣтствующія этому вкусу, измѣненія. А потому и дабы избѣжать затрудненій, коими изобилуетъ разсматриваемое дѣло, представляется одинъ практическій выходъ: судить обвиняемаго Прокопа во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи по очереди, начавъ таковую съ города Срединнаго, въ коемъ во всей непреклонности сохранилась истина древняго изреченія: „не надуешь — не наживешь“. Если за симъ невинность подсудимаго восторжествуетъ (что, впрочемъ, представляется почти несомнѣннымъ), то признать вопросы поставленными правильно, самую же невинность счесть патентованною и навсегда огражденною отъ знака отличія бубноваго туза“.

Итакъ, душѣ моей предстояло продолжительное путешествіе, послѣдствія котораго, впрочемъ, могли имѣть даже нѣкоторую назидательность. Увидѣть Белебей, Тетюши, Спасскъ Тамбовскій, Спасскъ Рязанскій, Спасскъ Казанскій — развѣ это не высокое наслажденіе? Быть свидѣтелемъ, какъ добродѣтель торжествуетъ въ Острогожскѣ, Конотопѣ, Наровчатѣ и т. д. — развѣ это не высшая награда для чувствительнаго сердца? Но и помимо личныхъ соображеній, развѣ не существуютъ еще общія, которыя дѣлаютъ послѣдствія предстоящаго судебнаго странствія еще болѣе поучительными и безцѣнными? Во-первыхъ: какая грандіозная задача для нашихъ провинціальныхъ, проселочныхъ судовъ! Начните хоть съ бѣлозерскаго суда, которому до сихъ поръ были подсудны только снѣтки! Какія — спрашивается — преступленія могутъ быть совершены снѣтками? Ну, соберутся снѣтки, подымутъ дымъ коромысломъ, устроятъ противъ щуки стачку и даже бунтъ, потомъ та же щука стрѣлой налетитъ на нихъ изъ-за тростниковъ и проглотитъ всѣхъ бунтовщиковъ безъ остатка — на чемъ тутъ практиковаться суду! И вдругъ, вмѣсто снѣтковъ, на скамьѣ обвиненныхъ — *милліонъ*!! Милліонъ! Ваше сіятельство! Невинность непреоборимая! У насъ! въ Бѣлозерскѣ! Нѣтъ, какъ хотите, а при видѣ этого зрѣлища самые лѣнивые мозги — и тѣ невольно зашевелятся, а разъ зашевелившись, уже не перестанутъ работать до тѣхъ поръ, пока добродѣтель окончательно не восторжествуетъ! Во-вторыхъ, какой единственный въ своемъ родѣ случай

для общества, чтобы провѣрить свои нравственные идеалы и устами присяжныхъ засѣдателей разгадать загадку современности! И наконецъ, въ-третьихъ, какая будущность для самого подсудимаго милліона? Во всякомъ городѣ нѣчто оплодотворить, кого-нибудь осчастливить и въ заключеніе прибыть въ Ѳеодосію (послѣдній по алфавиту городъ) въ видѣ копѣйки серебромъ!

Но, признаюсь, меня всего больше интересовало, какъ выскажется въ этомъ дѣлѣ городъ Срединный. Хороши Тетюши, прекрасенъ Белебей, но Срединный—вѣдь это почти столица! Было время, когда Срединный—чуть-чуть не сдѣлался русскими Аѳинами; хотя же впослѣдствіи аѳинство въ немъ мало-по-малу обратилось въ свинство, но и теперь это во всякомъ случаѣ первый въ Россіи городъ по числу трактировъ и кабаковъ. Въ Срединномъ я родился и воспитывался: здѣсь получилъ я первыя понятія о „ташкентствѣ"; здѣсь сдѣлалъ первые, робкіе шаги въ откупной карьерѣ и отъ откуповъ непосредственно перешелъ къ либерализму. Подъ неумолкаемый, отовсюду несущійся звонъ колоколовъ какъ-то легко пишутся проекты, въ которыхъ реформаторскія затѣи счастливымъ образомъ сочетаются съ запахомъ сивухи и съ тѣмъ благосклоннымъ отношеніемъ къ жульничеству, которое доказываетъ, что жульничество—сила и что съ этой силой необходимо считаться. Я помню счастливое дѣтство и первые годы ученія съ массой гувернеровъ и гувернантокъ, обучавшихъ лганью утонченному, и съ стадомъ домашней челяди, обучавшихъ лганью грубому и закосѣлому. Я помню нашъ домъ, въ одномъ изъ безчисленныхъ переулковъ, съ полисадникомъ впереди и съ обширнымъ дворомъ, застроеннымъ амбарами, кладовыми и погребами, ломившимися подъ тяжестью „даровыхъ" деревенскихъ запасовъ. Я помню мужиковъ въ рваныхъ понитках, которые привозили эти запасы за двѣсти верстъ изъ Прошлёванной. Я помню, какъ папенька враждовалъ съ дяденькой изъ-за того, что послѣдній умѣлъ „сыскать" въ слѣпенькой бабенькѣ, и какъ мы, дѣти, ложась на ночь въ свои кроватки, долго разсуждали: скоро ли умретъ слѣпенькая бабенька и успѣетъ ли она оставить духовную въ пользу дяденьки? Я помню мои путешествія съ папенькой по присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ у насъ постоянно производились какія-то дѣла и гдѣ изъ-за рѣшетокъ выглядывали какія-то воспаленныя, изуродованныя оспой и фистулой физіономіи, которыя, казалось, говорили: ко мнѣ! сюда пожалуйте!

здѣсь можно отца родного купить и обратно его съ барышомъ продать! Я помню путешествія съ маменькой по гостиному двору, гдѣ купцы съ замѣчательною искренностью говорили: „въ нашемъ дѣлѣ, сударыня, не обвѣсить или не обмѣрить—все одно, что по міру пойти!“

Ничего не забыла злопамятная душа моя...

Въ Срединомъ изстари существуетъ инстинктивное вожделѣніе ко всему, что носитъ на себѣ печать капитала или силы. Самый озлобленный на свою „незадачу“ мѣщанинъ, такой мѣщанинъ, который съ утра до вечера колотится, чтобъ въ результатѣ получить грошъ —и тотъ мгновенно расцвѣтаетъ, какъ только чувствуетъ, что къ нему или къ его платью прикоснулся „капиталъ“. Физіономія его свѣтлѣетъ, сердце учащенно бьется, тѣло сладострастно вздрагиваетъ. Спросите у этого жалкаго, забитаго нуждой человѣка, что такъ внезапно преобразило его,—и онъ непремѣнно отвѣтитъ вамъ: „помилуйте-съ! да вѣдь они теперича первые по нашему городу люди!“ И ежели для васъ собственно это объясненіе ничего не объясняетъ, то для него, забитаго мѣщанина, оно исчерпываетъ весь смыслъ его бытія и заключаетъ въ себѣ разгадку всѣхъ его поступковъ. Быть можетъ, думаете вы, въ немъ колышется мысль: вотъ пойду, поклонюсь этому человѣку въ ноги, и онъ дастъ мнѣ рубль серебра! Но, увы! даже и этой мысли у него нѣтъ! Онъ расцвѣтаетъ вполнѣ безкорыстно, расцвѣтаетъ потому только, что монна есть единственный идеалъ, до постиженія котораго онъ успѣлъ возвыситься въ продолженіе многотрудной своей жизни, посвященной продажѣ и куплѣ. Продажѣ и куплѣ всего, начиная съ гнилыхъ яблоковъ и подержанныхъ штановъ и кончая подержанною и гнилою совѣстью...

Въ такомъ городѣ мой милліонъ долженъ произвести громадное, потрясающее впечатлѣніе. Нынче люди такъ слабы, что даже при видѣ сторублевой кредитки теряютъ нить своихъ поступковъ — что же будетъ, когда они увидятъ... цѣлый милліонъ въ туманѣ! Поэтому будущее процесса сразу выяснилось передо мной во всѣхъ его подробностяхъ, и я очень хорошо понялъ ту наглую радость, которую ощутилъ Проконъ, когда ему объявили, что Срединному суждено положить начало торжеству его добродѣтели!

Прежде всего, однакожъ, мнѣ хотѣлось выяснить себѣ взаимное положеніе враждующихъ сторонъ, и потому душа моя немедленно во-

нарила въ Пролёванную. Увы! мое старое дворянское гнѣздо какъ будто еще болѣе почернѣло и вросло въ землю. Садъ опустѣлъ и обнажился; на дорожкахъ лежала толстая стлань желтыхъ, мокрыхъ отъ дождя листьевъ; плетневый частоколъ мѣстами совсѣмъ повалился, мѣстами еще держался кой-какъ на вѣсу, какъ будто силился изобразить собой современное европейское равновѣсіе; за садомъ виднѣлась безконечная, безнадежная равнина: берега пруда были размыты и почернѣли; о-бокъ съ усадьбой темнѣли два ряда жалкихъ крестьянскихъ избъ, уныло глядѣвшихъ другъ на друга черезъ дорогу, по которой ни проѣхать, ни пройти невозможно. На дворѣ изморозь, вѣтеръ и грязь; всѣ лица красны и опухли отъ сиверки, всѣ одежды мокры отъ дождя. Надъ этой печальной картиной висѣло не менѣе печальное хмурое небо, какъ бы суля безнадежность, непріютность и тоску на безконечное время...

Сестрицы объ на-лицо и въ ожиданіи исхода кассаціонной жалобы дѣлять между собой мою движимость. На стульяхъ развѣшены мои дворянскіе мундиры, старые сюртуки, фраки, панталоны, совершенно такъ, какъ во время просушки лѣтомъ на солнцѣ отъ моли; на столѣ стоятъ банки съ вареньемъ и соленьемъ, бутылки съ наливкой и бутыль листовки, которую я охотнѣе другихъ водокъ пивалъ при жизни. Ключница Авдотья (старая! думала ли ты когда-нибудь, что будешь свидѣтельницей этого разоренія?), гремя ключами, безпрерывно приноситъ съ погреба новыя банки и, наслѣдивъ въ залѣ мокрыми сапогами, опять отправляется на погребъ за ношей. Мой домъ всегда смотрѣлъ полною чашей, но сестрицы, повидимому, изумлены той массой варенья, которую нашли у меня. Фефочка и Лелечка присутствуютъ при инвентарѣ моего имущества въ качествѣ депутатовъ: первая —со стороны сестрицы Царьи Ивановны, вторая —со стороны сестрицы Марьи Ивановны.

Сестрицы находятся въ самомъ дружелюбномъ настроеніи духа. Мысль, что въ будущемъ имъ придется подѣлить милліонъ, навѣяла миръ въ сердца ихъ и сдѣлала ихъ сговорчивѣе относительно банокъ варенья и старыхъ панталонъ, дѣлежемъ которыхъ онѣ въ настоящую минуту заняты.

— Ужъ вы, сестрица, хоть одну банку съ клубникой мнѣ уступите!—говоритъ Марья Ивановна: — глядите-ка! мнѣ почти всѣ банки съ малиной достались.

— Извольте, сестрица! Фофочка! отставь отъ насъ банку съ клубникой, а банку съ малиной получи!

— Вотъ и мундирчикъ мнѣ тоже достался! Шитьецо-то только съ виду золотенькое, а посмотрѣть на него—все-то оно выгорѣло!

— За то на вашемъ суконце хорошее, сестрица! Мой-то вѣдь вывороченный! А я вотъ что, сестрица, думаю: куда это поленишевка у братца дѣвалась! Вѣдь какъ онъ ее, покойникъ, любилъ! Неужто Дунька-воровка все вылакала?

Но не успѣла сестрица Дарья Ивановна наклеветать на Авдотью, какъ послѣдняя является съ цѣлымъ грузомъ поленишевки. Бутылки торчатъ у нея и въ рукахъ, и подъ мышками, и за пазухой, и въ черномъ передникѣ, концы котораго она закусила зубами.

— Огурцы-то послѣ, что-ли, дѣлить будете? — спрашиваетъ Авдотья.

— Завтра, Дуняша-голубушка! теперь у насъ другихъ дѣловъ много.

Сестрицы, чувствуя потребность отдыха, удаляются въ гостиную и усаживаются на софу.

— Ну-съ, сестрица, стало быть, вся земля отъ Матрешкинова оврага до Кривой Ели—моя?—начинаетъ Дарья Ивановна.

— А отъ Кривой Ели до Софронова луга—моя,—отвѣчаетъ Марья Ивановна.

— Главное, сестрица, чтобъ разговору у насъ не было! чтобъ братца, голубчика, наши споры не потревожили! Пожилъ, братецъ, царство небесное, не прожилъ, а нажилъ... надо и успокоить его, сестрица!

— Надо! ахъ, какъ надо: какъ ему молитва-то наша нужна! Вѣдь онъ, сестрица, царство ему небесное, какъ деньги-то наживалъ?! И съ живого, и съ мертваго... съ самаго, можно сказать, убогаго... все-то онъ дралъ! все-то дралъ! Бѣдный-то придетъ, бывало, а онъ, вмѣсто того, чтобъ милостыньку сотворить, его же нагишомъ и отпуститъ!

— Что говорить! не безъ грѣха! Ну, да наше дѣло сторона! Наше дѣло молиться, сестрица! Молиться, да еще благодарить!

— И какъ еще, сестрица, благодарить! Вотъ я каждый день Лелечѣ говорю: благодари, говорю, дура! Еслибъ не скончался братецъ, жила бы я теперь съ вами, оболтусихами, въ Ветлугѣ! А у

насъ, сестрица, на Ветлугѣ, и мужчинъ-то всего одинъ, да и тотъ землемѣръ!

Сестрицы на короткое время умолкаютъ, чтобъ перевести духъ.

— И какъ это, сестрица-сударыня, хорошо нынче заведено! — начинаетъ опять Царья Ивановна: — сидимъ мы теперича здѣсь въ теплѣ да въ холѣ: ни-то на насъ вѣтромъ вѣетъ, ни-то дождемъ спрыснетъ, а онъ-то, аблокатъ-то нашъ, то-то, чай, высуня языкъ по Петербургу рыскаетъ!

— Что-жъ, сестрица! взялъ денежки — и держись! Это ужъ званіе ихъ такое, чтобъ за другихъ задеря хвосты бѣгать! Иной человѣкъ ни за что по переднимъ нюхать не пойдетъ, а онъ, по своему званію, и это занятіе перенести долженъ!

— Слышала я, сестрица, что нынче надъ ними начальники въ судахъ поставлены. Прежде не было, а теперь есть. Нашъ-то такъ-таки прямо и объявилъ: „трудно, говоритъ, нынче, сударыня! ужъ на что, говоритъ, я безстрашенъ: и бурю, и слякоть, и холодъ, и жаръ—все стерплю! а начальства боюсь!“

— Долго ли до грѣха! Вотъ тоже, сказываютъ про одного: вралъ да вралъ, а начальникъ-то ему: „вы, говоритъ, забылись, въ какомъ государствѣ находитесь! въ такомъ, говоритъ, государствѣ, гдѣ врать не дозволено!“ Такъ-таки прямо и выпалилъ!

Богъ знаетъ, куда бы завелъ сестрицъ этотъ простодушный разговоръ, еслибъ въ эту минуту не послышался звонъ колокольчика. Еще минута—и въ гостиной совершенно неожиданно появился тотъ самый молодой адвокатъ, съ которымъ я уже познакомилъ читателя въ одной изъ предыдущихъ главъ моего „Дневника“ (я забылъ тогда сказать, что фамилія его была Хлестаковъ, что онъ былъ сынъ того самаго Ивана Александровича Хлестакова, съ которымъ я еще въ дѣтствѣ познакомился у Гоголя, и въ честь своего дѣдушки былъ названъ Александромъ). Но, увы, въ немъ уже не было и тѣни той заискивающей предупредительности, которая такъ очаровала меня въ то время, когда онъ велъ переговоры съ Прокопомъ!

Напротивъ, онъ былъ строгъ. Самъ приказалъ зажарить цыпленка, самъ выбралъ бутылку поленишевки и, распорядившись, чтобъ завтракъ былъ поданъ немедленно, разлегся на диванѣ и прямо приступилъ къ дѣлу. Сообщивъ сестрицамъ объ успѣхѣ кассаціи, онъ объяснилъ, что тѣмъ не менѣе торжество Прокопа въ будущемъ

виолиѣ обезпечено. И правы, и обычаи, и исторія, и статистика — все на его сторонѣ. И онъ, адвокатъ, конечно, не потащился бы въ эту „проклятую дыру“ (такъ назвалъ онъ Пролёванную!), онъ даже плюнулъ бы на это поганое дѣло, еслибъ не было надежды, что Прокопъ современемъ самъ изнеможетъ подъ бременемъ торжества своей добродѣтели. Торжествовать по два, по три раза ежегодно, и притомъ торжествовать до самой смерти — съ перваго взгляда это кажется легко, но въ сущности оно довольно обременительно. Что Прокопъ *долженъ* пойти на сдѣлку — это ясно; но вопросъ въ томъ, сколько потребуется времени для того, чтобы созрѣла въ немъ эта рѣшимость. Быть можетъ годъ, а быть можетъ и двадцать лѣтъ.

— Согласитесь сами, старушки, что двадцать лѣтъ сряду таскаться вамъ въ Пролёванную — совсѣмъ для меня не лестно, — заключилъ онъ, все непринужденнѣе и непринужденнѣе разваливаясь на диванѣ и укладываясь наконецъ на него съ ногами.

Сестрицы, словно опѣшаренныя, молча стояли передъ нимъ, покуда онъ понгрывалъ съ pince-nez, насвистывалъ „l'amour ce n'est que ça“ и смотрѣлъ въ потолокъ.

— Да-съ, не лестно-съ и не разсчетъ-съ! — началъ онъ вновь, закидывая руки подъ голову: — я въ Петербургѣ отъ ста до тысячи рублей въ день получаю — сколько это въ годъ-то составитъ? — да-съ! А вы тутъ со своею Пролёванною въ глаза лѣзете!.. Я за квартиру въ годъ пять тысячъ плачу! У меня мебель во всѣхъ комнатахъ золоченая — да-съ!

Сестрицы изъ учтивости раскрывали рты, какъ бы желая сказать нѣчто, но слова, очевидно, замирали у нихъ на устахъ. Я ждалъ одного изъ двухъ: или онъ ляжетъ брюхомъ внизъ, или встанетъ и начнетъ раздѣваться. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Напротивъ того, онъ зажмурилъ глаза и продолжалъ какъ бы въ бреду:

— У меня строго. Я двадцать помощниковъ нанимаю да тридцать человѣкъ разсыльныхъ на свой счетъ содержу. И всѣмъ съ утра до вечера работа. Свиснулъ — и разомъ во всѣ стороны прыснули, только пятки сверкаютъ! опять свиснулъ — и опять всѣ тутъ какъ тутъ! Мнѣ каждый день до тысячи справокъ нужно, и все по дѣламъ — да-съ! Я въ прошломъ году на два милліона дѣлъ выигралъ: по десяти процентовъ съ рубля — сколько это денегъ-то будетъ! А многіе даже половину отдаютъ, только, братецъ, выиграй — да-съ! А

шельмецовъ сколько я защитилъ! Ну, то-есть, такого однажды мерзавца оправилъ, что даже прикоснуться къ нему скверно! — да-съ! Другіе всѣ отказались... а я — нѣтъ! Нѣтъ, говорю, господа! Это не такъ! Мерзавцу адвокатъ нуженъ! Коли, говорю, отъ мерзавцевъ отказываться, такъ намъ зубы, пожалуй, на полку придется положить!.. да-съ! У меня и сегодня въ судебной палатѣ разбирательство назначено... Милліонъ!! а я вотъ въ Проплёванной съ вами наливки распиваю... да-съ!

Сказавши это, онъ какъ-то усиленно засучилъ ногами, какъ дѣлаетъ человѣкъ, которому хочется одной ногой снять сапогъ съ другой ноги.

— У меня каждое утро съ одиннадцати до двухъ пріемъ и каждое утро не меньше ста каретъ у подъѣзда стоятъ — да-съ! Но какъ только пробило два часа — пріемъ кончился! Нѣтъ пріема — и дѣло съ концомъ. И тутъ мнѣ хоть сто тысячъ давай — дудки! ни одной минуты больше! Одинъ разъ князь Слабомысловъ — только минуту опоздалъ! одну только минуту! „Александръ Иванычъ, говорить, секундочку!“ — Ни терпіш, говорю! — „Но почему же такъ?“ — А потому, говорю, что ежели вашего брата, клієнта, баловать, такъ вы и совсѣмъ потомъ осѣдлаете! Да-съ! Можетъ быть, и теперь, въ эту минуту, сто человѣкъ меня дожидается, а я... фью!.. гдѣ бы вы думали!.. въ Прроплёванной!!

Сапогъ съ одной ноги летитъ на полъ.

— Меня однажды князь Серебряный (вотъ тотъ, что графъ Толстой еще цѣлый романъ о немъ написалъ!) къ себѣ сманивалъ... да-съ! „Если, говоритъ, сдѣлаютъ меня министромъ, пойдешь ты ко мнѣ?“ — Нѣтъ, говорю, откровенно тебѣ скажу, князь, не пойду. — „Почему же такъ? Я, говоритъ, только для виду министромъ буду, а всѣмъ прочимъ будешь распоряжаться ты!“ — И все-таки не пойду. „Но почему же?“ — А дашь ты мнѣ, говорю, въ годъ сто тысячъ? — „Но это, говоритъ, невозможно!“ — А невозможно, говорю, такъ и разговаривать нечего!.. да-съ! А теперь онъ скажетъ: ко мнѣ идти не хотѣлъ, а въ Проплёванную, небось, есть разсчетъ ѣздить!

Другой сапогъ снятъ и летитъ на полъ. При этомъ видѣ сестрица Дарья Ивановна рѣшается наконецъ быть откровенною.

— Александръ Иванычъ! батюшка! да будьте вы съ нами не

родственному!—восклицаетъ она, простирая руки и какъ-то глупо оттопыривая губы.

Восклицаніе это повидимому возвращаетъ молодого человѣка къ дѣйствительности. Онъ, не торопясь, поднимается съ дивана, протираетъ глаза и позѣваетъ.

— Гм... я, кажется, сапоги съ себя снялъ,—говоритъ онъ: — а вы ужъ и раскисли, старушки! По родственному! Это значитъ: въ Проплёванной съ вами жить да наливки распивать.. Недурно сказано!

И онъ такъ нагло захохоталъ имъ въ лицо, что я вдругъ совершенно ясно понялъ, какая подлая печать проклятія должна тяготѣть на всемъ этомъ паскудномъ родѣ Хлестаковыхъ, которые готовы вертѣться колесомъ передъ всѣмъ, что носитъ названіе капитала и силы, и въ то же время не прочь плюнуть въ глаза всякому, кто хоть на волосъ стоитъ ниже ихъ на общественной лѣстницѣ.

— Ну-съ,—продолжалъ онъ, вновь принимая строгій и дѣловой видъ:—разговаривать съ вами мнѣ некогда. Я пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ предложить вамъ ультиматумъ. Примете его—прекрасно; не примете—только вы меня и видѣли!

Затѣмъ онъ вынулъ изъ бумажника пачку кредитокъ и поднесъ ее къ носу сестрицы Дарьи Ивановны...

. . . . . .

Дѣло кончилось въ какихъ-нибудь полчаса. Сестрицы продали и меня, и мой милліонъ за десять тысячъ рублей, или, вѣрнѣе, за пять тысячъ, потому что только эта сумма была немедленно отсчитана, а остальныя пять тысячъ онѣ имѣли право получить лишь тогда, когда особыя присяжные окончательно произнесутъ: да. Проконъ устранилъ милліонъ изъ прежняго помѣщенія вполнѣ согласно съ обстоятельствами дѣла. Сверхъ того сестрицы обязывались: 1) являться на всѣхъ судахъ въ бѣдной и даже рваной одеждѣ, лгать какъ будетъ указано, а въ случаѣ надобности и плакать; 2) дозволить магазину голландскихъ и билефельдскихъ полотенъ Герики Зальцфиша (онъ же и антрепренеръ моего процесса, обязывавшійся дѣйствовать отъ имени сестрицъ) напечатать во всѣхъ газетахъ слѣдующее объявленіе:

„НЕДАВНО!!

въ нашемъ магазинѣ купили полдюжины голландскихъ носовыхъ платковъ несчастныя наслѣдницы автора „Дневника“.

ОБѢЩАЯСЬ!!

въ случаѣ выигрыша процесса, купить цѣлый ассортиментъ рубашекъ, кальсоновъ, носовыхъ платковъ, скатертей, салфетокъ и другихъ полотняныхъ товаровъ, продающихся у насъ по баснословно-дешевымъ цѣнамъ, въ чемъ почтеннѣйшая публика удостовѣрится, посѣтивши нашъ магазинъ“.

Alea jacta est... Гдѣ же принципъ собственности? гдѣ святость семейныхъ узъ? Если сестрицы сознавали свое право на обладаніе моимъ милліономъ, и если при этомъ имъ было присуще чувство собственности, то онѣ были обязаны идти до конца, влечься къ *своему* милліону инстинктивно, фаталистически, во что бы то ни стало и что бы изъ того ни произошло! Съ другой стороны, ежели онѣ чувствовали себя членами семьи, то точно такъ же фаталистически и до послѣдней крайности обязывались мстить моему обидчику. И въ чувствѣ собственности, и въ чувствѣ союза семейнаго не можетъ быть сдѣлокъ, ибо это даже не принципы, а естественное влеченіе человѣческой природы. Принципы можно сочинить, а слѣдовательно и отказаться отъ нихъ или видоизмѣнить; по какимъ образомъ устранить чувство, которое говоритъ само собой, независимо отъ какихъ-либо посторонихъ, искусственныхъ вліяній? Какъ заставить себя вожделѣть только десять тысячъ, когда предметъ вожделѣній совершенно конкретенъ и составляетъ милліонъ? Не все ли это равно, что сознавать себя сытымъ, когда все нутро вопіетъ о голодѣ?

Но въ наше развращенное время все возможно. Мы до того исковеркали себя, что даже самыя естественныя наши побужденія подчинили искусственнымъ примѣсямъ. Мы съуживаемъ и расширяемъ ихъ по своему усмотрѣнію; мы отдаемъ ихъ въ жертву всевозможнымъ жизненнымъ компромиссамъ, забывъ совершенно, что самое свойство естественныхъ чувствъ таково, что они не подчиняются ни человѣческому произволу, ни тѣмъ менѣе какимъ-то компромиссамъ. Мать взыскиваетъ по векселю съ сына, подчиняясь естественному чувству собственности и въ то же время попирая естественное чувство семей-

ственности. Та же мать, взыскавъ деньги съ одного сына, передастъ ихъ другому, подчиняясь естественному чувству семейственности и отворачиваясь отъ естественнаго чувства собственности. Какой многознаменательный фактъ! Ужели это не повтореніе древняго мноа о Харибдѣ и Сциллѣ? И какимъ образомъ усидѣть между этихъ двухъ стульевъ и не провалиться въ концѣ концовъ? Газета „Честолюбивая Просвирня“, еженедѣльный органъ русскихъ праздношатающихся людей, давно уже впрочемъ замѣтила этотъ разладъ, и ежели до сихъ поръ не съумѣла ясно формулировать его, то единственно по незнанію русской грамматики. Знай она русскую грамматику, она доказала бы, какъ дважды два — четыре, что вредный коммунизмъ, и подъ землей и по землѣ, и подъ водой и по водѣ, какъ червь, или, лучше сказать, какъ голодный нѣмецъ, ползетъ, прокладывая себѣ дорогу въ сердца простодушныхъ обывателей россійскихъ весей и градовъ!

Я чувствовалъ этотъ разладъ вдвойнѣ: и какъ консерваторъ, и какъ бывшій откупщикъ. Не за себя мнѣ было обидно, а за тѣ святыни, которыя съ дѣтства составляли животворящее начало моей жизни! Какъ мелки и даже нравственно испорчены показались мнѣ сестрицы, и какъ былъ великъ, непосредственъ и цѣленъ, по сравненію съ ними, Прокопъ! Правда, и у него была минута слабости — минута, когда онъ предложилъ молодому Хлестакову десять тысячъ рублей сряду, но затѣмъ онъ уже, какъ говорится, осатанѣлъ и велъ себя какъ человѣкъ, въ которомъ естественное чувство собственности совершенно заглушило всѣ другія, наплывныя соображенія...

Даже молодой Хлестаковъ — и тотъ, съ точки зрѣнія философской, являлъ себя болѣе надежнымъ хранителемъ основныхъ человѣческихъ влеченій, нежели эти малодушныя женщины, которыя имѣли наглость называть себя моими сестрами и наслѣдницами! Однажды завожделѣвъ, онъ тотчасъ же вонлотилъ свое право и отдалъ себя ему весь до конца. И какъ блестяще онъ покончилъ съ сестрицами! Какъ ловко онъ подносъ пачку ассигнацій къ самому носу сестрицы Дарьи Ивановны, въ такую минуту, когда она, ошеломленная касаціоннымъ рѣшеніемъ, не могла даже понять, гдѣ кончается копѣйка и гдѣ начинается милліонъ! Бѣдная, она даже чихнула отъ наслажденія: до такой степени живо заговорило въ ней чувство собственности! Да, это было чувство собственности, хотя чувство неполное, чисто-женское чувство, не умѣющее отличить гривенникъ отъ

рубля и, быть можетъ, по этой причинѣ неспособное ни на какія самопожертвованія ради великихъ общихъ принциповъ!

Да; надо, ахъ, какъ надо написать объ этомъ статью и послать ее къ Менандру! Вмѣсто того, чтобъ бормотать на тему, правильно или неправильно поступаетъ огородникъ, разводя при огородѣ козловъ (вѣдь это даже за насмѣшку принять можно! можно подумать, что и „огороды“, и „козлы“ тутъ только для прилику, настоящее же заглавіе статьи таково: „правильно ли поступаетъ администраторъ, разводя въ своемъ вѣдомствѣ либераловъ?“)—не лучше ли прямо обсудить вопросъ: отчего стремленія, вполнѣ естественныя въ теоріи, на практикѣ оказываются далеко не столь естественными? что тутъ составляетъ миражъ: самыя ли стремленія, или та практика, которая извращаетъ ихъ?..

Но какая, однакожъ, это странная штука! Теперь моими родственниками и наслѣдниками оказываются не сестрицы, а Хлестаковъ съ цѣлою шайкой совершенно неизвѣстныхъ жидовъ, производящихъ распродажу полотенъ! О, нархатые! какимъ чудомъ могли заползти въ ваши сердца чувство родственной любви къ человѣку вполнѣ для васъ неизвѣстному? Или я не человѣкъ, а только „рубль“, на которомъ ничего не написано, кромѣ того, что это res nullius, которая, въ этомъ качествѣ, cedet primo occupanti, то-есть еврею Зальцфишу, продающему настоящіе голландскіе платки на углу Большой Мѣщанской и Гороховой!

Какъ бы то ни было, но симпатіи мои къ Прокопу возростали все больше и больше. Не говоря уже объ его вѣрности принципахъ, меня подкупали еще воспоминанія. Онъ любилъ меня, онъ дѣлилъ со мной радость и горе. Вмѣстѣ съ нимъ я изучалъ петербургскія трактирныя заведенія, наслаждался Нѣнейдеріей. Кадуджей, засѣдалъ въ Шухардинскомъ международномъ статистическомъ конгрессѣ и вытерпѣлъ въ „Отель дю-Нордъ“ опаснѣйшій политическій процессъ. Наконецъ, какія превосходныя устроилъ онъ мнѣ похороны! Въ виду всего этого могъ ли я винить его? Вѣдь деньги мои не были заперты! вѣдь онъ былъ одинъ въ моментъ моей смерти, или, по крайней мѣрѣ, мнилъ себя быть однимъ! Ну, могъ ли же онъ? Ради самого Бога, могъ ли онъ воздержаться, могъ ли не дать воли чувству стяжанія, которое дѣлается въ особенности жгучимъ, почти нестерпимымъ при

видѣ того, что плохо лежитъ! И не забудьте, что вѣдь плохо-то лежалъ... милліонъ!!!

Гдѣ были въ это время сестрицы? Бодрствовали ли онѣ? Слѣдили ли за тѣмъ, какъ я, постепенно спиваясь съ кругу, погружаюсь на самое дно петербургскихъ наслажденій! Нѣтъ, онѣ унывали въ Ветлугѣ! Онѣ роптали на судьбу, которая послала на Ветлугу *только* одного мужчину, да и то землемѣра... О, маловѣры!

Но, дойдя до этихъ злоключеній, я самъ испугался. Оказывалось, что и во мнѣ естественное чувство семейственности настолько ослабло, что и я не усомнился узы случайной пріязни предпочесть узамъ кровнаго родства! Еслибъ я не былъ развращенъ современными вѣяніями, я долженъ былъ бы любить сестрицъ во что бы ни стало. Любить, хотя бы онѣ ненавидѣли меня и дѣлали мнѣ на каждомъ шагу всякія мерзости! Братцы! сестрицы! грабьте! — вы всегда будете милы мнѣ! Почему вы *должны* быть мнѣ милыми — это „тайна". Это непсповѣдимѣйшая изъ всѣхъ тайнъ современности, въ которыхъ ненависти и любви такъ хитро переплелись между собой, что самъ Менандръ, со всѣмъ соборомъ нѣкоснимателей, конечно, не разрѣшилъ бы, любовь ли тутъ породила ненависть, или ненависть породила любовь!

Сгарая нетерпѣніемъ познакомиться съ моими новыми родственниками, душа моя воспарила въ Петербургъ. Но тутъ, я долженъ сознаться, воспоминанія мои уже теряютъ свою послѣдовательность и представляются въ формѣ отрывковъ, лишенныхъ строгой органической связи.

Сначала я перенесся какъ бы на сцену Большого театра. Давали „Жидовку"; всѣ нархатые были на-лицо и производили тайное жидовское моленіе. За большимъ столомъ, покрытымъ бѣлою скатертью, по срединѣ, лицомъ къ зрителямъ, сидѣлъ Герцка Зальцфишъ и разбитымъ теноромъ произносилъ возгласы. Онъ былъ одѣтъ въ длинную одежду и препоясанъ, какъ бы собираясь въ длинный путь. На столѣ лежали опрѣсноки и зажаренная на собственномъ салѣ каширная овца, приправленная чеснокомъ. Моника Гиршфельдъ, Іозель Зальцманъ, Іерухимъ Хайкль, Ицко Праведный и множество другихъ жидовъ-акціонеровъ (въ числѣ ихъ я узналъ нѣкоторыхъ зубныхъ врачей) расположились кругомъ стола и подтягивали. Они молились за успѣхъ *моего* дѣла и взывали къ Іеговѣ объ отмщеніи. На

одномъ концѣ стола пріютился Александръ Иванычъ Хлестаковъ и, умильно посматривая на Рифку Зальцфишъ, помѣстившуюся на другомъ концѣ, обдумывалъ, что̀ выгоднѣе: перейти ли въ жидовскую вѣру, или потурчиться? Затѣмъ, когда каширная овца была доѣдена, Хлестаковъ всталъ изъ-за стола и доложилъ общему собранію господъ акціонеровъ, что онъ успѣлъ отыскать двоихъ новыхъ и притомъ совершенно достовѣрныхъ лжесвидѣтелей. Одинъ изъ нихъ—извѣстный нумерной Гаврюшка, который согласенъ за сто цѣлковыхъ и подтвердить, и перемѣнить свое прежнее показаніе—какъ угодно; другой—елабужскій мѣщанинъ Іуда Стрѣльниковъ, который, ѣхавши на пароходѣ отъ Казани до Елабуги, собственными ушами слышалъ, какъ бывшій камердинеръ Прокопа, Семенъ, хвастался, что получилъ однажды отъ барина плюху за то, что назвалъ его воромъ. Показаніе это Стрѣльниковъ соглашается подтвердить и на судѣ, если ему будетъ дано двѣсти рублей.

— Но пусть лжесвидѣтели сами изложатъ передъ собраніемъ свои показанія!—восклицаетъ легкомысленный Хлестаковъ.

Входитъ Гаврюшка, съ заложенными, по привычкѣ, назадъ руками. Онъ въ оборванномъ сюртучишкѣ; лицо безобразно опухло; глаза устремлены въ полъ; ноги дрожатъ. Отъ всей этой фигуры разитъ водкой, распутствомъ и тѣмъ нестерпимымъ запахомъ, который можно обонять только въ отвратительныхъ конурахъ, гдѣ ютится на ночь трактирная прислуга. Онъ вздыхаетъ какъ бы подъ бременемъ раскаянія и въ то же время блуждаетъ по столу, разыскивая, нѣтъ ли гдѣ водки. Изъ-за него выглядываетъ маленькая, юркая фигура расторопнаго елабужскаго мѣщанина Стрѣльникова.

Оба по очереди излагаютъ свои показанія. Гаврюшка поетъ свою арію пьянымъ басомъ. Стрѣльниковъ—дребезжащимъ, слабосильнымъ теноромъ. По временамъ голоса ихъ сливаются и образуютъ дуэтъ.

Затѣмъ ихъ заставляютъ сѣсть на стулья и положить руки подъ стегно въ знакъ того, что они будутъ лжесвидѣтельствовать по самой сущей истинѣ и такъ точно, какъ научилъ ихъ господинъ Хлестаковъ.

Лжесвидѣтелей увели: Гершка всталъ съ своего мѣста и, какъ ошпаренный, забѣгалъ по сценѣ. Глаза его горѣли, пейсы тряслись, на губахъ сочилась пѣна.

— Сами зе видѣли! сами зе теперь видѣли!—кричалъ онъ въ изступленіи.

— Видѣли! Видѣли!—отвѣчалъ ему хоръ.

— Іерухимъ! теперь бѣзите! бѣзите теперь нахъ бирза... гешвиндъ! И всѣмъ сказите: насли лзесвидѣтелей! Герсту! не лозныхъ, а настоясихъ, самыхъ луцшихъ лзесвидѣтелей! И продайте тысяцу акцій!

Іерухимъ убѣжалъ, а Гершка вдругъ закружился, началъ подпрыгивать, колотить себя въ грудь и выкрикивать какіе-то нечестовые звуки. Примѣру его послѣдовали и прочіе, а между ними и Хлестаковъ. Такимъ образомъ продолжалось около получаса. Наконецъ всѣ повалились, кто куда попалъ, и Гершка потухшимъ голосомъ произнесъ:

— О, вей миръ! и какой зе ты великій мосенникъ, Іерухимъ! И сто зе онъ тамъ говоритъ! И мозно ли такъ говорить... и гдѣ зе?.. на бирза! И никакихъ зе лзесвидѣтелей совсѣмъ нѣтъ! О, Іосель! о, другъ мой Іосель! Бѣзите теперь ви! Бѣзите нахъ бирза и всѣмъ говорите! Всѣмъ сказите, сто Іерухимъ говоритъ... ахъ, пфуй! сто зе онъ говоритъ! И ницего зе этого нѣтъ! И никакой лзесвидѣтель не приходилъ! И купите тысяцу акцій!

Это было такъ любопытно, что душа моя сейчасъ же воспарила на биржу, чтобъ удостовѣриться, что̀ изъ этого выйдетъ.

Іерухима еще не было. Настроеніе биржи было *вялое*. Цѣна акцій представлялась въ слѣдующемъ видѣ: продавцы 71, покупатели $70^1/_2$ безъ сдѣлокъ. Вдругъ прибѣжалъ Іерухимъ и, воздѣвши руки, воскликнулъ:

— О, вей! насли двухъ самыхъ луцшихъ, самыхъ настоясихъ лзесвидѣтелей!

Тогда произошло смятеніе. Всѣ бросились покупать, и Іерухимъ въ какіе-нибудь полчаса времени спустилъ тысячу акцій: покупатели $78^3/_4$, продавцы $80^1/_2$, сдѣлано $79^7/_8$. Но въ тотъ самый моментъ, когда Іерухимъ продалъ послѣднюю акцію, прибѣжалъ весь блѣдный Іосель и, растерзавъ на себѣ ризы, воскликнулъ:

— О, Іерухимъ, ты великій мосенникъ и воръ! Не вѣрьте зе ему! не вѣрьте! Никакихъ зе лзесвидѣтелей нѣтъ!

Цѣлая толпа бросилась на Іерухима и принялась бить его. Но Гершка достигъ своей цѣли: акціи упали немедленно, и были скуплены Іоселемъ обратно: продавцы $62^1/_2$, покупатели 62, сдѣлано $62^1/_8$.

Итакъ, на восемь дѣлъ Гершка, такъ сказать, моментально вы-

играль слишкомъ шестнадцать тысячъ рублей! Этого мало: едва появилось въ газетахъ объявленіе, что мои наслѣдницы купили въ магазинѣ Зальцфиша полдюжины носовыхъ платковъ, какъ публика валомъ повалила на уголъ Гороховой и Большой Мѣщанской, и съ десяти часовъ утра до десяти часовъ вечера держала въ осадѣ лавку, дотолѣ никѣмъ не посѣщаемую. Въ этотъ день было продано 100 дюжинъ рубашекъ, 1.000 паръ мужскихъ и женскихъ кальсоновъ, 500 дюжинъ носовыхъ платковъ и по соразмѣрности прочихъ товаровъ. Вечеромъ Гершка телеграфировалъ въ Ярославль съ требованіемъ скупить у тамошнихъ бабъ все билефельдское полотно, какое окажется въ наличности...

Однако фактъ существованія лжесвидѣтелей былъ на-лицо, и я бросился къ Прокопу, чтобы предупредить его насчетъ предательства Гаврюшки.

Но какъ же я былъ пріятно изумленъ!!

Оказалось, что все это не больше, какъ подпольная интрига, въ которой дѣятельными лицами являлись агенты Прокопа и жертвою которой долженъ былъ пасть молодой Хлестаковъ! Что и Гаврюшка, и Іуда Стрѣльниковъ — не только не лжесвидѣтели, но просто благонамѣреннѣйшіе люди, изъявившіе согласіе, за извѣстную плату, надуть моихъ новыхъ нархатыхъ родственниковъ!

Я отсюда представляю себѣ эту изумительную сцену. Хлестаковъ горячится и требуетъ призыва Гаврюшки и Стрѣльникова; напротивъ того, адвокатъ Прокопа съ чувствомъ и даже настойчиво отклоняетъ это требованіе. Но правда, однакожъ, превозмогаетъ: свидѣтели вызваны: Хлестаковъ потираетъ руки... настораживаетъ уши, старается уловить каждое слово, каждый звукъ драгоцѣннаго свидѣтельства—и что же слышитъ?!

— Ничего этого я не знаю,—говоритъ Гаврюшка: -человѣкъ я слабый, пьяный! Служилъ я у нихъ — это точно... Только ужъ очень строги они были... ахъ, какъ были строги!

— Правда ли, что подсудимый неоднократно билъ васъ?—спрашиваетъ Гаврюшку защитникъ Прокопа.

— И бивали... страсть какъ бивали! Бывало, чуть что — сейчасъ въ ухо или по зубамъ!

— Прошу господъ присяжныхъ обратить на это показаніе особенное вниманіе! —обращается защитникъ Прокона къ присяжнымъ: —оно уничтожаетъ въ прахъ всѣ эти гнусныя клеветы насчетъ подкуповъ и угрозъ, которыя злонамѣренно распускаются въ обществѣ. Вотъ свидѣтель, который прямо показываетъ, что подсудимый не только не подкупалъ, но и билъ его... и за всѣмъ тѣмъ въ благодарной своей памяти не находитъ ни единаго факта, который могъ бы очернить моего кліента! Еще разъ прошу васъ обратить на это вниманіе!

— Было у насъ это дѣло такимъ манеромъ, —показываетъ въ свою очередь Іуда Стрѣльниковъ: —призываютъ они меня, вотъ этотъ самый господинъ Хлестаковъ, и говорятъ: „вотъ тебѣ, говорятъ, къ примѣру два золотыхъ: покажи, значитъ, что Семенъ Петровъ при тебѣ на пароходѣ хвастался!“ А я, ваше превосходительство, совѣсть имѣю.—Какъ же, молъ, говорю, Александръ Иванычъ, я теперича объ этомъ самомъ дѣлѣ показывать буду, коли ежели я ничего про него не знаю?—Однако они меня не послушали: „ничего, говорятъ, показывай! я тебя вызову“. —Какъ угодно, говорю, а только мы противъ совѣсти показывать не согласны!—Только у насъ и разговору, ваше превосходительство, съ ними было!

Хлестаковъ краснѣетъ и блѣднѣетъ; онъ чувствуетъ, какъ сознаніе собственнаго легкомыслія начинаетъ угрызать его. Конечно, впослѣдствіи онъ пойметъ ту теорію „встрѣчнаго подкупа“, которую всесторонне разработалъ Прокопъ, но когда онъ пойметъ ее—будетъ уже поздно...

Каковъ сюрпризъ!!...

Но я возвращаюсь къ разсказу.

Я засталъ Прокопа въ той самой гостинницѣ, въ которой онъ остановился по пріѣздѣ въ Петербургъ. Онъ, по обыкновенію своему, шагалъ изъ угла въ уголъ, но по временамъ останавливался и меланхолически разсматривалъ щегольской сѣрый казакинъ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, который сгоряча заказалъ для себя и въ которомъ теперь не предстояло никакой надобности. Передъ нимъ, какъ бѣсъ передъ заутреней, вертѣлся маленькій человѣкъ, не то армянинъ, не то грекъ,—однимъ словомъ, существо, которое Прокопъ, подъ веселую руку, называлъ православнымъ жидомъ“. Это былъ секретный агентъ Прокопа, агентъ, на обязанности котораго

лежало отыскиванье лжесвидѣтелей, устройство различныхъ судебныхъ сюрпризовъ и другая черная работа. У дверей, прислонясь къ притолкѣ, стояли: ополоумѣвшій отъ водки Гаврюшка и расторопный елабужскій мѣщанинъ Іуда Стрѣльниковъ.

— Боюсь, не повѣрили они! Не пойдутъ, братъ, они на эту штуку!—какъ-то лѣниво резонировалъ Прокопъ, выслушавъ докладъ своего агента.

Гаврюшка только хлопалъ въ отвѣтъ глазами. За него выступилъ впередъ съ отвѣтомъ Стрѣльниковъ.

— Ваше высокородіе! позвольте слово сказать-съ.

— Говори, братецъ!

— Возможное ли теперича дѣло, чтобъ они не повѣрили, коли мы, значитъ, даже руки, съ позволенія сказать, подъ себя клали! По ихнему, теперича, какой это разговоръ? „Вѣрное слово“ —и больше ничего!

Прокопъ вопросительно взглянулъ на „православнаго жида“.

— Это такъ точно, ваше высокородіе!—засуетился послѣдній: —это у нихъ... это ежели кто руку подъ себя положилъ...

— Позвольте, Экономидъ Мурзаханычъ!—вступился Стрѣльниковъ:—я ихъ высокородію все объясню. Ваше высокородіе! возможно ли мнѣ этихъ дѣловъ не знать, коли я этого самаго жида... другой, значитъ, козла своего столько не знаетъ, сколько я этихъ жидовъ наскрозь проникъ!

— Ой-ли? Очень ужъ, погляжу я, ты хвастаться ловокъ! А ты знаешь ли, что̀ значитъ елабужскій мѣщанинъ *)?

— И это знаю-съ! Я все знаю-съ. Потому я, ваше высокородіе, не токма̀ что въ Елабугѣ, а даже въ самомъ Парижѣ проживаніе имѣлъ-съ!

— Ври, дуракъ!

— Вѣрное слово, ваше высокородіе! Потому тятенька у меня человѣкъ строгій, можно сказать, даже ровно истуканъ простой... Коли мы, теперича, въ этой самой Елабугѣ, и сдѣлалось мнѣ вдругъ ужасти какъ непросторно! Тоись, такъ непросторно! такъ непросторно! Ну, и сталъ я, значитъ, пропадать: день меня нѣтъ, два дня нѣтъ—

*) „Елабужскими мѣщанами“ въ Вятской губерніи называютъ извѣстныхъ, особенно надоѣдливыхъ паразитовъ.

натурально, отъ родителевъ гнѣвъ. Вотъ и говоритъ мнѣ тятенька: „стунай, говоритъ, сукинъ сынъ, куда глаза глядятъ!“

— Да въ Парижъ-то тебя какъ нелегкая занесла?

— Постепенно-съ. Съ господами пріѣхалъ-съ. Я, ваше высокородіе, при каммунѣ сторожемъ состоялъ!

— Ну!?

— Точно такъ, ваше высокородіе. Только я, конечно, по чувствамъ своимъ больше до господина Тьера касательство имѣлъ... Утромъ, извѣстно, въ каммунѣ служишь, а вечеромъ—касательство въ Версали-съ...

Стрѣльниковъ смотрѣлъ такъ ясно и даже интеллигентно, что Проконъ, нѣсколько разъ во время разговора подмигивавшій „православному жиду“, окончательно повеселѣлъ.

— Выжига, значитъ!

— По нашему званію, ваше высокородіе, никакъ безъ этого невозможно-съ! Теперича, напримѣръ, хоть бы вы-съ. Призываете вы меня: предоставь мнѣ, Стрѣльниковъ, то али, положимъ, хоть и другое! Долженъ ли я вашему высокородію удовольствіе сдѣлать?

— Только ты смотри у меня, держись въ струнѣ, не сбрендя! Я, братъ, вѣдь золъ! Я тебя—если что—въ трехподдей достану! Какъ только онъ тебя свидѣтелемъ вызоветъ—сейчасъ ты его удиви!

— Ваше высокородіе! Довольно вамъ сказать: какъ передъ Истиннымъ, такъ и передъ вами-съ! Наплюйте вы мнѣ въ лицо! Въ самые, тонсь, глаза мнѣ плюньте, ежели я хоть на волосокъ сфальшу! Сами посудить извольте: они мнѣ, теперича, двѣсти рублей посулили, а отъ васъ я четыреста въ надеждѣ получить! Не низкій ли же я противъ васъ человѣкъ буду, ежели я этихъ нархатыхъ въ лучшемъ видѣ вашему высокородію не предоставлю! Тонсь, такъ ихъ удивлю! такъ удивлю! Тонсь... и Боже ты мой!

. . . . . .

Далѣе я не слушалъ: я понялъ.

Но тутъ нить моего сновидѣнія прерывается окончательно. Я чувствую, что лечу стрѣлой черезъ необозримое пространство, лечу, лечу... и наконецъ упадаю на самое дно пропасти.

Прошло двадцать-пять лѣтъ; девятнадцатый вѣкъ на исходѣ, а

Прокопъ все еще судится. Изъ похищеннаго милліона у него осталось всего-на-все двѣсти-пятьдесятъ тысячъ, а онъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ, несмотря на всю быстроту судопроизводства, едва-едва успѣлъ дотянуть до половины буквы *В*. Сто-двадцать-пять городовъ, мѣстечекъ, посадовъ и крѣпостей были свидѣтелями торжества его добродѣтели, но сколько еще тысячъ городовъ предстоитъ впереди—это невозможно даже приблизительно опредѣлить. Къ несчастію для Прокопа, благодаря чрезмѣрному развитію промышленности, каждый годъ, какъ на смѣхъ, возникаетъ множество новыхъ городовъ и мѣстечекъ, такъ что ему безпрестанно приходится возвращаться назадъ къ буквѣ *А*. А тутъ еще и другое неудобство: порядокъ переѣзда изъ одного города въ другой, вслѣдствіе канцелярскаго недоразумѣнія, принятъ алфавитный, и Прокопъ по этой причинѣ обязывается переѣзжать изъ Бѣлева въ Бѣлозерскъ, изъ Бѣлозерска въ Бѣлополье и т. д.

Въ настоящую минуту онъ въ Верхотурьѣ (Пермской губерніи) и дѣятельно готовится къ переѣзду въ Верхоянскъ (Якутской области)...

Европа давно уже измѣнила лицо свое; одни мы, русскіе, остаемся, по прежнему, незыблемы, счастливы и непоборимы. Въ Европѣ, вслѣдствіе безначалія, давно есть нечего, а у насъ по прежнему всего въ изобиліи. Идя постепенно, мы дожили до того, что даже Верхотурье увидѣло гласный судъ въ стѣнахъ своихъ. Благо Уральскій хребетъ перейденъ, а тамъ до Восточнаго океана—ужъ рукой подать!

Благодаря этой постепенности, успѣхи, которые сдѣлала русская жизнь въ продолженіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ, по истинѣ изумительны! Въ каждомъ городѣ существуетъ клубъ, въ которомъ за 75 копѣекъ можно получить неприхотливый, но сытный обѣдъ, состоящій изъ трехъ блюдъ. Исправники не называются больше исправниками, а носятъ титулъ „излюбленныхъ губернаторами людей“, и въ этомъ качествѣ занимаютъ въ клубахъ должности „главныхъ старшинъ“. Вредный административный антагонизмъ исчезъ совершенно: земскія управы, изнемогши въ борьбѣ съ мостами и перевозами, оставили за собой лишь уѣздную и губернскую статистику, но за то довели эту науки до такого совершенства, что старикъ Кеттлé, пріѣхавъ однажды въ Балахну („Балахна—стоитъ рота рапахна“, говоритъ народная пословица).—воскликнулъ: „nunc dimittis!“—и

тутъ же испустилъ многомятежный духъ свой. Городскіе головы оставили за собой одну спеціальность: угощать по воскресеньямъ „излюбленныхъ губернаторами людей“ пирогами. Въ судахъ безначаліе устранено окончательно, благодаря тому, что независимость судей была счастливымъ образомъ уравновѣшена перспективою повышеній и наградъ. Самые суды собирались только по субботамъ единственно для того, чтобы закончить дѣла, начавшіяся еще въ „эпохи независимости“, и затѣмъ, условившись, куда идти вечеромъ въ баню, и явивъ міру примѣръ судопроизводства гласнаго и неврединаго, расходились по домамъ. Хотя же рядомъ съ „новыми“ существовали еще „новѣйшіе“, но имъ дѣлать было нечего, за отсутствіемъ преступленій и процессовъ. Воровать и грабить было воспрещено строго-на-строго, а въ 1891 году, по иниціативѣ белебеевскаго „излюбленнаго губернаторомъ человѣка“, всѣмъ ворамъ было поставлено въ обязанность подать о себѣ особыя ревизскія сказки, по исполненіи чего они немедленно были посажены на цѣпь, и тѣмъ сразу прекращены были способы для производства дальнѣйшихъ съ ихъ стороны беззаконій. Гражданскіе процессы тоже прекратились, такъ какъ общество убѣдилось, что оттягать, напримѣръ, домъ у сосѣда вовсе не значитъ получить этотъ домъ въ свою собственность, но значитъ отдать его адвокату въ вознагражденіе за ходатайство. Образованіе проникло всюду, такъ что даже пастухи, охраняя ввѣренныя имъ стада, очень удовлетворительно склоняютъ *mensa*. Паспортовъ нѣтъ: на мѣсто ихъ введены маленькія-маленькія карточки, которыя, занимая въ карманѣ втрое менѣе мѣста противъ прежнихъ неуклюжихъ листовъ, доставляютъ населенію удобства неисчислимыя. Раздѣленія на военныхъ и статскихъ не существуетъ: всѣ одновременно —и статскіе, и военные—сперва займутся статскими дѣлами, то-есть взысканіемъ недоимокъ: потомъ, сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ, примутся за военныя дѣла, выйдутъ на площадь, зачнутъ шагать, кружиться, потомъ опять шагать:

Въ колонну
Соберись бѣгомъ!
Трезвону
Зададимъ штыкомъ!
Скорѣй! скорѣй! скорѣй!

Нѣтъ также и раздѣленія на платящихъ и неплатящихъ. Податная

коммиссія, выдавъ 501-й томъ своихъ трудовъ, выработала наконецъ уставъ, которымъ всѣ остались довольны. Всѣ платятъ, и притомъ съ удовольствіемъ, и притомъ противъ прежняго втрое. Затѣмъ, такъ какъ все необходимое уже выполнено и поводовъ для огорченій не существуетъ, то политическія и литературныя партіи, раздиравшія наше общество двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, исчезли сами собой. Ругательства, составлявшія красоту полемики семидесятыхъ годовъ, упразднены, хотя литература совершенно свободна. Совѣтъ книгопечатанія, однакожъ, еще существуетъ, но лишь для проформы, какъ нелишняя архитектурная подробность. Одинъ Менандръ не измѣнилъ традиціямъ и дерзче нежели когда-нибудь выражаетъ свой восторгъ по поводу переименованія исправниковъ въ излюбленныхъ губернаторами людей. Внѣшняя политика тоже въ порядкѣ: по смерти Тьера мы успѣли усадить въ президентскомъ креслѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Толстолобова, который, еще въ бытность губернаторомъ, выказалъ замѣчательный тактъ въ борьбѣ съ губернскимъ предводителемъ дворянства. Австрію мы предоставили ея собственной судьбѣ: отъ Италіи получили вѣрное слово, что ежели Пій IX будетъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, то всѣ итальянцы, какъ одинъ человѣкъ, обратятся въ св. синодъ съ просьбой о возсоединеніи, и т. д. Остается одинъ только неясный пунктъ: Византія еще не покорена. Но такъ какъ въ газетахъ отъ времени до времени помѣщалась оффиціозная замѣтка, извѣщавшая, что на дняхъ послѣдовало въ законодательномъ порядкѣ утвержденіе штатовъ византійской контрольной палаты, то даже самъ И. С. Аксаковъ согласился до поры до времени молчать объ этомъ предметѣ, дабы съ одной стороны—не волновать безплоднымъ лиризмомъ общественнаго мнѣнія, а съ другой стороны—развязать правительству руки, буде оно въ самомъ дѣлѣ намѣрено распространить на весь юго-востокъ Европы дѣйствіе единства кассъ.

Вмѣстѣ со всѣмъ окружающимъ измѣнился и Прокопъ. Онъ одряхлѣлъ, обрюзгъ и ничего не можетъ ѣсть, кромѣ манной каши. Но духъ его все еще бодръ, такъ что теперь, прибывъ въ Верхотурье, онъ прежде всего спрашиваетъ, каковъ клубный поваръ въ Верхоянскѣ и чего больше въ тамошней гостинницѣ: блохъ или клоповъ. Однимъ словомъ, намѣренія остались прежнія, только средства къ ихъ выполненію ослабѣли.

Да и не мудрено было Прокопу сохранить бодрость духа. Въ теченіе прошедшихъ двадцати-пяти лѣтъ онъ не только не понесъ никакого нравственнаго ущерба, но, благодаря процессу, успѣлъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ цѣлой Россіи. Вездѣ, гдѣ онъ ни судился, остались благодѣтельные слѣды его пребыванія. Въ Арзамасѣ онъ пожертвовалъ сто рублей на соединеніе каналомъ рѣки Теши и Сережи; въ Ардатовѣ Симбирскомъ на свой счетъ очистилъ отъ навоза базарную площадь; въ Богучарѣ устроилъ народный праздникъ и кинулъ на драку сто рублей; въ Алексинѣ выписалъ изъ Голландіи мастера, который научилъ обывателей мариновать знаменитыхъ алексинскихъ пискарей; въ Болховѣ подалъ мысль о проведеніи желѣзнодорожной вѣтви къ Мценску, въ видахъ успѣшнѣйшаго сбыта несравненныхъ болховскихъ котёлокъ, и т. д. Поэтому мѣстныя начальства принимали его съ почтительнымъ радушіемъ и съ твердой надеждой на болѣе свѣтлое для себя будущее. Во всякомъ городѣ существовали: или грязь по колѣна, или навозъ по уши, слѣдовательно всякому городу лестно было обратить вниманіе сильнаго человѣка на эти язвы, хотя бы и достовѣрно было извѣстно, что капиталы этого сильнаго человѣка пріобрѣтены не совсѣмъ чистымъ путемъ. Вездѣ Прокопа чествовали на славу: вездѣ сажали на первое мѣсто и угощали кашей на всевозможныхъ бульонахъ.

Столь почтительно-благосклонное отношеніе начальствующихъ не могло не оказать вліянія и на умы присяжныхъ засѣдателей. Сначала въ средѣ ихъ, конечно, случалось нѣчто похожее на разномысліе, такъ что твердые въ вѣрѣ не иначе какъ съ бою брали каждый свой шагъ. Но это, очевидно, было только недоразумѣніе, обязанное своимъ происхожденіемъ лишь новости дѣла. Я самъ было-испугался этому явленію и, сознаюсь, употребилъ даже военную хитрость, чтобъ побороть его. А именно: однажды, замѣтивъ, что силы „борцовъ за милліонъ“ ослабѣваютъ, я незримо пролетѣлъ между присяжными и сразу убѣдился, что этого вполнѣ достаточно, чтобъ добродѣтель Прокопа восторжествовала. Какъ только появилась моя тѣнь, такъ тотчасъ же комната присяжныхъ наполнилась тѣмъ острымъ „запахомъ милліона“, который въ наши дни рѣшаетъ судьбу негарантированныхъ правительствомъ предпріятій. Но, начиная съ Ардатова, гдѣ Прокопъ въ одну ночь освободилъ базарную площадь отъ вѣками накоплив-

шагося на ней навоза, и къ этой уловкѣ прибѣгать не предстоялo уже надобности. Присяжные словно осовѣли. Имъ, повидимому, казалось даже страннымъ, что на обсужденіе ихъ предлагается вопросъ о какихъ-то родственникахъ, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что никакихъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ родственниковъ нѣтъ, а есть просто шайка пархатыхъ жидовъ, которые, по старинной ненависти къ христіанству, нанимаютъ легкомысленнаго Хлестакова, чтобы терзать человѣка за то, что онъ не пропускаетъ ни одной обѣдни! Вѣдь жиды ужъ навѣрное ограбили бы! навѣрное не оставили бы даже той старинной копѣечки, которою благословила дѣдушку Матвѣя Иваныча неизвѣстная нищенка, и къ которой Прокопъ. изъ уваженія къ семейной святынѣ, даже не прикоснулся! А если бы *они* ограбили. то почему же. . о чемъ же тутъ толковать, скажите на милость!?

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, начиная съ Ардатова, даже судоговоренія по моему дѣлу почти никакого не было. Соберется судъ; Прокопа усадятъ между двумя жандармами на скамью обвиняемыхъ (постепенно онъ такъ обтерпѣлся, что безстрашно пробовалъ пальцами, тупые или острые у жандармскихъ сабель клинки), прочтутъ на почтовыхъ съ пятаго на десятое обвинительный актъ (Прокопъ во всеуслышаніе при этомъ восклицаетъ: „и зачѣмъ эти „часы" въ сотый разъ читаютъ!") и въ одну минуту окрутятъ лжесвидѣтелей. Потомъ выйдетъ на сцену прокуроръ, скажетъ для проформы: „ахъ, какое негодованіе возбуждаетъ въ душѣ моей этотъ ужасный преступникъ, который даже не понимаетъ, что, сознайся онъ—давно бы его сослали на поселеніе въ Сибирь. въ мѣста не столь отдаленныя!"—и сядетъ. Потомъ, на смѣну прокурору. выступитъ защитникъ Прокопа, скажетъ: „ахъ. какое негодованіе возбуждаетъ во мнѣ прокуроръ, который до сихъ поръ не можетъ понять, что въ Сибирь идти никому не хочется!"—и тоже сядетъ. Наконецъ встанетъ Хлестаковъ, и только-что пригласитъ присяжныхъ засѣдателей перенестись вмѣстѣ съ нимъ мыслью въ древній Римъ, какъ предсѣдатель съ твердостью, не допускающею возраженій, замѣтитъ ему, что всякіе разговоры въ дѣлѣ столь яснымъ неумѣстны, и затѣмъ объявитъ пренія заключенными. Присяжные выйдутъ въ свою комнату, произнесутъ: „напле-вать!"—и возвратятся въ залу засѣданій суда съ приговоромъ,

признающимъ дѣйствія Прокопа не только удовлетворительными, но и должными.

При такомъ упрощеніи обрядовъ судопроизводства Прокопу нечего было страшиться. Не судъ былъ обременителенъ для него, а переѣзды. Сначала онъ довольно охотно знакомился съ городами Россійской Имперіи; но когда, въ одинъ и тотъ же годъ, ему пришлось посѣтить Баргузинъ, Барнаулъ, Баръ, Баусскъ и Бахмутъ, онъ почувствовалъ нѣкоторое утомленіе. Изумительное разнообразіе климатовъ, флоры, фауны и проч. подѣйствовало на него. Духъ остался бодръ, но тѣло... тѣло воспротивилось. Такъ что, при переѣздѣ изъ Архангельска въ Астрахань, онъ разомъ потерялъ всѣ зубы и сдѣлался неспособнымъ принимать какую-либо иную пищу, кромѣ каши.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представлялось положеніе противной стороны, то-есть гражданскихъ истцовъ. Ерошка Зальцфишъ вышелъ изъ этого дѣла съ честью. Наживъ биржевою игрою значительный капиталъ, онъ предусмотрительно сбылъ свои акціи, когда онѣ были еще въ хорошемъ требованіи: продавцы $76^3/_4$, покупатели $76^1/_4$, сдѣлано $76^1/_2$. Но впослѣдствіи, однакожъ, и Ерошка возгордился, а слѣдовательно и проворовался. Занявъ во всѣхъ банкахъ (вся Россія въ то время была, какъ тенетами, покрыта банками, такъ что ни одному зайцу не было надежды проскочить, не попавъ головой въ одну изъ петель) болѣе милліона рублей, онъ бѣжалъ за границу, но въ Гамбургѣ былъ пойманъ въ ту самую минуту, какъ садился на отправлявшійся въ Америку пароходъ, и теперь томится въ острогѣ (присяжные засѣдатели видѣли въ этомъ происшествіи перстъ Божій). Затѣмъ всѣ акціи, по дешевой цѣнѣ, скупилъ расторопный Ерухимъ, въ надеждѣ поправить свои обстоятельства; но когда Азовъ, Аккерманъ, Акмолинскъ и Алаяевскъ послѣдовательно выразились въ пользу Прокопа, повязка вдругъ спала съ его глазъ. Онъ бросился на биржу съ предложеніями, но было уже поздно: акціи упали съ быстротою молніи и въ настоящее время стояли: продавцы $2^1/_4$ *безъ покупателей!* Къ довершенію всего, Ерухима поразилъ и еще одинъ ударъ: въ 1881 году обѣ мои сестрицы померли (и въ этомъ обстоятельствѣ для присяжныхъ засѣдателей былъ ясенъ перстъ Божій), а съ ихъ смертью сошли со сцены послѣдніе достовѣрные лжесвидѣтели, которые дотолѣ фигурировали въ процессѣ...

Если Прокопъ одряхлѣлъ тѣломъ, то Ерухимъ одряхлѣлъ ду-

хомъ. Онъ какъ-то безпокойно вертѣлъ головой, словно къ чему-то принюхивался и приглядывался. Но ни приглядываться, ни принюхиваться было уже не къ чему. На *моемъ* дѣлѣ іудейство всецѣло исчерпало самого себя и не возрождалось больше. На Іерухимѣ былъ замасленный, дырявый кафтанишка, а ермолка на головѣ до того лоснилась и побѣлѣла, что издали можно было принять ее за только-что навощенный паркетъ. Прокопъ изъ милости кормилъ и поилъ его и даже возилъ на свой счетъ за собою (разумѣется, въ третьемъ классѣ), но издержки на наемъ Хлестакова взять на себя не соглашался. А между тѣмъ эти-то издержки и составляли больное мѣсто бѣднаго Іерухима. Хлестаковъ всецѣло отдалъ себя моему дѣлу (ради принципа онъ отказался и отъ удобствъ золоченой мебели, и отъ своей пятитысячной петербургской квартиры!) и потребовалъ отъ Іерухима не менѣе ста рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того, онъ былъ необыкновенно прожорливъ, да и переѣзды его стоили не мало (ниже II класса вагона онъ не соглашался ѣхать). Такъ что взятыя въ совокупности издержки на этотъ предметъ требовали не меньше двухъ тысячъ рублей съ половиною въ годъ.

— А тебѣ зе и вся цѣна—грошъ!—язвительно попрекалъ Іерухимъ своего защитника.

И сколько разъ Іерухимъ слезно молилъ Прокопа! Сколько разъ валялся у него въ ногахъ!

— Васе высокородіе,—вопіялъ онъ:—кончите! Вамъ зе ницего не стоитъ дать бѣдному, цестному еврею тысяцу рублей! Нехай его, собака, подавится! А вамъ зе, ай-ай, какъ хорозо будетъ! И вамъ хорозо, и мине... ай-ай-ай, какъ уфсѣмъ будетъ спокойно!

Но Прокопъ оставался непреклоненъ.

— Нѣтъ, нархатый!—говорилъ онъ:—теперь я тебя не выпущу! Окрестись! обрѣжь кудри, оставь свою жидовскую вѣру—тогда кончу! Самъ воспріемникомъ буду, дамъ тебѣ тысячу рублей въ зубы —и ступай на всѣ четыре стороны!

И Прокопъ имѣлъ полное основаніе медлить. Независимо отъ почестей, съ которыми его всюду встрѣчали, онъ и въ домашнемъ быту былъ окруженъ самыми заботливыми попеченіями. „Православный жидъ“ въ каждомъ городѣ отыскивалъ для него достовѣрныхъ лжесвидѣтелей; Гаврюшка служилъ у него въ лакеяхъ и, женившись на старой Прокоповой метрессѣ, остепенился и пересталъ пить; Іуда

Стрѣльниковъ тоже всюду сопровождалъ его и оказывалъ существенныя услуги по части отысканія новыхъ метрессокъ. Въ Ачинскѣ ли, въ Боровичѣ ли—гдѣ бы ни былъ Прокопъ—вездѣ Іуда Стрѣльниковъ отыщетъ именно то, что по современному настроенію Прокоповой души требуется.

Одно только терзаетъ Прокопа—это чувствительная убыль въ капиталѣ. Но въ этомъ онъ долженъ винить исключительно самого себя, потому что съ самаго начала сталъ дѣйствовать уже слишкомъ неосторожно, черезъ-чуръ на широкую руку. Такъ напримѣръ, въ Срединомъ выстроилъ разомъ сто кіосковъ для проходящихъ—но къ чему такая безполезная трата капитала въ городѣ, гдѣ изстари заведены совсѣмъ другіе по сему предмету обычаи! Сверхъ того, онъ условился платить своему оффиціальному адвокату по десяти тысячъ рублей за каждую поѣздку (онъ совершенно свободно могъ ограничить этотъ размѣръ тысячью рублями), и долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ „православный жидъ“, не довольствуясь присвоеннымъ ему содержаніемъ, совершенно открыто запускалъ руку въ его, Прокопа, шкатулку. Не будь этого мотовства, проценты съ капитала легко покрыли бы всѣ издержки по процессу: но, къ сожалѣнію, на первыхъ порахъ, сгоряча, Прокопу показалось, что украденному милліону не будетъ и конца. Поэтому, увлекшись однажды, онъ очень скоро началъ первую сотню тысячъ, потомъ вторую, третью и т. д.; когда же, наконецъ, спохватился,—было уже поздно: процентами съ оставшихся двухсотъ-пятидесяти тысячъ ни подъ какимъ видомъ издержекъ процесса удовлетворить было невозможно... Напрасно старался онъ ввести благоразумную экономію въ обиходъ свой: и оффиціальный защитникъ, и „православный жидъ“ уже пріобрѣли извѣстныя привычки, отъ которыхъ отстать было довольно трудно. Первый отзывался, что ему нужны деньги, ибо онъ только-что приторговалъ домъ у своего сосѣда съ лѣвой стороны; а второй даже отзывовъ никакихъ не давалъ, а просто-на́-просто продолжалъ лазить въ шкатулку. Да и Гаврюшка съ Стрѣльниковымъ (ужъ на что вѣрные люди!) не клали охулки на руку, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Гаврюшка женился на Прокоповой мамзели, а Іуда Стрѣльниковъ вступилъ съ нею въ секретную любовную связь.

Видя эти расхищенія, Прокопъ, конечно, скорбѣлъ; но тѣмъ не менѣе мысль о томъ, что онъ рязанско-тамбовско-саратовско-воро-

нежскій дворянинъ, ни на минуту не покидала его. Какъ дворянинъ четырехъ губерній, онъ обязывался отстаивать свою честь до послѣдней капли крови, или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока изъ похищеннаго милліона не останется только сто тысячъ. Эту послѣднюю сотню тысячъ онъ рѣшился сохранить для дѣтей, изъ которыхъ старшій сынъ, преодолѣвъ ненависть къ латинскому языку, занималъ въ настоящее время каѳедру римскихъ древностей въ пошехонскомъ университетѣ. Только тогда, когда мѣсячная расходная вѣдомость покажетъ, что на-лицо состоитъ лишь сто-одна тысяча рублей, — только тогда онъ сочтетъ свою рязанско-тамбовско-саратовскую честь отомщенною. Вѣроятно это случится лѣтъ черезъ пять, въ Гавриловскомъ посадѣ Владимірской губерніи. Тогда онъ призоветъ Іерухима, кинетъ ему въ лицо тысячу рублей и скажетъ: „жри, собака!“ Потомъ онъ собственноручно изобьетъ „православнаго жида“ и спуститъ его съ лѣстницы. Затѣмъ у него останется ровно сто тысячъ, на которыя онъ, за безцѣнокъ и въ намять обо мнѣ, купитъ Пролѣванную и учредитъ тамъ гласную кассу ссудъ... то-бишь, ссудо-сберегательный банкъ для крестьянъ...

Но возвращаюсь къ разсказу.

Благодаря великому оного-устьсысольско-верхотурскому желѣзному пути, Прокопъ очень комфортабельно совершилъ свое путешествіе, и теперь совершенно какъ дома расположился въ верхотурской гостинницѣ для пріѣзжающихъ подъ фирмою „Удовлетворенный обыватель“, изъ которой стараніями мѣстнаго „излюбленнаго человѣка“ навсегда были изгнаны блохи и клопы. Но не успѣлъ мой другъ умыться и причесаться съ дороги, какъ уже Гаврюшка доложилъ, что къ нему явилась депутація отъ верхотурскаго университета. Университетъ былъ основанъ въ недавнее время иждивеніемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (въ военное же время корнета) и всѣхъ желѣзнодорожныхъ жетоновъ кавалера Губошленова съ спеціальною цѣлью образованія домашнихъ Невтоновъ и быстрыхъ разумомъ Платоновъ изъ сосѣднихъ вогульцевъ и остяковъ. Но, несмотря на недавнее учрежденіе университета, студенты уже жаловались. Во-первыхъ, съ самаго основанія университета ни одна изъ учрежденныхъ въ немъ каѳедръ до сихъ поръ не была замѣщена; во-вторыхъ, самое помѣщеніе университета въ бывшей инвалидъ инвалидной команды представляло очень значительныя неудобства. Хотя же они,

студенты, неоднократно приносили на дѣйствія г. Губошлепова жалобы дѣйствительному статскому совѣтнику и всѣхъ жетоновъ кавалеру г. Мордухаю Проходимцеву, но получили отвѣтъ, въ которомъ г. Проходимцевъ, ссылаясь не недавнее свое дѣло съ ташкентскимъ земствомъ, выражалъ мысль, что въ настоящее непостоянное время вступать въ какія-либо обязательства по предмету распространенія въ Россіи просвѣщенія—дѣло довольно щекотливое: пожалуй, не поймутъ шутки, да и взаправду деньги вытребуютъ!

— Ваше высокородіе! на васъ одна надежда! Вамъ шайтанъ поможетъ!—взывали бѣдные вогульцы и остяки къ Прокопу.

И надежда не тщетная, ибо Прокопъ тутъ же вынулъ изъ кармана десятирублевую ассигнацію, подалъ ее студентамъ и сказалъ:

— На первый разъ... вотъ вамъ! Только смотрите у меня: чуръ, не шумѣть! Вѣдь вы, студенты... тоже народецъ! А вы лучше вотъ что сдѣлайте: наймите-ка латинскаго учителя подешевле, да и за книжку! Покуда зады-то твердите—анъ хмель-то изъ головы и вышибетъ. А Губошлепову я нашину: стыдно, братецъ! самъ людей въ соблазнъ ввелъ, да самъ же и бросилъ... на что похоже!

Студенты ушли, благословляя имя своего благодѣтеля. „Не такъ дороги намъ эти десять рублей“, разсуждали они между собой въ передней, „какъ дорогъ благой совѣтъ!“ Вслѣдъ за студентами явился градской голова съ выборными отъ общества и поднесъ Прокопу большой горшокъ каши на рябчиковомъ бульонѣ.

— Кляичить пришли?—развязно спросилъ пришедшихъ Прокопъ.

— Какъ намъ не кляичить! Въ нуждѣ рождаемся, въ нуждѣ въ возрастъ приходимъ, въ нуждѣ же и смертный часъ встрѣтить должны!—отвѣтилъ голова, понуривая голову, какъ бы подъ бременемъ благочестивыхъ размышленій, на которыя навело его упоминовеніе смертнаго часа.

— Говорите скорѣе! что нужно? Чортъ съ вами! что могу...

— Знаемъ, ваше высокородіе! знаемъ мы твою добродѣтель! Слышали мы, какъ ты въ Ардатовѣ въ одну ночь площадь отъ навоза ослобонилъ! Можетъ, не одну тысячу лѣтъ та площадь всякій калъ на себя принимала, а ты, глядикось, прилетѣлъ да въ одни сутки ее, словно дѣвицу непорочную, подъ вѣнецъ убралъ!

— А развѣ и у васъ площадь... тово?

— Нѣтъ, у насъ площадь, слава те, Господи! Храни ее Царица Небесная! Съ тѣхъ поръ, какъ Губошленовъ университетъ этотъ у насъ завелъ, каждый Божій день студентовъ съ метлами наряжаемъ. Метутъ да ометываютъ на гуляпкахъ! Одно только: монумента на площади нѣтъ! А ужъ какъ гражданамъ это желательно! какъ желательно! Просто, то-есть, брюхомъ хочется, чтобъ на нашей площади конный статуй стоялъ!

И тутъ Прокопъ не сказалъ слова. Онъ даже не сталъ разспрашивать, кому намѣрены верхотурцы воздвигнуть монументъ, ему ли, Прокопу, Губошленову ли, Проходимцеву ли, или, наконецъ, тому „неизвѣстному богу“, которому нѣкогда воздвигали алтари древніе нѣжинскіе греки. Онъ вынулъ изъ кармана двадцати-пяти рублевый билетъ и такъ просто вручилъ его головѣ, что присутствующіе были растроганы до слезъ и тутъ же взяли съ Прокопа слово, что онъ не уѣдетъ въ Верхоянскъ, не отвѣдавъ у головы хлѣба-соли.

Послѣ представителей городского общества явились предсѣдатель и члены земской управы, изъ которыхъ первый поднесъ Прокопу богато-переплетенный „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Верхотурскому уѣзду“. Прокопъ далъ ему пять рублей, сказавъ:

— Далъ бы, братъ, и больше, да ужъ очень много васъ нынче развелось! На каждомъ шагу словно западни разставлены! Одному десять, другому двадцать, третьему цѣлыхъ сто... Это и на здоровые зубы оскомину набьетъ!

Члены верхотурскаго суда, дабы не подать повода къ неосновательнымъ обвиненіямъ въ пристрастіи, не рѣшились представиться явно, но устроили секретную процессію, которая церемоніальнымъ маршемъ прошла мимо окопъ занимаемаго Прокопомъ нумера. Причемъ подсудимый вышелъ на балконъ и одарялъ проходящихъ мелкою монетой.

Наконецъ пришелъ и самъ верхотурскій „излюбленный губернаторомъ человѣкъ“ и поднесъ Прокопу дипломъ на званіе вѣчнаго члена верхотурскаго клуба. Узнавъ въ „излюбленномъ человѣкѣ“ бывшаго сослуживца по Вѣлобородовскому полку (во снѣ мнѣ даже показалось, что онъ какъ двѣ капли воды похожъ на корнета Шаланутова), Прокопъ до того обрадовался, что разомъ отвалилъ ему полсотенную. Но „излюбленный человѣкъ“ не сейчасъ положилъ ее въ карманъ, а посмотрѣлъ сначала на свѣтъ, не фальшивая ли.

— Ну, теперь айда въ судъ!—весело сказалъ Прокопъ, когда представленія кончились.

Но въ судѣ случилось нѣчто черезъ-чуръ ужъ необыкновенное, нѣчто такое, что даже и во снѣ не всегда допускается...

Едва вошелъ Прокопъ, въ сопровожденіи двоихъ жандармовъ, какъ присяжные повскакали съ своихъ мѣстъ и хоромъ возгласили:

— Согласно съ обстоятельствами дѣла! Согласно! Поступили бы! Хуже бы сдѣлали! Хуже!

Напрасно протестовалъ Хлестаковъ, напрасно поднималъ онъ свой голосъ, взывая къ присяжнымъ:

— Прежде, нежели приступлю къ изложенію обстоятельствъ настоящаго дѣла, милостивые государи, считаю долгомъ кратко изложить передъ вами, какіе взгляды имѣло древнее римское законодательство на воровство вообще...

— Знаемъ, знаемъ! что ты намъ очки-то втирать хочешь!—кричали присяжные:—сами дошлые! пишь малолѣтковъ нашелъ!

Іерухима едва не разнесли на куски, и только благодаря Прокопову заступничеству ограничились тѣмъ, что вырвали у него пейсы.

— Благодарю васъ, дѣти мои!—говорилъ Прокопъ, рыдая:—благодарю! Гаврюшка! Стрѣльниковъ! Вотъ четвертная! Четыре ведра... бѣгите... живо! Кушайте, голубчики! Веселитесь!

Увидѣвъ это, Хлестаковъ вдругъ измѣнилъ тактику и изъявилъ Прокопу готовность изъ обвинителя сдѣлаться его защитникомъ въ Верхоянскѣ. Но Прокопъ кратко и строго обезоружилъ его:

— Натко, выкуси!

Избитый и полумертвый, Іерухимъ наконецъ восчувствовалъ. Онъ понялъ, что до сихъ поръ блуждалъ во тьмѣ, и потому изъявилъ желаніе немедленно принять христіанство. Тогда Прокопъ простилъ его, выдалъ, по условію, тысячу рублей и даже пожелалъ быть его воспріемникомъ.

Процессъ кончился: у Прокопа осталось двѣсти пятьдесятъ тысячъ, изъ которыхъ онъ тутъ же роздалъ около десяти. Сознавая, что это уже послѣдняя раздача денегъ, онъ былъ щедръ. Затѣмъ, проживъ еще съ недѣлю въ Верхотурьѣ, среди цѣлаго вихря удовольствій, мы отправились уже не въ Верхоянскъ, а прямо подъ сѣнь рязанско-тамбовско-саратовскаго клуба...

Къ сожалѣнію, однакожъ, все это было только во снѣ; въ дѣй-

ствительности же мнѣ было суждено проснуться самымъ трагическимъ образомъ.

Глава XI.

Я проснулся въ больницѣ для умалишенныхъ. Какъ попалъ я въ это жилище скорби—я не помню. Быть можетъ, находясь въ припадкахъ лунатизма, я буйствовалъ, бросался изъ окна, угрожалъ жизни другихъ. Но можетъ быть также, что я обязанъ моимъ перемѣщеніемъ квартальному поручику Хватову, который, узнавъ о привлеченіи меня къ опаснѣйшему политическому процессу, вспомнилъ о взаимномъ нашемъ хлѣбосольствѣ и воспользовался моимъ забытьемъ, чтобъ выдать меня за сумасшедшаго и тѣмъ спасти отъ справедливой кары, ожидавшей меня за то, что я подвозилъ мнимаго Левассёра на извозчикѣ... Какъ бы то ни было, но печальная истина не сразу выяснилась въ моихъ глазахъ. Нѣкоторое время я все еще жилъ впечатлѣніями сна и даже возстановлялъ себѣ наяву нѣкоторые эпизоды, которые или совсѣмъ улетучились, или очень неясно промелькнули въ моемъ сновидѣніи.

Такъ напримѣръ, въ сновидѣніи я совсѣмъ не встрѣчался съ личностью оффиціальнаго Проконова адвоката (Прокопъ имѣлъ двоихъ адвокатовъ: одного секретнаго, „православнаго жида“, который, олицетворяя собой всегда омерзительный порокъ, долженъ былъ вносить смуту въ сердца свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей, и другого—открытаго, который, олицетворяя собою добродѣтель, долженъ былъ убѣдить, что послѣднія даже въ томъ случаѣ привлекательна, когда устраняетъ капиталы изъ первоначальнаго ихъ помѣщенія)—теперь же эта личность представилась мнѣ съ такою ясностью, что я даже изумился, какъ могъ до сихъ поръ просмотрѣть ее. Припомнились мнѣ также нѣкоторыя подробности изъ дѣятельности „православнаго жида“: какъ онъ за сутки до судоговоренія залѣзъ въ секретное мѣсто, предназначенное исключительно для присяжныхъ засѣдателей (кажется, это было въ Ахалцихѣ Кутаисскомъ), какъ сначала пришелъ туда одинъ засѣдатель, и черезъ минуту вышелъ вонъ, изумленный, утѣшенный и убѣжденный, забывъ даже, зачѣмъ отлучался изъ комнаты засѣдателей; какъ онъ вошелъ обратно въ эту комнату и мигнулъ, какъ вслѣдъ затѣмъ всѣ прочіе засѣдатели по очереди направ-

лялись, подъ конвоемъ, въ секретную, и всѣ выходили оттуда изумленные, утѣшенные и убѣжденные... Такова сила убѣжденія, которую умѣетъ усвоивать себѣ даже омерзительный порокъ. въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о добродѣтели, занимающейся устраненіемъ чужихъ капиталовъ изъ первоначальныхъ помѣщеній!

Но все это уже прошло. Исчезли Ахалкалаки, Алешки, Бендеры, Бѣльцы, Валуйки! Въ Буинскѣ судятъ уже не Прокопа, а мирового судью Травина (надоѣлъ онъ, должно быть, мѣстнымъ Прокопамъ!) за то. что не по чину весело время проводилъ; въ Бѣлозеркѣ, по прежнему, позорятъ заблудшихъ снѣтковъ! Изъ всѣхъ лицъ. съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло во время годичнаго пребыванія въ Петербургѣ, придется встрѣтиться, быть можетъ. только съ тремя (развѣ еще кого-нибудь неожиданно притащатъ въ больницу!). а именно: съ обоими адвокатами Прокопа да еще съ Менандромъ. Увы! и они. подобно мнѣ, находятся въ больницѣ умалишенныхъ, и я въ эту самую минуту вижу изъ окна, какъ добродѣтельный адвокатъ прогуливается подъ-руку съ Менандромъ въ саду больницы. а „православный жидъ“ притаился гдѣ-то подъ кустомъ въ той самой позѣ, въ которой онъ въ Ахалцихѣ изумилъ присяжныхъ. Всѣ они помѣшались. „Православный жидъ“ помѣшался на томъ. чтобъ устроить въ Петербургѣ такую же „comptoir de confiance“, образчикъ которой онъ недавно видѣлъ въ водевилѣ „Tricoche et Cacolet“. „Добродѣтельный адвокатъ однажды какъ-то слышалъ анекдотъ о дѣвицѣ, которая и невинность сохранила. и капиталъ пріобрѣла — и помѣшался на томъ, что онъ столько лѣтъ прожилъ на свѣтѣ и не зналъ этого средства. Что же касается до Менандра, то онъ. какъ и слѣдовало ожидать, помѣшался на тушканчикахъ.

— Преслѣдуютъ, братецъ, меня эти мерзавцы!—открылся онъ мнѣ при первомъ же свиданіи:—забрались въ мою газету и ничѣмъ ихъ оттуда не вытравишь! За то, братъ, какъ я узналъ теперь этихъ тушканчиковъ! Клянусь, не хуже самого Перепенки! Да что пользы въ этомъ! Одного ухватишь—смотришь, анъ другой ужъ ростетъ гдѣ-то и что-то грызетъ!

Обо всемъ этомъ, однакоже, рѣчь впереди; теперь же я чувствую себя обязаннымъ подвести итоги тому. что видѣлъ въ Петербургѣ въ теченіе годичнаго пребыванія въ этомъ городѣ.

Прежде всего я долженъ оговориться. Я заносилъ въ свой „Дневникъ“ далеко не все, что̀ видѣлъ и что̀ происходило со мною и вокругъ меня. Во-первыхъ, меня стѣсняли самые предѣлы „Дневника“, а во-вторыхъ, стѣсняло еще и то обстоятельство, что не только не обо всемъ можно, но не обо всемъ и удобно говорить, особенно въ той чисто-беллетристической формѣ, которую, по издавна вкоренившейся привычкѣ, я усвоилъ своему труду.

Говорю прямо: я совершенно оставилъ безъ упоминовенія нѣкоторыя категоріи людей и явленій, воспроизведеніе которыхъ было бы далеко не лишнимъ для характеристики нашего времени. Не одними Прокопами, Менандрами, Толстолобовыми и „православными жидами“ наполненъ міръ; есть въ этомъ мірѣ и иные люди, съ иными физіономіями и иному дѣлу посвящающіе свою жизнь. Составляя почти незамѣтное меньшинство, эти люди тѣмъ не менѣе слишкомъ часто служатъ темой для общественнаго говора, чтобы можно было ихъ игнорировать. Почему же я ни однимъ словомъ не упомянулъ объ нихъ?

Оправданіе мое однакоже проще, нежели можно ожидать съ перваго взгляда. Прежде всего, не эти люди и не эти явленія сообщаютъ общій тонъ жизни; а потомъ — это не люди, а жертвы. правдивая оцѣнка которыхъ, вслѣдствіе извѣстныхъ условій, не принадлежитъ настоящему.

Существуютъ два вида подобныхъ людей и явленій: одинъ, къ которому можно относиться апологетически, но неудобно отнестись критически; другой — къ которому можно сколько угодно относиться критически, но неудобно отнестись апологетически. Какимъ образомъ и откуда произошло это сидѣніе между двухъ стульевъ, дѣлающее немыслимою спокойную оцѣнку явленій и фактовъ, совершающихся у всѣхъ на глазахъ, — я не знаю (то-есть, быть можетъ, и знаю, но скромность такъ уже въѣлась въ мою природу, что я прямо пишу: не знаю), но что оно существуетъ — этого даже клейменый лжецъ не отвергнетъ. Зачѣмъ же я буду садиться между двухъ стульевъ? зачѣмъ я буду стремиться занять позицію, на которой — я знаю это навѣрное — рано или поздно, тѣмъ или другимъ способомъ, но провалюсь?

Чтобъ сдѣлать это болѣе яснымъ для читателя, я приведу здѣсь примѣръ, который впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, очень мало относится къ настоящему дѣлу. (Я знаю, что „относится“, и притомъ

самымъ близкимъ образомъ, и все-таки пишу: *не* относится. О, читатель! еслибъ ты зналъ, какъ совѣстно иногда литератору сознавать, что онъ литераторъ!)

Возьмемъ такъ-называемыхъ „новыхъ людей“. Я, разумѣется, знаю достовѣрно,—какъ знаетъ, впрочемъ, это и вся публика,—что существуютъ люди, которые называютъ себя „новыми людьми“, но не менѣе достовѣрно и то, что это не манекены съ наклеенными этикетами, а живые люди, которые въ этомъ качествѣ имѣютъ свои недостатки и свои достоинства, свои пороки и свои добродѣтели. Какъ долженъ былъ бы я поступать, еслибъ повелъ рѣчь объ этихъ людяхъ?

Начну съ пороковъ. Я могъ бы, конечно, не хуже любого изъ современныхъ беллетристовъ, лавреатовъ и не-лавреатовъ, указать на темныя (я долженъ былъ бы сказать: „слабыя“, но смѣло пишу: темныя) стороны, которыя встрѣчаются въ этой немноголюдной и во всякомъ случаѣ не пользующейся матеріальной силой корпораціи. Эти темныя стороны настолько уже изучены и распубликованы, что мнѣ ничего не стоило бы, съ помощью однихъ готовыхъ матеріаловъ, возбуждать въ читателѣ, по поводу „новыхъ людей“, то смѣхъ, то ненависть, то спасительный страхъ. Но меня останавливаетъ одно обстоятельство: не будетъ ли это слишкомъ легкомысленно съ моей стороны? не докажу ли я своимъ безконечнымъ веселонравіемъ или своею безконечною пугливостью, что я не совсѣмъ уменъ, и ничего больше? Вѣдь ежели я стану смѣяться или пугать просто: какъ, дескать, оно смѣшно или омерзительно!—это, быть можетъ, покажется нѣсколько глупымъ; а ежели я захочу смѣяться или пугать вплотную, то не найдусь ли я вынужденнымъ прежде всего подвергнуть осмѣянію самыя причины, породившія тѣ факты, которые возбуждаютъ во мнѣ смѣхъ или ужасъ? Вотъ эти-то причины и приводятъ меня въ смущеніе.

Кто знаетъ, быть можетъ, извѣстныя порочныя явленія сдѣлались таковыми, лишь благодаря порочной обстановкѣ, въ которой они находятся? Быть можетъ, если дать человѣку возможность выговориться вполнѣ, то ультиматумъ, который вертится у него на языкѣ, окажется далеко не столь ужаснымъ, какъ это представляется съ перваго взгляда? Какъ знать, что̀ было бы, еслибы,—и что̀ могло бы случиться, кабы?.. И хотя я отнюдь не утверждаю, что осно-

ванія для подобныхъ предположеній существуютъ въ дѣйствительности — я даже думаю, что на дѣлѣ никакихъ неблагопріятныхъ обстановокъ и въ поминѣ не имѣется—но вѣдь возможны же подобныя предположенія, а если они возможны, то, стало быть, и самый искъ, направленный противъ порочныхъ явленій, становится до крайности рискованнымъ и шаткимъ. „Для чего буду я ставить себя въ ложное положеніе? Для чего, отыскивая меду, я добровольно буду направлять свои стопы къ такому мѣсту, которое, быть можетъ, скрываетъ медь, а быть можетъ—деготь? „Допустимъ, что при извѣстныхъ усиліяхъ я дѣйствительно найду, наконецъ, эти темныя стороны, съумѣю въ ясныхъ и художественныхъ образахъ воспроизвести ихъ, и даже отыщу для нихъ лекарство въ формѣ афоризма, что преувеличенія опасны. Кому предложу я свое лекарство! Не такому ли больному, который, по самой своей обстановкѣ, никакимъ лекарствомъ пользоваться не можетъ? И не вправѣ ли будетъ этотъ больной, въ отвѣтъ на мою предупредительность, воскликнуть: „помилуйте! да прежде нежели остерегать меня отъ преувеличеній, устраните то положеніе, которое дѣлаетъ ихъ единственною основой моей жизни, дайте *возможность* того спокойнаго и естественнаго развитія, о которомъ вы такъ благонамѣренно хлопочете!“

Вотъ какая бѣда можетъ случиться при описаніи пороковъ „новыхъ людей“. А съ добродѣтелями — и того хуже. Извѣстно, что „новый человѣкъ“ принадлежитъ къ тому виду млекопитающихъ, у котораго по штату никакихъ добродѣтелей не полагается. Значитъ, самое упоминовеніе имени добродѣтелей становится въ этомъ случаѣ продерзостнымъ и можетъ быть прямо принято за апологію. Но писать апологію подобныхъ явленій — развѣ это не значитъ прямо идти въ разрѣзъ мнѣніямъ большинства? И притомъ не просто въ разрѣзъ, а въ такую минуту, когда это большинство, совершенно довольное собой и полное воспоминаній о недавнихъ торжествахъ, готово всякаго апологиста разорвать на куски и самымъ вѣскимъ и убѣдительнымъ доказательствамъ противопоставить лишь голое fin de non recevoir?

Такимъ образомъ, „новый человѣкъ“, съ его протестомъ противъ настоящаго, съ его идеалами будущаго, самою силою обстоятельствъ устраняется изъ области художественнаго воспроизведенія, или, говоря скромнѣе, изъ области бѣлетристики. Указывать на его

пороки — легко, но жутко; указывать же на его добродѣтели не только неудобно, но если хорошенько взвѣсить всѣ условія современнаго русскаго быта, то и матеріально невозможно.

Точно такія же трудности представляются (только, разумѣется, въ обратномъ смыслѣ) и относительно другой категоріи людей — людей, почему либо выдающихся изъ тьмы темъ легіоновъ, составляющихъ противоположный лагерь, людей, мнящихъ себя руководителями, но въ сущности стоящихъ въ обществѣ столь же изолированно, какъ и „новые люди“, и столь же мало, какъ и они, сообщающихъ общій тонъ жизни (въ дѣйствительности не они подчиняютъ себѣ толпу, а она подчиняетъ ихъ себѣ; они же извлекаютъ изъ этого подчиненія лишь нѣкоторыя личныя выгоды, въ награду за вѣрную службу безсознательности).

Существуетъ мнѣніе, что эти люди уже потому одному порочны, что находятся въ лагерѣ духовной нищеты. Нечего и говорить, что я не раздѣляю этого мнѣнія. Напротивъ того, я убѣжденъ, что многіе изъ этихъ людей обладаютъ очень крупными достоинствами и даже оказывали несомнѣнныя услуги дѣлу человѣчества. Описаніе добродѣтелей ихъ не только было бы любопытно, но могло бы представить и весьма эффектную картину. Но скажите на милость, какимъ образомъ я приступлю къ воспроизведенію типовъ этихъ людей, когда въ моемъ распоряженіи находятся *только* добродѣтели ихъ, и когда я буквально не имѣю въ своемъ свободномъ распоряженіи ни одного матеріала, на основаніи котораго могъ бы хотя однимъ словомъ заикнуться объ ихъ слабостяхъ, а тѣмъ менѣе о порокахъ? Вѣдь въ художественномъ смыслѣ это будетъ ужъ не картина, а свѣтлое пятно, точно такъ же, какъ будетъ не картина, а темное пятно въ томъ случаѣ, когда я приступлю къ воспроизведенію типовъ „новыхъ людей“, придерживаясь лишь безапелляціонныхъ сужденій, которыя сложились объ нихъ въ обществѣ!

Я знаю многихъ очень достойныхъ людей изъ разряда „торжествующихъ“. Эти люди въ свое время были носителями очень почтенныхъ идеаловъ и стремились къ осуществленію ихъ со всѣмъ пыломъ самоотверженности, рискуя даже потерять столоначальническія мѣста, которыя они въ то время занимали. Само собой разумѣется, теперь, когда карьера ихъ уже сдѣлана, мнѣ ничего не стоило бы освятить перо мое воспроизведенію ихъ добродѣтелей. Но вотъ, въ

то самое время, какъ перо мое готово размахнуться и подписать одобрительный аттестатъ такому-то „орденовъ кавалеру“,—является, словно на смѣхъ, художественное чутье и подсказываетъ мнѣ: а вѣдь „кавалеръ-то“ твой не безъ изъянцевъ! А слѣдомъ затѣмъ встревоженное воображеніе начинаетъ рисовать и цѣлый рядъ этихъ изъяновъ. Изъянъ первый: какъ ни самоотверженно вели себя „кавалеры“, но они всегда какъ-то ухитрялись, что пріурочивали свою самоотверженность къ „новымъ мѣстамъ“, или, учтивѣе сказать, всегда случалось, что изъ ихъ самоотверженности вытекали новыя мѣста. Изъянъ второй: хотя періодъ самоотверженности для нихъ несомнѣнно миновался, но они настолько злопамятны, что и доселѣ не могутъ объ немъ позабыть. А потому не понимаютъ: 1) что почва, на которой они когда-то стояли, давно измѣнилась; 2) что рѣчи, которыми они призывали къ движенію, сдѣлались общимъ мѣстомъ; 3) что цѣли, осуществленіе которыхъ они считали завѣтной мечтой жизни, остались позади и замѣнены другими, хотя и составляющими естественное ихъ продолженіе, но все-таки имѣющими нѣкоторую отъ нихъ отличку. Изъянъ третій: постоянно находясь подъ игомъ воспоминаній о періодѣ самоотверженности, они чувствуютъ себя до того задавленными и оскорбленными при видѣ чего-либо новаго, не по ихъ иниціативѣ измышленнаго, что нѣтъ, кажется, во всемъ ихъ нравственномъ существѣ живого мѣста, которое не ныло бы отъ уязвленнаго самолюбія. Изъянъ четвертый: чувствуя себя уязвленными, они уже не могутъ спокойно смотрѣть на проходящія передъ ихъ глазами новыя явленія, и нерѣдко руководствуются въ отношеніи къ послѣднимъ не совсѣмъ хорошимъ чувствомъ мести.

Конечно, я не гоню прочь всѣ эти непрошенныя подсказыванья встревоженной мысли, я призываю на помощь всю мою рѣшимость, чтобъ какъ-нибудь обойти ихъ, но что же мнѣ дѣлать съ художественнымъ чутьемъ, которое не хочетъ знать ни сплошь добродѣтельныхъ, ни сплошь порочныхъ людей? Какъ заставить его замолчать, когда оно совершенно ясно доказываетъ, что всякая картина, чтобъ быть правдоподобною, должна допустить сочетаніе свѣта и тѣней? Что буду я дѣлать съ этими „кавалерами“, которыхъ фигуры производятъ на человѣческій умъ такое же удручающее впечатлѣніе, какое производитъ на зрѣніе ослѣпительный солнечный лучъ?

Такимъ образомъ оказывается, что все, стоящее до извѣстной

степени выше ординарнаго уровня жизни, все, представляющее собой выраженіе идеала въ какомъ бы то ни было смыслѣ: въ смыслѣ ли будущаго, или въ смыслѣ прошедшаго—все это становится заповѣдною областью, недоступною ни для воздѣйствія публицистики, ни для художественнаго воспроизведенія.

Средній человѣкъ, человѣкъ стадный, вырванный изъ толпы—вотъ достояніе современной беллетристики. Взятый самъ по себѣ, со стороны своего внутренняго содержанія, этотъ типъ не весьма выразителенъ, а въ смыслѣ художественнаго произведенія даже грубъ и неинтересенъ; но онъ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что служитъ наивѣрнѣйшимъ олицетвореніемъ извѣстнаго положенія вещей. Онъ—представитель той безразличной, мало-чувствительной къ высшимъ общественнымъ интересамъ массы, которая во всякое время готова даромъ отдать свои права первородства, но которая ни за что не поступится ни одной ложкой чечевичной похлебки, составляющей ея насущный хлѣбъ. Кромѣ этой похлебки она ничего не знаетъ, и ужъ конечно тотъ потратилъ бы даромъ время, кто предпринялъ бы трудъ вразумить ее, что между правомъ первородства и чечевичной похлебкой существуетъ извѣстная связь, которая скорѣе послѣднюю ставитъ въ зависимость отъ перваго, нежели первое отъ послѣдней.

Какъ выразители общей физіономіи жизни, эти люди неоцѣнены, и человѣкъ, желающій уяснить себѣ эту физіономію, долженъ обращать взоры вовсе не на тѣхъ всуе трудящихся, которые идутъ напроломъ, и не на тѣхъ ловкихъ людей, которые изъ жизни дѣлаютъ сложную каверзу, съ тѣмъ, чтобы въ видахъ личныхъ интересовъ запутывать и распутывать ея узлы, а именно на тѣхъ „стадныхъ“ людей, которые своими массами гнетутъ всякое самостоятельное проявленіе человѣческой мысли. Въ этомъ случаѣ самая „стадность“ не производитъ ущерба художественному воспроизведенію; нѣтъ нужды, что эти люди черезъ-чуръ похожи другъ на друга, что они руководятся одними и тѣми же побужденіями, а потому имѣютъ одну или почти одну и ту же складку, и что все это, вмѣстѣ взятое, устраняетъ всякую идею о разнообразіи типовъ: вѣдь здѣсь идетъ рѣчь собственно не о типахъ, а о положеніи минуты, которое выступаетъ тѣмъ ярче, чѣмъ единодушнѣе высказывается относительно его лагерь, видящій въ чечевичной похлебкѣ осуществленіе своихъ идеаловъ.

Я не думаю, чтобъ читатель могъ индифферентно относиться къ общему тону жизни, хотя бы уровень ея стоялъ и не весьма высоко. Я согласенъ, что дѣйствительность, которая содержаніемъ своимъ напоминаетъ сказку о бѣломъ и буромъ бычкѣ, способна возбуждать скорѣе скуку, нежели желаніе познакомиться съ нею; но знать ее все-таки необходимо, потому что безъ этого знанія невозможна самая жизнь. Возьмите самаго самоотверженнаго человѣка, такого, идеалы котораго прямо идутъ въ разрѣзъ съ содержаніемъ настоящаго — и объ немъ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ *властенъ* расположить свою жизнь вполнѣ согласно съ своими идеалами. И его мы знаемъ не въ состояніи спокойнаго обладанія идеалами, а въ состояніи борьбы, въ которой начало возбуждающее, полемическое, очень часто принимаетъ преобладающую роль передъ началомъ положительнымъ, догматическимъ. Противъ кого предпринимается эта полемическая борьба въ ущербъ проселитизму, имѣющему въ виду достиженіе положительныхъ результатовъ? Противъ того ли „ветхаго" человѣка, который, ради своихъ личныхъ интересовъ, стремится остановить развитіе жизни? — Да, съ перваго взгляда, конечно, кажется, что всѣ стрѣлы борьбы направлены исключительно въ эту сторону. Но борьба была бы слишкомъ легка и равнялась бы единоборству, еслѝбъ это было такъ въ дѣйствительности. На дѣлѣ, между двумя борющимися сторонами есть третій членъ, играющій роль проводника. Черезъ этотъ проводникъ проходятъ всѣ стрѣлы, и смотря по его свойствамъ, а равно и смотря по умѣнію пользоваться этими свойствами, они для одной борющейся стороны дѣлаются болѣе, а для другой менѣе удручающими. Проконы, Нескладины и проч. именно и составляютъ этотъ проводникъ, и съ нимъ-то я и желалъ познакомить моего читателя. Не для того познакомить, чтобъ онъ любовался ихъ физіономіями, а для того, чтобы, познавъ ихъ, онъ получалъ возможность сдѣлать для себя болѣе яснымъ положеніе минуты.

Съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ я на свою задачу, и этотъ же самый взглядъ позволю себѣ рекомендовать и моему читателю. Я чуждъ былъ всякихъ претензій возводить въ типъ кого-либо изъ моихъ героевъ; я знаю, что въ каждомъ изъ нихъ найдется довольно много противорѣчій, которыя, быть можетъ, дадутъ мѣсто нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Но я прошу читателя видѣть въ дѣйствующихъ въ моемъ „Дневникѣ" лицахъ нѣчто второстепенное, несуще-

ственное, около чего лѣпится главное и существенное: разсказы о положеніи минуты и общихъ тонахъ современной русской жизни.

Какого же рода итоги можно вывести изъ сдѣланнаго мною бѣглаго обзора положенія минуты? Не знаю, согласится ли со мною читатель, но желалъ бы, чтобъ онъ вмѣстѣ со мной пришелъ къ нижеслѣдующему.

Первый итогъ—это живучесть идеаловъ недавно упраздненнаго прошлаго.

Уничтоженіе крѣпостного права, сдѣлавшись совершившимся фактомъ, открыло передъ нами новыя перспективы, и была одна минута, когда едва ли нашелся бы хоть одинъ членъ русской интеллигенціи, который не сознавалъ бы для себя ясными (или, по крайней мѣрѣ, не притворился бы ясно сознающимъ) всѣ логическія послѣдствія этого факта. Либерализмъ былъ въ ходу и давалъ тонъ жизни. Большинство выражало этотъ либерализмъ тѣмъ, что стыдилось и каялось, меньшинство — тѣмъ, что прощало и забывало прошлое (оставляя, впрочемъ, за собою право по временамъ поддразнивать покаявшихся). То было время образцовыхъ мировыхъ посредниковъ, которые прежде всего указывали на возвышенный характеръ лежащихъ на нихъ обязанностей и только вскользь упоминали о присвоенномъ этой должности содержаніи. То было время, когда и покаявшіеся, и противніе слились въ однихъ общихъ объятіяхъ, причемъ первые, въ знакъ возвращенія къ лучшимъ чувствамъ, сдѣлали на двугривенный уступокъ и, очистивъ себя этимъ путемъ отъ скверны прошлаго, получили даровые билеты на входъ въ святилище новаго дѣла. То было время, когда одиноко-раздававшіеся голоса Н. Безобразова и Г. Б. Бланка вызывали улыбку сожалѣнія, и когда сомнѣнія въ живучести русскаго либерализма встрѣчались съ ожесточеніемъ и ненавистью.

Но сомнѣнія прорывались ужъ и тогда. И тогда были люди, которые подозрѣвали, что столь порывистый переходъ отъ беззавѣтнаго людовѣдства къ не менѣе беззавѣтному либерализму представляется не совсѣмъ естественнымъ. „Посмотрите,—говорили эти сомнѣвающіеся: —Петръ Иванычъ Дракинъ-то! еще вчера стригъ дѣвкамъ косы и присутствовалъ на конюшнѣ при исправленіи людей на тѣлѣ, а сегодня, словно въ баню сходилъ,—всю старую шкуру съ себя смылъ!

Только и словъ на языкѣ: „слава Богу, и мы наконецъ освободились отъ этого постыднаго, ненавистнаго права стричь дѣвкамъ косы и наказывать на конюшнѣ людей!“ И точно: стоило только вглядѣться въ Дракина, чтобъ убѣдиться, что тутъ есть что-то неладное. Весь онъ вчерашній, и самъ вчерашній, и халатъ у него вчерашній, и вчерашняя у него невѣжественность, соединенная съ вчерашнею же непредусмотрительностью—только языкъ онъ себѣ новый привѣнилъ и болтаетъ этотъ языкъ какую-то новую фразу, одну только фразу, изъ которой нельзя видѣть ни того, что ей предшествовало, ни того, что будетъ дальше. Самая изолированность этой фразы, ея чисто-буквальное, автоматическое повтореніе уже должны были навести на мысль, что либеральничать такъ отчетливо и притомъ такъ однообразно, можетъ только человѣкъ, который, несомнѣнно, находится подъ гнетомъ временнаго ошеломленія.

Но многіе примѣчали, сверхъ того, что Петра Иваныча по временамъ какъ будто передергиваетъ. Что онъ хотя и повторитъ разъ десятокъ кряду: „наконецъ мы освободились!“ — но вдругъ, ни съ того, ни съ сего, возьметъ да и завертится на одномъ мѣстѣ, словно ему душно сдѣлается. Что онъ подъ шумокъ что-то подстраиваетъ и округляетъ: тамъ переселеньице на вертячіе пески устроитъ, въ другомъ мѣстѣ конопляничку или капустничку оттянетъ, будто какъ испоконвѣку такъ владѣлъ. И затѣмъ, покружившись на мѣстѣ, устроивъ переселенье и оттягавъ конопляничку, опять начинаетъ: „наконецъ освободились и мы!“

Указывая на эти признаки, маловѣры говорили: смотрите! прошедшее этихъ людей слишкомъ свѣжо, чтобъ они могли разомъ отъ него отказаться! Настоящее пришло къ нимъ внезапно; они отмахивались отъ него, сколько могли, и ежели не въ силахъ были вполнѣ отмахаться, то потому только, что исторія не дала имъ устойчивости, а школа приготовила не къ серьезному воззрѣнію на жизнь, а къ дешевому пользованію ею. Эти люди не только не въ состояніи видѣть естественныя послѣдствія какого бы то ни было факта, но могутъ лишь скомкать самый конкретный фактъ и намѣренно или ненамѣренно довести его до безплодія...

Признаюсь однакожъ, я не принадлежалъ къ числу этихъ маловѣровъ. Я помню, я все кричалъ: „шибче! накаливай! ну, миленькіе, еще! еще! еще чуточку!“ Подобно большинству тогдашнихъ новояв-

ленныхъ либераловъ, я простиралъ Петру Иванычу Дракину объятія и говорилъ: „Петръ Иванычъ! еще вчера ты былъ весь въ навозѣ, а нынѣче, смотри, какой ты сталъ чистенькій!“ Да и мудрено было поступать иначе. Въ то время и жилось свѣтло, и дышалось легко. Стòило сходить въ мировой съѣздъ, чтобъ почувствовать, какъ въ груди начинаетъ садить и по жиламъ катится какая-то горячая, совсѣмъ новая кровь. И я не только сердился на маловѣровъ, но даже съ полною откровенностью предлагалъ имъ вопросъ: „что̀ вамъ еще надобно?“ Даже и теперь, вспоминая объ этомъ времени, я чувствую, какъ меня садитъ и теплота разливается во всемъ моемъ существѣ, и мнѣ кажется, что еслибъ можно было—о, еслибъ было можно!—остановить часовую стрѣлку на той самой минутѣ, когда Петръ Иванычъ впервые сказалъ: „наконецъ и мы освободились!“—какъ было бы это хорошо!

Да; это было бы хорошо даже въ томъ случаѣ, еслибъ Петръ Иванычъ сказалъ эту фразу не своимъ, а чужимъ языкомъ. Что̀ намъ за дѣло до его внутренняго чувства, если онъ не можетъ примѣнить его на практикѣ! Пусть чувствуетъ себѣ какъ хочетъ и что̀ хочетъ, а мы, несмотря на его чувства, будемъ идти далѣе полегоньку впередъ. Было, положимъ, безъ пяти минутъ восемь, когда онъ въ первый разъ произнесъ: „наконецъ-то освободились и мы!“—и пусть бы остались эти безъ пяти минутъ восемь неподвижно и навсегда. Пусть время шло бы себѣ, а Петръ Иванычъ пусть поглядывалъ бы на часы и все бы думалъ: „успѣю еще напакостить! вѣдь всего безъ пяти минутъ восемь!“ Но въ томъ-то и дѣло, что мы впопыхахъ забыли остановить маятникъ, а онъ, покачиваясь да покачиваясь, и навелъ Петра Иваныча на мысль: „а вѣдь времени-то, однакожъ, довольно ушло!“

Благодаря нашей оплошности, эта мысль была для него цѣлымъ откровеніемъ. И онъ ухватился за нее цѣпко и горячо, да пожалуй и не могъ не ухватиться, потому что, говоря по совѣсти, вѣдь въ крѣпостномъ правѣ Петръ Иванычъ потерялъ свою Эвридику. Онъ потерялъ ее въ ту самую пору, когда чувствовалъ себя въ полномъ соку, когда ни одинъ физикатъ въ цѣломъ мірѣ не нашелъ бы въ немъ ни малѣйшей погрѣшности, которая бы свидѣтельствовала о его несостоятельности. Могъ ли онъ позабыть это! И вотъ, какъ только онъ убѣдился, что время не остановило теченія своего, онъ тотчасъ

же, подобно Орфею, бросился отыскивать свою Эвридику и въ преисподнюю, и на Олимпъ. И долгое время пѣлъ онъ свои чарующія пѣсни, пѣлъ ихъ и посреди истопниковъ ада, и въ передникъ небожителей, покуда, наконецъ, допѣлся-таки своего...

Мы, новоявленные либералы того времени, вдвойнѣ виноваты въ успѣхѣ Петра Иваныча. Вмѣсто того, чтобъ кричать: „шибче! наяривай!“ и неистовымъ крикомъ своимъ приводить въ ужасъ вселенную, намъ надлежало: во-первыхъ, какъ сказано выше, остановить часы и, во-вторыхъ, припасти для Петра Иваныча новую Эвридику. Онъ малый покладистый, и художественныя его требованія въ этомъ смыслѣ очень умѣренны. Была бы Эвридика, а тамъ, вышла ли она рыломъ, или не вышла—это для него несущественно. Надобно было, стало быть, пріискавъ для него новую и не очень дорогую Эвридику, помѣстить ихъ обоихъ въ безопасномъ мѣстѣ, а затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, прикидывать кой-какія бездѣлушки, чтобъ не разогорчить старика въ конецъ. И зажилъ бы себѣ нашъ Петръ Иванычъ на славу, въ полномъ удовольствіи отъ новой Эвридики и позабывъ о старой, и жилъ бы такимъ образомъ до той минуты, когда, одряхлѣвъ и обезсилѣвъ, самъ пришелъ бы къ заключенію, что ему не объ Эвридикахъ думать надлежитъ, а о спасеніи души!

Но мы предоставили Дракина самому себѣ, и потому не должны удивляться, что, отыскивая утраченную Эвридику, онъ пошелъ не новымъ путемъ (сами-то мы, либералы, знаемъ ли, какой этотъ новый путь?), а тѣмъ, который искони топтали его ноги. Нельзя отказать человѣку въ правѣ отстаивать себя; напротивъ того, должно всегда ожидать, что если онъ, въ минуту внезапнаго нападенія, и не съумѣлъ выдержать напоръ, то впослѣдствіи, все-таки, не упуститъ ни одного случая, чтобъ занять утраченныя позиціи. Нельзя внезапно оголить человѣка отъ всѣхъ утѣшеній жизни, не припасши взамѣнъ ихъ другихъ утѣшеній, или, по крайней мѣрѣ, не разрѣшивъ обстоятельно вопроса о Дракиныхъ вообще и объ утѣшеніи ихъ въ особенности. А мы не только ничего этого не сдѣлали, но безсмысленно простирали Дракину объятія и въ то же время еще безсмысленнѣе подшучивали надъ его тогдашнимъ безсиліемъ.

Самъ Петръ Иванычъ неоднократно жаловался мнѣ на непростительную опрометчивость тогдашнихъ либераловъ.

— Помилуйте,—говорилъ онъ:—смѣшно даже смотрѣть! Я

къ нимъ съ полною моей откровенностью: пристройте, говорю, старика, господа! А они въ отвѣтъ: Богъ подастъ, Петръ Иванычъ! И вѣдь еще смѣются, молодые люди... ахъ, молодые люди! Обижаютъ, молодые люди, старика, да еще языкъ высовываютъ! Только и я, знаете, не промахъ: зачѣмъ, говорю, мнѣ Христа ради кусокъ себѣ вымашивать! Я и самъ, коли захочу, свой кусокъ найду!

— Найдете ли, Петръ Иванычъ?!

- Найду, сударь, это какъ святъ Богъ, найду! Потому неестественное это дѣло. Если я чѣмъ-нибудь помѣшалъ, если, съ позволенья сказать, занятія мои такого рода, что другимъ смотрѣть на меня зазорно—ну, развлеки меня, пристрой, дай другое занятіе! А нѣтъ у тебя другого занятія — ну, отстрани совсѣмъ. Въ прежнее время мы всегда такъ дѣлали: чуть видишь, который человѣкъ шатается—сейчасъ его въ солдаты или на поселеніе! По крайности, нѣтъ его на глазахъ! А то—натко! „Богъ подастъ!“ Нѣтъ, молодые люди, просчитаетесь! Я не только у васъ, но и у Господа Бога моего объѣдкомъ быть не хочу!

И Петръ Ивановичъ былъ правъ. Теперь Дракинъ вездѣ: и на улицѣ, и въ театрахъ, и въ ресторанахъ, и въ столицѣ, и въ провинціи, и въ деревнѣ—и не только не ёжится, но вездѣ распоряжается какъ у себя дома. Чуть кто зашумаркаетъ — онъ сейчасъ: „въ солдаты! въ Сибирь!“ Словомъ сказать, поступаетъ совсѣмъ-совсѣмъ такъ, какъ будто ничего новаго не произошло, а напротивъ того еще расширилась арена для его похожденій.

Я искренно желалъ бы, чтобъ кто-нибудь доказалъ мнѣ, что Дракины и Хлобыстовскіе переродились, и что не только содержаніе употребляемыхъ ими пріемовъ, но даже наружный видъ этихъ пріемовъ подверглись какому-нибудь измѣненію противъ того содержанія и вида, который знакомъ намъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Но полагаю, что самъ Менандръ, этотъ твердѣйшій въ бѣдствіяхъ человѣкъ, который и до-днесь съ неслыханною дерзостью вопіетъ: „чего еще нужно?“ —и тотъ едва ли найдется возразить что-нибудь основательное противъ моего предположенія. А покуда этого возраженія не существуетъ, считаю себя вправѣ утверждать, что хотя крѣпостное право фактически упразднено, но оно еще живо въ душахъ нашихъ. И Петръ Ивановичъ даже на волосокъ не утратилъ той энергіи, которою онъ отличался въ былыя времена. И въ прежнее время онъ за-

вывалъ какъ вѣтеръ въ пустынѣ, и теперь завываетъ. Измѣненіе чувствуется только одно: пустыня утратила прежнія границы и сдѣлалась какъ бы безпредѣльною. Отъ этого звуки драпинскихъ голосовъ распредѣляются не съ прежнею равномѣрностью. Въ одномъ концѣ слышно, въ другомъ — нѣтъ. Но упаси Богъ очутиться въ томъ районѣ, куда Петръ Ивановичъ полюбопытствовалъ заглянуть...

Другой итогъ: неясность цѣлей, къ которымъ могли бы быть примѣнены сохранившіеся идеалы.

Правда, что Петръ Ивановичъ Драпинъ добился своего, но для чего добился—онъ и самъ этого объяснить не можетъ. Единственный ясный результатъ его скитаній по пресвѣтлымъ и райскимъ обителямъ заключается въ томъ, что онъ поставилъ на своемъ и доказалъ „молодымъ людямъ“ (увы! какъ обрюзгли и постарѣли съ тѣхъ поръ эти „молодые люди!“), что выраженіе: „Богъ подастъ!“ —въ примѣненіи къ нему—по малой мѣрѣ опрометчиво. Что онъ пристроится, ежели на то пошло, пристроится самъ своими средствами и у нихъ, „молодыхъ людей“, не попроситъ помощи...

Но къ чему пристроится? вотъ тутъ-то именно и начинается для Петра Иваныча цѣлый рядъ запутанностей и колебаній.

— А вѣдь я, братъ, прогадалъ! — признавался онъ мнѣ на дняхъ:—думалъ, что штука-то въ томъ только и состоитъ, чтобъ руками направо и налѣво тыкать, а выходитъ, что я тычу-то въ пусто!

— Какъ въ пусто! все же, чай, разорите кого-нибудь, Петръ Иванычъ!—скромно возразилъ я.

— Чудакъ! да ты пойми! Разорить-то я, разумѣется, разорю! Я, братецъ, нынче такое засиліе взялъ, что кого хочешь... вонъ онъ! вонъ онъ по улицѣ въ пальтишкѣ бѣжитъ... хочешь, разорю?! Да вѣдь не сумасшедшій я, братъ, чтобъ зря разорять! Вотъ ты что сообрази! Вѣдь оно хорошо руками-то впередъ тыкать, когда знаешь, что изъ этого толкъ выходитъ. Прежде, вотъ, я зналъ... Зналъ я, мой другъ, зачѣмъ я тыкаю... „предметъ“ я передъ собой видѣлъ! Ну, а нынче, предметъ-то этотъ... гдѣ онъ? Ты вотъ день-то-деньской бѣгаешь, изъ себя выходишь, тычешь и направо, и налѣво, а предметъ-то онъ... фью!

— Да; безъ предмета... оно точно.... тяжеленько какъ будто...

— И какъ еще тяжело-то! Цѣлый день кровь въ тебѣ такъ хо-

дуномъ и ходитъ. Ату его! лови! догоняй!—только и словъ! А вечеромъ, какъ начнешь себя усчитывать... грошъ!! Сколько крови себѣ испортилъ, сколько здоровья убавилъ, а кого удивилъ! Вонъ онъ! вонъ онъ! ишь улепетываетъ... кканалья! Ну, и поймаю я его; ну. и посажу на одну ладонку, а другой—прихлопну; ну, и мокренько будетъ... Кого я этимъ удивлю. скажи ты мнѣ, сдѣлай милость!!!

Петръ Иванычъ умолкъ на минуту и затужилъ.

— Грошъ! — повторилъ онъ въ раздумьи: — одинъ только грошъ! Сколько разъ я объ этомъ и самъ съ собой загадывалъ, и съ Михайломъ Никифорычемъ совѣтовался: отчего, молъ, у насъ прежде благорастворенiе воздуховъ было, а нынѣче, какъ ни бьемся—грошъ! „Да и у меня, братъ, не густо!“ говоритъ. Такъ-то вотъ!

— Но въ такомъ случаѣ не лучше ли, Петръ Иванычъ, это дѣло оставить?—почтительно доложилъ я.

— Какъ? мнѣ оставить!—Петръ Иванычъ вскочилъ съ мѣста и взвился во весь ростъ. словно получилъ электрическiй ударъ въ поясницу:—мнѣ оставить! Да я тысячу разъ на дню издохну, а ужъ *его* дойму! Я его доканаю! Я его усмирю! Я нынѣче вотъ каковъ: не мнѣ, такъ никому. Пусть лучше собаки съѣдятъ! Да ты знаешь ли. какъ онъ меня позорилъ! Самъ цѣловаться лѣзетъ, а исподтишка облавы устраиваетъ! Ужъ на что я... кореннякъ!—а и тутъ думалъ, что конецъ мой пришелъ! Трубитъ это въ трубу, словно въ день судный! Всѣхъ, братецъ, зоветъ! Смотрите, говоритъ, какъ я съ Петра Иваныча Дракина маску снимать буду!.. Снялъ ты—чорта съ два!

— Да вѣдь сами же вы говорите, что пользы отъ этого *для васъ* никакой нѣтъ!

— И говорю, и буду говорить — а руками тыкать все-таки буду. Потому я такъ ужъ нынѣче пристроился. Дѣваться мнѣ больше нѣкуда. Съ чего они на меня наскочили? Мѣшалъ я, что-ли, имъ? Сидѣлъ я у себя въ усадьбѣ и ни въ какія ихнія политики не вмѣшивался. Но мнѣ хоть дери. хоть милуй—мое дѣло сторона! Вотъ какъ я. сударь. тогда себя велъ! Даже изъ ихняго брата придетъ, бывало. который: несчастливъ?—на, братецъ! Садись за столъ, ѣшь, пей, разговаривай по-французски съ женой, съ дѣтьми играй! Въ баню хочешь—въ баню иди, экипажъ занадобился—экипажъ бери! Я дворянинъ, сударь! Я знать не хочу. кому какая политика нравится, а кому не по нраву! Учись! критикуй! доходи! На то ты и

дворянинъ, чтобъ до всего доходить! А они—натко! Про то забыли, какъ я ихъ, курицыныхъ дѣтей, за свой столъ сажалъ, а вспомнили, какъ я Кузьку да Омку на конюшнѣ наказывалъ!

— Да вѣдь вы и теперь дворянинъ, Петръ Иванычъ! И вы дворянинъ, и они дворяне—ну, что бы вамъ стоило эти дрязги оставить!

— Нѣтъ, сударь, теперь я ужъ не дворянинъ, а мститель-съ! Мститель я-съ—и ничего больше. Только эта гордость во мнѣ и осталась-съ. А по прочему по всему я даже такъ тебѣ скажу: жрать иногда нечего! вотъ они меня на какую линію поставили!

Слушая эти разсужденія, я не могу не признать одного: что Петръ Ивановичъ по крайней мѣрѣ настолько умѣнъ, что нимало не обольщаетъ себя насчетъ своей задачи. Онъ прямо говоритъ, что предметъ этой задачи... фью! Правъ онъ также и въ своихъ упрекахъ тѣмъ „молодымъ людямъ“, которые когда-то обнимали его и въ то же время напутствовали словами: „Богъ подастъ!“ Что онъ въ свое время относился къ „молодымъ людямъ“ благосклонно, когда они попадали въ бѣду, что онъ не тиранилъ ихъ, а сажалъ за свой столъ и предоставлялъ разговаривать по-французски съ своей женой — это я испыталъ на себѣ, когда я написалъ „Маланью“ и попался по этому случаю въ просакъ. Тогда я впервые и познакомился съ Петромъ Ивановичемъ (съ тѣхъ-то поръ онъ и говоритъ мнѣ „ты“, на которое я отвѣчаю почтительнымъ „вы“). Я помню, я явился къ нему сконфуженный, и думалъ, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ вцѣпится въ меня (увы! *теперь* онъ такъ бы и поступилъ: онъ не только бы вцѣпился въ меня, но заперъ бы меня въ вонючую конуру, лишилъ бы огня и воды и проч.); но онъ не только не вскинулся на меня, но даже погладилъ меня по головѣ.

— Ну-ну!—сказалъ онъ мнѣ:—спалился! проштрафился! ничего! тамъ—свои счеты, а здѣсь—свои. Богъ милостивъ! Дворянину — безъ того невозможно. Я самъ, братъ, молодъ былъ! самъ при цѣломъ полку командиру нагрубилъ! Знаю!

И велѣлъ за тѣмъ, дѣйствительно, велѣлъ накрывать на столъ, представилъ меня женѣ и предоставилъ мнѣ разговаривать съ нею по-французски...

Зачѣмъ же я впослѣдствіи обругалъ его (каюсь, и я принадлежалъ къ числу тѣхъ „молодыхъ людей“, которые, обнимая, тра-

вилъ Петра Ивановича, думая, что онъ никогда уже не очнется? И обругалъ притомъ безнлодно, безсмысленно, точь въ точь такъ, какъ онъ поступаетъ теперь самъ по отношенію къ бывшимъ своимъ ругателямъ. И какъ мы его въ то время дорашивали! Господи, какъ мы дорашивали! Я думаю, еще и теперь икры его сохранили слѣды зубовъ, которыми мы вцѣплялись въ нихъ! И никогда вѣдь не говорили мы прямо: твое, дескать, время, Петръ Иванычъ, прошло—умирай, старикъ! но старались прежде всего въ чувство его привести, а потомъ и уязвить. И гдѣ уязвить? на собственной его почвѣ, на той почвѣ крѣпостного права, которую онъ и въ геологическомъ, и въ статистическомъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ зналъ какъ свои пять пальцевъ!

— Тогда-то ты дѣвкѣ Маришкѣ косу стригъ, а этого тебѣ *предоставлено не было!*—ласково обличалъ одинъ.

— Тогда-то ты у Кузьки жену себѣ въ любовницы взялъ, а этого тебѣ *предоставлено не было!* — еще ласковѣе донималъ другой.

— Тогда-то ты всѣ шесть дней сряду народъ на барщину гонялъ, а этого тебѣ *предоставлено не было!*— совсѣмъ уже по-родительски вразумлялъ третій.

— Помилуйте, господа! — оправдывался Дракинъ: — на всѣ ваши вразумленія могу отвѣтить четырьмя словами: *тогда существовало крѣпостное право!*

Но мы ничему не внимали, и я очень живо помню, какъ однажды мой другъ Кирсановъ самымъ учтивымъ образомъ закончилъ, вцившись зубами въ одну изъ икръ Петра Иваныча!

Въ одномъ только Петръ Иванычъ неправъ: онъ сознаетъ, что предмета для тыканья руками уже не существуетъ, и все-таки продолжаетъ тыкать (и притомъ тыкаетъ совсѣмъ не въ то мѣсто, куда слѣдуетъ тыкать, какъ это сейчасъ будетъ объяснено). Но и тутъ неправота его только кажущаяся. Если нѣтъ предмета, котораго благополучіе оправдывало бы совершеніе подвиговъ, то есть воспоминаніе о подвигахъ, есть привычка къ нимъ: есть, наконецъ, сознаніе, что ему, Дракину, ни при чемъ больше и состоять невозможно, кромѣ какъ при подвигахъ. Лишившись предмета, тыканье руками хотя и утрачиваетъ свою ясность, но съ точки зрѣнія энергіи и силы никакого ущерба не терпитъ. Безпредметное, абсолютное, трансцендея-

тальное, оно питаетъ само себя такъ, какъ питалъ и питаетъ самъ себя тотъ расшивочный и раскурочный либерализмъ, который можно на золотники получать изъ лавочекъ современныхъ нѣкоснимателей. Худо, конечно, дѣлаетъ Петръ Иванычъ, что себя безнокоитъ, но куда же онъ дѣнется съ своимъ темпераментомъ? Какъ уничтожить свои воспоминанія! какъ вычеркнетъ изъ прошлаго кровную обиду свою?

Но всѣ эти оправданія Петра Иваныча для меня дѣло второстепенное. Пусть даже онъ будетъ въ тысячу разъ неправъ—для меня важно уже то, что онъ самъ сознаетъ свою дѣятельность безпредметною. Этимъ признаніемъ сказано все: и то, что у него уже нѣтъ ясной цѣли, и то, что единственное побужденіе, которое руководитъ имъ, есть побужденіе гнѣва, и то, наконецъ, что онъ не можетъ продолжать своей дѣятельности иначе, какъ подъ условіемъ поддержанія своей нервной системы въ постоянно напряженномъ состояніи. Какъ хотите, а онъ несчастливъ. Въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и видахъ является онъ передъ нами всюду: и на улицѣ, и въ кафе-шантанахъ, и въ ресторанахъ, и даже въ безчисленныхъ канцеляріяхъ, и, повидимому, улыбка никогда не сходитъ съ лица его. Но не вѣрьте этой улыбкѣ, ибо я знаю навѣрное, что на сердцѣ у него скребутъ мыши. Онъ уже понимаетъ, что предметъ его раздраженій—фью! и что сколько бы онъ ни разорялъ, ни расточалъ, собственное его благополучіе не увеличится отъ того ни на волосъ!

Но, сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что и для того, чтобы разорять, надо все-таки еще случай имѣть, надо быть поставленнымъ въ такія условія, при которыхъ подлинно разорить можно. Но развѣ большинство Дракиныхъ находится въ такихъ условіяхъ?—Нѣтъ, громадная масса ихъ можетъ относиться къ разоренію лишь платонически. Она можетъ только облизываться, поощрять, кричать: браво!—но ничего болѣе...

Я представляю себѣ „Дракина дѣятельнаго, который, ложась на ночь, сводитъ концы съ концами, и вдругъ приходитъ къ убѣжденію, что въ результатѣ получилъ—грошъ! Какое горькое чувство должно овладѣть имъ! Какой стыдъ! какое раскаянье!

Но представьте же себѣ то множество „Дракиныхъ, которымъ даже концы съ концами сводить не приходится, а приходится только ежечасно сознавать, что предметъ ихъ вожделѣній — фью! Что

должны ощущать *эти* Дракины? Къ какому должны они придти заключенію относительно своего настоящаго и будущаго?

По моему мнѣнію, они должны придти къ тому заключенію, которое я назову третьимъ итогомъ моего „Дневника“: къ сознанію жизненной пустоты и невозможности куда-нибудь приткнуться, гдѣ-нибудь сыграть дѣятельную роль.

Одинъ *можетъ* тыкать впередъ руками, но, по довольномъ упражненіи, приходитъ къ убѣжденію, что пользы отъ того не пріобрѣтается никакой. Другому и хотѣлось бы пристроиться къ этому ремеслу, но для него уже нѣтъ мѣста на жизненномъ пиршествѣ. Какъ ни велика разница въ положеніи обоихъ „ветхихъ людей“, но и для того, и для другого конецъ одинаковъ. Этотъ конецъ формулируется словами: сознавать, что Эвридика найдена только по наружности, въ дѣйствительности же она потеряна безвозвратно,—и затѣмъ тосковать, вздыхать и безнадежно всматриваться въ даль...

Я положительно утверждаю, что Петръ Иванычъ понимаетъ безплодность своего нынѣшняго ремесла, и что онъ потому только упорствуетъ въ немъ, что ему внѣ этого ремесла нечего дѣлать, некуда приткнуться. Несмотря на то, что мы, русскіе, никогда особенно дѣятельно не заявляли себя съ политической стороны, никто неспособенъ съ такимъ упорствомъ оставаться на исключительно-политической почвѣ дѣятельности, какъ мы. Понятіе, сопряженное съ словомъ: „дѣлать“, какъ бы не существуетъ для насъ; мы знаемъ только одно слово: распоряжаться. „Распоряжаться“, то-есть смѣщать, увольнять, замѣщать, повышать, понижать и т. д. А это-то именно и есть „политика“, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ. Еще недавно Петръ Иванычъ жаловался мнѣ:

— Плохо, братецъ! Такой кавардакъ въ имѣніи идетъ, что просто хоть все бросай!

— Да вы бы распорядились, душа моя! (Иногда я позволяю себѣ называть его ласкательными именами, и онъ—вотъ какъ онъ простъ!—нисколько не обижается этимъ!)

— И то, братецъ, распоряжался! Въ одинъ годъ двоихъ управляющихъ смѣнилъ—чего еще!

— А вы бы сами съѣздили, посмотрѣли, указали бы что слѣдуетъ!

Говоря это, я чувствовалъ, что лицо мое горитъ отъ стыда, ибо

я самъ очень хорошо сознавалъ, что слова мои—кимвалъ бряцающій, а совѣты—не больше, какъ подборъ пустыхъ и праздныхъ словъ. Увы! я и самъ не дѣлатель, а только политикъ! Къ счастью, однакожъ, Петръ Иванычъ не замѣтилъ моего смущенія: онъ самъ въ это время поникъ головой и горькую думу думалъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ наконецъ:—незачѣмъ! Разъ смѣнилъ управляющаго—не помогло, другой разъ смѣнилъ—не помогло, приходится смѣнять въ третій разъ!

И только. Въ этомъ вся наша панацея, въ этомъ перспектива нашего будущаго. Если мы не можемъ ясно формулировать, чего мытребуемъ, что же мы можемъ? Если у насъ нѣтъ даже рутины, а тѣмъ менѣе знанія, то какое занятіе можетъ приличествовать намъ, кромѣ „политики“? Если же „политика“ ускользаетъ отъ нашихъ рукъ, то чѣмъ мы можемъ ее замѣнить, кромѣ слоненія изъ одного угла въ другой? Какія надежды могутъ насъ оживлять, кромѣ надеждъ на выигрышъ двухсотъ тысячъ?

Съ упраздненіемъ крѣпостного права, отъ насъ отошелъ трудъ. Не только тотъ даровой трудъ, который приносилъ съ собой это право, но трудъ вообще. Мы сдѣлались свободными отъ труда вообще и остались при одной такъ-называемой политической задачѣ. Но спрашивается: какая-такая политика, которую можетъ преслѣдовать Петръ Иванычъ, оголенный отъ крѣпостного права?

Поймите, читатель, весь ужасъ этого положенія! Быть осужденнымъ на жизнь, и въ то же время никакого дѣла передъ собой не видѣть! Къ земству примкнуть?—но мы не знаемъ, какъ гать построить и гдѣ канаву прорыть; не знаемъ, да и не хотимъ знать, ибо наше дѣло не указать, а приказать. Въ мировые судьи выбираться?— но мы не только законовъ не знаемъ, а просто двухъ фразъ толково связать не можемъ—только смѣхъ одинъ! Вотъ, кажется, и политическія занятія, такія, которыя всего болѣе намъ понутру—а выходитъ, что и они къ рукамъ не идутъ! А тоска-то какая! Сидѣть и думать о томъ, какъ скорбные листы въ больницахъ въ исправности содержать, или какимъ образомъ такую канаву посреди дороги провести, чтобъ и пѣшій, и конный—всякій бы въ ней шею себѣ сломалъ!

Тѣмъ не менѣе, мы не сразу пришли въ уныніе, а тоже попробовали: и въ земскія собранія ѣздили, старались по возможности со-

общить полемико-политическій оттѣнокъ вопросу о содержаніи лошадей для чиновъ земской полиціи, и въ качествѣ мировыхъ судей дѣйствовали, стараясь извлечь изъ кражи мотка питокъ на фабрикѣ какой-нибудь политическій принципъ. Все мы испробовали, но нигдѣ не обрѣли „политики", а взамѣнъ того вездѣ наткнулись на слово: тоска! тоска! и тоска!

Вотъ почему мы, провинціальная интеллигенція, въ настоящее время валомъ валимъ въ Петербургъ. Все думается: не полегче ли будетъ? не совершится ли чудо какое-нибудь? не удастся ли примазаться хоть къ краешку какой-нибудь концессіи, потомъ сбыть свое учредительское право—и въ сторону. А тамъ—за границу, на минеральныя воды...

Je m'en fiche, contrefiche...

Не спорю, еслибъ это удалось, оно было бы во многихъ отношеніяхъ недурно, но тутъ настигаетъ насъ другой вопросъ—финансовый. Откупа уничтожены, а концессію получить положительно трудно. Нынѣче это дѣло такъ округлено, въ такія границы поставлено, что не съ Проконовымъ посмѣть соваться туда. Это своего рода укрѣпленное мѣсто, въ которое даже самъ Петръ Иванычъ Дракинъ (онъ, по всей справедливости, считается коноводомъ кадыковъ, и дѣйствительно держитъ высоко свое знамя) — и тотъ не могъ проникнуть, какъ ни старался. А жаль. Потому что еслибъ предоставили Дракину вести на общественный счетъ желѣзные пути, — во-первыхъ, онъ, конечно, не оставилъ бы ни одного живого мѣста въ цѣлой Россіи, а во-вторыхъ, навѣрное онъ опять почувствовалъ бы себя въ обладаніи „предмета", и вслѣдствіе этого сердце его сдѣлалось бы доступнымъ милосердію и прощенію. По крайней мѣрѣ онъ самъ удостовѣрялъ меня въ этомъ.

— Если бы хоть одну дорогу дали,—открывался онъ мнѣ:—ужъ какъ бы, кажется, на душѣ легко было! Ну, вотъ, ей-Богу... ну, ей-же-ей, простилъ бы! А то вѣдь, какъ на смѣхъ: жидъ придетъ —бери! Бери! владай! что угодно дѣлай! А свой братъ дворянинъ явится—„да ты знаешь ли, изъ чего рельсы-то дѣлаются?!" Каково это слушать-то!

— А вѣдь коли по правдѣ сказать, оно и точно. Вотъ я, напримѣръ, хоть и знаю, что рельсъ — онъ желѣзный, а какой онъ

тамъ. кромѣ того, что онъ желѣзный—вотъ хоть убей меня, сказати не могу!

— И я, братецъ, не знаю, да кто же знаетъ нынѣче! Вотъ приступлю — и буду знать. И зачѣмъ мнѣ знать, коли мнѣ незачѣмъ. Жидъ-то пархатый — ты думаешь, онъ лучше меня знаетъ? Нѣтъ, онъ тоже, братъ, швахъ по этой части! Вотъ подходцы онъ знаетъ — это такъ! На это онъ мастеръ! Въ такую, братъ, помойную яму съ головой окунется, какая намъ съ тобой и во снѣ не приснится!

Не приснится! Такъ говоритъ Петръ Иванычъ, но не слишкомъ ли самонадѣянно онъ утверждаетъ это? Не знаю почему, но мнѣ кажется, что не только приснилось бы, а даже... Но мы даже въ этомъ смыслѣ получили такое поверхностное образованіе, что и сны то у насъ недостаточные выходятъ...

Какъ бы то ни было, но финансовый вопросъ есть въ настоящую минуту самый жгучій вопросъ для нашей интеллигенціи. Умѣя только распоряжаться и не умѣя „дѣлать", мы оказываемся совершенно безсильными относительно созиданія новыхъ цѣнностей, и какія предпріятія мы ни затѣвали въ этомъ смыслѣ—всегда и вездѣ, за очень малыми исключеніями, оказывался, по выраженію Дракина, „кавардакъ". Но этого мало: мы не умѣемъ обращаться даже съ тѣми цѣнностями, которыя дошли до нашихъ рукъ независимо отъ нашихъ усилій...

— Въ ту пору, какъ застигла насъ эта катастрофа,—разсказывалъ мнѣ Петръ Иванычъ: — душно мнѣ стало! такъ душно! — Идите, говорю, съ моихъ глазъ долой! Всѣхъ на выкупъ! въ казну! —И началъ, братъ, я снѣшить! Горитъ у меня подъ ногами—да и только. Получу, думаю, выкупную ссуду, землю, которая получше, себѣ отрѣжу—и начну, благословясь, вольнымъ трудомъ работать. То-есть, и сплю, и вижу, какъ этотъ вольный трудъ начнетъ у меня дѣйствовать! Ну-съ, хорошо. Окружили меня живымъ манеромъ: опекунскому совѣту долгъ вычли (я, братецъ, на тридцать-семь лѣтъ занималъ, а съ меня *вдругъ все* вычли), кой-какіе частные долги удовлетворили, остальное выдали на руки. Ну, слава Богу, думаю, хоть и не Богъ-знаетъ, сколько суммы осталось, за то вольный трудъ теперь у меня самъ собой пойдетъ! Поѣхалъ къ Бутенопу, накупилъ машинъ—то-есть, какая сѣноворошилка у меня была: ну просто конфетка!—нанялъ рабочихъ, и сижу, жду у моря погоды. Мѣсяцъ у

меня идетъ, другой идетъ—я все молчу, все деньги плачу. Иногда, знаешь, разберетъ меня зло, что все какъ будто не такъ: вспомнишь-это, какъ прежде распоряжался, и выбѣжишь въ поле. Ни души, сударь! Тишина, братецъ, мертвая: ни голосу, ни шелесту: солнце сверху такъ и льетъ! — Гдѣ вы, черти? — ни звука. Словно всѣ умерли! А сердце такъ и кипитъ. Побѣгаешь, покружишься, натолкнешься на борозду, упадешь—домой! Ахъ, какое это чувство, мой другъ! какое это ужасное чувство, когда въ тебѣ кипитъ, и вдругъ — никого! Натурально, сейчасъ за управляющимъ: — Разбойникъ! дармоѣдъ! — И что жъ! первое слово въ отвѣтъ: „Не извольте ругаться!“ —Не въ ругательствѣ дѣло, курицынъ ты сынъ! не ругаюсь я, а чего ты, мерзавецъ, смотришь! отчего въ полѣ никого нѣтъ?— „Оттого, что рабочіе отдыхать пошли“.—Отдыхаете, бестіи! все-то вы отдыхаете!—„Помилуйте, Петръ Иванычъ, вы вотъ только-что чай откушали, а мы еще гдѣ до свѣту встали!“... Ну, успокоишься, то-есть не успокоишься, а скажешь себѣ: — Ну васъ къ чертямъ! распинайте! Сядешь-это за книжку, потомъ позавтракаешь, жена „варьяціи на русскія темы“ сыграетъ, дѣти придутъ: „папа! пойдемъ въ паркъ либо на прудъ рыбу ловить!“ Такимъ манеромъ пройдетъ еще часа три-четыре—опять не утеришь и побѣжишь въ поле. Ни души, сударь! „Да надо же отдохнуть народу!“ — ужъ огрызается тебѣ въ лицо управляющій. Потомъ обѣдать, потомъ послѣобѣденный сонъ, потомъ чай, потомъ гулянье. Нагулявшись, опять въ поле... ни души! Всѣ ужъ понабашили и собираются ужинать. Такъ я *его* и не видалъ, какъ онъ тамъ вольнымъ трудомъ работаетъ! Возьмешь съ собой въ сумерки управляющаго и пойдешь съ нимъ по полямъ.—Такъ, что-ли, разбойникъ, пашутъ? „А то какъ же еще!“ —Такъ, что-ли, мошенникъ, жнутъ? „Да вы, сударь, сами извольте бы показать, что отъ насъ требуется!“ Мерзавецъ! Знаетъ вѣдь, анаѳема, что я показать не могу! Бился я, бился такимъ манеромъ, наконецъ бросилъ. Жду. Осенью живо обмолотили, провѣяли, сѣяли. Рожь уродилась самъ-четвертъ, овесъ—самъ-третій, гречиха—не собрали сѣмянъ.—Подлецы! развѣ такъ вольный трудъ долженъ давать! вѣдь онъ самъ-десятъ долженъ давать — да и тогда только концы съ концами свести можно!—Молчатъ.— „Да что вы молчите, анаѳемы! — говорите, по крайней мѣрѣ, отчего это? „Съ землею у насъ, Петръ Ивановичъ, ничего не подѣлаешь! Холодная!“ —Какъ

холодная! все была теплая, а теперь холодная сдѣлалась! „И прежде была холодная, только прежде потому теплѣе казалось, что мужички подневольные были!“ Сѣлъ я тогда за хозяйственныя книги, сталъ приходъ и расходъ сводить—вижу, въ одно лѣто изъ кармана шесть тысячъ вылетѣло, кромѣ того, что на машины да на усовершенствованія пошло. Нѣтъ, думаю, шалишь! Такимъ образомъ никакой выкупной ссуды не достанетъ! Надо это дѣло бросить. А тутъ кстати хорошій человѣкъ нашелся, надоумилъ меня. „Зачѣмъ, говоритъ, вамъ, Петръ Иванычъ, безпокоиться! сдали бы вы мнѣ землю по рублю серебромъ за десятинку на кругъ, а сами бы въ Москву или на теплыя воды!“ Что жъ, думаю, чѣмъ по пяти тысячъ въ годъ убытку терпѣть, лучше хоть тысячу чистоганчикомъ получить! Взялъ да въ одну минуту и порѣшилъ дѣло! Подмахнулъ контрактъ на двѣнадцать лѣтъ; машины, скотъ, сѣмена и другое имущество сдалъ арендатору и велѣлъ укладываться въ Москву.—Лѣсъ чтобы не рубить, Иванъ Парамонычъ! — „Зачѣмъ, ваше превосходительство, лѣсъ рубить“. — Вѣдь ты, Иванъ Парамонычъ, меня не обманешь? Аренду выстоишь! — „Зачѣмъ, ваше превосходительство, обманывать! креста, что-ли, на мнѣ нѣтъ!“ — Ну, то-то же! Теперь съ Богомъ! Трогай! Въ Москву!

— Ну-съ, дальше-съ!

— А дальше, братъ, даже вспомнить стыдно. Осталось у меня въ то время тысячъ шестьдесятъ выкупными свидѣтельствами (у меня, братъ, вѣдь полторы тысячи душъ было!). Деньги хорошія, и будь онѣ у меня теперь, я бы зналъ, какъ мнѣ поступить. Я понялъ бы, что мнѣ ничего другого не остается, какъ получать на мой капиталъ проценты, устроиться въ Москвѣ гдѣ-нибудь подъ-Донскимъ, линнюю прислугу распустить, самому ходить къ Калужскимъ воротамъ за провизіей и нанять учителя, чтобъ училъ дѣтей латинскому языку. По крайности, хоть изъ нихъ дѣятели бы вышли. Но тогда чадъ изъ головы-то еще не весь вышелъ. Пріѣхалъ въ Москву, а тамъ деньги страсть какъ нужны. Сталъ я, братъ, деньги подъ залогъ раздавать, и роздалъ, нечего сказать, выгодно: процентовъ подвѣнадцати въ годъ. Думаю: какъ это я до сихъ поръ не догадался! а про то и забылъ, что для этой операціи нужно законы тоже знать, а зачѣмъ мнѣ ихъ было знать, коли мнѣ незачѣмъ! Ничего, однакожъ: осмотрѣлся, получилъ проценты впередъ, и вижу: неминучее дѣло свой

домъ купить. И домъ, по нашему, по-дракински, чтобы такой: во-первыхъ, зало въ четыре окна; во-вторыхъ, гостиную въ три окна; въ-третьихъ, диванная, потомъ спальня, дѣтскія, кофишенная, столовая, для меня конурка, два флигеля: въ одномъ кухня, въ другомъ людскія. Словомъ сказать, комнатъ въ двадцать. Многонько это, а меньше, какъ ни гадали, никакъ невозможно. Потому въ Москвѣ—всѣ наши на-лицо. И Хлобыстовскіе, и Ноздревы, и Кирсановы, и Лаврецкіе, и Райскіе, все свои родные, всѣ въ Москву понаѣхали, всѣ живутъ и въ баклуши бьютъ. Купилъ, двадцать тысячъ отдалъ. Потомъ трехъ жеребцовъ купилъ: двухъ бурыхъ въ маслѣ въ дышло—для жены, одного, сѣраго въ яблокахъ, одиночку—для себя. Денегъ-то сколько осталось? Прожилъ я такимъ манеромъ съ годъ—не могу пожаловаться: хоть бы вѣкъ такъ жить! Живу, братецъ, да и полно! И даже надежды имѣю. На что надежды — вотъ хоть убей, объяснить не могу, а только чувствую, всѣмъ нутромъ чувствую, что придетъ что-то... Ну, сбудется *оно*, да и все тутъ! Только тогда меня осадило, когда срокъ закладнымъ пришелъ. Всѣ до одной оказались незаконными. То-есть, не то чтобъ было какое-нибудь сомнѣніе, что я деньги взаймы далъ, а такъ какъ-то вышло, что денегъ-то этихъ возвращать мнѣ не слѣдуетъ. Иду, сударь, въ судъ, а въ судѣ вижу: сидятъ всѣ тѣ „молодые люди“, которые, помнишь, мнѣ въ ту пору „Богъ подастъ“ сказали. Не вытерпѣлъ:—Разбойники! говорю.—Сейчасъ это въ протоколъ и зачали они меня судить. Про то-то, что кровныя мои денежки гулять пошли, и думать перестали, а все судятъ „постунокъ“ мой.—Какой, говорю, это „постунокъ“, молодые люди? ну, будемъ говорить безъ азартности,—ну, развѣ вы не разбойники! —Опять—въ протоколъ, и все, знаешь, тихимъ манеромъ: „успокойтесь, Петръ Иванычъ! мы ужъ не тѣ! мы прежнія заблужденія-то ужъ оставили! а вы бы лучше адвоката себѣ хорошаго наняли!“—Адвоката! ни за что! говорю. Самъ отъ васъ отгрызусь! И можешь ты себѣ представить, мой другъ, вѣдь я по сю пору подъ судомъ состою! Вотъ я съ тобой теперь говорю, а *тамъ*, можетъ быть, меня въ Сибирь на поселеніе ссылаютъ! Только нѣтъ, врешь, шалишь! Петръ Иванычъ Дракинъ докажетъ! Онъ докажетъ! Онъ съумѣетъ доказать!

Это воспоминаніе такъ взволновало Петра Иваныча, что онъ нѣкоторое время не говорилъ, а только испускалъ глухое рычаніе. Лицо

у него сначала побагровѣло, потомъ посинѣло, такъ что я не на шутку началъ опасаться за окончаніе разсказа о его похожденіяхъ. Но, слава Богу, выпивъ стаканъ воды, онъ успокоился.

— Вотъ, мой другъ,—сказалъ онъ мнѣ:—ты мнѣ *въ то время* тоже разныя эти колкости говорилъ... помнишь?

— Виновать, Петръ Иванычъ, былъ тотъ грѣхъ!

— Ну, такъ помни ты мое слово: эти — нѣкоснимателями, что-ли, ты ихъ называешь!—они вдвое противъ насъ, стариковъ, язвительнѣе будутъ. Ума у него съ горошину, благородныхъ чувствъ никакихъ, вотъ и сидитъ онъ и ехидствуетъ, какъ бы ему эту горошину въ оборотъ пустить. И пущаетъ. Тамъ, гдѣ мы руками зря впередъ тыкали, они на законномъ основаніи тебя изведутъ.—Мы—фюить! — и дѣло съ концомъ! а они зудомъ жизнь твою вызудятъ. Я, братъ, простить могу; онъ—не проститъ. Не человѣкъ, братъ, онъ, а шкапъ съ выдвижными ящиками. На всякомъ ящикѣ у него ярлыкъ наклеенъ, а потому ему сразу видно, который ящикъ выдвинуть слѣдуетъ. И ежели ты, напримѣръ, калачъ укралъ, я тебѣ скажу: ты это что, курицынъ сынъ, надѣлалъ? — а *онъ* тебя призоветъ: вы, скажетъ, калачъ вамъ непринадлежащій себѣ присвоили, такъ за это вы подлежите, по такой-то статьѣ, такому-то истязанію. И не проси его! не разговаривай! Ничего, скажетъ, я не могу, потому что воровство, во-первыхъ, строго воспрещено закономъ, а во-вторыхъ обществу можетъ угрожать гибель, если воровъ не преслѣдовать! И вѣдь достигнутъ они, превознесутся! произойдутъ! Ты вотъ шутишь, говоришь, что я разоряю, а кого разоряю-то я? Вонъ онъ... вонъ голоштанникъ-то по улицѣ фалдочками трясетъ!.. *его* я разоряю! вотъ кого! А того „молодого человѣка“, нѣкоснимателя-то... нѣтъ, братъ, его ужъ не разоришь! Мы какъ въ наше время достигали?—Мы достигали вразсыпную, вразбродъ! Стало быть, если ты не матушкинъ сынокъ или не тетка тебѣ графиня Татьяна Борисовна —хоть ты за двадцать человѣкъ аппетитъ имѣй, а все ничего не подѣлаешь! Развѣ что изъ сотни одному счастье порутируетъ. А *эти* —переплелись! Они не разбираютъ промежъ себя, кто матушкинъ, кто курицынъ сынъ, а прутъ впередъ — и все тутъ. Ужъ и теперь они, не хуже любого попа, на насъ, стариковъ, засматриваются. Ты еще похолодѣть-то не успѣлъ, а онъ ужъ тутъ какъ тутъ. Шныритъ около кого ему слѣдуетъ, объясняетъ свои поступки, благородно раз-

нимается — и достигнетъ! Достигнетъ, потому что, по правдѣ сказать, вездѣ онъ одинъ кандидатъ. Сунь ты рукой въ щучій садокъ —все равно, какъ ни шарь, щуренка вытащишь! Такъ-то, душа моя. На чемъ, бишь, я, однако, остановился, разсказывая о похожденіяхъ-то своихъ?

— На закладныхъ, Петръ Иванычъ. Закладныя ваши признаны были неподлежащими удовлетворенію.

— Ну, да. Поѣхалъ я тогда опять въ деревню, а женѣ велѣлъ московскій домъ продавать. Пріѣзжаю — и что̀ вижу? Машины мои проданы, скотъ — тоже, лѣсъ вырубленъ... — Иванъ Парамоновъ! мошенникъ! воръ ты! говорю. „Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство“, говоритъ. — Какъ же ты не мошенникъ! гдѣ лѣсъ-то? гдѣ машины? гдѣ скотъ? — „Лѣсъ, говоритъ, на топливо срубленъ, потому не околѣвать на морозѣ; машины со временемъ испортились; скотъ тоже со временемъ весь выналъ!“ Повѣришь ли, мой другъ, я даже глаза вышучилъ. Въ судъ, думаю, идти — такъ, вѣрно, я самъ въ контрактѣ что-нибудь напуталъ! Значитъ, придешь туда, только выругаешься — что̀ толку? Бросилъ все — и айда̀ въ Петербургъ. Спасибо генералъ Мудровъ меня еще по полку зналъ — ну, пріютилъ. А сколько есть такихъ, о которыхъ генералъ Мудровъ даже по наслышкѣ понятія не имѣетъ!

Да, сколько такихъ?!! повторю вмѣстѣ съ Петромъ Иванычемъ и я.

А на нихъ-то именно и отразился преимущественно финансовый вопросъ. Пошли они сначала бойко, потомъ тише, тише и наконецъ сѣли. По временамъ фортуна какъ бы благопріятствовала имъ: тотъ въ земскую управу попалъ, тотъ, въ качествѣ мирового судьи, ребятишкамъ на молочишко доставалъ; но когда оказалось необходимымъ и тамъ дѣлиться жалованьемъ съ секретарями да письмоводителями — тогда... тогда въ перспективѣ осталось уныніе — и больше ничего. А вмѣстѣ съ унынiемъ появилось какое-то страстное, жгучее стремленіе въ Петербургъ, съ цѣлью попытать, не будетъ ли тутъ чего...

Но ничего уже не оказалось, потому что „молодые люди“, о которыхъ Петръ Иванычъ говорилъ, что они переплелись между собой, всѣ нѣжки сняли. Кадыки, обезкураженные, полинявшіе, слоняются по стогнамъ столицы, и до того оробѣли, что не могутъ даже объяснить, чего имъ хочется. Тѣ, которые еще *могутъ* тыкать руками впередъ, начинаютъ догадываться, что этимъ, кромѣ удовле-

творенія чувству мести, все-таки ничего не достигнешь; а тѣ, которые *не могутъ* давать рукамъ волю, только взываютъ: „откуду мнѣ сіе?“ — и въ тщетномъ ожиданіи отвѣта утрачиваютъ всякую бодрость.

На первыхъ порахъ эти люди и въ Петербургѣ начинаютъ бойко. Сознаніе, что въ карманѣ еще есть выкупное свидѣтельство, и что оно въ то же время послѣднее, заставляетъ ихъ рисковать. Либо панъ, либо пропалъ—и вотъ нашъ кадыкъ бѣжитъ къ Елисееву, кутитъ у Донона и Дюсо, платитъ 25 р. за кресло на Патти, бѣснуется въ театрѣ Буффъ и такъ далѣе. И вездѣ нюхаетъ, вездѣ ищетъ, какъ бы нужнаго человѣка подцѣпить. Тамъ прослышитъ: дорогу новую придумываютъ, въ другомъ мѣстѣ—банкъ облюбовываютъ, въ третьемъ —такое предпріятіе, ну, такое предпріятіе... ахъ, прахъ побери да и совсѣмъ! Господи! да неужели же нельзя какъ-нибудь примазаться! Хоть чуточку! Я, ваше превосходительство, только за кончикъ подержусь—а тамъ и въ сторонку-съ! Но „нужный человѣкъ“ охотно пьетъ съ кадыкомъ шампанское; когда же рѣчь заходитъ о предпріятіи, — смотритъ такъ ясно и даже строго, что просто душа въ пятки уходитъ! „Зайдите-съ“, „навѣдайтесь-съ“, „можетъ быть, что-нибудь и окажется полезное“—вотъ отвѣты, которые получаетъ бѣдный кадыкъ, и, весь полный надеждъ, начинаетъ изнурительную ходьбу по передпимъ и пріемнымъ, покуда наконецъ самымъ очевиднымъ образомъ не убѣдится, что даже швейцаръ „нужнаго человѣка“—и тотъ тяготится имъ.

Тогда кадыкъ вступаетъ во второй періодъ своего земного странствія: онъ выцвѣлъ, пересталъ гарцовать и ходитъ обѣдать не къ Дюсо, а къ Палкину и Доминику, а вечеромъ направляется въ „Орфеумъ“. Но онъ еще не окончательно утратилъ надежду, ибо если настоящій, заправскій предприниматель уже ускользнулъ изъ его рукъ, то у него все-таки остался предприниматель второстепенный. И чѣмъ ниже спускается кадыкъ по лѣстницѣ предпріятій, тѣмъ фантастичнѣе и фантастичнѣе становятся эти послѣднія. Что тутъ не предполагается! о чемъ не ведутся оживленные споры! А результатъ одинъ: концъ выкупному свидѣтельству. И конецъ этотъ тѣмъ неизбѣжнѣе, что предприниматель второстепенный только къ тому и направляетъ свои усилія, чтобы устроить обращеніе капитала, который недаромъ же и названіе носилъ „оборотнаго“...

И вотъ наступаетъ третій періодъ: оборотный капиталъ съѣденъ и пропитъ. Ежели въ два предшествующихъ періода человѣкъ не имѣлъ никакихъ надеждъ, кромѣ: „вотъ кабы“ да „ужъ тогда бы“, если онъ и тогда, въ сущности, только слонялся, самъ не понимая, зачѣмъ ѣлъ и пилъ больше, чѣмъ надо, и восхищался Патти, въ душѣ припоминая дѣвку-Палашку, то теперь, когда все уже „совершилось“, когда весь кругъ пройденъ и даже нѣтъ въ виду ни „кабы“, ни „еслибы“—какой удѣлъ можетъ предстоять ему, кромѣ уныній?

Тогда онъ отправляется въ греческую кухмистерскую, заигрываетъ съ потомкомъ Перикла и Аспазіи, даже льститъ ему, съ тѣмъ, чтобы устроить себѣ кредитъ...

Но въ первомъ ли, во второмъ ли, въ третьемъ ли періодѣ, илющійся человѣкъ—все илющійся человѣкъ. Одумается ли онъ наконецъ? Рѣшится ли покончить съ столицею и удалиться въ свою „Пролёванную“? Какъ-то встрѣтитъ его тамъ Иванъ Парамоновъ? Дозволитъ ли ему поселиться въ собственномъ его разваливающемся домѣ и жить смирно, пока не придетъ смерть и не смететъ съ лица земли этого „лишняго человѣка“, котораго жизнь, со времени „катастрофы“, сама сдѣлалась постоянною, непеременяющеюся катастрофой?

Таковъ этотъ „ветхій“, отходящій въ вѣчность человѣкъ. Порою онъ еще огрызается и вскидывается, какъ озаренный, но въ сущности онъ уже понимаетъ, что время его прошло, и что даже огрызанія ни на волосъ не увеличатъ его благополучія.

На мѣсто его народился тотъ новый, дѣятельный. Но не съ новыми идеалами, а съ старыми же, въ которые, взамѣнъ „праву моему не препятствуй“, пущена легкая струя бездѣльничества и хищности. Это люди, насквозь пропитанные убѣжденіемъ, что безсовѣстность и тупоуміе призваны обновить міръ. Они представляютъ собой четвертый итогъ, о которомъ я и поведу теперь рѣчь.

Среди потока противорѣчивыхъ вздоховъ, укоровъ и негодованія, которыми по временамъ обдаетъ меня Петръ Иванычъ, у него вырвалось одно очень правдивое и мѣткое замѣчаніе: онъ разорилъ не того, противъ кого устремлялъ свой натискъ, а совсѣмъ посторонняго человѣка, до котораго, собственно говоря, ему никакого дѣла не было.

Что сдѣлалъ ему сей юноша, который такъ прилежно изслѣ-

дуетъ, кто были прародители человѣка? что сдѣлала ему сія юница, которую волнуетъ женскій вопросъ и которая хочетъ во что бы ни стало доказать, что женщина въ умственной сферѣ *можетъ* все то, что *можетъ* и мужчина? Разумѣется, Петръ Иванычъ отвѣтитъ на эти вопросы: „они, каналы, *этотъ* тамъ выдумываютъ!“ — но отвѣтъ этотъ едва-ли будетъ искрененъ. Кто въ двадцать лѣтъ не желалъ и не стремился къ общему возрожденію, про того трудно даже сказать, что у него было когда-нибудь сердце, способное сочувствовать и сострадать. Что истина эта не безъизвѣстна и Петру Иванычу — это доказывается тѣмъ, что онъ самъ когда-то при цѣломъ полку командиру нагрубилъ. Онъ самъ неоднократно при мнѣ говаривалъ: „учись, критикуй, доходи — дворянину безъ этого нельзя!“ Почему же теперь, когда онъ видитъ, что дворянинъ доходитъ, учится, критикуетъ — сердце у него кипитъ, и онъ задыхается отъ негодованія? Какъ хотите, а это фактъ по малой мѣрѣ загадочный.

Да, тутъ есть какое-то горькое недоразумѣніе; я догадываюсь даже, что и доходящій молодой человѣкъ, и анализирующая дѣвица — все это не болѣе, какъ эффигія, которую Дракинъ разстрѣливаетъ, думая сразить *того другого* „молодого человѣка“, который нѣкогда сказалъ ему: „Богъ подастъ!“ Только этотъ другой-то „молодой человѣкъ“ былъ настолько проницателенъ, что заблаговременно всталъ впѣ выстрѣла; когда же увидѣлъ, что Петръ Иванычъ и затѣмъ остается при своемъ намѣреніи „палить“, то былъ настолько предупредителенъ, что сказалъ ему, гдѣ скрывается *истинный* мерзавецъ и либералъ. „Я дѣйствовалъ неблагоразумно, — сказалъ онъ, — но я находился подъ гнетомъ цѣлой арміи негодяевъ, — и въ этомъ заключается мое оправданіе. Я самъ всей душой ненавижу ихъ, и вы весьма меня одолжите, если выпалите по нимъ“.

Я воображаю себѣ физіономію Петра Иваныча, когда онъ увидѣлъ, что дѣло приняло такой оборотъ. Его личный врагъ, его завѣдомый оскорбитель стоитъ передъ нимъ — а оказывается, что Петръ Иванычъ не только не можетъ достать его, но что этотъ же врагъ ему же указываетъ, въ кого въ настоящую минуту палить слѣдуетъ. Развѣ не трагическое это положеніе?!

— Теперь я ужъ привыкъ, — жаловался мнѣ Петръ Иванычъ: — а первое время, какъ сталъ онъ обходы-то эти кругомъ меня дѣлать — вѣришь ли, я чуть съ ума не сошелъ! — Какъ! говорю: развѣ

не ты... помнишь?—„Точно такъ, говоритъ, я-съ. Только я совсѣмъ не противъ васъ дѣйствовалъ. Видѣлъ я тогда, что и *она* горячатся, да и вы горячитесь... Ну, вотъ, чтобъ отвести *имъ* глаза, я и сдѣлалъ диверсію-съ“...

Я полагаю, однакожъ, что тутъ не было никакой „диверсіи“. Сначала это было легкомысліе, соединенное съ надеждой, что Петръ Иванычъ не очнется; потомъ — страхъ, при видѣ Петра Иваныча, показывающаго несомнѣнные признаки жизни, и наконецъ соображеніе, что не существуетъ такого положенія, въ которомъ не было бы возможно въ мутной водѣ рыбу ловить.

Какъ бы то ни было, новый типъ народился. Это типъ, продолжающій дѣло ветхаго человѣка, но старающійся организовать его, приводящій къ одному знаменателю яичницу, которую надѣлалъ его предшественникъ. Старый „ветхій человѣкъ“ умираетъ или въ тоскѣ влачитъ свои дни, сознавая и въ теоріи, и въ особенности на практикѣ, что предметъ его жизни... фью! Новый „ветхій человѣкъ“ выступаетъ на сцену и, сохраняя смыслъ традицій, набрасывается на подробности и выказываетъ неслыханную, лихорадочную дѣятельность...

Но жизнь не дѣлается краше вслѣдствіе этой усиленной дѣятельности. Никакая лихорадка, никакое кипѣніе не въ состояніи дать жизни содержанія, котораго у нея нѣтъ. Напротивъ того, чѣмъ кипучѣе безсодержательная дѣятельность, тѣмъ болѣе она утомляетъ и обезсиливаетъ. Старое содержаніе упразднилось, новое—не вырабатывается, и не вырабатывается, быть можетъ, потому, что интеллигенція, повидимому, еще не вполнѣ увѣрена въ полномъ упраздненіи стараго содержанія. Отсюда — непріятное двоегласіе, неестественное сидѣнье между двумя стульями, которое разрѣшается скукой, апатіей, равнодушіемъ ко всѣмъ интересамъ, стоящимъ нѣсколько выше „куска“; отсюда — крики: „не расплывайтесь!“ „не забудьте, что наше время—не время широкихъ задачъ!“ и т. п.

„Хищникъ“ — вотъ истинный представитель нашего времени, вотъ высшее выраженіе типа новаго ветхаго человѣка. „Хищникъ“ проникаетъ всюду, захватываетъ всѣ мѣста, захватываетъ всѣ куски, интригуетъ, сгараетъ завистью, подставляетъ ногу, стремится, спотыкается, встаетъ и опять стремится... Но кромѣ того, что для общества, въ цѣломъ его составѣ, подобная неперемежающаяся тревога

жизни немыслима, — даже тѣ отдѣльные индивидуумы, которые чувствуютъ себя затянутыми въ водоворотъ ея, не могутъ отнестись къ ней какъ къ дѣйствительной цѣли жизни. „Хищникъ“ несчастливъ, потому что если онъ, вслѣдствіе своей испорченности, и не можетъ отказаться отъ тревоги, то онъ все-таки не можетъ не понимать, что тревога — въ самомъ крайнемъ случаѣ — только средство, а никакъ не цѣль. Допустимъ, что онъ неразвитъ, что связь, существующая между его личнымъ интересомъ и интересомъ общимъ, ускользаетъ отъ него; но вѣдь объ этой связи напомнитъ ему сама жизнь, дѣлая тревогу и озлобленіе непремѣннымъ условіемъ его существованія. „Хищникъ“ — это дикій въ полномъ значеніи этого слова; это человѣкъ, у котораго на языкѣ нѣтъ другого слова, кромѣ глагола: „отнять“. Но такъ какъ кусковъ разбросано много, и это заставляетъ глаза разбѣгаться; такъ какъ, съ другой стороны, и хищниковъ развелось не мало и строгаго распредѣленія занятій между ними не имѣется, то понятно, какая масса злобы должна накипѣть въ этихъ вѣчно алчущихъ сердцахъ. Самое „торжество хищника“ является озлобленнымъ. Онъ достигъ, онъ удовлетворенъ, но у него, во-первыхъ, есть еще нѣчто впереди, и во-вторыхъ есть счеты сзади...

Но масса, тѣмъ не менѣе, считаетъ „хищниковъ“ счастливыми людьми и завидуетъ имъ! Завидуетъ, потому что это тотъ сортъ людей, который въ настоящую минуту пользуется наибольшею суммой внѣшнихъ признаковъ благополучія. Благополучіе это выражается въ извѣстной роскоши обстановки, въ обладаніи болѣе или менѣе значительными суммами денегъ, въ легкости удовлетворенія прихотямъ, въ кутежахъ, въ развратѣ... Массы видятъ это и сгараютъ завистью. Но стоитъ только пристальнѣе вглядѣться въ эти такъ-называемыя „удовольствія“ хищниковъ, чтобъ убѣдиться, что они лишены всякаго увлеченія, всякой искренности. Эти тяжелыя и мрачныя оргіи, въ которыхъ распутство служитъ временнымъ заглушающимъ противовѣсомъ той грызущей тоскѣ, той гнетущей пустотѣ, которая необходимо окрашиваетъ жизнь, не видящую ни оправданія, ни конца для своихъ тревогъ.

За хищникомъ смиренно выступаетъ чистенькій, весь поддернутый „нѣкоснимать ель“. Это тоже „хищникъ“, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Это почтительный прилазъ, въ которомъ „сладкая

привычка жить“ заслонила всѣ прочіе мотивы существованія. Это тихо курлыкающій панегиристъ хищничества, признающій въ немъ единственную законную форму жизни и трепетно простирающій руку для полученія подачки. Это безсовѣстный человѣкъ, не потому, чтобы онъ сознательно совершалъ безсовѣстныя дѣла, а потому, что не имѣетъ яснаго понятія о человѣческой совѣсти.

„Хищникъ“ проводитъ принципъ хищничества въ жизни; нѣкоснитель возводитъ его въ догматъ и сочиняетъ правила на предметъ наилучшаго производства хищничества.

„Хищникъ“, оставаясь ограниченнымъ относительно пониманія общихъ интересовъ, очень часто является грандіознымъ, когда идетъ рѣчь о его личныхъ интересахъ. Нѣкоснитель даже и въ этомъ смыслѣ представляетъ лишь карикатуру „хищника“: онъ не любитъ „отнять“, но любитъ „выпросить“ и „выждать“.

„Хищникъ“ почти всегда дѣйствуетъ въ-одиночку; нѣкоснитель, напротивъ того, всегда устраиваетъ сконъ, шайку, которая по временамъ принимаетъ размѣры разбойнической.

„Хищникъ“, свѣжуя своего ближняго, дѣлаетъ это потому, что ужъ такая ему вышла линія; но онъ все-таки знаетъ, что ближнему его больно. Нѣкоснитель свѣжуетъ своего ближняго и не задается даже мыслью, больно ли ему, или не больно.

„Хищникъ“ рискуетъ; нѣкоснитель идетъ навѣрное.

„Хищникъ“ не дорожитъ пріобрѣтенными благами; нѣкоснитель—любитъ спрятать и капитализировать.

„Хищникъ“ говоритъ коротко, отрывисто: онъ чувствуетъ себя настолько сильнымъ, чтобъ пренебречь пустыми разговорами; нѣкоснитель не говоритъ, а излагаетъ; онъ любитъ угнести своего слушателя и въ многоглаголаніи надѣется стяжать свою душу!

„Хищникъ“ мстителенъ и золъ, но въ проявленіи этихъ качествъ не опирается ни на какіе законы; нѣкоснитель мстителенъ и золъ, но при этомъ всегда оговаривается, что имѣетъ право быть мстительнымъ на основаніи такой-то статьи, и злымъ—на основаніи такого-то параграфа.

Наконецъ, „хищникъ“, несмотря на весь разгулъ дѣятельности, скучаетъ; нѣкоснитель—никогда не скучаетъ, но за то самъ представляетъ олицетвореніе скуки и тошноты.

Итакъ, скучаетъ старый ветхій человѣкъ, скучаетъ и новый

ветхій человѣкъ. Что дѣлаетъ другой „новый человѣкъ“ — пока неизвѣстно, да не онъ и даетъ тонъ жизни.

А тонъ этотъ — или уныніе, или миражъ, вслѣдствіе котораго мнимые интересы не-по-волѣ принимаются за интересы дѣйствительные...

II.

ЗА РУБЕЖЕМЪ

[1880—1881 гг.]

Глава I.

Есть множество средствъ сдѣлать человѣческое существованіе постылымъ, но едва-ли не самое вѣрное изъ всѣхъ—это заставить человѣка посвятить себя культу самосохраненія. Рѣшившись на такой подвигъ, надлежитъ побѣдить въ себѣ всякое буйство духа и признать свою жизнь низведенною на степень безцѣльнаго мельканія на все то время, покуда будетъ длиться искусъ животолюбія.

Но, во-первыхъ, чтобы выполнить такую задачу вполнѣ добросовѣстно, необходимо прежде всего быть свободнымъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ. И не только отъ такихъ, которыя обусловливаются апелляціонными и кассаціонными сроками, но и отъ другихъ, болѣе деликатнаго свойства. Или, говоря короче, нужно сознать себя и безотвѣтственнымъ, и вдобавокъ совсѣмъ праздными человѣкомъ. Ибо во время процесса самосохраненія всякая забота, всякое напоминовеніе о покинутомъ дѣлѣ и даже „мышленіе“ вообще—считаются не kurgemaess и препятствуютъ солямъ и щелочамъ успѣшно всасываться въ кровь.

Среди женщинъ, субъекты, способные всецѣло отдаваться праздности, встрѣчаются довольно часто (культурно-интернаціональныя дамочки, кокотки, бопашартистки и проч.). Всякая дамочка самимъ Богомъ какъ бы цѣликомъ предназначена для заботъ о самосохраненіи. Въ прошломъ у нея—декольте́, въ будущемъ—тоже декольте́. Ни о какихъ обязательствахъ не можетъ быть тутъ рѣчи, кромѣ обязательства содержать въ чистотѣ бюстъ и шею. Поэтому всякая дамочка не только съ готовностью, но и съ наслажденіемъ устремляется къ курортамъ, зная, что тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, въ какомъ положеніи находятся легкія или почки, а въ томъ, чтобъ

имѣть законный поводъ по пяти разъ въ день одѣваться и раздѣваться. Самая плохая дамочка, если Богъ наградилъ ее хоть какою-нибудь частью тѣла, на которой безъ ожесточенія можетъ остановиться взоръ мужчины,—и та заранѣе разочтетъ, какое положеніе ей слѣдуетъ принять во время питья Kraenchen, чтобъ именно эту часть тѣла отрекомендовать въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Я знаю даже старушекъ, у которыхъ, подобно старымъ ассигнаціямъ, оба нумера давно потеряны, да и портретъ поврежденъ, но которыя тѣмъ не менѣе подчинялн себя всѣмъ огорченіямъ курсового леченія. потому что нигдѣ, кромѣ курортовъ, нельзя встрѣтить такую массу мужскихъ панталонъ и, стало быть, нигдѣ нельзя такъ цѣлесообразно освѣжить потухающее воображеніе. Словомъ сказать, „дамочки“ — статья особая, которую вообще ни здѣсь, ни въ другомъ какомъ человѣческомъ дѣлѣ въ разсчетъ принимать не надлежитъ.

Но въ средѣ мужчинъ подобныя оглашенныя личности встрѣчаются лишь какъ исключеніе. У всякаго мужчины (ежели онъ впрочемъ не бонапартистъ и не отставной русскій сановникъ, мечтающій въ виду Юнгфрау о коловратностяхъ міра подачекъ) есть родина, и въ этой родинѣ есть какой-нибудь кровный интересъ, въ соприкосновеніи съ которымъ онъ чувствуетъ себя семьяниномъ, гражданиномъ, человѣкомъ. Развязаться съ этимъ чувствомъ, даже временно, ужасно тяжело: и я положительно убѣжденъ, что самый культъ самосохраненія долженъ отъ этого пострадать. Легко сказать: позабудь, что въ Петербургѣ существуетъ цензурное вѣдомство, и затѣмъ возьми одръ твой и гряди; но выполнить этотъ совѣтъ на практикѣ. право, не легко.

Недавно, проѣзжая черезъ Берлинъ, я заѣхалъ въ зоологическій садъ и посѣтилъ заключеннаго тамъ чимпанзе. При случаѣ совѣтую и вамъ, читатель, послѣдовать моему примѣру. Вы увидите бѣдное дрожащее существо, до того угнетенное тоской по родинѣ. что даже предлагаемое въ изобиліи молоко не утѣшаетъ его. Скорчившись, сидитъ злосчастный плѣнникъ подъ теплымъ одѣяломъ на соломенномъ одрѣ и, закрывши глаза, дремлетъ предсмертною дремотой. Замѣчательно, что тутъ же, за рѣшеткой, у самаго изголовья стараго чимпанзе, заключенъ маленькій чимпанзе, родившійся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, уже въ Берлинѣ. Этотъ ребенокъ стоитъ, ухватившись передними лапами за рѣшетку, и положительно

глазъ не сводитъ съ умирающаго старика. Какіе сны снятся старику —этого, конечно, нельзя угадать, но, судя по тоскливымъ вздохамъ, ясно, что передъ умственнымъ его взоромъ мелькаетъ нѣчто необыкновенно заманчивое и дорогое. Быть, можетъ, тамъ, въ родныхъ лѣсахъ, онъ былъ исправникомъ, а можетъ быть даже министромъ. Въ первомъ случаѣ онъ предупреждалъ и пресѣкалъ; во второмъ—принималъ въ назначенные часы доклады о предупрежденіи и пресѣченіи. Безъ сомнѣнія, это были доклады не особенно мудрые, но вѣдь для чимпанзе по части мудрости не особенно много и требуется. И вотъ теперь онъ умираетъ, не понимая, зачѣмъ понадобилось оторвать его отъ дорогихъ сердцу интересовъ родины и посадить за рѣшеткой въ берлинскомъ зоологическомъ саду. Умираетъ въ горькомъ сознаніи, что ему не позволили даже подать прошенія объ отставкѣ (просто поймали, посадили въ клѣтку и увезли), и вслѣдствіе этого тамъ, на родинѣ, за нимъ числится тридцать тысячъ неисполненныхъ начальственныхъ предписаній и девяносто тысячъ (по числу населяющихъ его округъ чимпанзе) непроизведенныхъ обысковъ! Не знаю, какъ подѣйствуетъ это скорбное зрѣлище на васъ, читатель, но на меня оно произвело по истинѣ удручающее впечатлѣніе.

Во-вторыхъ, мнѣ кажется, что люди науки, осуждающіе своихъ кліентовъ выдерживать курсы леченія, упускаютъ изъ вида, что эти курсы влекутъ за собой обязательное цыганское житье, среди безпорядка, въ тѣснотѣ, внѣ возможности отыскать хоть минуту укромнаго и самостоятельнаго существованія. Изъ привычной атмосферы, въ которой вы такъ или иначе обдержались, васъ насильственно переносятъ въ атмосферу чуждую, насыщенную иными нравами, иными привычками, инымъ говоромъ и даже инымъ разумомъ. Передъ глазами у васъ снуетъ взадъ и впередъ пестрая толпа; въ ушахъ гудитъ разноязычный говоръ, и все это сопровождается такимъ однообразіемъ формъ (вѣчный праздникъ со стороны нѣмцевъ, и вѣчная лакейская бѣготня—со стороны туземцевъ), что подъ конецъ утрачивается даже ясное сознаніе временъ дня. Это однообразіе маятнаго движенія досаждаетъ, волнуетъ, вызываетъ ежеминутный ропотъ. Нѣтъ ничего изнурительнѣе, какъ не понимать и не быть понимаемымъ. Я говорю это не въ смыслѣ разности въ языкѣ—для культурнаго человѣка это неудобство легко устранимое—но трудно, почти невыносимо въ молчаніи снѣдать боль сердца, ту щемящую

боль, которая зародилась гдѣ-нибудь на берегахъ Иловли и по пятамъ пришла за вами къ самой подошвѣ Мальберга *). Тамъ, въ долинѣ Иловли, эта боль напоминала вамъ о живучести въ васъ человѣческаго естества; здѣсь, въ долинѣ Лана, она ровно ни о чемъ не напоминаетъ, ибо ее давно уже пережили (можетъ быть, за нѣсколько поколѣній назадъ), да и на бобахъ развели. Мало того, эта боль становится признакомъ неблаговоспитанности и съ вашей стороны, потому что неприлично вздыхать и роптать среди людей, которымъ, въ качествѣ возстановляющаго средства, прописано непремѣнное душевное спокойствіе. Не ясно ли, что тѣ катарральныя улучшенія, которыя достигаются глотаніемъ и вдыханіемъ подлежащихъ щелочей, должны въ значительной мѣрѣ ослабляться полнымъ отсутствіемъ условій, составляющихъ обычную принадлежность той жизни, съ которою вы по крайней мѣрѣ лично привыкли соединять представленіе объ осѣдлости.

Въ-третьихъ, наконецъ, культъ самосохраненія заключаетъ въ себѣ нѣчто, свидѣтельствующее не только о чрезмѣрномъ, но, быть можетъ, и о незаслуженномъ животолюбіи. Русская пословица гласитъ такъ: „жить живи, однако и честь знай“. И замѣтьте, что, какъ всѣ народныя пословицы, она имѣетъ въ виду не празднолюбца, а человѣка, до истощенія силъ тянувшаго выпавшее на его долю жизненное тягло. Если даже ему, истомленному человѣку тягла, надо „честь знать“, то что же сказать о празднолюбцѣ, о бонапартистѣ, у котораго ни назади, ни впереди нѣтъ ничего, кромѣ умственнаго и нравственнаго декольте? Клянусь, надо знать честь, господа! Подумайте! милліоны людей изнемогаютъ, прикованные къ землѣ и къ труду, не справляясь ни о почкахъ, ни о легкихъ и зная только одно: что они повинны работѣ,—и вдругъ, изъ этого безпредѣльнаго кабальнаго моря выдѣляется горсть празднолюбцевъ, которые самовластно декретируютъ, что для кого-то и для чего-то нужно, чтобъ почки дѣйствовали у нихъ въ исправности! Ахъ, господа, господа!

Все это я отлично понималъ, и всѣ эти возраженія были у меня на языкѣ прошлой весной, когда рѣшался вопросъ о доставленіи мнѣ возможности прожить „аридовы вѣки“. Но—страшное дѣло!—когда люди науки высказались въ томъ смыслѣ, что я мѣсяца на три обя-

*) Гора, командующая надъ Бадъ-Эмсомъ.

зываюсь позабыть прошлое, настоящее и будущее, для того, чтобъ всецѣло посвятить себя нагуливанію животовъ, то я не только ничего не возразилъ, но сдѣлалъ видъ, что много доволенъ. Я зналъ, что ради возстановленія силъ я долженъ буду растратить свои послѣднія силы, — и промолчалъ. Я очень хорошо провидѣлъ, что процессъ самосохраненія окончательно разоритъ мой и безъ того разоренный организмъ,—и сказалъ: помилуйте! куда угодно, хоть въ тартарары! Я — человѣкъ дисциплины по преимуществу, и твердо вѣрую, что всякое „распоряженіе“ клонится къ моему благу.

Словомъ сказать, я сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ.

Но такъ какъ фактъ совершился и нелёгкая принесла уже меня на берега вонючаго Лана, то я считаю себя вправѣ подѣлиться съ читателями вынесенными мною впечатлѣніями. Пишу не для дамочекъ и не для бонапартистовъ, а для тѣхъ, кои, сидя на берегахъ Лонани, Вороны и Хонра, не ослабляючи вздыхаютъ надъ вопросами объ акклиматизаціи саранчи, колорадскаго жучка и гессенской мухи. Пусть дойдетъ до нихъ мой голосъ и скажетъ имъ, что даже здѣсь, въ виду башни, въ которой, по преданію, Карлъ Великій замуровалъ свою дочь (здѣсь всѣ башни таковы, что въ каждой кто-нибудь кого-нибудь замучилъ или убилъ, а у насъ башенъ нѣтъ), ни на минуту не покидало меня представленіе о саранчѣ. опустошавшей благословенныя чембарскія нажити. И пусть засвидѣтельствуетъ этотъ голосъ, что покуда человѣкъ не развяжется съ представленіемъ о саранчѣ и другихъ расхитителяхъ народнаго достоянія, до тѣхъ поръ никакіе Kraenchen и Kesselbrunnen „аридовыхъ вѣковъ“ ему не дадутъ.

Но еслибы и дѣйствительно глотаніе Kraenchen, въ соединеніи съ ослинымъ молокомъ, способно было дать безсмертіе, то и такая перспектива едва ли бы соблазнила меня. Во-первыхъ, мнѣ кажется, что безсмертіе. посвященное непрерывному наблюденію, дабы въ организмѣ не переставаючи совершался обмѣнъ веществъ, было бы отчасти дурацкое; а во-вторыхъ, я настолько совѣстливъ, что не могу воздержаться, чтобъ не спросить себя: ежели всѣ мы, культурные люди, сдѣлаемся безсмертными, то при чемъ же останутся попы и гробовщики?

Въ заключеніе настоящаго введенія, еще одно слово. Выраженіе „бонапартисты“, съ которымъ читателю не разъ придется встрѣтиться въ предлежащихъ эскизахъ, отнюдь не слѣдуетъ понимать

буквально. Подъ „бонапартистомъ“ я разумѣю вообще всякаго, кто смѣшиваетъ выраженіе: „отечество“, съ выраженіемъ: „ваше превосходительство“, и даже отдаетъ предпочтеніе послѣднему передъ первымъ. Такихъ людей во всѣхъ странахъ множество, а у насъ до того довольно, что хоть лопатами огребай.

Въ одно прекрасное утро, часовъ около одиннадцати, всѣхъ насъ, „отпущенныхъ по пачпорту“, въ Вержболовѣ обыскали и, по сдѣланіи надлежащихъ отмѣтокъ, переправили, какъ въ старину нѣвалось, „въ гости къ братьямъ-пруссакамъ“. Но нынѣшніе братья-пруссаки уже не тѣ, что прежде были, и приняли насъ не какъ „гостей“, а какъ данниковъ. Прежде всего они удостовѣрились, что у насъ нѣтъ ни чумы, ни иныхъ тѣлесныхъ озлобленій (за это удостовѣреніе насъ заставляютъ уплачивать въ петербургскомъ германскомъ консульствѣ по 75 копѣекъ съ паспорта, чѣмъ крайне оскорбляются выѣзжающіе изъ Россіи иностранцы, а намъ оскорбляться не предоставлено), а потомъ сказали милостивое слово: der Kurs 213 пф., т.-е. русскій рубль слишкомъ на марку стоитъ дешевле противъ нормальной цѣны. Въ заключеніе, обыскавъ наши багажи (весьма впрочемъ деликатно) и удостовѣрившись по нашимъ простодушнымъ физіономіямъ, что отнынѣ всѣ марки и пфенниги, сколько бы таковыхъ у насъ ни оказалось, мы не только за страхъ, но и за совѣсть обязываемся сполна расходовать на пользу германскаго отечества, объявили насъ отъ митрогнозіи свободными.

Странное дѣло! покуда мы пробирались къ Вержболову (нѣмцы ужъ называютъ его Wirballen), никому изъ насъ не приходило въ голову выглядывать въ окна и любопытствовать, какой изъ нихъ открывается пейзажъ. Какъ-то само собой предполагалось, что все извѣстно и неизвѣстно. „Мокрое мѣсто, по которому ростетъ ненастоящій лѣсъ“ —вотъ картина, которую ожидалъ встрѣтить взоръ и во избѣжаніе которой всякій старался убить время независимо отъ впечатлѣній родной природы. Одни не разгибая спины „винтили“. Другіе во всеуслышаніе роптали, что никакой „заграницы“ не нужно, и что всю эту „заграницу“ выдумали ихъ дамочки, которыя, подъ предлогомъ исправленія супружескихъ почекъ и легкихъ, собрались ловить по курзаламъ бонапартистовъ всѣхъ наименованій. Третьи

всеминутно тосковали: „какимъ-то насъ курсомъ батюшка-Берлинъ наградитъ“.

— Кажется, мы нынче смирно сидимъ... Ни румыновъ, ни грековъ, ни сербовъ, ни болгаръ — ничего за нами нѣтъ! Пора бы ужъ и намъ милостивое слово сказать! — слышалось въ одномъ углу.

— Ну, батенька, и за саранчу тоже не похвалятъ! — гдѣ-то по сосѣдству раздавалось въ отвѣтъ.

Даже два старца (съ претензіей на государственность), ѣхавшіе вмѣстѣ съ нами, — и тѣ не интересовались своимъ отечествомъ, но считали его лишь мѣстомъ для полученія присвоенныхъ по штатамъ окладовъ. Повидимому они ничего не ждали, ни на что не роптали и даже ничего не мыслили, но въ государственномъ безмолвіи сидѣли другъ противъ друга, снѣсиво хлопая глазами на прочихъ пассажировъ и какъ бы говоря: мы на счетъ казны нагуливать животы ѣдемъ!

Живя въ Петербургѣ, я зналъ объ этихъ старцахъ по слухамъ; но эти слухи имѣли такой опредѣленный характеръ, что, признаюсь, до самаго Эйдткунена я съ величайшимъ безпокойствомъ взиралъ на нихъ. Я такъ и ждалъ, что они вынутъ казенныя подорожныя и скажутъ: а ну-те, предъявляйте свои сердца! И тогда прощай, Эмсъ! прощайте, Баденъ-Баденъ, Интерлакенъ, Парижъ! Одинъ былъ малаго роста, сложенъ кряжемъ и назывался по фамиліи Дыба; другой былъ длиненъ, сухощавъ, извивался и сокращался, словно змѣй, и назывался по фамиліи Удавъ. Оба состояли въ чинѣ безшабашнаго совѣтника, и у каждаго было по трещинѣ вдоль черепа. Одинъ прошелъ школу графа Михаила Николаевича въ качествѣ чиновника для преступленій; другой прошелъ школу графа Алексѣя Андреевича, въ качествѣ чиновника для чтенія въ сердцахъ. Оба служатъ представителями новой департаментско-курьерской аристократіи. У одного въ гербѣ была изображена, въ червленомъ полѣ, рука, держащая серебряную урну, съ надписью: *не пролей!* у другого — на серебряномъ полѣ — рука, держащая золотую урну съ надписью: *содержи въ опрятности!* Изъ чего дозволялось заключать, что оба происходятъ не отъ Рюрика. Оба въ юныхъ лѣтахъ думали скончать жизнь въ столоначальническихъ должностяхъ, но, благодаря беззавѣтной свирѣпости при исполненіи начальственныхъ предписаній, были замѣчены, понравились и удостоены повышенія въ чинахъ и должно-

стяхъ. И въ довершеніе всего у обоихъ, по смерти, вмѣсто монументовъ, будетъ воткнуто на могилахъ по осиновому колу. Спрашивается, въ виду столь жестоковыйныхъ идоловъ можно ли было не трепетать, пока Эйдткуненъ не предсталъ передъ нами въ качествѣ несомнѣнной дѣйствительности?

И въ самомъ дѣлѣ, въ Эйдткуненѣ картина измѣнилась какъ бы волшебствомъ. Винтившіе бросили русскія карты и на первыхъ порахъ какъ бы совѣстились продолжать винтъ въ нѣмецкомъ вагонѣ. Пассажиры, роптавшіе на женъ, смирились, а тѣ, которые ожидали милости отъ „батюшки-Берлина“, прочитавши: der Kurs 213, окончательно убѣдились, что за саранчу не похвалятъ. Что же касается до государственныхъ старцевъ, то я просто ихъ не узналъ. Какъ только съ нихъ сняли въ Эйдткуненѣ чины, такъ они тотчасъ же отлучились и, выпустивъ угнетавшую ихъ государственность, всѣмъ безъ разбора начали подмигивать. И шафнеру нѣмецкаго вагона, и француженкѣ, ѣхавшей въ Парижъ за товаромъ, и даже мнѣ... И всѣмъ, казалось, говорили: не таите помышленій вашихъ, ибо нынче у насъ въ Петербургѣ... вольно!

И вотъ, едва мы размѣстились въ новомъ вагонѣ (мнѣ пришлось сѣсть въ одномъ спальномъ отдѣленіи съ безшабашными совѣтниками), какъ тотчасъ же бросились къ окнамъ и начали смотрѣть.

Природа, которая открывалась передъ нами, мало чѣмъ отличалась отъ только-что оставленной мною природы русско-чухонскаго поморья, въ пескахъ котораго ютилось знакомое читателю Монрепо. Та же низменная равнина, тѣ же рудожелтые пески, въ перемежку съ торфяными низинками. Но ни кочкарника, ни мховъ, ни лѣзущаго отовсюду лозняка, ни еле дышущей, одиноко стоящей и во всѣ стороны гнетущейся березки—и въ поминѣ нѣтъ. И справа, и слѣва тянутся засѣянныя поля, къ которымъ гораздо болѣе идетъ эпитетъ „необозримыхъ“, нежели, напримѣръ, къ полямъ Тверской или Ярославской губерній и вообще средней полосы Россіи. Я видалъ такія обширныя полевыя пространства въ южной половинѣ Пензенской губерніи, но подъ опасеніемъ возбудить въ читателѣ недовѣріе утверждаю, что репутація производства такъ-называемыхъ „буйныхъ“ хлѣбовъ гораздо съ бо̀льшимъ правомъ можетъ быть примѣнена къ обнаженному природой прусскому поморью, нежели къ чембарскимъ благословеннымъ нажитямъ, гдѣ, какъ разсказываютъ, глубина черно-

земнаго слоя достигаетъ двухъ аршинъ. Въ Чембарѣ такъ долго и легкомысленно разсчитывали на безконечную способность почвы производить *буйные* хлѣба, что и не видали, какъ поля вынахались и хлѣба присмирѣли. Здѣсь же, очевидно, ни на какія великія и богатыя милости не разсчитывали, а, напротивъ, и денно, и нощно только одну думу думали: какъ бы среди песковъ да болотъ съ голоду не подохнуть. Въ Чембарѣ говорили: „а въ случаѣ ежели Богъ дождичка не пошлетъ, такъ намъ, братцы, и помирать не въ диковину!“ а въ Эйдткуненѣ говорили: „тамъ какъ будетъ угодно насчетъ дождичка распорядиться, а мы помирать не согласны!“

Почему на берегахъ Вороны говорили едно, а на берегахъ Прегеля другое—это я рѣшить не берусь, но положительно утверждаю, что никогда въ чембарскихъ палестинахъ я не видалъ такихъ *буйныхъ* хлѣбовъ, какіе мнѣ удалось видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ между Вержболовомъ и Кёнигсбергомъ, и въ особенности дальше, къ Эльбингу. Это было до такой степени неожиданно (мы всѣ заранѣе зарядились мыслью, что у нѣмца хоть шаромъ покати, и что безъ нашего хлѣба нѣмецъ подохнетъ), что нѣкто изъ ѣхавшихъ рискнулъ даже замѣтить:

— Вотъ увидите, что скоро отсюда къ намъ хлѣбъ возить станутъ!

На что другой ѣхавшій патріотически-задумчиво пробормоталъ:

— Ну, это ужъ, кажется, не тово... Этакъ, братъ-колбаса, ты пожалуй и вовсе насъ въ полонъ заберешь!

Но этого мало, что хлѣба у нѣмца на пескахъ родятся буйные—у него и коровамъ не житье, а рай, благодаря изобилію луговъ. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ (тотъ же торфъ) выйдешь, бывало, въ Монрепо посмотрѣть, какъ оно тамъ произрастаетъ,—и разомъ дѣлается какъ-то нестерпимо скучно. Кажется, все было сдѣлано: и канавы въ прошломъ году по осени чистили, и золото изъ Кронштадта цѣлую зиму возили и по полянкамъ разбрасывали, а все проку нѣтъ. Куда ни глянешь—либо мохъ сплошной, либо какая-то бурая болячка, либо цѣлая щетка молоденькихъ березокъ выскочила, и только гдѣ-гдѣ занялась настоящая трава. Ну, разумѣется, сейчасъ слѣдствіе.

— Иванъ! да точно ли вы золото изъ Кронштадта здѣсь валили?

— Помилуйте! вотъ и бумажки-съ!

— Ну, стало быть, канавы осенью не прочистили какъ слѣдуетъ?

— И канавы нельзя лучше чистили, только въ нихъ вода, вишь, стоитъ...

— Отчего жъ она не стекаетъ?

— Да стёку ей нѣтъ—оттого. Еще спервоначалу Иванъ Павлычъ (прежній вотчинникъ), какъ только эти самые луга затѣялъ—все стёку искалъ. Сыщетъ, анъ на слѣдующую вёсну его пескомъ затянетъ, — давай песокъ разгребать. До воли мужикъ-отъ дешевъ былъ, разгребутъ стёкъ, канавы на-ново вычистятъ, — трава-то и уродится; а какъ подошла воля, разгребать-то и некѣмъ стало. По канавкамъ лознякъ пошелъ, по полянкамъ мохъ выскочилъ, затягиваетъ каждый годъ да и шабашъ. Ну. Иванъ Павлычъ-то видитъ, что ежели тутъ хозяйствовать, такъ послѣдніе штаны съ себя снять придется,—осердился, плюнулъ и продалъ всю палестину. „Пропадайте, говоритъ, вы пропадомъ, а я на теплыя воды ѣздить стану!“

И точно, какъ ни безнадежно заключеніе Ивана Павлыча, но нельзя не согласиться, что ѣздить на теплыя воды все-таки удобнѣе, нежели пропадать пропадомъ въ Петергофскомъ уѣздѣ. Есть люди, у которыхъ такъ и въ гербахъ значится: пропадайте вы пропадомъ, —пускай они и пропадаютъ. А намъ съ Иваномъ Павлычемъ это не съ руки. Мы лучше въ Эмсъ поѣдемъ да легкія пообчистимъ, а на зиму опять вернемся въ отечество: неужто, моль, петергофскіе-то еще не пропали?

— Послушай однакожъ, Иванъ! какъ же мужики-то? у нихъ вѣдь надѣлъ... обезпеченіе, братецъ, вѣдь это! Неужто-жъ и они стёку не могутъ сыскать?

— И мужики тоже бьются. Никто здѣсь на землю не надѣется, всѣ отъ нея бѣгутъ да около кое-чего побираются. Вонъ она, мельница-то наша, который ужъ мѣсяцъ пустая стоитъ! Кругомъ на двадцать верстъ другой мельницы нѣтъ, а для нашей врядъ до филиппова заговѣнія помолу достанетъ. Вотъ хлѣба-то здѣсь каковы!

Таковы порядки въ Монрепо. А здѣсь, подъ Петербургомъ, съумѣли и стёкъ отыскать, и луга расчистить, и коровье житье устроить. Вездѣ канавы чистыя, безъ лозняка, и вездѣ вынутый изъ канавъ торфъ сформованъ и сложенъ въ стѣнки. Этимъ торфомъ и отапливаются, и сдабриваютъ поля. Даже лѣсъ — и тотъ совсѣмъ

не такъ безнадежно здѣсь смотритъ, какъ привыкли думать мы, отапливающіе кизякомъ и гречневой шелухой наши жилища на берегахъ Лонани и Вореклы. Съ чего-то мы вообразили себѣ (должно быть, Печорскіе лѣса слишкомъ часто намъ во снѣ снятся), что какъ только перевалишь за Вержболово, такъ тотчасъ же представится глазамъ голое пространство, лишенное всякой лѣсной растительности. „Кабы не мы, нѣмцу протониться бы нечѣмъ“ — эта фраза пользуется у насъ почти такою же популярностью, какъ и та, которая удостовѣряетъ, что безъ нашего хлѣба нѣмцу пришлось бы съ голоду подохнуть. Въ дѣйствительности же всѣ горы Германіи покрыты отличнѣйшимъ лѣсомъ, да и въ Балтійскомъ поморьѣ недостатка въ немъ нѣтъ. Вотъ подъ Москвой, такъ точно что нѣтъ лѣсовъ, и та цѣна, которую здѣсь, въ виду Курилгафа, платятъ за дрова (до 28 марокъ за клафтеръ, около $1^1/_2$ саж. нашего швырка), была бы для Москвы истинною благодатью, а для береговъ Лонани, пожалуй, даже баснословіемъ. И замѣтьте, что если цѣна на топливо здѣсь все-таки достаточно высока, то это только потому, что Германія вообще скупа на тѣ произведенія природы, которыя возобновляются лишь въ продолжительный періодъ времени. А пришлите-ка сюда похозяйничать русскаго лѣсничаго съ двумя-тремя русскими лѣсопромышленичками — они разомъ всѣ рынки запрудятъ такой массой дровъ, что послѣднія немедленно подешевѣютъ на половину...

Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что прусское правительство изстари производило въ восточной Пруссіи опыты разработки земли въ обширныхъ размѣрахъ и тратило на это громадныя суммы, безъ всякой надежды на ихъ возвратъ... Чтожъ! противъ этого я, конечно, ничего возразить не имѣю.

Между тѣмъ нашъ поѣздъ на всѣхъ парахъ несся къ Кенигсбергу; въ глазахъ мелькали разноцвѣтныя поля, луга, лѣса и деревни. Физіономія крестьянскаго двора тоже значительно видоизмѣнилась противъ до-вержболовской. Изба съ выбѣленными стѣнами и черепичной крышей глядѣла веселѣе, довольнѣе, нежели до-вержболовскій почернѣвшій срубъ съ всклокоченной соломенной крышей. Это было *жилище*, а не изба въ той формѣ, въ какой мы, русскіе, привыкли себѣ ее представлять.

Я смотрѣлъ вмѣстѣ съ прочими на эту картину и невольно задумывался. Я не скажу, чтобъ сравненія, которыя при этомъ сами со-

бой возникали, были обиды для моего самолюбія (у меня на этотъ случай есть въ запасѣ прекрасная поговорка: моя изба съ краю), но не могу скрыть, что чувствовалась какая-то непобѣдимая неловкость. Передо мной воочію метался тотъ „повинный работѣ“ человѣкъ, который, выбиваясь изъ силъ, надрываясь и проливая кровавый потъ, въ награду за свою вѣчную страду получитъ кусокъ мякиннаго хлѣба. Есть что-то мучительно-загадочное въ этомъ сопоставленіи мякиннаго хлѣба и вѣчной страды. Какимъ образомъ выработалось это сопоставленіе, и почему оно вылилось въ такую неподвижную форму, что скорѣе можно разбить себѣ лобъ, чѣмъ видоизмѣнить ее? Ужели на этотъ вопросъ никогда не будетъ другого отвѣта, кромѣ: не твое дѣло?

Пусть читатель не думаетъ, однакожъ, что я считаю прусскіе порядки совершенными и прусскаго человѣка счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Я очень хорошо понимаю, что среди этихъ отлично возлѣланныхъ полей рѣчь идетъ совсѣмъ не о распредѣленіи богатствъ, а исключительно о накопленіи ихъ; что эти поля, луга и выбѣленныя жилища принадлежатъ такимъ же толстосумамъ-буржуа, какимъ въ городахъ принадлежатъ дома и лавки, и что за каждымъ изъ этихъ толстосумовъ стоятъ десятки кнехтовъ, въ пользу которыхъ выпадаетъ очень ограниченная часть этого краснаго довольства.

Я нимало не сомнѣваюсь, что въ званіи кнехта очень мало лестнаго: но развѣ кнехты родятся только начиная съ Эйдткунена? развѣ политико-экономическія основанія, которыя практикуются подъ Нистербургомъ, не совершенно равносильны тѣмъ, которыя практикуются и подъ Петергофомъ? Увы! я совершенно искренно убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи объ мѣстности могутъ аттестовать себя равно способными и достойными, и что нистербургскій толстосумъ едва-ли даже не менѣе жаденъ, нежели, напримѣръ, купецъ Колупаевъ, который разостлалъ паутину кругомъ Монрепо. Я знаю, что многіе думаютъ такъ: мы бѣдны, но зато у насъ на первомъ планѣ распредѣленіе богатствъ; однакожъ, по мнѣнію моему, это только одни слова. Повѣрьте, что въ Петергофскомъ уѣздѣ распредѣленіе богатствъ гораздо въ большей степени зависитъ отъ господина Колупаева, нежели въ Нистербургскомъ уѣздѣ отъ господина Гехта (Hecht — щука). И я убѣжденъ, что если бы Колупаеву даже во сиѣ приснилось распредѣленіе, то онъ скорѣе самъ на себя донесъ

бы исправнику, нежели допустилъ бы подобную пропаганду на практикѣ. Стало быть, никакого „распредѣленія богатствъ“ у насъ нѣтъ, да, сверхъ того, нѣтъ и накопленія богатствъ. А есть простое и наглое расхищеніе.

И еще говорятъ: въ Россіи не можетъ быть пролетаріата, ибо у насъ каждый бѣднякъ есть членъ общины и надѣленъ участкомъ земли. Но говорящіе такимъ образомъ, прежде всего, забываютъ, что существуетъ громадная масса мѣщанъ, которая изстари не имѣетъ иныхъ средствъ существованія, кромѣ личнаго труда, и что, съ упраздненіемъ крѣпостного права, къ мѣщанамъ присоединилась еще цѣлая масса бывшихъ дворовыхъ людей, которые еще менѣе обезпечены, нежели мѣщане. А кромѣ того забываютъ еще и то, что около каждаго „обезпеченнаго надѣломъ“ выскочилъ Колупаевъ, который высоко держитъ знамя кровопійства, и ежели не зоветъ еще „обезпеченныхъ“ кнехтами, то уже довольно откровенно отзывается объ мужикѣ, что „въ немъ только тогда и прокъ будетъ, коли ежели его съ утра до ночи на работѣ морить“.

Вмѣсто того, чтобъ увѣрять всуе, что вопросъ о распредѣленіи уже разрѣшенъ нами на практикѣ, мнѣ кажется — приличнѣе было бы взглянуть въ глаза Колупаевымъ и Разуваевымъ и разоблачить детали того кровопійственнаго процесса, которому они предаются безъ всякой опаски, при свѣтѣ дня. Cur? quomodo? и въ особенности—quibus auxilliis? Вотъ если это quibus auxilliis какъ слѣдуетъ выяснить, тогда самъ собою разрѣшится и другой вопросъ: что такое современная русская община и кого она напаче обезпечиваетъ—общинниковъ или Колупаевыхъ?

А то выдумали: нечего намъ у нѣмцевъ заимствоваться: покудаде они надъ „накопленіемъ“ корпятъ, мы, того гляди, и политическую-то экономію совсѣмъ упразднимъ. Такъ и упразднили... упразднители! Вотъ ужо прослышитъ объ вашемъ самохвальствѣ купецъ Колупаевъ, да *quibus auxilliis* и спроситъ: „а знаете ли вы, робята, какъ кузькину сестрицу зовутъ?“ И придется вамъ на этотъ вопросъ по сущей совѣсти отвѣтъ держать.

Вообще я полагаю, что у насъ практически заниматься вопросомъ о „распредѣленіи богатствъ“ могутъ только Политковскіе да Охапцевы. Эти не поцеремонятся: придутъ, распредѣлятъ, и никто ихъ ни потрясателями основъ, ни съятелями превратныхъ толкова-

ній не назоветъ, потому что они воры, а не свѣтели. „Да и теоретически заняться этимъ вопросомъ, то-есть разговаривать или писать объ немъ — тоже дѣло неподходящее, потому что для этого нужно выполнить множество подготовительныхъ работъ по вопросамъ о кузькиной сестрѣ, о бараньемъ рогѣ, о макарѣ телятъ не гоняющемъ, объ истинномъ значеніи слова: „фонтъ“, и т. п. Спрашивается: много ли найдется людей, которымъ такой трудъ по силамъ? Напротивъ того, въ Пистербургѣ подготовительныя работы этого рода уже упразднены, такъ что теоретической разработкой вопроса о распредѣленіи можно заниматься и безъ нихъ. Ибо это вопросъ человѣческій, а здѣсь съ давнихъ поръ повелось, что человѣку о всѣхъ до человѣка относящихся вопросахъ и говорить, и разсуждать, и писать свойственно. У насъ же свойственно говорить, разсуждать и писать: ура!

Итакъ, въ Эйдткуненѣ кнехты и въ Вержболовѣ кнехты; въ Эйдткуненѣ—господинъ Гехтъ, въ Вержболовѣ—господинъ Колупаевъ; въ Эйдткуненѣ нѣтъ распредѣленія, но есть наконленіе; въ Вержболовѣ тоже нѣтъ распредѣленія, но нѣтъ и наконленія. Вотъ въ какомъ положеніи находятся дѣла. Однакожъ я былъ бы неправъ, еслибы скрылъ, что на сторонѣ Эйдткунена есть одно важное преимущество, а именно: общее признаніе, что человѣку свойственно человѣческое. Допустимъ, что признаніе это еще робкое и неполное, и что господинъ Гехтъ, конечно, употребитъ все отъ него зависящее, чтобъ не допустить его чрезмѣрнаго распространенія, но несомнѣнно, что просвѣтъ уже существуетъ, и что кнехтамъ отъ этого хоть капельку да веселѣе.

Мнѣ кажется, что это признаніе есть начало всего, и что изъ него должно вытечь все то разумное и благое, на чемъ зиждется прочное устройство обществъ. Только тогда, когда это признаніе сдѣлается совершившимся фактомъ, смягчатся нравы, укротится людская дикость, исчезнутъ расхитители, процвѣтутъ науки и искусства, и даже начнутъ родиться „буйные“ хлѣба. И ежели разъ общество добилось этого признанія, то нужно, чтобъ оно держалось за него крѣпко и помнило всеминутно, что чѣмъ шире прольется въ жизнь струя „человѣческаго“, тѣмъ свѣтлѣе, счастливѣе, благодатнѣе будетъ литься существованіе самого общества. Но во всякомъ случаѣ достиженіе этого признанія должно быть первою и главнѣйшею цѣлью

всего общества, и худо рекомендуетъ себя та страна, гдѣ сейчасъ слышится: отнынѣ вы можете открыто выражать ваши мысли и желанія, а слѣдомъ затѣмъ: а ну-те, посмотримъ, какъ-то вы будете открыто выражать ваши мысли и желанія! Или: отнынѣ вы будете сами свои дѣла вѣдать, а слѣдомъ затѣмъ: а ну-те, попробуйте и т. д. Такому обществу ничего другого не остается, какъ дать подписку, что члены его всѣ до единаго, отъ мала до велика, во всякое время помирать согласны.

Надо сказать правду, въ Россіи въ наше время очень рѣдко можно встрѣтить довольнаго человѣка (конечно, я разумѣю исключительно культурный классъ, такъ какъ некультурнымъ людямъ нѣтъ времени быть недовольными). Кого ни послушаешь, всѣ на что-то негодуютъ, жалуются, вопіютъ. Одинъ говоритъ, что слишкомъ мало свободъ даютъ, другой—что слишкомъ много; одинъ ропщетъ на то, что власть бездѣйствуетъ, другой—на то, что власть черезъ-чуръ достаточно дѣйствуетъ; одни находятъ, что глупость насъ одолѣла, другіе — что слишкомъ мы умны стали: третьи, наконецъ, участвуютъ во всѣхъ пакостяхъ и, хохоча, приговариваютъ: ну, гдѣ такое безобразіе видано?! Даже расхитители казеннаго имущества — и тѣ недовольны, что скоро нечего расхищать будетъ. И всякій требуетъ лично для себя конституціи: мнѣ, говоритъ, подай конституцію, а прочіе пусть, по прежнему, довольствуются рапами и скорпіонами.

Эта всеобщность недовольства, сопряженная съ пожеланіемъ самыхъ пріятныхъ проектовъ лично для себя и съ полнѣйшимъ равнодушіемъ относительно жизненной обстановки сосѣда, представляется для меня фактомъ тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что фрондерство повидимому заползаетъ въ сердце самыхъ твердынь. И вдобавокъ фрондерство до того разношерстное, что уловить оттѣнки его (а стало быть и удовлетворить капризныя требованія этихъ оттѣнковъ) нѣтъ никакой возможности. За примѣрами ходить недалеко. Когда дѣлили между чиновниками сначала западныя губерніи, а впослѣдствіи Уфимскую, то мы были свидѣтелями явленій по истинѣ поразительныхъ. Казалось бы, ужъ на что лучше: урвалъ кусокъ казеннаго пирога—и проваливай. Такъ нѣтъ же, тутъ-то именно и разыгрались во всей силѣ свара, ненависть, глумленіе и всякое безстыжество, глав-

ною мишенью для которыхъ — увы! — послужила именно та самая неоскудѣвающая рука, которая и дѣлежку-то съ тою спеціальною цѣлью предприняла, чтобъ угобзить господъ чиновниковъ и, само собой разумѣется, въ то же время положить начало корпораціи довольныхъ. Пускай, молъ, хоть малый прыщъ вначалѣ вскочитъ, а потомъ, не торопясь да Богу помолясь, и большого волдыря дождемся...

А между тѣмъ вышло совсѣмъ, совсѣмъ напротивъ.

И помню, иду я, въ разгаръ одного изъ такихъ дѣлежей, по Невскому и думаю: непремѣнно встрѣчу кого-нибудь изъ знакомыхъ, который хоть что-нибудь да утащилъ. Узнаю, какъ и что̀, да тутъ же ужъ кстати и поздравлю съ благополучнымъ похищеніемъ. И точно, едва я успѣлъ сойти съ Аничкина моста, смотрю — его превосходительство Петръ Петровичъ идетъ.

— Урвали?—спрашиваю!

— Помилуйте! на что похоже! выбросили кусокъ, да еще ограничиваютъ! Говорятъ: пользуйся такъ-то и такъ-то: лѣсу не рубн, травы не мни, рыбы не лови! А главное, не смѣй продавать, а эксплуатируй постепенно самъ! Вѣдь только у насъ могутъ *проходить даромъ* подобныя нелѣпости.

— Се... да вѣдь, я думаю, это больше на бумагѣ, а на дѣлѣ вѣроятно...

— Еще бы! Поймите, развѣ естественно, чтобъ человѣкъ самъ себѣ зложелательствовалъ! Лѣсу не рубн! ахъ, чортъ побери! Да я и сейчасъ весь лѣсъ на срубъ продалъ... ха-ха!

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, встрѣчаю его превосходительство Ивана Иваныча.

— Урвали?

— Получилъ, между прочимъ, и я; да, кажется, только грѣхъ одинъ. Помилуйте! плѣнь какую-то отвалили! Ни рѣки, ни лѣсу — ничего! „Черноземъ“, говорятъ. Да чорта ли мнѣ въ вашемъ „черноземѣ“, коли цѣна ему — грошъ! А коллегѣ моему Ивану Семенычу — оба вѣдь подъ одной державой, кажется, служимъ — тому такое же количество лѣса на подборъ дерево къ дереву отвели! да при рѣкѣ, да въ семи верстахъ отъ пристани! Нѣтъ, батенька, не доросли мы! Ой-ой, какъ еще не доросли! Оттого у насъ подобныя дѣла и могутъ *проходить даромъ!*

— Ваше превосходительство! да вы бы на мѣсто съѣздили, осмотрѣлись бы, посовѣтовались бы, да и тово... Въ старину говаривали: по нуждѣ и закону премѣна бываетъ; а нынче то же изреченіе только въ другой редакціи выразить — смотришь и выйдетъ: по нуждѣ и черноземy премѣна бываетъ! И будетъ у васъ вмѣсто плѣши густо ростущій лѣсъ!

— А что вы думаете, вѣдь это идея! съѣздить развѣ въ самомъ дѣлѣ... ха-ха! Вѣдь у насъ... Право, отличная штука выйдетъ! Все была плѣшь, и вдругъ на ней строевой лѣсъ выросъ... ха-ха! Вѣдь у насъ волшебства-то эти... ха-ха! Благодарю, что надоумили! Съѣзжу, непремѣнно съѣзжу... ха-ха!

Еще нѣсколько шаговъ—идетъ на встрѣчу его превосходительство Терентій Терентьичъ. Этотъ даже вопроса не выжидаетъ, прямо заливается-хохочетъ.

— Ха-ха! вѣдь и меня надѣлили! Какъ же! заполучилъ-таки тысячки двѣ черноземцу! Вотъ такъ потѣха была! Хотите? говорятъ. Ну, какъ, молъ, не хотѣть: съ моимъ, говорю, удовольствіемъ! А! какова потѣха! Да, батенька, только у насъ такія дѣла могутъ *дома проходить*! Да-съ, только у насъ-съ. Общественнаго мнѣнія нѣтъ, печать безмолвствуетъ—валяй по всѣмъ по тремъ! Ха-ха!

Вотъ какіе результаты произвелъ фактъ, который въ принципѣ долженъ былъ пролить миръ и благоволеніе въ сердцахъ получателей. Судите по этимъ образчикамъ, насколько наивны должны быть люди, которые мечтаютъ, что есть какая-нибудь возможность удовлетворить человѣка, который урываетъ кусокъ пирога и тутъ же выдаетъ головой и самого себя, и своихъ благотворителей?

Но ежели такое смѣшливое настроеніе обнаруживаютъ даже люди получившіе посильное угобженіе, то съ какими же чувствами должны относиться къ дирижирующей современности тѣ, которые не только ничего не урвали, но и въ будущемъ никакой надежды на угобженіе не имѣютъ? Ясно, что они должны представлять собою сплошную массу волнуемыхъ завистью людей.

— Сказываютъ, что въ Вятской губерніи еще полезные лѣсочки втунѣ лежатъ?—говорилъ мнѣ на-дняхъ одинъ безпардонный совѣтникъ, о которомъ при дѣлёжкахъ почему-то не вспомнили.

Передъ этимъ онъ только-что сквернословилъ, ронталъ и вонилъ. Разсказывалъ расхитительные анекдоты, цитировалъ свой фор-

мулярный списокъ, перечислялъ по пальцамъ свои формулярныя преступленія и доказывалъ какъ дважды два, что преступленія, совершонныя тѣми, которымъ судьба поблагопріятствовала при дѣлёжкѣ, ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя выпали на долю его, обдѣленнаго безшабашнаго совѣтника. И вдругъ, въ самомъ разгарѣ сквернословія, вспомнилъ, что остается еще въ резервѣ Вятская губернія, и умилился. Ласковыми глазами глянулъ онъ мнѣ въ глаза, какъ бы ища въ нихъ подтвержденія, что Вятская губернія еще не ушла. Глядѣлъ и какъ-то покорно ждалъ. Однакожъ я, по совѣсти, не могъ доставить ему искомаго утѣшенія. Во-первыхъ, я долженъ былъ указать ему, что нынѣ начальство строгое, и никакихъ территоріальныхъ усовершенствованій, ради него, безшабашнаго совѣтника, въ Вятской губерніи не допуститъ; во-вторыхъ, я вынужденъ былъ объяснить, что хотя и дѣйствительно слыхивалъ о полезныхъ лѣсочкахъ въ Вятской губерніи, но это было ужъ очень давно, такъ что теперь отъ этихъ лѣсочковъ остались одни пеньки.

— Ну, вотъ!—воскликнулъ онъ горестно:—не говорилъ ли я вамъ! Гдѣ это видано! гдѣ допустили бы такое расхищеніе! давно ли такая, можно сказать, непроходимость была — и вдругъ на-лицо одни пеньки!

И вновь во всю мочь принялся сквернословить, роптать на начальство и вопіять объ отмщеніи.

Вообще было бы и любопытно, и поучительно изучать современную культурную Россію съ точки зрѣнія сквернословія. Разсмотрѣть въ подробности этихъ алчущихъ наживы, вѣчно хватающихъ и все-таки живущихъ со дня на день людей; опредѣлить резонъ, на основаніи котораго они находятъ возможнымъ существовать, а затѣмъ въ этой безшабашной массѣ отыскать, если возможно, и человѣка, который имѣетъ понятіе о „собственныхъ средствахъ“, который помнитъ свой вчерашній день и знаетъ навѣрное, что у него будетъ и завтрашній день. Увы! я вполнѣ искренно убѣжденъ, что работа будетъ трудная, такъ какъ люди второй категоріи составляютъ положительную диковину.

Петербургъ полонъ наглыми, мечущимися людьми, которые хватаютъ и тутъ же сыплютъ нахватаннымъ, которые вѣчно глотаютъ и никогда не насыщаются, и вдобавокъ даже не даютъ себѣ труда воздерживаться отъ цинической хохота, который возбуждаетъ въ нихъ

самихъ ихъ безнаказанность. Могутъ ли эти люди сознавать себя довольными? Могутъ ли они не скрежетать зубами, видя, что жизнь, несмотря на то, что они всячески стараются овладѣть ею, все-таки не представляетъ вполнѣ обезпеченнаго завтрашняго дня?—Нѣтъ, по совѣсти, не могутъ. Ибо самое безпорядочное положеніе вещей—и то не въ состояніи удовлетворить той безпредѣльной жажды стяжанія, суеты и безпорядочности, которыя въ ихъ глазахъ составляютъ истинный идеалъ безпечальнаго житія. Вѣчный праздникъ, вѣчное скитаніе на чужой счетъ—очевидно, что никакое начальство, какъ бы оно ни было всемогуще не можетъ безсрочно обезпечить подобное существованіе.

Что же касается до провинціи, то, по моему мнѣнію, масса ропщущихъ и воющихъ должна быть въ нихъ еще компактнѣе, хотя причины, обусловливающія недовольство, имѣютъ здѣсь совершенно иной характеръ. Все здѣсь соединилось, чтобъ изъ безконечнаго нытья сдѣлать обычный провинціальный modus vivendi. И голодное житье, и неспособность приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, и насильственная праздность, и удаленность отъ пирога, и отсутствіе правильныхъ устоевъ жизни—все идетъ на встрѣчу провинціалу, все ставитъ ему непреодолимыя препоны на пути, все запутываетъ, заставляетъ останавливаться въ недоумѣніи. Выкупныя ссуды проѣдены или прожиты такъ, что почти, можно сказать, спущены въ ватерклозетъ. Желѣзнодорожными концессіями воспользовались немногіе шустрые, которые украли и удрали въ Петербургъ. Правда, остаются еще мировые суды и земства, около которыхъ можно бы кой-какъ пощечиться, но, во-первыхъ, ни тѣ, ни другія не въ силахъ пріютить въ своихъ нѣдрахъ всѣхъ изувѣченныхъ жизнью, а во-вторыхъ развѣ „благородному человѣку“ можно остаться довольнымъ какими-нибудь полуторами-двумя тысячами рублей, которые предоставляетъ нищенское земство? Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что и въ провинціи уже успѣло образоваться довольно компактное сословіе „кровопивцевъ“, которые не имѣютъ причинъ причислять себя къ лику недовольныхъ; но вѣдь это именно тѣ самые люди, о которыхъ уже говорено выше, и которые, въ одно и то же время, и пирогъ зубами рвутъ, и глумятся надъ рукою, имъ благодѣющею.

— Ну, ужъ времечко!—говоритъ купецъ Колупаевъ сосѣду

своему купцу Разуваеву, удивляясь, что оба они сидятъ на волѣ, а не въ острогѣ.

— Такое время, Иванъ Прокофьичъ, что только не зѣвай! — поясняетъ купецъ Разуваевъ.

— Такъ-то такъ, а только... И откуда только онѣ берутся, эти деньги, прахъ ихъ побери!

И оба уходятъ, каждый подъ свою смоковницу, оба продолжаютъ кровопивствовать, и каждый въ глубинѣ души говоритъ: „Ну, гдѣ жъ это видано? у какихъ такихъ народовъ слыхано... ахъ, прахъ-те побери!“

Нѣтъ, даже Колупаевъ съ Разуваевымъ—и тѣ недовольны. Они, конечно, понимаютъ, что „жить понѣ очень неспособно, но въ то же время не могутъ не тревожиться, что есть тутъ-что-то „необыкновенное“, чудное, что, идя по этой покатости, можно, того гляди, и голову свернуть. И оба начинаютъ просить „конституціевъ“... Намъ чтобъ „конституціевъ“ дали, а толкователевъ чтобъ къ намъ подъ началъ опредѣлили, да чтобъ за печатью: и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

. . . . . .

Натурально, я понималъ, что около меня цѣлый вагонъ кишитъ фрондёрами, и только ожидалъ отвала изъ Эйдткунена, чтобъ увидѣть цвѣтеніе этого фрондёрства въ самомъ его разгарѣ. Но, признаюсь, всего болѣе меня интересовали въ этомъ отношеніи безшабашные совѣтники. Наравнѣ съ другими они любознательно вглядывались въ разстилавшуюся по обѣимъ сторонамъ дороги долину, и почему-то мнѣ казалось, что они дѣлаютъ это не спроста́. Навѣрное, думалось мнѣ, они смотрятъ и въ то же время какое-нибудь мѣропріятіе выдумываютъ. Не въ родѣ тѣхъ, какія у насъ, „въ прекрасномъ далекѣ“, черезъ часъ по ложкѣ прописываютъ, а такое, чтобъ сразу совсѣмъ тошно сдѣлалось. Ужъ, за границей, на досугѣ выдумаютъ, а домой пріѣдутъ—изложатъ. Сколько смѣху-то будетъ!

Говоря по совѣсти, безшабашные совѣтники не только мнѣ не претятъ, но я чувствую къ нимъ почти непозволительную слабость. Все въ нихъ мнѣ нравится: и неожиданность сужденій, и безыскусственная несвязность рѣчей, и простодушная готовность во всякое время совершить какое угодно мѣропріятіе. Даже трещина въ черепѣ, которая постепенно, по мѣрѣ утолщенія формулярнаго списка, у каж-

даго изъ нихъ образовывается,—и та не представляется мнѣ зазорною, ибо я знаю, что она установлена для того, чтобъ предписанія начальства быстрѣе доходили по назначенію. Бояться безшабашныхъ совѣтниковъ я, конечно, считаю своею прирожденною обязанностью, но боюсь не потому, чтобъ они представлялись мнѣ преисполненными злобы, а потолику, поколику они являются вмѣстителями казеннаго интереса. По казенной надобности они воспламеняются и свирѣпѣютъ съ изумительной легкостью, но въ домашнемъ быту, и въ особенности на водахъ за границею, они такіе же люди, какъ и прочіе. У большинства ихъ есть семейства, въ которыхъ они являются нѣжными супругами и любящими отцами, а у нѣкоторыхъ, сверхъ того, имѣются и француженки, которыхъ они, разумѣется, содержатъ на казенный счетъ. Въ качествѣ партикулярныхъ людей многіе изъ нихъ не прочь почитать и даже „писну́ть“ что-нибудь въ Карамзинско-Державинскомъ родѣ. Затѣмъ всѣ вообще любятъ получать хорошія содержанія и аренды. Словомъ сказать, это обыкновенные „русскіе люди“, у которыхъ брюхо болитъ, если гдѣ плохо лежитъ. Разумѣется однакожъ, еслибы меня спросили, могу ли я хоть на одинъ часъ поручиться, чтобъ такой-то безшабашный совѣтникъ, будучи предоставленъ самому себѣ, чего-нибудь не накуралесилъ, то я отвѣтилъ бы: нѣтъ, не могу! Но такъ какъ никто объ этомъ меня не спрашиваетъ, то я ограничиваюсь тѣмъ, что озираюсь по сторонамъ и шепчу: твори, Господи, волю свою! И затѣмъ, когда встрѣчаюсь съ безшабашнымъ совѣтникомъ лицомъ къ лицу, то стоитъ только мнѣ представить себѣ, что я иду мимо монумента, который, того гляди, на меня упадетъ,—и я спокоенъ. Ну, упадетъ, ну, раздавитъ—только и всего. А можетъ быть и не на меня упадетъ, а на другого, или и совсѣмъ ни на кого не упадетъ, а просто останется стоять на страхъ врагамъ. Ибо, повторяю, тутъ все зависитъ отъ того, какая въ данную минуту казенная надобность на очереди состоитъ.

Вообще я весьма неохотно завиняю людей и знаю очень мало такихъ, которые были бы съ ногъ до головы противоестественны. Но не могу умолчать, что дѣятельность большинства встрѣчаемыхъ нами нѣжныхъ супруговъ и любящихъ отцовъ очень мало мнѣ симпатична. Есть между ними такіе, которые представляютъ собой какъ бы неистощимый сосудъ вреднѣйшихъ мѣропріятій, и есть другіе, которые хотя самостоятельно мѣропріятій не выдумываютъ, но имѣютъ

спеціальностью усугублять вредоносную сущность чужихъ выдумокъ. Бываютъ даже такія личности, которыя, покуда одѣты въ партикулярное платье, перелагаютъ Давидовы псалмы, а какъ только надѣнутъ вицъ-мундиръ, такъ тотчасъ же начинаютъ читать въ сердцахъ постороннихъ людей, хотя бы послѣдніе совсѣмъ ихъ объ этомъ не просили. Вотъ почему я не со всякимъ встрѣчнымъ связываюсь и предпочитаю быть осторожнымъ съ людьми, не помнящими родства. Однажды со мной, по неопытности, ужаснѣйшій случай былъ. Ходилъ я въ Эмсѣ вокругъ курзала и по обыкновенію „жалѣлъ“ объ отечествѣ. И вдругъ подходитъ ко мнѣ простодушнѣйшій мужчина, въ тепломъ картузѣ съ козырькомъ, точно вотъ сейчасъ изъ-подъ Гадяча выскочилъ. Словомъ сказать, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ въ пѣснѣ поется:

У огороди—бузина,
У Кыеви—дядя,
Я за то тебе люблю,
Що у тебе перстень...

Такъ вотъ этотъ самый „кіевскій дядя“ подходитъ и голосомъ, исполненнымъ умиленія, говоритъ:

— Такъ и вы нашу Россію жалѣете? Ахъ, какъ пріятно! Признаюсь, я на здѣшней чужбинѣ только тѣмъ и утѣшаюсь, что вмѣстѣ съ великимъ Ломоносовымъ восклицаю:

О, ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь человѣкъ...

Не успѣлъ я опомниться, какъ онъ ужъ держалъ мою руку въ своихъ и крѣпко ее жалъ. И очень возможно, что такъ бы и привелъ онъ меня за эту руку въ мѣста не столь отдаленныя, еслибы изъ-за угла не налетѣлъ на насъ другой соотечественникъ и не закричалъ на меня:

— Вы это что дѣлаете? вы кому руку-то жмете? вѣдь это...

И онъ назвалъ его „постоянное занятіе“...

Какъ я уже сказалъ выше, мнѣ пришлось помѣститься въ одномъ спальномъ отдѣленіи съ безшабашными совѣтниками. Натурально, мы нѣкоторое время дичились другъ друга. Старики вполголоса переговаривались между собой и, тихо воркуя, сквернословили. Оба были недовольны, оба ссылались на графа Михаила Николаевича

и на графа Алексѣя Андреича, оба сѣтовали не то на произволъ власти, не то на умаленіе ея,—не поймешь, на что̀ именно. Но что̀ меня всего больше огорчило—оба искали спасенія... въ конституціи!!

— Такую намъ конституцію надо,—либеральничалъ Удавъ.—чтобы лбы затрещали!

А Дыба, съ своей стороны, присовокуплялъ:

— Покойный графъ Михаилъ Николаевичъ эту конституцію еще когда провидѣлъ! Сколько разъ, бывало, при мнѣ самолично говаривалъ: „я имъ ужо̀ пропишу... конституцію!“

И въ заключеніе, не входя въ дальнѣйшія разъясненія, оба порѣшили, что „какъ тамъ ни вертись, а не минешь что-нибудь предпринять, чтобъ „лбы затрещали“. А затѣмъ, грозя очами по направленію къ Вержболову, перешли къ вопросу о „кушахъ“. Какъ извѣстно, „конституціи“ и „куши“ составляютъ больное мѣсто русской современности; но „конституцію“ понимаютъ смутно и каждый по своему, а „куши“ всѣми понимаются ясно и одинаково. Такъ было и тутъ. Какъ только зашла рѣчь о „кушахъ“, безшабашные совѣтники почувствовали себя какъ рыба въ водѣ и сразу насытили воздухъ вагона разсказами самаго игриваго свойства. Съ одной стороны, приводились безчисленные примѣры благополучнаго казнокрадства; съ другой—произносились имена, насчитывались суммы, указывались лазейки. Безъ утайки, на-распашку. Однимъ словомъ, повѣствовалось что-то до такой степени необъятное и неслыханное, что меня чуть не бросило въ лихорадку. И въ заключеніе опять:

— Именно конституцію прописать надо! такую конституцію, чтобъ небу было жарко!

Наконецъ, наговорившись и нахохотавшись досыта между собой, безшабашные совѣтники нашли своевременнымъ и меня привлечь къ интимному сквернословію.

— Вотъ здѣсь хлѣба́-то каковы!—сказалъ Дыба, подмигивая мнѣ:—и у насъ бы, по росписанію, не хуже должны быть, апъ вмѣсто того саранча... Ишь вѣдь! саранчу ухитрились акклиматизировать! Вы какъ объ этомъ полагаете... а?

Къ счастію, я вспомнилъ про „кіевскаго дядю“ и его „постоянное занятіе“, и потому отвѣчалъ твердо, хотя и почтительно:

— Я такъ полагаю, ваши превосходительства, что ежели у насъ

жукъ и саранча даже весь хлѣбъ поѣдятъ, то и тогда нѣмецъ безъ насъ съ голоду подохнетъ!

Дыба съ недоумѣніемъ взглянулъ на меня.

— Гм... да,—произнесъ онъ, какъ бы понявъ:—это ежели съ точки зрѣнія „предостереженій“ и розничной продажи... Но согласитесь сами, что здѣсь подъ Нистербургомъ подобнаго рода опасенія...

— И съ розничной продажей, и безъ розничной продажи, одинаково утверждаю: подохнетъ нѣмецъ безъ насъ!—воскликнулъ я еще съ большею настойчивостью.

Столь любезно-вѣрная непреоборимость была до того необыкновенна, что Удавъ, по старой привычкѣ, собрался-было почитать у меня въ сердцѣ; но такъ какъ онъ умѣлъ читать только на пространствѣ отъ Восточнаго океана до Вержболова, то, разумѣется, подъ Эйдткуненомъ ничего прочесть не съумѣлъ.

— Но для чего же вы непремѣнно настаиваете, чтобъ нѣмецъ подохъ?—спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Собственно говоря, я никому напрасной смерти не желаю, и если сейчасъ высказался не въ пользу нѣмца, то лишь потому, что полагалъ, что таковы требованія современной внутренней политики. Но если вашимъ превосходительствамъ, по обстоятельствамъ службы, представляется болѣе удобнымъ, чтобъ подохъ русскій, а нѣмецъ торжествовалъ, то я противодѣйствовать предначертаніямъ начальства даже въ семъ крайнемъ случаѣ не считаю себя вправѣ.

— Но почему же? почему?

— А потому, ваши превосходительства, что, во-первыхъ, я ничего не знаю. Можетъ быть, для пользы службы необходимо, чтобъ русскій подохъ или, по малой мѣрѣ, обмеръ? Конечно, еслибы онъ весь подохъ, безъ остатка—это было бы для меня лично прискорбно; но вѣдь мое личное воззрѣніе никому не нужно, а сверхъ того я убѣжденъ, что поголовнаго умертвія все-таки не будетъ, и что ваши превосходительства хоть сколько-нибудь на раззаводъ да оставите. А во-вторыхъ, я отлично понимаю, что противодѣйствіе властямъ, даже въ формѣ простого мнѣнія, у насъ не похваляется; а такъ какъ лѣта мои уже преклонныя, то было бы въ высшей степени непріятно, еслибы въ ушахъ моихъ неожиданно раздалось... фюить!

— Что такъ? новыхъ-то впечатлѣній, стало быть, ужъ не ищете? —любезно осклабился Дыба.

— Довольствуюсь старыми, ваши превосходительства. Люблю свое отечество, но подробно изучать его статистику предпочитаю изъ устныхъ и печатныхъ разсказовъ мѣстныхъ изслѣдователей.

— Гм... да... А вѣдь истинному патріоту не такъ подобаетъ... Покойный графъ Михаилъ Николаевичъ не даромъ говаривалъ: путешествія въ мѣста не столь отдаленныя не токмо не вредны, но даже не безъ пользы для молодыхъ людей могутъ быть допускаемы, ибо они формируютъ характеры, обогащаютъ умы понятіями, а сверхъ того разжигаютъ въ сердцахъ благородный пламень любви къ отечеству! Вотъ-съ.

— Знаю я это, ваши превосходительства,—отвѣтилъ я коротко: —но думаю, что и независимо отъ путешествій люблю свое отечество самымъ настоящимъ манеромъ. А именно: люблю ваши превосходительства и считаю священнѣйшею обязанностью исполнять всѣ ваши предначертанія. Знаю, что вамъ наверху виднѣе, и потому думаю лишь о томъ, чтобъ снискать ваше расположеніе. Ежели я въ этомъ успѣю, то у меня будетъ избыточествовать и презбыточествовать; если же не успѣю, то у меня отнимется и послѣднее. Вотъ въ какомъ смыслѣ я понимаю любовь къ отечеству, а всѣ прочіе сорты таковой отвергаю, яко мечтательные. Полагаю, что этого достаточно?

— Гм... Однакожъ въ литературѣ не часто приходится читать подобныя благоразумныя мнѣнія.—пріятно огрызнулся Дыба.

— Ваши превосходительства! позвольте вамъ доложить! Я самъ былъ много въ этомъ отношеніи виноватъ и даже готовъ за вину свою пострадать, хотя, конечно, не до безчувствія... Долгое время я думалъ, что любовь къ отечеству выше даже любви къ начальственнымъ предписаніямъ; но съ тѣхъ поръ, какъ прочиталъ брошюры г. Цитовича, то вполнѣ убѣдился, что это совсѣмъ не любовь къ отечеству, а фанатизмъ, и, разумѣется, поспѣшилъ исправиться отъ своихъ заблужденій.

Это было высказано съ такою горячею искренностью, что и Дыба, и Удавъ—оба были тронуты.

— Можетъ быть! можетъ быть!—задумчиво молвилъ Дыба:— мнѣ самому, по временамъ, кажется, что иногда мы считаемъ человѣка заблуждающимся, а онъ между тѣмъ давно уже во всемъ принесъ оправданіе и ожидаетъ лишь случая, дабы запечатлѣть... Какъ вы полагаете, ваше превосходительство?— обратился онъ къ Удаву.

— На этотъ случай я могу разсказать вашему превосходительству слѣдующее истинное происшествіе, о которомъ мнѣ передавалъ мой духовникъ,—отвѣчалъ Удавъ.—Жили въ одномъ селеніи двѣ Анны и насталъ часъ одной изъ нихъ умирать. Только послалъ Богъ къ ней по душу своего ангела, а ангелъ-то и ошибись: вмѣсто того, чтобъ взять душу у подлежащей Анны, взялъ ее у другой. Хорошо-съ. Та ли Анна, другая ли Анна—все равно приходится попамъ хоронить. И чтожъ! только-что стали новопреставленную Анну на литіи поминать, какъ вдругъ сверху голосъ: „Анна, да не та!“ Такъ точно, думается мнѣ, и въ настоящемъ случаѣ: часто мы себѣ человѣка нераскаяннымъ представляемъ, а онъ между тѣмъ за раскаяніе давно ужъ въ титулярные совѣтники произведенъ. Ѳедотъ, да не тотъ!

Высказавшись такимъ образомъ, мы подивились премудрости и на минуту смолкли.

— А впрочемъ, по нынѣшнему времени и мудренаго мало, что нѣкоторые впадаютъ въ заблужденія,—задорливо началъ Дыба:—нельзя! Посмотрите, что̀ кругомъ дѣлается? Гдѣ власть? гдѣ, спрашиваю васъ, власть? Намеднись прихожу за справкой въ департаментъ расхищеній и раздачъ—былъ ужъ второй часъ—спрашиваю; начальникъ отдѣленія такой-то здѣсь? „Они, говорятъ, въ три часа приходятъ“.—А столоначальникъ здѣсь?—„И они, говорятъ, раньше какъ черезъ часъ не придутъ“.—Кто же, спрашиваю, у васъ дѣла-то дѣлаетъ?—Такъ, повѣрите ли, даже сторожа смѣются!

— И послѣ этого жалуются, что авторитеты попраны, основы потрясены!

— Нѣтъ, хорошо, что литература хоть изрѣдка да подбадриваетъ... Помилуйте! личной обезпеченности—и той нѣтъ! Сегодня—здѣсь, а завтра—фюить!

Сказавши это, Удавъ совсѣмъ было пристроился, чтобъ непремѣнно что-нибудь въ моемъ сердцѣ прочитать. И съ этою цѣлью даже предложилъ вопросъ:

— Ну, а вы... какъ вы насчетъ этой личной обезпеченности?.. Въ газетахъ нынѣче что-то сильно о ней поговариваютъ...

— И на этотъ счетъ могу вашимъ превосходительствамъ доложить,—отвѣтилъ я:—личная обезпеченность—это такое дѣло, что ежели я сижу смирно, то и личность моя обезпечена; а ежели я начну

фыркать да фордыбачить, то, разумѣется, никто за это меня не похвалитъ. Сейчасъ за ушко̀ да на солнышко—не прогнѣвайся!

— Не прогнѣвайся! — словно эхо, хотя вполнѣ машинально. повторили Дыба и Удавъ.

— Потому что, по мнѣнію моему, только то общество можно назвать благоустроеннымъ, гдѣ всякій къ своему дѣлу опредѣленъ. Такъ напримѣръ: ежели въ росписаніи оказано, что такой-то долженъ получать дани — тотъ пусть и получаетъ; а ежели про кого сказано, что такой-то обязывается уплачивать дани—тотъ пусть и уплачиваетъ. А не наоборотъ.

— А не наоборотъ!—повторили безшабашные совѣтники, дивясь моему разуму.

— Если же мы станемъ фордыбачить, да не захотимъ по росписанію жить, то насъ за это—въ кутузку!

— Въ кутузку!—повторило эхо.

Но, испустивъ это восклицаніе, безшабашные совѣтники спохватились, что, по выѣздѣ изъ Эйдткунена, даже по росписанію положено либеральничать, и потому поспѣшили поправиться.

— Но по суду или безъ суда? — почти испуганно спросилъ меня Дыба.

— И по суду, и безъ суда—это какъ будетъ вашимъ превосходительствамъ угодно. Но что касается до меня, то я думаю, что безъ суда, просто по росписанію, лучше.

— Од-на-ко!?

— Я знаю, вашимъ превосходительствамъ угодно вѣроятно сказать, что въ послѣднее время русская печать въ особенности настаивала на томъ, чтобъ всѣхъ русскихъ жарили по суду. Но я — не настаиваю. Прежде, грѣшный человѣкъ, и я думалъ, что по суду крѣпче, а теперь вижу, что крѣпко и безъ суда. Вмѣсто того, чтобъ судиться да по мытарствамъ ходить, я лучше прямо къ вашимъ превосходительствамъ приду: виноватъ! Вы меня въ одну минуту разсудите. Ежели я не очень виноватъ — сейчасъ меня мѣрами кротости доймете, а ежели виноватъ кругомъ — фюить! По пословицѣ: любишь кататься, люби и саночки возить... не прогнѣвайся!

— Не прогнѣвайся! — цыркнулъ-было Дыба но опять спохватился и продолжалъ: — позвольте однакожъ! еслибы мы одни на всемъ земномъ шарѣ жили, конечно. тогда все равно... Но вѣдь намъ

и безъ того въ Европу стыдно носъ показать... надо же принять это въ разсчетъ... Неловко.

— А если неловко, то надо такой судъ устроить, чтобъ онъ и былъ, и все равно какъ бы его не было!

— Вотъ... это отлично!

— И все это я говорю передъ вашими превосходительствами по сущей совѣсти, такъ точно, какъ въ томъ отвѣтъ передъ вышнимъ начальствомъ дать надлежитъ!

Какъ ни лестно было для безшабашныхъ совѣтниковъ это признаніе, однакожъ они сидѣли другъ противъ друга и недовѣрчиво покачивали головами.

— Послушайте однакожъ! — сказалъ Удавъ:—а какъ же вы насчетъ этихъ расхищеній полагаете? Ужели же и это можно... простить?

Онъ даже не договорилъ отъ волненія (очевидно, онъ принадлежалъ къ числу „позабытыхъ"), и въ глазахъ его сверкнула слеза любостяжанія.

— Расхищеній не одобряю,—твердо отвѣтилъ я,—но, съ другой стороны, не могу не принять въ соображеніе, что всякому человѣку сладенькаго хочется.

Послѣ такого категорическаго отвѣта Удаву осталось только щелкнуть языкомъ и замолчать. Но Дыба все еще не считалъ тему либерализма исчерпанною.

— Вотъ вы бы все это напечатали,—сказалъ онъ не то иронически, не то серьезно:—въ томъ самомъ видѣ, какъ мы сейчасъ говорили... Вѣроятно со стороны начальства препятствій не будетъ?

— У насъ, ваши превосходительства, для выраженія похвальныхъ чувствъ никогда препятствій не бываетъ. Вотъ ежели бы кто непохвальныя чувства захотѣлъ выражать—ну, разумѣется, тогда не прогнѣвайся!

— Не прогнѣвайся!—подтвердилъ Дыба.

— Такъ вы, значитъ, думаете, что и свобода книгопечатанія у насъ существуетъ?—попытался подловить меня Удавъ.

— У насъ все существуетъ, ваши превосходительства, только намъ не всегда это извѣстно. Я знаю, что многіе отрицаютъ существованіе свободы печати, но я—не отрицаю.

— Да... да! Чего бы, кажется: суды — дали, печать — дали,

земства—дали, а между тѣмъ, посмотрите кругомъ—много ли найдете довольныхъ?

— А я, ваши превосходительства, такъ даже по горло доволенъ!

— Вотъ хоть бы земство,—молвилъ Дыба:—ну, развѣ это... мечта?!

— И насчетъ земства, ваши превосходительства, скажу: многіе сомнѣваются въ его существованіи, а я—не сомнѣваюсь!

— И полагаете, что оно процвѣтетъ?

— Непремѣнно, ваши превосходительства, процвѣтетъ. Вообще я полагаю, что мы переживаемъ очень интересное время. Такое интересное, такое интереспое, что, кажется, никогда и ни въ одной странѣ такого не бывало... Ахъ, ваши превосходительства!

— Ну, дай Богъ! дай Богъ!

Безшабашные совѣтники набожно перекрестились и тонкія, обезцвѣченныя губы ихъ машинально шептали: „дай Богъ, дай Богъ!“

— Но чѣмъ же вы объясните,—встрепенулся Дыба:—отчего здѣсь на пескѣ такой отличный хлѣбъ растетъ, а у насъ и на черноземѣ—то дождичка нѣтъ, то черезъ-чуръ его много? И молебны, кажется, служатъ, а все хлѣбушка нѣтъ?

— А тѣмъ и объясню, ваши превосходительства, что много ужъ очень свободъ у насъ развелось. Такъ что ежели еще немножечко припустить, такъ пожалуй и совсѣмъ хлѣбушка перестанетъ произрастать...

Dixi et animam levavi, или въ русскомъ переводѣ:—сказалъ и стошнило меня. Дальше этого profession de foi идти было некуда. Я очень былъ радъ, что въ эту минуту нашъ поѣздъ остановился и шафферъ объявилъ, что мы на полчаса свободны для обѣда.

—

Между Бромбергомъ и Берлиномъ я заснулъ и видѣлъ чрезвычайно странный сонъ. Снилось мнѣ, что я очутился въ самой простой нѣмецкой деревнѣ и встрѣтилъ семи-восьми-лѣтняго крестьянскаго мальчика... въ штанахъ! Никогда этого со мной не бывало. Много бѣжалъ я по нашимъ деревнямъ, много видалъ въ нихъ крестьянскихъ мальчиковъ — и всегда безъ штановъ. Бѣжитъ кудластый мальченко по деревенской улицѣ, а вѣтеръ такъ и раздуваетъ подолъ его замазанной рубашонки. Или шлепаетъ мальченко босыми ногами по

грязи, или, заворотивъ подолъ, сидитъ въ лужѣ и играется камешками... ахъ, бѣдный! А тутъ, въ нѣмецкой деревнѣ, ни грязи, ни традиціонной лужи — ничего такого не видать, да вдобавокъ еще штаны! Это до такой степени меня заинтересовало, что я поманилъ мальчика и вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Скажи, нѣмецкій мальчикъ,— спросилъ я:—ты постоянно ходишь въ штанахъ?

— Когда я въ первый разъ безъ посторонней помощи пропелъ по комнатѣ нашего дома, то моя добрая мать, обращаясь къ моему почтенному отцу, сказала слѣдующее: „не правда ли, мой добрый Карлъ, что нашъ Фрицъ, съ нынѣшняго дня, достоинъ носить штаны?“ И съ тѣхъ поръ я разстаюсь съ этой одеждой только на ночь.

Мальчикъ высказалъ это солидно, безъ похвальбы и безъ всякаго глумленія надъ странностью моего вопроса. Повидимому онъ понималъ, что передъ нимъ стоитъ иностранецъ (кстати: ужасно странно звучитъ это слово въ примѣненіи къ русскому путешественнику: по крайней мѣрѣ мнѣ большого труда стоило свыкнуться съ мыслью, что я гдѣ-нибудь могу быть... иностранцемъ!!), которому простительно не знать нѣмецкихъ обычаевъ.

— Изумительно!—воскликнулъ я:—и ты не боишься запачкать штаны въ грязи? ты рѣшаешься садиться въ нихъ въ лужу?

— Вопросъ вашъ до крайности удивляетъ меня, господинъ!— скромно отвѣтилъ мальчикъ: — зачѣмъ я буду пачкаться въ грязи или садиться въ лужу, когда могу имѣть для моихъ прогулокъ и игръ сухія и удобныя мѣста? А главное, зачѣмъ я буду поступать такимъ образомъ, зная, что это огорчитъ моихъ добрыхъ родителей?

— Великолѣпно! Но знаешь ли ты, нѣмецкій мальчикъ, что существуетъ страна, въ которой не только мальчики, но даже вполнѣ совершеннолѣтній камаринскій мужикъ—и тотъ . . . . по улицѣ бѣжитъ?

— Я еще не учился географіи, и потому не смѣю отрицать, что подобная страна возможна. Но... было бы очень жестоко съ вашей стороны такъ шутить, господинъ!

— Я ни мало не шучу, и ежели хочешь, то могу теперь же познакомить тебя съ однимъ изъ такихъ мальчиковъ.

— Господинъ! вы въ высшей степени возбудили во мнѣ любопытство! Конечно, мнѣ слѣдовало не иначе принять ваше предложеніе, какъ съ позволенія моихъ добрыхъ родителей: но такъ какъ въ эту минуту они находятся въ полѣ и сверхъ того мнѣ извѣстно, что они тоже очень жалостливы къ бѣднымъ, то надѣюсь, что они не найдутъ ничего дурного въ томъ, что я познакомлюсь съ мальчикомъ безъ штановъ. Поэтому, если вы можете пригласить сюда моего бѣднаго товарища, то я весь къ его услугамъ.

Тогда, по манію волшебства (не надо забывать, что дѣло происходитъ въ сновидѣніи, гдѣ всякія волшебства дозволяются), въ нѣмецкую деревню врывается кудластый русскій мальчикъ, въ длинной рубахѣ, подолъ которой замоченъ, а воротъ замазанъ мякишемъ хлѣбомъ. И между двумя сверстниками начинается драматическое представленіе подъ названіемъ:

МАЛЬЧИКЪ ВЪ ШТАНАХЪ

И

МАЛЬЧИКЪ БЕЗЪ ШТАНОВЪ.

РАЗГОВОРЪ ВЪ ОДНОМЪ ЯВЛЕНІИ.

(Эта пьеса рекомендуется для дѣтскихъ спектаклей.)

Театръ представляетъ шоссированную улицу нѣмецкой деревни. Мальчикъ въ штанахъ стоитъ подъ деревомъ и размышляетъ о томъ, какъ ему прожить на свѣтѣ, не огорчая своихъ родителей. Внезапно въ средину улицы вдвигается обыкновенная русская лужа, изъ которой выпрыгиваетъ мальчикъ безъ штановъ.

Мальчикъ въ штанахъ (*конфузясь и краснѣя, въ сторону*). Увы! иностранный господинъ сказалъ правду: онъ безъ штановъ! (*Громко.*) Здравствуйте, мальчикъ безъ штановъ! (*Подаетъ ему руку.*)

Мальчикъ безъ штановъ (*не обращая вниманія на протянутую руку*). Однако, братъ, у васъ здѣсь чисто!

Мальчикъ въ штанахъ (*настойчиво*). Здравствуйте, мальчикъ безъ штановъ!

Мальчикъ безъ штановъ. Присталъ какъ банный листъ... Ну, здравствуй! Дай оглядѣться сперва. Ишь вѣдь какъ чисто — плюнуть некуда! Ты здѣшній, что-ли?

Мальчикъ въ штанахъ. Да, я мальчикъ изъ этой деревни. А вы—русскій мальчикъ?

Мальчикъ безъ штановъ. Мальчишко я. Пострѣленокъ.

Мальчикъ въ штанахъ. Пострѣленокъ? что это за слово такое?

Мальчикъ безъ штановъ. А это когда мамка ругается, такъ говоритъ: „ахъ, пострѣли те горой!“ Оттого и пострѣленокъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*старается понять и не понимаетъ*).

Мальчикъ безъ штановъ. Не понимаешь, колбаса? еще не дошелъ?

Мальчикъ въ штанахъ. Вообще, многое, съ перваго же взгляда, кажется мнѣ непонятнымъ въ васъ, русскій мальчикъ. Правда, я началъ ходить въ школу очень недавно, и вѣроятно не всѣ результаты современной науки открыты для меня, но во всякомъ случаѣ не могу не сознаться, что вашъ внѣшній видъ, ваше появленіе сюда среди лужи и вашъ способъ выражаться сразу повергли меня въ величайшее недоумѣніе. Ни мои добрые родители, ни почтеннѣйшіе наставники никогда не предупреждали меня ни о чемъ подобномъ... И, во-первыхъ, съ позволенія вашего, объясните мнѣ, отчего вы, русскій мальчикъ, ходите безъ штановъ?

Мальчикъ безъ штановъ. Изволь, нѣмецъ, скажу. Но прежде ты мнѣ скажи, отчего ты такъ скучно говоришь?

Мальчикъ въ штанахъ. Скучно?

Мальчикъ безъ штановъ. Да, скучно. Мямлишь, канитель разводишь, слюнями давишься. Инда голову разломило.

Мальчикъ въ штанахъ. Я говорю такъ же, какъ говорятъ мои добрые родители; а когда они говорятъ, то мнѣ бываетъ весело. И когда я говорю, то имъ тоже бываетъ весело. Еще на дняхъ моя почтенная матушка сказала мнѣ: „когда я слышу, Фрицъ, какъ ты складно говоришь, то у меня сердце радуется!“

Мальчикъ безъ штановъ. А у насъ за такой разговоръ камень на шею, да въ воду. У насъ по всей землѣ такой приказъ: разговоръ чтобъ веселый былъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*испуганно*). Позвольте, однакожъ,

русскій мальчикъ! Допустимъ, что я говорю скучно, но неужели это такое преступленіе, чтобъ за него справедливо было лишить человѣка жизни?

Мальчикъ безъ штановъ. „Справедливо“! Экъ куда хватилъ! Нужно, тебѣ говорятъ; нужно, потому что такое правило есть.

Мальчикъ въ штанахъ (*хочетъ понять и не понимаетъ*).

Мальчикъ безъ штановъ. У насъ, братъ, безъ правила ни на шагъ. Скучно тебѣ—правило; весело—опять правило. Сѣлъ—правило; всталъ — правило. Задуматься, слово молвить — нельзя безъ правила. У насъ, братъ, даже прыщикъ и тотъ долженъ почесаться прежде, нежели вскочить. И въ концѣ всякаго правила—или пѣроницы, или въ холодную. Вотъ и я безъ штановъ *по правилу* хожу. А тебѣ въ штанахъ, небось, лучше?

Мальчикъ въ штанахъ. Мнѣ въ штанахъ очень хорошо. И еслибы моимъ добрымъ родителямъ угодно было лишить меня этого одѣянія, то я не иначе понялъ бы эту мѣру, какъ въ видѣ справедливаго возмездія за мое неодобрительное поведеніе. И, разумѣется, употребилъ бы всѣ мѣры, чтобъ вновь возвратить ихъ милостивое ко мнѣ расположеніе!

Мальчикъ безъ штановъ. Соплякъ ты—вотъ что!

Мальчикъ въ штанахъ. И этого я не понимаю.

Мальчикъ безъ штановъ. Дались тебѣ эти родители! „Добрая матушка“. „почтеннѣйшій батюшка“—къ чему ты эту канитель завелъ! У насъ, братъ, дядя Кузьма намеднись отца на кобеля промѣнялъ! Вотъ такъ разъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*въ ужасѣ*). Ахъ, нѣтъ! это невозможно!

Мальчикъ безъ штановъ (*поняв, что онъ слишкомъ далеко зашелъ въ дѣлѣ отрицанія*). Ну, полно, это я такъ... пошутилъ! Пословица у насъ такая есть, такъ я вспомнилъ.

Мальчикъ въ штанахъ. Однако, ежели даже пословица... ахъ, какъ это жаль! И какъ безчеловѣчно, что такія пословицы вслухъ повторяютъ при мальчикахъ! (*Плачетъ.*)

Мальчикъ безъ штановъ. Завылъ, нѣмчура! Ты лучше скажи, отчего у васъ такіе хлѣба родятся? Ѣхалъ я давеча въ лужѣ по дорогѣ—смотрю: вездѣ песокъ да торфикъ, а все-таки на поляхъ страсти какіе суслоны наворочены!

Мальчикъ въ штанахъ. Я думаю, это оттого, что намъ никто не препятствуетъ быть трудолюбивыми. Никто не пугаетъ насъ, никто не заставляетъ производить такія дѣйствія, которыя ни для чего не нужны. Было время, когда и въ нашемъ прекрасномъ отечествѣ всѣ жители состояли какъ бы подъ слѣдствіемъ и судомъ, когда воздухъ былъ насыщенъ сквернословіемъ и когда всюду, гдѣ бы ни появлялся обыватель, на встрѣчу ему неслся одинъ неумолимый окрикъ: куда лѣзешь? не твое дѣло! Въ эту мрачную эпоху головы нѣмцевъ были до того заколочены, что они сдѣлались неспособными ни на какое дѣло. Земля обрабатывалась небрежно и давала скудную жатву; обыватели жили, какъ дикіе, въ тѣсныхъ и мрачныхъ логовищахъ, а нѣмецкіе мальчики ходили безъ штановъ. Къ счастію, эти варварскія времена давно прошли, и съ тѣхъ поръ какъ никто не мѣшаетъ намъ употреблять наши способности на личное и общественное благо, съ тѣхъ поръ какъ изъ насъ не выбиваютъ податей и не ставятъ къ намъ экзекуцій, мы стали усердно прилагать къ землѣ нашъ трудъ и нашу опытность, и земля возвращаетъ намъ за это сторицею. О, русскій мальчикъ! можетъ быть, я *скучно* говорю, но лучше пусть буду я говорить скучно, нежели вести веселый разговоръ и въ то же время чувствовать, что нахожусь подъ слѣдствіемъ и судомъ!

Мальчикъ безъ штановъ (*пронутый*). Это, братъ, правда твоя, что мало хорошаго всю жизнь изъ-подъ суда не выходить. Ну, да что ужъ! Лучше давай насчетъ хлѣбовъ. Вотъ у васъ хлѣба́ хорошіе, а у насъ весь хлѣбъ нынче саранча сожрала!

Мальчикъ въ штанахъ. Слышалъ и я объ этомъ, и очень объ васъ жалѣлъ. Когда нашъ добрый школьный учитель объявилъ намъ, что дружественное намъ государство страдаетъ отъ недостатка питанія, то онъ тоже объ васъ жалѣлъ. „Слушайте, дѣти! сказалъ онъ намъ: вы должны жалѣть Россію не за то только, что половина ея чиновниковъ и всѣ безъ исключенія аптекаря—нѣмцы, но и за то, что она съ твердостью выполняетъ свою историческую миссію. Какъ древле, выстрадавъ иго монголовъ, она избавила отъ нихъ Европу, такъ и нынѣ, вынося иго саранчи, она той же Европѣ оказываетъ неоцѣненнѣйшую изъ услугъ!“

Мальчикъ безъ штановъ. Нескладно что-то ты говоришь, нѣмчура. Лучше, чѣмъ похабничать-то, ты мнѣ вотъ что́ скажи: правда

ли, что у вашего царя такія губерніи есть, въ которыхъ яблоки и вишенье по дорогамъ ростутъ, и прохожіе не рвутъ ихъ?

Мальчикъ въ штанахъ. Здѣсь, подъ Бромбергомъ, этого нѣтъ, но матушка моя, которая родомъ изъ-подъ Вюрцбурга, сказывала, что въ тамошней сторонѣ всѣ дороги обсажены плодовыми деревьями. И когда нашъ старый добрый императоръ получилъ эти земли въ награду за свою мудрость и храбрость, то его нѣмецкое сердце очень радовалось, что отнынѣ баденскіе, баварскіе и другіе каштаны будутъ съѣдаемы его дорогой и лойяльной Пруссіей.

Мальчикъ безъ штановъ. Да неужто деревья по дорогѣ ростутъ, и такъ-таки никто даже яблочка не сорветъ?

Мальчикъ въ штанахъ (*изумленно*). Но кто же имѣетъ право сорвать вещь, которая не принадлежитъ ему въ собственность?!

Мальчикъ безъ штановъ. Ну, у насъ, братъ, не такъ. У насъ бы не только яблоки съѣли, а и вѣтки-то бы всѣ обломали! У насъ намедніе дядя Софронъ мимо кружки съ керосиномъ шелъ—и тотъ весь выпилъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Но, конечно, онъ это по ошибкѣ сдѣлалъ?

Мальчикъ безъ штановъ. Опохмелиться захотѣлось, а грошика не было—вотъ онъ и опохмелился керосиномъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Но вѣдь онъ навѣрное боленъ сдѣлался?

Мальчикъ безъ штановъ. Разумѣется! будешь боленъ, какъ на другой день при сходѣ спину взбондируютъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*пугаясь*). Ахъ, неужели у васъ...

Мальчикъ безъ штановъ. А ты думалъ—гладятъ?

Мальчикъ въ штанахъ (*окончательно пугается и хочетъ бѣжать домой, но мальчикъ безъ штановъ удерживаетъ его*).

Мальчикъ безъ штановъ. Стой, чего испугался! Это намъ, которые изъ простого званія, подъ рубашку смотрятъ, а вѣдь ты... иностранецъ?! (*Помолчавъ.*) У тебя званіе-то есть ли?

Мальчикъ въ штанахъ. Я—бауеръ.

Мальчикъ безъ штановъ. Это мужикъ, что-ли?

Мальчикъ въ штанахъ. Не мужикъ, но земледѣлецъ.

Мальчикъ безъ штановъ. Ну, да, извѣстно... мужикъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Нѣтъ, земледѣлецъ. Мужикъ — это русскій, а у насъ—земледѣлецъ.

Мальчикъ безъ штановъ. Натко, выкусп!

Мальчикъ въ штанахъ. Ахъ, русскій мальчикъ, какія вы странныя слова употребляете, и какъ должно быть недостаточно воспитаніе, которое вамъ даютъ! Я увѣренъ, напримѣръ, что вы не знаете, что̀ такое Богъ?

Мальчикъ безъ штановъ. А Богъ его знаетъ! У насъ, братъ, въ селѣ Успленью-Матушкѣ престольный праздникъ показанъ—вотъ мы въ сношинки его и справляемъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*хочетъ понять и не можетъ*).

Мальчикъ безъ штановъ. Не дошелъ? Ну, нечего толковать: я и самъ, признаться, въ этомъ не твердъ. Знаю, что праздникъ у насъ на селѣ, потому что и намъ, мальчишкамъ, въ этотъ день порки надѣваютъ, а отъ Бога или отъ начальства эти праздники приказаны—не любопытствовалъ. А ты мнѣ вотъ еще что̀ скажи: слыхалъ я, что начальство здѣшнее васъ, мужиковъ, никогда скверными словами не ругаетъ—неужто это правда?

Мальчикъ въ штанахъ. Отецъ мой сказывалъ, что онъ отъ своего дѣдушки слышалъ, будто въ его время здѣшнее начальство ужасно сквернo ругалось. И всѣ тогдашніе нѣмцы до того отъ этого загрубѣли, что и между собой стали скверными словами ругаться. Но это было ужъ такъ давно, что и старики теперь ничего подобнаго не запомнятъ.

Мальчикъ безъ штановъ. А насъ, братъ, такъ и сейчасъ походя ругаютъ. Кому не лѣнь, только тотъ не ругаетъ, и все самыми скверными словами. Даже намъ надоѣло слушать. Исправникъ ругается, становой ругается, посредникъ ругается, старшина ругается, староста ругается; а нынче еще урядниковъ ругаться наняли.

Мальчикъ въ штанахъ (*испуганно*). Но, можетъ быть, это дурная болѣзнь какая-нибудь?

Мальчикъ безъ штановъ. То-то, что ты не дошелъ! Правило такое, а ты—болѣзнь! Намеднись пріѣхалъ въ нашу деревню старшина, увидѣлъ дядю Онисима, да какъ вцѣпится ему въ бороду—такъ и повисъ.

Мальчикъ въ штанахъ. Ахъ, Боже мой!

Мальчикъ безъ штановъ. Говорю тебѣ, надоѣло и намъ. Съ

души претъ, когда-нибудь перестать надо. Только какъ съ этимъ быть? Коли ему сдачи дать, такъ тебя же засудятъ, а ему, ругателю, ничего. Вотъ одинъ парень у насъ и выдумалъ: въ вечерни его отпороли, а онъ въ ночь удавился!

Мальчикъ въ штанахъ. Ахъ, какъ мнѣ васъ жаль! какъ мнѣ васъ жаль!

Мальчикъ безъ штановъ. Что насъ жалѣть! Сами себя не жалѣемъ—стало быть, такъ намъ и надо!

Мальчикъ въ штанахъ (*съ участіемъ*). Не говорите этого, другъ мой! Иногда и мы очень хорошо понимаемъ, что съ нами поступаютъ низко и безчеловѣчно, но бываемъ вынуждены безмолвно склонять голову подъ ударами судьбы. Нашъ школьный учитель говоритъ, что это —наслѣдіе прошлаго. По моему мнѣнію, тутъ одинъ выходъ: чтобы начальники сами сдѣлались настолько развитыми, чтобъ устыдиться и сказать другъ другу: отнынѣ пусть постигнетъ кара закона того изъ насъ, кто опозоритъ себя употребленіемъ скверныхъ словъ! И тогда, конечно, будетъ лучше.

Мальчикъ безъ штановъ. Держи карманъ! Это, братъ, у насъ „революціей сверху“ называется!

Мальчикъ въ штанахъ. А мы, нѣмцы, называемъ это просто справедливостью. Но откуда вы такое выраженіе знаете?

Мальчикъ безъ штановъ. А это у насъ бывшій нашъ баринъ такъ говоритъ. Какъ ежели кого на сходѣ сѣчь приговорятъ, сейчасъ онъ выйдетъ на балконъ, прислушивается и приговариваетъ: вотъ она, „революція сверху“, въ ходъ пошла!

Мальчикъ въ штанахъ. Ахъ, нѣтъ, я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ...

Мальчикъ безъ штановъ. А онъ у насъ во всѣхъ смыслахъ... Выкупныя онъ давно проѣлъ, доходовъ съ земли—грошъ; вотъ онъ похаживаетъ у себя по хоромамъ да и шутитъ... во всѣхъ смыслахъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Но какимъ же образомъ онъ живетъ безъ доходовъ? Работаетъ?

Мальчикъ безъ штановъ. У насъ дворянамъ работать не полагается. У насъ, коли ты дворянинъ, такъ живи, не тужи. Хошь на солнышкѣ грѣйся, хошь по ляжкѣ себя хлопай—живи. А чуть къ работѣ пристроился, значитъ пустое дѣло затѣялъ! Превратное, значитъ, толкованіе.

Мальчикъ въ штанахъ. Какой, однакожъ, странный народъ у васъ живетъ! Находятъ, что полезнѣе по ляжкѣ себя хлопать, нежели работать... изумительно!

Мальчикъ безъ штановъ. Да, братъ-нѣмецъ! про тебя говорятъ, будто ты обезьяну выдумалъ, а коли поглядѣть да посмотрѣть, такъ куда мы противъ васъ на выдумки тароваты!

Мальчикъ въ штанахъ. Ну, это еще...

Мальчикъ безъ штановъ. Вѣрно говорю, и даже примѣръ сейчасъ приведу. Слышалъ я, правда ли, нѣтъ ли, что ты такую сигнацію выдумалъ, что куда хошь ее неси — сейчасъ тебѣ за нее настоящія деньги дадутъ... такъ что-ли?

Мальчикъ въ штанахъ. Конечно, дадутъ настоящія золотыя или серебряныя деньги—какъ же иначе!

Мальчикъ безъ штановъ. А я такую сигнацію выдумалъ: предъявителю выдается изъ размѣнной кассы... плюха! Вотъ ты меня и понимай!

Мальчикъ въ штанахъ (*хочетъ понять, но не можетъ*).

Мальчикъ безъ штановъ. И не старайся! не поймешь!

(*Оба мальчика задумываются и нѣкоторое время стоятъ молча.*)

Мальчикъ въ штанахъ. Знаете ли, русскій мальчикъ, что я думаю! Остались бы вы у насъ совсѣмъ! Господинъ Гехтъ охотно бы васъ въ кнехты принялъ. Вы подумайте только: вы какъ у себя спите? что кушаете? А тутъ вамъ сейчасъ войлокъ хорошій для спанья дадутъ, а пища—даже въ будни горохъ съ свинымъ саломъ!

Мальчикъ безъ штановъ. Пища хорошая... А правда ли, нѣмецъ, что ты за грошъ чорту душу продалъ?

Мальчикъ въ штанахъ. Вы вѣроятно про господина Гехта говорите?.. Такъ вѣдь родители мои получаютъ отъ него опредѣленное жалованье...

Мальчикъ безъ штановъ. Ну, да, это самое я и говорю: за грошъ чорту душу продалъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Позвольте однакожъ! Про васъ хуже говорятъ: будто вы совсѣмъ задаромъ душу отдали?

Мальчикъ безъ штановъ. Ты про Колунаева, что-ли, говоришь? Ну, это, братъ... объ этомъ мы еще поговоримъ... Надоѣлъ онъ намъ, го-спо-динъ Ко-лу-наевъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*резонно*). Надоѣлъ или не надоѣлъ —это ваше дѣло; но замѣтьте, что всегда такъ бываетъ, когда въ взаимныхъ отношеніяхъ людей не существуетъ самой строгой опредѣленности. Между родителями моими и г. Гехтомъ никогда не случалось недоразумѣній — а почему? Потому что въ контрактѣ, ими заключеномъ, сказано ясно: господинъ Гехтъ даетъ грошъ, а родители мои — душу. Вотъ и все. Тогда какъ вы, русскіе, все на какую-то „на водку“ надѣетесь. И потомъ, когда вмѣсто „на водки“ васъ награждаютъ ударами, вы ворчите, что вамъ... надоѣло! Сквернословіе—надоѣло, господинъ Колупаевъ—надоѣлъ... Ну, надоѣло —что же изъ этого?

Мальчикъ безъ штановъ. Погоди, нѣмецъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Никогда у васъ ни улицы, ни праздника не будетъ. Убѣждаю васъ, останьтесь у насъ! Право, черезъ мѣсяцъ вы сами будете удивляться, какъ вы могли такъ жить, какъ до сихъ поръ жили!

Мальчикъ безъ штановъ (*съ нѣкоторымъ раздраженіемъ*). Врешь ты! Нешь вѣдь, съ гороховицей на свиномъ салѣ подъѣхалъ... диковинка! У насъ братъ, шарѣмъ покати, да за то занятно... Вѣрное слово тебѣ говорю!

Мальчикъ въ штанахъ. Что же тутъ занятнаго... „шарѣмъ покати“?

Мальчикъ безъ штановъ. Это-то и занятно. Ты ждешь, что хлѣбъ будетъ—анъ вмѣсто того лебеда. Сегодня лебеда, завтра лебеда, а послѣ завтра—саранча, а потомъ—выкупныя подавай! Сказывай, нѣмецъ, какъ бы ты тутъ выпутался?

Мальчикъ въ штанахъ (*хочетъ что-нибудь выдумать, но долгое время не можетъ; наконецъ выдумываетъ*). Я полагаю, что вамъ безъ нѣмцевъ не обойтись!

Мальчикъ безъ штановъ. Натко, выкуси!

Мальчикъ въ штанахъ. Опять это слово! Русскій мальчикъ! я подаю вамъ благой совѣтъ, а вы затвердили какую-то глупость и думаете, что это отвѣтъ. Поймите меня. Мы, нѣмцы, имѣемъ старинную культуру, у насъ есть солидная наука, блестящая литература, свободныя учрежденія, а вы дѣлаете видъ, какъ будто все это вамъ

не въ диковину *). У васъ ничего подобнаго нѣтъ, даже хлѣба у васъ нѣтъ, — а когда я, отъ имени нѣмцевъ, предлагаю вамъ свои услуги, вы отвѣчаете мнѣ: „выкусн“! Берегитесь, русскій мальчикъ! это съ вашей стороны высокоуміе, которое, положительно, ничѣмъ не оправдывается!

Мальчикъ безъ штановъ. Нѣтъ, это не отъ высокоумія, а надоѣли вы намъ, нѣмцы,—вотъ что! Взяли въ полонъ, да и держите!

Мальчикъ въ штанахъ. Но плѣнъ, въ которомъ держитъ васъ господинъ Колупаевъ, по мнѣнію моему, гораздо...

Мальчикъ безъ штановъ. Что Колупаевъ! Съ Колупаевымъ мы сочтемся... это вѣрно! Давай-ка лучше объ нѣмцахъ говорить. Правду ты сказалъ: есть у васъ и культура, и наука, и искусство, и свободныя учрежденія **), да вотъ что худо: къ намъ-то вы приходите совсѣмъ не съ этимъ, а только чтобъ пакостничать. Кто самый безсердечный притѣснитель русскаго рабочаго человѣка?—нѣмецъ! кто самый безжалостный педагогъ? — нѣмецъ! кто вдохновляетъ произволъ, кто служитъ для него самымъ неумолимымъ и всегда готовымъ орудіемъ? — нѣмецъ! И замѣть, что, сравнительно, ваша наука все-таки второго сорта, ваше искусство—тоже, а ваши учрежденія—и подавно. Только зависть и жадность у васъ перваго сорта, и такъ какъ вы эту жадность произвольно смѣшали съ правомъ, то и думаете, что вамъ предстоитъ слопать міръ. Вотъ почему васъ вездѣ ненавидятъ, не только у насъ, но именно вездѣ. Вы подъѣзжаете съ наукой, а всякому думается, что вы затѣмъ пришли, чтобъ науку прекратить; вы указываете на ваши свободныя учрежденія, а всякій убѣжденъ, что при одномъ вашемъ появленіи должна умереть всякая мысль о свободѣ. Всѣ васъ боятся, никто отъ васъ ничего не ждетъ, кромѣ подвоха. Вонъ вы, сказываютъ, Берлинъ на славу отстроили, а никому на него глядѣть не хочется. Даже свои „объединенные“ нѣмцы — и тѣхъ тошнитъ отъ васъ, „объединителей“. Есть же какая-нибудь этому причина!

---

*) Прошу читателя помнить, что все это происходитъ въ сновидѣніи, и не удивляться, что нѣмецкій мальчикъ выражается не вполнѣ свойственнымъ его возрасту языкомъ.

**) Со стороны русскаго мальчика этотъ способъ выражаться еще неестественнѣе, но, опять повторяю, въ сновидѣніи нѣтъ ничего невозможнаго.

Мальчикъ въ штанахъ. Разумѣется, отъ необразованности. Необразованный человѣкъ —все равно. что низшій организмъ; такъ чего же ждать отъ низшихъ организмовъ!

Мальчикъ безъ штановъ. Вотъ видишь, колбаса! тебя еще отъ земли не видать, а какъ ужъ ты поговариваешь!

Мальчикъ въ штанахъ. „Колбаса“! „выкуси“!—какія несносныя выраженія! А вы, русскіе, еще хвалитесь богатствомъ вашего языка! Цѣлый часъ я говорю съ вами, русскій мальчикъ, и ничего не слышу, кромѣ загадочныхъ словъ, которыхъ ни на одинъ языкъ нельзя перевести. Между тѣмъ дѣло совершенно ясное. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ вы хвастаетесь, что идете исполинскими шагами впередъ, а нѣкоторые изъ васъ даже и о какомъ-то „новомъ словѣ“ поговариваютъ—и что же оказывается?—что вы бѣднѣе нежели когда-нибудь, что сквернословіе болѣе нежели когда-либо регулируетъ ваши отношенія къ правящимъ классамъ, что Колупаевы держатъ въ плѣну ваши души, что никто не довѣряетъ вашей солидности, никто не разсчитываетъ ни на вашу дружбу, ни на вашу непріязнь... ахъ!

Мальчикъ безъ штановъ. Ахай, нѣмецъ! а я тебѣ говорю, что это-то именно и есть... занятное!

Мальчикъ въ штанахъ. Рѣшительно ничего не понимаю!

Мальчикъ безъ штановъ. Гдѣ тебѣ понять! Сказывалъ ужъ я тебѣ, что ты за грошъ чорту душу продалъ,—вотъ онъ теперь тебѣ и заститъ свѣтъ!

Мальчикъ въ штанахъ. „Сказывалъ“! Но вѣдь и я вамъ говорилъ, что вы тому же чорту задаромъ душу отдали... Кажется, что и эта афера не особенно лестная...

Мальчикъ безъ штановъ. Такъ то задаромъ, а не за грошъ. Задаромъ-то я отдалъ — стало быть, и опять могу назадъ взять... Ахъ, колбаса, колбаса!

. . . . . .

Но тутъ разговоръ внезапно порвался, потому что я проснулся. Кто-то въ нашемъ отдѣленіи вскочилъ съ своего ложа и благимъ матомъ кричалъ: „караулъ! грабятъ!“ Это вопіялъ Удавъ, которому приснилось, что произошла третья дѣлёжка, и что его и при этой дѣлежкѣ... опять позабыли!

Черезъ часъ мы уже подъѣзжали къ Берлину.

Глава II.

Переѣхавши границу, русскій культурный человѣкъ становится необыкновенно дѣятельнымъ. Всю жизнь онъ слылъ фатюемъ, остюкомъ, фалалеемъ; теперь онъ, во что бы то ни стало, хочетъ доказать, что по природѣ онъ совсѣмъ не фатюй, и ежели являлся таковымъ въ своемъ отечествѣ, то или потому только, что его „заѣла среда“, или потому, что это было согласно съ видами начальства. Онъ рано встаетъ утромъ, не спитъ послѣ обѣда, не сидитъ по цѣлымъ часамъ въ ватерклозетѣ и съ Бедекеромъ въ рукахъ съ утра до вечера нюхаетъ, смотритъ, слушаетъ, глотаетъ. Съ лихорадочною страстностью переѣзжаетъ онъ съ мѣста на мѣсто, всходитъ на горы и сходитъ съ оныхъ, бродитъ по деревнямъ, удивляется свѣжести горнаго воздуха и дешевизнѣ табльдотовъ, не морщась пьетъ мѣстное вино, вступаетъ въ собесѣдованія съ кельнерами и хаускнехтами и наконецъ, съ наступленіемъ ночи, падаетъ въ постель (снабженную впрочемъ дерюгой, вмѣсто бѣлья, и какими-то кисельными комками, вмѣсто подушекъ), измученный бѣготней и массой полученныхъ впечатлѣній. Сегодня онъ ѣдетъ во Франкфуртъ и восклицаетъ: „вотъ мѣсто рожденія Гёте!“ а завтра, въ Страсбургѣ, возвѣщаетъ: „вотъ, братъ, такъ колокольня!“ Сегодня, въ Интерлакенѣ, не сводитъ глазъ съ Юнгфрау, а завтра любуется люцернскимъ раненымъ львомъ, съ надписью: Helvetiorum virtuti ac fidei, каковую надпись, въ шутливомъ русскомъ тонѣ, переводитъ: „любезно-вѣрнымъ швейцарцамъ, спасавшимъ въ 1790 году, за поденную плату, французское престолъ-отечество“. Не успѣвъ познать самого себя.—такъ какъ насчетъ этого въ Россіи строго,—онъ очень доволенъ, что никто ему не препятствуетъ познавать другихъ. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что, возвратясь изъ дневной экскурсіи по окрестностямъ, онъ говоритъ самому себѣ: „вотъ я и по деревнямъ шлялся, и съ мужичками разговаривалъ, и пиво въ кабачкѣ съ ними пилъ—и ничего, сошлотаки съ рукъ! а попробуй-ка я такимъ образомъ у насъ въ деревнѣ, безъ предписанія начальства, явиться—сейчасъ руки къ лопаткамъ и маршъ къ становому... ахъ, подлость какая!“ Словомъ сказать, съ точки зрѣнія подвижности, любознательности и предпріимчивости, русскій культурный человѣкъ за границей является совершенною противоположностью тому, чѣмъ онъ былъ въ своемъ отечествѣ.

Но здѣсь я опять долженъ оговориться (пусть не посѣтуетъ на меня читатель за частыя оговорки), что подъ русскими культурными людьми я не разумѣю ни русскихъ дамочекъ, которыя устремляются за границу, потому что тамъ каждый кельнеръ имѣетъ видъ наполеоновскаго камеръ-юнкера, ни русскихъ бонапартистовъ, которые, вернувшись въ отечество, съ умиленіемъ разсказываютъ, въ какой поразительной опрятности парижскія кокотки содержатъ свои приманки. Равнымъ образомъ я не стану говорить ни о дѣйствующихъ сановникахъ, которые на казенный счетъ ставятъ въ тупикъ Вефура, Бребана и Маньи *) несбыточностью своихъ кулинарныхъ мечтаній, ни о сановникахъ опальныхъ, которые повѣряютъ Юнгфрау свои любезновѣрные вздохи и пробуждаютъ жалость въ сердцахъ людей кадетскою мудростью своихъ административно-полицейскихъ выдумокъ. Я говорю о среднемъ культурномъ русскомъ человѣкѣ, о литераторѣ, адвокатѣ, чиновникѣ, художникѣ, купцѣ, то-есть о людяхъ, которыхъ прямо или косвенно уже коснулся лучъ мысли, которые до извѣстной степени свыклись съ идеей о трудѣ и которые три четверти года живутъ подъ напоминаніемъ о мѣстахъ не столь отдаленныхъ. Понятно, что они рады-радёхоньки хоть два-три мѣсяца прожить внѣ этого напоминанія.

Я искренно убѣжденъ, что именно только это послѣднее обстоятельство можетъ побуждать этихъ людей такими массами устремляться въ „чужое мѣсто“, и именно тамъ, а не на берегахъ Ветлуги или Чусовой искать отдыха отъ треволненій трудовой жизни. Ужасно пріятно прожить хоть нѣсколько времени не боясь. Необходимость „ходить въ струнѣ“, намятовать, что „выше лба уши не ростутъ“, и что съ „суконнымъ рыломъ“ нельзя соваться въ „калашный рядъ“, —это такая жестокая необходимость, что только любовь къ родинѣ, доходящая до ностальгіи, можетъ примириться съ подобнымъ безчеловѣчіемъ. Кажется, что̀ можетъ быть проще мысли, что жить въ средѣ людей довольныхъ и небоящихся—гораздо удобнѣе, нежели быть окруженнымъ толпою ропщущихъ и трепещущихъ несчастливцевъ? Однакожъ съ какимъ упоретвомъ торжествующая практика держится совершенно противоположныхъ воззрѣній! И сколько еще встрѣ-

*) Содержатели извѣстныхъ въ Парижѣ ресторановъ. Впрочемъ заранѣе извиняюсь: быть можетъ, есть имена и болѣе извѣстныя.

чается на свѣтѣ людей, которые вполнѣ искренно убѣждены, что съ жиру человѣкъ можетъ только бѣситься, и что поэтому самая мудрая внутренняя политика заключается въ томъ, чтобъ держать людской родъ въ состояніи болѣе или менѣе приниженномъ! Что же удивительнаго, что на такія воззрѣнія и жизнь даетъ вполнѣ соотвѣтствующій отвѣтъ. Съ одной стороны, она производитъ людей-мучениковъ, которыхъ повсюду преслѣдуетъ представленіе о родинѣ, но которые все-таки по совѣсти не могутъ отрицать, что на родинѣ ихъ ожидаетъ разговоръ съ становымъ приставомъ; съ другой—людей-мудрецовъ, которые разъ навсегда порѣшили: пускай родина процвѣтаетъ особо, а я буду процвѣтать тоже особо, ибо лучше два-три мѣсяца подышать полною грудью, нежели просидѣть ихъ въ „холодной“...

Рѣшительно невозможно понять, почему появленіе русскаго культурнаго человѣка въ русской деревнѣ (еслибы даже этотъ человѣкъ и не былъ мѣстнымъ обывателемъ) считается у насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, за что надо выворачивать руки къ лопаткамъ и вести къ становому. Почему желаніе знать, какъ живетъ русскій деревенскій человѣкъ, называется предосудительнымъ, а желаніе подѣлиться съ нимъ нѣкоторыми небезполезными свѣдѣніями, которыя повысили бы его умственный и нравственный уровень,—превратнымъ толкованіемъ? Вѣдь надо же наконецъ, чтобъ мужикъ когда-нибудь что-нибудь зналъ, надо же, чтобъ онъ сознавалъ себя и свое положеніе и когда-нибудь пожелалъ для себя лучшаго удѣла, нежели тотъ, на который онъ осужденъ въ данную минуту. Говорю: „надо“—совсѣмъ не въ смыслѣ ублаготворенія мужицкой прихотливости, а просто потому, что безъ этого знанія, безъ этого стремленія къ лучшему не можетъ преуспѣвать страна. Уничтожьте идеалы (хотя бы и мужицкіе), заставьте замереть желаніе лучшаго, и вы увидите, какъ быстро загрубѣетъ окружающая среда. А между тѣмъ благосостояніе этой среды необходимо и для васъ лично, потому что имъ, и только имъ однимъ, обусловливается ваше собственное благосостояніе.

Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что во всѣхъ этихъ собесѣдованіяхъ съ „мужичкомъ“ и хожденіяхъ около него кроется достаточная доля опасности, такъ какъ они могутъ служить удобнымъ орудіемъ для извѣстнаго рода происковъ, которые во всѣхъ новѣйшихъ хрестоматіяхъ извѣстны подъ именемъ неблагонамѣренныхъ. Допустимъ пожалуй, что подобные случаи не невозможны, но вѣдь дѣло не въ томъ, воз-

можна ли та или другая случайность, а въ томъ, нужно ли эту случайность обобщать? нужно ли крутить руки къ лопаткамъ всякому проходящему? нужно ли заставлять его бесѣдовать съ незнакомцемъ, хотя бы онъ назывался становымъ приставомъ? Вѣдь не дѣлаютъ же этого подъ Висбаденомъ, подъ Вюрцбургомъ или подъ Фонтенебло. Вездѣ — сначала ожидаютъ поступковъ, и ежели поступковъ нѣтъ, то оставляютъ человѣка въ покоѣ; а ежели есть поступки, то поступаютъ согласно съ обстоятельствами. Не даже и въ послѣднемъ случаѣ не сажаютъ съ закрученными руками въ „холодную“, а спокойно изслѣдуютъ. Помилуйте! что это за манера такая — не говоря худого слова, крути руки къ лопаткамъ! вѣдь это, наконецъ, подло! Неужто нельзя обойтись безъ тумаковъ, особливо, если еще неизвѣстно, съ чѣмъ имѣешь дѣло — съ превратнымъ или съ полезнымъ толкованіемъ?

Я знаю очень много полезныхъ и даже пріятнаго образа мыслей людей, которые прямо говорятъ: „Зачѣмъ я въ деревню поѣду — тамъ мнѣ навѣрное руки къ лопаткамъ закрутятъ! Въ городѣ я гораздо меньше рискую. Я пишу, вчиняю иски, апеллирую, торгую, играю въ карты — все это внѣшнимъ образомъ беретъ мое время и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ мнѣ возможность прятать мысль и избѣгать возмездій. Если въ городѣ меня спросятъ, какого я образа мыслей насчетъ Усиленья-Матушки, я могу отвѣтить: пасъ! восемь въ червяхъ, шлемъ безъ козырей! — и всякій похвалитъ мою скромность. Напротивъ того, въ деревнѣ я непремѣнно долженъ вести партикулярный разговоръ объ Усиленьѣ-Матушкѣ и непремѣнно имѣть собесѣдникомъ мужика. Не говоря уже о томъ, что иначе я пропаду со скуки, одичаю, но, сверхъ того, я положительно не понимаю, почему я обязанъ воздерживаться отъ собесѣдованій съ мужикомъ? Почему я, видя человѣка безпомощнымъ, не имѣю права подать ему руки помощи? почему, имѣя возможность сообщить человѣку полезный совѣтъ, обязываюсь, вмѣсто того, осквернять его мозги благонамѣренными благоглупостями? Вѣдь, наконецъ, въ самой природѣ человѣческой есть стремленіе симпатизировать своему ближнему и желать поднять его духовный уровень до своего духовнаго уровня! Почему я долженъ отказать себѣ въ удовлетвореніи этого естественнаго требованія? Почему, въ случаѣ неотказа, я обязанъ имѣть по сему предмету объясненіе съ становымъ приставомъ? съ человѣкомъ котораго

супругѣ я не имѣлъ чести быть представленнымъ? Лучше я совсѣмъ не поѣду въ деревню: пускай она процвѣтаетъ... безъ меня!“

Жалуются, что русская деревня страдаетъ отъ культурнаго абсентеизма; но развѣ можетъ быть иначе? Возьмите самыя простыя сельскохозяйственныя задачи, предстоящія культурному человѣку, рѣшившемуся посвятить себя деревнѣ, каковы напримѣръ: способы пользоваться землею, разсчеты съ рабочими, степень личнаго участія въ прибыляхъ, привлеченіе къ этимъ прибылямъ батрака и т. п.—развѣ все это не находится въ самой неспосной зависимости отъ какихъ-то волшебныхъ вѣяній, сущность которыхъ даже не для всякаго понятна? А между тѣмъ эти вѣянія препятствуютъ человѣка и въ самомъ процессѣ его дѣятельности, и во всѣхъ послѣдствіяхъ этого процесса. Вездѣ подозрѣніе, вездѣ доносъ, вездѣ на стражѣ стоитъ тысячеокій Колупаевъ, которому, конечно, невыгодно, чтобъ „обезпеченный надѣломъ“ человѣкъ выскользнулъ изъ его загребистыхъ рукъ. Нужно ли, чтобъ Колупаевъ безсрочно оставался владыкою думъ „обезпеченныхъ“? Ежели нужно, то не сѣтуйте на абсентеизмъ, и пускай страна грубѣетъ, а аборигенъ ея пусть дичаетъ. Если же это нежелательно, то пускай деревня освѣжится приливомъ новыхъ, разумныхъ силъ, и пускай эти силы не встрѣчаются, съ первыхъ же шаговъ, съ выворачиваніемъ рукъ и сажаніемъ въ „холодную“.

Я не говорю, чтобъ отношенія русскаго культурнаго человѣка къ мужику, въ томъ видѣ, въ какомъ они выработались послѣ крестьянской реформы, представляли нѣчто идеальное, равно какъ не утверждаю и того, чтобъ благодѣянія, развиваемыя русской культурой, были особенно цѣнны; но я не могу согласиться съ однимъ: что пріурочиваемое какимъ-то образомъ къ обычаямъ культурнаго человѣка свойство пользоваться трудомъ мужика, не пытаясь обсчитать его, должно предполагаться равносильнымъ испроверженію основъ. А у насъ, къ несчастію, именно этотъ взглядъ и пользуется авторитетомъ, такъ что всякій протестъ противъ обсчитыванія прямо приравнивается къ соціализму. И что всего удивительнѣе, благодаря Колупаевымъ и споспѣшествующимъ имъ quibus auxiliis, самъ мужикъ почти убѣжденъ, что только вредный и преисполненный превратныхъ толкованій человѣкъ можетъ не обсчитать его. По-истинѣ, это ужаснѣйшая изъ всѣхъ пропагандъ. Мало того, что она держитъ народъ въ невѣжествѣ и убиваетъ въ немъ чувство самой простой

справедливости къ самому себѣ (до этого повидимому никому нѣтъ дѣла),—она чревата послѣдствіями иного, еще болѣе опаснаго, съ точки зрѣнія предупрежденія и пресѣченія, свойства. Ибо ежели въ настоящую минуту еще можно сказать, что культурный человѣкъ является абсентеистомъ отчасти по собственной винѣ (недостатокъ мужества, терпѣнія, знаній, привычка къ роскоши и т. д.), то, быть можетъ, недалеко время, когда онъ явится абсентеистомъ поневолѣ. И тогда... что̀ станется съ нашими исконными „опорами"?

Тѣмъ не менѣе я не могу не признать, что со стороны Колунаевыхъ и ихъ попустителей описанный сейчасъ образъ дѣйствій не представляетъ ничего непонятнаго. Эти люди настолько угорѣли подъ игомъ стяжаній и до того лишены дара провидѣнія, что никакія перспективы будущаго не могутъ волновать ихъ. Но совершенно непонятно, почти страшно, что поощренія въ подобномъ смыслѣ отъ времени до времени раздаются и въ литературѣ. Признаюсь, я никогда не могъ читать безъ глубокаго волненія газетныхъ извѣстій о томъ, что въ такую-то, дескать, деревню явились неизвѣстные люди и начали съ мужичками бесѣдовать; но мужички, не теряя золотого времени, прикрутили имъ къ лопаткамъ руки и отправили къ становому приставу. Въ особенности омерзительною казалась мнѣ радостная редакція этихъ статеекъ. Зачѣмъ приходили неизвѣстные люди, о чемъ они разговаривали—ничего не видно; достовѣрно только, что имъ закрутили руки, чтобъ не терять золотого времени. Чему же тутъ, однако, радоваться? Вѣдь, можетъ быть, эти „неизвѣстные" отыскали способъ бороться съ саранчей или съ колорадскимъ жучкомъ, и приходили въ деревню затѣмъ, чтобъ подѣлиться своимъ открытіемъ съ ея обитателями? Или, быть можетъ, они желали указать на какую-нибудь новую отрасль промышленности, которая могла бы съ успѣхомъ привиться въ этой мѣстности? Или, наконецъ, просто хотѣли объяснить мужичкамъ, что̀ такое Богъ? Нужто же это не полезно? А между тѣмъ этимъ полезнымъ „неизвѣстнымъ людямъ", не теряя золотого времени, скрутили назадъ руки.

Прошу читателя извинить меня, что я такъ часто повторяю фразу о вывернутыхъ назадъ рукахъ. Повидимому это самая употребительная и самая совершенная изъ всѣхъ формъ изслѣдованія, допускаемыхъ обитателями россійскихъ палестинъ въ наше просвѣщенное время. И я убѣжденъ, что всякій добросовѣстный урядникъ

совершенно серьезно подтвердить, что еслибы этого метода изслѣдованія не существовало, то онъ былъ бы въ высшей степени затрудненъ въ отправленіи своихъ обязанностей.

За всѣмъ тѣмъ, отнюдь не желая защищать превратныя толкованія, я все-таки думаю, что первая и наиболѣе обязательная добродѣтель для тѣхъ, которые, подобно урядникамъ, даютъ тонъ внутренней политикѣ, есть терпѣніе. Система быстраго и немедленнаго заѣзжанія пользуется у насъ уже черезъ-чуръ большимъ довѣріемъ, и, право, она этого довѣрія не заслуживаетъ. Въ сущности эта система дурная, и наименѣе опасный изъ результатовъ, къ которымъ она приводитъ, это отсутствіе всякихъ результатовъ въ смыслѣ предупрежденія и пресѣченія. Еслибы дѣло ограничивалось только этимъ, то Богъ бы съ нею: пускай утѣшаетъ бойцовъ; но есть и существенная опасность, которая ей присуща и которая заключается въ томъ, что „заѣзжаніе“ можетъ надоѣсть. Конечно, „мальчикъ въ штанахъ“ былъ отчасти правъ, говоря; „вамъ, русскимъ, все надоѣло: и сквернословіе, и Колупаевъ, и тумаки, да вѣдь до этого никому дѣла нѣтъ!“ —но сдается мнѣ, что и „мальчикъ безъ штановъ“ не былъ далекъ отъ истины, настойчиво повторяя: „надоѣло. надоѣло, надоѣло“...

За однимъ изъ безчисленныхъ табльдотовъ Германіи мнѣ случилось однажды обѣдать въ большой компаніи русскихъ... Я сидѣлъ съ краю компаніи, а рядомъ со мною помѣщался неизвѣстный юноша, до такой степени бѣловолосый, что я заподозрилъ: непремѣнно это долженъ быть „скиталецъ“ изъ котельническаго уѣзднаго училища, который какимъ-то чудомъ попалъ въ Германію. Разумѣется, это было съ моей стороны только беллетристическое предположеніе, которое тотчасъ же и разсѣялось, потому что юноша говорилъ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ діалектѣ и очевидно принадлежалъ къ коренной нѣмецкой семьѣ, которая съ нами же и обѣдала. Но тутъ-то именно и случилось дѣйствительное чудо. Между тѣмъ какъ въ средѣ русскихъ шла оживленная бесѣда на тему: для чего собственно нужецъ Берлинъ (многіе предлагали такое рѣшеніе: „для человѣкоубивства“), мнѣ привелось передать моему бѣловолосому сосѣду какое-то кушанье. И вдругъ, въ отвѣтъ на мою любезность, я услышалъ отъ него по-русски:

— Благодару васъ!

Это было до того неожиданно, что я чуть не въ ужасѣ воскликнулъ:

— Однако, братъ, ты... угораздило-таки васъ, mein Herr!

На что̀ юноша, нимало не смущаясь, скромно отвѣтилъ:

— Я сольда̀тъ: мы уфъ Берлинъ немного учи́мъ по-русску... на всякъ случа́й.

Такъ вотъ оно какъ. Мы, русскіе, съ самаго Петра I-го, усердно „учи́мъ по-нѣмецку“, и все никакого „случа̀я“ поймать не можемъ, а въ Берлинѣ ужъ и теперь „случа̀й“ предвидятъ, и, конечно, не для того, чтобъ читать порнографическую литературу г. Цитовича, учатъ солдатъ „по-русску“. Разумѣется, я не преминулъ сообщить объ этомъ моимъ товарищамъ по скитаніямъ, которые нашли, что фактъ этотъ служитъ новымъ подтвержденіемъ только-что формулированнаго рѣшенія: да, Берлинъ ни для чего другого не нуженъ, кромѣ какъ для человѣкоубивства.

Берлинъ, какъ столица Прусскаго Королевства, былъ для всѣхъ понятенъ. Онъ скромно стоялъ во главѣ скромнаго государства и, находясь почти въ центрѣ его, былъ очень удобенъ въ качествѣ административнаго распорядителя. Нѣсколько скучный, какъ бы страдающій головною болью, онъ привлекалъ очень немного иностранцевъ, и ежели, тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ силъ бился походить на прочія столицы, съ точки зрѣнія монументовъ и дворцовъ, то дѣлалъ это pro domo, чтобъ вѣрные подданные прусской короны имѣли поводъ гордиться, что и ихъ короли не отказываютъ себѣ въ монументахъ. Милитаристскія поползновенія существовали въ Берлинѣ и тогда, но они казались столь безобидными, что никому не внушали ни подозрѣній, ни опасеній, хотя подъ сѣнію этой безобидности выросли Бисмарки и Мольтке. Неоднократно Прусское Королевство находилось подъ угрозой распаденія, но всякій разъ на помощь являлась дружественная рука, которая на безсрочное время обезпечивала за нимъ возможность дѣлать разводы, парады и маневры. По временамъ въ Европѣ ходили смутные слухи о томъ, что Берлинъ собирается снабдить Пруссію свободными учрежденіями, и слухи эти вливали тревогу въ сердца сосѣдей. Но проходили годы, учрежденій не появлялось, слухи затихали, и сердца сосѣдей вновь загорались довѣріемъ. Въ 1848 году Берлинъ даже бунтовалъ, но непродолжи-

тельно и скучно. Были однакожъ въ старомъ Берлинѣ и положительно-симпатичныя стороны. Во-первыхъ, онъ съ незапамятныхъ временъ воздерживался отъ ежовыхъ рукавицъ и митирогозіи, что̀ заставляло сосѣдей говорить: „да и куда жъ имъ, колбасникамъ!“ Во-вторыхъ, сознавая себя не безусловно-нѣмецкимъ городомъ, онъ изъ всѣхъ силъ старался быть нѣмецкимъ. Это вынуждало его состязаться съ другими центрами нѣмецкой культуры, приглашать въ свой университетъ лучшихъ профессоровъ, покровительствовать литературѣ, искусствамъ и наукамъ. Все это, разумѣется, дѣлалось довольно экономно (и не безъ примѣси коварства), но, право, даже экономно-коварное покровительство наукамъ все-таки лучше, нежели натискъ и быстрота. Но лучшее право стараго Берлина на общія симпатіи, во всякомъ случаѣ, заключалось въ томъ, что никто его не боялся, никто не завидовалъ и ни въ чемъ не подозрѣвалъ, такъ что даже Москва-рѣка ничего не имѣла противъ существованія рѣчки Шпрее.

Въ настоящее время отъ всѣхъ этихъ симпатичныхъ качествъ осталось за Берлиномъ одно наименѣе симпатичное: головная боль, которая и донынѣ свинцовой тучей продолжаетъ царить надъ городомъ. Все прочее радикально измѣнилось. Застѣнчивость замѣнилась самомнѣніемъ, политическая уклончивость—ничѣмъ неоправдываемой претензіей на вселенское господство, скромность—неудачнымъ стремленіемъ подкупить иностранцевъ мѣщанскою роскошью новыхъ кварталовъ и какимъ-то второразрядным развратомъ, безобразный цинизмъ котораго тщетно усиливается затмить красивый и щеголеватый парижскій цинизмъ. Ужъ подъѣзжая къ Берлину, иностранецъ чувствуетъ, что на него пахну́ло скукой, офицерскимъ самодовольствомъ и коллекціей неопрятныхъ подоловъ изъ Орфеума. И такъ какъ ни то, ни другое, ни третье не заключаютъ въ себѣ ничего привлекательнаго, то путникъ спѣшитъ въ первую попавшуюся гостиницу, чтобъ почиститься и выспаться, и затѣмъ нимало не медля ѣдетъ дальше.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе унылое, нежели улицы Берлина. Недостатка въ движеніи, конечно, нѣтъ (да и не можетъ не быть движенія въ городѣ съ почти милліоннымъ населеніемъ), но это какое-то озабоченное, почти вымученное движеніе—какъ будто всѣмъ этимъ двигающимся взадъ и впередъ людямъ до смерти хо-

чется куда-то убѣжать. Каждому удаляющемуся экипажу, такъ и хочется крикнуть вслѣдъ: счастливецъ! ты, конечно, оставляешь Берлинъ навсегда! Ни гула, напоминающаго пчелиный улей (такой гулъ слышится иногда въ курортахъ, и всегда—въ Парижѣ), ни этой живой связи между улицей и окаймляющими ее домами, которая заставляетъ считать первую какъ бы продолженіемъ послѣднихъ—ничего подобнаго нѣтъ. Одно безпрерывное и молчаливое маятное движеніе—и ничего больше.

Нѣчто подобное можно наблюдать, часовъ около пяти передъ обѣдомъ, въ Петербургѣ на Невскомъ, когда чиновники и адвокаты, вырвавшись съ каторги, спѣшатъ голодные домой. Они не заглядываются по сторонамъ, потому что не на что смотрѣть, никуда не заходятъ, потому—незачѣмъ заходить. Не до глядѣнья тутъ, а какъ бы по-добру по-здорову домой добѣжать, да чтобъ по дорогѣ въ участокъ не свели. Конечно, кромѣ чиновниковъ и адвокатовъ, встрѣчаются въ это время на Невскомъ еще желѣзнодорожники и кокотки. но и они, по совѣсти, едва-ли отвѣтятъ на вопросъ, зачѣмъ они суетятся и движутся. Вотъ этотъ желѣзнодорожный хлыщъ, который во всю прыть мчится на рысакѣ—почему онъ такъ озабоченно смотритъ? объ чемъ думаетъ? Увы! онъ самую простую думу думаетъ, а именно: какъ бы ему такъ обожраться, чтобъ штаны по цѣлому мѣсту лопнули (этого результата онъ почему-то не могъ до сихъ поръ добиться), или какъ бы ему „шельму Альфонсинку“ такъ изуродовать, чтобъ она послѣ того цѣлый мѣсяцъ сѣсть не могла. Для чего ему это понадобилось—онъ и самъ не вѣдаетъ. Ему просто адски скучно, несмотря на то, что. съ точки зрѣнія жранья и Альфонсинокъ, ему не житье, а рай. Да и эта самая Альфонсинка, которую онъ собрался „изуродовать“, и которая теперь, развалившись въ колескѣ, летитъ по Невскому,—и она совсѣмъ не объ томъ думаетъ, какъ она будетъ черезъ часъ пóсет у Бореля, а объ томъ, сколько еще нужно времени, чтобъ „отработаться“ и потомъ удрать въ Парижъ, гдѣ она начнетъ пóсет ужъ взаправду, какъ истинно доброй и бравой кокоткѣ надлежитъ...

Ту же щемящую скуку, то же отсутствіе непоказной жизни вы встрѣчаете и на улицахъ Берлина. Я согласенъ, что въ Берлинѣ никому не придетъ въ голову, что его „запанрасно“ сведутъ въ участокъ или обругаютъ. но, по мнѣнію моему, это придастъ уличной

озабоченности еще болѣе удручающій характеръ. Кажется, что весь этотъ людъ высыпалъ на улицу затѣмъ, чтобъ купить на грошъ колбасы; купилъ, и бѣжитъ поскорѣе домой, какъ бы знакомые не увидѣли и не выпросили.

Въ соотвѣтствіе съ улицами и магазины берлинскіе смотрятъ уныло, хотя есть между ними достаточное число обширныхъ и заваленныхъ товаромъ. Это скорѣе кладовыя, нежели магазины. Можетъ быть, въ нихъ и спрятано гдѣ-нибудь что-нибудь подходящее, да заглядывать-то туда не хочется, потому что покуда отыскиваешь это подходящее (а спросите-ка „дамочку“, знаетъ ли она даже, что̀ для нея „подходящее“?), непремѣнно сто разъ часъ своего рожденія проклянешь. Представьте себѣ, что вы хотите знать, какимъ образомъ и почему петербургскіе оберъ-полиціймейстеры начали именоваться градоначальниками, а вамъ на это говорятъ, что для точнаго уразумѣнія этого событія необходимо прочитать „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьева. Зачѣмъ? вѣдь это, наконецъ, обременительно—по поводу самой простой исторической справки каждый разъ перечитывать „Исторію“ Соловьева! А въ Берлинѣ каждый магазинъ такъ. кажется, и говоритъ проходящему, что человѣкъ, желающій пріобрѣсти фланелевую куртку, тогда только получитъ искомое, ежели предварительно ознакомится съ полнымъ курсомъ „Исторіи фланелевыхъ куртокъ съ древнѣйшихъ временъ“. Даже русскія культурныя дамочки—ужъ на что̀ охочи по магазинамъ бѣгать—и тѣ чуть не со слезами на глазахъ жалуются: помилуйте! мужъ заставляетъ меня въ Берлинѣ платья покупать!

Въ Берлинѣ можно купить одѣяло, но не такое, чтобъ имъ покрывать постель днемъ; можно купить резиновый мячикъ, но лишь для дѣтей небогатыхъ родителей; наконецъ въ Берлинѣ можно купить колбасу, но не такую, чтобъ потчивать ею людей, которымъ желаешь добра, а такую, чтобъ съѣсть ее отъ нужды одному, при запертыхъ дверяхъ, съѣсть, и когда желудочныя боли утихнутъ, то позабыть. И за всѣмъ тѣмъ Берлинъ торгуетъ, какъ говорится, въ-развалъ, и въ особенности шерстянымъ товаромъ. Куда расходится эта громадная масса безвкуснаго, а отчасти и не особенно прочнаго товара?—Разумѣется, прежде всего по своимъ собственнымъ Диршау, Бромбергамъ. Тарантамъ и проч., но главное количество все-таки уходитъ въ Россію. Пензы. Тулы, Курски—все слопаютъ, и туль-

ская дамочка, которая визжала при одной мысли ремонтировать свой туалетъ въ Берлинѣ, охотно износитъ самаго несомнѣннаго Герсона за самаго несомнѣннаго Ворта, если этотъ Герсонъ будетъ предложенъ ей въ магазинѣ дамскаго портного Страхова... въ кредитъ.

Но самый гнетущій элементъ берлинской уличной жизни — это военный. Сравнительно съ Петербургомъ военный гарнизонъ Берлина не весьма многочисленъ, но тѣла ли прусскихъ офицеровъ дюжѣе, груди ли у нихъ объемистѣе, какъ бы то ни было, но дѣлается положительно тѣсно, когда по улицѣ проходитъ прусскій офицеръ. Одѣтъ онъ какимъ-то чудакомъ, въ форму, напоминающую наши военные сюртуки и фуражки сороковыхъ годовъ; грудь выпячена колесомъ, усы закручены въ колечко... Идетъ румяный, кругличатый, довольный, точно сейчасъ получилъ жалованье, что̀ не мѣшаетъ ему, впрочемъ, относиться къ ближнему съ строгостью и скоростью. Мнѣ кажется, что Держиморда именно былъ бы таковъ, еслибы не заѣлъ его Сквозникъ-Дмухановскій и онъ самъ не имѣлъ бы слабости къ спиртнымъ напиткамъ.

Когда я прохожу мимо берлинскаго офицера, меня всегда беретъ оторопь. Даже въ Баденъ-Баденѣ, въ Эмсѣ мнѣ дѣлалось жутко, когда, бывало, привезутъ въ курзалъ изъ Раштадта или изъ Кобленца нѣсколько десятковъ офицеровъ, чтобъ доставить удовольствіе à ces dames. Не потому жутко, чтобъ я боялся, что офицеръ кликнетъ городового, а потому, что онъ всѣмъ своимъ складомъ, посадкой, устоемъ, выпяченной грудью, выбритымъ подбородкомъ такъ и тычетъ въ меня: я герой! Мнѣ кажется, что еслибы вмѣсто того онъ сказалъ: я разбойникъ и сейчасъ начну тебя свѣжевать, — мнѣ было бы легче. А то „герой“ — шутка сказать! Передъ героями простые люди обязываются падать ницъ, обожать ихъ, забыть о себѣ, чтобъ исключительно любоваться и гордиться ими, — вотъ какъ я понимаю героевъ! Но какъ бы я ни былъ малъ и ничтоженъ, вѣдь и у меня есть собственныя дѣлишки, которыя требуютъ времени и заботъ. И вдобавокъ, эти дѣлишки, вмѣстѣ съ дѣлишками другихъ столь же простыхъ людей, не безполезны и для страны, въ которой я живу. Неужели же я долженъ обо всемъ забыть, на все закрыть глаза, затѣмъ только, чтобъ во всю глотку орать: ура, герой! Нѣтъ, право, самое мудрое дѣло было бы, еслибы держали героевъ взаперти, по-

тому что это развязало бы простымъ людямъ руки и въ то же время дало бы возможность странѣ пользоваться плодами этихъ рукъ. Пускай герои между собой разговариваютъ и другъ на друга любуются; пускай читаютъ Плутарха, припоминаютъ анекдоты изъ жизни древнихъ и новыхъ героевъ и вообще поддерживаютъ въ себѣ вкусъ къ истребленію „исконнаго“ врага (а кто же теперь не „исконный“ врагъ въ глазахъ прусскаго офицера?). Но пусть они не показываются днемъ на улицѣ, пусть не напоминаютъ мнѣ, смирному и скромному колбаснику, что я ежемгновенно могу погибнуть какъ червь, если за меня не бдитъ недремлющее око его... героя!

Нашъ русскій офицеръ никогда не производилъ на меня такого удручающаго впечатлѣнія. Прежде всего онъ въ объемѣ тоньше и грудей у него такихъ нѣтъ; во-вторыхъ, онъ положительно никому не тычетъ въ глаза: я герой. Русскій человѣкъ способенъ быть дѣйствительнымъ героемъ, но это не выпячиваетъ ему груди и не заставляетъ таращить глаза. Онъ смотритъ на геройство безъ чванства и очевидно понимаетъ, что это совсѣмъ не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить съ собою, въ числѣ прочей аммуниціи. Напротивъ, прусакъ убѣжденъ, что разъ онъ произведенъ, съ соизволенія начальства, въ герои, разъ ему воздвигнутъ на Королевской площади памятникъ, то онъ обязывается съ честью носить это званіе не только на улицахъ, но и въ садахъ Орфеума. Разумѣется, простыхъ людей это стѣсняетъ.

Можетъ быть, поэтому-то и берлинская веселость имѣетъ какой-то неискренній, мрачный характеръ. Какъ тутъ искренно веселиться, когда о-бокъ съ вами торчитъ „герой“, который, того гляди, начнетъ повѣствовать объ Вёртѣ или объ Седанѣ? А между тѣмъ не веселиться —нельзя. Во-первыхъ, современный берлинецъ черезъ-чуръ взбаламученъ разсказами о парижскихъ веселостяхъ, чтобъ не попытаться завести у себя что-нибудь à l'instar de Paris. Во-вторыхъ, ежели онъ не будетъ веселиться, то не скажетъ ли о немъ Европа: вотъ онъ прошелъ съ мечемъ и огнемъ половину цивилизованнаго міра, а остался все тѣмъ же скорбнымъ главою берлинцемъ. Въ-третьихъ, не скажутъ ли и самые „герои“: мы завалили васъ лаврами, а вы ходите какъ заспанные — ужели нужно и еще разорить какую-нибудь страну, чтобъ разбудить васъ? И вотъ берлинецъ начинаетъ веселиться. Онъ заводитъ шарабанъ mit einem ganz noblen Lakai, и

хвастается: „wir haben unsere eigenen gamins de Paris!" А затѣмъ отправляется въ Орфеумъ, щиплетъ тамошнихъ кокотокъ („не знаетъ, какъ блеснуть очаровательнѣе", какъ выражается у Островскаго Ли-ночка Большова), наливается шампанскимъ точно такъ же, какъ отецъ или предокъ его наливался пивомъ, и пьяный отправляется на ночлегъ въ сопровожденіи двухъ кокотокъ вмѣсто одной. И мечется на своемъ ложѣ, видя во снѣ, что и завтра ему предстоитъ веселиться точно тѣмъ же порядкомъ.

Я съ особенною настойчивостью останавливаюсь на уличной жизни, во-первыхъ, потому, что она всего больше доступна наблюде-нію, а во-вторыхъ потому, что въ городѣ, имѣющемъ претензію быть кульминаціоннымъ пунктомъ цѣлой имперіи, уличная жизнь, по мнѣ-нію моему, должна преимущественно отражать на себѣ степень бо́льшей или ме́ньшей эмансипаціи общества отъ узъ. Основать университетъ и населить его знаменитѣйшими и наилучше оплаченными профессо-рами можно всюду, даже при наличности самыхъ нестерпимѣйшихъ узъ, равно какъ всюду же можно устроить музеи, коллекціи, выставки и проч. Для этого нужны только добрая воля и матеріальныя сред-ства. Но общительность, но мягкость формъ общежитія нельзя де-кретировать ни начальственнымъ предписаніемъ, ни громомъ и бле-скомъ побѣдъ. Тамъ, гдѣ эти свойства отсутствуютъ, гдѣ чувство собственнаго достоинства замѣняется оскорбительнымъ и въ сущно-сти довольно глупымъ самомнѣніемъ, гдѣ шовинизмъ является обна-женнымъ, безъ всякой примѣси энтузіазма, гдѣ не горятъ сердца ни любовью, ни ненавистью, а воспламеняются только подозрительностью къ сосѣду, гдѣ нѣтъ ни истинной привѣтливости, ни искренней ве-селости, а есть только желаніе похвастаться и разсчетъ на трин-гельдъ—тамъ, говорю я, не можетъ быть и большого хода свободѣ. Я не хочу, конечно, сказать этимъ, чтобъ университеты, музеи и тому подобныя образовательныя учрежденія играли ничтожную роль въ политической и общественной жизни страны—напротивъ! но для того, чтобъ вліяніе этихъ учрежденій оказалось дѣйствительно плодо-творнымъ, необходимо, чтобъ между ними и обществомъ существо-вала живая связь, чтобъ университеты, напримѣръ, были свѣточами и вѣстниками жизни, а не комментаторами офиціально призна-нныхъ формулъ, которыя и сами по себѣ настолько крѣпки, что.

право, не нуждаются въ подтвержденіи и провозглашеніи съ высоты профессорскихъ каѳедръ.

Но здѣсь я не могу воздержаться, чтобъ не припомнить одного любопытнаго факта изъ моего прошлаго. Когда я былъ въ школѣ, то въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ еще весьма часто упоминалось слово: „кнутъ“. Нужно полагать, что это было очень серьезное орудіе государственной Немезиды, потому что оно отпускалось въ количествѣ, не превышавшемъ 41-го удара, хотя опытный палачъ, какъ въ то время удостовѣряли, могъ съ трехъ ударовъ заколотить человѣка на смерть. Во всякомъ случаѣ орудіе это несомнѣнно существовало, и слѣдовательно профессоръ уголовнаго права долженъ былъ такъ или иначе встрѣтиться съ нимъ на каѳедрѣ. И что же! выискался профессоръ, который не только не проглотилъ этого слова, не только не подавился имъ въ виду десятковъ юношей, внимавшихъ ему, не только не выразился хоть такъ, что какъ-дескать ни печально такое орудіе, но при извѣстныхъ формахъ общежитія представляется затруднительнымъ обойти его, а прямо и внятно повѣствовалъ, что кнутъ есть одна изъ формъ, въ которыхъ идея правды и справедливости находитъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе! Мало того: онъ утверждалъ, что самая злая воля преступника требуетъ себѣ воздаянія въ видѣ кнута, и что не будь этого воздаянія, она могла бы счесть себя неудовлетворенною. Но прошло немного времени, курсъ уголовщины не былъ еще законченъ, какъ вдругъ, передъ самыми экзаменами, кнутъ отрѣшили и замѣнили трехвостною плетью, съ соотвѣтствующимъ угобженіемъ съ точки зрѣнія числа ударовъ. Я помню, что насъ, молодыхъ школяровъ, чрезвычайно интересовало, какъ-то вывернется старый буквоѣдъ изъ этой неожиданности. Прольетъ ли онъ слезу на могилѣ кнута, или надругается надъ этой могилой и воткнетъ въ нее осиновый колъ. Оказалось, что онъ воткнулъ осиновый колъ. Цѣлую лекцію сквернословилъ онъ передъ нами, какъ скорбѣла высшая идея правды и справедливости, когда она осуществлялась въ формѣ кнута, и какъ ликуетъ она теперь, когда, съ соизволенія вышняго начальства, ей предоставлено осуществляться въ формѣ трехвостной плети, съ соотвѣтствующимъ угобженіемъ. Онъ говорилъ—и его не тошнило, мы слушали—и насъ тоже не тошнило. Я не знаю, какъ потомъ справился этотъ профессоръ, когда тѣлесныя наказанія были совсѣмъ устранены изъ уголовнаго кодекса, но

думаю, что онъ и тутъ вышелъ сухъ изъ воды (быть можетъ, ловкій старикъ внутренно посмѣивался, что какъ, молъ, ни вертись, а тумаки и митирогнозія все-таки остаются въ прежней силѣ). Кто же однако броситъ въ него камень за выказанную имъ научную сноровитость? Развѣ отъ него требовалось, чтобъ онъ стоялъ на дорогѣ съ свѣточемъ въ рукахъ? Нѣтъ, отъ него требовалось одно: чтобъ онъ подыскалъ обстановку для истины уже отвержденной и оффиціально признанной таковою, и потомъ, за эту послугу, чтобъ получалъ присвоенное по штатамъ содержаніе.

Весьма можетъ статься, что я неправъ (охотно сознаюсь въ моей некомпетентности), но мнѣ кажется, что именно для этой послѣдней цѣли собраны въ берлинскомъ университетѣ ученыя знаменитости со всѣхъ концовъ Германіи. Онѣ устраиваютъ обстановочки, придумываютъ оправдательныя теоріи въ пользу совершившихся фактовъ и скромно пользуются присвоеннымъ имъ отличнымъ содержаніемъ. Но вліянія на ходъ жизни онѣ не имѣютъ и никого для будущаго не воспитываютъ. Конечно, они не будутъ распинаться въ пользу кнута, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ хранился за печатями въ губернскихъ правленіяхъ, но вѣдь бываютъ кнуты и иносказательные...

Я не имѣю никакихъ данныхъ утверждать, что Берлинъ *никогда* не сдѣлается дѣйствительнымъ руководителемъ германской умственной жизни, но, судя по современному настроенію умовъ, думаю, что *въ настоящее время* для доброй половины Германіи Берлинъ не только не симпатиченъ, но даже прямо непріятенъ. Онъ у всѣхъ что-нибудь отнялъ и ничѣмъ за отнятое не вознаградилъ. И вдобавокъ вездѣ насовалъ берлинскаго солдата съ соотвѣтствующимъ количествомъ берлинскихъ же офицеровъ. Какое, спрашивается, имѣлъ онъ право смущать сонъ добродушныхъ баденцевъ вѣчно присущимъ представленіемъ о выпяченныхъ грудяхъ и вытаращенныхъ глазахъ? И была ли въ томъ надобность?

Однимъ словомъ, вопросъ, для чего нуженъ Берлинъ?—оказывается вовсе не столь праздным, какъ это можетъ представиться съ перваго взгляда. Да и отвѣтъ на него не особенно затруднителенъ, такъ какъ вся суть современнаго Берлина, все міровое значеніе его сосредоточены въ настоящую минуту въ зданіи, возвышающемся въ виду Королевской площади и носящемъ названіе: *Главный Штабъ*...

Разсказываютъ, правда, что никогда въ Берлинѣ не были такъ

сильны демократическія аспираціи, какъ теперь, и въ доказательство указываютъ на нѣкоторые парламентскіе выборы. Но вѣдь разсказываютъ и то, что берлинское начальство очень ловко умѣетъ справляться съ аспираціями и отнюдь не церемонится съ излюбленными берлинскими людьми...

. . . . . .

Само собой разумѣется, что каждый здравомыслящій берлинецъ, по поводу сейчасъ изложеннаго, можетъ сказать мнѣ: если тебѣ у насъ нехорошо, то ступай домой и тамъ наслаждайся! И я не только допускаю возможность такого возраженія, но даже понимаю, что въ отвѣтъ на него я могу только сконфузиться. Но въ сущности я буду неправъ, потому что дѣло совсѣмъ не въ томъ, гдѣ и насколько золотниковъ жизнь угрюмѣе, а въ томъ, гдѣ и насколько она интереснѣе. Читатель! подивись! я совершенно безъ всякой ироніи утверждаю, что нигдѣ жизнь не представляетъ такъ много интереснаго, какъ въ нашемъ бѣдномъ, захудаломъ отечествѣ.

Конечно, это интересъ своеобразный, какъ говорится, на охотника, но все-таки интересъ.

Бываютъ существованія—съ личной точки зрѣнія очень мучительныя, почти невозможныя, но съ точки зрѣнія изслѣдованія и выводовъ полныя изумительнѣйшихъ откровеній. Наблюдать такія существованія со стороны было бы, разумѣется удобнѣе, нежели знакомиться съ ними при помощи собственныхъ боковъ, но устроить это безъ ущерба для полноты самыхъ наблюденій до крайности трудно. Во-первыхъ, какъ бы ни было добросовѣстно и подробно изслѣдованіе со стороны, никогда оно не замѣнитъ того интимнаго изслѣдованія, процессъ котораго оставляетъ неизгладимые слѣды на собственныхъ бокахъ изслѣдователя. Во-вторыхъ, существуютъ расположенія, при которыхъ, несмотря на самыя похвальныя усилія остаться на почвѣ объективности, эти усилія оказываются тщетными, и всякій наблюдатель, каковы бы ни были его намѣренія, силою вещей превращается въ наблюдателя, собирающаго нужные факты при помощи собственныхъ боковъ. Поэтому, принимая на себя роль изслѣдователя подобныхъ загадочныхъ существованій, необходимо сказать себѣ: чтожъ дѣлать! если меня и ожидаютъ впереди нѣкоторые ушибы, то я обязываюсь оные перенести!

Сказать это тѣмъ болѣе необходимо, что предметъ предстоящихъ

изслѣдованій вполнѣ того заслуживаетъ. Какимъ образомъ этотъ предметъ могъ сдѣлаться интереснымъ — вопросъ довольно затруднительный для рѣшенія; но вѣдь и это ужъ само по себѣ очень интересно, что хоть и не можешь себѣ объяснить, почему предметъ интересенъ, а все-таки интересуешься имъ. Тутъ можно сказать себѣ только одно: чѣмъ загадочнѣе жизнь, тѣмъ болѣе она даетъ пищи для любознательности и тѣмъ больше подстрекаетъ къ раскрытію тайнъ этой загадочности. Съ этой точки зрѣнія я совершенно раздѣляю мнѣніе „Мальчика безъ штановъ“, который на всѣ обольщенія, представляемыя гороховицей съ свинымъ саломъ, отвѣчалъ: „нѣтъ, у насъ дома занятнѣе“. Ежели можно сказать вообще про Европу, что она въ главныхъ чертахъ повторяетъ зады (по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту она во истину ничего другого не дѣлаетъ) и во всякомъ случаѣ знаетъ, что̀ ожидаетъ ее завтра (что̀ было вчера, то̀ повторится и завтра, съ малымъ развѣ измѣненіемъ въ подробностяхъ), то къ Берлину это замѣчаніе примѣнимо въ особенности. Въ Берлинѣ самые камни вопіютъ: завтра должно быть то же самое, что̀ было вчера! А мы—развѣ мы что-нибудь знаемъ? Какимъ образомъ разрѣшится вопросъ объ акклиматизаціи саранчи? Порвется ли когда-нибудь сѣть сквернословія и тумаковъ, опутавшая насъ отъ верхняго края до нижняго? Произойдетъ ли когда-нибудь волшебство, при помощи котораго народная школа, народное здоровье, занятіе сельскимъ хозяйствомъ, то-есть именно тѣ поприща, на которыхъ культурный человѣкъ можетъ принести наибольшую пользу, перестанутъ считаться синонимами распространенія превратныхъ идей? Кто разрѣшитъ эти вопросы? — разумѣется, никто... Но развѣ это не занятно?

Я знаю, что жить среди этихъ загадочностей — все равно, что быть ввергнутымъ въ львиный ровъ... Но за то какая радость, ежели львы не тронутъ или только слегка помнутъ ребра!

„Мальчикъ въ штанахъ“ во многомъ былъ правъ. Гороховица съ свинымъ саломъ во истину слаще, нежели мякинный хлѣбъ, сдобренный одною водой: поля, приносящія постоянно сам-пятнадцать, во истину выгоднѣе, нежели поля, представляющія въ перспективѣ награду въ небесахъ; отсутствіе митирогозіи лучше, нежели присутствіе ея, а обычай не рвать яблоковъ съ деревьевъ, растущихъ при дорогѣ, похвальнѣе обычая опохмеляться чужимъ, плохо лежа-

щимъ керосиномъ. Но онъ былъ неправъ, утверждая, что всѣ эти блага цивилизаціи настолько цѣнны, чтобъ за нихъ можно было „по контракту“ закрѣпить душу. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію моему, „мальчикъ безъ штановъ“ правѣе. Онъ соглашается, что у пруссака чище и вальготнѣе, но утѣшается тѣмъ, что у него, „мальчика безъ штановъ“, по крайней мѣрѣ никакого контракта на рукахъ нѣтъ. Положимъ, что его душа, также какъ и нѣмцева, не принадлежитъ ему въ собственность, но онъ не продалъ ее за грошъ, а отдалъ даромъ. Какъ хотите, а это очень и очень интересная разница!

Какъ бы то ни было, но первое чувство, которое долженъ испытать русскій, попавшій въ Берлинъ, все-таки будетъ чувствомъ искреннѣйшаго огорченія, близко граничащаго съ досадой. Прежде всего онъ увидитъ себя вынужденнымъ сравнивать, и выводы, которые получатся путемъ этихъ сравненій, покажутся ему не особенно удовлетворительными. Но пусть онъ не останавливается передъ этими первыми выводами, пусть не обольщается даже зрѣлищемъ признанія правъ мысли на оцѣнку благодѣяній свободы, первый актъ котораго несомнѣнно начнется для него уже подъ Эйдткуненомъ. Пусть приметъ онъ на вѣру слова „мальчика безъ штановъ“: „у насъ дома занятнѣе“, и съ довѣріемъ возвратится въ домъ свой, чтобъ занять соотвѣтствующее мѣсто въ представленіи той загадочной драмы, о которой нельзя даже сказать, началась она или нѣтъ.

За Берлиномъ, по направленію къ Рейну, начинается рядъ лакейскихъ городовъ. Это — курорты, гдѣ въ общей массѣ наѣзжаго люда и русскіе, по распоряженію медицинскаго начальства, посвящаютъ себя нагуливанію животовъ.

Курортъ—миніатюрный, живописно-расположенный городокъ, который зимою представляетъ рядъ на-глухо заколоченныхъ отелей и въѣзжихъ домовъ, а лѣтомъ превращается въ гудящій пчелиный улей. Оффиціальная привлекательность курортовъ заключается въ цѣлебной силѣ ихъ водяныхъ источниковъ и въ обновляющихъ свойствахъ воздуха окружающихъ горъ; неоффиціальная — въ томъ непрерывающемся праздникѣ, который неразлученъ съ наплывомъ массъ досужихъ и обладающихъ хорошими денежными средствами людей.

Я не могу представить себѣ зимнее существованіе этихъ город-

ковъ. Ведутъ ли населяющіе ихъ жители какую бы то ни было самостоятельную жизнь и имѣютъ ли свойственныя всѣмъ земноводнымъ постоянныя занятія? пользуются ли благами общественности, т.-е. держатъ ли, какъ въ прочихъ мѣстахъ, ухо востро, являются ли по начальству въ мундирахъ для принесенія поздравленій, фигурируютъ ли въ процессахъ, въ качествѣ попустителей и укрывателей, и затѣмъ уже, въ свободное отъ явокъ время, женятся, рождаютъ дѣтей и умираютъ, или же представляютъ собой изнуренный лѣтнею бѣготнею сородъ, который, сосчитавъ барыши, погружается въ спячку, съ тѣмъ, чтобъ проснуться въ началѣ апрѣля и начать приготовленіе къ новой лѣтней бѣготнѣ? Вообразить себѣ обывателя курорта не суетящагося, не продающаго себя со всѣми потрохами. столь же трудно, какъ и вообразить коренного русскаго человѣка, который забылъ о существованіи ежовыхъ рукавицъ. Потому я могу только догадываться, что зимою нѣмецкій курортъ превращается въ сказочную долину, по которой разбросаны посѣщаемые привидѣніями дома и въ которой не видно никакихъ признаковъ человѣческой дѣятельности, кромѣ прилежной вывозки нечистотъ, оставленныхъ щедрыми лѣтними посѣтителями. Не только иностранецъ исчезаетъ. но вся разношерстная толпа лакеевъ, фигурировавшая лѣтомъ въ качествѣ мѣстнаго колорита — и та уплываетъ неизвѣстно куда. вмѣстѣ съ послѣднимъ отбоемъ иностранной волны. Ибо и она, эта лакейская толпа. была совсѣмъ не мѣстная. а пришлая. привлеченная сюда со всѣхъ концовъ Германіи надеждой на иностранный тринкгельдъ. У насъ въ Россіи навѣрное такой городъ переименовали бы въ заштатный, и только лѣтомъ, въ видахъ пресѣченія и предупрежденія, переводили бы сюда становую квартиру, съ правомъ. на случай превратныхъ толкованій, выворачивать руки къ лопаткамъ и сажать „въ холодную“.

За то съ наступленіемъ весенняго тепла курортъ начинаетъ закипать, и чѣмъ больше подвигается время вглубь лѣта, тѣмъ гуще и гуще раздается пчелиное гудѣніе вокругъ курзала и безчисленныхъ табльдотовъ, простирающихъ свои объятія навзжему люду. Курзалъ прибодряется и расцвѣчивается флагами и фонарями самыхъ причудливыхъ формъ и сочетаній; лужайки около него украшаются вычурными цвѣтниками, съ изображеніемъ оффиціальныхъ гербовъ; армія лакеевъ стоитъ, притаивъ дыханіе. готовая по первому знаку ринуться

впередъ; въ кургаузѣ, около источниковъ, появляются дородныя вассерфрау; всякій частный домъ превращается въ privat-hôtel, напоминающій невзрачную провинціальную русскую гостинницу (къ счастію, лишенную клоповъ), съ дерюгой вмѣсто постельнаго бѣлья, съ какими-то нелѣпыми подушками, которыя расползаются при первомъ прикосновеніи головы; владѣльцы этихъ домовъ, зимой ютившіеся въ конурахъ, ради экономіи въ топливѣ, теперь переходятъ въ еще болѣе тѣсныя конуры, ради прибытка; сосѣднія деревни непокладая рукъ доятъ коровъ, козъ, ослицъ и щупаютъ куръ; на всякомъ перекресткѣ стоятъ динстманы, пактрѐгеры и прочій подневольный людъ, пришедшій съ спеціальною цѣлью за грошъ продать душу; и тутъ же рядомъ ржутъ лошади, ревутъ ослы и безъ оглядки бѣжитъ жидъ, самъ еще не сознавая зачѣмъ, но чуя, что изъ каждаго кармана пахнетъ талеромъ или банковымъ билетомъ. Чувствуется, что въ воздухѣ есть что-то ненормальное, что жизнь какъ будто сошла съ ума, и, разумѣется, по русскому обычаю, опасаешься, что вотъ-вотъ попадешь въ „исторію". Но чѣмъ больше живешь и вглядываешься, тѣмъ больше убѣждаешься, что, несмотря на всякія ненормальности, никакихъ „исторій" нѣтъ, что все кругомъ испоконъ вѣковъ намуштровано и теперь само собой такъ укладывается, чтобъ никто никому не мѣшалъ. Пактре́геры не спотыкаются, не задѣваютъ другъ друга, но степенно двигаются, гордые сознаніемъ, что именно *они*, а не динстманы, призваны замѣнять ломовыхъ лошадей: динстманы не перебиваютъ другъ у друга работу, не кричатъ въ запуски: я сбѣгаю! я, ваше сіятельство! меня вчера за Анюткой посылали, господинъ купецъ! но солидно стоятъ въ ожиданіи, кого изъ нихъ потребитель облюбуетъ, кому скажетъ: лобъ! У насъ (въ Москвѣ, напримѣръ) при такихъ обстоятельствахъ, по малой мѣрѣ, потребителю фалды бы оборвали, и послѣдствіемъ этого было бы путешествіе въ кутузку, а здѣсь и кутузки нѣтъ, и фалды цѣлы. Но вѣдь съ другой стороны, еслибы мы вздумали подражать нѣмецкимъ образцамъ, то-есть начали бы солидничать и въ молчаніи ждать своей участи, то не вышло ли бы изъ того другой, еще горшей бѣды? Молчишь—значитъ, есть что-нибудь на умѣ... А что̀ же можетъ быть на умѣ у динстмана, кромѣ превратныхъ толкованій? Ну, и опять—маршъ въ кутузку!

Благо странамъ, которыя, въ видѣ сдерживающаго начала, имѣютъ въ своемъ распоряженіи кутузку, но еще болѣе благо тѣмъ,

которыя, отбывъ время кутузки, и нынѣ носятъ ее въ сердцахъ благодарныхъ дѣтей своихъ. Достоинъ похвалы тотъ, который, видя кутузку очами тѣлесными, согласно съ симъ регулируетъ свое поведеніе; но стократъ блаженнѣе тотъ, который, видя кутузку лишь очами духовными, продолжаетъ вѣровать въ незыблемость ея руководящихъ свойствъ. Русская лошадь знаетъ кнутъ и потому боится его (иногда даже до того уже знаетъ, что и бояться перестаетъ: бей, несытая душа, коли любо!); нѣмецкая лошадь почти совсѣмъ не знаетъ кнута, но она знаетъ „исторію“ кнута, и потому при первомъ щелканьи бича бѣжитъ впередъ, не выжидая болѣе дѣйствительныхъ понужденій. Такъ точно и во всемъ. Тѣмъ не менѣе, надобно, къ чести людей, сознаться, что кнутъ все-таки есть только мѣра печальной необходимости, къ которой рѣдко кто прибѣгаетъ какъ къ развлеченію. Какъ легко жилось бы русскимъ извозчикамъ, еслибы русскія лошади вдругъ остенепились и начали возить не только за страхъ, но и за совѣсть! И какъ просто было бы управлять людьми, еслибы, подобно нѣмецкимъ нактрегерамъ, всѣ поняли, что священнѣйшая обязанность человѣка въ томъ заключается, чтобъ, не спотыкаясь и не задѣвая другъ друга, носить тяжести, принадлежащія „знатнымъ иностранцамъ“! Но, можетъ быть, еслибы эта утопія осуществилась, то сами извозчики собѣсились бы отъ жира и ничегонедѣланія? И, собѣсившись, начали бы... Помилуйте! а кутузка на что?

А впрочемъ, довольно мечтать о томъ, кто болѣе заслужилъ похвалы и кто менѣе. Пускай нѣмецкіе извозчики щелкаютъ бичами по воздуху, а наши пускай бьютъ лошадей кнутами и вдоль спины, и поперекъ, и по брюху. Пускай нѣмецкіе дпистманы носятъ кутузку въ сердцѣ своемъ, а наши, имѣя въ оной жительство, пусть говорятъ: ахъ, чтобъ ей ни дна, ни покрышки! Конечно, отъ того или другого образа поведенія зависитъ то или другое направленіе внутренней политики, но вѣдь за внутренней политикой не угонишься! Иной ведетъ себя отлично, да сосѣдъ напакостилъ — анъ и его за-одно ведутъ въ кутузку. И потомъ: ахъ, какъ жаль! какое печальное недоразумѣніе! Это кутузка-то... недоразумѣніе!

Правда, я со всѣхъ сторонъ слышу, что недоразумѣній больше ужъ не будетъ, и вполнѣ вѣрю, что въ дополненіе къ прежнимъ эмансипаціямъ возможна и эмансипація отъ недоразумѣній. Но, при-

знаюсь, меня смущаетъ вопросъ, не будетъ ли слишкомъ прѣсна наша жизнь безъ недоразумѣній, но съ кутузкой? Вѣдь мы привыкли! Театры у насъ плохіе, митинговъ нѣтъ, въ трактирахъ порція бифштекса стоитъ рубль серебромъ—такъ, по моему мнѣнію, лучше *по недоразумѣнію* вечеръ въ кутузкѣ провести, нежели въ Александринкѣ глазами хлопать. Но только, ради Христа, не больше одного вечера!

Средняго сословія людей въ курортахъ почти нѣтъ, ибо нельзя же считать таковыми ту незамѣтную горсть туземныхъ и иноземныхъ негоціантовъ, которые торгуютъ (и Богъ вѣсть, однимъ ли тѣмъ, что у нихъ на полкахъ лежитъ?) въ бараках и колоннадахъ вдоль променадъ, или тѣхъ антрепренеровъ лакейскихъ услугъ, которые тѣмъ только и отличаются (разумѣется, я не говорю о мошнѣ) отъ обыкновенныхъ лакеевъ и кнехтовъ, что имѣютъ право громче произносить: pst! pst! Можетъ быть, зимой, когда сосчитаны барыши, эти послѣдніе и сознаютъ себя добрыми буржуа, но лѣтомъ они, наравнѣ съ самымъ послѣднимъ кельнеромъ, продаютъ душу наѣзжему человѣку и не имѣютъ иного критеріума для оцѣнки вещей и людей, кромѣ того, сколько то или другое событіе, тотъ или другой „гость“ бросятъ имъ лишнихъ пфениговъ въ карманъ.

А наѣзжій человѣкъ такъ со всѣхъ сторонъ и напираетъ. Каждый день безчисленные желѣзнодорожные поѣзды выбрасываютъ на улицы курорта массы „гостей“, которые тутъ же, съ вытаращенными глазами, задыхаясь и спѣша, начинаютъ отыскивать себѣ конуру для ночлега. Это, такъ сказать, предвкушеніе ожидающихъ утѣхъ. Тутъ и человѣкъ, всю зиму экспекторировавшій, въ чаянья, что лѣтомъ будетъ лакомиться ослиными сыворотками и „обмѣнивать вещества“. Тутъ и безшабашный совѣтникъ, который согласенъ какую угодно мерзость глотать, лишь бы Богъ вѣку продлилъ и сотворилъ ему мирнымъ и непостыднымъ полученіе присвоенныхъ по штатамъ окладовъ и арендъ. Тутъ и юный бонапартистъ, которому только безмѣрное безразсудство до сихъ поръ мѣшало обдумать, въ чью пользу и за какую сумму ему придется продать отечество. Тутъ и пустоголовая, но хорошо выкормленная бонапартистка, которая, опираясь на руку экспекторирующаго человѣка, мечтаетъ о томъ, какъ она завтра появится на променадѣ въ такомъ платьѣ, что все-все (mais tout!) будетъ видно. Тутъ и милая старушка, которая уже теперь не можетъ

придти въ себя отъ умиленія при видѣ той массы панталонъ, которая все больше и больше увеличивается по мѣрѣ приближенія къ центру городка. Тутъ и замученный хожденіями по мытарствамъ литераторъ, и ошалѣвшій отъ апелляцій и кассацій адвокатъ, и оглохшій отъ директорскаго звонка чиновникъ, которые надѣются хоть на два, на три мѣсяца стряхнуть съ себя массу замученности и одуренія, въ теченіе 9 — 10 мѣсяцевъ составлявшую ихъ обычный modus vivendi (неблагодарные! они забываютъ, что именно эта масса и напоминала имъ отъ времени до времени, что въ Эзопѣ скрывается человѣкъ!). Тутъ и шпіонъ. И всѣ они переходятъ отъ гостиницы къ гостиницѣ, отъ одного въѣзжаго дома къ другому, отыскивая конуру... самую простую конуру! И рѣдко кому изъ нихъ удается успокоиться въ искомой конурѣ раньше трехъ-четырехъ часовъ изнурительнѣйшихъ поисковъ.

Ночью гостиницы и въѣзжіе дома наполняются звуками экспектораціи „гостей“ и громкими протестами бонапартистокъ: „eh bien, auras-tu bientôt fini?“ — на что слѣдуетъ неизбѣжный отвѣтъ: „ахъ, матушка! к-ха, к-ха... хррр!!“... Но вотъ легкія мало-по-малу очищаются и къ полуночи все стихаетъ. Утромъ въ шесть часовъ, опять экспектораціи и опять протестъ... А между тѣмъ въ кургаузѣ и около него гудитъ пчелиный рой. Семь часовъ утра. Одни уже отпили свою порцію; другіе только-что заручились кружками и спѣшатъ къ источникамъ. Всякій народъ тутъ: чиновные и нечиновные, больные и здоровые, канальи и честные люди, бонапартисты и простые, застѣнчивые люди, которые никакъ не могутъ придти въ себя отъ изумленія, какое горькое волшебство привело ихъ въ соприкосновеніе со всѣмъ этимъ людомъ, котораго они не искали и незнаніе котораго составляло одну изъ счастливѣйшихъ привилегій ихъ существованія. Тутъ и англичанка-пэресса, которая въ Англіи оплодотворилась, а здѣсь заставляетъ возить себя въ ручной колясочкѣ, дабы не потревожить плода. Тутъ и упраздненный принцъ крови, который, изнемогая въ конвульсіяхъ высокопоставленнаго одиночества, разыскиваетъ черезъ кельнеровъ, не пожелаетъ ли кто-нибудь имѣть честь быть ему представленнымъ. Тутъ и рязанскій землевладѣлецъ, у котораго на лицѣ написано: нашлю я на эти воды, закачусь на цѣлую ночь въ Линденбахъ, дамъ Дорѣ двадцать-пять марокъ въ зубы: скидывай, бестія, лишнюю одёжу... служи! Тутъ и шпіонъ. Въ воз-

духѣ стоитъ разноязычный говоръ, въ общей массѣ котораго не послѣднее мѣсто занимаетъ и русская рѣчь.

— Какими судьбами? вы!!

— Да вотъ въ горлѣ все что-то сверлитъ...

— Съ кѣмъ это вы сейчасъ говорили?

— Мошенникъ! знаете ли, какую онъ штуку удралъ...

Черезъ минуту другая встрѣча.

— И вы здѣсь? давно?

— Дней съ пять. Съ легкими справиться не могу.

— Съ кѣмъ вы сейчасъ говорили?

— Ужаснѣйшая, батюшка, каналья. Знаете ли. какую онъ вещь съ родной сестрой сдѣлалъ...

Еще черезъ минуту.

— Докторъ! я ужъ третій стаканъ выпилъ.

— Ходите, обмѣнивайте вещества!

— Докторъ! вчера я получилъ письмо изъ Россіи. У насъ вѣдь вы знаете что?.. Са-ран-ча!!

— Я бы особеннымъ повелѣніемъ запретилъ писать изъ Россіи письма къ больнымъ. Ходите, обмѣнивайте вещества!

— Докторъ! а *это*... можно?

Слѣдуетъ обмѣнъ мыслей шопотомъ.

— Гм... если ужъ вы... Но вы знаете мое мнѣніе: это положительно не curgemaess...

— Докторъ! чуточку!

— Да, но я все-таки долженъ предупредить,.. Удивительный вы народъ, господа русскіе! всѣ вы прежде всего объ *этомъ* спрашиваете... Ну. что съ вами дѣлать! можно, можно... А теперь ходите и обмѣнивайте вещества!

И бѣгутъ осчастливленные докторскимъ разрѣшеніемъ „знатные иностранцы“ обмѣнивать вещества. Сначала обмѣниваютъ около курзала, надѣясь обмануть время и принюхиваясь къ запаху жженаго цикорія, который такъ и валитъ изъ всѣхъ кухонъ. Но потомъ, видя, что время все-таки продолжаетъ идти черепашьимъ шагомъ (требуется по малой мѣрѣ часъ на обмѣнъ веществъ), уходятъ въ подгородные ресторанчики, за полчаса или за сорокъ минутъ ходьбы отъ кургауза.

Подождите еще нѣсколько минутъ, и вы увидите новый наплывъ

публики: запоздавшихъ. Вотъ и вчерашняя бонапартистка, съ кружкой въ рукахъ, проталкивается сквозь толпу въ какомъ-то вязаномъ трико, которое такъ плотно ее обливаетъ, что дѣйствительно бонапартисты могутъ пожирать глазами... *ecc*. Рядомъ съ нею бредетъ милая старушка, успѣвающая подпрыгивать, вся разрисованная, восхищенная, готовая въ огонь и въ воду... tout pimpante! И вдали, въ дверяхъ кургауза, слѣдитъ за старушкой оберъ-кельнеръ, завитой бѣлокурый дѣтина, съ перстнемъ, украшеннымъ крупной бирюзою, на указательномъ пальцѣ, и на вопросъ, что можетъ стоить такой камень, самодовольно отвѣчаетъ: „das hat mir eine hochwohlgeborene russische Dame geschenkt“.

Я знаю многихъ русскихъ дамъ, которыя навѣрное обидятся наглостью оберъ-кельнера и воскликнутъ: какъ онъ смѣетъ клеветать! Съ своей стороны, отнюдь не оправдывая нескромности табльдотнаго Рюи-Блаза и даже не имѣя ничего противъ того, чтобъ назвать ее клеветою, я позволю себѣ, однакожъ, одинъ вопросъ: почему ни одинъ кельнеръ не назоветъ ни eine englische, ни eine deutsche, ни eine französische Dame, а непремѣнно изъ всѣхъ національностей выберетъ русскую? Ужъ на что, кажется, повадлива румынская національность, но и объ ней оберъ-кельнеры умалчиваютъ. Стало быть, есть въ русской дамѣ какое-то внутреннее благоволеніе (вѣроятно вполнѣ невинное), которое влечетъ къ ней сердца хаускнехтовъ и заставляетъ кельнеровъ мечтать: ужъ если суждено мнѣ отъ кого-нибудь получить перстенекъ съ бирюзой, такъ не иначе, какъ отъ русской „дамы“.

Очень можетъ быть, что дѣло происходило такъ. Пріѣхала на воды экспекторирующая старушка-вдова и ни въ комъ на чужбинѣ не нашла участія, кромѣ оберъ-кельнера своей гостиницы. Этотъ человѣкъ сразу оказался „золотымъ“ малымъ. Онъ допускалъ въ пользу ея отступленія отъ правилъ табльдота; онъ предоставлялъ ей лучшее мѣсто за столомъ, придвигалъ и отодвигалъ ея стулъ, собственноручно накладывалъ ей на тарелку лакомый кусокъ, наливалъ въ стаканъ вино, и послѣ обѣда, надѣвая ей на плечи мантилью, говорилъ: „so!“ А вечеромъ лично носилъ ей въ нумеръ подносъ съ чаемъ, справлялся, спокойно ли ей почивать и не нужно ли промыслить другую подушку. Словомъ сказать, самоотвергался. Разумѣется, старушка была тропута. Вспомнила, что у нея въ саквояжѣ лежитъ

перстенекъ съ брюзой, который когда-то носилъ на указательномъ пальцѣ ея покойный мужъ, вынула, немножко всплакнула (надо же память покойнаго „друга“ почтить!) и... отдала. Отдавши, уѣхала на другія воды, гдѣ опять встрѣтила точь-въ-точь такого же оберъ-кельнера, вспомнила, что у нея въ саквояжѣ лежитъ перстенекъ съ изумрудомъ (тоже покойный мужъ на указательномъ пальцѣ носилъ), опять всплакнула и опять... отдала. И такимъ образомъ, объѣхавши многіе курорты, добралась до Швейцаріи, но тутъ запасъ перстень-ковъ истощился и въ соотвѣтствіи съ этимъ истощилось и оберъ-кельнерское самоотверженіе. И вотъ теперь она живетъ въ деревнѣ Проплёванной и даритъ старостѣ Максимушкѣ, за самоотверженіе, желтенькую бумажку...

Et voilà comme on écrit l'histoire.

Около половины десятаго кургаузъ пустѣетъ; гудѣніе удаляется и расходится по отелямъ. Это время перваго насыщенія, за которымъ наступаетъ время побочныхъ леченій. Позавтракавши, одни идутъ въ Gürgl-Cabinet, другіе — въ Inhalations-Anstalt, третьи — берутъ ванны. Но тѣ, которые удивляютъ міръ силою экспекторація — тѣ обыкновенно продѣлываютъ всѣ отрасли леченія и продолжаютъ экспекторировать съ прежнею силою. Зато имъ рѣшительно не только нѣтъ времени о чемъ-либо думать, но некогда и отдохнуть, такъ какъ всѣ эти леченія нужно продѣлать въ разныхъ мѣстахъ города, которыя хотя и не весьма удалены другъ отъ друга, но все-таки достаточно, чтобъ больной человѣкъ почувствовалъ. И во всякомъ мѣстѣ нужно обождать, во всякомъ нужно выслушать признаніе соотечественника: „съ васъ за сеансъ берутъ полторы марки, а съ меня только марку; а вотъ эта старуха-нѣмка платитъ всего восемьдесятъ пфениговъ“. И вся эта исторія повторяется изо дня въ день, несмотря ни на какую погоду. Подумайте! съ шести часовъ дня до часу пополудни ничего, кромѣ бѣготни и какихъ-то безконечныхъ трикгельдовъ, которые, подобно древней дыбѣ, приводятъ истязуемаго субъекта въ „изумленіе“. Какъ должно это дѣйствовать на человѣка, страдающаго — кромѣ болѣзни сердца, эмфиземы, воспаленія дыхательныхъ путей, астмы—еще мозолями!

Это же время (отъ десяти до часу)—самое горячее и для бонапартистки, ибо она примѣриваетъ костюмъ, въ которомъ должна явиться къ обѣду. Процессъ этого примѣриванія она отбываетъ съ

самою невозмутимою серьезностью. Надѣнетъ одно платье, встанетъ передъ зеркаломъ, оглядитъ себя сперва спереди, потомъ сзади, что-то подправитъ, въ одномъ мѣстѣ взбодритъ, въ другомъ пригнететъ, слизнетъ языкомъ соринку, приставшую къ губѣ, пошевелитъ бровями, возьметъ маленькое зеркальце и нѣсколько разъ кивнетъ передъ нимъ головой то вправо, то влѣво, положитъ зеркальце, опять его возьметъ и опять слизнетъ съ губъ соринку... И все время мечется у нея передъ глазами молодой бонапартистъ, который молитъ: „ахъ, эта ножка! ужели вы будете такъ безсердечны, что не дадите ее поцѣловать!“ Но мольба эта не волнуетъ ее, не вливаетъ ей въ кровь отраву... Какъ истинная кокотка по духу, она даже *этимъ* не волнуется, а думаетъ только: „какъ нынче молодые люди умѣютъ мило говорить!“... и начинаетъ примѣривать другое платье. Новое стояніе передъ зеркаломъ, удаленіе и приближеніе къ нему; есть что-то неладное назади, именно тамъ, гдѣ все должно быть ладно. Что такое? quel est ce mystère? Ну, вотъ теперь хорошо... tout ce qu'il faut! И опять бонапартистъ передъ глазами, который успѣлъ ужъ поцѣловать ножку, и теперь вопрошаетъ грядущее... Третье платье и повое повертыванье передъ зеркаломъ. Это платье, повидимому, ужъ совсѣмъ хорошо, но вотъ тутъ... нужно, чтобъ было *двѣ* ноги, а гдѣ онѣ, „двѣ ноги“? „За что же, однако, меня въ институтѣ учитель прозвалъ tête de linotte! совсѣмъ ужъ я не такая...“ И опять бонапартистъ передъ глазами, но ужъ не тотъ, не прежній. Тотъ былъ съ усиками, а этотъ съ бородой... ахъ, какой онъ большой! Опять платье, четвертое и послѣднее. Пора. Послѣднее платье надѣвается наскоро, потому что часы показываютъ безъ десяти минутъ часъ, и сверхъ того въ изгибахъ tête de linotte мелькаетъ стихъ Богдановича: *во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша*... Это единственное „знаніе“, которое она вынесла изъ шестилѣтней мучительной институтской практики.

Въ это же время бодрствуетъ въ своей конурѣ и шпіонъ. Онъ приводитъ въ порядокъ собранные матеріалы, проводитъ ихъ сквозь горнило своего пониманія и, чувствуя, что отъ этого „пониманія“ воняетъ, сдабриваетъ его клеветою. И — о, чудо! — клевета оказывается правдоподобнѣе и даже грамотнѣе, потому что образцомъ для нея послужила полемика „благонамѣренныхъ“ русскихъ газетъ...

Бьетъ часъ, и весь этотъ людской сбродъ, измученный отчасти

бѣготней, отчасти легкомыслiемъ, отчасти праздностью, сосредоточивается за табльдотами. На нѣкоторое время городъ кажется пустымъ.

Послѣобѣденное время — самое тяжкое. До обѣда всѣ какъ-нибудь отличились, отшутились и обрядились; послѣ обѣда—даже этихъ рессурсовъ нѣтъ. Возвращаться „домой“ незачѣмъ, да и некуда: никакого „дома“ нѣтъ, а есть конура. Даже у самаго богатаго человѣка, и у того, сравнительно съ „домомъ“, конура. Надо гдѣнибудь прошляться, чтобъ погубить остальные шесть-семь часовъ. Гдѣ прошляться? Я сказалъ выше, что окрестности курорта почти всегда живописны, но число экскурсiй вовсе не такъ велико, чтобъ не быть исчерпанным въ самое короткое время. Пять-шесть прогулокъ — вотъ и весь репертуаръ. Правда, что въ „своемъ мѣстѣ“ вы каждый день гуляете по одному и тому же саду, любуясь одними и тѣми же полями, и вамъ это не надоѣдаетъ. Но, во-первыхъ, „свое мѣсто“ избавляетъ васъ отъ культурно-кокотскихъ отравъ, которыя одолѣваютъ васъ здѣсь на каждомъ шагу; а во-вторыхъ, въ томъ-то и чарующая сила „своего мѣста“, что тамъ васъ интересуетъ судьба каждаго дерева, каждаго куста, каждой былинки. И каждая былинка, въ свою очередь, какъ бы хранитъ память объ васъ. На что вы ни взглянете, къ чему ни прикоснетесь — на всемъ легла цѣлая повѣсть злоключенiй и отрадъ (вѣдь и у обдѣленныхъ могутъ быть отрады!), и вы не оторветесь отъ этой повѣсти, не дочитавъ ея до конца, потому что каждое ея слово, каждый штрихъ или терзаетъ ваше сердце. или растворяетъ его блаженствомъ... Тогда какъ за границу вы уже по преданiю являетесь съ требованiемъ чего-то грандiознаго и совсѣмъ-совсѣмъ новаго (мнѣ, за мои деньги, подавай!) и вмѣсто того встрѣчаете путь, усѣянный кокотками, которыя различаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одинъ изъ нихъ взъѣзжаютъ на горы въ коляскахъ, а другiя, завидуя и въ привскочку, взбираются пѣшкомъ.

Часовъ до четырехъ дѣло однакожъ кой-какъ идетъ. На променадѣ играетъ порядочная музыка; въ ресторанѣ курзала и на столикахъ около него толпится публика и „потребляетъ“. Кокотка по ремеслу отсутствуетъ (управленiе водъ очень строго изгоняетъ все, что не curgemaess, хотя во времена владычества рулетки и отступало отъ этого правила), но кокотка по духу — царитъ. Но вотъ музыканты одинъ за другимъ разбрелись, послѣобѣденный кофе выпитъ.

мороженое съѣдено; дальнѣйшее пребываніе подъ навѣсомъ платановъ становится нестерпимымъ. Необходимо гулять. Въ сущности, еще очень рано; день едва достигъ того часа, когда дома приканчиваются дѣла, и многимъ, по привычкѣ, кажется, что сейчасъ скажутъ, что сунь на столѣ. Напрасное обольщеніе—надобно гулять! —Вы до усталости ходили утромъ, но то было утромъ, а теперь вечеръ. Обмѣнивайте вещества! Передъ вами Altes-Schloss, потомъ Eberstein-Schloss, потомъ Rothenfels *). Выбирайте любое! А завтра будетъ Rothenfels, Eberstein-Schloss, Altes-Schloss... А то не хотите ли въ Фавориту, десять разъ въ Фавориту, двадцать разъ въ Фавориту!

Бонапартисты и бонапартистки плаваютъ въ этой суматохѣ, какъ рыбы въ водѣ. Они всходятъ и взъѣзжаютъ на горы, жеманятся, провокируютъ, мелькаютъ и вообще воспоминаютъ свое провиденціальное назначеніе, то-есть выставляютъ на показъ: первые—покрои своихъ жакетокъ и сьютовъ, вторыя—данные имъ природой атуры. Нельзя себѣ представить ничего болѣе жалкаго, какъ человѣческое существо, съ головы до ногъ погруженное въ показываніе атуровъ. А современная культурная женщина почти сплошь занята однимъ этимъ. И не только молодая tête de linotte, но и старушка. Ничто ее не интересуетъ, ни книга (за исключеніемъ порнографической литературы), ни картина (за исключеніемъ порнографическихъ фотографій), ни пейзажъ (за исключеніемъ порнографическихъ cabinets particuliers). Ничто, кромѣ заботы о томъ, чтобы нарядъ какъ можно меньше скрывалъ ея округлости. Она даже насыщается не ради того, чтобъ поддерживать жизнь или удовлетворять своей gourmandise, а потому, что, какъ ей сказывали, при помощи хорошаго и обильнаго питанія нагуливаются хорошіе и обильные атуры. Имѣть высокую грудь и выдающуюся поясницу—вотъ конечная цѣль ея самолюбія. И какъ дополненіе къ этому—обладать немногосложнымъ, но въ высшей степени точнымъ порнографическимъ жаргономъ. Не все ли равно этимъ двуногимъ, гдѣ выполнять свое провиденціальное назначеніе, на вершинѣ ли Schöne Aussicht, или въ Линденбахѣ? Какое ей дѣло до того, что съ вершины Schöne Aussicht видны Siebengebirge и стальная полоса Рейна, что тамъ благоухаетъ сосна, а

*) Прогулки въ окрестностяхъ Баденъ-Бадена.

Линденбахъ провонялъ кухоннымъ чадомъ? Линденбахъ, пожалуй, привлекательнѣе, потому что тамъ есть просторный ресторанъ, въ которомъ можно прислониться.

Этотъ бонапартистско-кокотскій элементъ, вмѣстѣ съ особью людей, которые не могутъ представить оправдательныхъ документовъ для объясненія средствъ своего существованія, составляетъ истинную отраву всякаго курорта. Рулетка исчезла, но рулеточные обычаи, рулеточный запахъ еще остались. Всякій курортъ есть мѣсто неожиданныхъ встрѣчъ. Нѣкогда вы знали человѣка, ходившаго чуть не безъ штановъ, потомъ потеряли его изъ вида—и вдругъ встрѣчаете его здѣсь и нѣкоторое время думаете, что передъ вами мелькнуло сонное видѣніе. У этого человѣка все курортное лакейство находится въ рабствѣ; онъ живетъ не въ конурѣ, а занимаетъ апартаментъ; спитъ не на дерюгѣ, а на тончайшемъ бѣльѣ; обѣдаетъ не за табльдотомъ, а особо жретъ что-то мудреное, и въ довершеніе всего жена его гуляетъ на музыкѣ подъ-руку съ сановникомъ. Ясно, что онъ что-то укралъ, но здѣсь, въ курортѣ, въ первый разъ вамъ приходитъ на мысль вопросъ: что такое воръ? У себя, на берегахъ Ворсклы или Вороны, или совсѣмъ не пришелъ бы на мысль этотъ вопросъ, или вы совершенно точно отвѣтили бы на него, но среди этой кажущейся жизни, исполненной кажущихся поступковъ, кажущихся разговоровъ и даже кажущагося леченія—всѣ самые ясные вопросы принимаютъ какой-то кажущійся характеръ. Да ужъ не слишкомъ ли прямолинейно смотрѣлъ я на вещи тамъ, на берегахъ Хопра? думается вамъ, и самое большее, что вы дѣлаете—и то для того, чтобъ не совсѣмъ погрязнуть въ тинѣ уступокъ—это откладываете слишкомъ щекотливыя опредѣленія до возвращенія въ „свое мѣсто“. Тамъ можно будетъ и опять въ Юханцевѣ видѣть Юханцева, а здѣсь, на водахъ...

— Съ кѣмъ вы сейчасъ говорили?

— Помилуйте, скотина!

Сегодня „скотина“, завтра „скотина“, а послѣ-завтра и самъ чортъ не разберетъ: полно, „скотина“ ли?

Между тѣмъ бьетъ семь часовъ, и волна людская опять ростетъ около курзала. Оркестръ гремитъ; бонапартистки, перемѣнивши туалетъ, скользятъ между столами; около одной, очень красивой и роскошно-одѣтой, собралось цѣлое стадо habitués, и далеко, подъ сво-

домъ платановъ, несется беззавѣтный хохотъ этой привилегированной группы, которая по всей линіи променадъ прижилась какъ у себя дома. Всѣ прочія бонапартистки отчасти завидуютъ ей, отчасти млѣютъ передъ ней въ благоговѣніи. Это бѣлокурая испанка отъ колѣна Монтихова, которую сама „вдова“ благословила лѣтомъ разъѣзжать по курзаламъ, а зимой блистать въ Парижѣ и наблюдать за мосьё Гамбетта. Она даетъ тонъ курорту, на ней одной можно во-очію убѣдиться, до какого совершенства можетъ быть доведена выкормка женщины, поставившей себѣ цѣлью останавливать на своихъ атурахъ вожделѣющіе взоры мужчинъ, и въ какой мѣрѣ платье должно служить, такъ сказать, осуществленіемъ этой выкормки. Да, платье именно должно быть таково. Оно не обязывается ни подчеркивать, ни комментировать, ни увлекаться въ область парадоксовъ, а именно только осуществлять.

Статуя должна быть проста и ясна, какъ сама правда, и, какъ правда же, должна предстоять передъ всѣми въ безразличіи своей наготы, никому не обѣщая воздаянія и всѣмъ говоря: вотъ я какая! Что же касается до того, какія представленія, „въ случаѣ чего“, надлежитъ имѣть относительно этой статуи-правды, то роль путеводителей въ этомъ разѣ предоставляется перехватамъ, бантамъ, цвѣтамъ и другимъ архитектурнымъ украшеніямъ. Гдѣ бантъ—тамъ остановка, гдѣ перехватъ—тамъ гляди. Единственное темное пятно въ современномъ женскомъ туалетѣ—это юбка, которую, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могутъ упразднить „законодатели модъ“. Она одна оставляетъ въ статуѣ нѣкоторыя неясности, одна служитъ оградительницей интересовъ современной семьи. Впрочемъ, эти неясности отчасти уже устраняются при помощи ноги. Нога (а не ножка, какъ выражались любезники сороковыхъ годовъ) должна быть видна во всей своей скульптурной образности; нога и часть икры... Вотъ вамъ на первый разъ, а остальное, конечно, тоже придетъ, но нужно же имѣть сколько-нибудь терпѣнія!

Толпа гудитъ, сама не сознавая, къ чему она стремится, чего желаетъ. Ничего, кромѣ праздныхъ мыслей, праздныхъ словъ и праздныхъ поступковъ. Это самое полное, самое беззавѣтное осуществленіе идеала равенства... передъ праздностью. Если кто „дома“ сознавалъ за собою что-нибудь оригинальное, тотъ забываетъ объ этомъ, стушевывается передъ общимъ уровнемъ ликующей толпы. И

это происходитъ не по принужденію, а незамѣтно, само собой. Вдругъ какъ-то исчезаетъ всякая гадливость.

Это обезличеніе людей въ смыслѣ нравственномъ и умственномъ и, напротивъ, слишкомъ яркое выдѣленіе ихъ съ точки зрѣнія покроя жилетовъ и количества съѣдаемыхъ „шатобріановъ“, это отсутствіе всякихъ поводовъ для заявленія о своей самостоятельности—вотъ въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается самая неприглядная сторона заграничныхъ шатаній. Ежели обязательно-суетливая праздность производитъ скуку, то продолжительное отсутствіе проявленій самостоятельности можетъ имѣть послѣдствіемъ полнѣйшую умственную и нравственную анемію. И я убѣжденъ, что многіе, воротясь домой, не безъ удивленія вспоминаютъ о мѣсяцахъ, проведенныхъ въ чуждой средѣ подъ игомъ понятій и привычекъ, о существованіи которыхъ они только тутъ въ первый разъ узнали.

По крайней мѣрѣ я испытывалъ нѣчто подобное на себѣ. Представьте себѣ, вновь встрѣтился съ Удавомъ и Дыбой—и обрадовался. И они мнѣ обрадовались и въ одинъ голосъ воскликнули: „Вотъ какъ! ну, и слава Богу!“

Они ходили всегда вмѣстѣ, во-первыхъ, потому, что были равны въ чинахъ и могли понимать другъ друга, и, во-вторыхъ, потому что оба чувствовали себя изолированными среди курортной толкотни. Хотя и кромѣ ихъ въ курортѣ была цѣлая масса безшабашныхъ совѣтниковъ, но Дыба и Удавъ добыли свои чины еще по старому положенію и притомъ имѣли довольно странные гербы. Поэтому прочіе безшабашные совѣтники, добывшіе свои чины повадливостью и тщательно расчесанными на затылкахъ проборами, перекидывались съ ними двумя-тремя учтивостями и устремлялись дальше, какъ бы задыхаясь въ атмосферѣ старческихъ грѣховъ, которую распространяли кругомъ себя вышедшіе изъ употребленія саповники. Не было явнаго пренебреженія, но не было и предусмотрительности. Однакожъ старики въ первое время все-таки тянулись за такъ-называемой избранной публикой, то-есть обѣдали не въ часъ и не за табльдотомъ, а въ шесть и à la carte, одѣлись въ коротенькія клѣтчатыя визитки, которыя совершенно открывали ихъ убогія оконечности, подсаживались къ молодымъ бонапартистамъ и жаловались, что докторъ не позволяетъ пить шампанское, выслушивали гривуазные анекдоты и сами пытались разсказать что-то неуклюжее, засматрива-

лись на бонапартистокъ и при этомъ слюнявили переда своихъ рубашекъ и проч. Но всѣ эти усилія ни къ чему не привели. Избранная публика даже однимъ ухомъ не слушала ихъ, но совершенно ясно показывала, что совсѣмъ ничего не слышитъ, такъ что, въ концѣ концовъ, всегда оказывалось, что, думая обращаться къ публикѣ, старики исключительно разговаривали другъ съ другомъ. Не разъ случалось и такъ, что „знатные иностранцы", пораженные настойчивостью, съ которою старики усиливались прорваться въ ряды „милыхъ негодяевъ", взглядывали на нихъ съ недоумѣніемъ, какъ бы вопрошая: откуда эти выходцы?—на что прочіе безшабашные совѣтники, разумѣется, поспѣшали объяснить, что это загнившіе продукты до-реформенной русской культуры, не имѣющіе никакого понятія объ „увѣнчаніи зданія". Къ несчастію, старики провѣдали объ этомъ и огорчились. А въ довершеніе приключилось и еще одно обстоятельство. Въ курортъ прибылъ какой-то вновь опредѣленный принцъ, и нѣкоторый русскій сановникъ, приводившій въ это время въ порядокъ свои легкія, счелъ долгомъ почтить высокопоставленнаго гостя обѣдомъ. Всѣ „знатные иностранцы" получили приглашенія, но Удавъ и Дыба были забыты. Это тѣмъ болѣе ихъ поразило, что они невольно вспомнили дѣлёжку въ Уфимской губерніи, при которой тоже были забыты. Поступятъ ли въ дѣлёжку „полезные лѣсочки" Вятской губерніи—это еще бабушка на-двое сказала, а Уфимская-то губернія—ау! Словомъ сказать, старики заскучали и круто перемѣнили свой образъ жизни. Отъ обѣдовъ à la carte въ курзалѣ перешли къ табльдоту въ кургаузѣ, перестали говорить о шампанскомъ и обратились къ мѣстному кислому вину, приговаривая: „вотъ такъ винцо!"; бросили погоню за молодыми безшабашными совѣтниками и начали заигрывать съ коллежскими и надворными совѣтниками. По вечерамъ посѣщали другъ друга въ копурахъ, причемъ Дыба читалъ вслухъ „Ключъ къ таинствамъ природы" Эккартсгаузена и разсказывалъ анекдоты изъ жизни графа Михаила Николаевича, сопровождая эти разсказы приличнымъ экспектораніемъ.

Итакъ, мы встрѣтились и взаимно другъ другу обрадовались.

— Вотъ вы какъ!—удивился Дыба:—а мы было-думали, что вы прямо въ Швейцарію стопы направите?

— Да, было-таки предположеніе,—подтвердилъ Удавъ, но безъ угрозы, а скорѣе съ шутливою снисходительностью.

— Но почему же ваши превосходительства думали, что я непремѣнно поѣду въ Швейцарію, а не въ Испанію напримѣръ?

— Зачѣмъ въ Испанію? что̀ тамъ дѣлать! Тамъ, батюшка, нынче Изабелла въ ходъ пошла! Ну, да ужъ что̀! Кто старое помянетъ...

И Удавъ съ улыбкой протянулъ мнѣ руку, въ знакъ забвенія, но вслѣдъ за этимъ словно обезпокоился и спросилъ:

— Не одобряете?

— Не одобряю!—воскликнулъ я твердо.

— И нельзя одобрить. Хотя съ одной стороны, конечно... однако тѣмъ не менѣе... Лучше не ѣздить.

Это было ужасно доброжелательно. Но такъ какъ будущее сокрыто отъ смертныхъ и могло представить надобность въ поѣздкѣ въ Швейцарію независимо отъ всякихъ превратныхъ толкованій, то я все-таки поспѣшилъ оградить себя.

— Ваши превосходительства!—сказалъ я:—вы напрасно считаете Швейцарію мѣсторожденіемъ исключительно превратныхъ толкованій. Есть, напримѣръ, въ Люцернѣ „Раненый Левъ“ — это, я вамъ доложу, такая штука, что хоть бы и намъ съ вами!

Я изложилъ, какъ умѣлъ, смыслъ и содержаніе памятника, и, разумѣется, привелъ безшабашныхъ совѣтниковъ въ восхищеніе.

— Такъ вотъ они, швейцарцы, каковы!—воскликнулъ Дыба, который о швейцарцахъ зналъ только то, что̀ случайно слыхалъ отъ графа Михаила Николаевича, а именно: что нѣкогда они измѣнили законному австрійскому правительству, и съ тѣхъ поръ опера „Вильгельмъ Телль“ дается въ Петербургѣ подъ именемъ „Карла Смѣлаго“.

— А впрочемъ Богъ съ ней, съ Швейцаріей... Изъ Россіи, ваши превосходительства, не имѣете ли извѣстій?—перемѣнилъ я разговоръ.

— Какже! почитываемъ кое-что, и въ своихъ, и въ иностранныхъ газетахъ; ну, и письма...

— Чай, хорошо теперь тамъ?

— Объ „увѣнчаніи зданія“ поговариваютъ... будто бы безъ этого никакъ невозможно...

— Ну, и слава Богу!

— Бога благодарить всегда время, —какъ-то загадочно отвѣ-

тилъ Удавъ, и затѣмъ, наклонившись ко мнѣ, шепоткомъ прибавилъ: —а только врядъ-ли...

— Не надѣетесь?

— Вѣрно говорю: не будетъ толку!

— Ахъ, ваше превосходительство!

— Людей нѣтъ-съ! И зданіе можно бы выстроить, и полы въ немъ настлать, и крышу вывести, да за малымъ дѣло стало: людей нѣтъ-съ!—настаивалъ Удавъ.

— И мыслей нѣтъ!—добавилъ Дыба.

— Насъ, стариковъ, фофанами называютъ, а между тѣмъ...

Удавъ видимо хотѣлъ сдержаться, но вспомнилъ, какъ еще недавно русскій сановникъ („русскій-съ!“) исключилъ его изъ числа „знатныхъ иностранцевъ“, и не сдержался.

— Мы по крайней мѣрѣ могли объяснить, кто мы, откуда вышли и какую школу прошли. Ну, фофаны, такъ фофаны... съ тѣмъ и возьмите! А нынѣшніе... вонъ онъ! вонъ онъ! смотрите на него!—вдругъ воскликнулъ Удавъ, указывая на какого-то едва прикрытаго пеналерчикомъ безшабашнаго совѣтника „изъ молодыхъ“:—смотрите, вонъ онъ бедрами пошевеливаетъ!

— Это на него „увѣнчаніе зданія“ такъ дѣйствуетъ!—ехидно хихикнулъ Дыба.

— Спросите у него, откуда онъ взялся? съ какимъ багажомъ людей уловлять явился? что въ жизни видѣлъ? что совершилъ?—такъ онъ не только на эти вопросы не отвѣтитъ, а даже не съумѣетъ сказать, гдѣ вчерашнюю ночь ночевалъ. Свалился съ неба—и шабашъ!

— Встарину „неномнящіе родства“ бывали, а нынче, сказываютъ, таковыхъ ужъ нѣтъ!—вновь съехидничалъ Дыба.

— Приведутъ, бывало, его, „неномнящаго“-то, въ присутствіе: „откуда родомъ?“—Не помню. „Отецъ съ матерью есть?“—Не помню. „Гдѣ проживаніе имѣлъ?“—Не помню. „Гдѣ вчерашнюю ночь ночевалъ?“—Въ стогу.—Ну, выслушаютъ, запишутъ—и въ острогъ!

— А нынче изловятъ въ стогу, да подъ образа-съ!

— И мыслей нынче нѣтъ—это его превосходительство вѣрно замѣтилъ: нѣтъ нынче мыслей-съ!—все больше и больше горячился Удавъ.—Въ наше время *настоящія* мысли бывали, такія мысли,

которыя и обстановку имѣли, и излагаемы быть могли. А нынѣче — экспромпты пошли-съ. Ни обстановки, ни изложенія — одна середка. Откуда что̀ взялось? держи! лови!

Произнося эту филиппику, Удавъ былъ такъ хорошъ, что я положительно залюбовался имъ. Невольно думалось: вотъ онъ, настоящій-то русскій трибунъ! Но, съ другой стороны, думалось и такъ: а ну, какъ кто-нибудь насъ подслушаетъ?

— Да вы, можетъ быть, полагаете, что это ихнее „увѣнчаніе зданія“ — диковинка-съ? — продолжалъ гремѣть Удавъ.

— По крайней мѣрѣ до сихъ поръ я ни о чемъ подобномъ не слыхивалъ.

— А я вамъ докладываю: всегда эти „увѣнчанія“ были, и всегда они будутъ-съ. Еще когда уставъ о кантонистахъ былъ сочиненъ, такъ ужъ тогда покойный графъ Алексѣй Андреичъ мнѣ говорилъ: „Удавъ! поздравь меня! ибо симъ уставомъ увѣнчивается зданіе, которое я въ теченіе многихъ лѣтъ на пескѣ созидалъ!“

— Сколько однѣхъ прогонныхъ и подъемныхъ денегъ на эти „увѣнчанія“ было потрачено! — свидѣтельствовалъ въ свою очередь Дыба: — и что-же-съ! только-что, бывало, успѣютъ одно зданіе увѣнчать — смотришь, анъ другое зданіе на пескѣ безъ покрышки стоитъ — опять вѣнчать надо! И опять прогонныя и подъемныя деньги требуютъ!

— Такъ вотъ оно съ которыхъ поръ капитель-то эта пошла! Возьмемъ хоть бы вопросъ объ учрежденіи Губернскихъ Правленій...

Къ счастію, Удавъ поперхнулся и принялся экспекторировать, а Дыба постоялъ-постоялъ и тоже послѣдовалъ его примѣру. Что же касается до меня, то я смотрѣлъ на нихъ и чувствовалъ, что въ душѣ моей поднимается какая-то смута. Несомнѣнно, что до сихъ поръ идея „увѣнчанія зданія“ ни въ комъ не встрѣчала такого страстнаго сторонника, какъ во мнѣ. Я не только восхищался ею, не только не жалѣлъ въ пользу ея похвалъ и трубныхъ звуковъ, но по временамъ возвышался даже до иллюзій. И вотъ теперь какимъ-то двумъ жалкимъ старикамъ выпало на долю посѣять въ моемъ сердцѣ плевелы двоегласія! Хорошо-то оно хорошо, думалось мнѣ, а что̀ ежели и въ самомъ дѣлѣ вся штука разрѣшится уставомъ о кантонистахъ? Что̀, ежели встанетъ изъ гроба графъ Алексѣй Андреичъ, отыщетъ въ архивѣ изъѣденный мышами „уставъ“ и, дополнивъ оный крат-

кими правилами насчетъ могущаго быть свѣтопреставленія, воскликнетъ: шабашъ!

— Ахъ, ваше превосходительство!—рискнулъ я замѣтить:— да не сердиты ли вы на что-нибудь?

. . . . . .

Что было дальше—я не помню. Кажется, я хотѣлъ еще что-то спросить, но, къ счастію, не спросилъ, а оглянулся кругомъ. Вижу: съ одной стороны высится Мальбергъ, съ другой—Бедерлей, а я... стою въ дырѣ и разсуждаю съ безшабашными совѣтниками объ увѣнчаніи зданія, о томъ, что людей нѣтъ, мыслей нѣтъ, а есть только уставъ о кантонистахъ, да и тотъ еще надо въ архивѣ отыскивать... И такъ мнѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно, такъ совѣстно, что я круто оборвалъ разговоръ, воскликнувъ:

— Какія вы, однакожъ, глупости говорите, ваши превосходительства!

Къ удивленію, старики не только не обидѣлись, но на другой же день, встрѣтивъ меня на той же площадкѣ, опять возобновили разговоръ объ „увѣнчаніи зданія“. На третій день тоже, на четвертый—тоже... Наконецъ судьба-таки растащила насъ: ихъ увлекла домой, меня... въ Швейцарію!!

. . . . . .

Но иногда мнѣ думается: что если бы русскаго „меньшаго брата“ перенести на часокъ въ нѣмецкій курортъ и показать, какъ гуляютъ русскіе культурные господа?.. Что бы онъ сказалъ?

Глава III.

Я ѣхалъ въ Швейцарію не безъ страха. Думалось, что какъ только переѣду Швейцарскую границу, такъ сейчасъ же со всѣхъ сторонъ и вопьются въ меня превратныя толкованія. За свою личную „совратимость“ я, конечно, не боялся—слава Богу, не маленькій!—но опасался, какъ бы начальство, по доведеніи о семъ до свѣдѣнія, не огорчилось. „Не выдержитъ!“ „погибнетъ!“—доносились до меня попечительные голоса съ береговъ Невы. И потомъ вдругъ строго:—„Гм... такъ вы и въ Швейцаріи изволили побывать?“—Виноватъ-съ.—„Съ акушерками повидаться ѣздили?“—Виноватъ-съ.—„О формахъ правленія изволили разсужденіе имѣть?“—Вино...

Однако все обошлось благополучно. Я не только не „соблазнился“, но даже не имѣлъ повода для соблазна. Превратныхъ идей—ни одной. Напротивъ, русскихъ, коренныхъ русскихъ идей—столько, что не продохнёшь. Наступаютъ, берутъ въ полонъ, рвутъ на части сердце, прожигаютъ мозгъ—точь-въ-точь какъ въ Россіи! Даже прелестныя швейцарскія озера и величественные хребты горъ—и тѣ застилаются ими, словно пеленою. Риги, Кульмъ, Пилатъ, Низенъ, Фаульгорнъ—все кажется окутаннымъ туманомъ. Одна только мысль отчетливо свѣтится: какъ-то теперь *тамъ* насчетъ „увѣчанія зданія“ поговариваютъ?.. неужто пошабашили?

Ахъ, право, не до превратныхъ идей въ такое время, когда русскія идеи шагъ за шагомъ, безъ отдыха, такъ и колотятъ въ загорбокъ!

Помнится, когда намъ въ первый разъ отворили двери за границу, то мнѣ думалось: напрасно насъ, русскихъ, за границу стали пускать—навѣрное мы заразимся. И точно, примѣры зараженія случались въ то время нерѣдко. Пріѣдемъ мы, бывало, за границу, и точно голодные накинемся. Формы правленія—прекраснѣйшія, климатъ—хоть въ одной рубашкѣ ходи, табльдоты и рестораны—и того лучше. Нигдѣ не кричатъ караулъ, нигдѣ не грозятъ свести въ участокъ, не заѣзжаютъ, не напоминаютъ о Кузькѣ и его родственницахъ. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ ни Валдайскія горы, ни Палкинъ трактиръ не пойдутъ на умъ, а того меньше крутогорскій губернаторъ Петръ Толстолобовъ.

Ахъ, и сквернословили же мы въ это веселое время! Смѣшные анекдоты такъ и лились рѣкой изъ устъ культурныхъ сыновъ Россіи. „La Russie... ха-ха!“ „Le peuple russe... ха-ха!“ „Les boyards russes... ха-ха!“ „Да вы знаете ли, что нашъ рубль полтинникъ стоитъ... ха-ха!“ „Да вы знаете ли, что у насъ цѣлую губернію на дняхъ чиновники растащили... ха-ха!“ Словомъ сказать, сыны Россіи не только не сдерживали себя, но шли другъ другу на перебой, какъ бы опасаясь, чтобъ кто-нибудь не успѣлъ напаскудить прежде. И ежели репертуаръ „разсказовъ изъ русскаго быта“ оказывался довольно скуднымъ, то совсѣмъ не отъ недостатка желанія сквернословить, а скорѣе отъ неумѣнія пользоваться матеріаломъ и отъ недостатка изобрѣтательности.

Само собой разумѣется, что западные люди, выслушивая эти разсказы, выводили изъ нихъ не особенно лестныя для Россіи заключенія. Страна эта, говорили они, бѣдная, населенная лапотниками и мякинниками. Когда-то она торговала съ Византіей шкурами, воскомъ и медомъ, но нынѣ, когда шкуры спущены, а воскъ и медъ за недоимки пошли, торговать стало нечѣмъ. Поэтому нѣтъ у нея ни баланса, ни монетной единицы, а остались только желтенькія бумажки, да и тѣ имѣютъ свойство только вызывать веселость мѣстныхъ культурныхъ людей.

Но съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и многое въ теченіе этого времени измѣнилось. Увлеченіе заграничными табльдотами остыло; анекдоты опостылѣли, хотя запасъ матеріаловъ для нихъ ничуть не истощился. А главное, недобровольная замѣна рублей полтинниками оказалась далеко не столь смѣшною, какъ это сгоряча представлялось. Поэтому нынѣ мы уже не гарцуемъ, выгнувъ шеи, по курзаламъ, какъ заколдованные принцы, у которыхъ, несмотря на анекдоты, руки все-таки полны козырей, но бродимъ понуро, какъ люди, понимающіе, что у нихъ въ игрѣ остались только двойки. Даже формы правленія не веселятъ насъ, потому что и на этотъ счетъ крѣпко-на-крѣпко намъ сказано: дѣлу—время, потѣхѣ—часъ.

На первый взглядъ все это примѣты настолько роковыя (должно быть, шкуры-то еще больше на убыль пошли!), что западный человѣкъ сразу рѣшилъ: теперь самое время объявить цѣну рублю—двугривенный. И были бы мы теперь при двугривенномъ, еслибы рядомъ съ этимъ рѣшеніемъ совсѣмъ неожиданно не выдвинулся довольно замысловатый вопросъ: „Странное дѣло! люди безъ шкуръ—а живутъ? Что положено—уплачиваютъ, кого нужно—содержатъ; даже воровства и тѣ предвидятъ, и слѣдующія на сей предметъ суммы взносятъ безъ задержанія... Какимъ образомъ это сходитъ имъ съ рукъ? въ силу чего? Но что еще замысловатѣе: если люди безъ шкуръ ухитряются жить, то какую же степень живучести предъявятъ они, если случайно опять обростутъ?“

Вопросы эти предъявляются западному человѣку, въ видѣ загадки, для объясненія которой онъ ждетъ постушковъ. И въ ожиданіи ихъ—то прибавитъ копѣйку къ нашему рублю, то двѣ копѣйки убавитъ, но сразу объявить рублю цѣну двугривенный — сомнѣвается...

Мы въ этомъ отношеніи поставлены несомнѣнно выгоднѣе. Мы рождаемся съ загадкой въ сердцахъ и потомъ всю жизнь лелѣемъ ее на собственныхъ бокахъ. А кромѣ того, мы отлично знаемъ, что никакихъ поступковъ не будетъ. Но на этомъ наши преимущества и кончаются, ибо дальнѣйшія наши отношенія къ загадкѣ заключаются совсѣмъ не въ разъясненіи ея, а только въ извѣстныхъ приспособленіяхъ. Или, говоря другими словами, мы стараемся такъ приспособиться, чтобъ жить безъ шкуръ, но какъ бы съ оными.

Приспособленіе это, несомнѣнно, облегчило бы нашу жизнь, если бы оно могло навсегда устранить мельканіе „загадки“. Но этого-то именно оно и не достигаетъ. Времена уже настолько созрѣли (политиники-то вѣдь тоже не сладость!), что „загадка“ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все бо́льшую и бо́льшую рельефность, все выпуклѣе и выпуклѣе выступаетъ наружу... и, разумѣется, вводитъ людей въ искушеніе. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что на то человѣку данъ умъ, чтобъ устраняться отъ искушеній; но вѣдь это легче сказать, нежели выполнить. Самая обыкновенная жизненная обстановка — и та на каждомъ шагу ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ искушеніями. Ужъ на что, кажется, проще дани платить — анъ и тутъ на встрѣчу вопросъ летитъ: а откуда ты ихъ возьмешь? Словомъ сказать, до того дѣло дошло, что даже если повиноваться вздумаешь, такъ и тутъ на искушеніе наскочишь: по сущей ли совѣсти повинуешься, или такъ, ради соблюденія одной формальности? „Проникни!“ „разсмотри!“ „обсуди!“ — такъ и ползутъ со всѣхъ сторонъ шѝноты. Шѝноты да шѝноты — и вдругъ... бунтъ! Куда „проникнуть“ собрался? по какому случаю „разсмотрѣть“? что̀ задумалъ обсудить“? Кто это говоритъ? Кто зачинщикъ? Тяпкинъ-Ляпкинъ зачинщикъ? Подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

Выходитъ изъ рядовъ Тяпкинъ-Ляпкинъ и отдувается. Разумѣется, ищутъ, гдѣ у него шкура, и не находятъ. На нѣтъ и суда нѣтъ — ступай съ глазъ долой... бунтовщикъ! Тяпкинъ-Ляпкинъ смотритъ веселѣе: слава Богу, отдѣлался! Мы тоже наматываемъ себѣ на усъ: значитъ, „проникать“, „разсматривать“, „обсуждать“ не велѣно. А все-таки какимъ же образомъ дани платить? — вотъ, братъ, такъ штука!

Должно же, однако, чѣмъ-нибудь разрѣшиться, это недоумѣніе. Въ сущности, впрочемъ, оно и разрѣшается, но только разрѣшеніе-то

выходитъ безплодное. А именно: разрѣшается всеобщимъ недомоганіемъ и какою-то безформенною, лишенною характерныхъ признаковъ тоскою.

Безмѣрно и какъ-то тягуче тоскуетъ современный русскій человѣкъ, до того тоскуетъ, что, кажется, это одно и обусловливаетъ его живучесть. Благодаря тоскѣ, онъ кое-какъ еще барахтается, бьется и сознаетъ себя человѣкомъ. Не будь ея, онъ навѣрное допустилъ бы болоту засосать себя. Тоскуетъ онъ и дома, не стыдится и въ люди свою тоску нести. Въ надеждѣ, разумѣется, что прикосновеніе новаго жизненнаго строя хоть сколько-нибудь облегчитъ измученное сердце. Какъ бы не такъ! Эти „новые жизненные строи“ не только не освѣжаютъ и не облегчаютъ, а напротивъ, еще больше замучиваютъ. Памяти-то вѣдь никакими „новыми строями“ не отшибешь...

По крайней мѣрѣ нѣчто подобное случилось недавно со мною. И дома живучи, я не зналъ, куда уйти отъ тоски, но какъ только пропалъ изъ глазъ вержболовскій ручей, такъ я окончательно почувствовалъ себя отданнымъ въ жертву унынію. Дома мнѣ все-таки казалось—разумѣется, это былъ обманъ чувствъ, не больше,—что я что-нибудь могу: наблюсти, закричать караулъ, ухватить похитителя за руку; а тутъ даже эта эфемерная надежда исчезла. Тоска, одна тоска—и ничего больше, Думалъ, что хоть швейцарскія „превратныя толкованія“ на время заслонятъ тоску—ничуть не бывало! Превратныхъ толкованій нѣтъ и въ поминѣ (не нарочно же ихъ разыскивать!), а тоска сосетъ да сосетъ. И объ чемъ тоска?—risum teneatis, amici!—тоска о дѣлѣ, вовсе до меня не относящемся.

Позволю себѣ небольшое отступленіе.

Было время, когда въ литературѣ довольно ходко пропагандировалось, что Россіи предстоитъ возвѣстить міру „новое слово“. Мысль эта, сама по себѣ похвальная, не имѣла однакожъ, успѣха, благодаря тому, что никто изъ провозвѣстниковъ „новаго слова“ не далъ себѣ труда объяснить хотя приблизительно, въ чемъ состоитъ его содержаніе. Трубные звуки какіе-то, потомъ многоточія, потомъ опять трубные звуки—развѣ это объясненіе? Признаюсь откровенно, въ числѣ скептиковъ былъ и я. Возвѣстители „новаго слова“ представлялись мнѣ въ родѣ чревовѣщателей, которые урчанія собствен-

ной утробы принимаютъ за пророчанія Іоіи. Чѣмъ-то подозрительнымъ отъ нихъ отдавало: не то кудесничествомъ, не то проспектусомъ о вновь изобрѣтенной мази для рощенія волосъ. Даже не тайною (хотя и тайна въ дѣлѣ пропаганды никуда не годится), а секретомъ.

Теперь однакожъ я начинаю догадываться, въ чемъ заключалась причина неуспѣха этихъ людей. А именно: не въ отсутствіи „новаго слова", но въ томъ, что возвѣстители брали слишкомъ высокую ноту. Они искали *неизвѣстнаго* „новаго слова" и, не обладая достаточной изобрѣтательностью, чтобъ выдумать его, ни достаточнымъ проворствомъ, чтобъ осуществить „невидимыхъ вещей обличеніе", думали замѣнить это трубными звуками, многоточіями и крикомъ. Тогда какъ имъ слѣдовало только осмотрѣться кругомъ себя, чтобы просто съ полу находку поднять, и притомъ не одну, а цѣлую уйму таковыхъ. Именно только осмотрѣться, безъ чревовѣщательствъ, безъ трубныхъ звуковъ, безъ натуги. Бери полной горстью изъ кошницы—и сѣй!

Да, я убѣжденъ, что даже на улицѣ, на каждомъ шагу можно услышать слова, которыя для западнаго человѣка покажутся не только новыми, но и совершенно неожиданными. Правда, я не скажу, чтобъ эти слова были отмѣнныя, но, по моему мнѣнію, качество словъ—дѣло наживное. Сегодня нехорошее слово сказали, завтра—и того хуже скажемъ, а послѣ-завтра—возьмемъ да и вымолвимъ. И вдругъ объявится просіяніе, „его же тьма не объятъ"... Только спрашивается: долго ли оно продержится, просіяніе-то это? А ну-те, признавайтесь! кто изъ васъ иллюминацію эту устроилъ? кто зачинщики? Тяпкинъ-Ляпкинъ зачинщикъ? Подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

Возьмемъ для примѣра хоть эту фразу: „тоска объ неотносящемся дѣлѣ"—развѣ что-нибудь подобное извѣстно западному человѣку? По западнымъ понятіямъ, „неотносящимся" дѣломъ называется или то, къ которому человѣкъ недостаточно приготовленъ, или то, для успѣшнаго веденія котораго онъ не имѣетъ соотвѣтствующихъ способностей, или наконецъ то, изъ котораго онъ, вслѣдствіе своей нравственной испорченности, можетъ сдѣлать источникъ злоупотребленій. Такъ, напримѣръ, берейторъ не можетъ творить судъ и расправу; идіоту не предоставляется уловлять человѣческія сердца; вору не вручается ключъ отъ кассы; расточителю не дозволяется быть распорядителемъ общественнаго или частнаго достоянія. Ибо, повто-

рію, все это, по западнымъ понятіямъ, дѣла „неотносящіяся“. Напротивъ того, негодовать по поводу подобныхъ дѣлъ, ежели они по временамъ прорываются въ жизнь, требовать ихъ разъясненія и преслѣдованія—это не только считается „относящимся“ дѣломъ, но и для всякаго честнаго человѣка обязательнымъ.

Я, разумѣется, далекъ отъ того, чтобы утверждать, что русская жизнь имѣетъ исключительно дѣло съ берейторами, идіотами и расточителями, но для меня вполнѣ несомнѣнно, что всякое негодующее и настойчивое слово, посланное на встрѣчу расхищенію и идіотству, неизбѣжно и какъ-то само собою зачисляется въ категорію „неотносящихся“ дѣлъ. Такой-то укралъ... да не у васъ вѣдь,—какое вамъ дѣло? Такой-то идіотски сгубилъ цѣлую массу людей... да не васъ вѣдь сгубилъ—какое вамъ дѣло? Такой-то позорнымъ образомъ расхитилъ и расточилъ ввѣренное его охранѣ имущество... да вѣдь не ваше—какое вамъ дѣло? Вотъ отвѣты, какіе даетъ обыденная жизненная практика на негодующіе и настойчивые запросы. Она снисходительно отнесется къ вору, ходатайствующему по *своему* дѣлу, и назоветъ безпокойнымъ, безалабернымъ (а можетъ быть—даже распространителемъ „превратныхъ толкованій“) человѣка, которому дорого дѣло *общее*, дѣло его страны.

Да, нельзя даже на минуту усомниться, что подобныя отношенія къ интересамъ, мало-мальски выходящимъ изъ тѣсной сферы личныхъ требованій, дѣйствительно, представляютъ для западнаго человѣка „новое слово“. Но вопросъ: нужно ли ему это слово?

Затѣмъ самая „тоска“—развѣ это не „новое слово“ для западнаго человѣка? Западный человѣкъ можетъ негодовать, ожесточаться, настаивать, но „тосковать“ онъ положительно не умѣетъ. Ни англичанинъ, ни французъ, ни нѣмецъ не сдѣлаютъ изъ тоски постояннаго занятія и тѣмъ менѣе не будутъ хвалиться, что вотъ, дескать, мы страдаемъ „благородной“ тоской. Ибо даже наиблагороднѣйшая тоска—и та представляетъ собой нѣчто несознанное, безвыходное, свойственное лишь безсильнымъ и недоумѣвающимъ людямъ. Человѣкъ ничего другого не видитъ передъ собой, кромѣ „неотносящихся дѣлъ“, а между тѣмъ понятіе о „неотносящихся дѣлахъ“ уже настолько выяснилось, что даже въ субъектѣ наиболѣе недоумѣвающемъ пробуждается сознаніе всей жестокости и безчеловѣчности обязательнаго стоянія съ разинутымъ ртомъ передъ глухой стѣной. Оче-

видно, тутъ кроется мучительнѣйшее двоегласіе, которое потому только не считается позорнымъ, что оно все-таки составляетъ шагъ впередъ сравнительно съ самодовольнымъ стояніемъ съ разинутымъ ртомъ. Но чтобъ сознать себя во истину человѣкомъ, во всякомъ случаѣ нужно выйти изъ этого двоегласія, нужно признать права одного голоса и несостоятельность другого. Однимъ словомъ, нужно начать борьбу. А гдѣ же взять силъ для борьбы? Увы! геройство еще не выработалось, а на добровольныя уступки жизнь отзывается съ такою обидною скаредностью, что цѣлыя десятилѣтія кажутся какъ бы застывшими въ преднамѣренной неподвижности. Остается одинъ выходъ: благороднымъ образомъ тосковать. Несомнѣнно, что ничего подобнаго не встрѣтишь ни у подошвы Пилата, ни на берегахъ Сены, ни на берегахъ Шпрее. Я, конечно, не хочу этимъ сказать, чтобъ западный человѣкъ былъ свободенъ отъ заботъ, недоумѣній и даже опасностей,—всего этого у него болѣе чѣмъ достаточно, —но онъ свободенъ отъ обязательнаго стоянія съ опущенными руками и разинутымъ ртомъ, и это въ значительной мѣрѣ облегчаетъ для него борьбу съ недоумѣніями. Такъ что въ этомъ смыслѣ наша „благородная тоска“ во истину представляетъ для него „новое слово“. Но спрашивается: нужно ли оно ему?

Еще примѣръ (тоже намѣченный уже выше). Всякое вѣяніе, сколько-нибудь выходящее изъ предѣловъ обыденности, всегда представляется у насъ чѣмъ-то злостнымъ, требующимъ не регулированія, но подавленія, и притомъ всегда же сопрягается съ представленіемъ о „зачинщикѣ“. Обыкновенно такимъ зачинщикомъ является Тяпкинъ-Ляпкинъ. Этого Тяпкина-Ляпкина мнутъ и трутъ. Сотрутъ въ порошокъ, думаютъ: ну, теперь слава Богу! Смотрятъ, а онъ опять выпырнулъ. И опять начинаютъ мять и тереть. И такъ до сего дня. Коли хотите, этотъ вѣчный Тяпкинъ-Ляпкинъ, этотъ козелъ отпущенія, въ лицѣ котораго мы стараемся устранить „созрѣвшія времена“—вѣдь и это, пожалуй, тоже „новое слово“ для западнаго человѣка, но опять-таки спрашивается: нужно ли оно ему?

Откровенно говоря, я думаю, что слова эти даже не представляютъ для западнаго человѣка интереса новизны. Несомнѣнно, что и онъ въ свое время прошелъ сквозь всѣ эти „слова“, но только *позабылъ* ихъ. И „неотносящіяся дѣла“ у него были, и „тоска“ была, и Тяпкинъ-Ляпкинъ, въ качествѣ козла отпущенія, былъ, и многое

другое, чѣмъ мы мнимъ его удивить. Все было, но все позабылось, сдѣлалось ненужнымъ...

Для насъ-то нужно ли?

Впрочемъ, я и самъ догадываюсь, что это вопросъ праздный. Важность совсѣмъ не въ томъ, нужно или ненужно то или другое явленіе, а въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ и ненужное становится неизбывнымъ. Поди, достучись въ этой массѣ дверей, которыя сплошь на-глухо заперты,—вѣдь только того и добьешься, что лобъ себѣ разобьешь. Это даже ужъ не загадка, а какое-то колдовство, которое я назвалъ бы историческимъ, еслибъ не боялся, чтобъ этотъ эпитетъ не послужилъ прикрытіемъ для всякаго рода малодушій. Куда ни оберитесь, на всѣхъ лицахъ вы видите страстное желаніе проникнуть за предѣлы загадочной области, и въ то же время на тѣхъ же лицахъ читаете какое-то фаталистическое осужденіе: нѣтъ, не проникнуть туда никогда. Ужели это не колдовство? Ибо, въ сущности, что̀ означаетъ это выраженіе: „проникнуть“, которое переполняетъ тоской всѣ сердца? Означаетъ ли оно взломъ, насиліе, бунтъ? Нѣтъ, оно означаетъ стремленіе освѣтить и осмыслить жизнь. Ужели нужно еще доказывать, что такого рода стремленіе не только вполнѣ естественно, но и не заключаетъ въ себѣ никакихъ угрозъ? Доказывать! да развѣ кому-нибудь доказательства нужны? Такъ лучше уже прямо, безъ разсужденій, принять на вѣру, что всѣ эти стремленія, надежды и порывы суть „неотносящіяся дѣла“, которыя злоухищренно и преднамѣренно выдумалъ зачинщикъ Тяпкинъ-Ляпкинъ. Пускай онъ за нихъ и отвѣтитъ, а вы, нежелающіе подвергать себя участи Тяпкина-Ляпкина, вы должны позабыть объ „неотносящихся дѣлахъ“ и только въ видѣ непзреченной льготы можете слегка о нихъ тосковать. Эта тоска да будетъ вамъ во спасеніе. Пускай она освѣжаетъ вашу память и не даетъ вамъ закоченѣть.

Слушать разглагольствія Удава и Дыбы и не чувствовать при этомъ глубочайшей тоски можно только подъ условіемъ несомнѣннаго нравственнаго разложенія. Ничему подобному западный человѣкъ не подвергается, потому что онъ во всякое время имѣетъ возможность повернуться къ сквернословію спиной и уйти. Но мы не можемъ такъ поступить. Мы обязаны выслушивать сквернословіе и считаться съ нимъ. И не по тому одному, что легкомысленное отношеніе къ нему можетъ смутить безпечальность нашего житія, но и

потому, что некуда намъ отъ него скрыться. Въ формѣ ли авторитета, или въ формѣ простой обыденности, такъ или иначе, но оно заставитъ насъ выслушать себя. Слушай и чувствуй, какъ замираетъ весь организмъ подъ игомъ подавляющей тоски.

И замѣтьте, что основаніе этого сквернословія совсѣмъ не фантастическое, а прямо выхваченное изъ жизни. Ни Дыба, ни Удавъ ничего не выдумали, а только возвели въ перлъ созданія и издали въ свѣтъ. Вы тоскуете объ „увѣнчаніи зданія“, а Удавъ на это въ упоръ напоминаетъ объ уставѣ о кантонистахъ. У васъ въ глазахъ мерещатся „гарантіи“, а Дыба подлавливаетъ ваши мечтанія и переводитъ ихъ на свой подъячески-опредѣленный языкъ: учрежденіе управы благочинія. Какимъ образомъ произошли эти превращенія? — это тайна; но вы чувствуете, что въ основѣ тайны лежитъ жизненная практика. Ужели же можно представить себѣ, чтобъ вы, партикулярный тоскующій человѣкъ, побѣдили этихъ сквернословящихъ мудрецовъ, устами которыхъ говоритъ сама жизнь?

Поэтому, ежели я позволилъ себѣ сказать безшабашнымъ мудрецамъ, что они говорятъ „глупости“, то поступилъ въ этомъ случаѣ какъ западный человѣкъ, въ надеждѣ, что Мальбергъ и Бедерлей возьмутъ меня подъ свою защиту. Я *заразился*. Конечно, я заразился на самое короткое время и теперь готовъ принести въ томъ раскаяніе, но ужасно подумать, какъ я былъ опрометчивъ и даже несправедливъ. Напротивъ того, *они* выказали въ этомъ случаѣ милосердіе по истинѣ неизреченное, ибо не только предоставили мнѣ по прежнему пользоваться правами состоянія, но даже, по пріѣздѣ въ Петербургъ, никому о моемъ грубіянствѣ на зависящее распоряженіе не сообщили. И я никогда не забуду этого одолженія. Буду себѣ потихоньку тосковать, но чтобы прерывать сквернословіе особъ, за которыми право на таковое признано самими регламентами... никогда!

Никогда, никогда и никогда, потому что, независимо отъ всякихъ другихъ соображеній, сквернословіе это представляетъ такую неистощимую сокровищницу готовыхъ „новыхъ словъ“, которая навсегда избавляетъ отъ выдумокъ, а прямо позволяетъ черпать и приговаривать: на, гнилой Западъ, ѣшь! Только согласится ли онъ ѣсть?

Итакъ, тоска и ни малѣйшаго превратнаго толкованія. Тѣмъ

не менѣе мысль, что представленіе о Швейцаріи какъ-то обязательно отождествляется съ представленіемъ о превратныхъ толкованіяхъ, положительно отравляетъ путешествіе по этой странѣ. Ѣдешь въ вагонѣ и во всякомъ сосѣдѣ видишь сосудъ злоухательства: пріѣдешь въ гостиницу и все думаешь: да гдѣ же онѣ, превратныя идеи, застряли? какъ бы ихъ обойти? какъ бы не встрѣтиться „съ кіевскимъ дядей“, который, пожалуй, не задумается и налгать? Оглянешься кругомъ—вся природа словно изнемогаетъ подъ напыломъ внутренняго ликованія. Все блещетъ: и небо, и горы, и озёра. Даже гроза—и та летитъ на встрѣчу вся блистающая, вся пылающая цѣлымъ пожаромъ сверканій. И что же! все это пропускаешь мимо глазъ и ушей, ко всему прислушиваешься и присматриваешься вяло, почти безучастно... И почему?... потому только, что впечатлительность уже заранѣе загажена предположеніемъ о какихъ-то „превратныхъ толкованіяхъ“... Risum teneatis, amici!

Дѣло было такъ. Сидѣлъ я лунными сумерками подъ сѣнью гигантскихъ интерлакенскихъ орѣшниковъ и по секрету велъ разговоръ съ Юнгфрау. Вотъ, Юнгфрау, говорилъ я, кабы ты была въ Уфимской губерніи, и тебя бы причислили къ лику башкирскихъ земель. И отдали бы тебя задешево какому-нибудь безшабашному совѣтнику (какъ въ старинной русской пѣснѣ поется: „отдалъ меня сударь-батюшка за немилаго; за немилаго, за стараго, за гадёнка“), который смотрѣлъ бы на тебя и ропталъ. Вотъ-молъ другимъ лѣса да поймы достались, а мнѣ, въ награду за любезно-вѣрное житіе, дылду отвалили—чортъ ли я съ ней подѣлаю! И стояла бы ты въ своей незапятнанной бѣлой одеждѣ, дѣвственная, неоскверняемая взорами „знатныхъ иностранцевъ“, довлѣющая сама себѣ... Но, разумѣется, стояла бы до тѣхъ поръ, пока, съ размноженіемъ новоявленныхъ башкирскихъ припущенниковъ, опытъ не указалъ бы, что настушилъ часъ открыть на твоей вершинѣ харчевню съ арфистками. Тогда... ахъ, что бы мы тогда надъ тобою, Юнгфрау, сдѣлали!

Такъ вопрошалъ я Юнгфрау, а луна между тѣмъ все ярче и ярче освѣщала бѣлый ликъ Дѣвственницы, и въ соотвѣтствіе съ этимъ пуще и пуще разгаралось мое воображеніе. Незамѣтно для себя самого я сталъ проницать, и, надо сказать правду, нехорошо прори-

цалъ. Миплось мнѣ, будто бы старый безшабашный совѣтникъ (или, по выраженію пѣсни, „гадёнокъ“), скучая скромными доходами, получаемыми съ харчевни, ходатайствуетъ о перенесеніи Юнгфрау въ Кунавино, намекая при этомъ и о потребныхъ на сей предметъ прогонныхъ и подъемныхъ деньгахъ... Шлется будто бы этотъ проектъ въ Петербургъ и, разумѣется, прежде всего разсматривается съ точки зрѣнія пользъ россійской промышленности, имѣющей, „какъ извѣстно“, главный сбытъ на нижегородской ярмаркѣ... Образуется, конечно, коммиссія: безшабашный совѣтникъ доказываетъ, что онъ патріотъ... Являются евреи... Съ одной стороны, „тормозятъ“ дѣло, съ другой — „подмазываютъ“... Въ городѣ ходятъ слухи, что въ дѣлѣ принимаетъ участіе баронесса Мухобоева, которая будто бы ѣздила въ Берлинъ и ужъ переговорила съ Мендельсономъ... Остается, стало быть, „въ послѣдній разъ“ подмазать и двинуть... Но только-что я было-занялся окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса, подлежитъ ли ходатайство сіе удовлетворенію, или не подлежитъ, какъ вдругъ мечтанія мои оборвались. Съ сосѣдней скамьи до меня совершенно отчетливо донеслись родные звуки.

— Послужилъ—и будетъ!—говорилъ непзвѣстный голосъ:— и замѣть, я ни о чемъ никогда не просилъ, ничего не ждалъ... кромѣ спасиба! Простого русскаго спасиба... кажется, немного! И вотъ... Но нѣтъ, довольно, довольно, довольно!

Послѣдовало минутное молчаніе; затѣмъ другой голосъ патетически продекламировалъ:

— „Ппростого ррускаго спасиба“!.. c'est bien dit... tu es un noble coeur, Théodor!

— Конечно, я знаю, что мой часъ еще придетъ,—продолжалъ первый голосъ:—но ужъ тогда... Мы всѣ здѣсь путники... nous ne sommes que des pauvres voyageurs égarés dans ce pauvre bas monde... Но!

На этой угрожающей нотѣ голосъ пресѣкся. Мимо меня, по направленію къ Невѣ пронесся густой вздохъ... и все смолкло.

Можно себѣ представить, какъ встрепенулось при этихъ звукахъ мое русское сердце! Я жадно началъ вглядываться сквозь лунныя сумерки и послѣ нѣкоторыхъ усилій успѣлъ разсмотрѣть двухъ „знатныхъ иностранцевъ“, которыхъ лица показались мнѣ нѣсколько знакомыми. Дѣйствительно, собравши мои воспоминанія, я наконецъ

доискался. То были два графа: графъ Твэрдоонтѳ и графъ Мамелфинъ. Первый изъ нихъ въ свое время былъ знаменитъ и, подобно прочимъ подвижникамъ русской земли, мечталъ объ увѣнчаніи зданія; но, получивъ лишь скудное образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, ни до чего не могъ додуматься, чтѳ было бы равносильно даже управѣ благочинія. Что-то необычайно-смутное мелькало въ его головѣ, чего ни онъ самъ, ни его подчиненные не были въ состояніи ни изловить, ни изложить. Какой-то вселенскій смерчъ, который надлежало навсегда и повсемѣстно водворить, и которому предстояло все знать, все слышать, все видѣть, и въ особенности наблюдать, чтобы не было превратныхъ идей и недоимокъ. Когда онъ излагалъ свои мысли,—излагалъ безпорядочно, съ употребленіемъ неподлежащихъ выраженій, —то никто ничего не понималъ, но всякій догадывался, что если дать этому безвыходному кадету волю, то онъ непремѣнно учинитъ что-нибудь до того непзгладимое, чего впослѣдствіи ни подъ какимъ видомъ не отскоблить. И можетъ быть именно въ силу этой неотскоблимости онъ и держался. Былъ такой моментъ, когда казалось, что русское общество одержимо сверхъестественнымъ недугомъ, отъ котораго можетъ избавить его только смерчъ. Тотъ смерчъ, о которомъ не упоминается ни въ какихъ регламентахъ и передъ которымъ всякій партикулярный человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ злонравенъ, непремѣнно спасуетъ. Но Твэрдоонтѳ былъ кадетъ и не спасовалъ. Настоящаго смерча, положимъ, у него не вышло, но былъ ужасъ, было трясеніе великое. Всѣ въ страхѣ спрашивали себя: *кто осла двія быстра содѣлалъ? узы ему кто развязалъ?*—и не находили отвѣта. А графъ Твэрдоонтѳ между тѣмъ гарцовалъ и все твердилъ одно и то же слово: „смерчъ, смерчъ, смерчъ!“ Къ счастію, на пути его встрѣтились препятствія. Во-первыхъ, кадетская полуграмотность и сопряженное съ нею неумѣніе дать форму смутности обуревающихъ чувствъ, и во-вторыхъ — чтѳ важнѣе всего—неумѣніе держаться на высотѣ, не наполнивъ вселенной болтовней и хвастовствомъ. Не успѣлъ еще Удавъ придти на помощь мятущемуся кадету, чтобы формулировать ученіе о вселенскомъ смерчѣ, какъ кадетъ ужъ шарахнулся. Шарахнулся какъ мальчишка, котораго за лганье и непотребныя шашни исключили изъ „заведенія“.

Что же касается до графа Мамелфина, то онъ былъ замѣчателенъ лишь тѣмъ, что происходилъ по прямой линіи отъ боярыни Мамелфы

Тимофеевны. Какимъ образомъ произошелъ на свѣтъ первый графъ Мамелфинъ — преданія молчали, въ документахъ же объяснялось просто: „по сей причинѣ“. Этотъ же девизъ значился и въ гербѣ графовъ Мамелфиныхъ. Но самъ по себѣ графъ, о которомъ идетъ рѣчь, ничего самостоятельнаго не представлялъ, а былъ извѣстенъ только въ качествѣ приспѣшника и стремяннаго при графѣ Твэрдоонто.

Эта встрѣча произвела на меня двойственное впечатлѣніе. Прежде всего меня объялъ священный ужасъ. Вспомнились стихи:

Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ...

И въ то же время какъ-то само собою сказалось: а ну, какъ укуситъ? Хотя у насъ на этотъ счетъ довольно простыя примѣты: коли кусается человѣкъ — значитъ, во власти находится; коли не кусается—значитъ, наплевать; и хотя я доподлинно зналъ, что въ эту минуту графу Твэрдоонто даже нечѣмъ укусить, но кто же можетъ поручиться, совсѣмъ ли погасла эта сѣнка, или же въ ней осталось еще настолько горючаго матеріала, чтобъ и опять, при случаѣ, разыграть роль Везувія? Развѣ не бывало примѣровъ, что и въ оставленныхъ храмахъ вновь раздавались урчанія авгуровъ, что и низверженные кумиры вновь взбирались на старые пьедесталы и начинали вращать алмазными очами? Но главную роль, повторяю, все-таки игралъ священный ужасъ, который заставляетъ невольно трепетать при мысли: вотъ храмъ, въ которомъ еще недавно курились фиміамы и раздавалось пѣніе и въ которомъ теперь живетъ домовой!

Но, съ другой стороны, меня такъ и подмывало устроить какую-нибудь проказу. Рабъ вѣдь я, а потому что же мудренаго, что меня привлекаютъ только удовольствія вѣроломства. Потрясти когда-то злонравнаго, а нынѣ безсильнаго идола за носъ: что, молъ, небось еще живъ? Узнать, чѣмъ онъ теперь пробавляется, и достаточно ли однихъ воспоминаній о смерчѣ, чтобъ поддерживать жизнь въ этомъ идольскомъ организмѣ? Толкнуть его какъ бы невзначай, посмотрѣть ему за панибрата въ глаза, похлопать по плечу... Однимъ словомъ, продѣлать все, что истинно-русское подневольное вѣроломство повелѣваетъ. И въ концѣ концовъ допытаться, дѣйствительно ли это „оставленный храмъ“, а не...

И вдругъ меня осѣнила мысль: скажусь репортеромъ отъ газеты

„И шило брѣетъ“ и явлюсь побесѣдовать. Нынче вѣдь насчетъ этого строго: явился репортеръ — хочешь не хочешь, а распоясывайся! Даже если Подхалимовъ или „нашъ парижскій корреспондентъ“ зайдетъ — и тутъ держи ухо востро! Ежели спроситъ, гдѣ воспитаніе получилъ? — отвѣчай скромно: воспитаніе получилъ недостаточное, но, будучи одаренъ отъ природы свѣтлымъ умомъ, и т. д. Ежели спроситъ: что̀ означаетъ слово „смерчъ“? — отвѣчай: слово сіе русское, въ переводѣ на еврейскій языкъ означающее: Впоезда... Но, можетъ быть, ты не знаешь, что̀ такое Впоезда? — Впоезда, братецъ, это кушель Силоамская. — А кушель Силоамская что̀? — Ахъ, братецъ мой, какой же ты...

Обыкновенный партикулярный человѣкъ ни за что подобныхъ вопросовъ не предложитъ, — не сочтетъ себя вправѣ, — а Подхалимовъ предложитъ. Подхалимовы — это особенная порода такая объявилась, у которой на знамени написано: ври и будь свободенъ отъ мѣры! Всюду проникнетъ Подхалимовъ; придетъ къ Гамбеттѣ — Гамбетту проэкзаменуетъ: потомъ съѣздитъ къ Гладстону — и его обнюхаетъ. А то и не ѣздивши скажетъ: былъ. Чѣмъ больше къ человѣку Подхалимовыхъ льнется, тѣмъ несомнѣннѣе для темнаго люда, что тотъ человѣкъ славенъ. А ежели къ кому совсѣмъ Подхалимовъ не заѣзжаетъ, то это означаетъ, что человѣкъ тотъ изображаетъ собой даже не „храмъ оставленный“, а упраздненную ретираду. И въ эту ретираду самъ „нашъ парижскій корреспондентъ“ не зайдетъ, а, зажавъ носъ, пробѣжитъ мимо.

Гм... а что̀ ежели и въ самомъ дѣлѣ прикинуться Подхалимовымъ?

Сказано — сдѣлано. Не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, я сейчасъ же отправился въ гостиницу и предварилъ графа о своихъ намѣреніяхъ слѣдующимъ письмомъ:

„Сіятельнѣйшій графъ!

„Я — Подхалимовъ, и завтра, въ десятомъ часу утра, буду у Вашего сіятельства. Нѣтъ сомнѣнія, что Вы заранѣе угадываете значеніе и цѣль этого визита. Вы — одна изъ недавнихъ звѣздъ современнаго горизонта; я — скромный репортеръ газеты „И шило брѣетъ“. Но въ самой скромности я представляю собой силу. Русская пуб-

лика имѣетъ право знать, какъ предполагаете Вы поступить съ нею въ томъ случаѣ, ежели фортуна вновь улыбнется Вамъ. Фортуна слѣпа, сіятельнѣйшій графъ! и Вамъ, больше нежели кому-нибудь, должно быть это извѣстно. Не желая застать Васъ врасплохъ, я даю Вашему сіятельству эту ночь на размышленіе.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

„*Ivan de Podkhalimoff*“.

На другой день, въ назначенный часъ, я уже стоялъ въ швейцарской аристократическаго отеля „Jungfraublick“ (chambres à partir de 4 fr., déj. 2, dîn. 5, serv. 1, boug. 1, omnib. 1 fr. 50 c.) и требовалъ графа Твэрдоонтò къ отвѣту. Я пришелъ въ черномъ сьютѣ, въ сиреневаго цвѣта перчаткахъ и въ лакированныхъ полусапожкахъ; волосы мои были напомажены, лицо — вымыто. На губахъ играла улыбка, говорившая, что я обрадованъ и польщенъ, но въ глазахъ, на всякій случай, свѣтилась гражданская скорбь. Общее выраженіе лица внушало довѣріе. Съ своей стороны, графъ не заставилъ меня ждать и вышелъ ко мнѣ, одѣтый въ легкую жакетку и въ бѣлый однобортный жилетъ съ свѣтлыми пуговицами, застегнутыми сверху дò низу à la militaire. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ (между 45 и 50), высокаго роста, бравый и нимало не отяжелѣвшій. Выраженіе его лица я затрудняюсь опредѣлить, но знаю, что оно напомнило мнѣ свѣже-написанный масляными красками портретъ, по которому неосторожный прохожій слегка задѣлъ рукавомъ. Нѣчто смутное и въ то же время... какъ бы благородное. Но подлинно ли благородное — на этотъ вопросъ, по нынѣшнему времени, трудно отвѣтить. Ибо бываетъ благородство, такъ сказать, самою природой на лицѣ человѣка написанное, и бываетъ такое, которое „наводится“ на лицо тщательными омовеніями, употребленіемъ соотвѣтствующихъ духовъ и мылъ, долгими сеансами передъ зеркаломъ и проч. Какъ бы то ни было, но онъ былъ видимо взволнованъ, хотя, подавая мнѣ руку, ни однимъ мускуломъ не обнаружилъ, что это стоитъ ему усилій. Кажется, это называется на ихнемъ языкѣ „выдержкой“. Съ своей стороны, я сжалъ эту руку съ почтительностію, къ которой, однакожъ, на всякій случай, примѣшалъ тонкій оттѣнокъ наглости. И тогда между нами произошелъ слѣдующій colloquium.

ГРАФЪ И РЕПОРТЕРЪ.

(Драматическій разговоръ въ одномъ явленіи.)

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Твэрдоонтò, странствующій администраторъ.
Подхалимовъ, репортеръ русской газеты „И шило брѣетъ".

Сцена представляетъ салонъ въ хорошей гостинницѣ; изъ оконъ видъ на Юнгфрау.

Подхалимовъ (*въ нагломъ восторгѣ*). Ваше сіятельство! сіятельнѣйшій графъ!

Графъ. Радъ, очень радъ. Очень радъ съ вами познакомиться, мсьё — (*Дѣлаетъ видимое усиліе, чтобъ произнести частицу „де"*)... *де* Подхалимовъ. Я всегда къ услугамъ прессы. Вѣдь пресса — это нынче шестая держава, а въ томъ числѣ и русская... „Печатать дозволяется" — такъ, кажется? (*Кличетъ.*) André! Vous apporterez un carafon de Gorki pour monsieur *)... (*Къ Подхалимову.*) Потребляете?

Подхалимовъ. Бросилъ-съ. Конечно, путешествуя, напримѣръ, по Волгѣ... ваше сіятельство, сами изволите знать... трудно, чтобъ воздержаться совсѣмъ.

Графъ (*съ чувствомъ*). Я понимаю васъ.

Подхалимовъ. А здѣсь это не въ обычаѣ, да притомъ и тепло-съ...

Графъ (*съ возрастающимъ чувствомъ*). Я понимаю васъ... de Podkhalimoff! (*Подаетъ Подхалимову руку, которую послѣдній принимаетъ, слегка отдѣлившись отъ стула.*)

Минутное молчаніе, въ продолженіе котораго влетаетъ въ комнату муха и садится графу на носъ. Графъ хочетъ ее изловить, но убѣждается, что это гораздо труднѣе, нежели уловлять людей. Наконецъ Подхалимовъ успѣваетъ переманить муху на свой носъ.

Графъ. Благодарю васъ. Ахъ, эти мухи! Вы, конечно, знаете стихъ Пушкина:

Краснаго лѣта отрава, муха несносная, чтò ты...

---

*) Водка горькая, двойная померанцовая, завода Штритера, продается за границей во всѣхъ débits de vins подъ именемъ Gorki.—*Авт.*

Charmant! Кстати: вы были на этомъ праздникѣ... въ Москвѣ?

Подхалимовъ (*смущенно, какъ бы предвидя опасность*). Былъ, ваше сіятельство.

Графъ (*внезапно вообразивъ себѣ, что онъ вновь призванъ къ дѣламъ, строго*). И вмѣстѣ съ прочими... а? (*Машетъ указательнымъ перстомъ передъ носомъ Подхалимова.*)

Подхалимовъ (*уклончиво*). Ваше сіятельство! вѣдь нынче дозволено-съ!

Графъ (*спохватившись*). Да... нынче... я и забылъ! А впрочемъ я и всегда... Pouschkine! quel géant! (*Декламируетъ:*)

Краснаго лѣта отрава, муха несносная, что ты...

Кстати о Пушкинѣ. Я недавно съ однимъ его родственникомъ познакомился... Представьте себѣ! изо всего Пушкина знаетъ только стихъ: „*Мнѣ вручила талисманъ*“... Это... родственникъ!! А впрочемъ довольно объ этомъ; приступимъ къ нашему дѣлу. Прошу предлагать вопросы.

Подхалимовъ (*нѣкоторое время собирается съ мыслями*). Графъ! кто ваши родители?

Графъ (*изумленно, но покоряясь своей участи*). Я происхожу отъ боковой линіи. Это нѣсколько странно, но... Словомъ сказать, я —графъ Твэрдоонтэ. Скажите однакожъ, развѣ прессѣ необходимо знать эти подробности?

Подхалимовъ. Пресса все должна знать, ваше сіятельство. (*Вынимаетъ записную книжку и пишетъ: „найденъ въ корзинѣ, на крышѣ; сравнить: Moïse sauvé des eaux.*) Будемъ продолжать. Гдѣ ваше сіятельство изволили продолжать воспитаніе?

Графъ. Я долженъ сознаться, что воспитаніе я получилъ недостаточное... въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ... Но (*хочетъ сказать нѣчто въ свою похвалу*)...

Подхалимовъ. Понимаю. Но впослѣдствіи вы, конечно, постарались восполнить недостатокъ солиднаго образованія чтеніемъ извѣстныхъ авторовъ?

Графъ. Да, я читалъ довольно много. Всего Поль-де-Кока, всего Феваля и наконецъ „Nana“... Изъ серьезныхъ писателей— Щитовича.

Подхалимовъ. Прекрасно-съ. (*Записываетъ: „воспитаніе*

получилъ недостаточное, но, будучи одаренъ свѣтлымъ умомъ, уже въ чинѣ поручика рѣшился обогатить оный разнообразнымъ чтеніемъ“). Не имѣете ли какихъ наружныхъ пороковъ?

Графъ (*выпрямляясь и опустивъ руки по швамъ*). Безъ отмѣтинъ-съ.

Подхалимовъ (*осматриваетъ его*). Дѣйствительно! Но будемъ продолжать нашъ вопросъ. Графъ! какъ вы думаете, обильно ли наше отечество?

Графъ (*на минуту задумывается, какъ бы соображая*). Что вамъ сказать на это? Есть данныя, которыя заставляютъ думать, что да; есть и другія данныя, которыя прямо говорятъ: нѣтъ.

Подхалимовъ. Однакоже, графъ!

Графъ. Признаюсь вамъ, я никогда не придавалъ этому вопросу особенной важности. Мнѣ всегда казалось, что для нашего отечества нужно не столько изобиліе, сколько расторопные исправники.

Подхалимовъ. Такъ что, напримѣръ, ежели извѣстную мѣстность постигъ неурожай, то, по мнѣнію вашего сіятельства, достаточно послать въ ту мѣстность двоихъ исправниковъ вмѣсто одного, и вредныя послѣдствія неурожая устранятся сами собой?

Графъ. Не вполнѣ такъ, но въ значительной мѣрѣ — да. Бываютъ, конечно, примѣры, когда даже экзекуція оказывается недостаточною; но въ большинствѣ случаевъ — я твердо въ этомъ убѣжденъ — довольно одного хорошо выполненнаго окрика, и дѣло въ шляпѣ. Вотъ почему, когда я былъ при дѣлахъ, то всегда повторялъ господамъ исправникамъ: отъ васъ зависитъ — *все*, вамъ дано *все*, и потому вы должны будете отвѣтить — *за все!*

Подхалимовъ (*умиленный*). Ахъ, ваше сіятельство!

Графъ (*одушевляясь*). Скажу вамъ откровенно: вся наша бѣда въ томъ именно и заключается, что мы слишкомъ охотно возбуждаемъ вопросы о *не*изобиліи. Напоминая голодному объ ѣдѣ, мы тѣмъ самымъ, такъ сказать, искусственно вызываемъ въ немъ мысль о необходимости таковой. И притомъ непремѣнно въ изобиліи. Тогда какъ еслибъ мы этого не дѣлали, то навѣрное изъ десяти случаевъ въ девяти самые неизобильные люди сочли бы себя достаточно изобильными, чтобъ, въ виду соотвѣтствующихъ напоминаній, своевременно выполнить лежащія на нихъ повинности.

Подхалимовъ (*удивляясь премудрости*). Это, ваше сіятельство, въ своемъ родѣ... идея!!

Графъ (*хвастаясь*). Въ моей служебной практикѣ былъ замѣчательный въ этомъ родѣ случай. Когда повсюду заговорили о неизобиліи и о необходимости замѣнить оное изобиліемъ, — грѣшный человѣкъ, соблазнился и я! Думаю: надобно что-нибудь сдѣлать и мнѣ. Сажусь, пишу, предписываю: чтобъ вездѣ было изобиліе! И чтожъ! отъ одного этого неосторожнаго слова неизобиліе, до тѣхъ поръ тлѣвшее подъ непломъ и даже казавшееся изобиліемъ,—вдругъ такъ и поползло изо всѣхъ щелей! И такой вдругъ сдѣлался голодъ, такой голодъ...

Подхалимовъ. Но, конечно, ваше сіятельство...

Графъ (*играя брелоками*). Черезъ мѣсяцъ спокойствіе было водворено.

Подхалимовъ. Ахъ!! (*Хочетъ бѣжать.*)

Графъ. Успокойтесь, de Podkhalimoff, потому что теперь все это уже сдѣлалось достояніемъ исторіи. Но тогда я вынужденъ былъ такъ поступить. Почему вынужденъ?—а потому просто (*смѣшиваетъ настоящее съ прошедшимъ*), что для меня главное—чтобы въ предѣлахъ моего вѣдомства царствовало спокойствіе. И чтобъ никто ничего не говорилъ. Когда всѣ спокойны—и я спокоенъ; когда я спокоенъ—и всѣ спокойны. А ежели при этомъ всѣ довольствуются тѣмъ „изобиліемъ“, какое кому предназначено — я своимъ, вы своимъ — то лучше и не надо. Такова моя система. Не дальше, какъ сегодня, призвавъ моего секретаря (*вдругъ вспоминаетъ, что онъ не больше, какъ „достояніе исторіи“*)... Тьфу! Продолжайте, прошу васъ.

Подхалимовъ (*записываетъ: „объ изобиліи Россіи думаетъ, что изобильна, но не весьма; недостатокъ сей полагаетъ устранить, удвоивъ комплектъ исправниковъ“*). Графъ! какого вы мнѣнія о русскомъ народѣ?

Графъ (*постепенно утрачиваетъ стыдъ*). Различнаго. Русскій народъ добръ, гостепріименъ и... легковѣренъ. Таковы его хорошія стороны, но и только. Подлинно добродѣтельнымъ онъ едва ли можетъ сдѣлаться, ибо черезъ-чуръ пристрастенъ къ спиртнымъ напиткамъ.

Подхалимовъ. Но вы забываете, ваше сіятельство, что акцизъ

съ спиртныхъ напитковъ представляетъ собой добрую часть нашего бюджета, и слѣдовательно...

Графъ. Не только не забываю, но всечасно о томъ помышляю. И даже однажды, бывъ спрошенъ по этому предмету, отвѣчалъ такъ: еслибъ русскій мужикъ и добровольно отказался отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, то и тогда надлежало бы кроткими мѣрами вновь побудить его возвратиться къ оным.

Подхалимовъ. Но въ такомъ случаѣ какимъ образомъ согласовать ваше требованіе, чтобъ русскій мужикъ былъ добродѣтеленъ, съ такимъ, можно сказать, бюджетнымъ осужденіемъ его на обязательное пьянство?

Графъ (*разводитъ руками*). Вотъ это именно и есть... наша ахиллесова пята!

Подхалимовъ. Но такъ какъ на этой пятѣ покоятся всѣ наши упованія, то выходитъ, что во всѣхъ исходящихъ отсюда распоряженіяхъ должна главнымъ образомъ господствовать ахиллесова пята? Или, говоря иными словами, русскій бюрократъ...

Графъ. Не доканчивайте. C'est terrible, mais... c'est vrai!

Подхалимовъ (*записываетъ: „о свойствахъ русскаго народа мнѣнія хорошаго, но не вполнѣ; полагаетъ, что навсегда осужденъ пить водку“*).

Графъ (*вновь смѣшивая прошедшее съ настоящимъ*). Много у насъ этихъ ахиллесовыхъ пятъ, mon cher monsieur de Podkhalimoff! и ежели ближе всмотрѣться въ наше положеніе... ah, mais vraiment ce n'est pas du tout si trou-la-la qu'on se plaît à le dire! Сегодня, напримѣръ, призываю я своего дѣлопроизводителя (*вновь внезапно вспоминаетъ, что онъ уже не при дѣлахъ*)... Тьфу!

Подхалимовъ (*почтительно, но безъ напыщенности*). Ваше сіятельство! простите меня, но мнѣ кажется, что вы... огорчены?!

Графъ (*съ достоинствомъ осматриваетъ Подхалимова съ ногъ до головы*). Чѣмъ... сударь?

Подхалимовъ (*заискивающе*). А хоть бы тѣмъ, ваше сіятельство, что вы находитесь въ невозможности пзлить на Россію всю ту массу добра, которую вы предназначили для нея въ вашемъ добромъ русскомъ сердцѣ!?

Графъ (*восчувствовавъ*). Вы правы .. мой другъ! (*Подаетъ*

ему руку.) Au fond, je suis bon. И я люблю Россію... La Russie! Swiataïa Rouss! parlez-moi de ça! (*Хлопаетъ себя по ляжкѣ.*) Сколько безпокойныхъ ночей я провелъ, думая, что бы такое придумать... И представьте, себѣ—всегда и вездѣ одинъ отвѣтъ: ахиллесова пята! Не далѣе, какъ часъ тому назадъ, я говорилъ моему другу графу Мамелфину: да сдѣлаемъ же хоть что-нибудь для Россіи!.. И хоть убей! Смотрите! вонъ онъ о сю пору ходитъ подъ орѣхами... Но врядъ ли что-нибудь выдумаетъ!

Подхалимовъ (*смотритъ въ окно*). Ничего не выдумаетъ, ваше сіятельство. Но во всякомъ случаѣ уже и то пріятно, что ваши сіятельства изволите любить Россію и, стало быть, находите ее заслуживающею снисхожденія... Не правда ли, графъ?

Графъ. Ежели вы хотите, чтобъ я откровенно выразилъ мое мнѣніе, то скажу вамъ: да, Россія виновата. Она во многихъ отношеніяхъ ведетъ себя неделикатно и въ особенности не цѣнитъ... заслугъ! Но я не злопамятенъ, мой другъ! и разумѣется, если когда-нибудь потребуютъ, чтобъ я опредѣлилъ степень ея виновности, то я отвѣчу: да, виновна, но въ высшей степени заслуживаетъ снисхожденія. Подхалимовъ! вы, конечно, имѣете понятіе объ идеѣ, которою я руководился, когда былъ при дѣлахъ. Сознаюсь, это была идея нѣсколько суровая. Я хотѣлъ все видѣть, все слышать, все знать. Разумѣется, это было необходимо мнѣ для того, чтобъ имѣть возможность вырвать съ корнемъ плевела, а добрымъ колосьямъ предоставить дозрѣть, дабы употребить ихъ въ пищу впослѣдствіи. Повторяю: это была идея грандіозная, благодѣтельная, но... черезъ-чуръ суровая. Въ настоящее время я понялъ это, и значительно-таки смягчилъ свою систему. И знаете ли, почему?

Подхалимовъ. Почему, ваше сіятельство?

Графъ. А потому, мой другъ, что, думая вырывать плевела, я почти всегда вырывалъ добрые колосья... То-есть, разумѣется, не всегда... однако!

Подхалимовъ (*содрогаясь при мысли, что и онъ могъ быть вырваннымъ*). Ахъ, ваше сіятельство!

Графъ (*восторженно*). И въ довершеніе всего, представьте себѣ: желая все знать,—я ничего не зналъ; желая все видѣть и слышать, — я ничего не видалъ не слыхалъ. Одно время я просто боялся, что сойду съ ума!

Подхалимовъ. Значитъ, только напрасно изволили безпокоиться... А впрочемъ, я полагаю, что и особенно тревожиться тѣмъ, что вырвано больше добрыхъ колосьевъ, чѣмъ плевелъ, нѣтъ причинъ. Вѣдь все равно, еслибъ добрые колосья и созрѣли—все-таки ваше сіятельство въ той или другой формѣ скушали бы ихъ!

Графъ. Непремѣнно! Только это соображеніе и утѣшаетъ меня. Потому что я порядочно-таки въ свое время напроказилъ.

Подхалимовъ. Но нынѣ... Какъ бы ваше сіятельство поступили, еслибъ отечество вновь обратилось къ вамъ и къ графу Мамелфину съ кличемъ: „шествуйте, сыны!“?

Графъ. Я думаю, что мы предпочли бы сидѣть смирно и получать присвоенное содержаніе. Ахъ, вѣрьте мнѣ, что въ наше время это самая плодотворная внутренняя политика!

Подхалимовъ. Но ахиллесовы пяты, ваше сіятельство! надо же какое-нибудь насчетъ ихъ распоряженіе сдѣлать?

Графъ. Я думаю, что онѣ заживутъ сами собой. Но впрочемъ, разумѣется, ежели бы...

Подхалимовъ. То-то вотъ и есть, что „впрочемъ“... Трудно, ваше сіятельство! трудно, стоя на извѣстной высотѣ, воздержаться, чтобъ не сдѣлать хоть маленькаго распоряженьица! Положимъ, что ахиллесовы пяты и сами собой заживутъ, но вѣдь это когда-то будетъ! А между тѣмъ вашимъ сіятельствамъ хочется, чтобъ поскорѣе...

Графъ. А что вы думаете... вѣдь это очень-очень вѣрное замѣчаніе! Вы глубоко изучили человѣческую душу, Подхалимовъ! Но еслибъ даже было и такъ... что-жъ, я готовъ! (*Неожиданно вынимаетъ изъ кармана трубу и трубитъ:*)

Разсыпьтесь, молодцы!
За горы, за кусты!
По-ддва въ ррядъ!

Подхалимовъ (*наскоро записываетъ: „отечество любитъ и даже награждаетъ заслуживающимъ снисхожденія; но впрочемъ готовъ поступить и по всей строгости законовъ“; встаетъ*). Ваше сіятельство! не смѣю больше утруждать васъ! Хотя вопросы такъ и тѣснятся въ головѣ, но вижу, что ваше сіятельство уже изволите испытывать потребность въ иныхъ развлеченіяхъ... (*Становится въ позитуру.*) Ваше сіятельство! Позвольте вамъ доложить! Никогда не проводилъ я времени такъ пріятно и не выносилъ та-

кихъ для себя поученій, какъ въ теченіе сегодняшняго нашего собесѣдованія! И мнѣ кажется, еслибъ я могъ слѣдовать только влеченію моего сердца... (*Хочетъ сдѣлать что-то нехорошее, но только въ безсиліи машетъ руками.*) Ваше сіятельство! позвольте во всякомъ случаѣ надѣяться, что эта бесѣда не будетъ послѣднею?

Графъ (*пристально смотритъ на Подхалимова*). Подхалимовъ! говорите откровенно! вы хотите водки?

Подхалимовъ (*послѣ мгновеннаго колебанія*). Па-азвольте, ваше сіятельство!

Приносятъ графинъ водки и рюмку. Подхалимовъ наливаетъ. Занавѣсъ медленно опускается.

Слѣдя за современнымъ жизненнымъ процессомъ, я чаще всего поражаюсь постепеннымъ оскудѣніемъ нашего бюрократическаго творчества. И именно за послѣднее время какъ-то особенно обострилось это явленіе. Прежде, бывало, всѣ распоряженія съ „понеже“ начинались. „Понеже“, напримѣръ, „изъ практики другихъ странъ явствуетъ, что свобода книгопечатанія, въ разсужденіи смягченія нравовъ, а такожде пріумноженія полезныхъ промысловъ и художествъ, зѣло великія пользы приноситъ, и хотя генералъ-маіоръ Отчаянный таковой отрицаетъ, но безъ разсудка. Того ради признано за благо: цензурное вѣдомство упразднить на вѣчныя времена, на мѣсто же онаго учредить особливый благопопечительный о наукахъ и искусствахъ комитетъ, возложивъ на таковой наблюденіе, дабы въ Россійской Имперіи быстрымъ разумомъ Невтонамъ безъ помѣхи процвѣтать было можно“. Недлинно, но чрезвычайно хорошо. Или, по протеченіи времени, наоборотъ: „Понеже изъ опыта, а такожде изъ полицейскихъ рапортовъ усматривается, что чрезмѣрное быстрыхъ разумомъ Невтоновъ размноженіе приводитъ не къ смягченію нравовъ, но токмо къ обремененію должностныхъ мѣстъ и лицъ излишнею перепискою, въ чемъ и наблюденія генералъ-маёра Отчаяннаго согласно утверждаютъ. И того ради *Приказали*: Попечительный о размноженіи Невтоновъ комитетъ упразднить, а на мѣсто онаго возстановить цензурное вѣдомство въ прежнихъ предѣлахъ, предписавъ таковому наблюсти, дабы впредь Невтонамъ проявлять себя неповадно было“. Опять недлинно и хорошо. Видно, что выдумщикъ не только самъ

сознаетъ мотивы своей выдумки, но желаетъ, чтобъ эти мотивы были сознаны и тѣми, до кого выдумка относится. Было ваше времечко, господа, пожуировали; теперь „времечко“ прошло. Почему прошло? — потому что „изъ опыта и полицейскихъ рапортовъ усматривается“... Право, хорошо. Напротивъ того, нынѣ пишутъ недлинно, но нехорошо. Оттого ли, что потухло у бюрократіи воображеніе, или оттого, что развелось слишкомъ много кафе-шантановъ и нѣтъ времени думать о дѣлѣ: какъ бы то ни было, но въ бюрократическую практику мало-по-малу начинаютъ проникать прискорбныя фельдъегерскія преданія. Ни „понеже“, ни „поелику“—ничего уже нѣтъ: осталось одно безнадежное слово: пошелъ!

Но что всего замѣчательнѣе—это оскудѣніе творчества замѣчается именно только въ сферѣ бюрократіи—и нигдѣ больше.

Начать хоть съ законовъ. Во всей обширной сферѣ законодательства вы не только не встрѣтитесь съ оскудѣніемъ, но, напротивъ, скорѣе найдете излишество творчества. Прочтите наказы губернаторамъ, губернскимъ правленіямъ, палатамъ государственныхъ имуществъ, врачебнымъ управамъ—чего только тутъ не предусмотрѣно? Затѣмъ проштудируйте осьмой, двѣнадцатый, тринадцатый и четырнадцатый томы—какое богатство прозорливости, попечительности и даже фантазіи! И вездѣ въ выноскѣ либо „понеже“, либо „поелику“. Человѣку предстоитъ только родиться, а тамъ ужъ и пошла писать. Такъ было по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ, а теперь... я не знаю даже, не упразднены ли всѣ эти законы совсѣмъ? Знаю, напримѣръ, что палаты государственныхъ имуществъ, врачебныя управы, строительныя коммиссіи и проч. упразднены, но между кѣмъ распредѣлены всѣ „поелику“ и „понеже“, которыя были на нихъ возложены,—не знаю. Вѣроятно, если внимательнѣе поискать, то въ какой-нибудь щелкѣ они и найдутся; но, съ другой стороны, сколько есть людей, которые, за упраздненіемъ, мечутся въ тоскѣ, не зная, въ какую щель обратиться съ своей докукой?

Или возьмите сферу русскаго адвокатства. Тутъ что ни шагъ, то богатство фантазіи, что ни слово, то вымыселъ. И, къ чести сословія, нужно сказать, вымыселъ—всегда мотивированный. Ни одинъ самый плохенькій адвокатъ не начнетъ защитительную рѣчь ни съ „тѣмъ не менѣе“, ни съ „а да бы“ (а графъ Гвэрдоинтò такъ именно и начнетъ), но непремѣнно какой-нибудь фортель да выкинетъ. Осо-

бенно ежели по соглашенію. Соглашеніе—святое дѣло; оно подстрекаетъ адвоката, поддерживаетъ въ немъ бодрость, обязываетъ быть изобрѣтательнымъ. Ежели съумѣешь убѣдить судей—вотъ деньги; ѣшь, пей и веселись! ежели не съумѣешь—вотъ шишъ. Въ сей крайности по-неволѣ будешь выдумывать. А затѣмъ, выдумывая да выдумывая, получишь привычку быть изобрѣтательнымъ и въ дѣлахъ по назначенію поручаемыхъ. Тогда какъ чиновнику—какая корысть? Будетъ ли онъ мозгами шевелить, или не будетъ—все одно двадцатаго числа наравнѣ съ другими жалованье получитъ. А иногда даже и зазорно мозгами шевелить: пусть лучше не я, а какая-нибудь бестія шевелитъ! Конечно, можно за эти провинности мѣста лишиться или награды къ празднику не получить, но и тутъ лазеечка есть: тётенька попроситъ. А въ адвокатскомъ сословіи даже самыя лучшія тётеньки—и тѣ не помогутъ. Отдувайся, какъ знаешь, самъ...

Объ литературѣ и говорить нечего: извѣстно, что голь на выдумки хитра. Литература живетъ выдумкой, и чѣмъ больше въ ней встрѣчается „понеже“ и „поелику“, тѣмъ осязательнѣе ея вліяніе на міръ. Говорятъ, будто современная русская литература тоже, подобно бюрократіи, предпочитаетъ краткословность многословности, но это едва-ли такъ. Дѣйствительно, литература наша находится какъ бы въ переходномъ положеніи, именно по случаю постепеннаго упраздненія того округленнаго пустословія, которое многими принималось за многословность, но, въ сущности, эта послѣдняя совсѣмъ не изгибла, а только приподносится не въ формѣ эмульсіи, а въ видѣ пилюли—глотай! Но еслибы даже литература и впрямь захудала, то это явленіе случайное и временное. Для литературы нѣтъ разсчета „худать“, потому что и въ ней принципъ соглашенія съ читателями играетъ главную роль. Хочешь-не-хочешь, а шевели мозгами, уловляй сердца, убѣждай!

Однимъ словомъ, вездѣ, куда ни обратитесь, вездѣ вы увидите проникновеніе возбуждающаго начала, которое устраняетъ преждевременное одряхлѣніе. Въ одной только бюрократической профессіи это начало отсутствуетъ. Правда, всѣ эти „понеже“ и „поелику“, которыми такъ богаты наши бюрократическія преданія, такими же чиновниками изобрѣтены и прописаны, какъ и тѣ, которые нынѣ ограничиваются фельдъегерскимъ окрикомъ: „пошелъ!“—но не нужно забывать, что первые изобрѣтатели „понеже“ были люди свѣжіе, не

замученные, которымъ въ охотку было изобрѣтать. То было время насажденія наукъ и художествъ, фабрикъ и заводовъ, арміи и флотовъ. И дѣло было новое, и люди новые—отъ этого и „понеже“ выходило само собой, независимо отъ надежды на увеличеніе окладовъ. А нынѣче все это примелькалось, прислушалось, пріѣлось. Иной и радъ бы „понеже“ вверить—анъ у него съ души прётъ. Вотъ онъ и тянетъ канитель, дѣла не дѣлаетъ, отъ дѣла не бѣгаетъ. А прикрикнутъ на него, заставятъ какую-ни-на-есть выдумку по начальству представить—онъ присядетъ на минуту, начертитъ: „пошелъ!“ и готовъ.

Вѣроятно въ этихъ видахъ начали нынѣ прибѣгать къ коммиссіямъ. Все, дескать, на народѣ постыднѣе будетъ. Но тутъ опять другая бѣда: съ представленіемъ о коммиссіи неизбѣжно сопрягается представленіе о прекаціяхъ. Одному нравится арбузъ, другому—свиной хрящикъ. А такъ какъ въ чиновничьемъ мірѣ разногласій не полагается, то, дабы дать время арбузу войти въ соглашеніе съ свинымъ хрящикомъ, начинаютъ отлынивать и предаваться боковымъ движеніямъ. Собираютъ справки, раздаютъ командировки, дѣлаются извлеченія изъ архивныхъ дѣлъ, а „понеже“ тѣмъ временемъ спитъ да спитъ непробуднымъ сномъ. Да врядъ-ли когда-нибудь и проснется, потому что для того, чтобъ осуществилось это пробужденіе, необходимо, чтобъ оно кого-нибудь интересовало. А кого же оно можетъ интересовать? Тѣ два члена, которые на первыхъ порахъ погорячились и упорно остались одинъ при арбузѣ, другой—при свиномъ хрящикѣ, давно ужъ махнули на все рукой. „Нечего сказать, находка!—разсудили они:—собрали какую-то коммиссію, нагнали со всѣхъ сторонъ народу, заставили о свѣтопредставленіи толковать, да еще и мнѣній не выражай: предосудительно, вишь!“ И кончается обыкновенно затѣя тѣмъ, что „коммиссія“ глохнетъ да глохнетъ, пока не выищется дѣлопроизводитель попредпріимчивѣе, который на всѣ „труды“ и „мнѣнія“ наложитъ крестъ, а внизу напишетъ: „пошелъ!“ И готово.

Сознаюсь откровенно: я никакъ не могу понять, почему прекаціи считаются въ настоящее время предосудительными. Прекаціи въ качествѣ элемента, содѣйствующаго правильному ходу административной машины, издавна были у насъ въ употребленіи, и я даже теперь знаю старыхъ служакъ, которые не могутъ вспоминать объ нихъ иначе, какъ съ умиленіемъ. Еще недавно Удавъ объяснялъ мнѣ:

— Въ преканіяхъ власть почерпала не слабость, а силу-съ: обыватели же надежды мерцаніе въ нихъ видѣли. Графъ Михаилъ Николаевичъ—ужъ на что суровъ былъ!—но и тотъ, будучи на одрѣ смерти и собравъ сподвижниковъ, говорилъ: „отстаивайте прекаанія, друзья! ибо въ нихъ—нашъ пантеонъ!“

А Дыба съ своей стороны удостовѣрялъ:

— Что положеніе прекателей было небезопасно—это такъ; что большинство ихъ кончало служебную карьеру, разсѣянное по лицу земли—и это вѣрно. Но бывали, однакожъ, случаи, когда и скромный голосъ совѣтника губернскаго правленія достигалъ до ступенéй-съ...

И затѣмъ, застыдившись и крякнувъ (дѣло, очевидно, касалось его личности), присовокупилъ:

— Я самъ одинъ примѣръ такой знаю. Простой совѣтникъ, а на цѣлую губернію сенаторскій гнѣвъ навлекъ-съ. Позвольте васъ спросить: еслибы этого не было, могла ли бы истина возсіять-съ?..

Какъ хотите, а я положительно стою на сторонѣ Удава и Дыбы. Конечно, я понимаю, что собственно „пантеона“ тутъ нѣтъ, но ежели ужъ ничего другого не выработалось, то пусть остаются хоть преканія. Если нѣтъ подлинной надежды, то пусть будетъ хоть мерцаніе надежды. Если нѣтъ подлинныхъ перспективъ, то пусть остается въ перспективѣ „сенаторскій гнѣвъ“. Не приходится намъ быть прихотливыми, и до тѣхъ поръ, покуда въ основаніи нашей жизни лежитъ пословица: выше лба уши не ростутъ, то ладно будетъ, если хоть кой-какіе обрывочки „перспективъ“ на нашу долю выпадутъ. Если что выпадетъ—лови! а не выпадетъ—жди и воспитывай въ себѣ „надежды мерцаніе“. Все-таки хоть что-нибудь, а не голое „ничего“. Что же касается до власти, то и въ этомъ отношеніи я согласенъ съ Удавомъ: не слабость она почерпала въ преканіяхъ, а силу. Прежде всего общее правило: ежели надоѣлъ прекатель, то ничего не стоитъ его расточить—развѣ это не сила? А затѣмъ и другая сила: обыватель, зная, что у него есть за спиной прекатель, смотритъ веселѣе, думаетъ: „пока у насъ Иванъ Иванычъ въ совѣтникахъ сидитъ, опасаться мнѣ нечего“. Такъ что ежели Иванъ Иванычъ сидитъ долго (бывали встарину, по упущенію, и такіе случаи), то обыватель начинаетъ даже гордиться и впадаетъ въ самонадѣянный тонъ. „Совсѣмъ ужъ у насъ не такая форма правленія,

какъ внутренніе враги ищутъ! нѣтъ! у насъ чуть немного — Иванъ Иванычъ какъ разъ сократитъ!“

Право, это было очень удобно. И прежде всего удобно для самой бюрократіи, потому что смягчало ея отвѣтственность и ограждало ея репутацію отъ нареканій. А главное заставляло ее мотивировать свои дѣйствія и въ „понеже“ и „поелику“ искать прибѣжища отъ внезапностей. Мысль остепенялась, да и самъ бюрократъ смотрѣлъ осанистѣе, умнѣе. А обыватель утѣшался тѣмъ, что онъ хоть что-нибудь да понимаетъ...

Но опытные служаки идутъ еще дальше. Удавъ, напримѣръ, охотно бралъ на себя даже защиту ябедниковъ и ябедничества, и опять-таки ссылался на авторитетъ графа Михаила Николаевича.

— Вы, сударь, не шутите съ ябедниками,—говорилъ онъ мнѣ: —въ древнія времена ябедникъ представлялъ собою сосудъ, въ которомъ общественная скорбь находила единственное и всегда готовое убѣжище! И безъ торгу, сударь: бери двугривенный и ищи! За двугривенный человѣкъ рисковалъ, что его и въ бараній рогъ согнутъ, и въ табакъ сотрутъ, и туда зашвырнутъ, куда воронъ костей не заносилъ! Гдѣ нынче такихъ героевъ сыщешь? И сколько, спрошу я васъ, было нужно скорбей, сколько презрѣнія къ жизненнымъ благамъ въ сердцѣ накопить, чтобы, несмотря ни на какія перспективы, въ столь опасномъ ремеслѣ упражненіе имѣть? Всю жизнь видѣть передъ собой „раба лукаваго“, всѣ интересы сосредоточить на немъ одномъ и объ немъ одномъ неуставаючи вопіять и къ царю земному, и къ Царю Небесному—сколь крѣпка должна быть въ человѣкѣ вѣра, чтобъ эту пытку вынести! А сколько ихъ погибло... всячески погибло-съ! и подъ бременемъ презрѣнія отъ своихъ, и подъ начальственнымъ давленіемъ! Полки можно было бы изъ этихъ ревнителей поруганной общественной совѣсти сформировать!

— Но какую же пользу они могли приносить, коль скоро съ ними такъ легко можно было по всей строгости поступить?—возражалъ я.

— А ту пользу, что сегодня, напримѣръ, десять „ябедниковъ“ загублено, а завтра на ихъ мѣстѣ новыхъ двадцать явилось? А кромѣ того, смотришь, одного какого-нибудь и проглядѣли. Сидѣлъ онъ гдѣ-нибудь тихимъ манеромъ въ кабачкѣ, попивалъ да попису-

валъ—глядь, анъ въ губернію сенаторскій гнѣвъ ѣдетъ! Откуда? кѣкъ? кто навлекъ?.. Ябедникъ-съ!

Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но приходится согласиться, что устами Удава говоритъ сама истина. Да, хорошо въ тѣ времена жилось. Ежели тебѣ тошно или Сквозникъ-Дмухановскій одолѣлъ,—бѣги къ Ивану Иванычу. Иванъ Иванычъ не помогъ (не съумѣлъ „застоять“)—недалеко и въ кабакъ сходить. Тамъ ужъ съ утра ябедникъ Ризположенскій, съ перомъ за ухомъ, ждетъ. Настрочилъ, запечаталъ, послалъ... Не успѣлъ оглянуться—вдругъ, динь-динь, колокольчикъ звенитъ. Кто пріѣхалъ? Иванъ Александровъ Хлестаковъ пріѣхалъ! Ну, слава Богу!

Я не утверждаю, конечно, чтобъ все это вмѣстѣ взятое представляло настоящія гарантіи; я говорю только, что было мерцаніе надеждъ. Были пререканія (даже два чиновника спеціально для пререканій: прокуроръ и жандармскій штабъ-офицеръ; имъ же предоставлялось отирать слезы), были ябедники. Теперь пререканія признаны предосудительными, а ябедники, съ распространеніемъ хорошихъ манеръ, извелись сами собой. Вмѣстѣ съ ними извелось и исчезло достопочтенное „понеже“, которое такъ или иначе, но все-таки остепеняло разнузданную бюрократическую мысль и налагало на нее извѣстныя обязанности. Все прочее осталось. То-есть, остался графъ Твэрдоонтò съ теоріей повсемѣстнаго смерча и съ ея краткословной формулой: пошелъ!

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что теорія смерча оказалась, однакожъ, несостоятельною, и вслѣдствіе этого графъ Твэрдоонтò нынѣ уже находится не у дѣлъ. Стало быть, правда возсіяла-таки...

А сколько онъ народу погубилъ, покуда его теорія оказалась несостоятельною? И кто же поручится, что онъ не воспрянетъ и опять? что у него ужъ не созрѣла въ головѣ теорія кукиша съ масломъ, и что онъ, съ свойственною ему ретивостью, не поспѣшитъ положить и эту новинку на алтарь отечества, при первомъ кличѣ: „шествуйте, сыны!“

По настоящему мнѣ слѣдовало бы, сейчасъ же послѣ свиданія съ графомъ Твэрдоонтò, уѣхать изъ Интерлакена: но меня словно колдовство пришпилило къ этому мѣсту. Въ красотѣ природы есть нѣчто волшебно-дѣйствующее, проливающее успокоеніе даже на са-

мыя застарѣлыя увѣчья. Есть очертанія, звуки, запахи, до того ласкающіе, что человѣкъ покоряется имъ совсѣмъ машинально, независимо отъ сознанія. Онъ не анализируетъ ни ощущеній своихъ, ни явленій, породившихъ эти ощущенія, а просто живетъ какъ очарованный, чувствуя, какъ въ его организмъ льется отрада.

Нѣчто подобное испыталъ и я. Всякая дребедень лѣзла мнѣ въ голову: и теорія смерча, и теорія кукиша съ масломъ, и еще какая-то совсѣмъ новая теорія умиротворенія, но не безъ участія строгости и скорости. Но и за всѣмъ тѣмъ чувствовалось хорошо. Эти тающія при лунномъ свѣтѣ очертанія горныхъ вершинъ, съ бѣгущими мимо нихъ облаками, этотъ опьяняющій запахъ скошенной травы, несущійся съ громаднаго луга передъ Höheweg, эти звуки іодля, разносимые странствующими музыкантами по отелямъ — все это нѣжило, сладко волновало и покоряло. И я, какъ въ полуснѣ, бродилъ подъ орѣшниками, предаваясь пестрымъ мечтамъ и не думая объ отъѣздѣ.

Само собой разумѣется, что въ этихъ мечтаніяхъ немалое мѣсто занимала и литература. Русскія газеты получаются и въ Интерлакенѣ, а тутъ, какъ разъ кстати, и въ иностранныхъ, и въ русскихъ журналахъ появились слухи о предстоящихъ для нашей печати льготахъ. Натурально, я взволновался; но что всего страннѣе—мнѣ показалось, что вмѣстѣ со мною взволновался и весь Интерлакенъ. Думалось, что на меня всѣ смотрятъ съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ, словно у всѣхъ—даже у кельнеровъ—одна мысль въ головѣ: освободятъ его или окончательно упекутъ?

Что касается до меня лично, то я не только не ставилъ себѣ никакихъ вопросовъ, но просто-на-просто заранѣе предвкушалъ. Мнѣ нравился молодой задоръ русскихъ газетъ, которыя въ одинъ голосъ предвѣщали конецъ административному произволу и громко призывали на печать кары суда. Всѣ глаза какъ-то разомъ раскрылись, и жизнь безъ суда вдругъ оказалась нестерпимѣйшею изъ обидъ, когда-либо ниспосланныхъ разгнѣваннымъ небомъ для усмиренія бунтующей человѣческой плоти. Одно только смущало: ни въ одной газетѣ не упоминалось ни о томъ, какого рода процедура будетъ сопровождать преданіе суду, ни о томъ, будетъ ли это судъ, свойственный всѣмъ русскимъ гражданамъ, или какой-нибудь экстраординарный, свойственный одной литературѣ, ни о томъ, наконецъ, какого рода скорпіонами будетъ этотъ судъ вооруженъ. Я зналъ, что русская печать

вообще скромна, и потому о многомъ умалчиваетъ; но тутъ мнѣ показалось, что скромность какъ будто и не совсѣмъ умѣстна. Разумѣется, намъ, какъ литераторамъ, оно понятно, что по суду и скорпіона пріятно проглотить, — особливо ежели онъ запущенъ на точномъ основаніи, — но вѣдь надо же, чтобъ и публика поняла, почему судебный скорпіонъ считается болѣе подходящимъ, нежели скорпіонъ административный. Поэтому восторгъ восторгомъ, а все-таки не худо было хоть сторонкой заявить: отъ суда-молъ мы не прочь, но только нельзя ли постараться, чтобъ оный вмѣстить было можно.

Виноватъ: было и еще одно смущающее обстоятельство. Радуясь предстоящему пришествію судебныхъ скорпіоновъ, газеты, къ сожалѣнію, не воздержались отъ піздѣвокъ надъ скорпіонами административными. Вотъ, молъ, сколько вы ни старались, а въ результатѣ все-таки получили шишъ! Если вы изыскивали средства, то и литература изыскивала средства. Выдумаете вы, бывало, какую-нибудь выдумку и воображаете себѣ: ну, теперь будетъ крѣпко! а литература возьметъ да другую выдумку выдумаетъ, и окажется, что вы палите изъ пушекъ по воробьямъ. А потому уходите-ка лучше вы съ глазъ долой, безсильные, постылые, неумѣлые, и очистите мѣсто другимъ, кои это дѣло въ аккуратѣ поведутъ!

Признаюсь откровенно: это даже и я, литераторъ, не понялъ. Положимъ, что административные скорпіоны были безсильны, и что литература находила возможность ускользать отъ нихъ... Но въ чемъ же тутъ неудобство? и для чего, вмѣсто мнимыхъ скорпіоновъ, понадобились скорпіоны подлинные?..

Я почти тридцать-пять лѣтъ литераторствую, не пользуясь покровительствомъ законовъ, но и за всѣмъ тѣмъ не ропщу. Бывали, правда, огорченія и даже довольно сильныя—иногда казалось, что кожу съ живого сдираютъ,—но когда приходила бѣда, то я припоминалъ соотвѣтствующія случаю пословицы и... утѣшался ими. Бывало, призовутъ, побранятъ — я скажу себѣ: брань на вороту не виснетъ. Или, бывало, мѣстами ощиплютъ, а временемъ и совсѣмъ изувѣчатъ—я скажу себѣ: до свадьбы заживетъ. Въ моихъ глазахъ произволъ имѣетъ ту выгодную сторону, что онъ для всѣхъ явно несомнителенъ. Онъ не можетъ ни оскорбить, ни подлинно огорчить, а можетъ только физически измучить. Никому не придетъ въ голову справляться, правильно или неправильно поступилъ произволъ, по-

тому что всякому ясно, что на то опъ и произволъ, чтобъ поступать безъ правилъ, какъ ему въ данную минуту заблагоразсудится. Такъ что ежели у произвола и была жестокая сторона, къ которой очень трудно было привыкнуть, то она заключалась единственно въ томъ, что ни одинъ литераторъ не могъ сказать утвердительно, что̀ опъ такое: подлинно ли литераторъ, или только сонное мечтаніе. Дунулъ —и нѣтъ его.

Тѣмъ не менѣе, для меня не лишено важности то обстоятельство, что въ теченіе почти тридцати-пяти-лѣтней литературной дѣятельности я ни разу не сидѣлъ въ кутузкѣ. Говорятъ, будто въ древности такіе случаи бывали, но въ позднѣйшія времена было многое, даже, можно сказать, все было, а кутузки не было. Какъ хотите, а нельзя не быть за это признательнымъ. Но не придется ли познакомиться съ кутузкой теперь, когда литературу ожидаетъ покровительство судовъ?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Я боюсь кутузки по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, тамъ должно быть сыро, непріятно, темно и тѣсно; во-вторыхъ—кутузка, несомнѣнно, должна воспитывать цѣлую тучу клоповъ. Право, я положительно не знаю такого тяжкаго литературнаго преступленія, за которое совершившій его могъ бы быть отданнымъ въ жертву сырости и клопамъ. Представьте себѣ: дряхлаго и больного литератора ведутъ въ кутузку... ужели найдется каменное сердце, которое не обольется кровью при этомъ зрѣлищѣ?!

Тѣмъ не менѣе, покуда я жилъ въ Интерлакенѣ и находился подъ живымъ впечатлѣніемъ газетныхъ восторговъ, то я ничего другого не желалъ, кромѣ наслажденія быть отданнымъ подъ судъ. Но для того, чтобъ это было дѣйствительное наслажденіе, а не перифраза исконнаго русскаго озоровства, представлялось бы, по мнѣнію моему, небезполезнымъ обставить это дѣло нѣкоторыми иллюзіями, которыя прямо засвидѣтельствовали бы, что отнынѣ вопистину никакихъ препонъ къ размноженію быстрыхъ разумомъ Невтоновъ полагаемо не будетъ. А именно:

1) Чтобъ процедура преданія суду сопровождалась не сверхъестественнымъ, а обыкновеннымъ порядкомъ.

2) Чтобы суды были тоже не сверхъестественные, а обыкновенные, такіе же, какъ для татей.

3) Чтобы кутузки ни подъ какимъ видомъ по дѣламъ книгопечатанія не полагалось. За что?

Ежели эти мечтанія осуществятся, да еще ежели денежными штрафами не слишкомъ донимать будутъ (подумайте! гдѣ же бѣдному литератору денегъ достать, да и на что?.. на штрафы!), то будетъ совсѣмъ хорошо.

Я помню, эта тріада такъ ясно сложилась въ моей головѣ, что, встрѣтивъ въ тотъ же вечеръ подъ орѣшниками графа Твэрдоонто, я не выдержалъ и сообщилъ ему мой проектъ.

Съ перваго абцуга онъ даже одобрилъ.

— Вы логичны, Подхалимовъ!—сказалъ онъ мнѣ:—и въ сущности, быть можетъ, даже правы. Я удивляюсь полету вашей фантазіи и нахожу вашъ вымыселъ въ высшей степени благороднымъ... но!

Но потомъ вдругъ засверкалъ глазами и забормоталъ:

— Но пресса... вы понимаете?.. вы говорите, что это сила... прекрасно!.. но сила... и притомъ... Откуда, спрашиваю васъ, зло?.. Но положимъ, однакожъ... допустимъ, что это сила... пусть будетъ по вашему... Но эта сила... О-го-го-го!

Онъ не выдержалъ и, вынувъ изъ кармана трубку, протрубилъ:

Трубятъ въ рога!
Разить врага!
Давно пора!

И зачѣмъ только я этотъ разговоръ завелъ?!

Но вопросъ объ оскудѣніи бюрократическаго творчества продолжалъ терзать меня. Я видѣлъ пагубныя послѣдствія этого повѣтрія на графѣ Твэрдоонто и не могъ не трепетать за будущее Россіи. Этотъ человѣкъ дошелъ, наконецъ, до такой прострацiи, что даже слово „пошелъ!“ не могъ порядкомъ выговорить, а какъ-то съ присвистомъ и быстро выкрикивалъ: „и-шёлъ!“ Именно такъ долженъ былъ выкрикивать, мчась на перекладной, фельдъегерь, когда встрѣчнымъ вихремъ парусило на немъ полы бараньяго полушубка и волны снѣжной пыли заливляли нетрезвыя уста. Но замѣчательно, что тотъ же самый Твэрдоонто, какъ только рѣчь касалась предметовъ его компетентности, говорилъ не только складно, но и резонно. Такъ напримѣръ, однажды при мнѣ зашелъ у него съ Мамелфинымъ разговоръ о томъ,

что есть истинная кобыла и каковы должны быть у нея статьи,—и я рѣшительно залюбовался имъ. Совсѣмъ другой человѣкъ стоялъ передо мной. Уменъ, образованъ, начитанъ и... доброжелателенъ. И онъ зналъ кобылу, и кобыла знала его. Общія положенія, выводы, цитаты—такъ и сыпались...

Какъ бы то ни было, но я рѣшился отъ самого графа Твэрдоонтѳ добиться разъясненія этой тайны.

— Графъ!—сказалъ я, встрѣтившись съ нимъ:—будьте такъ добры разрѣшить мое недоумѣніе: отчего наше бюрократическое творчество до такой степени захудало?

— Я васъ не понимаю,—отвѣтилъ онъ холодно, оглядывая меня съ ногъ до головы.

— Позвольте пояснить примѣромъ. Отчего, напримѣръ, какъ только дѣло коснется вопросовъ внутренней политики или благоустройства, или наконецъ экономіи,—вы ничего не имѣете сказать, кромѣ: „п-шелъ!“?

Онъ вновь пытливо взглянулъ на меня, какъ бы подозрѣвая, не разставляю ли я ему ловушку. Но въ голосѣ моемъ не слышалось и тѣни озорства; одна душевная теплота—и ничего больше. Онъ понялъ это.

— Вы правы, мой другъ!—сказалъ онъ съ чувствомъ:—я дѣйствительно съ трудомъ могу найти для своей мысли приличное выраженіе; но вспомните, какое я получилъ воспитаніе! Вѣдь я... я даже латинской грамматики не знаю!

— Ахъ, ваше сіятельство, это ужасно!

— Вотъ Мамелфинъ—тотъ счастливѣе меня! Онъ Евтропія въ своемъ „заведеніи“ переводилъ!

— Но если васъ не учили латинской грамматикѣ, то въ чемъ же состояло ваше воспитаніе?

— Насъ заставляли танцовать, фехтовать, дѣлать гимнастику. Въ низшихъ классахъ учили повиноваться, въ высшихъ—повелѣвать. Сверхъ того, немного исторіи, немного географіи, чуть-чуть ариѳметики и наконецъ краткія понятія о божествѣ. Вотъ и все. Виноватъ: заставляли еще вытверживать басни Лафонтена къ именинамъ родителей...

— Ваше сіятельство! не помните ли какой-нибудь басенки?—вдругъ разохотился я.

— Помню и даже съ удовольствіемъ прочитаю.

И онъ, не выжидая дальнѣйшихъ просьбъ, началъ:

Maître corbeau, sur un arbre perché,
Tenait en son bec un fromage...

Онъ декламировалъ такъ мило и такъ дѣтски-отчетливо, что даже посторонніе прохожіе останавливались и любовались.

— Прекрасно!—похвалилъ я:—но понимаете ли вы, графъ, смыслъ этой басни?

Онъ на минуту задумался.

— До сихъ поръ,—сказалъ онъ,—я не думалъ объ этомъ; но теперь... понимаю! Знаете ли вы, Подхалимовъ, что въ этой баснѣ разсказана вся моя жизнь?

— Это весьма возможно, графъ!

— Именно такъ. Было время, когда и я во рту... держалъ сыръ! Это было время, когда одни меня боялись, другіе—мнѣ льстили. Теперь... никто меня не боится... и никто не льститъ! Какъ хотите, а это грустно, Подхалимовъ!

— Богъ милостивъ, ваше сіятельство!

Онъ не отвѣчалъ и нѣкоторое время, понуривъ голову, шелъ рядомъ со мной по аллеѣ.

— Моя жизнь—трагедія!—началъ онъ опять:—никто не видѣлъ столько лести, какъ я, но никто не испытывалъ и столько вѣроломства! Ужасно! ужасно! ужасно!

— Ваше сіятельство! позвольте вамъ доложить! Это всегда такъ бываетъ. Коль скоро человѣкъ взбирается на высоту, не зная латинской грамматики, то естественно, что это наводитъ на всѣхъ страхъ. А гдѣ страхъ, тамъ, конечно, и лесть. За то потомъ, когда обнаруживается, что безъ латинской грамматики никакъ невозможно, и когда, вслѣдствіе этого, человѣкъ оказывается несостоятельнымъ и падаетъ, тогда, само собой разумѣется, страхъ и лесть исчезаютъ, а вмѣсто нихъ появляется озорство и вѣроломство. По крайней мѣрѣ такъ идетъ эта процедура у насъ.

— Понимаю я это, мой другъ! Но вѣдь я человѣкъ, Подхалимовъ! Homo sum, какъ говоритъ Мамелфинъ... то-бишь, какъ дальше?

— Homo sum et nihil humani a me alienum puto,—подсказалъ я:—то-есть человѣкъ есмь и ни одинъ человѣческій порокъ не чуждъ мнѣ...

— Вотъ видите ли! Развѣ легко мнѣ примириться съ моимъ настоящимъ положеніемъ?

— Знаю, что не легко, графъ, но по моему мнѣнію слишкомъ огорчаться все-таки не слѣдуетъ. Фортуна слѣпа. ваше сіятельство, а Богъ не безъ милости. Только ужъ тогда нужно покрѣпче сыръ-то во рту держать.

— Натурально!

— Но ежели. ваше сіятельство, это случится... Позвольте надѣяться, сіятельнѣйшій графъ!

— Натурально! И даже... непремѣнно! Вы будете, такъ сказать... Но только съ однимъ условіемъ... скажите, вы не будете льстить мнѣ, Подхалимовъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство!

— И вы будете всегда говорить мнѣ правду? одну только правду?

— Точно такъ, ваше сіятельство!

— Touchez-la!

Онъ протянулъ мнѣ руку и затѣмъ вдругъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ и... обнялъ меня! Это было до того несогласно съ обычаями Интерлакена. что Юнгфрау мгновенно закутала свою вершину въ облако, а сидѣвшая по близости англичанка вскрикнула: „shocking!“ — и убѣжала.

— Но довольно объ этомъ!—сказалъ графъ взволнованнымъ голосомъ: — возвратимся къ началу нашей бесѣды. Вы, кажется, удивлялись, что наше бюрократическое творчество оскудѣваетъ... то-есть, въ какомъ же это смыслѣ? въ смыслѣ распоряженій или въ другомъ какомъ?

— Нѣтъ. ваше сіятельство, не въ смыслѣ распоряженій. Распоряженій и нынче очень довольно. но мотивировки распоряженій нѣтъ. Трудно понять-съ.

— Гм... да; но какъ же, по вашему мнѣнію, помочь этому?

— Конечно, необходимо прежде всего обратить вниманіе на воспитаніе...

— Да, но вѣдь это длинная исторія! Покуда вы воспитаніемъ занимаетесь, а между тѣмъ время не терпитъ!

— Точно такъ. ваше сіятельство. И я, въ сущности, только для очистки совѣсти о воспитаніи упомянулъ. Гдѣ ужъ намъ... и безъ

воспитанія сойдетъ! Но есть, ваше сіятельство, другой фортель. Было время, когда всѣ распоряженія начинались словомъ: „понеже“...

— „Понеже“... это, кажется „поелику“?

— Браво, графъ! Именно оно самое и есть. Такъ вотъ, извольте видѣть...

И я изложилъ ему въ краткихъ словахъ, но ясно всю теорію „понеже“. Показалъ, какъ иногда полезно бываетъ заставлять умъ обращаться къ началамъ вещей, не торопясь формулированіемъ изолированныхъ выводовъ; какъ это обращеніе, съ одной стороны, укрѣпляетъ мыслящую способность, а съ другой стороны возбуждаетъ въ обывателѣ довѣріе, давая ему возможность понять, въ силу какихъ соображеній и на какой приблизительно срокъ онъ обязывается быть твердымъ въ бѣдствіяхъ. И я долженъ отдать полную справедливость графу: онъ понялъ не только оболочку моей мысли, но и самую мысль.

— Какъ же, по вашему, я поступать долженъ?—спросилъ онъ меня.

— Очень просто, графъ. Каждый разъ, какъ вы соберетесь какое-нибудь распоряженіе учинить, напомните себѣ, что надо начать съ „понеже“—и начните-съ!

— Поясните, прошу васъ, примѣромъ.

— Примѣромъ-съ? ну, что бы, напримѣръ? Ну, напримѣръ, въ настоящую минуту вы идете завтракать. Слѣдовательно вотъ такъ и извольте говорить: понеже наступило время, когда я имѣю обыкновеніе завтракать, завтракъ же можно получить только въ ресторанѣ —того ради поѣду въ ресторанъ (или въ отель) и закажу, что мнѣ понравится.

— Но ежели я не голоденъ?

— Ахъ, ваше сіятельство! Тогда извольте говорить такъ: понеже я не голоденъ, то хотя и наступило время, когда я имѣю обыкновеніе завтракать, но понеже...

— Вотъ видите! два раза понеже!

— Это отъ поспѣшности, графъ. А результатъ все одинъ-съ: того ради въ отель не пойду, а останусь гулять въ аллеѣ...

— По-ни-ма-ю!

— И увидите, ваше сіятельство, какъ вдругъ все для васъ сдѣлается ясно. Гдѣ была тьма, тамъ свѣтъ будетъ; гдѣ была внезап-

ность, тамъ сама собой виноословность скажется! А ужъ любить-то, любить-то какъ васъ всѣ за это будутъ?

— Вы говорите: будутъ любить?.. за что?

— Ахъ, ваше сіятельство! да вѣдь, благодаря вамъ, всѣ свѣтъ увидятъ! Вѣдь и въ кутузкѣ поспдѣть ничего, если при этомъ сказано: понеже ты заслужилъ быть ввержеппымъ въ кутузку, то и ступай въ оную!

— По-ни-ма-ю!.. Однако вы напомнили мнѣ, что и въ самомъ дѣлѣ наступило время, когда я обыкновенно завтракаю... Да! какъ-бишь это вы учили меня говорить? Понеже наступило время...

— Того ради... такъ точно-съ! Съ Богомъ, ваше сіятельство!

— Прощайте, Подхалимовъ... до свиданія!

Онъ сдѣлалъ мнѣ ручкой и, насвистывая: „по-не-е-же!“ пошелъ перевалочкой по направленію къ курзалу. Я тоже хотѣлъ отправиться во-свояси, но вдругъ вспомнилъ пѣчто чрезвычайно нужное и поспѣшилъ догнать его.

— Ваше сіятельство!—спросилъ я:—знаете ли вы, что такое рубль?

Онъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая: это еще что за выдумка?

— Я знаю,—продолжалъ я:—вы думаете: рубль—это денежный знакъ...

— Но... sapristi! надѣюсь...

— Въ томъ-то и дѣло, что это не совсѣмъ такъ. Чтобъ сдѣлаться денежнымъ знакомъ, рубль долженъ еще заслужить. Если онъ заслужилъ, его называютъ монетною единицей; если же не заслужилъ —желтенькою бумажкой.

— Гм... но еслибъ это было даже и такъ, для чего мнѣ это нужно знать?

— Ахъ, ваше сіятельство! вамъ обо всемъ необходимо необременительныя свѣдѣнія имѣть! Богъ милостивъ! вдругъ, паче чаянія, неровенъ часъ...

— Да; но даже и въ такомъ случаѣ... рубль такъ рубль, бумажка такъ бумажка...

— А вы попробуйте-ка къ этому дѣлу „понеже“ приспособить —анъ выйдетъ вотъ что: „Понеже за желтенькую бумажку, рублемъ именуемую, даютъ только полтинникъ,—того ради и дабы не вводить

обывателей понапрасну въ заблужденіе. *Приказали:* низшимъ мѣстамъ и лицамъ предписать (и предписано), а къ равнымъ отнестись (и отнесено-съ). дабы впредь, до особаго распоряженія, оныя желтенькія бумажки рублями не именовать, но почитать яко сущіе полтинники".

— Ну-съ, дальше-съ!

— А дальше опять: „Понеже желтенькія бумажки хотя и по сущей справедливости изъ рублей въ полтинники переименованы, но дабы предотвратить происходящій отъ сего для казны и частныхъ лицъ ущербъ, — того ради *Постановили:* употребить всяческое тщаніе, дабы оные полтинники вновь до стоимости рубля довести"... А потомъ и еще „понеже". и еще. и еще; до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное выйдетъ.

— Позвольте! а ежели ничего не выйдетъ?

— Ну, тогда ужъ какъ Богу угодно...

— По-ни-ма-ю!

Однимъ утромъ, не успѣлъ я еще порядкомъ одѣться, какъ въ дверь ко мнѣ постучалась нумерная прислужница („la fille". какъ ихъ здѣсь называютъ) и принесла карточку. на которой я прочиталъ: „Théodore de Twerdoonto". Онъ ожидалъ меня въ читальномъ салонѣ, куда, разумѣется, я сейчасъ же и поспѣшилъ.

— Подхалимовъ!—сказалъ онъ мнѣ:—вы литераторъ! вы это можете... Напишите изъ моей жизни трагедію!

— Съ удовольствіемъ, графъ,—отвѣтилъ я.

— Такую трагедію, чтобъ всѣ сердца... ну. буквально. чтобъ всѣ сердца истерзались отъ жалости и негодованія... Подлецы. льстецы. предатели — чтобъ все тутъ было! Однимъ словомъ. чтобъ зритель сказалъ себѣ: понеже онъ былъ окруженъ льстецами. подлецами и предателями, того ради онъ ничего полезнаго и не могъ совершить!

— Понимаю, ваше сіятельство! Только все-таки позвольте подумать: надо эту мину умѣючи подвести.

— Я разсчитываю на васъ, Подхалимовъ! Надо же. наконецъ! надо. чтобъ знали! Человѣкъ жилъ, наполнилъ вселенную громомъ —и вдругъ... нигдѣ его нѣтъ! Вы понимаете... нигдѣ! Утонулъ и даже круга на водѣ... пузырей по себѣ не оставилъ! Вотъ это-то

именно я и желалъ бы, чтобъ вы изобразили! Пузырей не оставилъ... поймите это!

Онъ быстро повернулся и пошелъ къ выходу, очевидно желая скрыть отъ меня охватившее его волненіе. Но я вспомнилъ, что для полнаго успѣха предстоящей работы мнѣ необходимо одно очень важное разъясненіе, и остановилъ его.

— Ваше сіятельство! позвольте одинъ нескромный вопросъ! сказалъ я:—когда человѣкъ сознаетъ себя, такъ сказать, вмѣстилищемъ государственности... какого рода чувство испытываетъ онъ?

Онъ остановился противъ меня и глубоко взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— C'est un sentiment... ineffable!!

Первый актъ былъ черезъ часъ конченъ мною. Содержаніе его составляло воспитаніе графа Твэрдоонтò. Молодой графъ требуетъ, чтобъ его обучали латинской грамматикѣ, но родители его находятъ, что это не комильфò, и вмѣсто латинской грамматики заставляютъ его проходить науку о томъ, что̀ есть истинная кобыла? Происходитъ борьба, въ которой юноша изнемогаетъ. Дѣйствіе оканчивается тѣмъ, что молодой графъ получилъ аттестатъ объ отличномъ окончаніи курса наукъ (по выбору родителей) и, держа оный въ рукахъ, восклицаетъ: „Вотъ и желанный аттестатъ полученъ! но спросите меня по совѣсти, что̀ я знаю, и я долженъ буду отвѣтить: я знаю, что я ничего не знаю!“

Графъ прочиталъ мою работу и остался ею доволенъ, такъ что я сейчасъ же приступилъ къ сочиненію второго акта. Но тутъ случилось происшествіе, которое разомъ прекратило мои затѣи. На другой день утромъ я по обыкновенію прохаживался съ графомъ подъ орѣшниками, какъ вдругъ... смотрю и глазамъ не вѣрю! Прямо на встрѣчу мнѣ идетъ, и даже не идетъ, а летитъ обнять меня... дѣйствительный Подхалимовъ!!

Вся эта сцена продолжалась только одно мгновеніе. Въ это мгновеніе Подхалимовъ успѣлъ назвать меня по фамиліи, успѣлъ расцѣловать меня, обругать своего редактора, разсказать анекдотъ про Гамбетту, сообщить, что Викторъ Гюго—скупердяй, а Луи Бланъ—старая баба, что онъ у всѣхъ былъ, медъ-пиво пилъ...

Графъ смотрѣлъ на эту сцену и понималъ только одно: что я не Подхалимовъ. Казалось, онъ сбирался проглотить меня...

И онъ непремѣнно проглотилъ бы, еслибъ я не распорядился заблаговременно провалиться сквозь землю...

. . . . . .

Само собой разумѣется, что черезъ полчаса я уже оставилъ Интерлакенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Швейцарію.

Но для чего мнѣ понадобилось быть въ оной?

Глава IV.

Съ представленіемъ о Франціи и Парижѣ для меня неразрывно связывается воспоминаніе о моемъ юношествѣ, то-есть о сороковыхъ годахъ. Да и не только для меня лично, но и для всѣхъ насъ, сверстниковъ, въ этихъ двухъ словахъ заключалось нѣчто лучезарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь и въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе.

Какъ извѣстно, въ сороковыхъ годахъ русская литература (а за нею, конечно, и молодая читающая публика) подѣлилась на два лагеря: западниковъ и славянофиловъ. Былъ еще третій лагерь, въ которомъ коношились Булгарины, Браты, Кукольники, и т. п., но этотъ лагерь уже не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на подростающее поколѣніе, и мы знали его лишь настолько, насколько онъ являлъ себя прикосновеннымъ къ вѣдомству управы благочинія. Я въ то время только-что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризированіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ“ находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное—все шло оттуда.

Въ Россіи,—впрочемъ не столько въ Россіи, сколько спеціально

въ Петербургѣ,—мы существовали лишь фактически или, какъ въ то время говорилось, имѣли „образъ жизни“. Ходили на службу въ соотвѣтствующія канцеляріи, писали письма къ родителямъ, питались въ ресторанахъ, а чаще всего въ кухмистерскихъ, собирались другъ у друга для собесѣдованій и т. д. Но духовно мы жили во Франціи. Россія представляла собой область, какъ бы застланную туманомъ, въ которой даже такое дѣло, какъ опубликованіе „Собранія русскихъ пословицъ“, являлось прихотливымъ и предосудительнымъ; напротивъ того, во Франціи все было ясно какъ день, несмотря на то, что газеты доходили до насъ съ вырѣзками и помарками. Такъ что когда министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій началъ издавать таксы на мясо и хлѣбъ, то и это заинтересовало насъ только въ качествѣ анекдота, о которомъ слѣдуетъ говорить съ осмотрительностью. Напротивъ, всякій эпизодъ изъ общественно-политической жизни Франціи затрогивалъ насъ за живое, заставлялъ и радоваться, и страдать. Въ Россіи все казалось покончепнымъ, запакованнымъ и за пятью печатями сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранѣе предположено не разыскивать; во Франціи—все какъ будто только-что начиналось. И не только теперь, въ эту минуту, а больше полустолѣтія сряду все начиналось, и опять, и опять начиналось, и не заявляло ни малѣйшаго желанія кончиться...

Навѣрное девяносто-девять сотыхъ изъ насъ никогда не бывали ни во Франціи, ни въ Парижѣ. Слѣдовательно насъ не могли восхищать ни бульвары, ни кокотки (въ то время ихъ называли еще лоретками), ни публичные балы, ни съѣстное раздолье. Все это пришло уже потомъ, когда Бонапартъ, съ шайкой бандитовъ, сначала растонталъ, а потомъ насквозь просмердилъ Францію; когда люди страшнымъ образомъ обезличились, измельчали и потускнѣли и когда всякій интересъ, кромѣ чревнаго, былъ объявленъ угрожающимъ. Но ежели наши сердца не изнывали тоской по шатобріанамъ или barbue sauce Mornay, за то мы не могли безъ сладкаго трепета помыслить о „великихъ принципахъ 1789 года“ и обо всемъ, что̀ оттуда проистекало. А такъ какъ мѣстожительствомъ этихъ „принциповъ“ предполагается городъ Парижъ, то естественно, что симпатіи, ощущаемыя къ принципамъ, переносились и на него.

Но въ особенности эти симпатіи обострились около 1848 года.

Мы съ неподдѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ упоеніемъ зачитывались „Исторіей десятилѣтія" Луи Блана. Теперь, когда уровень требованій значительно понизился, мы говоримъ: „Намъ хоть бы Гизо —и то слава Богу!"; но тогда и Луи-Филиппъ, и Гизо, и Дюшатель, и Тьеръ,—все это были какъ бы личные враги (право, даже болѣе опасные, нежели Л. В. Дуббельтъ), успѣхъ которыхъ огорчалъ, неуспѣхъ—радовалъ. Процессъ министра Теста, агитація въ пользу избирательной реформы, высокомѣрныя рѣчи Гизо по этому поводу, палата, составленная изъ депутатовъ, нагло называвшихъ себя conservateurs endurcis, наконецъ февральскіе банкеты.—все это и теперь такъ живо встаетъ въ моей памяти, какъ будто происходило **вчера.**

Я помню, это случилось на масляной 1848 года. Я былъ утромъ въ итальянской оперѣ, какъ вдругъ, словно электрическая искра, всю публику пронизала вѣсть: министерство Гизо пало. Какое-то неясное, но жуткое чувство внезапно овладѣло всѣми. Именно всѣми, потому что хотя тутъ было множество людей самыхъ противоположныхъ воззрѣній, но навѣрно не было такихъ, которые отнеслись бы къ событію съ тѣмъ жвачнымъ равнодушіемъ, которое впослѣдствіи (и даже, благодаря принятымъ мѣропріятіямъ, очень скоро) сдѣлалось какъ бы нормальною окраской русской интеллигенціи. Старики грозили очами, брянцали холоднымъ оружіемъ, цыркали и крутили усы; молодежь едва сдерживала безкорыстные восторги. Помнится, къ концу спектакля пало уже и министерство Тьера (тогда подобнаго рода извѣстія доходили до публики какъ-то неправильно и по секрету). Затѣмъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ дней, пало регентство, оказалось несостоятельнымъ эфемерное министерство Одилона Барро (этому человѣку всю жизнь хотѣлось кому-нибудь послужить, и наконецъ удалось-таки послужить Бонапарту), и, въ заключеніе, бѣжалъ самъ Луи-Филиппъ. Провозглашена была республика, съ временнымъ правительствомъ во главѣ; полились рѣчи, какъ изъ рога изобилія. Но даже Ламартиновское словесное расплутство— и то не претило среди этой массы крушеній и нарожденій. Громадность событія скрадывала фальшь отдѣльныхъ подробностей и на все набрасывала покровъ волшебства. Франція казалась страною чудесъ.

Можно ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться

этою неистощимостью жизненнаго творчества, которое, вдобавокъ, отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось захватить все дальше и дальше? И точно, мы не только плѣнялись, но даже не особенно искусно скрывали свои восторги отъ глазъ бодрствующаго начальства. И вотъ, вслѣдъ за возникновеніемъ движенія во Франціи, произошло соотвѣтствующее движеніе и у насъ: учрежденъ былъ негласный комитетъ для разсмотрѣнія злокозненностей русской литературы. Затѣмъ, въ мартѣ, я написалъ повѣсть, а въ маѣ уже былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія. Все это, конечно, сдѣлалось не такъ быстро, какъ во Франціи, но за то основательно и прочно, потому что я вновь возвратился въ Петербургъ лишь черезъ семь съ половиной лѣтъ, когда не только французская республика сдѣлалась достояніемъ исторіи, но и у насъ мундирные фраки уже были замѣнены мундирными полукафтанами.

Словомъ сказать, мыслительный процессъ шелъ совсѣмъ обратнымъ путемъ, нежели теперь. Мысль искала пищи въ сферахъ отдаленныхъ, оставаясь совершенно равнодушною къ роднымъ сферамъ. Судьбы министра Барона интересовали не въ примѣръ больше, нежели судьбы министра Клейнмихеля; судьбы парижскаго префекта Мона — больше, нежели судьбы московскаго оберъ-полиціймейстера Цынскаго, имя котораго намъ было извѣстно только изъ ходившаго по рукамъ куплета о брандтъ-майорѣ Тарновскомъ *). Человѣкъ того времени настолько прижился въ атмосферѣ, насыщенной девизомъ „не твое дѣло“, что подлинно ему ни до чего *своего* не было дѣла. Такъ что избирательная борьба между Кавеньякомъ и Бонапартомъ, несомнѣнно, больше занимала русскіе мыслящіе умы, нежели, напримѣръ, замѣна дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Перовскаго генераломъ отъ инфантеріи Бибиковымъ 1-мъ.

Въ такомъ положеніи насъ застала севастопольская кампанія.

---

*) Вотъ этотъ куплетъ:

Брандтъ-майоръ Тарновскій
Тѣмъ себя прославилъ,
Что красы Санковской
Цынскому представилъ.

Этими немногими строками, повидимому, исчерпывались всѣ „отличныя заслуги“ и Тарновскаго, и Цынскаго: одинъ представилъ (можетъ быть, при рапортѣ), другой—получилъ. Весь же остальной „кондуитъ“ представляетъ гарниръ изъ сквернословія, зуботычинъ и нагаекъ, настолько общеизвѣстный, что даже куплета не стоило сочинять.

Это было время глубокой тревоги. Въ первый разъ изъ кромѣшной тьмы выдвинулось на свѣтъ Божій „свое“ и всполошило не только инстинкты, но и умы. До тѣхъ поръ это „свое“ пряталось за цѣлою сѣтью всевозможныхъ формальностей, которыя преднамѣренно были комбинированы съ такимъ разсчетомъ, чтобъ спрятать заправскую дѣйствительность. Теперь вся эта масса формальностей какъ-то разомъ оказалась прогнившею и истлѣла у всѣхъ на глазахъ. Изъ-за прорѣхъ и отребьевъ тлѣнія выступило наружу „свое“, вопіющее, истекающее кровью. Вся Россія, изъ края въ край, полна была стонами. Стонали русскіе солдатики и подъ Севастополемъ, и подъ Инкерманомъ, и подъ Альмою; стонали елабужскіе и курмышскіе ополченцы, мѣся босыми ногами грязь столбовыхъ дорогъ; стонали русскія деревни, провожая сыновей, мужей и братьевъ на смерть за „ключи“.

Оставаться равнодушнымъ къ этимъ стонамъ, не почувствовать, что стонетъ „свое“, родное, кровное, — было немыслимо. Но лучезарный ликъ Франціи все-таки мало пострадалъ при этомъ. Казалось (да и въ дѣйствительности такъ было), что причина всѣхъ бѣдствій заключается единственно въ Бонапартѣ, этомъ постыднѣйшемъ изъ бандитовъ, когда-либо удручавшихъ міръ позоромъ своего тяготѣнія. Онъ одинъ былъ виноватъ: онъ, безчестный, ненавистный и втайнѣ презираемый, но упитанный и самодовольный: онъ и шайка бандитовъ, помогшая ему зарѣзать Францію. У ногъ его лежало пораженное испугомъ людское стадо, а массы „лучшихъ людей“ изнывали въ ссылкахъ и въ изгнаніи. Но именно къ нимъ, къ этимъ лучшимъ людямъ, и стремились всѣ наши помыслы. И ежели мы не смѣшивали Францію съ Луи-Филиппомъ и его министрами, то тѣмъ меньше были склонны смѣшивать ее съ Бонапартомъ и его шайкой. Франція являлась передъ нами растоптанною, но незапятнанною, и продолжала свѣтить въ лицѣ ея изгнанниковъ.

Тѣмъ не менѣе, повторяю, сознаніе „своего“ уже теплилось. И ежели бы обстоятельства сложились благопріятнѣе, то, несомнѣнно, оно прошло бы и черезъ дальнѣйшія стадіи развитія. Но тогдашнія времена были тѣ суровыя, жестокія времена, когда все, напоминающее о сознательности, представлялось не только нежелательнымъ, но даже болѣе опаснымъ, нежели бѣдственныя перипетіи войны. По крайней мѣрѣ такого мнѣнія держался тотъ безъименный сбродъ, который въ то время носилъ названіе русскаго „общества“. Благодаря свое-

корыстному и пустомысленному настроенію этого сброда, незамѣтно потонули первые, робкіе проблески сознательнаго отношенія русской мысли къ русской дѣйствительности. Рядомъ съ величайшей драмой, все содержаніе которой исчерпывалось словомъ „смерть“, шла позорнѣйшая комедія пустословія и пустохвальства, которая не только застилала событія, но положительно придавала имъ нестерпимый колоритъ. Люди, завѣдомо презрѣнные, лицемѣры, глупцы, воры, грабители-пропойцы, проявляли такую нахальную живучесть и такъ укрѣпились въ своихъ позиціяхъ, что, казалось, вокругъ происходитъ нѣчто сказочное. Не скорбь слышалась, а какое-то откровенно-подлое ликованіе, прикрываемое рубрикой патріотизма. Никогда пьяный угаръ не охватывалъ такъ всецѣло провинцію, никогда жажда расхищенія не встрѣчала такого явнаго и безнаказаннаго удовлетворенія. Кости стараго Политковскаго стучали въ гробѣ; младенецъ Юханцевъ задумывался надъ вопросомъ: „ужели я когда-нибудь превзойду?“ Среди этой нравственной неурядицы, гдѣ позабыто было всякое чувство стыда и боязни, гдѣ грабитель во всеуслышаніе именовалъ себя патріотомъ, человѣку сколько-нибудь брезгливому ничего другого не оставалось, какъ жаться къ сторонѣ и направлять всѣ усплія къ тому, чтобъ заглушить въ себѣ даже робкіе порывы самосознательности. Лучше было совсѣмъ не знать „своего“, нежели на каждомъ шагу встрѣчаться лицомъ къ лицу съ постыднѣйшими его проявленіями.

Съ окончаніемъ войны пьяный угаръ прошелъ и наступило веселое похмелье конца пятидесятыхъ годовъ. Въ это время Парижъ уже пересталъ быть свѣточемъ міра и сдѣлался сокровищницей женскихъ обнаженностей и съѣстныхъ приманокъ. Нечего было ждать оттуда, кромѣ роднаго покроя штановъ, а слѣдовательно не объ чемъ было и вопрошать. Приходилось искать пищи около себя... И вотъ тогда-то именно и было положено основаніе той „благородной тоскѣ“, о которой я столько разъ упоминалъ въ предыдущихъ очеркахъ.

Въ 1870 году Франція опять напомнила о себѣ, но и тутъ между нею и людьми, симпатизирующими ей, стоялъ тотъ же позорный бандитъ. Дилемма была такова: если восторжествуетъ Франція, то вмѣстъ съ нею восторжествуетъ и бандитъ; ежели восторжествуетъ Пруссія, то, Боже милостивый, какимъ истязаніямъ подвергнетъ она ненавистную „страну начинаній“, которая въ теченіе полустолѣтія не-

уставаючи била тревогу! Наконецъ, однакожъ, бандитъ палъ. Цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ ругался онъ надъ трупомъ имъ же убитой Франціи и теперь предоставилъ Пруссіи довершить дѣло поруганія. Но этого мало: какъ бы мстя за свою восемнадцати-лѣтнюю безнаказанность, бандитъ оставилъ по себѣ конкретный слѣдъ, въ видѣ организованной шайки, которая и теперь изъявляетъ готовность во всякое время съ легкимъ сердцемъ рвать на куски свое отечество.

Лично я посѣтилъ въ первый разъ Парижъ осенью 1875 года. Престолъ былъ уже упраздненъ, но неподалеку отъ него сидѣлъ Мак-Магонъ и все что-то собирался состряпать. Многіе въ то время не безъ основанія называли Францію Макмагоніей, то-есть страною капраловъ, стоящихъ на стражѣ престолъ-отечества въ ожиданіи Бурбона. Съ первыхъ же шаговъ, и именно въ Аврикурѣ (по страсбургской дорогѣ), я заслышалъ капральскіе окрики. Ни медленности, ни проволочекъ со стороны пассажировъ не допускалось; ни полъ, ни возрастъ, ни недуги—ничто не принималось въ оправданіе. Капралъ дѣйствовалъ съ полнымъ неразумѣніемъ и держалъ себя тупо-неумолимо. Это былъ капралъ наполеоновскаго пошиба (à poigne), немыслимый ни въ какой другой странѣ. Русскій капралъ непремѣнно началъ бы калякать, объяснять, что онъ тутъ ни-при-чемъ, а во всемъ виновато начальство. Нѣмецкій капралъ—принялъ бы талеръ и уронилъ бы благодарную слезу. Одинъ французскій капралъ-бонапартистъ въ состояніи таращить глаза, какъ идолъ, и ничего другого не выказывать, кромѣ наклонности къ жестокому обращенію.

На человѣка, которому съ пеленокъ твердили о пресловутой urbanité française, эти капральскіе окрики дѣйствуютъ ужасно непріятно. Съ досады приходитъ на мысль нѣчто не совсѣмъ великодушное. Вотъ, думается, если бы эти капралы съ такою же неуклонностью поступали въ 1870 году съ Пруссіей,—можетъ быть... Но кто же можетъ сказать, что бы тогда вышло! Вѣроятнѣе всего сидѣлъ бы Бонапартъ и увѣнчивалъ бы да увѣнчивалъ зданіе... А теперь въ это зданіе затесался Мак-Магонъ и дѣлаетъ оттуда пруссаку книксенъ, а на безоружныхъ пассажировъ покрикиваетъ: „les voyageurs—déhors!“

Но Парижъ все-таки пришелся мнѣ по душѣ. Чистый городъ, свѣтлый, свободно двигающійся и, главное, врагъ той немотивированной, граничащей съ головною болью мизантропіи, которая такъ

упорно преслѣдуетъ заѣзжаго человѣка въ Берлинѣ. Самый угрюмый, самый больной человѣкъ—и тотъ непремѣнно отыщетъ доброе расположеніе духа и какое-то сердечное благоволеніе, какъ только очутится на улицахъ Парижа, а въ особенности на его истинно-сказочныхъ бульварахъ. Представьте себѣ иностранца, выброшеннаго сегодняшнимъ утреннимъ поѣздомъ въ Парижъ, человѣка одинокаго, не имѣющаго здѣсь ни связей, ни знакомствъ—право, кажется, и онъ не найдетъ возможности соскучиться въ своемъ одиночествѣ. Солнце веселое; воздухъ веселый; магазины, рестораны, сады, даже улицы и площади—все веселое. Я никогда не могъ себѣ представить, чтобъ можно было ощущать веселое чувство при видѣ площади; но, очутившись на Place de la Concorde, по истинѣ, убѣдился, что ничего невозможнаго нѣтъ на свѣтѣ. И тутъ же рядомъ, налѣво—веселый Тюльерійскій садъ, съ веселыми группами дѣтей; направо—веселая масса зелени, въ которой, какъ въ мягкомъ ложѣ изъ мха, нѣжится кварталъ Елисейскихъ Полей. Затѣмъ пройдите черезъ Тюльерійскій садъ, встаньте спиной къ развалинамъ дворца и глядите впередъ по направленію къ Arc de l'Etoile. Клянусь, глазъ не оторвете отъ этого зрѣлища. Какая масса пространства, воздуха, свѣта! И какъ все въ этой массѣ гармонически комбинировано, чтобъ громадность не переходила въ пустыню, чтобъ она не подавляла человѣка, а только пробуждала и поддерживала въ немъ веселую бодрость духа!

Веселое солнце льетъ веселые лучи на макадамъ улицъ и еще веселѣе смотрится и играетъ въ витринахъ ресторановъ и магазиновъ. Въ Парижѣ, кромѣ Елисейскихъ Полей, а въ прочихъ кварталахъ кромѣ немногихъ казенныхъ домовъ и отелей очень богатыхъ людей, почти нѣтъ дома, котораго нижній этажъ не былъ бы предназначенъ для ресторановъ и магазиновъ. Представьте себѣ, какую массу всякаго рода товара должны ежедневно выбрасывать изъ себя мастерскія, фабрики и заводы, чтобъ наполнить это безчисленное множество помѣщеній, изъ которыхъ многія по громадности не уступаютъ дворцамъ! И какую еще большую массу увѣренности нужно имѣть въ томъ, что этотъ товаръ не залежится, а дойдетъ до потребителя!

И онъ дойдетъ—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Товаръ этотъ такъ весело расположенъ въ витринахъ и такъ весело освѣ-

щепъ, что и купить его любо. Прогулка по улицамъ Парижа, въ смыслѣ разнообразія, не уступаетъ прогулкѣ по любой выставкѣ. Каждая магазинная витрина представляетъ изящное сочетаніе красокъ и линій, удовлетворяющее самымъ прихотливымъ требованіямъ вкуса. На каждомъ шагу встрѣчается масса вещей, потребности въ которыхъ вы до тѣхъ поръ не подозрѣвали, но которыя вы непремѣнно купите, потому что эти вещи такъ весело смотрятъ, что даже впослѣдствіи, гдѣ-нибудь въ Канивцѣ, будутъ пробуждать въ васъ веселость и помогутъ нести урядническое иго. Изъ мельхіоровыхъ ложекъ парижскій магазинщикъ ухитряется сдѣлать цѣлое серебряное солнце, которое чуть не за полъ-версты манитъ къ себѣ прохожаго. Изъ мужскихъ шляпъ-цилиндровъ устраиваетъ такой милый пейзажъ, что человѣку, даже имѣющему на головѣ совсѣмъ новый цилиндръ, непремѣнно придетъ на мысль, а не купить ли другой? Все кругомъ изящно, легко и, главное, весело. Прежде чѣмъ глазъ пресытится всѣми этими удачными изяществами, какая возможность скукѣ проникнуть въ сердце даже одинокаго человѣка? А въ запасѣ еще музеи, галереи, сады, окрестности, которые тоже необходимо осмотрѣть, потому что кромѣ того, что все это въ высшей степени изящно, интересно и весело, но въ то же время и общедоступно, то-есть не обусловливается ни протекціей, ни изнурительнымъ доставаніемъ билетовъ черезъ знакомыхъ чиновниковъ, ихъ родственницъ, содержанокъ и проч.

А потомъ—звуки. Нигдѣ вы не услышите такихъ веселыхъ, такъ сказать, натуральныхъ звуковъ, какъ тѣ, которые съ утра до вечера раздаются по улицамъ Парижа. Les cris de Paris—это цѣлая поэма, слагающая хвалу неистощимой производительности этой благословенной страны,—поэма, на каждый предметъ, на каждую подробность этой производительности отвѣчающая особымъ характернымъ звукомъ. И все это звуки коренные, свѣжіе, родившіеся на мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ глубинѣ Бретани или Оверни (быть можетъ, поэтому-то они такъ и нравятся дѣтямъ), и оттуда перенесенные на улицы всемірной столицы. Такъ что, вмѣстѣ съ образчикомъ мѣстной производительности, вы видите и представителя ея, да сверхъ того слышите и образчикъ мѣстныхъ музыкальныхъ мелодій. Эти звуки перекрестной волной несутся со всѣхъ сторонъ, образуя, вмѣстѣ съ

дразнящими криками „гавроше́й“ *), гармоническое цѣлое. до такой степени веселое, что оно, несомнѣнно должно благотворнымъ образомъ дѣйствовать и на нравы обывателей. Даже полиціантъ, съ утра до вечера выслушивающій эти крики, нимало не волнуется или и не видитъ въ нихъ оскорбленія свойственнаго полицейскимъ чинамъ чувства изящнаго. По крайней мѣрѣ я не знаю ни одного случая, чтобы gardien de la paix, доведенный до неистовства назойливостью крикуновъ, далъ въ зубы какому-нибудь marchand de coco или назвалъ „курицыной дочерью“ marchande de quatre saisons.

Но этого мало: вы видите людей, которые поютъ „Марсельезу“, —и имъ это сходитъ съ рукъ. На первыхъ порахъ это меня ужасно смутило. Думаю: самъ-то я, разумѣется, не пѣлъ, — но какъ бы не пострадать за присутствованіе! И что жъ оказалось! —что тутъ дѣло идетъ совершенно наоборотъ русской пословицѣ, гласящей: „что̀ русскому здорово, то̀ нѣмцу — смерть“. Французу пѣть „Марсельезу“ здорово, а намъ —смерть. Все это очень обязательно объяснилъ мнѣ одинъ изъ gardiens de la paix, къ которому я обратился съ вопросомъ по этому предмету. „Поживете, говоритъ, у насъ, можетъ быть, и вы привыкнете“. И точно: пожилъ и сталъ пробовать; сначала перило въ горлѣ, а потомъ привыкъ. И даже многихъ тайныхъ совѣтниковъ видѣлъ, которые губами подражали трубнымъ звукамъ, напѣвая:

Contrrrrre nous de la tyrrrrrrranie...

И—ничего; сошло съ рукъ и мнѣ, и имъ. Не дальше, какъ на дняхъ, встрѣчаю уже здѣсь, на Невскомъ, одного изъ парижскихъ тайныхъ совѣтниковъ, и, разумѣется, прежде всего интересуюсь:

— А что̀, ваше превосходительство, не призывали къ отвѣту... за „Марсельезу“-то... помните?

— Представьте себѣ... прошло!

— Представьте! и мнѣ—тоже!

Разумѣется, мы обнялись, и затѣмъ—ни гу-гу!

А вечеромъ весь Парижъ горитъ огнями—и бульвары, и главныя улицы, которыя гудятъ какъ пчелиный рой. Время отъ 5 до 12 часовъ — самое веселое. Это—время, когда отработавшійся людъ

*) Gavroches—существа, которыя въ недавніе годы были извѣстны подъ именемъ gamins de Paris.

всей массой высыпаетъ на улицы, наполняетъ театры, рестораны, débits de vin и т. п. Происходитъ во всей формѣ уличный раутъ, веселый, красивый, живой. Разумѣется, тутъ скучать некогда. Театровъ масса, и во всякомъ нужно побывать. Французы сами жалуются на упадокъ драматической литературы, и эти жалобы, въ существѣ, безусловно справедливы, но для иностранца не столько важно то, что̀ представляется на сценѣ, какъ то, ка̀къ представляется, и въ особенности ка̀къ относится къ представляемому публика. Въ этомъ отношеніи онъ не встрѣтитъ въ цѣломъ мірѣ ничего подобнаго. Въ особенности не встрѣтитъ такой публики. Это именно та чуткая, нервная публика, которая удесятеряетъ силы актера и безъ которой было бы немыслимо для актера каждодневное повтореніе двѣсти разъ сряду одной и той же роли, какъ это сплошь бываетъ на парижскихъ театрахъ.

Помню, я пріѣхалъ въ Парижъ сейчасъ послѣ тяжелой болѣзни и все еще больной... и вдругъ чудодѣйственно воспрянулъ. Ходилъ съ утра до вечера по бульварамъ и улицамъ, одолѣвалъ довольно крутые подъемы — и не зналъ усталости. Мало того: иду однажды по бульвару и встрѣчаю русскаго доктора Г., о которомъ мнѣ было извѣстно, что онъ въ послѣднемъ градусѣ чахотки (и дѣйствительно, мѣсяца три спустя онъ умеръ въ Ниццѣ). Разумѣется, удивляюсь.

— Что̀ вы это дѣлаете?

— Да вотъ, хожу!

— Помилуйте! вамъ бы дома сидѣть да „средствице“ принимать...

— Нельзя, батюшка, тянетъ на улицу...

И точно: „тянетъ на улицу“ — и шабашъ. Ибо парижская улица дѣйствительнѣе всякаго „средствица“. Озлобленному она проливаетъ миръ въ сердце, негодующему — подаетъ исцѣленіе. И я навѣрное знаю, что не Лурдская Богоматерь это дѣлаетъ, а именно веселая парижская улица.

Въ Парижѣ всѣ живутъ на улицѣ. Не говоря уже объ иностранцахъ и провинціалахъ, которые массами, съ каждымъ изъ безчисленныхъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, приливаютъ сюда и буквально покидаютъ улицу только для ночлега, даже коренной парижанинъ — и тотъ, съ перваго взгляда, кажется исключительно преданъ фланерству. Между тѣмъ на дѣлѣ нигдѣ не найдется болѣе ретиваго,

сняго (или, какъ у насъ говорится, дошлаго) работника, какъ парижанинъ. Нѣмецъ работаетъ усердно, но точно во снѣ веревки вьетъ; у парижанина работа горитъ въ рукахъ. Нѣчто подобное представляетъ русскій работникъ въ страдную пору, но вѣдь это ужъ мученикъ. Парижанинъ работаетъ много, но съ добрымъ духомъ и никогда не имѣетъ усталаго вида. Достаточно присмотрѣться къ прислугѣ любого отеля, чтобъ убѣдиться, какую массу работы можетъ сдѣлать человѣкъ, не утрачивая бодрости и не валя, какъ говорится, черезъ пень колоду. Я останавливался въ небольшомъ отелѣ, въ пяти этажахъ котораго считалось 25 комнатъ, и на весь отель прислуживалъ только одинъ гарсонъ. Часамъ къ восьми утра онъ успѣвалъ уже вычистить для всѣхъ квартирантовъ сапоги, ботинки, мужское и дамское платье, а съ восьми часовъ начиналъ летать по этажамъ, разнося кофе и завтракъ. Затѣмъ убиралъ комнаты, а нѣкоторымъ жильцамъ сервировалъ и обѣдъ. Сколько разъ въ день онъ, подобно мухѣ, взлеталъ изъ rez de chaussée, гдѣ помѣщались контора и кухня, на пятый этажъ—это даже опредѣлить невозможно. Только, бывало, и слышишь раздающееся сверху: „Emile!“ и отвѣчающее внизу: „voilà! voilà!“ И за всѣмъ тѣмъ этотъ молодой человѣкъ находилъ возможность еще выполнять коммиссіи жильцовъ, что онъ дѣлалъ *шутя*. И никогда я не видалъ его унылымъ или замученнымъ, а ужъ объ трезвости нечего и говорить: такую работу не совершенно-трезвый человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не выполнитъ.

Однимъ словомъ, ежели и нельзя сказать, что парижанинъ своею ретивостью практически доказалъ, что вопросъ о travail attrayant не праздная мечта, во всякомъ случаѣ мысль о трудѣ уже не застаетъ его врасплохъ. За то каждый моментъ, который ему удается урвать у работы, онъ уже всецѣло считаетъ *своимъ*, и отдается его безпечности, фланированію и веселью. Три предмета проходятъ черезъ всю жизнь парижскаго ouvrier: работа, веселье и отъ времени до времени... революція. Все это онъ умѣетъ дѣлать чрезвычайно ловко, скоро, горячо, но отнюдь не безтолково. Оттого-то, быть можетъ, и кажется пріѣзжему иностранцу (это еще покойный Погодинъ замѣтилъ), что въ Парижѣ вотъ-вотъ сейчасъ что-то начнется.

Но, наглядѣвшись вдоволь на уличную жизнь, непростительно было бы не заглянуть и въ ту мастерскую, въ которой вертится по-

литическія и административныя судьбы Франціи. Я выполнилъ это впрочемъ уже весной 1876 года. Палаты въ то время еще засѣдали въ Версалѣ и на очереди стоялъ вопросъ объ амнистіи.

Дорога отъ Парижа до Версаля промелькнула очень весело. Во-первыхъ, на всемъ пути — прелестнѣйшія зеленыя окрестности; во-вторыхъ, я попалъ въ вагонъ, наполненный gauchiers и centre-gauchiers (членами лѣвой и лѣваго центра). Всѣ говорили безъ умолку. Соглашались почти единодушно, что въ принципѣ амнистія — мѣра не только справедливая, но и полезная; что послѣ пяти лѣтъ несомнѣннаго внутренняго мира было бы согласно съ здравой политикой закончить процессъ умиротворенія полнымъ забвеніемъ прошлыхъ междоусобій. Но, наговорившись на эту тему досыта, собесѣдники какъ бы по командѣ подносили къ носу указательные персты, произносили: „mais!“ — и глубокомысленно умолкали.

Признаюсь, загадочность этого „mais!“ чрезвычайно непріятно поразила меня. Я было-думалъ, что если ужъ выработалась: „понеже амнистія есть мѣра полезная“ и т. д. — то навѣрное дальше будетъ: „того ради, объявивъ оную, представить министру внутреннихъ дѣлъ, безъ потери времени“, и т. д. И вдругъ, вмѣсто того... mais! Повторяю: сгоряча я чуть-было не разсердился, но потомъ вспомнилъ: ба! да вѣдь французское „mais“ — это то самое, что по-русски значитъ: выше лба уши не растутъ! Вспомнилъ — и сдѣлалось мнѣ такъ весело, что я не воздержался и сообщилъ о своемъ открытіи сосѣду (оказалось, что это былъ Лабуле, авторъ извѣстнаго памфлета „Paris en Amérique“, а нынѣ сенаторъ и стыдливый клерикалъ). Онъ, въ свою очередь, подтвердилъ мою догадку и, поздравивъ меня съ тѣмъ, что Россія обладаетъ столь цѣлесообразными пословицами, присовокупилъ, что по-французски такого рода изреченія составляютъ особаго рода кодексъ, именуемый „la sagesse des nations“. Черезъ минуту всѣ пассажиры уже узнали, что въ средѣ ихъ сидитъ un journaliste russe, у котораго уши выше лба не растутъ. И всѣ наперерывъ поздравляли меня, что я такъ отлично постигъ la sagesse des nations.

Какъ малый не промахъ, я сейчасъ же разсчиталъ, какъ это будетъ отлично, если я поговорю съ Лабуле по душѣ. Ужъ и теперь въ немъ заблужденій только чуть-чуть осталось, а ежели хорошенько пугнуть его, призвавъ на помощь sagesse des nations, такъ и совсѣмъ.

пожалуй, на путь истинный удастся обратить. Сначала его, а потомъ и до Гамбетты доберемся — эка важность! А Мак-Магонъ и безъ того готовъ...

И вотъ, какъ только пріѣхали мы въ Версаль, такъ я сейчасъ же Лабуле подъ ручку — и айда въ Hôtel des Reservoirs *).

— Господинъ сенаторъ! Monsieur le sénateur! un verre de champagne... по-русски: чѣмъ Богъ послалъ! прошу!

— Съ удовольствіемъ!—согласился онъ, и на лицѣ его выразилась живѣйшая радость при мысли, что ему предстоитъ позавтракать на чужой счетъ.

Въ француз-буржуа мнѣ сразу бросились въ глаза двѣ очень характерныя черты. Во-первыхъ, въявь онъ охотно любилъ покощунствовать, но по секрету почти всегда богомоленъ, и ежели можно такъ сдѣлать, чтобъ никто не видалъ, то передъ всякимъ принятіемъ пищи непремѣнно перекрестится и пошевелитъ губами. Вѣроятно онъ разсуждаетъ такъ: „Вѣрить я, разумѣется, не могу — это, братъ, дудки! Вольтеръ не велѣлъ!—но на всякій случай отчего не перекреститься и не пошептать?.. вѣдь отъ этого ни руки, ни голова не отвалятся!“ Во-вторыхъ, французъ-буржуа не прочь повеселиться и даже кутнуть, но такъ, чтобъ это какъ можно дешевле ему обошлось. Примѣрно, возьметъ въ карманъ гривенникъ и старается укоптентовать себя на рубль. Во всякомъ ресторанѣ можно увидѣть француза, который, спросивъ на завтракъ порцію салата, сначала съѣстъ политую соусомъ траву, потомъ начнетъ вытирать салатникъ хлѣбомъ и съѣстъ хлѣбъ, а наконецъ подниметъ посудину и посмотритъ на оборотную сторону дна, нѣтъ ли и тамъ чего. Такимъ образомъ, и сердце у него играетъ, и для кармана обремененія нѣтъ! Точь въ точь по этой программѣ поступалъ и Лабуле. Сначала повернулся къ окошку и притворился, что смотритъ на улицу, хотя я очень хорошо примѣтилъ, что онъ потихоньку всей пятерней перекрестилъ себѣ пупокъ. Затѣмъ, когда принесли gigot de pré salé, то онъ, памятуя, что всѣ расходы по питанію приняты мной на себя, почти моментально проглотилъ свой кусокъ, совершивъ при этомъ цѣлый рядъ поступковъ, которые привели меня въ изумленіе. Во-первыхъ, началъ по-

*) Само собой разумѣется, что вся нижеслѣдующая сцена есть чистой вымыселъ.

жомъ ловить соусъ; во-вторыхъ, сталъ вытирать тарелку хлѣбомъ, быстро посылая куски въ ротъ, и наконецъ до того разевирѣвѣлъ, что на самую тарелку началъ бросать любострастные взоры... Когда же я, испугавшись, сказалъ ему: — Зачѣмъ вы это дѣлаете, господинъ сенаторъ? Вѣдь если вы голодны, то я могу и другую порцію приказать подать...—то, къ удивленію моему, онъ отвѣчалъ слѣдующее:

— О, нѣтъ, я достаточно сытъ! Это я не отъ жадности такъ поступаю, а чтобъ соблюсти принципъ. Ибо такимъ только образомъ достигается „накопленіе богатствъ“.

Чудакъ!

Когда бутылка шампанскаго была осушена, языкъ у Габуле́ развязался, и онъ пустился въ откровенности, которыя еще разъ доказали мнѣ, какая странная смѣсь здравыхъ понятій съ самыми превратными царствуетъ въ умахъ иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

— Вы, русскіе, счастливы (здравѣ),—сказалъ онъ мнѣ:—вы чувствуете у себя подъ ногами нѣчто прочное (и это здравѣ), и это прочное на вашемъ живописномъ языкѣ (опять-таки здравѣ!) вы называете „каторгой“ (и неожиданно, и совершенно превратно!..)!

— Позвольте, дорогой сенаторъ!—прервалъ я его:—вѣроятно кто-нибудь изъ русскихъ „веселыхъ людей“ ради шутки увѣрилъ васъ, что каторга есть удѣлъ всѣхъ русскихъ на землѣ. Но это неправильно. Каторгою по-русски называется такой образъ жизни, который присвоивается исключительно людямъ, не выполняющимъ начальственныхъ предписаній. Напримѣръ, если не приказано на улицѣ курить, а я курю—каторга; если не приказано въ прудѣ публичнаго сада рыбу ловить, а я ловлю—каторга!

— Однако!

— Тяжеленько, но за то прочно. Всѣмъ же остальнымъ русскимъ обывателямъ, которые не фордыбачатъ, а неуклонно исполняютъ начальственныя предписанія, предоставлено жить приѣвающи.

— Mais le „pripévaïoutchi“ — c'est justement ce que j'ai voulu dire! La „katorga“ et le „pripévaïoutchi“...

— Совершенно два различныхъ понятія, любезный господинъ де-Габуле́. Значеніе слова „каторга“ я сейчасъ имѣлъ честь объяснить вамъ; что же касается до слова „приѣвающи“ — это то самое, объ чемъ вы, французы, въ романсахъ поете: aimons, dansons et... chantons!

— Благодарю васъ. Но во всякомъ случаѣ моя мысль въ существѣ вѣрна: вы, русскіе, уже тѣмъ однимъ счастливы, что видите передъ собой прочное положеніе вещей. Каторга такъ каторга, приплёвываючи такъ приплёвываючи. А вотъ бѣда, какъ ни каторги, ни приплёвываючи — ничего въ волнахъ не видно.

— Лабуле́! да неужто у васъ до того дошло?

— Пхе!

— Прошу васъ, объясните вашу мысль!

— Очень просто. Ни одинъ французъ, ложась на ночь спать, не можетъ сказать себѣ съ увѣренностью, что завтра утромъ онъ не будетъ въ числѣ прочихъ разстрѣлянъ!

— Что-жъ, по моему, это спасительный страхъ — и ничего больше!

— Oh! pardon!..

— Послушайте, мой другъ! Вы, французы, народъ легкомысленный. Надо же вашему начальству хоть какое-нибудь средство имѣть, чтобы нейтрализировать это легкомысліе!

— Въ существѣ я, разумѣется, съ вами согласенъ, но...

— Безъ „но“, Лабуле́! и будемъ говорить по душѣ. Вы жалуетесь, что васъ каждочасно могутъ въ числѣ прочихъ разстрѣлять. Прекрасно. Но допустимъ даже, что ваши опасенія сбудутся, все-таки вы должны согласиться, что это разстрѣляніе произойдетъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Мак-Магона. А ну-те, скажите-ка по совѣсти: ужели Мак-Магонъ рѣшится на такую крайнюю мѣру, если вы сами не заслужите ее вашимъ неблагонадежнымъ поведеніемъ?

Лабуле́ вмѣсто отвѣта поникъ головой.

— Вы не отвѣчаете? очень радъ! Будемте продолжать. Я разсуждаю такъ: Мак-Магонъ — безспорно добрый человѣкъ, но вѣдь онъ не ангелъ! Каждый божій день, чуть не каждый часъ, во всѣхъ газетахъ ему даютъ косвеннымъ образомъ понять, что онъ дуракъ!!! —развѣ это естественно? Нѣтъ, какъ хотите, а когда-нибудь онъ разсердится, и тогда...

— И прекрасно сдѣлаетъ!

— Очень радъ, что вы пришли къ такому здравому заключенію. Но слушайте, что будетъ дальше. У насъ, въ Россіи, если вы лично ничего не сдѣлали, то вамъ говорятъ: живи приплёвываючи! У васъ же, во Франціи, за то же самое, вы неожиданно, въ числѣ про-

чихъ, попадаете на каторгу! Понимаете ли вы теперь, какъ глубоко различны понятія, выражаемыя этими двумя словами, и въ какой степени наше отечество ушло впередъ... Ахъ, Лабуле, Лабуле!

Я высказалъ это довольно строго, но, чтобъ не смутить моего собесѣдника окончательно, сейчасъ же смягчилъ свой приговоръ, сказавъ:

— А не выпить ли намъ еще бутылочку? на мой счетъ... а?

— Съ удовольствіемъ! — поспѣшилъ согласиться онъ и, взявъ со стола опорожненную бутылку, посмотрѣлъ черезъ нее на свѣтъ и сказалъ:—пусто!

Принесли другую бутылку. Лабуле налилъ стаканъ и сейчасъ же выпилъ.

— Скажите, Лабуле, вѣдь вы клерикалъ?—началъ я.

— То-есть, какъ вамъ сказать...

Онъ что-то пробормоталъ, потомъ покраснѣлъ и началъ смотрѣть въ окошко. Ужасно эти буржуа не любятъ, когда ихъ въ упоръ называютъ клерикалами.

— Впрочемъ, я думаю, что вы больше по части служителей алтаря прохаживаетесь? ихъ преимущественно протежируете?—продолжалъ я допросъ.

— То-есть, какъ вамъ сказать! Конечно, служители алтаря... Алтаря! mais j'espère que c'est assez crâne!

— А Бога... любите?

Лабуле вновь поникъ головой.

— И Бога надобно любить, Лабуле! служителей алтаря надо любить ради управы благочинія, а Бога—для Него самого!

Но онъ угрюмо молчалъ.

— Богъ—Онъ Царь Небесный! такъ-то, Лабуле!

Но онъ и на это не отвѣчалъ. Однако я видѣлъ, что въ душѣ онъ уже раскаивается, а потому, дабы не отягощать его дальнѣйшимъ испытаніемъ на эту тему, хлопнулъ его по колѣну и воскликнулъ:

— А вотъ я и еще одну проруху за вами замѣтилъ. Давеча, какъ мы въ вагонѣ ѣхали, всѣ вы, французы, объ конституціи поминали... А по моему, это пустое дѣло.

— Saperlotte!

— Знаю я, что вамъ, французамъ, трудно безъ конституціи

обойтись! Ужъ коли Богъ послалъ крестъ, такъ надо его съ терпѣніемъ нести... ну, и несите, Богъ съ вами! А все-таки язычокъ-то попридержать не худо!

— Да, но согласитесь, что трудно избѣжать въ разговорѣ слова „конституція“, если рѣчь идетъ именно о томъ, что̀ оно выражаетъ? А у насъ съ семьсотъ-восемьдесятъ-девятаго года...

— Знаю и это. Но у насъ мы говоримъ такъ: иллюзіи — и кончено балъ. Скажите, Лабуле́, которое изъ этихъ двухъ словъ по вашему мнѣнію выражаетъ болѣе широкое понятіе?

Это открытіе такъ поразило Лабуле́, что онъ даже схватился за бока отъ восторга.

— Иллюзіи... ха-ха! – захлебывался онъ: — и притомъ въ особенности ежели... illusions perdues... ха-ха!

— Вотъ то-то и есть. Вы объ насъ, русскихъ, думаете: сѣверные медвѣди! а у насъ между тѣмъ терминологія...

— Но знаете ли вы, что это изумительно! то-есть, изумительно вѣрно и хорошо!

— А я объ чемъ же говорю! Я говорю: нужда заставитъ и калачи ѣсть...

— Это еще что̀ такое?

— Очень просто. При обыкновенныхъ условіяхъ жизни, когда человѣкъ всѣмъ доволенъ, онъ удовлетворяется и мякинымъ хлѣбомъ; но когда его постигнетъ нужда, то онъ становится изобрѣтательнымъ, и въ награду за эту изобрѣтательность получаетъ возможность ѣсть калачи.

— Продолжайте, прошу васъ. Я весь — вниманіе.

— Итакъ, продолжаю. Очень часто мы, русскіе, позволяемъ себѣ говорить... ну, самыя, такъ сказать, непозволительныя вещи! Такія вещи, что ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ стерпѣть невозможно. Ну, разумѣется, подлавливаютъ насъ, подстерегаютъ — и никакъ ни изловить, ни подстеречь не могутъ? А отчего? — оттого, господинъ сенаторъ, что нужда заставила насъ калачи ѣсть!

— Изумительно!

— А вы, французы, — зудите. Заладите одно, да и твердите на всѣхъ перекресткахъ. Развѣ это пріятно? Возьмемъ хоть бы Мак-

Магопа,—развѣ ему пріятно, что вы ему черезъ часъ по ложкѣ конституціей въ носъ тычете? Ангелъ—и тотъ обѣсится!

— Что̀ правда, то̀ правда!

— Такъ вотъ что̀, Лабуле́. Обѣщайте вы мнѣ, что впредь объ конституціи—ни гу-гу! Пускай Гамбетта Подхалимову насчетъ конституціи открывается, а мы съ вами—шабашъ!

— Прекрасно... чудесно! Я совершенно... Русскій! вы... очаровали меня!

— Нѣтъ, Лабуле́, вы не виляйте, а говорите прямо: обѣщаете или нѣтъ?

— Отлично! очаровательно! Vive Henri Cinq!.. c'est ça! Но вѣдь онъ... смоковница-то... сказывала мнѣ намедни́сь m-lle Круазеттъ...

Повидимому Лабуле́ намѣревался излиться передо мной въ жалобахъ по поводу Шамбора, въ смыслѣ смоковницы, но шампанское уже сдѣлало свое дѣло: собесѣдникъ мой окончательно размякъ. Онъ опять взялъ опорожненную бутылку и посмотрѣлъ на свѣтъ, но уже не смогъ сказать: „пусто!“ а какъ сноп грохнулся въ кресло и ментально заснулъ. Увидѣвши это, я пошевелилъ мозгами, и въ умѣ моемъ столь же моментально созрѣла идея: уйду-ка я за добра̀-ума изъ отеля, и ежели меня остановятъ, то скажу, что по счету сполна заплатитъ Лабулѐ.

Такъ я и поступилъ.

Я шелъ въ палату депутатовъ и вдвойнѣ радовался. Во-первыхъ, мнѣ удалось поймать въ сѣти благонамѣренности такую крупную рыбину, какъ сенаторъ французской республики. Во-вторыхъ, я успѣлъ въ этомъ, не затративъ ни одного сантима, а, напротивъ, самъ довольно плотно позавтракавъ на счетъ новообращеннаго. Воображаю, какъ онъ вытаращитъ глаза, когда проснется и увидитъ передъ собой addition! Вотъ-то, я думаю, выругается! Пожалуй еще процессъ, подлецъ, затѣетъ! Ну, нѣтъ, не посмѣетъ! Пьянъ былъ... сенаторъ! Сенатору, братъ, пьянымъ быть не полагается. А впрочемъ ежели и затѣетъ процессъ, такъ вѣдь у меня и на этотъ случай „sagesse des nations“ въ запасѣ есть. Скажу: я не я, и лошадь не моя, и я не извозчикъ—поди, уличай! Кто больше выпилъ? кто больше съѣлъ? Ты! ты, сенаторъ, и выпилъ, и съѣлъ! — стало быть, ты и плати! Словомъ сказать, очень мнѣ было весело. Когда я проникъ въ

трибуну иностранныхъ журналистовъ, Клемансо *) уже разлагольствовалъ. Суконнымъ языкомъ онъ произнесъ суконную рѣчь, которая продолжалась не меньше трехъ часовъ и каждый періодъ которой вызывалъ въ слушателѣ только одну мысль: никого, братецъ, ты своими разглагольствованіями не удивишь! Такъ что если уже утромъ, ѣдучи въ Версаль, я сомнѣвался въ успѣшномъ исходѣ дѣла, то теперь, слушая Клемансо, чувствовалъ, что и сомнѣнія не можетъ быть. Онъ стоялъ на трибунѣ, прямой, самодовольный, обложенный грудою книгъ и фоліантовъ; сначала бралъ одну книгу, потомъ другую и, какъ чадолюбивая насѣдка, выклевывалъ одну цитату за другой, думая насытить ими голодное стадо звѣрей. Сзади его сидѣлъ президентъ палаты Греви (нынѣшній президентъ республики) и, грозно взглядывая на бонапартистовъ, съ заученно-деревяннымъ жестомъ протягивалъ руку къ колокольчику всякій разъ, какъ Кассаньяки отецъ и сынъ начинали подвывать. Лицомъ къ оратору сидѣли: напротивъ—министры Бюффе, Деказъ и прочіе сподвижники Мак-Магона и своими деревяннымъ физіономіями какъ бы говорили: хоть колъ на головѣ теши! За ними и по обѣ стороны—депутаты. Изъ нихъ выдѣлялись: направо—Кассаньякъ-отецъ, которому недоставало только бубноваго туза на спину, чтобъ быть въ полной парадной формѣ; налѣво — Гамбетта, который, какъ капельмейстеръ оркестромъ, ловко дирижировалъ „лѣвою“ и „республиканскимъ союзомъ“.

Повторяю: Клемансо говорилъ ординарно, безколоритно, вяло. Скудоумна была уже сама по себѣ мысль говорить три часа о дѣлѣ, которое въ такомъ только случаѣ имѣло шансы на выигрышъ, еслибъ явилась ораторская сила, которая сразу сорвала бы палату и въ общемъ взрывѣ энтузіазма потопила бы колебанія робкихъ людей. Но такой ораторской силы въ настоящее время въ палатѣ нѣтъ, да ежели бъ она и была, то врядъ ли бы ей удалось прошибить толстомясыхъ буржуа, которыхъ нагналъ въ палату со всѣхъ концовъ Франціи пресловутый scrutin d'arrondissement, выдвинувшій впередъ исключительно мѣстный элементъ.

*) Клемансо—вожакъ крайней лѣвой. Какъ ораторъ, онъ считается соперникомъ Гамбетты. Его рѣчь въ пользу амнистіи собственно и составляла интересъ засѣданія, потому что самый вопросъ уже заранѣе былъ предрѣшенъ противъ амнистіи.

Я думаю насчетъ этого такъ: истинные ораторы (точно также какъ и истинные баснописцы), такіе, которые зажигаютъ сердца человѣковъ, могутъ появляться только въ такихъ странахъ, гдѣ долго существовалъ извѣстнаго рода гнетъ, какъ напримѣръ рабство, диктатура, канцелярская тайна, ссылка въ мѣста не столь отдаленныя (а отчего же впрочемъ и не въ отдаленныя?) и проч. Подъ давленіемъ этого гнета, въ сердцахъ накапливается раздраженіе, горечь и страстное стремленіе прорвать плотину наскудства, онутывающаго жизнь. Въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, побѣда остается на сторонѣ гнета, и тогда ораторы или сгораютъ сами собой, или кончаютъ карьеру въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ. Но бываетъ и такъ, что гнетъ вдругъ самъ собою ослабнетъ, и плотину съ громомъ и трескомъ разнесетъ. Вотъ тогда-то вылѣзаютъ изо всѣхъ щелей ораторы. Во Франціи это случилось во время „великой французской революціи“. Много до того времени накопилось: и барщина, и общая экономическая неурядица, и всякія расхищенія. И все не было да не было ораторовъ, какъ вдругъ—Мирабо! А за нимъ какъ изъ рога изобилія посыпались: Дантонъ, Сенъ-Жюстъ, Камиль Демуленъ, Верньо... Какую массу гнета нужно было накопить, чтобъ разомъ предъявить міру столько страстности, горечи, раздраженія, сколько было вылито устами этихъ людей!

Но люди благополучные, невымученные, рѣдко чувствуютъ потребность зажигать человѣческія сердца, и въ дѣлѣ ораторства предпочитаютъ разводить канитель. Адвокатъ, который ничего не получилъ впередъ, всегда защищаетъ порученное ему дѣло съ большимъ азартомъ, нежели адвокатъ, который половину денегъ взялъ впередъ, а насчетъ остальной половины обезпечилъ себя хорошею неустойкой. Въ словахъ перваго слышится и горечь опасенія, и желаніе прельстить и разжалобить кліента: вотъ я какъ въ твою пользу расшибаюсь, смотри же, и ты не надуй! Всѣ эти чувства сообщаютъ его рѣчи живой и взволнованный характеръ, который не можетъ не дѣйствовать и на чувствительнаго судью. Напротивъ того, въ словахъ адвоката благополучнаго слышится только одно: я свои деньги получилъ. То же самое явленіе повторяется и здѣсь, въ палатѣ депутатовъ. Люди всходятъ на трибуну и говорятъ. Но не потому говорятъ, что слово, какъ долго сдержанный потокъ, само собой рвется наружу, а потому, что, принадлежа къ извѣстной политической партіи,

невозможно, хоть отъ времени до времени, не дѣлать чести знамени. Тотъ внутренній очагъ, изъ котораго надлежало бы вылетать словесному пламени, ежели не совсѣмъ потухъ, то слишкомъ вяло поддерживается и изнутри, и извнѣ.

Oratores fiunt—очень справедливъ этотъ латинскій афоризмъ. То-есть, Демосѳены, Мирабо, Демулены, Дантоны—nascuntur; а Цицероны, Тьеры, Клемансо, Гамлеты и нѣкоторые русскіе langues bien pendues—эти fiunt. Современный французскій политическій ораторъ отяжелѣлъ и ожирѣлъ; современные слушатели его—тоже отяжелѣли и ожирѣли. Первый потерялъ способность зажигать; второй утратилъ способность быть зажигаемымъ. Въ области матеріальныхъ интересовъ, какъ, напримѣръ, пошлинъ, налоговъ, проведенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п., эти люди еще могутъ почувствовать себя затронутыми за живое и даже испустить вопль сердечной боли; но въ области идей они, очевидно, только отбываютъ повинность въ пользу того или другого политическаго знамени, подъ сѣнь котораго ихъ поставила или судьба, или личный разсчетъ.

Говорятъ будто такъ именно и нужно. Пора, дескать, надзвѣздныя-то сферы оставить, а обратиться къ землѣ и такъ устроиться, чтобы дѣлу жилось хорошо. Но мнѣ кажется, что этой послѣдней, конечной цѣли мы именно только тогда и достигнемъ, когда въ надзвѣздныхъ сферахъ будетъ учрежденъ достаточно прочный порядокъ. Конечно, это, какъ говорится, шиворотъ-навыворотъ, но что же дѣлать, коли такъ ужъ издавна повелось, что изъ хаоса природы прежде выдѣлилось начальство, а потомъ ужъ ради обстановки и прочіе обыватели. По моему, нельзя не имѣть этого въ виду, ибо если не устроиться какъ слѣдуетъ въ надзвѣздныхъ сферахъ, то непремѣнно придетъ генералъ-маіоръ Отчаянный (по-французски—Мак-Магонъ), крикнетъ: „а кто вамъ, такіе-сякіе, разрѣшилъ не въ свое дѣло носъ совать... брысь всѣ!“—и полетѣли прахомъ всѣ наши благонамѣренія и труды!

Сверхъ того, для насъ, иностранцевъ, Франція, какъ я уже объяснилъ это выше, имѣла еще особливое значеніе—значеніе свѣточа, ливщаго свѣтъ coram hominibus. Поэтому какъ-то обидно дѣлается при мысли, что этотъ свѣточъ погибъ. Да и зрѣлище невеселое выходитъ: все былъ свѣточъ, а теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ горѣлъ, сидятъ ожирѣвшіе мѣщане и курлыкаютъ. Точь въ

точь какъ у насъ журналистъ Менандръ, который въ „старѣйшей Пѣвкоснимательницѣ“ все надсѣдался-курлыкалъ: „наше время не время широкихъ задачъ!“; курлыкалъ да курлыкалъ, а пришелъ тайный совѣтникъ Петръ Толстолобовъ, крикнулъ: „ты что̀ тутъ революцію распространяешь... брысь!“—и слоналъ Менандра!

Но какъ ни мало привлекательна была рѣчь Клемансо̀ и вообще вся обстановка палатскаго засѣданія, все-таки, выходя изъ палаты, я не могъ воздержаться, чтобъ не воскликнуть: „вотъ кабы у насъ такъ!“ Что̀ дѣлать! такіе ужъ у насъ, русскихъ, глаза завистливые, что не можемъ мы въ чужомъ глазу сучка видѣть, чтобъ себѣ того же не пожелать. Даже тайный совѣтникъ Куроцаповъ, встрѣтившись со мной на бульварѣ и насмотрѣвшись на здѣшніе порядки,—и тотъ воскликнулъ: „вотъ такъ правительство! смотрите-ка, какими щетками грязь съ улицъ счищаютъ!“ И дѣйствительно, отъ чего бы у насъ своихъ Клемансо̀, своихъ Кассаньяковъ и Гамбеттъ не завести? Вѣдь и во Франціи Клемансо̀ удовлетворенія не получалъ, и у насъ бы не получилъ; стало быть... А что касается до гвалта и криковъ, которые зачастую развлекаютъ вниманіе посѣтителей палаты, то вѣдь это одна форма: пошумятъ, поругаются въ честь знамени—а потомъ и опять какъ съ гуся вода. И у насъ драки зачастую случаются—такъ въ чемъ же, спрашивается, опасность? Такъ вотъ нѣтъ же, скорѣе милліонъ щетокъ для очищенія улицъ отъ грязи заведутъ, а ужъ Гамбеттѣ не дадутъ рта разинуть—шалишь! Оттого-то и весело въ Парижѣ, что все тамъ есть и все можно видѣть, обо всемъ говорить и даже поврать. Даже у русскихъ тамъ сердце играетъ. А у насъ дома ничего нѣтъ, стало-быть и глядѣть не на что̀, и языкъ нѐ изъ-за чего шевелить. Правда, иногда и у насъ случается слышать, будто въ такомъ-то мѣстѣ, еще со временъ царя Гороха, засѣдаетъ такая-то коммиссія—ну, и пущай ее засѣдаетъ! А я пойду въ портерную или въ питейный, налыкаюсь до-сыта, ворочусь домой и лягу спать! Вотъ тебѣ и коммиссія!

Развѣ можно сказать про такую жизнь, что это жизнь? развѣ можно сравнить такое существованіе съ французскимъ, хотя и послѣднее мало-по-малу начинаетъ пріобрѣтать мѣнялый характеръ? Французъ все-таки хоть надъ Гамбеттой посмѣяться можетъ, назвать его le gros Léon, а у насъ и Гамбетты-то нѣтъ. А надъ прочими,

право, и смѣяться даже не хочется, потому что... Ну, да ужъ Христосъ съ вами! плодитеся, множитеся и населяйте землю!

Я возвратился изъ Версаля въ Парижъ съ тѣмъ же поѣздомъ, который уносилъ и депутатовъ. И опять всѣ французы жужжали, что, въ сущности, Клемансо правъ, но что же дѣлать, если уши выше лба не ростутъ. И всѣмъ было весело, до такой степени весело, что многіе даже осмѣлились и начали вслухъ утверждать, что Мак-Магонъ совсѣмъ не такъ простъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

Въ то время было принято называть Мак-Магона „честною шпагой“ (кажется, Тьеръ первый окрестилъ его этимъ прозвищемъ), но многіе къ этому присовокупляли, что „честная шпага“ есть прозвище иносказательное, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть очень-очень простодушнаго человѣка. Сверхъ, того, по поводу того же Мак-Магона и его свойствъ, въ летучей французской литературѣ того времени шелъ довольно оживленный споръ: какъ слѣдуетъ понимать простоту (опять-таки подъ псевдонимомъ „честной шпаги“), то-есть видѣть ли въ ней гарантію въ родѣ, напримѣръ, конституціи, или, напротивъ, ожидать отъ нея всякихъ угрозъ?

Разумѣется, до моего мнѣнія никому во Франціи нѣтъ дѣла, но ежели бы, паче чаянія, меня спросили, то я сказалъ бы слѣдующее. Съ одной стороны простота заключаетъ въ себѣ очень серьезную угрозу, но съ другой стороны она же можетъ представлять и извѣстныя гарантіи. А за всѣмъ тѣмъ не представлялось бы для казны ущерба, еслибъ и совсѣмъ ея не было.

Опасность, представляемая простотою, заключается въ томъ, что она имѣетъ всѣ свойства воды, а потому отъ нея можно ожидать всякихъ видовъ, кромѣ тѣхъ, которые свидѣтельствуютъ о сознательности. Какъ въ водѣ случайно отражается и лучезарное небо, и небо угрожающее, такъ и въ глупости случайно отражается и благоволеніе, и ехидство. А такъ какъ рѣчь идетъ о глупости властной, которую въ большинствѣ случаевъ окружаютъ всевозможныя своекорыстія и алчности, то ехидство встрѣчается несомнѣнно чаще, чѣмъ благоволеніе.

Въ примѣръ того, какъ опасна глупость, могу представить дѣйствительнаго статскаго совѣтника Губошлепова. Покуда былъ у него правителемъ канцеляріи Пантелей Душегубцевъ, то онъ безъ всякой

нужды ввѣренный ему градъ спалилъ, а самъ, стоя на вышинѣ и любуясь пожаромъ, говорилъ: „пускай за мое злочестіе пострадаютъ!“ И тотъ же Губошлеповъ, когда по обстоятельствамъ вынужденъ былъ взять въ правители канцеляріи Іону Добромыслова, то опять свой градъ ижднвеніемъ гражданъ даже краше прежняго выстроилъ. Но такъ какъ и то, и другое дѣйствіе онъ допустилъ не отъ разума, а отъ глупости, то обыватели, сколько мнѣ извѣстно, и поднесь новаго пожара ждутъ.

Что касается гарантіи, которую можетъ представить простота, то она состоитъ въ томъ, что простодушный человѣкъ не только самъ не сознаетъ чувства отвѣтственности, но и всѣ доподлинно знаютъ, что ничему подобному нѣ-откуда и заползти въ него. Поэтому безсовѣстные люди, стоящіе вокругъ простодушія, пользуются имъ лишь до извѣстныхъ предѣловъ. Самый наглый злодѣй, дѣйствуя въ союзѣ съ глупостью, понимаетъ, что послѣдняя отнюдь не представляетъ надежной защиты. Глупыхъ людей рѣдко ненавидятъ, а иногда даже жалѣютъ, видя въ нихъ лишь жалкое орудіе постороннихъ козней. Злодѣй понимаетъ это и сдерживается; а партикулярные люди благодарятъ Бога и говорятъ: „покуда у насъ Мак-Магонъ, мы у него какъ у Христа за пазухой“.

Но въ настоящемъ случаѣ вопросъ усложнялся тѣмъ, дѣйствительно ли Мак-Магонъ только простъ, или же онъ, сверхъ того, и тупоуменъ. Ибо если простодушный человѣкъ еще можетъ представлять гарантію, то со стороны тупца ничего, кромѣ угрозъ, ожидать нельзя. Идея общаго блага равно чуждая и глупому человѣку, и тупоумцу, но послѣдній уже дошелъ до пониманія личнаго блага и, слѣдовательно, получилъ опредѣленную цѣль для существованія. Въ основу этого личнаго блага легли самые низменные инстинкты, но не надо забывать, что именно они-то и давятъ на человѣка наиболѣе настоятельнымъ образомъ. До такой степени давятъ, что тупецъ начинаетъ смѣшивать свое личное благо съ общимъ и подчинять послѣднее первому. И вотъ, когда онъ такимъ образомъ доведетъ свое міросозерцаніе до наглости, тогда-то именно и наступаетъ дѣйствительная опасность. Ибо тупецъ въ дѣлѣ защиты инстинктовъ обладаетъ громадной силой иниціативы и никогда ни передъ чѣмъ не отступаетъ. Если ему покажется, что необходимо, въ видахъ его личнаго самосохраненія, разстрѣлять вселенную—онъ разстрѣляетъ; ежели потребуется

вавилонскую башню построить—онъ построитъ. Насколько несложны цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ, настолько же несложны и средства для ихъ достиженія. Все въ немъ потухло: и воображеніе, и способность комбинировать, и продолжать будущее, все, кромѣ немолчно вопіющихъ инстинктовъ.

Что же такое, однакожъ, Мак-Магонъ? Разстрѣляетъ ли онъ, или не разстрѣляетъ? Вотъ вопросъ, который виталъ надъ Парижемъ въ маѣ 1876 года.

Но повидимому Мак-Магонъ дѣйствительно былъ только „честная шпага“ и ничего больше. Разсказываютъ за достовѣрное, что все уже было какъ слѣдуетъ подстроено, что приготовлены были надежныя войска, чтобы раскассировать палату, и подряжены парадныя кареты, въ которыхъ Шамборъ имѣлъ въѣхать въ добрый городъ Парижъ...

Я понимаю, какъ эти слухи должны были волновать французовъ, которые хоть сколько-нибудь помнили и понимали прошлое Франціи. Чортъ знаетъ что такое! Сдѣлать одну великую, двѣ среднихъ и одну малую революцію, и за всѣмъ тѣмъ не быть обезпеченнымъ отъ обязанности кричать (или, говоря оффиціальнымъ языкомъ, pousser des cris d'allégresse): „vive Henri Cinq!“—какъ хотите, а это хоть кого заставитъ биться лбомъ объ стѣну. И дѣйствительно, французы даже другъ другу боялись сообщить объ этихъ слухахъ, которые до такой степени представлялись осуществимыми, что, казалось, одного громко произнесеннаго слова достаточно было, чтобы произвести взрывъ.

Но въ рѣшительную минуту Шамборъ отступилъ. Онъ понялъ, что Мак-Магонъ не представляетъ достаточнаго прикрытія для заправскаго разстрѣлянія „добраго города Парижа“. И Мак-Магонъ съ своей стороны тоже не настаивалъ. Но сверхъ того, и того и другого, быть можетъ, смутило то обстоятельство, что палата, съ раскассированія которой предстояло начать „реставрацію“, не давала къ тому рѣшительнаго повода.

Будь палата нѣсколько болѣе нервная, проникнись она сильнѣе человѣческими идеалами—Шамборъ навѣрное поступилъ бы съ нею по всей строгости законовъ. Но такъ какъ большинство ея составляли индѣйскіе пѣтухи, которые не знали удержу только въ смыслѣ усту-

нокъ, то самъ вымороченый Бурбонъ вынужденъ былъ сказать себѣ: за что же я буду разстрѣливать сихъ невинныхъ пернатыхъ?

Положимъ, что Клемансо виноватъ; положимъ, что, кромѣ Клемансо, наберется и еще человѣкъ десять, двадцать зачинщиковъ, которые сдабривали его сукопную рѣчь криками: „bravo! tres bien!“ —но что же изъ этого? Во-первыхъ, и Клемансо, и его укрывателей сама палата охотно во всякое время выдаетъ для разстрѣлянія; во-вторыхъ, допустимъ даже, что вы разстрѣляете Клемансо, по съ какой стороны вы подступитесь къ индюкамъ, у которыхъ на всѣ подвохи уже заранше готовъ отвѣтъ: la république sans républicains; а въ-третьихъ, вѣдь и самъ Клемансо—развѣ онъ буянилъ, или грубилъ, или угрожалъ? Нѣтъ, онъ скромно ходатайствовалъ: коли любишь—прикажи, а не любишь—откажи! Такимъ кроткимъ манеромъ и передъ самимъ Шамборомъ ходатайствовать не возбраняется.

Однимъ словомъ, ежели въ древности Римъ спасли гуси, то въ 1876 году Францію спасли—индюки.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ я и оставилъ Парижъ. Я разставался съ нимъ неохотно, но въ то же время въ умѣ уже невольно и какъ-то сама собой слагалась мысль: ахъ, эти индюки!

Я возвратился въ Парижъ осенью прошлаго года. Я ѣхалъ туда съ гордымъ чувствомъ: республика укрѣпилась, говорилъ я себѣ, стало быть законное правительство восторжествовало. Но при самомъ въѣздѣ меня возмутило одно обстоятельство. Парижъ... воняетъ!! Еще лѣтомъ, въ Эмсѣ, когда мнѣ случалось замѣтить, что около кургауза пахнетъ не совсѣмъ благополучно, мнѣ говорили: „это еще что! вотъ въ Маріенбадѣ или въ Парижѣ, ну, тамъ дѣйствительно“...

Въ Маріенбадѣ—страждущее человѣчество; въ Парижѣ—человѣчество благополучное. Два противоположныхъ явленія, а результатъ одинъ—вонь! Какая богатая антитеза и сколько блестящихъ страницъ написалъ бы по поводу ея Викторъ Гюго! Я же скажу кратко: пути, которыми ведетъ насъ предопредѣленіе, неисповѣдимы.

Дѣйствительно, пріѣхавши въ концѣ августа прямо въ Парижъ, я подумалъ, что ошибкой очутился въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду. Тамъ тоже живутъ благополучные люди, а извѣстно, что никто не

выдѣляетъ такую массу естественныхъ зловоній, какъ благополучный человѣкъ.

Что̀ ему! щи ему даютъ такія, что не продуешь; каши горшокъ принесутъ—и тамъ въ серединѣ просверлена дыра, налитая масломъ; стало быть, и тутъ не продуешь. И такъ до трехъ разъ въ день, не говоря объ чаяхъ и сбитняхъ, отъ которыхъ сытости нѣтъ, но потъ все-таки прошибаетъ. Брюхо у него какъ барабанъ, глаза круглые, изумленные — надо же лишнюю тяжесть куда-нибудь сбыть. Вотъ онъ около лавки и исправляется. А въ лавкѣ и товаръ подходящій: мясо, живность, рыба. Придетъ покупатель: „что̀ у васъ въ лавкѣ словно экстренно пахнетъ?“ — а ему въ отвѣтъ: „такой ужъ товаръ-съ; безъ того нельзя-съ“.

Я знаю Москву чуть не съ пелепокъ; всегда тамъ воняло. Когда я еще на школьной скамьѣ сидѣлъ, Москва была до того благополучна, что даже на главныхъ улицахъ вонь стояла коромысломъ. На Тверской, напримѣръ, существовало множество крохотныхъ калачныхъ, изъ которыхъ съ утра до ночи валилъ хлѣбный паръ; множество полпивныхъ („полпиво“ — кто нынче помнитъ объ этомъ прекрасномъ, легкомъ напиткѣ?), изъ которыхъ сидѣльцы съ чистымъ сердцемъ выплескивали на тротуаръ всякаго рода остатки. По улицѣ свободно ходили разносчики съ горячими блинами, гречневиками, гороховиками, съ подовыми пирогами „съ лучкомъ съ перцемъ, съ собачьимъ сердцемъ“, съ патокой съ имбиремъ, которую „варилъ дядя Симіонъ, тетушка Арина купала-хвалила“, съ моченой грушей, квасомъ, сбитнемъ и проч. Воняло и отъ продуктовъ, и отъ продавцовъ и отъ покупателей. Воняло отъ гостинницъ Шевалдышева, Шо̀ра, а пониже отъ гостинницъ: „Парижъ“ и „Римъ“. Въ этихъ пріютахъ останавливались по бо̀льшей части иногородные купцы, пріѣзжавшіе въ Москву по дѣламъ, съ своей квашеной капустой, съ соленой рыбой, огурцами и прочей соленой и копченой снѣдью, ничего не требуя отъ гостинницы, кромѣ самовара, и ни за что̀ не платя, кромѣ какъ за „тепло“. И такъ какъ въ то время о ватерклозетахъ и въ помышленіи ни у кого не было, то понятно, что весь этотъ упитанный капустою людъ оставлялъ свой слѣдъ понемногу вездѣ. Точно то же самое, въ бо̀льшей или ме́ньшей мѣрѣ, представлялось и на Никитской, и на Арбатѣ, и на Кузнецкомъ Мосту. А

къ Охотному ряду, къ Ильинкѣ и къ купеческимъ усадьбамъ даже приступу не было: благодать видимо почивала на нихъ.

Но тогда этимъ какъ-то не отягощались и даже носовъ не затыкали. Казалось совершенно естественнымъ, что тамъ, гдѣ живутъ люди, и пахнуть должно человѣчествомъ. Въ самыхъ зажиточныхъ помѣщичьихъ домахъ не существовало ни вентиляторовъ, ни форточекъ; въ крайнихъ же случаяхъ „курили смолкой“. Я живо помню: бывало, подъѣзжаешь къ Москвѣ изъ деревни, то верстъ за шесть ужъ чувствуешь, что приближаешься къ муравейнику, въ которомъ кишатъ благополучные люди. „Москва близко! Москвой пахнетъ!“ говорили кучера и лакеи, и набожно снимали картузы, привѣтствуя золотыя московскія маковки. И что ближе, то пуще и гуще. И не было тогда ни дифтеритовъ, ни тифовъ, ни болѣзней сердца, а былъ одинъ врагъ тѣлесъ человѣческихъ: кондрашка. Поэтому говорили кратко: „вчера Спдоръ Кондратьичъ съ вечера покушали, легли почивать, а сегодня утромъ смотримъ, а они приказали долго жить“.

Вообще я думаю, что и болѣзни, и самая смертность получаютъ развитіе по мѣрѣ усовершенствованія врачебной науки. Или, говоря другими словами, врачебная наука популяризируетъ болѣзни, дѣлаетъ ихъ общедоступными. Покуда врачебная наука была въ младенчествѣ, болѣзни посѣщали человѣка случайно. Иногда онъ „бился“ животомъ, иногда—кашлемъ, зубами, головой; иногда—кровь „просилась“. Выпьетъ человѣкъ квасу съ солью или, напротивъ, съѣстъ фунта два моченой груши—„пройдетъ“ животъ; поставитъ къ затылку горчишникъ—„пройдетъ“ голова; накапаетъ на синюю сахарную бумагу сала и приложитъ къ груди, или обвернетъ на ночь шею заношеннымъ шерстянымъ чулкомъ—пройдетъ кашель; „кипетъ“ кровь—перестанетъ кровь „проситься“. Въ болѣе важныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при водянкѣ, желтухѣ и проч., ѣли таракановъ, мокрицъ и даже тѣхъ паразитовъ, которые населяютъ по преимуществу головы меньшей братіи. Но того, чтобъ какъ только родится человѣкъ, такъ сейчасъ же хлопотать о приписке его къ какому-нибудь органическому поврежденію—этого не было. Случались, правда, и тогда моровыя повѣтрія, но и на это опять-таки была воля Божія. Прегрѣшитъ помпадуръ, въ развратъ впадетъ—сейчасъ на губернію налетитъ или черная немочь, или огневица, или оспа. Тогда архіерей приказываетъ заложить въ колымагу четверку

вороныхъ и ѣдетъ, съ двумя иподіаконами на запяткахъ, къ помпадуру печаловаться за сиротъ, и молитъ его путь прегрѣшеній оставить. Обыкновенно помпадуръ уступалъ, то-есть Дуньку толстомясую ссылалъ въ дальнюю вотчину или Варьку пучеглазую выдавалъ замужъ за правителя канцеляріи, и тогда черная немочь прекращалась. Но ежели помпадуръ не уступалъ, то болѣзнь продолжала неистовствовать и наконецъ достигала такихъ размѣровъ, что всеполошенное начальство само смѣняло помпадура. Тогда опять становилось тихо. Но, повторяю, не было ни такого разнообразія болѣзней, ни такой неизбѣжности ихъ, ни такой точности въ расписаніи людей по роду поврежденій. Все это ввела уже усовершенствованная врачебная наука и поставила этотъ вопросъ на такомъ незыблемомъ основаніи, что укрыться отъ „приписки“ стало совсѣмъ некуда. Такъ что, взирая, напримѣръ, на младенца, не о томъ нужно помышлять, поврежденъ онъ или не поврежденъ (это ужъ внѣ сомнѣнія), а о томъ, что̀ именно въ немъ повреждено, и къ какому нарочитому доктору слѣдуетъ обратиться, чтобъ дать младенцу возможность влачить постыдное существованіе.

Ибо и въ смыслѣ врачебной практики совершился прогрессъ. Болѣе подробное изученіе болѣзней, удручающихъ родъ человѣческій, породило бо́льшую дробность въ ихъ опредѣленіи, и въ то же время дало мѣсто и множеству отдѣльныхъ спеціальностей. Въ прежнее время „лекарь“ лечилъ *всѣхъ* и *отъ всего*. Лечилъ и старыхъ, и малыхъ, и дворянъ, и меньшую братію, и мужескъ и женскъ полъ. Лечилъ и отъ головы, и отъ живота, и отъ зубовъ, и кровь „бросалъ“. Нынѣче первый палецъ правой руки приписанъ къ собственному медику, живущему въ Разъѣзжей, а первый палецъ лѣвой руки — къ медику, живущему на Васильевскомъ Острову. Одно ухо лечитъ одинъ врачъ; другое—другой. Пріѣхали вы съ пальцемъ правой руки къ медику пальца лѣвой руки — онъ вамъ скажетъ: „конечно, я могу вамъ средствице прописать, а все-таки будетъ вѣрнѣе, если вы съѣздите на Васильевскій Островъ, къ Карлу Иванычу“. И чтожъ! за всѣмъ тѣмъ безъ смерти не обойдешься. Ибо при такомъ множествѣ болѣзней и при такомъ разнообразіи спеціальностей одно только и остается прибѣжище: умереть.

Но этого мало: изумительные успѣхи врачебной науки внесли существенныя измѣненія и въ нашъ домашній обиходъ, въ наши, такъ

сказать, основы. Ограничусь только однимъ примѣромъ: прежде, бывало, вознамѣрится человѣкъ адюльтеръ совершить, сейчасъ становится передъ дамой сердца на колѣни и въ этомъ положеніи ожидаетъ дальнѣйшихъ инструкцій. И никакихъ непроизвольныхъ скандаловъ при этомъ не возникало, даже если мужъ дамы сердца находился въ сосѣдней комнатѣ. Нынче медицинская наука открыла, что человѣкъ, становясь на колѣни, можетъ сдѣлать неловкое движеніе и повредить себѣ сѣдалищный нервъ. Именно такъ на дняхъ и случилось. Только-что всталъ молодой человѣкъ на колѣни для ходатайства, какъ вдругъ не взвидѣлъ свѣта и заоралъ. Разумѣется, сбѣжался весь домъ, и прежде всѣхъ прибѣжалъ мужъ. Оказалось, что молодой человѣкъ повредилъ себѣ сѣдалищный нервъ! И вотъ изъ-за подобнаго вздора возникаетъ цѣлый процессъ. Оскорбленный мужъ доказываетъ, что сѣдалищный нервъ былъ поврежденъ — „но“, невинная жена утверждаетъ, что — „до“. Разумѣется, на судѣ будутъ вызваны эксперты, которые въ свою очередь станутъ приводить доводы pro и contra: потомъ то же самое будутъ развивать въ своихъ рѣчахъ адвокаты Балалайкинъ и Подсѣдалищниковъ; потомъ вступятся въ это дѣло газеты. А въ концѣ концовъ окажутся три разбитыхъ существованія... Обращаюсь ко всѣмъ jeunes premiers сороковыхъ годовъ: кто изъ нихъ подозрѣвалъ, что у него есть какой-то сѣдалищный нервъ, который можетъ надѣлать переполоха въ столь обыкновенномъ дѣлѣ, какъ „чуждыхъ удовольствій любопытство“?

Нѣтъ, тысячу разъ былъ правъ графъ Твэрдоонтò (см. предыдущую главу), утверждая, что покуда онъ не ворошилъ вопроса о *неизобиліи*, до тѣхъ поръ хотя и не было прямого изобилія, но было „приспособленіе“ къ изобилію. А какъ только онъ тронулъ этотъ вопросъ, такъ тотчасъ же отовсюду и наползло неизобиліе. Точно то же самое повторяется и въ дѣлѣ тѣлесныхъ озлобленій. Только чуть-чуть поворошите эту матерію, а потомъ ужъ и не разстанетесь съ ней.

Извиняюсь передъ читателями за это отступленіе, но оно было необходимо, чтобъ объяснить, въ какой мѣрѣ отцы наши были болѣе благополучны, нежели мы. А если были благополучны, то, стало быть, отъ нихъ пахло. И отъ нихъ, и отъ ихъ жилищъ.

Далеко ли то время, когда въ московскомъ трактирѣ въ коридоръ нельзя было войти, чтобъ не воскликнуть: „что̀ это, братцы, у васъ какъ будто того... чрезвычайное что-нибудь!“ Давно ли мнѣ,

при созерцаніи рукъ мѣстныхъ половыхъ, думалось: „ахъ, эти руки! какихъ тайнъ онѣ были укрывателями!“ А между тѣмъ, гдѣ въ другомъ мѣстѣ такъ сладко пилось и ѣлось, какъ въ московскомъ трактирѣ? Гдѣ больше говорилось умныхъ и свободныхъ рѣчей? Гдѣ больше лгалось? И точно, выпьешь, бывало листовки („рюмка, двѣ рюмки, три рюмки“, скороговоркой выговаривали половые), закусишь янтарнѣйшимъ балыкомъ—и не вонятъ! И руки у половыхъ внезапно сдѣлаются чистыя, и скатерти... ахъ, какія бывали тамъ скатерти! Не поймешь, что̀ тутъ совершалось: яичницу ли ѣли, дитё ли сидѣло... даже половые—и тѣ, бывало, стыдились! И то же самое происходило и въ Новотроицкомъ, въ „Саратовѣ“ въ Охотномъ ряду у Воронина. И всѣ они были переполнены народомъ, вездѣ пили и ѣли!

Да и не въ одной Москвѣ, а и вездѣ въ Россіи, вездѣ, гдѣ жилъ человѣкъ,—вездѣ пахло. Потому что вездѣ было изобиліе, и всякій понималъ, что изобилія стыдиться нечего. Еще очень недавно въ Пензѣ хозяйственные купцы не очищали ретирадъ, а содержали для этой цѣли на дворахъ свиней. А въ Петербургѣ этихъ свиней ѣли подъ рубрикой „хлѣбной тамбовской ветчины“. И говорили: у насъ въ Россіи трихинъ въ ветчинѣ не можетъ быть, потому что наша свинья хлѣбная“.

А нынче пройдитесь-ка по Тверской—аромать! У Шевалдышева — ватерклозеты, въ „Парижѣ“ — ватерклозеты... Да и тѣ посѣщаются мало, потому что помѣщикъ нынѣ наѣзжаетъ легкій, неблагополучный. Только въ Охотномъ ряду (однако и тамъ на половину противъ прежняго) пахнетъ, да еще на Ильинкѣ толстомясые купцы бьются—урчатъ животами... Гамбетты!

Да что̀ тутъ! На дняхъ получаю письмо изъ Пензы—и тутъ разочарованіе! „Спѣшу подѣлиться съ вами радостной вѣсточкой,—сообщаетъ мѣстный публицистъ:—и мы, пензяки, начали очищать нечистоты не съ помощью свиней, а на законномъ основаніи. Первый, какъ и слѣдовало ожидать, подалъ примѣръ нашъ уважаемый“ и т. д. Ну, разумѣется, порадоваться-то я порадовался, но потомъ сообразилъ: какое же, однако, будетъ распоряженіе насчетъ „тамбовской хлѣбной ветчины“? Вѣдь этакъ, чего добраго, она съ рынка совсѣмъ исчезнуть должна!

Теперь сопоставьте-ка эти наблюденія съ извѣстіями о саранчѣ,

колорадскомъ жучкѣ, гессенской мухѣ и пр. и скажите по совѣсти: куда мы идемъ? ужъ не того ли хотимъ добиться, чтобъ и на крестьянскихъ дворахъ ничѣмъ не пахло?

Конечно, это своего рода идеалъ. Но придется ли дожидаться его осуществленія—это еще вопросъ. По моему, на крестьянскомъ дворѣ должно обязательно пахнуть, и ежели мы изгонимъ изъ него запахъ благополучія, то будетъ пахнуть недоимками и урядниками.

Итакъ, прежнее московское благополучіе перешло нынѣ въ Парижъ. Конечно, оно выразилось не въ тѣхъ простодушно-ясныхъ формахъ, въ какихъ проявлялось на полномъ, какъ чаша, дворѣ пензенскаго гражданина, но все-таки достаточно опредѣленно, чтобъ удовлетворить самымъ прихотливымъ требованіямъ.

Съ тѣхъ поръ какъ во Франціи восторжествовало „законное правительство“, съ тѣхъ поръ какъ буржуа, отдѣлавшись отъ Мак-Магонскихъ угрозъ, уже не думаетъ о томъ, придется ли ему предать любезное отечество, или не придется, Парижу остается только упитываться и тучнѣть. Такова характеристическая черта его существованія за послѣднее время. А слѣдуя его примѣру, упитывается и тучнѣетъ и остальная Франція. Никогда палата депутатовъ не видала въ стѣнахъ своихъ такихъ сытыхъ и жирныхъ сыновъ отечества, какъ тѣ, которые засѣдаютъ въ ней послѣ неудавшихся попытокъ Мак-Магона и его сподвижниковъ.

Республика, повидимому, отыскала для себя твердую почву, республика сытая, солидная, безъ республиканцевъ. Однимъ словомъ, осуществленіе идеала, излюбленнаго „маленькимъ буржуа“, которому недавно воздвигнутъ памятникъ въ С.-Жерменѣ. Этотъ человѣкъ сдѣлалъ все, чтобъ примирить пугливаго буржуа съ словомъ: „республика“. Онъ до срока и безъ усилій уплатилъ пруссакамъ контрибуцію, затѣмъ разгромилъ коммуну и въ заключеніе уничтожилъ національную гвардію. Но, главное, онъ указалъ новый исходъ для французскаго шовинизма, выяснивъ, что кромѣ военной славы есть еще слава экономическаго и финансоваго превосходства, которыми можно хвастаться столь же резонно, какъ и военными побѣдами, и при томъ съ меньшею опасностью.

О шовинизмѣ идейной инициативы онъ, разумѣется, благоразумно умолчалъ, да, признаться, послѣ восемнадцатилѣтняго срамного пребыванія подъ бандитской пятой, было какъ-то не къ лицу и непо-

минать объ идеяхъ. Во всякомъ случаѣ, установившейся такимъ образомъ республикѣ безъ республиканцевъ удивительно повезло. Во-первыхъ, скромностью своею она снискала уваженіе всей Европы; во-вторыхъ, почти сразу свела на нѣтъ внутреннія политическія партіи. Изъ нихъ крайнія лѣвыя были поражены въ самое сердце, одновременно съ разгромомъ коммуны: династическія же партіи оказались безпредметными. Шамборъ безплоденъ; Орлеаны плодовиты и многочисленны, но лишены предпріимчивости и хотя достаточно безсовѣстны, но не въ томъ смыслѣ, какой потребенъ для уловленія вселенной; и въ довершеніе благополучія—во цвѣтѣ лѣтъ погибъ Монтихинъ отпрыскъ. Такимъ образомъ, монархическія партіи, то-есть тѣ, которыя вслѣдствіе сочувствій вліятельныхъ сферъ имѣли возможность дѣйствительно вредить республикѣ, поставлены въ необходимость бездѣйствовать. Коли хотите, онѣ и теперь еще продолжаютъ протестовать, но дѣлаютъ это вяло, очевидно только ради формы. Поздравляютъ Шамбора со днями ангела и рожденія, служатъ парадныя панихиды въ дни казней Людовика XVI и Маріи-Антуанеты и проч. Но чуть коснется дѣло чего-нибудь болѣе существеннаго, въ родѣ, напримѣръ, субсидій отощавшему Шамбору, въ результатѣ какъ-то всегда оказывается пустое мѣсто. Что же касается до бонапартистовъ, то со смертью Лулу въ средѣ этихъ людей началась такая суматоха, которая несомнѣнно кончится тѣмъ, что шайка эта, утративъ послѣдніе признаки политической партіи, просто-напросто увеличитъ собою ряды обыкновенныхъ хищниковъ, наказуемыхъ общими судами.

Однимъ словомъ, никто, кромѣ выжившихъ изъ ума Гаварди и Бодри д'Ассопа (первый—сенаторъ, второй—депутатъ; оба—рьяные легитимисты), серьезно на нынѣшнюю французскую республику не претендуетъ. Даже Бисмаркъ—и тотъ относится къ ней безъ озлобленія, хотя и не безъ любопытства. Повидимому онъ совсѣмъ не того ожидалъ. Онъ разсчитывалъ, что пойдутъ въ ходъ воспоминанія 1789 и 1848 годовъ, что на сцену выдвинется четвертое сословіе въ сопровожденіи цѣлой свиты „проклятыхъ“ вопросовъ, что борьба партій обострится и все это вмѣстѣ взятое дастъ ему поводъ потихоньку да полегоньку разнести по кирпичу очагъ европейскихъ безпокойствъ. И вдругъ, вмѣсто „проклятыхъ“ вопросовъ, самая благонадежная каплунья мудрость! Не прошло и десяти лѣтъ, а ужъ

Франція заняла „надлежащее“ мѣсто въ „совѣтахъ“ европейскихъ державъ и вмѣстѣ съ прочими демонстрируетъ, въ водахъ Эгейскаго моря, въ пользу Греціи! А газеты ея съ гордостью возвѣщаютъ, что городъ Парижъ удостоился посѣщенія графа Твэрдоонтò и другихъ достославныхъ кадетовъ. Разумѣется, Бисмаркъ долженъ сознаться, что это совсѣмъ не входило въ его разсчеты.

Вообще французъ-буржуà какъ нельзя больше доволенъ, что онъ занялъ „надлежащее“ мѣсто въ концертѣ европейскихъ державъ и не нарадуется на своихъ дипломатовъ. Въ Берлинѣ у него—Сенъ-Валье, въ Римѣ—Ноайль, еще гдѣ-то—Даркуръ... совсѣмъ какъ при Людовикѣ XIV! И всѣ они вѣрой и правдой служатъ ему, буржуà, торгующему овощнымъ товаромъ гдѣ-то въ Rue de Sèze и твердо вѣрующему, что французское благополучіе гораздо усиѣшиѣе покоритъ міръ, нежели французское оружіе. Какимъ же образомъ графу Твэрдоонтò, вмѣстѣ съ прочими кадетами, не почтить Парижа своимъ посѣщеніемъ? Какъ не пройтись ему гоголемъ по boulevard des Italiens, какъ не сообщить мосьё Гамбеттѣ о своихъ видахъ и предположеніяхъ насчетъ харчевно-ресторанаго союза, который, по его мнѣнію, долженъ еще болѣе скрѣпить сердечныя узы, соединяющія Россію съ Франціей? Вѣдь это значило бы обидѣть Сенъ-Валье и Даркура, съ которыми вмѣстѣ онъ, Твэрдоонтò, предназначенъ судьбою нѣть въ концертѣ европейскихъ державъ...

Но ежели доволенъ буржуà, то мосьё Жюль Греви положительно долженъ быть внѣ себя отъ восторга. Подумайте! онъ уже имѣетъ въ услуженіи „гарсоновъ“ въ родѣ Даркура и Ноайля—отчего жъ не мечтать о „гарсонахъ“ изъ породы Монморанси, Роганъ и Конде? Придетъ время — и самъ Мак-Магонъ не откажется еще и еще послужить. „Что, братъ, задумался,—скажетъ ему Греви:—переходи-ка въ республиканцы!“ И перейдетъ. Греви терпѣливъ и понимаетъ, что всѣ эти переходы—только вопросъ времени. А покуда онъ угощаетъ графа Твэрдоонтò охотой въ бывшихъ императорскихъ и королевскихъ резиденціяхъ и прикапливаетъ сокровище изъ остаточковъ отъ президентскаго содержанія. Такъ что если что-нибудь и омрачаетъ его скромное благополучіе, такъ это мысль, что отторженіе Эльзаса и Лотарингіи мѣшаетъ достойнымъ образомъ чествовать въ стѣнахъ Парижа Бисмарка и Мольтке.

Словомъ сказать, всѣ въ восторгѣ отъ современной французской

республики, начиная съ графа Твэрдоинтъ и кончая княземъ Бисмаркомъ, который, какъ говорятъ, спитъ и видитъ хоть на часокъ побывать въ Парижѣ и посмотрѣть на „La femme à papa“. Одно только вредитъ ей—это названіе: „республика“, а впрочемъ и это дѣло скоро уладятъ календари. Да вѣдь и есть такая форма государственнаго общежитія, есть. Что дѣлать! даже въ учебникахъ, для среднихъ учебныхъ заведеній изданныхъ, объ этой формѣ правленія упоминается (такъ прямо и пишутъ: форма *правленія*); даже въ стѣнахъ новороссійскаго университета тайному совѣтнику Папютину, въ Одессѣ сущу, провозглашалось: четыре суть формы правленія: деспотическая, монархическая неограниченная, монархическая ограниченная и... республиканская! И тайный совѣтникъ Папютинъ огорчался, но не возражалъ...

Повторяю: всѣ довольны французской республикой, никто не протестуетъ противъ нея, но доволенъ ли ею французскій рабочій—объ этомъ я ничего сказать не могу. Не знаю. Вообще говоря, въ предлагаемомъ этюдѣ о французахъ я исключительно разумѣю французскую буржуазію, которая въ настоящее время представляетъ собой управляющее сословіе. Съ жизнью французскаго народа, въ тѣсномъ значеніи этого слова, съ его вѣрованіями и надеждами, я совсѣмъ незнакомъ, и даже городского рабочаго знаю лишь поверхностно. Я допускаю, конечно, что „народъ“ представляетъ собой матеріалъ, гораздо болѣе заслуживающій изученія, нежели угрожающій лопнуть отъ пресыщенія буржуа, но дальше общихъ и довольно туманныхъ догадокъ въ этомъ смыслѣ идти не могу.

Во французскихъ газетахъ довольно часто случается встрѣчаться съ очень дробными и любопытными рубриками, на которыя, въ политическомъ смыслѣ, подраздѣляются въ современной Франціи „сыны народа“. Существуютъ рабочіе бонапартисты, рабочіе-легитимисты, рабочіе-оппортунисты, рабочіе-соціалисты, рабочіе-клерикалы, рабочіе-свободные мыслители и даже рабочіе, не признающіе ничего, кромѣ спиртныхъ напитковъ (замѣчательно впрочемъ, что никто никогда не слыхивалъ о рабочемъ-орлеанистѣ). Нерѣдко въ Парижѣ организуются сборища, на которыхъ трактуются близкіе для рабочихъ вопросы, и на которыхъ, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, присутствуютъ полицейскіе коммиссары, вспомоществуемые соотвѣтствующимъ количествомъ gardiens de la paix и мушаровъ. И одно-

временно съ этими сборищами въ процессіяхъ, предпринимаемыхъ по поводу всевозможныхъ богомолій и дней ангеловъ (Шамбора, Наполеона, Евгеніи), тоже фигурируютъ болѣе или менѣе компактныя группы сыновъ народа, распѣвающихъ приличныя случаю кантаты.

Итакъ, съ одной стороны соціально-демократическая пропаганда, а съ другой—поздравленія съ ангеломъ. Съ одной стороны—„Марсельеза“ и красное знамя, съ другой—Vive Henri IV и знамя съ бѣлыми лиліями. И все это идетъ рядомъ и выливается изъ одного и того же до краевъ переполненнаго источника. Что *благородный* бонапартистъ уживается рядомъ съ *благороднымъ* соціалистомъ—въ этомъ еще нѣтъ чуда, ибо и тотъ, и другой живутъ достаточно просторно, чтобъ не мозолить другъ другу глаза. Но вѣдь рабочій людъ живетъ скученно, тѣсня другъ друга и слѣдуя другъ за другомъ. такъ сказать, по пятамъ. Какимъ же образомъ въ этой скученной средѣ выдѣляются столь несовмѣстимыя разновидности и сколько въ нихъ, въ этихъ разновидностяхъ, есть искренняго, и сколько театральнаго, подкупного?

Признаюсь, эти вопросы не мало интересовали меня. Не разъ порывался я проникнуть въ Бельвиль или, по малой мѣрѣ, въ какой-нибудь débit de vins на одной изъ городскихъ окраинъ, чтобы собрать хотя нѣкоторыя типическія черты, характеризующія эти противоположныя теченія. Но, по размышленіи, вынужденъ былъ оставить эту затѣю навсегда.

Для путешественника (и въ особенности русскаго) подобнаго рода предпріятія почти недоступны. Во-первыхъ, интимная жизнь рабочаго люда въ Парижѣ, какъ и вездѣ, сосредоточивается въ такихъ захолустьяхъ, куда иностранцу нѣтъ ни желанія, ни даже возможности проникнуть. Парижскій рабочій охотно оказываетъ иностранцу услуги и, видя въ немъ денежнаго человѣка и вѣрнаго заказчика, смотритъ на приливъ чужеземнаго элемента какъ на залогъ предстоящаго торговаго и промышленнаго оживленія, которое можетъ не безъ выгоды отразиться и на немъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ иностранецъ для него безличное существо, нуль. Помочь онъ ему не можетъ, ужъ по тому одному, что голосъ его не имѣетъ *здѣсь* ни малѣйшаго авторитета. Кровно заинтересоваться его нуждою тоже не имѣетъ повода, потому что эта нужда есть результатъ безчисленнаго множества мѣстныхъ и историческихъ условій, въ оцѣнкѣ кото-

рыхъ принимаютъ участіе не только умъ и чувство, но и интимные инстинкты, связывающіе человѣка съ его родиной. Вѣдь у этого самаго иностранца на родинѣ остались массы рабочаго люда, которыя тоже могутъ дать пищу самой широкой любознательности, а онъ вотъ пріѣхалъ въ Парижъ. Очевидно, онъ явился сюда совсѣмъ не ради рабочаго вопроса, а для того, чтобъ жуировать, заказывать, покупать, любоваться произведеніями искусствъ. Но онъ, пресытившись всѣмъ этимъ, задумалъ проникнуть въ рабочую среду. Очень возможно, что это только назойливый празднолюбецъ, въ родѣ Гольштейнскаго принца, но кто же поручится, что онъ и... не шпіонъ? Да, и шпіонъ, и не кѣмъ другимъ подосланный, а именно Бисмаркомъ. Съ тѣхъ поръ какъ пруссаки побывали въ Парижѣ, убѣжденіе о вездѣсущіи прусскаго шпіона до того утвердилось въ умахъ французской меньшей братіи, что никакими доказательствами его не сокрушишь.

Во-вторыхъ, для русскаго путешественника есть еще и особенная причина, которая заставляетъ его воздерживаться отъ проникновенія въ рабочую среду. Нельзя дотронуться до рабочаго человѣка безъ того, чтобъ изъ этого не вышло превратнаго толкованія. А у насъ на этотъ счетъ такъ заведено: если есть превратное толкованіе, то, стало быть, есть и соотвѣтствующее оному мѣропріятіе. Разумѣется, было бы преувеличенно утверждать, чтобъ логика событій всегда дѣйствовала въ этихъ случаяхъ съ строгою неумолимостью, но если даже примѣнить сюда, въ качествѣ ободряющаго обстоятельства, пресловутое „какъ посмотрѣть“, то все-таки выйдетъ порядочный рискъ. Я охотно допускаю, что, напримѣръ, въ настоящую минуту не найдется ничего предосудительнаго въ томъ, что зрѣлыхъ лѣтъ мужчина интересуется рабочимъ вопросомъ... на Западѣ; но вѣдь причина этого благополучнаго отношенія заключается не въ самой непредосудительности факта, а въ томъ, что общее правило „какъ посмотрѣть“ случайно приняло менѣе суровый характеръ. Еще вчера то же самое правило стояло гораздо солидиѣе, а завтра, быть можетъ, запросъ на благополучіе и совсѣмъ прекратится. На сцену выступитъ запросъ на вывороченныя къ лопаткамъ руки, на шиворотъ и другія процессуальныя подробности русской просвѣтительной дѣятельности, воспоминаніе о которыхъ не оставляетъ русскаго человѣка и за границей. Съ какими глазами предстанетъ тогда, по возвращеніи въ домъ свой, „зрѣ-

лыхъ лѣтъ“ человѣкъ, который, понадѣявшись на поднявшійся курсъ „благополучія“, побывалъ на сходкахъ рабочихъ въ циркѣ Фернандо, да, пожалуй, еще съѣздилъ съ этою цѣлью въ Марсель на рабочій конгрессъ?

Нѣтъ, лучше уже держаться около буржуа. Вѣдь онъ еще во времена откуповъ считался бюджетнымъ столпомъ, а теперь, съ размноженіемъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, пожалуй на немъ одномъ только и покоятся всѣ надежды и упованія.

Итакъ, говоря объ унаслѣдованіи современнымъ Парижемъ благополучія дореформенной Москвы, я разумѣю по преимуществу парижскаго буржуа, котораго, благодаря необыкновенно счастливому стеченію обстоятельствъ, начинаетъ уже распирать отъ сытости.

Со времени франко-прусской войны матеріальное благосостояніе Франціи не только не умалилось, но съ какою-то невиданною выпуклостью выступило наружу, на зависть всѣмъ. Денегъ — не клюютъ куры; заводская и фабричная производительность едва успѣваетъ удовлетворять требованіямъ заказчиковъ; балансъ—прелестнѣйшій; бюджетъ—прихотливый и не знающій дефицита; желѣзнодорожная сѣть проникаетъ въ самые отдаленные уголки; забастовки рабочихъ хотя и нерѣдки, но непродолжительны и всегда кончаются къ обоюдному удовольствію. Буржуа до такой степени сытъ, что чувствуетъ потребность подѣлиться и съ меньшимъ братомъ. Поэтому, когда рабочіе начинаютъ предъявлять требованія, то онъ, конечно, для формы покобенится, но именно только для формы, въ концѣ же концовъ благодушно скажетъ: „на-те! рвите мои внутренности... ненасытные!“ И вотъ въ результатѣ обоюдное удовольствіе.

Въ довершеніе всего, въ Парижъ отовсюду стекается такая масса всякаго рода провизіи, что, кажется, еслибъ у буржуа вмѣсто одной было двѣ утробы, то и тутъ онъ всего бы не умѣстилъ.

Окрестности Парижа доставляютъ тончайшіе овощи и фрукты; Нормандія и Турень—фрукты, молочные скоты и живность; Бретань —всякаго рода мясо и самыхъ молочныхъ кормилицъ; Перигё—пироги съ начинкой; Гасконь — душистыя трюфли, душистое вино и лгуновъ; Бургонь—вино и живность; Шампань—шампанское;Ліонъ —колбасу; Провансъ—оливковое масло; Ницца—фрукты въ сахарѣ; Пиренеи—красныхъ куропатокъ; Ланды—перепелокъ и ортолановъ; Океанъ и Средиземное море — всевозможные сорта рыбъ, раковъ и

устрицъ... Когда буржуа начинаетъ перечислять всѣ эти богатства, то захлебывается слюнями и глаза у него получаютъ какой-то неблагонадежный блескъ; такъ и кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ перерветъ собесѣднику горло. Даже о потерѣ Страсбурга нынѣшній буржуа жалѣетъ не столько по причинѣ его знаменитой колокольни, сколько съ точки зрѣнія страсбургскаго пирога, котораго не замѣнилъ даже пресловутый перигорскій пирогъ. Въ одномъ только пунктѣ буржуа чувствуетъ себя уязвленнымъ: нѣтъ у него русскаго рябчика, о которомъ гостившая въ Россіи баронесса Каулла („la fille Kaoulla", какъ называли ее французскія газеты) разсказывала чудеса (еще бы! самъ Юханцевъ кормилъ ее ими). Но и тутъ есть лучъ надежды: Гамбетта, какъ слышно, уже шепчется о чемъ-то съ графомъ Твэрдоонтѳ! Въ началѣ осени они вмѣстѣ завтракали въ café Anglais, и на завтракѣ инкогнито присутствовалъ принцъ Уэльскій (платилъ Твэрдоонтѳ). А въ сосѣднемъ cabinet, въ это же самое время, Каулла завтракала съ генераломъ Сиссэ. И хотя на другой день въ газетахъ было объявлено, что эти завтраки не имѣли политическаго характера, но буржуа только хитро подмигиваетъ, читая эти толкованія, и, потирая руки, говоритъ: „Вотъ увидите, что черезъ годъ у насъ будутъ рябчики! будутъ!" И затѣмъ, въ тайнѣ сердца своего, присовокупляетъ: „И, можетъ быть, благодаря усердію республиканской дипломатіи, возвратятся подъ сѣнь трехцвѣтнаго знамени и страсбургскіе пироги!

Но повторяю: сытость настолько благотворно дѣйствуетъ на человѣческое сердце, что этому общему правилу не можетъ не подчиниться и буржуа. Не будучи въ состояніи заглотать все, что̀ плыветъ къ нему со всѣхъ концовъ любезнаго отечества, онъ добродушно удѣляетъ меньшей братіи, за удешевленную цѣну, то, что̀ не можетъ пожрать самъ. Эти остатки, въ видѣ объѣдковъ пироговъ, котлетъ, жаренаго мяса, живности и даже въ видѣ застывшихъ подливокъ, продаются въ особенномъ отдѣленіи Halles centrales и извѣстны подъ именемъ bijoux. Они-то собственно и составляютъ главное основаніе стряпни въ тѣхъ маленькихъ ресторанахъ, въ которыхъ питается недостаточное населеніе столицы міра. Приправленные пряностями, облитые разогрѣтыми подливками и поданные въ видѣ дымящихся рагу и пантетовъ, они, съ одной стороны, ласкаютъ обоняніе, съ другой — производятъ изжогу. Но бѣднякъ охотно забываетъ вто-

рое, чтобъ всецѣло предаться благороднымъ впечатлѣніямъ о первомъ. Впрочемъ, и первое, и второе уже настолько вошли въ его жизненный обиходъ, что не составляютъ для него неожиданности, а слѣдовательно не вызываютъ ни особенной радости, ни особеннаго огорченія.

Извѣстно ли рабочему человѣку родопроисхожденіе этихъ рагу? Знаетъ ли онъ, что вотъ этотъ самый обрывокъ сосиски, который какъ-то совсѣмъ неожиданно вынырнулъ изъ-подъ груды загадочныхъ мясныхъ фигурокъ, былъ вчера ночью обгрызенъ въ Maison d'Or генералъ-маіоромъ Отчаяннымъ въ сообществѣ съ la fille Kaoulla? знаетъ ли онъ, что въ это самое время Юханцевъ, по сочувствію, стоналъ въ Красноярскѣ, а члены взаимнаго поземельнаго кредита восклицали: „Такъ вотъ она, та пропасть, которая поглотила наши денежки!“? Знаетъ ли онъ, что вотъ этой самой рыбьей костью (на ней осталось чуть-чуть мясца) русскій концессіонеръ Губошлеповъ ковырялъ у себя въ зубахъ, тщетно ожидая въ кафе Ришъ ту же самую Кауллу и мысленно ропща: „Сколько тыщъ ужъ эта шельма изъ меня вымотала, а все только одни разговоры разговариваетъ!“? Знаетъ ли онъ, что вотъ этотъ волосъ, который прилипъ у него на языкѣ, принадлежитъ дѣвицѣ Круазетть и составляетъ часть локона, подареннаго ею на память герцогу Омальскому? Знаетъ ли онъ, наконецъ, что этотъ песокъ, который сію минуту хрустнулъ у него на зубахъ, составляетъ часть горсти земли, взятой рьянымъ бонапартистомъ съ могилы Лулу и составлявшей предметъ пламенныхъ тостовъ на вчерашнемъ банкетѣ въ Hôtel Continental?

Я думаю, что онъ знаетъ все это, но, разумѣется, дѣлаетъ видъ, что не знаетъ. Ибо не притворись онъ незнающимъ — ему, просто по чувству приличія, пришлось бы отказаться отъ рагу и отъ мясной пищи вообще. Быть можетъ, ему предстояло бы даже познакомиться съ подсворьемъ въ видѣ мякины, потому что, какъ ни благодушенъ буржуа, но онъ поступается мясцомъ только въ формѣ объѣдковъ; за натуральное же мясо и цѣну деретъ натуральную. Между тѣмъ мясо необходимо меньшему брату, даже еслибъ оно являлось въ еще болѣе неожиданныхъ очертаніяхъ, ибо оно поддерживаетъ необходимую для труда бодрость и силу. И вотъ онъ глотаетъ свои рагу и—risum teneatis, amici!—даже пускается въ ихъ расцѣнку... Лакомка!

Но ежели меньшій братъ знаетъ родословную объѣдковъ, то бла-

годаренъ ли онъ за нихъ буржуа? На этотъ вопросъ я удовлетворительно отвѣтить не могу. Думаю однакожъ, что особеннаго повода для благодарности не имѣется, и ежели бѣднякъ въявь не выказываетъ своей враждебности по поводу объѣдковъ, то по секрету все-таки прикапливаетъ ее. Да, доглодать обглоданную Губошлеповымъ рыбью кость — это-таки штука не послѣдняя! но до поры до времени приходится подчиняться даже этой горькой необходимости, ибо буржуа хитеръ. Онъ окружилъ Парижъ бастіонами, распустилъ національную гвардію и ввелъ такую дисциплину въ военномъ персоналѣ, составляющемъ мѣстный гарнизонъ, что только держись! И, совершивши все это, блаженствуетъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни пріятна сытость, но и она имѣетъ свои существенныя неудобства. Она отяжеляетъ человѣка, сообщаетъ его дѣйствіямъ сонливость, его мышленію — вялость. Черезъ-чуръ сытый человѣкъ требуетъ отъ жизни только одного: чтобъ она какъ можно меньше затрудняла его, какъ можно меньше ставила на его пути преградъ и поводовъ для пытливости и борьбы. Самыя наслажденія, въ глазахъ сытаго человѣка, пріобрѣтаютъ цѣнность лишь въ томъ случаѣ, когда они достигаются легко, приплываютъ къ нему, такъ сказать, сами собой. Мы, русскіе сытые люди, круглый годъ питающіеся блинами, пирогами и калачами, кое-что знаемъ о томъ духовномъ остолбенѣніи, при которомъ единственную лучезарную точку въ жизни человѣка представляетъ сонъ, съ цѣлою свитой свистовъ, носовыхъ завертокъ, утробныхъ сновидѣній и кошмаровъ. Оттого-то, быть можетъ, у насъ и нѣтъ тѣхъ формъ обезпеченности, которыя представляетъ общественно-политическій строй на Западѣ. Но зато есть блины.

Французъ-буржуа хотя и не дошелъ еще до столбняка, но уже настолько отяжелѣлъ, что всякое лишнее движеніе, въ смыслѣ борьбы, начинаетъ ему казаться не только обременительнымъ, но и неумѣстнымъ. Традиція, въ силу которой главная привлекательность жизни, по преимуществу, сосредоточивается на борьбѣ и отыскиваніи новыхъ горизонтовъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше теряетъ кредитъ. Буржуа ищетъ не волненій, а спокойствія, легкаго уразумѣнія и во всемъ благого поспѣшенія. Въ дѣлѣ религіи онъ заявляетъ претензію, чтобъ Богъ, безъ всякихъ съ его стороны усилій, motu proprio, посылалъ ангеловъ своихъ для охраны его. Въ дѣлѣ

науки онъ цѣнитъ только прикладныя знанія, нагло игнорируя всю подготовительную теоретическую работу и предоставляя изслѣдователямъ истины отыскивать ее на собственный рискъ. Въ дѣлѣ публицистики онъ любитъ газетныя строчки, въ которыхъ коротенько излагается, съ кѣмъ завтракалъ наканунѣ Гамбетта, какія титулованныя особы удостоили своимъ посѣщеніемъ Парижъ, и приходитъ въ восторгъ, когда при этомъ ему докладываютъ, что самъ Бисмаркъ, въ интимномъ разговорѣ съ Подхалимовымъ, нашелъ Францію достойною участвовать въ концертѣ европейскихъ державъ. Въ дѣлѣ беллетристики онъ противникъ всякихъ психологическихъ усложненій и анализовъ, и требуетъ отъ автора, чтобъ онъ безъ отвлеченныхъ околичностей, но съ возможно бо́льшимъ разнообразіемъ „особыхъ примѣтъ“ объяснилъ ему, какимъ тѣломъ обладаетъ героиня романа, съ кѣмъ и когда, и при какихъ обстоятельствахъ она совершила первый, второй и послѣдующіе адюльтеры, въ какомъ была каждый разъ платьѣ, заставляла ли себя умолять, или сдавалась безъ разговоровъ, и ежели дѣло происходило въ cabinet particulier, то въ какомъ именно ресторанѣ, какіе прислуживали гарсоны и что̀ именно было съѣдено и выпито. Даже въ своихъ любовныхъ предпріятіяхъ онъ не терпитъ запутанности и линнихъ одеждъ, а настаиваетъ, чтобъ все совершалось чередомъ, безъ промедленія времени... сейчасъ!

Разумѣется, эта сплошная простота воззрѣній не можетъ не отражаться и на цѣломъ жизненномъ строѣ современной Франціи.

Начать съ Бога, который положительно стѣсняетъ буржуа. Попы требуютъ, чтобъ буржуа ходилъ къ обѣднѣ, и тѣмъ, которые ходятъ, обѣщаютъ вѣчное блаженство, а тѣмъ, которые не ходятъ — вѣчныя адскія муки. Всякій буржуа — вольнодумецъ по преданію, но въ то же время онъ трусъ и, какъ я уже замѣтилъ выше, любитъ перекрестить себѣ пупокъ — такъ, чтобъ никто этого не замѣтилъ. Однакожъ онъ дѣлаетъ послѣднюю уступку лишь потому, что она ничего не сто̀итъ, а сверхъ того, неровенъ случай, можетъ и пригодиться. Но чтобъ попъ позволялъ себѣ публично угрожать ему или соблазнять наградами — этого онъ ужъ никакъ потерпѣть не можетъ. На этой почвѣ онъ издавна, съ неравнымъ успѣхомъ, но упорно борется съ попомъ, а съ легкой руки Вольтера эта борьба приняла очень яркій и даже торжествующій характеръ. До сихъ поръ, однакожъ, это все-таки была только борьба, самое существованіе которой сви-

дѣтельствовало о гадательности исхода. Нынѣ буржуа почувствовалъ себя настолько окрѣпшимъ, что ему кажется уже удивительнымъ, стоило ли объ этомъ такъ долго и много хлопотать. Гораздо проще —упразднить поповскаго Бога совсѣмъ, а для домашняго обихода декретировать Бога ланцизированнаго (безъ знаковъ отличія). Сказано—сдѣлано. Сначала буржуа поручилъ это дѣло своему министру Фрейсинэ, а когда послѣдній оказался черезъ-чуръ податливымъ, то уволилъ его въ отставку и ту же задачу возложилъ на министра Ферри. И вотъ теперь въ цѣлой Франціи дѣйствуетъ Богъ ланцизированный. Сколько вѣковъ этотъ вопросъ волновалъ умы, сколько стрѣлъ было выпущено по этому поводу однимъ Вольтеромъ, а буржуа взялъ да въ одинъ мигъ рѣшилъ, что тутъ и разговаривать не объ чемъ. Правда, что онъ еще не вычеркнулъ окончательно слова „Богъ“ изъ своего лексикона, но очевидно, что это только лазейка, оставленная на случай могущей возникнуть надобности, и что отнынѣ никакія напоминанія о предстоящихъ блаженствахъ и мукахъ уже не будутъ его тревожить.

Я слышалъ однакожъ, что вопросъ о конгрегаціяхъ, съ такою изумительною легкостью и даже не безъ комизма приведенный къ концу прошлою осенью, чуть-было не произвелъ разрыва между Гамбеттой и графомъ Твэрдоонто. Графъ случился въ это время въ Парижѣ и былъ до глубины души скандализированъ. Онъ вспомнилъ, какъ, во дни его юности, его вывели mit Skandal und Trompeten изъ заведенія Марцинкевича, и не могъ придти въ себя отъ сердечной боли, узнавъ, что тотъ же самый пріемъ допущенъ мосьё Кобе (chef de sûreté, онъ же и позитивистъ), относительно отцовъ „реколлетовъ“. Ну, разумѣется, вступился. Выбралъ часъ завтрака и отправился къ Гамбеттѣ.

— Нельзя безъ Бога, Гамбетта!—усовѣщивалъ онъ президента палаты депутатовъ: — вы сами скоро убѣдитесь, что нельзя! Скажу вамъ, со мной въ корпусѣ такой случай былъ. Обыкновенно, не приготовивъ урока, я обращался къ Богу, прося, чтобъ учитель не вызвалъ меня. И хотя это случалось довольно часто, но Богъ, по неизреченному ко мнѣ милосердію, а можетъ быть и во вниманіе къ заслугамъ моихъ родителей, никогда не оставлялъ моей молитвы безъ исполненія. И вдругъ однажды я возгордился. Урока-то не приготовилъ, да и Богу помолиться пренебрегъ. И что же произошло?

Прежде всего учитель сейчасъ же меня вызвалъ и поставилъ мнѣ поль; вслѣдъ затѣмъ я былъ пойманъ въ куреніи, потомъ напился пьянъ и нагрубилъ дежурному офицеру. А къ вечеру былъ уже высѣченъ. Что вы скажете объ этомъ?

Но Гамбетта уклонился отъ прямого отвѣта и только сочувственно произнесъ:—Ссс...

— Не думайте впрочемъ, Гамбетта,—продолжалъ Твердоонтò:—чтобъ я былъ суевѣренъ... ни мало! Но я говорю одно: когда мы затѣваемъ какое-нибудь мѣропріятіе, то прежде всего обязываемся понимать, противъ чего мы его направляемъ. Еслибъ вы имѣли дѣло только съ людьми цивилизованными — ну, тогда, я понимаю... Ни вы, ни я... О, разумѣется, для насъ... Но народъ, Гамбетта! вспомните, что такое народъ? И что у него останется, если онъ не будетъ чувствовать даже этой узды?

Но Гамбетта только качалъ головой и время отъ времени произносилъ:—Ссс...—Какъ истинно коварный генуэзецъ, онъ не только не раздражалъ своего собесѣдника возраженіемъ, но даже охотно уступилъ ему, что безъ Бога—нельзя.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?—радостно воскликнулъ Твэрдоонтò, протягивая руки.

Однако Гамбетта и тутъ нашелся: не говоря ни слова, позвонилъ и приказалъ сервировать завтракъ. Подали какой-то необычайной красоты руанскую утицу и къ ней совершенно сѣдую бутылку Понтè-Канè. Разумѣется, Твэрдоонтò только языкомъ щелкнулъ.

И такимъ образомъ разрывъ былъ устраненъ. Съѣли утицу, выпили Понтè-Канè, и о Богѣ—ни гугу! Вотъ какъ ловко дѣйствуетъ современная французская дипломатія.

Ту же самую несложность требованій простираетъ современный буржуа и къ родной литературѣ. Было время, когда во Франціи господствовала беллетристика идейная, героическая. Она зажигала сердца и волновала умы; не было безвѣстнаго уголка въ Европѣ, куда бы она не проникла съ своимъ свѣточемъ, всюду распространяя пропаганду идеаловъ будущаго въ самой общедоступной формѣ. Люди сороковыхъ годовъ и доселѣ не могутъ безъ умиленія вспоминать о Жоржъ-Зандѣ и Викторѣ Гюго, который впрочемъ вступилъ на стезю новыхъ идеаловъ нѣсколько поздѣе. Сю, менѣе талантливый и теперь почти забытый,—и тотъ читался нарасхватъ, благодаря тому, что

онъ обращался къ тѣмъ инстинктамъ, которые представляютъ собой лучшее достояніе человѣческой природы. Даже въ Бальзакѣ, несмотря на его соціально-политическій индифферентизмъ, невольно просачивалась тенденціозность, потому что въ то тенденціозное время не только люди, но и камни воніяли о геронзмѣ и идеалахъ.

За этой же героической литературой шла и русская беллетристика сороковыхъ годовъ. И не только беллетристика, но и критика, воспитательное значеніе которой было едва-ли даже въ этомъ смыслѣ не рѣшительнѣе.

Современному французскому буржуа ни геронзмъ, ни идеалы ужъ не подъ силу. Онъ слишкомъ отяжелѣлъ, чтобъ не пугаться при одной мысли о личномъ самоотверженіи, и слишкомъ удовлетворенъ, чтобъ нуждаться въ расширеніи горизонтовъ. Онъ давно уже понялъ, что горизонты могутъ быть расширены лишь въ ущербъ ему, и потому, на почвѣ расширенія, охотно примирился бы даже съ Бонапартомъ, еслибъ этотъ выходъ былъ для него единственный. Но, во-первыхъ, ему навернулось нѣчто другое, болѣе подходящее и въ смыслѣ горизонтовъ столь же вожделѣнное; а во-вторыхъ, духъ авантюризма въ соединеніи съ тупоуміемъ—свойства, въ высшей степени украшавшія бандита, державшаго, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, въ своихъ рукахъ судьбы Франціи,—испугали буржуа. Обуреваемый жаждой приключеній, бандитъ никогда не могъ опредѣлить, во что̀ обойдется предполагаемое приключеніе и куда оно приведетъ. И такимъ образомъ дошелъ до прусскаго нашествія. Буржуа не можетъ безъ злости вспомнить, что пруссаки выпили все вино, хранившееся въ его погребахъ, выкурили всѣ его сигары, выкрали изъ его шкафовъ платье, посуду и серебро, и даже часы съ каминовъ. Онъ можетъ забыть гибель сыновъ Франціи, измѣнническую сдачу Метца, панику худо вооруженныхъ и неодѣтыхъ войскъ, но забыть пропажу часовъ, за которые онъ заплатилъ столько-то сотенъ франковъ, rubis sur ongle—никогда! И вотъ это-то вѣчно присущее воспоминаніе о выпитомъ винѣ и исчезнувшихъ часахъ и уничтожило весь престижъ наполеоновской идеи. А тутъ же, кстати, вспомнилось, что не худо бы посчитать, во что̀ обошлись Франціи приключенія бандита. Посчитали и оказалась такая прорва, что буржуа даже позеленѣлъ отъ злости при мысли, что эту прорву наполнилъ онъ изъ собственнаго кармана и что всѣ эти деньги остались бы у него, еслибъ

онъ въ 1852 году съ испугу не предалъ бандиту февральскую республику. Но зато теперь онъ республику ужъ не предастъ. Теперь у него *своя собственная* республика, республика спроса и предложенія, республика накопленія богатствъ и блестящихъ торговыхъ балансовъ, республика, въ которой не будетъ ни „приключеній“, ни... „горизонтовъ“. Эта республика обезпечила ему все, во имя чего нѣкогда онъ направо и налѣво расточалъ іудины поцѣлуи и съ легкимъ сердцемъ предавалъ свое отечество въ руки перваго встрѣчнаго хищника. А именно: обезпечила сытость, спокой и возможность собирать сокровища. И сверхъ того она бдительно слѣдитъ за легкаго поведенія дѣвицами, не ради торжества добродѣтели, а дабы его же, буржуа, оградить отъ тѣлесныхъ поврежденій.

И буржуа, дѣйствительно, такъ плотно засѣлъ въ своей сытости и такъ прочно со всѣхъ сторонъ окопался, что отнынѣ уже никакія „приключенія“ не настигнутъ его.

Но эта безъидейная сытость не могла не повліять и на жизнь. Проникласъ ею и современная французская литература, и для того, чтобъ скрыть свою низменность, не безъ наглости подняла знамя реализма. Слово это не безъизвѣстно и у насъ, и даже едва-ли не раньше, нежели во Франціи, по поводу его, у насъ было преломлено достаточно копій. Но размѣры нашего реализма нѣсколько иные, нежели у современной школы французскихъ реалистовъ. Мы включаемъ въ эту область *всего* человѣка, со *всѣми* разнообразіемъ его опредѣленій и дѣйствительности; французы же главнымъ образомъ интересуются торсомъ человѣка и изъ всего разнообразія его опредѣленій съ наибольшимъ раченіемъ останавливаются на его физической правоспособности и на любовныхъ подвигахъ. Съ этой точки зрѣнія Викторъ Гюго, напримѣръ, представляется въ глазахъ Зола чуть не гороховымъ шутомъ, да вѣроятно той же участи подверглась бы и Жоржъ-Зандъ, еслибъ очередь дошла до нея. По крайней мѣрѣ никто нынѣче объ ней не вспоминаетъ, хотя за ней числятся такія созданія, какъ „Орасъ“ и „Лукреція Флоріани“, въ которыхъ подавляющій реализмъ идетъ объ руку съ самою горячею и страстною идейностью.

Во главѣ современныхъ французскихъ реалистовъ стоитъ писатель несомнѣнно талантливый—Зола. Однакожъ и онъ не сразу удовлетворилъ буржуа (казался слишкомъ труднымъ), такъ что романы его долгое время пользовались гораздо бо́льшею извѣстностью за гра-

ницей (особенно въ Россіи) нежели во Франціи. „Ассомуаръ“ былъ первымъ произведеніемъ, обратившимъ на Зола́ серьезное вниманіе его соотечественниковъ, да и то едва-ли не потому, что въ немъ на первомъ планѣ фигурируютъ представители тѣхъ „новыхъ общественныхъ наслоеній“, о близкомъ нашествіи которыхъ почти въ то же самое время нѣсколько рискованно возвѣщалъ сфинксъ-Гамбетта (Наполеонъ III любилъ, чтобъ его называли сфинксомъ; Гамбетта — тоже) въ одной изъ своихъ рѣчей. Любопытно было взглянуть на этого дикаря, вандала-гунна-гота, къ которому еще Байронъ взывалъ: „arise ye, Goths!“ и котораго давно уже не безъ страха поджидаетъ буржуа, и даже совсѣмъ было-дождался въ лицѣ парижской коммуны, еслибъ маленькій Тьеръ, споспѣшествуемый Мак-Магономъ и удалымъ капитаномъ Гарсеномъ *), не поспѣшилъ на помощь и не утопилъ гота въ его собственной крови.

И точно, Зола́ настолько испугалъ буржуа, что въ самое короткое время „Ассомуаръ“ разошелся во множествѣ изданій. Но все-таки это былъ успѣхъ испуга; дѣйствительнымъ же любимцемъ, художникомъ по сердцу буржуа и всефранцузскою знаменитостью Зола́ сдѣлался лишь съ появленіемъ „Нана“. Представьте себѣ романъ, въ которомъ главнымъ лицомъ является сильнодѣйствующій женскій торсъ, не прикрытый даже фиговымъ листомъ, общедоступный, какъ проѣзжій шлихъ и не представляющій никакихъ опредѣленій, кромѣ подробнаго каталога „особыхъ примѣтъ“, знаменующихъ полъ. Затѣмъ поставьте, въ pendant къ этому сильнодѣйствующему торсу, соотвѣтствующее число мужскихъ торсовъ, которые тоже ничего другого, кромѣ особыхъ примѣтъ, знаменующихъ полъ, не представляютъ. И потомъ, когда всѣ эти торсы надлежащимъ образомъ поставлены, когда, по манію автора, вокругъ нихъ создалась обстановка изъ бутафорскихъ вещей самаго послѣдняго фасона, особыя примѣты постепенно приходятъ въ движеніе, и передъ глазами читателя за-

*) Капитанъ Гарсенъ—тотъ самый, который во время торжества версальскихъ войскъ надъ коммуной разстрѣлялъ депутата Мильера за „вредное направленіе“ его литературной дѣятельности (а мы-то жалуемся!). Въ виду войскъ и толпы онъ велѣлъ поставить его на колѣни на ступеняхъ Пантеона (боюсь ошибиться, но, кажется, что тамъ) и наклонить ему голову въ знакъ того, что онъ проситъ прощенія за причиненный его литературной дѣятельностью вредъ. И когда это было выполнено — приказалъ застрѣлить Мильера. Капитанъ Гарсенъ и понынѣ состоитъ на службѣ.

вязывается бестіальная драма... Спрашивается: какихъ еще болѣе возбуждающихъ усладъ можетъ требовать буржуа, въ которомъ сытость дошла до такихъ геркулесовыхъ столповъ, что едва не погубила даже половую бестіальность?

Все въ этомъ романѣ настолько ясно, что хоть протягивай руку и гладь. Только лесбійскія игры нѣсколько стушеваны; но вѣдь покуда это вещь еще на охотника, не всякій ее вмѣстить. Придетъ время, когда буржуа еще сытѣе сдѣлается, — тогда Зола и въ этой сферѣ себя мастеромъ явитъ. Но сколько мерзостей придется ему подсмотрѣть, чтобъ довести отдѣлку бутафорскихъ деталей до совершенства! И какую неутомимость, какой желѣзный организмъ нужно имѣть, чтобъ выдержать трудъ выслѣживанія, необходимый для созданія подобной экскрементально-человѣческой комедіи! Подумайте! сегодня — Нана, завтра — представительница лесбійскихъ преданій, а послѣ-завтра пожалуй и впрямь въ герои романа придется выбирать производительницъ и производителей экскрементовъ.

Но тогда, разумѣется, буржуа еще при жизни поставитъ ему монументъ.

Оговариваюсь, впрочемъ, что въ разсчеты мои совсѣмъ не входитъ критическая оцѣнка литературной дѣятельности Зола. Въ общемъ я признаю эту дѣятельность (кромѣ, впрочемъ, его критическихъ этюдовъ) весьма замѣчательною. и говорю исключительно о „Нана“, такъ какъ этотъ романъ даетъ мѣрило для опредѣленія вкусовъ и направленія современнаго буржуа.

Окола Зола стоитъ цѣлая школа послѣдователей, изъ которыхъ одни рабски подражаютъ ему, другіе — выказываютъ поползновеніе идти еще дальше въ смыслѣ деталей. Но тутъ псевдо-реализмъ пріобрѣтаетъ характеръ скудоумія тѣмъ болѣе яркій, что даже нагота торсовъ не защищаетъ его. Скучно, назойливо, бездарно и ничего больше. Передъ читателемъ проходитъ безконечный рядъ подробностей, не имѣющихъ ничего общаго ни съ предметомъ повѣствованія, ни съ его обстановкой, — подробностей ни для чего ненужныхъ, ничего не характеризующихъ и даже не любопытныхъ сами по себѣ. Вотъ, напримѣръ, передъ вами Альфредъ. Бѣдный Альфредъ! Возьмись за него писатель сильный, въ родѣ Жоржъ-Занда, Бальзака, Флобера — изъ него вышелъ бы отличный малый. А такъ-называемый реалистъ едва прикоснулся къ нему, какъ уже и погубилъ!

Судите сами.

Альфредъ встаетъ рано и имѣетъ привычку потягиваться. Потягиваясь, онъ обдумываетъ свой вчерашній день и находитъ, что провелъ его не совсѣмъ хорошо. Ночью онъ ужиналъ съ Селиной и замѣтилъ, что отъ нея пахнетъ тѣми же духами, какими обыкновенно прыскается Жюль. Когда онъ спросилъ объ этомъ, то она только разсмѣялась (un petit rire или un gros rire — это безразлично). Надо, однакожъ, эту тайну раскрыть. Раскрыть такъ раскрыть, но для чего онъ будетъ раскрывать? вотъ въ чемъ вопросъ. Задавши себѣ этотъ вопросъ, Альфредъ рѣшаетъ, что затѣялъ глупость. Говоря по совѣсти, ни съ какой Селиной онъ вчера не ужиналъ, а пришелъ вечеромъ въ десять часовъ домой, съѣлъ кусочекъ грюйеру и щелкнулъ языкомъ. Уличивши себя во лжи, Альфредъ рѣшается встать. Разумѣется, сначала умывается (страница, посвященная умывальнику, и двѣ, посвященныя мылу), потомъ начинаетъ одѣваться. Денныхъ рубашекъ у него всего три: одна у прачки, другую онъ надѣвалъ вчера, третья лежитъ чистая въ комодѣ. Надо быть осторожнымъ. Разсматривая вчерашнюю рубашку, онъ замѣчаетъ порядочное пятно на самой груди. „Это, должно быть, Селина вчера за ужиномъ капнула виномъ!“ говоритъ онъ, и на этомъ первая глава кончается. Вторая глава начинается съ того, что Альфредъ припоминаетъ, что ни Селины, ни ужина, ни вина вчера не было. Стало быть, происхожденіе пятна на рубашкѣ должно быть иное. „Ба! да вѣдь я вчера купаться ходилъ! восклицаетъ Альфредъ, и приходитъ къ заключенію, что покуда онъ былъ въ водѣ, а бѣлье лежало на берегу рѣки, могла пролетѣть птица небесная и налету сдѣлать сюрпризъ. Но, придя къ этому выводу, онъ припоминаетъ, что ни вчера, да и вообще никогда не купался. Стало быть, и опять совралъ, и такъ какъ съ этимъ враньемъ надо покончить, то авторъ проводитъ черту и приступаетъ къ третьей главѣ. Въ этой новой главѣ Альфредъ все еще одѣвается. Разумѣется, описаніе одежды строго соображается съ тѣми правами состоянія, которыми пользуется герой. Ежели онъ человѣкъ салоновъ, то всякая часть его одежды блеститъ и покроемъ свидѣтельствуетъ, что въ постройкѣ ея участвовали первые мастера Парижа; если онъ un homme déclassé, то на каждой части его туалета оказывается пятно, что̀ заставляетъ его нюхать и рубашку, и жилетъ, и штаны, дабы не поразить добрыхъ знакомыхъ запахомъ благополучія. До-

пустимъ, что нашъ Альфредъ принадлежитъ къ послѣднему разряду молодыхъ людей. Онъ нюхаетъ и отчищаетъ, но дѣло у него рѣшительно не спорится. Сначала приходитъ portier, съ которымъ нужно сказать нѣсколько ненужныхъ словъ; потомъ вбѣгаетъ сосѣдка, которая проситъ одолжить коробочку спичекъ, и которой тоже нельзя не сказать нѣсколько любезностей. За тѣмъ да за сѣмъ время летитъ, и наступаетъ минута кончить третью главу. Въ четвертой главѣ Альфредъ идетъ завтракать въ кафе: тамъ его встрѣчаетъ гарсонъ (имя рекъ). Разговоръ. Гарсонъ предлагаетъ сперва одну газету, потомъ другую, третью — Альфредъ отказывается; потомъ Альфредъ начинаетъ спрашивать сперва одну газету, потомъ другую, третью — гарсонъ отвѣчаетъ, что кафе этихъ газетъ не получаетъ. Потомъ гарсонъ спрашиваетъ, почему Альфредъ такъ давно не былъ въ кафе, на что послѣдній отвѣчаетъ, что получилъ наслѣдство. Но такъ какъ онъ наслѣдства не получалъ, то спѣшитъ перемѣнить разговоръ и говоритъ, что ѣздилъ въ Москву. На этомъ четвертая глава кончается. Въ пятой главѣ Альфредъ идетъ на бульваръ. Идетъ и думаетъ: „а вѣдь у меня нѣтъ почтовой бумаги — зайду и куплю“. Но по дорогѣ ему попадается торговка съ фруктами. Сочныя груши, сочная торговка (описаніе торговкиной груди), а изъподъ грушъ выглядываетъ сочный гроздій винограда. „Экъ тебя разнесло!“ думаетъ Альфредъ, смотря не то на торговкину грудь, не то на виноградъ. Ибо и виноградъ своимъ видомъ способенъ пробуждать въ немъ вожделѣніе. Альфредъ рѣшается начать съ груши и ѣстъ ее, а тѣмъ временемъ ему садится на носъ муха. Пятой главѣ конецъ. Въ шестой главѣ онъ сгоняетъ муху, которая опять садится на то же мѣсто. Это повторяется до трехъ разъ: тогда онъ догадывается, что муху привлекаетъ сокъ груши, и онъ бросаетъ послѣднюю на мостовую. Муха улетаетъ. А между тѣмъ торговка, въ формѣ маленькихъ строчекъ, предлагаетъ ему то грушу, то персикъ, то фигу: но онъ на всякій вопросъ отвѣчаетъ односложно: „non!“ Наступаетъ седьмая глава. Альфредъ идетъ на бульваръ, забывши, что онъ хотѣлъ купить почтовой бумаги; вмѣсто того онъ вспомнилъ, что у него нѣтъ перчатокъ, и идетъ къ перчаточницѣ. У перчаточницы грудь колесомъ, а поясница — ума помраченье. Онъ вспоминаетъ, что точь-въ-точь такая же поясница у Селины, но тутъ же спохватывается, что еще утромъ было рѣшено, что онъ никакой Селины никогда

не зналъ. „Гдѣ же бы, однако, я эту поясницу видѣлъ?“ говоритъ самъ себѣ Альфредъ и, начиная всматриваться въ перчаточницу, узнаетъ въ ней свою тетку. „Ma tante! quel bonheur!“ Седьмая глава кончилась. Въ восьмой главѣ Альфредъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ. „А помните, ma tante, какъ я разъ подсмотрѣлъ васъ купающеюся въ Маріѣ?“ —Молчи, шалунъ! —грозитъ ему ma tante и требуетъ, чтобъ онъ пришелъ къ ней обѣдать. Осьмая, девятая, десятая и прочія главы посвящены описанію тетенькиной квартиры, тетенькина мужа и блюдъ, подающихся за обѣдомъ. Тетенькинъ мужъ—арабъ, который служилъ когда-то Абделькадеру, но передался Франціи, полюбилъ Парижъ и женился на тетушкѣ. У него одинъ недостатокъ: онъ кусается въ порывѣ страсти; но есть и достоинство: тетушка не имѣетъ отъ него дѣтей. Оттого-то и поясница у нея въ томъ же видѣ, въ какомъ запомнилъ ее Альфредъ, когда она купалась въ Маріѣ. Еще глава—и Альфредъ идетъ въ театръ, а оттуда — ужинать въ кафе. Тамъ онъ совершаетъ адюльтеръ, но тутъ выходитъ нѣчто въ высшей степени непостижимое. Оказывается, что адюльтеръ совершилъ не онъ, а Жюль; а онъ, Альфредъ, ни у тетушки, ни въ театрѣ, ни въ кафе не былъ... гдѣ же онъ, однако, былъ? Интересъ возбужденъ въ высшей степени. Первой части конецъ.

Далѣе я, разумѣется, не пойду, хотя романъ заключаетъ въ себѣ десять частей и въ каждой не меньше сорока главъ. Ни муха, ни торговка, ни перчаточница, ни Селина въ слѣдующихъ томахъ уже не встрѣтятся. Онѣ были нужны, потому что безъ нихъ невозможно производить строчки, а безъ строчекъ не было бы подстрочной платы. Реалистъ французскаго пошиба имѣетъ то свойство, что онъ никогда не знаетъ, что онъ сейчасъ напишетъ, а знаетъ только, что сколько посидитъ, столько и напишетъ. И никто его обуздать не можетъ; ни обуздать, ни усовѣстить, потому что онъ на всѣ усовѣщиванія отвѣтитъ: „Я не идеологъ, а реалистъ; я описываю только то, что въ жизни бываетъ. Вижу заборъ—говорю: заборъ; вижу поясницу—говорю: поясница“. И при этомъ непремѣнно облаетъ Виктора Гюго, назоветъ его старымъ шутомъ, и т. д.

Но для современнаго буржуа это мельканіе мысли совершенно по плечу. Ему любы литераторы, которые не затрудняютъ его загадками, и излагаютъ только его собственныя обыденныя дѣла. Собственно го-

воря, онъ и читаетъ единственно для того, чтобъ не прослыть неучемъ. и вотъ, на его счастье, нашелся чародѣй, который облегчилъ ему и эту задачу. Этотъ чародѣй пишетъ строки коротенькія, а главы—на манеръ водевильныхъ куплетовъ. Купитъ буржуа книжку (и цѣна ей —грошъ), принесетъ ее домой—и самъ радъ, и въ семьѣ всѣ рады. Всѣ отъ рожденія сыты и всѣмъ лестно коротенькихъ строчекъ почитать. А иногда и смѣшные эпизоды встрѣчаются. Пилъ человѣкъ пиво и залилъ новый жилетъ; или: казалось, что у перчаточницы грудь колесомъ, а по изслѣдованіи вышло — доска доской. „Вотъ наши общественные недуги!“ восклицаетъ буржуа и, обращаясь къ женѣ, прибавляетъ: „а у тебя, мой другъ, безъ обману!“

Такова вторая стадія современнаго французскаго реализма; третью представляютъ произведенія порнографіи. Разумѣется, я не буду распространяться здѣсь объ этой литературной профессіи; скажу только что хотя она довольна рьяно преслѣдуется республиканскимъ правительствомъ и хотя буржуа хвалитъ его за эту строгость, но потихоньку все-таки упивается порнографіей до пресыщенія. Особливо ежели съ картинками.

Убѣдиться въ томъ, что современный властелинъ Франціи (буржуа) — порнографъ до мозга костей, чрезвычайно легко: стоитъ только взглянуть на модные покрои женскихъ одеждъ. Въ этой области каждый день приноситъ новую обнаженность, и ежели, напримѣръ. сегодня нѣтъ ничего неяснаго подъ мышками, то завтра навѣрное такая же ясность постигнетъ какую-нибудь другую разжигающую часть женскаго бюста. Театръ, который всегда былъ гланатаемъ модъ будущаго, можетъ въ этомъ случаѣ послужить отличнѣйшимъ указателемъ тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ вивёръ-буржуа къ современной женщинѣ, какъ посительницѣ особыхъ примѣтъ, знаменующихъ полъ. Дѣйствительно, въ парижскихъ бульварныхъ театрахъ покрой женскихъ костюмовъ до такой степени приблизился къ идеѣ скульптурности, что ни одинъ гусарскій вахмистръ навѣрное не мечталъ о рейтузахъ, равносильныхъ по выразительности тѣмъ, которыя охватываютъ нижнюю часть туловища m-lle Myeris въ „Pillules du diable“. И надо видѣть, какъ буржуа, весь въ мылѣ и тяжко сопя. ловитъ глазами каждое движеніе этихъ рейтузъ!

Сами французы жалуются, что старинная французская causerie постепенно исчезаетъ. И точно: салоновъ, въ которыхъ маркиза разы-

грывала бы „проверbы“, а маркизъ, въ умѣренныхъ размѣрахъ. предавался бы фрондерству и кощунству, въ настоящее время въ Парижѣ нѣтъ и въ поминѣ. Ихъ замѣнили клубы (но не clubs, a cercles, такъ какъ по-французски club означаетъ нѣчто равносильное тому, что̀ у насъ разумѣется подъ названіемъ обществъ, составляемыхъ съ цѣлью ниспроверженія и т. д.), въ которыхъ господствуетъ игра, и cabinets particuliers, въ которыхъ господствуетъ обжорство и адюльтеръ. Да и мудрено требовать разговора отъ людей, у которыхъ нѣтъ никакихъ словъ въ запасѣ, а имѣются только непроизвольныя движенія, направляемыя съ цѣлью ниспроверженія женскихъ туалетовъ. Представить ихъ себѣ разыгрывающими проверbы — все равно, что ждать отъ бывшаго крѣпостного владыки утонченныхъ манеръ относительно дѣвки Палашки, или отъ желѣзнодорожнаго хлыща, упомянутаго мною во 2-й главѣ настоящихъ этюдовъ,—кроткаго обращенія съ дѣвицей Альфонсинкой. Все, что̀ буржуа можетъ —это, подобно послѣднему, „изуродовать“ Альфонсинку, или, въ добрую минуту, дать ей по спинѣ „разà“.

Я впрочемъ не держусь мнѣнія, чтобъ слѣдовало жалѣть о пресловутыхъ французскихъ causeries. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія онѣ сдѣлали свое дѣло, ознаменовавъ начало умственнаго возрожденія и давъ міру Вольтеровъ, Дидрò, Гольбаховъ и проч. Но какъ только „возрожденіе“ встрѣтилось съ 1789 годомъ, такъ тотчасъ же causeries утратили фрондерско-кощунственный характеръ и просто-на-просто превратились въ высшую школу наскудства. Впрочемъ и доселѣ образчики этихъ causeries отъ времени до времени появляются на сценѣ французскихъ комедій въ формѣ „proverbes“, въ которыхъ дѣвица Круазеттъ показываетъ свои наливныя плечи и поражаетъ великолѣпіемъ туалетовъ. Но, несмотря на привлекательность этихъ приманокъ, современныя „проверbы“ точно такъ же мало удовлетворили бы козёра восемнадцатаго вѣка, какъ мало удовлетворяютъ онѣ и буржуà-вивёра нашихъ временъ. Первый нашелъ бы ихъ черезъ-чуръ однообразными и не встрѣтилъ бы въ нихъ ни аттической соли, ни элемента возрожденія; второй говоритъ прямо: „вѣдь все равно развязка будетъ въ cabinet particulier, такъ изъ-за чего же ты всю эту музыку завела?“

Не объ этомъ надо жалѣть, а о томъ горѣніи мысли, которое въ теченіе слишкомъ полустолѣтія согрѣвало не только Францію, но че-

резъ ея посредство и міръ. Но пришелъ бандитъ и, не долго думая, взялъ да и погасилъ огонь мысли. Онъ ничего не страшился, ни современниковъ, ни потомковъ, и съ одинаковымъ неразумѣніемъ накладывалъ гасильникъ и на отдѣльныя человѣческія жизни, и на общее теченіе ея. Успѣхъ такого рода изверговъ—одна изъ ужаснѣйшихъ тайнъ исторіи; но разъ эта тайна прокралась въ міръ—все существующее, конкретное и отвлеченное, реальное и фантастическое—все покоряется гнету ея.

И вотъ въ результатѣ—республика безъ республиканцевъ, съ сытыми буржуа во главѣ, въ тылу и во флангахъ; съ скульптурно-обнаженными женщинами, съ порнографическою литературой, съ изобиліемъ провизіи и bijoux и съ безчисленнымъ множествомъ cabinets particuliers, въ которыхъ денно и нощно слагаются гимны адюльтеру. Конечно, все это было заведено еще при бандитѣ, но для чего понадобилось и держится доднесь? Держится упорно, несмотря на одну великую, двѣ среднихъ и одну малую революціи.

На это возражаютъ, что за республикой остается одно капитальное и неотъемлемое пріобрѣтеніе: suffrage universel. Конечно, противъ этого ничего сказать нельзя; даже у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Но, во-первыхъ, suffrage universel существовалъ и во времена бандита, и неизмѣнно отвѣчалъ: „да“, когда послѣдній этого желалъ. Во-вторыхъ, вѣдь и теперь продукты suffrage universel, засѣдающіе въ палатахъ, едва-ли многимъ отличаются отъ продуктовъ suffrage restreint, которыми щеголяли chambres introuvables временъ Карла X и Луи-Филиппа. Это тоже тайна исторіи, и, конечно, не изъ утѣшительныхъ.

И еще говорятъ, что въ послѣднее время въ Парижѣ уже начинается движеніе, имѣющее положить конецъ владычеству буржуазіи. Дѣйствительно, рабочіе кварталы, съ осуществленіемъ амнистіи, какъ будто оживились, но размѣры движенія еще такъ ничтожны, что ни цѣли его, ни темпераментъ, ни шансы на успѣхъ—ничто не выяснилось. Покуда имѣются въ виду только страшныя слова, которыя впрочемъ не производятъ особеннаго впечатлѣнія, потому что за ними не слышится той жизненности и страстности, которыя одни могутъ дать начало дѣйствительному движенію.

P.-S. Въ ту самую минуту, когда я дописываю настоящія строки, со стѣнъ петронавловской крѣпости раздается пушечная пальба, возвѣщающая, что Галлы изгнаны. Но какъ, однакожъ, это давно было!

25-го декабря, 1880 года.

Глава V.

Въ предыдущей главѣ я говорилъ, что въ Парижѣ и одинокому человѣку, безъ связей и знакомствъ, трудно пронасть со скуки. Но, разумѣется, въ подходящей компаніи еще веселѣе. Хорошо и одному пообѣдать у Биньона или у Маньи, но вдвоемъ, втроемъ проштудировать приличествующій обѣденный menu—куда лучше.

Въ особенности слаще ѣстся и пьется, живѣе чувствуются всякія скульптурности—въ обществѣ соотечественниковъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Никто такъ благовременно не щелкаетъ языкомъ, никто такъ цѣлесообразно не посмотритъ на свѣтъ сквозь вино, такъ умно не вздохнетъ поздрями, такъ сладостно не зажмуритъ глаза, такъ вкусно не захлебнется собственною слюною, какъ соотечественникъ. Обжоры и gourmets всѣхъ странъ и національностей продѣлываютъ всѣ эти движенія; но только соотечественникъ выполнитъ это такъ, что у земляка все нутро взыграетъ. Все тутъ скажется: и писаная исторія, и устныя преданія, и педагогическія особенности, и институтъ урядниковъ, и внутренняя политика, и „Не бѣлы снѣги“... Да, *Не бѣлы снѣги*, и даже по преимуществу. Ѣдите вы sôle au vin blanc, а въ ушахъ раздается „колокольчикъ, даръ Валдая“, а въ глазахъ стелется безконечная снѣговая степь. И въ довершеніе, средь захлебываній, вдыханій и щелканій, вдругъ вырвется слово... ахъ, какое слово! Клянусь, оригинальнѣе этой приправы представить себѣ ничего нельзя!

Съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, вынесенными изъ „Pilules du diable“? на чьей груди излить тревогу чувствъ, взволнованныхъ чтеніемъ послѣдняго нумера „Avènement parisien“? кому разсказать: „вотъ, батюшка, я давеча въ musée Cluny инструментикъ, придуманный средневѣковыми рыцарями для охраненія супружеской вѣрности, видѣлъ—вотъ такъ штука!“ Разумѣется, все ему, все соотечественнику. Кто, кромѣ соотечественника, приметъ къ сердцу эти

впечатлѣнія, тревоги и разсказы? Кто, какъ не онъ, ощутитъ именно *то*, что вы сами ощущаете? Кто сдѣлаетъ именно *такую* оцѣнку, какую вы сами дѣлаете?

А потомъ и еще: формы правленія, внѣшняя и внутренняя политики, начальство, военныя и морскія силы, религія, Богъ—съ кѣмъ обо всемъ этомъ по душѣ поговорить? Кто, кромѣ соотечественника, пойметъ тѣ образныя уподобленія, тѣ внезапные переходы и умозаключенія, которые могутъ быть объяснены только интимнымъ міросозерцаніемъ, свойственнымъ той или другой національности? Кто съ бо́льшею выпуклостью, такъ сказать—при помощи собственныхъ боковъ, пуститъ въ ходъ сравнительный методъ, который въ дѣлѣ оцѣнки формъ общежитія представляетъ самое вѣское и убѣдительное доказательство?

Словомъ сказать, въ обществѣ соотечественника всякое ощущеніе пріобрѣтаетъ двойную и тройную цѣну, всякое удовольствіе возвышается до степени наслажденія.

Но ежели высказанныя сейчасъ замѣчанія вѣрны относительно скитальцевъ вообще, то относительно русскихъ скитальцевъ изъ породы культурныхъ людей они представляютъ сугубо-непреложную истину. Попробую объяснить здѣсь причины, обусловливающія это явленіе.

Во-первыхъ, въ цѣломъ мірѣ не найдется людей столь сообщительныхъ, какъ русскіе. Ошибочно утверждаютъ, будто бы на родинѣ намъ предоставлено молчать. Совсѣмъ напротивъ. Молчаніе считается у насъ равносильнымъ угрюмости, угрюмость же—равносильною злоумышленію; стало быть, ни для кого нѣтъ разсчета добиваться отъ насъ молчанія и торжествовать по его поводу. Не молчать предоставляется намъ, а только говорить пустяки—вотъ въ чемъ состоитъ наша внутренняя политика. Что же касается до того, будто бы легкость, съ которою мы по самому ничтожному поводу призываемся къ отвѣту, заставляетъ насъ быть осторожными, то и это справедливо лишь отчасти. Несомнѣнно, что вся наша жизнь есть всеминутное предъявленіе чувствъ и помышленій на зависящее распоряженіе; несомнѣнно также, что въ оцѣнкѣ этихъ чувствъ и помышленій принимаютъ участіе даже урядники, что̀ придаетъ оцѣнкѣ черезъ-чуръ ужъ общественный характеръ. Но перспектива всеминутнаго отвѣчанія отнюдь не вызываетъ въ насъ чувства отвѣтственности, а только по-

гружаетъ въ массу отупѣнія и опалѣлости. Ибо отвѣтственность, низведенная до урядника, точно такъ же равняется безотвѣтственности, какъ необезпеченность, доведенная до лебеды, равняется обезпеченности.

Конечно, все это сообщаетъ нашему существованію довольно острый характеръ случайности, но нимало не обуздываетъ нашей сообщительности. И это вполнѣ объяснимо. Когда человѣкъ, занося ногу, чтобъ сдѣлать шагъ впередъ, заранѣе знаетъ, что эта нога станетъ на твердомъ мѣстѣ, а не попадетъ въ дыру и не увлечетъ туда своего обладателя, то для воображенія его не представляется никакой роли. Напротивъ, ежели человѣкъ не знаетъ, что̀ именно означаетъ разстилающаяся передъ нимъ мурава, то воображеніе его естественнымъ образомъ раздражается. Съ одной стороны, его обуреваетъ страхъ быть поглощеннымъ бездною, съ другой—ласкаетъ надежда какъ-нибудь обойти ее. Развѣ возможно оставить эти чувства нераздѣльными? Но, кромѣ того, вѣчно живя подъ страхомъ провалиться сквозь землю, развѣ можно удержаться, чтобъ не пожаловаться! Да, наконецъ, вѣдь опо и смѣшно. И въ другихъ странахъ существуютъ чины, подобные урядникамъ, однако никто объ нихъ не думаетъ, а у насъ, поди, какой переполохъ они произвели! какъ же не изложить всенародно, въ шутливомъ русскомъ тонѣ, ту массу пустяковъ, которую вызвала эта напика въ сердцахъ нашихъ?

Во-вторыхъ, вся жизнь русскаго „скитальца“ есть сплошной досугъ, который могъ бы развиться въ безграничную тоску, еслибъ не принималось мѣръ къ его наполненію. Праздность приводитъ за собою боязнь одиночества, потому что послѣднее возбуждаетъ работу мысли, которая, въ свою очередь, вызываетъ наружу очень горькія и, вдобавокъ, вполнѣ безплодныя разоблаченія. Въ ряду этихъ разоблаченій особенно яркую роль играетъ сознаніе, что у него, скитальца, ни дома, ни на чужбинѣ, словомъ сказать, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ни личнаго, ни общественнаго дѣла. Такія разоблаченія могутъ измучить, и хотя я не говорю, чтобъ на всѣхъ одинаково лежала печать подобныхъ нравственныхъ страданій, но думаю, что въ скрытомъ видѣ даже въ отъявленномъ шалопаѣ отъ времени до времени шевелится смутное ощущеніе неклейности и безцѣльности жизни. Поэтому, чтобъ избавиться отъ гнетущаго гнета, необходимо прежде всего уйти отъ одиночества и устроить существованіе такимъ обра-

зомъ, чтобъ досугъ былъ какъ можно больше раздѣленъ. Дома это достигается довольно легко съ помощью игры въ винтъ, юридическихъ рефератовъ о силѣ земской давности, блудныхъ разговоровъ объ увѣчаніи зданія и т. д., но за границей—труднѣе. Западный человѣкъ сознаетъ за собой личное и общественное дѣло, такъ что у него совсѣмъ нѣтъ времени для собесѣдовательнаго празднословія. Разумѣется, человѣкъ со средствами и тутъ можетъ вывернуться, т.-е. нанять собесѣдника, который ни на минуту не дастъ ему опомниться. Однакожъ и это дѣло рискованное, во-первыхъ, потому, что наемникъ навѣрное будетъ лгать, во-вторыхъ, потому, что онъ сверхъ того можетъ и обокрасть. Поди потомъ судись съ нимъ въ police correctionnelle!

Русскіе знаютъ это, и потому всегда находятся въ поискахъ за соотечественниками. Этимъ объясняется и легкость, съ которою русскіе сходятся между собою за границей, и тѣ укоры, которые они впослѣдствіи адресуютъ самимъ себѣ по поводу своихъ заграничныхъ связей. „И мнѣ нечего дѣлать, и тебѣ нечего дѣлать“—вотъ первое основаніе для сближенія. Затѣмъ слѣдуютъ проекты о томъ, какъ ловчѣе вмѣстѣ убивать безполезное время, переходя отъ Вриньона къ Вуазену, отъ Вуазена къ Вашетту и такъ далѣе безъ конца. И начнется у нихъ тутъ цѣлодневное метаніе изъ улицы въ улицу, съ бульвара на бульваръ, и потянется тотъ неясный замоскворѣцкій разговоръ, въ которомъ ни одно слово не произносится въ прямомъ смыслѣ и ни одна мысль не можетъ быть усвоена безъ помощи образа...

Въ-третьихъ, никто такъ не любитъ сквернословить—и именно въ ущербъ родному начальству—какъ русскій культурный человѣкъ. Западный человѣкъ рѣшительно не понимаетъ этой потребности. Онъ можетъ сознавать, что въ его отечествѣ дѣла идутъ неудовлетворительно, но въ то же время понимаетъ, что эта неудовлетворительность устраняется не сквернословіемъ, а прямымъ возраженіемъ, на которое уполномочиваетъ его и законъ. Мы, русскіе, никакихъ уполномочій не имѣемъ, и потому замѣняемъ ихъ сквернословіемъ. Въ какой мѣрѣ наша критическая система полезнѣе западной—этого я разбирать не буду, но могу сказать одно: ничего изъ нашего сквернословія никогда не выходило. Мы сквернословны, но отходчивы. Иногда такое слово въ догонку пустимъ, которое цѣлый эскадронъ съ ногъ сшибетъ, и тутъ же сряду шутки шутить начнемъ. Начальство

знать это — и снисходитъ. Да и нельзя не снизойти, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, всѣхъ бы насъ на каторгу пришлось сослать, и тогда некому было бы объявлять предписанія, некого было бы, за невыполненіе тѣхъ предписаній, усмирять. Во всякомъ случаѣ, и по части сквернословія у русскаго человѣка собесѣдникомъ можетъ быть только такой же, русскій же человѣкъ. Вотъ почему съ такою чуткостью русскіе слѣдятъ за всякимъ словомъ, сказаннымъ по-русски на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ.

— Такъ вы русскій? да вы слышали ли, у насъ-то что дѣлается? нѣтъ, вы послушайте...

Въ-четвертыхъ, никто такъ страстно не любитъ своей родины, какъ русскій человѣкъ. Послѣ того, что сейчасъ высказано мною по поводу сквернословія, можетъ показаться странною эта ссылка на любовь къ родинѣ, но въ дѣйствительности она не подлежитъ сомнѣнію. Разумѣется, я не говорю здѣсь о графѣ Твэрдоонто, который едва-ли даже понимаетъ значеніе слова: „родина“, но средній русскій „скиталецъ“ не только страстно любитъ Россію, а положительно носитъ ее съ собою вездѣ, куда бы ни забросила его капризомъ судьба. Вездѣ онъ чувствуетъ себя въ какомъ-то необычномъ положеніи; вездѣ онъ недоумѣваетъ, куда жъ это ежовыя-то рукавицы дѣвались? и вездѣ у него сердце болитъ. Болитъ не потому, чтобъ ежовыя рукавицы оставили въ его умѣ неизгладимо-благодарныя воспоминанія, а потому, что вслѣдъ за вопросомъ о томъ, куда дѣвались эти рукавицы, въ его умѣ возникаетъ и другой вопросъ: да полно, нужны ли онѣ? Ахъ, бѣдные, бѣдные!

И вдругъ какая-то колючая жалость такъ и хлынетъ во всѣ фибры существа. Именно бѣдные! Вездѣ мальчикъ въ штанахъ, а у насъ безъ штановъ; вездѣ изобиліе, а у насъ — не бѣлы снѣги; вездѣ резонъ, а у насъ — фюить! Вездѣ люди настоящія слова говорятъ, а мы и поднесь на эзоповскихъ притчахъ сидимъ; вездѣ люди заправскою жизнью живутъ, а у насъ приспособляются. А потомъ и то еще приходитъ на умъ: Россія страна земледѣльческая и ужъ какъ-то черезъ-чуръ континентальная. Растянулась она неуклюже, натуральныхъ границъ не имѣетъ, рѣкъ мало, да и тѣ текутъ въ какія-то сомнительныя моря. Ахъ, бѣдные, бѣдные!

Всегда эта страна представляла собой грудь, о которую разбивались удары исторіи. Вынесла она и удѣльную поножовщину, и та-

тарщину, и московскіе идеалы государственности, и петербургское просвѣтительное озорство и закрѣпощеніе. Все выстрадала и за всѣмъ тѣмъ осталась загадочною, не выработавъ самостоятельныхъ формъ общежитія. А между тѣмъ самый поверхностный взглядъ на карту удостовѣряетъ, что безъ этихъ формъ въ будущемъ предстоитъ только мучительное умираніе...

. . . . . .

Въ качествѣ русскаго, я поступаю совершенно такъ, какъ и всѣ русскіе. То-есть, пріѣзжая даже въ Парижъ, имѣю въ виду главное: какъ можно скорѣе сойтись съ соотечественниками. И до сихъ поръ это мнѣ удавалось. Во-первыхъ, потому, что я посѣщалъ Парижъ весною и осенью, когда туда наѣзжаетъ непроглядная масса русскихъ, и, во-вторыхъ, потому, что я всегда устраивался наиденіевѣйшимъ способомъ: или въ maison meublée, или въ такомъ отельчикѣ, противъ котораго у Бедекера звѣздочки нѣтъ. Пріѣдешь и вступишь съ хозяйкою („хозяинъ“ въ такого рода заведеніяхъ предпочитаетъ сибаритствовать (ежели онъ „Альфонсъ“), или живетъ подъ башмакомъ и ведетъ книги) въ переговоры:

— Есть у васъ русскіе?

— Oh! monsieur! mais la maison en est remplie! Il y a le prince et la princesse de Blingloff au premier, m-r de Blagouine, négociant, au troisième, m-r de Stroumsisloff, professeur, au quatrième. De manière que si vous vous installez dans l'appartement du deuxième, vous serez juste au centre.

Таковъ былъ прошлою осенью составъ русской колоніи въ одномъ изъ maisons meublées, въ окрестностяхъ place de la Madeleine. Впослѣдствіи оказалось, что le prince de Blingloff—петербургскій адвокатъ Болиголова; la princesse de Blingloff—Марья Петровна отъ Пяти Угловъ; m-r Blagouine—краснохолмскій купецъ Блохинъ, торгующій яичнымъ товаромъ; m-r Stroumsisloff — старшій учитель латинскаго языка навозненской гимназіи Старосмысловъ, бѣжавшій въ Парижъ отъ лица помадура Нафнутьева.

Конечно, я ни минуты не колебался и черезъ полчаса уже распоряжался въ предоставленныхъ мнѣ двухъ комнатахъ. За то можете себѣ представить, какъ взыграло мое сердце, когда, черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, выйдя на площадку лѣстницы, я услышалъ родные звуки:

Голосъ съ верху. Матрена Ивановна! ползешь, что-ли?

Голосъ со дна. Ахъ, ужъ такъ-то я нынче взопрѣла! такъ взопрѣла, что, кажется, хоть выжми!

Голосъ Матрены Ивановны вдругъ осѣкся: она поравнялась со вторымъ этажемъ и замѣтила меня.

— Русскіе? —обратилась она ко мнѣ.

— Русскій-съ.

— Ну, вотъ. А я-то расиѣлась! Не взыщите ужъ, сдѣлайте милость! Все думается: французъ кругомъ, не понимаетъ по нашему. Анъ русскій.

— Матрена Ивановна! Машина готова! — раздалось опять сверху.

— Чайку попить собрались!—добродушно пояснила она мнѣ, взбираясь наверхъ.

„Чайку попить!“ — такъ все нутро и загорѣлось во мнѣ! Съ калачикомъ! да потомъ щецъ бы горяченькихъ, да съ пирожкомъ подовенькимъ! Словомъ сказать, благодаря напливу родныхъ воспоминаній, дня черезъ два я былъ уже знакомъ и съ третьимъ, и съ четвертымъ этажами.

Не дождался ни рекомендаціи, ни случая—просто пошелъ и отрекомендовалъ самъ себя. Прежде всего направился къ Старосмыслову. Стучу въ дверь — нѣтъ отвѣта. А между тѣмъ за дверью слышатся осторожные шаги, тихій шопотъ. Стучусь еще.

— Захаръ Иванычъ! вы?

— Нѣтъ, не Захаръ Иванычъ.

Голосъ смолкъ; послышался шорохъ удаляющихся шаговъ; затѣмъ опять ходьба, шуршанье бумагами. Наконецъ дверь отворилась, и въ ней показался блѣдный и отощалый человѣкъ съ встревоженнымъ лицомъ. Въ боковыхъ дверяхъ, ведущихъ въ сосѣднюю комнату, мелькнулъ конецъ удаляющагося чернаго платья.

Я назвалъ себя.

— А! ну, вотъ... вчера, что-ли, пріѣхали? — бормоталъ онъ сконфуженно: — а я было... ну, очень радъ! очень радъ! Садитесь, садитесь! что, какъ у насъ... въ Россіи? Цвѣтетъ и благоухаетъ... а? Объ господинѣ Пафнутьевѣ не знаете ли чего?

Онъ торопливо жалъ мою руку и, казалось, съ большимъ трудомъ успокоивался.

— Слыхать-то слыхалъ, да что вамъ вдругъ Нафнутьевъ на умъ пришелъ?

— Нафнутьевъ-то! ахъ! да вы знаете ли, что я чуть-было одно время съ ума отъ него не сошелъ!.. Представьте себѣ: въ Пинегу-съ! Каково вамъ это покажется... Въ Пинегу-съ!

— Конечно, въ Пинегу... еще бы! Но здѣсь-то, въ Парижѣ можно бы, кажется, и позабыть объ господинѣ Нафнутьевѣ.

— Здѣсь-то-съ? а вы знаете ли, что̀ такое... *здѣсь? Здѣсь!!* Стоитъ только шепнуть: вотъ, молъ, русскій нигилистъ — сейчасъ это менотки на руки, арестантскій вагонъ, и маршъ на востокъ, въ deutsch Avricourt! Это... *здѣсь*-съ! А въ deutsch Avricourt'ѣ другія менотки, другой вагонъ, и маршъ... въ Вержболово! Вотъ оно... *здѣсь*! Только у нихъ это не экстрадиціей называется, а экспульсированіемъ... Для собственныхъ, молъ, потребностей единой и нераздѣльной французской республики!

— Послушайте, однакожъ! Вы что-то такое странное говорите. Я полагаю, что Гамбетта...

— Гамбетта-съ! Да вѣдь это, батюшка, тоже въ своемъ родѣ Нафнутьевъ! Сдѣлайте милость! Назначь-ко его у насъ исправникомъ—онъ вамъ покажетъ, гдѣ раки зимуютъ... да!

— А я такъ, напротивъ, думаю, что онъ былъ бы отличнымъ исправникомъ. И совсѣмъ не въ смыслѣ показыванія раковъ, а именно въ качествѣ умнаго и просвѣщеннаго исполнителя предначертаній. У него бы эти революціи... да-съ, господа! аттѐндe-съ! Онъ самъ былъ онымъ! Онъ и входы, и проходы, и выходы — все самолично проникъ! Не знаю, каковъ изъ него выйдетъ президентъ республики, но исправникъ... Вотъ нашъ соломенскій исправникъ Колпаковъ, тотъ, какъ исправникъ, никуда не годится,—помилуйте, весь уѣздъ распустилъ! — а какъ президентъ республики вѣроятно былъ бы неоцѣнимъ!

— Ну, что̀ ужъ! Нѣтъ, вы только представьте себѣ... въ Пинегу!! Есть такой городъ? а?

Онъ даже закружился отъ боли при этомъ воспоминаніи.

— Это все Екатерина II!—крикнулъ онъ почти восторженно. — Она этихъ городовъ понастроила... для господъ Нафнутьевыхъ!

— Да, но вѣроятно она не имѣла въ виду, что ея мѣропріятія послужатъ на пользу только для господъ Нафнутьевыхъ...

— Не имѣла въ виду! развѣ это резонъ! У насъ, батюшка, все нужно имѣть въ виду! И все на самый худой конецъ! Нѣтъ, да вы, сдѣлайте милость, представьте себѣ... вѣдь подорожная была ужъ готова... въ Пинегу!! Вѣдь въ этой Пинегѣ, сказываютъ, даже сёмга не живетъ!

— Сёмга—это въ Мезени.

— Но какое разнузданное и отчасти и распутное воображеніе нужно имѣть, чтобъ выбрать... Пинегу!

— Дѣйствительно... Говорятъ, правда, будто бы и еще хуже бываетъ, но въ своемъ родѣ и Пинега... Знаете ли что? вотъ мы теперь въ Парижѣ благодушествуемъ, а какъ вспомню я объ этихъ Пинегахъ да Колахъ—такъ меня и начнетъ всего колотить! Помилуйте! какъ тутъ на Венеру Милосскую смотрѣть, когда передъ глазами мечется Верхоянскъ... понимаете... Верхоянскъ?! А впрочемъ что-жъ я! Говорю, а главнаго-то и не знаю: за что жъ это васъ?

— Вотъ-вотъ-вотъ. Былъ я, какъ вамъ извѣстно, старшимъ учителемъ латинскаго языка въ гимназіи—и вдругъ это наболѣло во мнѣ... Все страсти да страсти видишь... Одинъ пропалъ, другой исчезъ... Начитался, знаете, Тацита, да и задалъ дѣтямъ, для перевода съ русскаго на латинскій, періодъ: „Время, нами переживаемое, столь безполезно жестоко, что потомки съ трудомъ повѣрятъ существованію такой человѣческой расы, которая могла оное переносить!“

— Ахъ!—невольно вырвалось у меня.

— Да? Ну, и прекрасно... Дѣйствительно, я... ну, допустимъ! Согласитесь однакожъ, что можно было придумать и другое что-нибудь... Ну, пригрозить, обругать, что-ли... А то: Пинега!! Да еще съ прибаутками: „морошку собирать, тюленей ловить“... а? И это ад-ми-ни-стра-торы!! Да ежели вамъ интересно, такъ я ужъ лучше все по порядку разскажу!

Но въ эту минуту дверь сосѣдней комнаты отворилась и оттуда появилась m-me Старосмыслова. Это была маленькая особа, очень живая и дѣлавшая надъ собою видимыя усилія, чтобъ показать, что она не раздѣляетъ умныій своего мужа. Наружность она имѣла не особенно выдающуюся, но симпатичную, свидѣтельствующую о подвижной и дѣятельной натурѣ. Словомъ сказать, при взглядѣ на

Старосмыслова и его подругу, какъ-то невольно приходило на умъ: вотъ человѣкъ, который жилъ да поживалъ подъ сѣнію Кронебергова лексикона, начиненный Евтропіемъ и баснями Федра, какъ вдругъ въ его жизнь, въ видѣ маленькой женщины, втерлось какое-то неугомонное начало и принялось выбрасывать за бортъ одну басню за другой. Тутъ-то вотъ и сочинился самъ собой періодъ отъ словъ: „время, которое мы переживаемъ“, до словъ: оное переносить“, включительно. А изъ періода, въ видѣ естественнаго привѣса, явилась—Пинега!!

— Ѳедоръ Сергѣичъ вѣроятно вамъ на судьбу жалуется?—обратилась она ко мнѣ послѣ взаимныхъ представленій:—и охота, право! Забыть надо, а онъ себя все пуще да пуще раздражаетъ. Кончилось вѣдь!

— Кончилось ли оно—это еще бабушка на-двое сказала! да и не въ этомъ дѣло: фактъ-то, фактъ-то какой! Фраза... ну, положимъ, пустая! ну, вредная, что-ли! Но какимъ же образомъ изъ фразы вдругъ выскочила... Пинега?!—оправдывался Старосмысловъ.

— Но вѣдь мы не въ Пинегѣ, а въ Парижѣ!

— Позвольте, Капитолина Егоровна,—вступился я:—вашъ мужъ началъ разсказывать... Конечно, Пинега, сама по себѣ взятая, есть лишь административный терминъ, настолько вошедшій въ нашъ административный обиходъ, что немногіе администраторы въ состояніи понять всю жестокость его. Я лично зналъ на своемъ вѣку одного администратора, который въ полюсы не вѣрилъ, и для котораго поэтому всѣ города были равны. Вотъ онъ и говоритъ, бывало: ты ступай въ Пинегу, ты—въ Пустозерскъ, а ты—въ Верхоянскъ! Но Пинега, превратившаяся въ Парижъ—это что-то ужъ чрезвычайное! Ѳедоръ Сергѣичъ! объясните, сдѣлайте милость!

— Да-съ, такъ вотъ сидимъ мы однажды съ дѣточками въ классѣ и переводимъ: „время, нами переживаемое“... И вдругъ—инспекторъ-съ. Посидѣлъ, послушалъ. А я вотъ этой случайности-то и не предвидѣлъ-съ. Только прихожу послѣ урока домой, сѣлъ обѣдать—смотрю: пакетъ! Пожалуйте! Являюсь. „Вы въ Пинегѣ бывали?“—Не бывалъ-съ. „Такъ вотъ познакомьтесь“ Я было туда-сюда:—За что? „Такъ вы не знаете? Это мнѣ нравится! Онъ... не знаетъ? Стыдитесь, сударь! не увеличивайте вашей вины нераскаянностью!“

Старосмысловъ остановился и смотрѣлъ на меня въ упоръ, тяжело дыша.

— Понимаете... точно сонъ! — вымолвилъ онъ задавленнымъ голосомъ.

— Ахъ, голубчикъ! ты видишь, какъ это волнуетъ тебя!—съ участіемъ вступилась Капитолина Егоровна:—лучше бы ужъ ты мнѣ предоставилъ разсказать!

— Нѣтъ, это только я могу разсказать... я! Кто самъ испыталъ это впечатлѣніе, только тотъ и можетъ его передать!

Послѣдовало нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

— Но какъ же вы вмѣсто Пинеги въ Парижѣ очутились?—продолжалъ настаивать я.

— И опять словно во снѣ. Ужъ совсѣмъ-было ѣхать въ Пинегу собрался, да вдругъ случайно... вотъ она напомнила, что лѣтъ пять тому назадъ давалъ я уроки сыну одного власть имѣющаго лица. Ну, думаю: послѣднее средство... Посылаю телеграмму-съ... Смотрю, на другой день —тихо, на третій—опять тихо. А черезъ недѣлю вызываетъ меня ужъ мой собственный начальникъ: „Знаете ли вы, говоритъ, правило: *Tolle me, mu, mi, mis, si declinare domus vis!..*“ —Знаю, ваше превосходительство! „Такъ вотъ, говоритъ, намъ необходимо удостовѣриться, вездѣ ли въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ это правило въ такой же силѣ соблюдается, какъ у насъ... Извольте получить паспортъ!

Старосмысловъ опять остановился, какъ бы вопрошая, какъ я объ этомъ полагаю. Но разсказъ этотъ до того спуталъ всѣ мои разсчеты, что я долгое время ровно ничего не могъ полагать. И вдругъ у меня въ головѣ сверкнула мысль:

— А прогоны и порціонныя вамъ выдали?

Старосмысловъ недоумѣло взглянулъ на меня: очевидно, онъ никакъ этого вопроса не ожидалъ.

— Ну... что ужъ!—какъ-то уныло отозвался онъ. Однако я подмѣтилъ, что въ самой унылости его уже блеснула какъ бы надежда.

— Нѣтъ, вы этого не говорите!—ободрилъ я его:—я согласенъ, что разсказъ вашъ походитъ на сновидѣніе, но, съ другой стороны, какое же русское сновидѣніе обходится безъ прогоновъ и порціоновъ?

— Такъ-то такъ...

Старосмысловъ задумался и вдругъ—хихикнулъ! Разумѣется, я воспользовался этимъ поворотомъ, чтобъ еще болѣе утвердить его на этомъ пути.

— Нѣтъ, Ѳедоръ Сергѣичъ! вы этого не оставляйте! вы подумайте объ этомъ!—повторилъ я.

— А что ты думаешь, Каночка!—отозвался онъ уже весело:—вѣдь это въ своемъ родѣ...

Капитолина Егоровна только потихоньку засмѣялась въ отвѣтъ. Она не рѣшилась прямо открыться, но мое предположеніе очевидно разогрѣло и ее.

— По моему мнѣнію, и откладывать нечего,—настаивалъ я:—самое лучшее, сейчасъ же берите листъ бумаги и пишите: „Просить... а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты... *Первое:* былъ, дескать, я тогда-то командированъ съ ученою цѣлью, но распоряженія объ отпускѣ прогонныхъ денегъ, по упущенію, не сдѣлано. *Второе:* а такъ какъ, молъ, для вящаго успѣха возложеннаго на меня порученія“... Вотъ только порученіе-то какое-то странное на васъ возложили! *Tolle te, tu, ti, tis*... согласитесь, что это даже для сновидѣнія нѣсколько рискованно!.. Вотъ еслибъ вамъ поручили изучить и описать мундиры, присвоенные учителямъ латинскаго языка, или, напримѣръ, собственными глазами удостовѣриться, къ какому классу эти учителя причислены по должности и по пенсіи... и при томъ въ цѣломъ мірѣ! А то подумайте: *Tolle te, tu, ti, tis*—на что похоже! И какъ это вы въ ту пору не догадались!

— Помилуйте! до догадокъ ли мнѣ было! я, какъ опалѣлый, бѣгалъ, денегъ искалъ...

— Ну, такъ вы вотъ что сдѣлайте. Напишите все по пунктамъ, какъ я вамъ сказалъ, да и присовокупите, что, кромѣ возложеннаго на васъ порученія, надѣетесь еще то-то и то-то выполнить. Это, дескать, ужъ въ знакъ признательности. А въ заключеніе: „и дабы повелѣно было сіе мое прошеніе“...

— И вы полагаете, дадутъ?

— Не только полагаю, но совершенно утвердительно говорю: не могутъ не дать. Вотъ еслибъ вы, при вручніи паспорта, попросили—ну, тогда, можетъ быть, вамъ сказали бы: въ такомъ случаѣ не угодно ли вамъ получить подорожную въ Пинегу? Но теперь...

теперь, батюшка, ваше дѣло вѣрное! Человѣкъ вы легальный и командированы на законномъ основаніи; а коль скоро все произошло на законномъ основаніи, слѣдовательно вы имѣете право воспользоваться и всѣми естественными послѣдствіями этой законности. Вы уже теперь даже не Старосмысловъ, а просто Х., безъ выдачи прогонныхъ денегъ которому дѣло въ архивъ сдать нельзя.

— А что вы думаете! вѣдь и въ самомъ дѣлѣ!

— До такой степени „въ самомъ дѣлѣ“, что даже въ эту самую минуту, я убѣжденъ, самъ столоначальникъ, у котораго ваше дѣло въ производствѣ, тоскуетъ о томъ, какую бы формулу придумать, чтобъ вамъ прогоны всучить! А тутъ вы какъ разъ съ прошеніемъ: вотъ онъ я! Капитолина Егоровна! да поддержите же вы меня!

— Что-жъ, попробуй, мой другъ!—томно отозвалась Капитолина Егоровна.

Такъ мы и сдѣлали. Вмѣстѣ сочинили прошеніе, которое онъ зарукоприкладствовалъ и сейчасъ же отправилъ съ надписью: recommandé. Признаюсь, я съ особенной любовью настаивалъ, чтобъ прошеніе было по пунктамъ и написано, и зарукоприкладствовано. Помилуйте! одно то чего стоитъ: сидятъ люди въ Парижѣ и по пунктамъ прошеніе сочиняютъ! Чрезвычайность этого положенія до такой степени взволновала меня, что я совсѣмъ забылся и воскликнулъ:

— Ну, а теперь возьмите малую толику подмазочки — и айда въ земскій судъ прошеніе подавать!

Разумѣется, всѣ, а въ томъ числѣ и я первый разсмѣялись моей разсѣянности. Но я былъ и тому ужъ радъ, что мнѣ удалось хоть на минутку расцвѣтить улыбкой лицо этого испуганнаго человѣка.

Отъ Старосмысловыхъ я отправился къ Блохинымъ и встрѣтилъ совсѣмъ другого сорта людей. Передо мной предсталъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ тридцати, красивый, крѣпко сложенный, съ румянымъ лицомъ и пушистою свѣтлою бородой. Словомъ сказать, во всѣхъ статьяхъ „добрый русскій молодецъ“. Подстать ему была и жена его, Зоя Филипьевна, женщина рослая, сложенная на манеръ Венеры Милосской, съ русскимъ круглымъ и смугло-румянымъ лицомъ, на которомъ алѣли пунцовыя губы и нѣсколько черезъ-чуръ пристально выглядывали изъ-подъ соболиныхъ бровей сѣрые выпученные глаза. Съ ними же была

и старшая сестра Блохина, пожилая дѣвица, сырой комплекціи (въ формѣ среднихъ размѣровъ кулебяки), одержимая легкимъ удушьемъ, но замѣчательно добродушная, общительная и повадливая. Вообще при взглядѣ на эту семью думалось: вотъ-вотъ они сейчасъ схватятся руками и начнутъ пѣсни играть. Сперва запоютъ: *Какъ по морю да по хвалынскому, да выплывала лебедь бѣлая;* потомъ начнутъ: *Во полѣ березынька стоя-а-ла;* потомъ и еще запоютъ, и будутъ не переставаючи пѣть вплоть до заутрень. И спляшутъ при этомъ: она пройдетъ сѣрой утицей, онъ—сизымъ селезнемъ. Но какъ и зачѣмъ они попали въ Парижъ?—это была загадка, которую они и сами врядъ-ли могли объяснить. Во всякомъ случаѣ они адски скучали въ разлукѣ съ Краснымъ-Холмомъ.

— Главная причина, языка у насъ нѣтъ,—сразу пожаловался мнѣ Блохинъ:—ни мы не понимаемъ, ни насъ не понимаютъ. Надо было еще въ Красномъ-Холму это разсудить, а мы думали: Богъ милостивъ! Вотъ жена хоть и на пальцахъ разговариваетъ, однако, видно, бабамъ Богъ особенное дарованіе насчетъ тряпья далъ—понимаютъ ее. Придетъ это въ магазинъ, сейчасъ гарсонъ встрѣчу: „мадамъ!“ Понравится ей вещь—она ему палецъ покажетъ, а онъ ей въ отвѣтъ—два пальца. Потомъ она полъ-пальца прибавитъ, а онъ четъ-пальца отбавитъ: будьте, значитъ, знакомы! Смотришь—и снюхались. Ишь ворохъ натаскала!

Я оглядѣлся кругомъ и дѣйствительно изумился. Вся комната была буквально загромождена картонками, тючками, платьями, мантильями и прочимъ женскимъ хламомъ. Только и было свободнаго мѣста, гдѣ мы сидѣли.

— Кабы не Капитолина Егоровна съ Ѳедоромъ Сергѣичемъ—и голодомъ, пожалуй, насидѣлись бы! — въ свою очередь пожаловалась Матрена Ивановна.

— Да и съ Ѳедоръ-Сергѣичемъ нелады вышли. Мы-то, знаете, въ Парижъ въ надеждѣ ѣхали. Наговорили намъ, въ Красномъ-то-Холму: и дендо, и пердро, и тюрбо. Аппетитъ-то, значитъ, и вышлифовался. А Ѳедору Сергѣичу въ хорошій-то трактиръ идти не по карману—онъ насъ по кухмистерскимъ и водитъ. Только ужъ и ѣда въ этихъ кухмистерскихъ... чистый адъ!

— А попробовали разъ сами собой въ трактиръ зайти, стали

кушанье-то заказывать, а онъ, этотъ... гарсонъ, что-ли, только глаза таращитъ!

— Да еще что̀ вышло! Подслушалъ этта нашъ разговоръ господинъ одинъ изъ русскихъ и заступился за насъ, заказалъ. А послѣ обѣда и подсѣлъ къ намъ: „не можете ли вы, говоритъ, мнѣ на короткое время взаймы дать?“ Ну, нечего дѣлать, вынулъ пятифранковикъ, одолжилъ.

— Да вы бы въ русскій ресторанъ сходили?

— Были-съ. Помилуйте — битокъ! Затѣмъ ли мы изъ Краснаго-Холма сюда ѣхали, чтобъ битки здѣшніе ѣсть?

— Ни въ театръ, ни на гулянье, ни на рѣдкости здѣшніе посмотрѣть! Сидимъ день-деньской дома да въ окошки смотримъ!— вступилась Зоя Филиппьевна; — только вотъ къ обѣднѣ два раза сходили, такъ какъ будто... Вотъ тебѣ и Парижъ!

— Но отчего жъ бы вамъ съ Старосмысловыми въ театръ не сходить?

— То-то, что сердцами, значитъ, не сошлись, да и не то чтобъ сердцами, а капиталомъ они противъ насъ какъ будто отощали. Чудной вѣдь онъ! Ото всѣхъ прячется, да высматриваетъ, какого-то, прости Господи, Пафнутьева поджидаетъ...

— Ахъ, Боже мой! вотъ чудакъ-то!

— И я то же пыталъ говорить. Какъ, говорю, возможно, чтобъ господинъ Пафнутьевъ въ Парижѣ власть имѣлъ! И хошь бы что̀! „Браслеты, говоритъ, на руки, и катай по всѣмъ по тремъ!“ Очепно ужъ его тамъ испугали, въ отечествѣ-то! А человѣкъ-то какой преотличнѣйшій! И какъ свое дѣло знаетъ! Намедпись идемъ мы вмѣстѣ, и спрашиваю я его: какъ, Ѳедоръ Сергѣичъ, на твоемъ языкѣ „люблю“ сказать? Amo, говоритъ. „Ну, говорю, amo и тебя, и Капитолину Егоровну твою, и я, и жена, и всѣ мы — amo!“ Ну, усмѣхнулся: коли всѣ, говоритъ, такъ ужъ не amo, а amamus! И за что̀ только такая на нихъ напасть!

— Ну, Богъ милостивъ!

— И я то же говорю. Только сердитыя нынѣче времена настали, доложу вамъ! Давно ужъ у Бога милости просимъ — анъ все ея нѣтъ!

— Вамъ-то впрочемъ грѣшно бы пожаловаться.

— Мы-то — славу Богу. Здоровы, при капиталѣ — на что̀

лучше! А тоже и мы видимъ. Вотъ хоть бы на Ѳедора Сергѣича поглядѣть—чего только онъ не вытерпѣлъ! Нѣтъ, доложу вамъ, и прежде строгости были, а нынче противъ прежняго вдвое стало. А между прочимъ въ народѣ амбиція въ ходъ пошла, такъ оно будто и скучненько стало на строгости-то смотрѣть. Еще на моей памяти, придетъ, бывало, къ батюшкѣ-покойнику становой-то: просто, мило, благородно! Посидитъ, закуситъ... „Цѣловъ за нами нѣтъ, а по силѣ возможности... получи! А нынче онъ придетъ: въ кепѐ да въ погонахъ... ахъ, распостылый ты человѣкъ!

— Ну, это ужъ ваше личное чувство говоритъ.

— Нѣтъ, и не во мнѣ одномъ, а во всѣхъ. Вѣрьте или нѣтъ, а какъ взглянешь на него, какъ онъ по улицѣ идетъ да глазами вскидываетъ... ахъ ты, ахъ!

— Ахъ, Захаръ Иванычъ!

— Знаю, что нехорошо это... Не похвалятъ меня за эти слова... извѣстно! Только ужъ и набалованы они, доложу вамъ! Строгости-то строгостями, анъ смотришь, довольно и озорства. Все „духу“ ищутъ; ты ему сегодня поперекъ что-нибудь сказалъ, а онъ въ тебѣ завтра „духъ“ разыскалъ! Да недалече ходитъ, Ѳедоръ Сергѣичъ-то! Что только они съ нимъ издѣлали!

— Ужъ такъ намъ ихъ жалко! такъ жалко!—подтвердила и Матрена Ивановна.

— Истинно вамъ говорю: глядишь это, глядишь, какое нынче вездѣ озорство пошло, такъ инда тебя ножемъ по сердцу полыснетъ! Совсѣмъ жить невозможно стало. Главная причина: приспособиться никакъ невозможно. Ты думаешь: давай буду жить такъ! — бацъ! живи вотъ какъ! Начнешь жить по новому—бацъ! живи опять по старому! Ужъ на что я простой человѣкъ, а и то сколько разъ говорилъ себѣ: брошу Красный-Холмъ и уѣду жить въ Петербургъ!

— За чѣмъ же дѣло стало?

— Своѐ мѣста жалко—только и всего.

— Извѣстно, жалко: и домъ, и заведеніе, и все... — подтверждала и Матрена Ивановна.

— А вамъ жалко?—обратился я къ Зоѣ Филипьевнѣ.

— Мнѣ что! я мужняя жена! вонъ онъ, мужъ-то у меня какой!

— Ахъ, умница ты наша!—похвалила Матрена Ивановна.

— Вы долго ли думаете въ Парижѣ пробыть?

— Да свое время отсидѣть все-таки нужно. Съ недѣлю ужъ гостимъ; еще недѣли съ двѣ—и шабашъ.

— Такъ знаете ли, что̀ мы сдѣлаемъ. И вамъ скучно, и Старосмысловымъ скучно, и мнѣ скучно. Такъ вотъ мы соединимся вмѣстѣ, да и будемъ сообща скучать. И заведемъ мы здѣсь свой собственный Красный-Холмъ, какъ лучше не надо!

— И преотлично!—разомъ воскликнули Блохины.

— Я буду васъ и по ресторанамъ, и по театрамъ водить. И все по такимъ театрамъ, гдѣ и безъ словъ понятно. А ежели Старосмыслову прогоны и порціоны разрѣшатъ, такъ и они навѣрное жаться не будутъ.

Я разсказалъ имъ, какую мы утромъ просьбу общими силами сорудили и какія надежды на нее возлагаемъ. И въ заключеніе прибавилъ:

— А въ Парижѣ надоѣстъ, такъ мы въ Версаль, въ родѣ какъ въ Весьёгонскъ махнемъ; а захочется, такъ и въ Кашинъ... то-бишь, въ Фонтенбло̀—рукой подать!

Итакъ, осуществить Красный-Холмъ въ Парижѣ, Версаль претворить въ Весьёгонскъ, Фонтенбло̀ въ Кашинъ—вотъ задача, которую предстояло намъ выполнить.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что осуществленіе подобной программы потребуетъ сильнаго воображенія и очень серьезныхъ приспособленій. Но въ сущности и въ особенности для насъ, русскихъ, попытки этого рода рѣшительно не представляютъ никакой трудности. Не воображеніе тутъ нужно, а самое обыкновенное оцѣненіе мысли. Когда дѣятельность мысли доведена до минимума, и когда этотъ минимумъ, ни разу существенно не понижаясь, считаетъ за собой цѣлую исторію, теряющуюся во мракѣ временъ, — вотъ тутъ-то именно и настигаетъ человѣка блаженное состояніе, при которомъ Парижъ самъ собою отождествляется съ чѣмъ угодно: съ Весьёгонскомъ, съ Пошехоньемъ, съ Богучаромъ и т. д. Мыслительная способность атрофируется, и вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ не только пытливость, но и самое простое любопытство. Старое, насиженное, обжитое—вотъ единственное, что̀ удовлетворяетъ обезсиленный умъ. И это насиженное воспроизводится съ такою легкостью, что само со-

бою, помимо всякаго содѣйствія со стороны воображенія, перемѣщается слѣдомъ за человѣкомъ, куда бы ни кинула его судьба.

Возстановить Красный-Холмъ въ Парижѣ положительно ничего не стоитъ. Нужно только разложиться съ вещами и затѣмъ начать жить да поживать. Правда, что житье въ отелѣ, сравнительно съ Краснымъ-Холмомъ, покажется тѣсновато, но за то въ Парижѣ имѣются льготы, которыхъ не найдешь не только въ Краномъ-Холму, но и въ Кашинѣ. И льготы именно въ краснохолмскомъ смыслѣ, то-есть такія, которыхъ на мѣстѣ не сыщешь, но которыя краснохолмскимъ воображеніемъ не отвергаются. Таковы, напримѣръ: пуле́, дендо́, пердро́, тюрбо́, славу о которыхъ на всю Россію искони протрубили предводители дворянства. Затѣмъ: магазины всевозможнаго женскаго тряпья, отъ которыхъ безъ ума всѣ предводительши; макадамъ на улицахъ, отличное уличное освѣщеніе, писсуары и т. д., о которыхъ съ благосклонностью отзываются всѣ уѣздные исправники, какъ о такихъ реформахъ, которыя не ведутъ къ потрясанію основъ. И въ довершеніе всего есть для мужчинъ кокотки, въ родѣ той, какую однажды выписалъ въ Кашинъ 1-й гильдіи купецъ Шомполовъ и объ которой весь Кашинъ въ свое время говорилъ: „ахъ, хороша стерьва!“

Въ Парижѣ отличная груша-дюшесъ стоитъ десять су, а въ Краномъ-Холму ее ни за какія деньги не купишь. Въ Парижѣ бутылка прекраснѣйшаго Понте́-Кане́ стоитъ шесть франковъ, а въ Краномъ-Холму за Зызыкинскую отраву надо заплатить три рубля. И такъ далѣе безъ конца. И все это не только не выходитъ изъ предѣловъ краснохолмскихъ идеаловъ, но и вполнѣ подтверждаетъ оные. Даже театры найдутся такіе, которые по горло уконтентуютъ самаго требовательнаго краснохолмскаго обывателя.

Когда воображеніе потухло и мысль заскорбла, когда новое не искушаетъ и нѣтъ мѣрила для сравненій—какія же могутъ быть препятствія, чтобъ чувствовать себя вездѣ, гдѣ угодно, матерымъ краснохолмскимъ обывателемъ. Одного только недостаетъ (этого и за деньги не добудешь): становой квартиры изъ окна не видать—такъ это, по нынѣшнему времени, даже лучше. До этого-то и краснохолмцы ужъ додумались, что становые только свѣтъ застятъ.

— Какъ пошли они, въ позапрошломъ лѣтѣ, по домамъ шарить, такъ, вѣрите ли, душа со стыда сгорѣла!—говорилъ мнѣ Бло-

хинъ, разсказывая, какъ петербургскія „событія“ отразились въ районѣ вышневолоцко-весьёгонскихъ палестинъ.

И онъ говорилъ это съ неподдѣльнымъ негодованіемъ, несмотря на то, что его репутація въ смыслѣ „столпа“ стояла настолько незыблемо, что никакое „шаренье“ или отыскиваніе „духа“ не могло ему лично угрожать. Почему онъ, никогда не сгоравшій со стыда, вдругъ сгорѣлъ—этого онъ, конечно, и самъ какъ слѣдуетъ не объяснитъ. Но вѣроятно причина была очень простая: скверно смотрѣть стало. Всѣмъ стало скверно смотрѣть; надоѣло.

Какъ бы то ни было, но, разъ рѣшившись воспроизводить исключительно краснохолмскіе идеалы, мы зажили отлично. Единственную не-краснохолмскую роскошь, которую я лично себѣ дозволилъ—это газеты. Я покупалъ ихъ ежедневно и притомъ самыя страшныя: „L'Intransigeant“, „Le Mot d'Ordre“, „La Commune“, „La Justice“. Что̀ дѣлать! идешь мимо кіоска, видишь: разложены, сталобыть велѣно покупать—купишь. Сначала я боялся: думалъ, начитаюсь, пріѣду въ Россію — чего добраго, революцію произведу. Однако, съ Божьею помощью, въ короткое время такъ наметался, что все равно, что читалъ, что нѣтъ. За то все остальное времяпровожденіе было во истину краснохолмское. Часовъ до 12-ти утра мы исправлялись дома, то-есть распивали чаи и кофеи по своимъ угламъ. Послѣ 12-ти выходили на улицу и начинали, по выраженію Захара Ивановича, „путаться“ и „воловодиться“.

Брали подъ руки дамъ и по порядку обходили рестораны. Въ одномъ завтракали, въ другомъ просто ѣли, въ третьемъ спрашивали для себя пива, а дамамъ „граниту“. Когда ѣли, то Захаръ Иванычъ неизмѣнно спрашивалъ у Старосмыслова: „а какъ это кушанье по-латыни называется?“ — и Ѳедоръ Сергѣичъ всегда отвѣчалъ безошибочно.

— Никогда не скажетъ: не знаю! — изумлялся Блохинъ: — и этакаго человѣка... въ Пинегу!

Въ промежуткахъ между кушаньями вспоминали о Красномъ-Холмѣ, старались угадать: рыжики-то уродились ли нонѣ?

Часа въ три компанія распадалась. Дамы предпринимали путешествіе по магазинамъ, а мужчины отправлялись смотрѣть „картинки“. Во время процесса смотрѣнія Захаръ Иванычъ взвизгивалъ: „ахъ, шельма!“ и спрашивалъ у Ѳедора Сергѣича, какъ это назы-

вается по-латыни. Но однажды зашли мы въ пирожную, и съ Блохинымъ вдругъ сдѣлалось что-то необыкновенное.

— Она... она самая!—шепнулъ онъ мнѣ, указывая на рослую и совершенно рыжую женщину, которая стояла у конторки.—Наша... кашинская!

И не успѣлъ я сообразить, въ чемъ дѣло, какъ у него ужъ и глаза кровью налились.

— Въ Кашинѣ... была?—спросилъ онъ ее въ упоръ.

Конторщица взглянула на него съ недоумѣніемъ, но по лицу ея пробѣжала чуть замѣтная улыбка: ей очевидно польстило, что „добраго русскаго мо̀лодца“ такъ сразу прошибло.

— Въ Кашинѣ... была?—настаивалъ Захаръ Иванычъ.

Насилу мы его увели.

Часовъ около шести компанія вновь соединялась въ слѣдующемъ по порядку ресторанѣ и спрашивала обѣдъ. Ѣли и пили мы всласть, хотя присутствіе Старосмысловыхъ нѣсколько стѣсняло насъ. Дня съ четыре они шли наравнѣ съ нами, но на пятый Ѳедоръ Сергѣичъ объявилъ, что у него болитъ животъ, и спросилъ вмѣсто обѣда полъбифштекса на двоихъ. Очевидно, въ его душу начинало закрадываться сомнѣніе насчетъ прогоновъ, и надо сказать правду, никого такъ не огорчало это вынужденное воздержаніе, какъ Блохина.

— Вѣдь вотъ и добрый человѣкъ, а сколь жестокъ! — жаловался онъ мнѣ:—не хочетъ понять, что намъ не деньги его нужны, а душа!

Послѣ обѣда иногда мы отправлялись въ театръ или въ кафе-шантанъ; но такъ какъ Старосмысловы и тутъ стѣсняли насъ, то чаще всего мы возвращались домой, собирались у Блохиныхъ и начинали играть пѣсни. Захаръ Иванычъ затягивалъ: „Солнце на закатѣ“, Зоя Филипьевна подхватывала: „Время на утратѣ“, а хоръ поддавалъ: „Пошли дѣвки за заборъ“... Въ Парижѣ, въ виду Мадлэны, въ теплую сентябрьскую ночь, при отворенныхъ окнахъ—это производило удивительный эффектъ!

Иногда обычный репертуаръ дня видоизмѣнялся, и мы отправлялись смотрѣть парижскія „рѣдкости“. Ѣздили въ Jardin des plantes и въ Jardin d'acclimatation, лазили на Вандомскую колонну, побывали въ Musée Cluny и наконецъ посѣтили Лувръ. Но тутъ случился новый казусъ: увидѣвши Венеру Милосскую, Захаръ

Иванычъ опять вклепался и сталъ увѣрять, что видѣлъ ее въ Кашинѣ. Насилу мы его увели.

— При тебѣ только мы и свѣтъ у́зрили!—открывался мнѣ Захаръ Иванычъ:—кабы не ты, что́ бы мы, пріѣхадчи въ Холмъ, про Парижъ разсказывать стали?

Насладившись вдоволь Парижемъ, нельзя было оставить безъ вниманія и окрестности. Разумѣется, прежде всего, отправились въ Версаль. Дорогой я, конечно, не преминулъ разсказать, какую я, пять лѣтъ тому назадъ, выкинулъ тутъ штуку съ Лабуле́. Всѣ такъ и ахнули.

— То-то, чай, глаза вытаращилъ, какъ проснулся! — похвалилъ меня Блохинъ.

И, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Только черезъ тебя мы свѣтъ у́зрили! Ишь вѣдь ты... на всѣ руки!

Въ Версалѣ мы обошли дворецъ, затѣмъ вышли на террасу и бросили общій взглядъ на садъ. Потомъ прошлись по средней аллеѣ, взяли фіакры и посѣтили „примѣчательности“: Parc au cerfs, Triaпонъ и т. п. Разумѣется, я разсказалъ при этомъ, какъ отлично проводилъ тутъ время Людовикъ XV, и какъ потомъ Людовикъ XVI вынужденъ былъ проводить время нѣсколько иначе. Разсказъ этотъ повидимому произвелъ на Захара Иваныча впечатлѣніе, потому что онъ сосредоточился, снялъ шляпу и задумчиво произнесъ:

— Стало быть, въ эфтимъ самомъ мѣстѣ энти самые короли...

— Именно такъ,—подтвердилъ я.

— Все короли да все Людовики... И что́ за причина такая?—съ своей стороны затужила-было Матрена Ивановна, но Захаръ Иванычъ не далъ ей продолжать.

— Шабашъ! — сказалъ онъ: — царство небесное — и конченъ балъ!

Однакожъ черезъ нѣсколько минутъ онъ вновь возвратился къ тому же сюжету.

— И какъ эти французы теперича безъ королей живутъ? Чудаки, право!

— А какъ живутъ! Извѣстно: день да ночь—сутки прочь! — объяснила Матрена Ивановна.

— Не иначе, что такъ. У насъ робенокъ, и тотъ понимаетъ: нѣсть власть аще... а французъ этого не знаетъ! А можетъ и они слышатъ, какъ въ церквахъ про это читаютъ, да мимо ушей пропущаютъ! Чудаки! Ѳедоръ Сергѣичъ! давно хотѣлъ я тебя спросить: какъ на твоемъ языкѣ „король“ прозывается?

— Rex.

— А императоръ?

— Imperator.

— А который, по твоему, больше: rex или imperator?

— Imperator—ужъ на что выше!

— Ну, такъ вотъ ты и мотай себѣ на усъ... да!

Блохинъ выговорилъ эти слова медленно и даже почти строго. Какимъ образомъ зародилась въ немъ эта фраза — это я объяснить не умѣю, но думаю, что сначала она явилась *такъ*, а потомъ вдругъ, во время самаго процесса произнесенія, созрѣлъ проектъ: а попробую-ка я Старосмыслову предку сказать! А можетъ быть и цѣлый проектъ примиренія Старосмыслова съ Пафнутьевымъ вдругъ въ головѣ созрѣлъ. Какъ бы то ни было, но Ѳедоръ Сергѣичъ при этомъ напоминаніи слегка дрогнулъ.

А Блохинъ между тѣмъ началъ постепенно входить во вкусъ и подпускать такъ-называемые обиняки. „Мы-ста да вы-ста“, „сидимъ да шипимъ, шипимъ да посиживаемъ“, „и куда мы только себя готовимъ!“ и т. д. Выпуститъ обинякъ и посмотритъ на Ѳедора Сергѣича. А въ заключеніе окончательно разсердился и закричалъ на весь Тріанонъ:

— Свиньи—и тѣ лучше, не-чѣмъ эти французы живутъ! Инъ вѣдь, королей не имѣютъ, властей не признаютъ, страху не знаютъ... въ Бога-то вѣруютъ ли?

Насилу мы его увели.

На другой день мы отправились въ Фонтенбло, но эта резиденція уже не вызвала ни той сосредоточенности, ни того благоговѣйнаго чувства, какихъ мы были свидѣтелями въ Версалѣ. Благодаря краснохолмскому приволью, Захаръ Иванычъ настолько былъ уже преисполненъ туками, что едва успѣли мы осмотрѣть перо, которымъ Наполеонъ I подписалъ отреченіе отъ престола, какъ онъ уже запыхался. Ни знаменитаго Фонтенблоскаго лѣса, ни прочихъ достопримѣчательностей мы такъ и не осматривали, потому что Блохинъ на

всѣ предложенія твердо отвѣчалъ: „ну ихъ къ лиду!“ И только дорогой, ѣдучи въ Парижъ, молвилъ:

— Пожилъ, повоевалъ—и шабашъ! Умный былъ человѣкъ, а вотъ... И какая этому причина?!

Во всякомъ случаѣ впечатлѣнія этихъ двухъ дней не прошли для Блохина даромъ. Тѣни Людовиковъ какъ бы остепенили его: до сихъ поръ онъ выказывалъ себя умѣреннымъ либераломъ, теперь же вдругъ сдѣлался легитимистомъ.

Воротившись изъ экскурсіи домой, онъ какъ-то пришипился и ни о чемъ больше не хотѣлъ говорить, кромѣ какъ объ корольхъ. Вздыхалъ, чесалъ поясницу, повторялъ: „ему же дань—дань!“ „звѣзда бо отъ звѣзды“, „сущія же власти“ и т. д. И въ заключеніе предложилъ вопросъ: „мазанные ли были французскіе короли, или немазанные“, и когда получилъ отвѣтъ, что мазанные, то сказалъ:

— Ну, стало быть, не такъ ихъ мазали, какъ прописано. Потому, еслибъ ихъ настояще мазали, такъ они бы и сейчасъ въ этой самой Версали сидѣли, и ничего бы ты съ ними не подѣлалъ... ау, братъ!

Покончивъ такимъ образомъ съ Людовиками, перешелъ къ Наполеону и не одобрилъ его.

— Зналъ вѣдь, что законный король въ живыхъ состоитъ, а между прочимъ и виду не подавалъ, что знаетъ... все одно, что у насъ Пугачевъ!

И наконецъ до того довелъ необузданность чувствъ, что пожелалъ познакомиться и съ Гамбеттой.

— Одно бы мнѣ ему только слово сказать! только одно слово... и аминь!

Внимая Захару Иванычу, всѣ остальные какъ-то присмирѣли. Вообще я давно ужъ замѣтилъ, что какъ только заведется разговоръ о томъ какъ и кто „мазанъ“, такъ даже у самыхъ словоохотливыхъ людей вдругъ пропадаетъ словесность. Не знаю, понимаютъ ли краснохолмскіе первой гильдіи купцы, что въ это время съ ихъ слушателями происходитъ нѣчто не совсѣмъ ладное, но во всякомъ случаѣ они съ изумительнымъ инстинктомъ пользуются подобными минутами замѣшательства. Ужъ на что, кажется, добродушенъ Захаръ Иванычъ, а посмотрите, какъ онъ распѣлся, какъ только напалъ на подходящій мотивъ! Сразу догадался, что онъ хоть до завтра калякай,

а мы все-таки будемъ его слушать. И въ Красномъ-Холму выслушаемъ, и въ Парижѣ выслушаемъ. Потому что эти первой гильдіи купцы... кто же ихъ знаетъ, что̀ у нихъ на умѣ! Сейчасъ онъ объ Старосмыслове печалуется: „что̀ они съ нимъ издѣлали?“ а вслѣдъ затѣмъ вдругъ по поводу того же Старосмыслова сбѣсится и закричитъ: „караулъ! сицилистъ!“

И дѣйствительно, началъ Блохинъ строго, а кончилъ еще того строже. Говорилъ-говорилъ, да вдругъ обратился въ упоръ къ Старосмыслову и пророческимъ тономъ присовокупилъ:

— А ты, парень, все-таки на̀ усъ себѣ наматывай!

Чуть-было я не сказалъ: „ахъ, свинья!“ Но такъ какъ я только подумалъ это, а не сказалъ, то очень вѣроятно, что Захаръ Иванычъ и сейчасъ не знаетъ, что онъ свинья. И многіе по той же причинѣ не знаютъ.

Часа четыре сряду я провозился на кровати, не смыкаючи очей: все думалъ, какъ мнѣ поступить съ Старосмысловымъ: предоставить ли его самому себѣ, или же и съ своей стороны посодѣйствовать его возрожденію? Въ послѣднее время съ Старосмысловымъ происходило нѣчто очень странное: онъ осунулся, похудѣлъ и до такой степени выцвѣлъ, какъ будто каждый день принималъ слабительное. Сверхъ того, я замѣтилъ, что и Капитолина Егоровна по временамъ появляется съ красными глазами, какъ бы отъ слезъ. Ясно, что между ними возникъ вопросъ, и именно вопросъ о раскаяніи. Повидимому Ѳедоръ Сергѣичъ готовъ сдаться: напротивъ того, Капитолина Егоровна—крѣпится. И по цѣлымъ часамъ ведутъ они между собою безконечно тяжкій разговоръ: какъ тутъ быть? и ни до чего не могутъ договориться...

Разумѣется, самая трудная сторона для разрѣшенія—это матеріальная. Какія перспективы можетъ имѣть учитель латинской грамматики? какую производительную силу представляетъ онъ собой? И притомъ такой учитель латинской грамматики, которому не выдали даже прогонныхъ денегъ?! Вотъ ежели вышлютъ прогоны, тогда можно, пожалуй, и воспрянуть; но если не вышлютъ... Но положимъ, что даже и вышлютъ—развѣ можно безсрочно жить въ Парижѣ, исполняя порученія на тему: *Tolle me, mi, mi, mis*... Когда же нибудь придется и опять въ Навозный съ отчетомъ ѣхать. И не одному Старосмыслову, и всѣмъ придется туда ѣхать, всѣмъ

съ чистымъ сердцемъ предстать. Вотъ это-то мы и забываемъ. Гуляемъ да гуляемъ, думаемъ, что и конца этому гулянью не будетъ,— и вдругъ разсыльный изъ участка: „пожалуйте!“

И охота была Старосмыслову „періоды“ сочинять! Добро бы философію преподавалъ, или занималъ бы каѳедру элоквенціи, а то— натко!—старшій учитель латинскаго языка да что̀ выдумалъ! Ужъ это самое послѣднее дѣло, еслибъ и туда эта язва засѣла! Возлюбленнѣйшія чада народнаго просвѣщенія — и тѣ сбрендили! Сидѣлъ бы себѣ да въ Корнеліи Непотѣ копался—такъ нѣтъ, подавай ему Тацита! А хочешь Тацита—хоти и Пинегу... предатель!

И вѣдь отлично онъ зналъ, что за это у насъ не похвалятъ. Съ пеленокъ заставляли его лепетать: „сила солому ломитъ“ — разъ; „плетью обуха не перешибешь“—два; „уши выше лба не ростутъ“ —три; и все-таки полѣзъ! И географію-то когда учили, то приговаривали: Кола, Пинега, Мезень; Мезень, Мезень, Мезень!.. Нѣтъ-таки, позабылъ и это! А теперь удивляется... чему?

Ясно, что онъ Капочкѣ поправиться хотѣлъ; думалъ, что за „періоды“ она еще больше любить станетъ. А того не сообразилъ, милый человѣкъ, что бываютъ такія строгія времена, когда ни любить нельзя, ни любимымъ быть не полагается, а надо встать уставившись лбомъ и закоченѣть.

Удивительно, какъ еще Тацита Пафнутьевъ въ покоѣ оставилъ, какъ онъ и его въ Пинегу не сослалъ? Истинно, Юпитеръ спасъ!

Ахъ, надо же и Пафнутьева пожалѣть... ничего-то вѣдь онъ не знаетъ! Географіи — не знаетъ, исторіи — не знаетъ. Какъ есть — оболтусъ. Еслибъ онъ зналъ про Тацита—неужели бы онъ его къ чортовой матери не услалъ? И Тацита, и Тразею Пета, и Ликурга, и Дракона, и Адама съ Евой, и Ноя съ птицами и звѣрьми... всѣхъ! Покуда бы начальство за руку его не остановило: „стой! а кто же, по твоему, будетъ плодиться и множиться?“

И все-таки надо какъ-нибудь подкрѣпить Старосмыслова въ его новомъ душевномъ настроеніи. Не такъ грубо, какъ взялся за это Захаръ Иванычъ, а какъ-нибудь стороной, чтобъ ему въ самый разъ было, да и Капитолину Егоровну не очень бы огорчило. Но какъ это сдѣлать? Ежели начать съ „чинъ чина почитай“—опъ-то, можетъ быть, и найдетъ въ своемъ сердцѣ готовность воспринять эту истину, да Капитолина Егоровна, чего добраго, заплачетъ. По

какой причинѣ она заплачетъ — объ этомъ двояко можно сказать. Можетъ быть, оттого, что съ прежней либеральной позиціей жалко разстаться, а можетъ быть и оттого, что она и сама ужъ понимаетъ, что музыка ея не выгорѣла. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ несомнѣнно, что она заплачетъ оттого, что на сердцѣ кошки скребутъ.

Но потому-то именно и надо это дѣло какъ-нибудь исподволь повести, чтобъ оба, ничего, такъ сказать, не понимаючи, очутились въ самомъ лонѣ онаго. Ловчѣе всего это дѣлается, когда люди находятся въ состояніи подпитія. Выпьютъ по стакану, выпьютъ по другому — и вдругъ наплывъ чувствъ! Вскочатъ, начнутъ цѣловаться... ура! Капитолина Егоровна застыдится и скажетъ:

— Что-жъ, ежели всѣ... попробуй, Ѳедя!

А Захаръ Иванычъ поощритъ:

— Валяй!

Вотъ онѣ какія дѣла могутъ изъ „періода“ на свѣтъ Божій выскочить!

Но тутъ мысли въ моей головѣ перемѣшались, и я заснулъ, не придумавши ничего существеннаго. Къ счастью, сама судьба бодрствовала за Старосмыслова, подготовивъ случай, по поводу котораго всей нашей компаніи самымъ естественнымъ образомъ предстояло осуществить идею о подпитіи. На другой день — это было 17 (5) сентября, памяти Захаріи и Елисаветы — едва я проснулся, какъ ко мнѣ ввалился Захаръ Иванычъ и торжественно произнесъ:

— Богъ милости прислалъ. Прямо изъ церкви-съ. Просимъ покорно сегодня пирога откушать.

— По какому случаю?

— По случаю дня ангела-съ. Хоть и въ иностранныхъ земляхъ находимся, а все же честь честью надо ангелу своему порадоваться. Въ русскомъ ресторанѣ-съ.

И вдругъ словно лучъ меня освѣтилъ. Все, что я тщетно обдумывалъ ночью и для чего не могъ подыскать подходящей формулы, все это предстало передо мною въ самой плѣнительной ясности!

„Русскій ресторанъ“ помѣщается недалеко отъ Итальянскаго бульвара, противъ Комической Оперы, и замѣчателенъ по преимуществу тѣмъ, что выходитъ окнами на обширный и притомъ совершенно открытый писсуаръ. Изъ русскихъ кушаній тутъ можно по-

лучить: tschy russe, koulibak и bitok au smétane; все остальное совершенно то же, что и въ любомъ французскомъ ресторанѣ средней руки. Посѣтитель этого заведенія немногочисленъ и стыдливъ. Заходитъ больше средній русскій человѣкъ, и не въ обычный парижскій обѣденный часъ, а такъ между двумя и тремя часами. Спроситъ порцію щей или битокъ, пообѣдаетъ, а знакомымъ говоритъ, что завтракалъ. И знакомые тоже обѣдаютъ, но увѣряютъ, что завтракаютъ. И такимъ образомъ политиканятъ и лгутъ совершенно такъ же, какъ въ Россіи, а зачѣмъ лгутъ—сами не знаютъ. Изъ „особъ“ сюда приходятъ (и тоже говорятъ, что завтракаютъ) тѣ немногіе сенаторы, которые получаютъ жалованье по штату и никакими иными „присвоенными“ окладами не пользуются. На Парижъ-то ему посмотрѣть хочется, а жалованье небольшое и дѣтей куча—вотъ онъ и плетется въ русскій ресторанъ „завтракать“.

Да, есть такіе бѣдные, что всю жизнь не только изъ штатнаго положенія не выходятъ, но всѣ остальныя усовершенствованія: и привисляпское обрусеніе, и уфимскіе раздѣлы—все это у нихъ на глазахъ промелькнуло, по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Да ихъ же еще по преимуществу, для парада, на крестные ходы посылаютъ!

Сидитъ онъ, этотъ въ штатахъ осужденный, гдѣ-нибудь на Васильевскомъ Островѣ, радъ бы десять такихъ жалованьевъ заглотать—и не даютъ. Вспомнитъ, какъ въ свое время Юханцевъ жилъ, сравнитъ свои заслуги съ его заслугами и заплачетъ. Обидно. А всего обиднѣе, что не только прибавки къ штатному содержанію, но даже дѣлъ ему на просмотръ не даютъ: „гдѣ тебѣ, старику! вотъ ужо крестный ходъ будетъ, такъ пройдешься!“ А между тѣмъ онъ, ей-Богу, еще въ полномъ разумѣ... Хоть сейчасъ испытайте! Ваше превосходительство! да вы попробуйте!.. Ну, что тамъ пустое молоть!

И чего-чего только онъ не дѣлалъ, чтобъ изъ штата выйти! И тайныхъ совѣтниковъ въ нигилизмѣ обвинялъ, и во всевозможныя особыя присутствія впрашивался, и уходящихъ въ отставку начальниковъ подходя костилъ, новоявленныхъ же прославлялъ... Однажды, въ тоскѣ смертной, даже руку начальнику поцѣловалъ, анъ тотъ только фыркнулъ! А онъ-то, цѣлуя, думалъ: „Господи! кабы тысячку!“

Говядина нынче дорогая, хлѣбъ пять копѣекъ за фунтъ, къ живности, къ рыбѣ и приступу нѣтъ... А на плечахъ-то чинъ лежитъ,

и говоритъ этотъ чинъ: „теперь тебѣ, вмѣсто фунта, всего по два фунта съѣдать надлежитъ!“

И вдругъ онъ задумалъ въ Парижъ... Сколько смѣху-то было! Даже экзекуторъ смѣялся: „такъ вы, Иванъ Семенычъ, въ Парижъ?“ А онъ одну только думу думаетъ: „Съѣзжу въ Парижъ, ворочусь, скажутъ; образованный! Смотришь, анъ тысячка-другая и набѣжитъ!“

И вотъ онъ бѣжитъ въ русскій ресторанъ, съѣстъ bitok au smétane—и правъ на цѣлый день. И все думаетъ: „ворочусь, буду на Петровской площади анекдоты изъ жизни Гамбетты разсказывать!“ И точно: воротился, разсказываетъ. Всѣ удивляются. говорятъ: „совсѣмъ современнымъ человѣкомъ нашъ Иванъ Семенычъ пріѣхалъ!“

Но ждетъ онъ мѣсяцъ, ждетъ другой—нѣтъ противъ штатнаго положенія облегченія, да и на поди! Господа! да обратите же, наконецъ, вниманіе! Анна-то Ивановна вѣдь ужъ девятымъ тяжела ходитъ!

Вотъ въ этотъ самый ресторанъ и привлекъ насъ Блохинъ. Вѣроятно онъ руководился соображеніемъ, что именинницу безъ кулебяки быть нельзя, а въ другомъ мѣстѣ этого кулинарнаго продукта не отыщешь.

Я не буду останавливаться на обѣденномъ *тетѣ*: Захаръ Иванычъ изъ всѣхъ силъ выбился, чтобъ сообщить ему вполнѣ краснохолмскій характеръ. Ради вящаго сходства, онъ даже прихватилъ парочку тайныхъ совѣтниковъ, изъ русскихъ ресторанныхъ habitués, которые, должно быть, еще наканунѣ пронюхали, что русскій купчина будетъ справлять именины, и съ утра, выбритые и съ подвитыми висками, подстерегали насъ. Я, впрочемъ, потому позволяю себѣ эту догадку, что тайные совѣтники явились во фракахъ, и какъ только окончательно увѣрились, что ихъ пригласили. то вынули изъ боковыхъ кармановъ по звѣздѣ и возложили ихъ на себя по установленію. За столомъ тайные совѣтники помѣстились по обѣ стороны Зои Филиппьевны, причемъ когда кушанья начинали подавать съ одного тайнаго совѣтника, то другой завидовалъ и волновался при мысли, что пока дойдетъ до него черёдъ, лучшіе куски будутъ уже разобраны. Сверхъ того, я замѣтилъ, что тайные совѣтники всякаго кушанья накладывали на тарелки противъ другихъ вдвое: одну порцію лично для себя, а другую—ради чина. Но такъ какъ они поступали та-

кимъ образомъ не изъ жадности, а по принципу, то Захаръ Иванычъ не только не тяготился этимъ, но даже упрашивалъ взять еще по кусочку — на звѣзду.

Ѣли и пили мы цѣлыхъ полтора часа. И вотъ когда тайные совѣтники впали отъ усиленной ѣды во младенчество, а прочіе гости дошли до точки, я улучилъ минуту и, спявшись со стула, произнесъ спичъ:

— Захаръ Иванычъ! — сказалъ я: — торжествуя вмѣстѣ съ вами день вашего ангела, я мысленно переношусь на нашу милую родину и на обширномъ ея пространствѣ отыскиваю скромный, но дорогой сердцу городокъ, въ которомъ вы, такъ сказать, впервые увидѣли свѣтъ. Этотъ городъ былъ свидѣтелемъ вашихъ младенческихъ игръ; онъ любовался вами, когда вы, подъ руководствомъ маститаго вашего родителя, неопытнымъ юношей робко вступили на поприще яичнаго производства, и потомъ съ любовью слѣдилъ, какъ въ сердцѣ вашемъ, всегда открытомъ для всего добраго, постепенно созрѣвали сѣмена благочестія и любви къ постройкѣ колоколенъ и церквей (при этихъ словахъ Захаръ Иванычъ и Матрена Ивановна набожно перекрестились, а одинъ изъ тайныхъ совѣтниковъ потянулся къ амфитріону и подставилъ ему свою голую и до скользкости выбритую щеку). И вотъ теперь, когда родитель вашъ уже скончался („Царство небесное!“ — шепчетъ Матрена Ивановна), родной городъ можетъ засвидѣтельствовать, что ваше яичное производство не только не умалилось, но распорядительностью вашею доведено до размѣровъ дотолѣ неслыханныхъ.

— Исполать вамъ, Захаръ Иванычъ! ибо надобно знать, что̀ такое яйцо и какую роль оно играетъ въ жизни человѣческихъ обществъ: надобно собственнымъ опытомъ убѣдиться, какъ этотъ продуктъ хрупокъ и какимъ опасностямъ онъ подвергается при перемѣщеніяхъ, чтобъ вполнѣ оцѣнить вашу заслугу передъ отечествомъ. Еслибъ приказчики ваши не разъѣзжали круглый годъ по деревнямъ нашимъ, то крестьянинъ, этотъ первый производитель яйца — куда бы, спрашивается, онъ дѣвался съ нимъ? А съ другой стороны, еслибъ вы, цѣною неустанныхъ трудовъ, не перемѣстили яйца̀ изъ деревни въ столицу, какимъ бы другимъ равносильнымъ продуктомъ могъ замѣнить его житель послѣдней? Такимъ образомъ, освобождая жителя деревни отъ продукта, который представляетъ для него цѣнность

лишь потолику, поколику онъ служитъ подспорьемъ для исправной уплаты податей, вы снабжаете онымъ жителя столицы, который любитъ яйцо уже ради яйца и цѣнитъ оное, потому что понимаетъ въ немъ толкъ. Но этого мало! Къ яичному производству вы постепенно присоединили производство курятное, а ежели подойдетъ хорошій случай, то не возбраняете себѣ и скромныя операціи коровьимъ масломъ. Я знаю, Захаръ Иванычъ, что всѣ эти операціи вы производите при содѣйствіи любезнѣйшей супруги вашей, Зои Филипьевны, и почтеннѣйшей вашей сестрицы, Матрены Ивановны (Матрена Ивановна крестится и говоритъ тайнымъ совѣтникамъ: „кушайте, батюшки!“), но это приноситъ лишь честь вашей коммерческой прозорливости и показываетъ, какъ глубоко вы поняли смыслъ старинной латинской пословицы: concordia res parvae crescunt, а безъ конкордіи и magnae res dilabuntur. Поэтому, поздравляя васъ съ днемъ ангела, мы поступимъ вполнѣ согласно съ обстоятельствами дѣла (тайные совѣтники, заслышавъ этотъ достолюбезный оборотъ рѣчи, киваютъ головами), ежели въ этомъ поздравленіи соединимъ нашъ сердечный привѣтъ и вѣрнымъ сообщницамъ вашимъ на поприщѣ яичнаго и курятнаго производства. Захаръ Иванычъ! Зоя Филипьевна! за васъ поднимаю бокалъ мой! Плодитесь! Плодитесь смѣло и беззаботно, ибо въ размноженіи купеческихъ дѣтей заключается существеннѣйшее назначеніе краснохолмскаго 1-й гильдіи купца! Вы же, милая Матрена Ивановна, яко добрая сестра и будущая тетка, старайтесь, и не имѣя собственнаго плода, проводить время съ пользою!

Я на минуту остановился, и мы начали цѣловаться. Сознаюсь откровенно, самымъ вкуснымъ мнѣ показался поцѣлуй Зои Филипьевны, а самыми невкусными и даже противными — поцѣлуи тайныхъ совѣтниковъ, у которыхъ, отъ старости, и губы какъ будто изпыли, а вмѣсто нихъ остался тонкій рубецъ, тщательно подбритый снизу и сверху. Когда же обрядъ цѣлованья кончился, я продолжалъ:

— Но я не выполнилъ бы своей задачи, еслибъ, въ виду настоящаго умилительнаго торжества, не упомянулъ и о другой, вѣчно присущей сердцамъ нашимъ именинницѣ — о нашей дорогой, далекой родинѣ. Я не буду говорить здѣсь о благодѣяніяхъ, которыя она щедрою рукою изливаетъ на насъ: мы всѣ, здѣсь присутствующіе,

слишкомъ явственно испытываемъ на себѣ выраженіе этихъ благодѣяній. Однихъ изъ насъ она произвела въ тайные совѣтники; другимъ въ перспективѣ показываетъ званіе коммерціи совѣтника, а въ ожиданіи такового предоставляетъ пользоваться правами 1-й гильдіи купца; передъ третьими раскрываетъ тайны латинской грамматики; наконецъ, дамъ надѣляетъ скромностью и свойственными женскому полу украшеніями. Но не забудемъ, что ежели, съ одной стороны, отечество простираетъ надъ нами благодѣющую руку свою, то, съ другой стороны, оно дѣлаетъ это не безпошлинно, но подъ условіемъ, чтобъ мы повиновались начальству и любили оное. Ибо, въ сущности, что̀ такое отечество, Захаръ Иванычъ (Захаръ Иванычъ оттопыриваетъ губы)? Отечество, Захаръ Иванычъ, это есть извѣстная территорія, въ которой мы, по снабженіи себя надлежащими паспортами, имѣемъ мѣстожительство. Вотъ что̀ такое отечество. Но я не могу скрыть отъ васъ, Захаръ Иванычъ, что территорія, о которой я говорю, нерѣдко измѣняетъ свои очертанія, отчасти вслѣдствіе военныхъ удачъ или неудачъ, отчасти же вслѣдствіе дипломатическихъ договоровъ и конвенцій. Такъ, до 1871 года, Страсбургъ былъ французскимъ отечествомъ; нынѣ же, вслѣдствіе парижскаго договора, онъ сдѣлался нѣмецкимъ отечествомъ. Подобно сему, Измаилъ долгое время состоялъ нашимъ отечествомъ, потомъ пересталъ быть онымъ, а нынѣ опять сдѣлался таковымъ. Кто знаетъ, быть можетъ, современемъ мы увидимъ мервскихъ исправниковъ, подобно тому, какъ уже видимъ исправниковъ карсскихъ, батумскихъ и иныхъ! Благодаря этимъ измѣняемостямъ, любовь къ отечеству пріобрѣтаетъ нѣсколько абстрактный характеръ, вслѣдствіе чего многіе, при упоминаніи объ отечествѣ, только оттопыриваютъ губы. И вотъ, для того, чтобъ мы не оттопыривали губъ, но понимали этотъ предметъ во всей его ясности, намъ предлагается начальство. Начальство, Захаръ Иванычъ, есть нѣчто уже совершенно опредѣленное, имѣющее границы явственныя и непререкаемыя: отъ коллежскаго регистратора до дѣйствительнаго тайнаго совѣтника включительно. И въ этихъ границахъ мы всѣмъ должны повиноваться и всѣхъ любить. Конечно, горьконько бываетъ повиноваться коллежскимъ регистраторамъ, но горечь эта несомнѣнно и съ избыткомъ уравновѣшивается сладостью повиновенія тайнымъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ...

Я опять прерываю на минуту рѣчь, но на этотъ разъ не по собственному движенію, а потому, что тайные совѣтники, возгордившись похвалой, обходятъ присутствующихъ и всѣмъ по очереди подставляютъ свои скользкія щеки для наложенія поцѣлуя. Наконецъ движеніе прекращается, и я продолжаю:

— Но практика, Захаръ Иванычъ, представляетъ намъ по временамъ примѣры поразительнѣйшихъ заблужденій. Большинство людей охотно и горячо любитъ отечество даже въ томъ случаѣ, когда не можетъ съ точностью опредѣлить его границъ: любитъ и съ Измаиломъ, и безъ Измаила, и съ Батумомъ, и безъ онаго. Напротивъ того, очень немногіе возвышаются до страсти къ начальству. Очень возможно, что это происходитъ оттого, что отечество никогда не обременяетъ насъ предписаніями, тогда какъ начальство не можетъ шагу ступить безъ таковыхъ; но возможно также, что тутъ есть и другая причина, а именно: отечество называетъ насъ просто дѣтьми, начальство же къ этому нерѣдко присовокупляетъ: „курицыными“. Я думаю однакожъ, что это только недоразумѣніе, и, одобряя любовь къ отечеству съ Измаиломъ и безъ онаго, никакъ не могу одобрить тѣхъ, которые въ сердцѣ своемъ разсматриваютъ отечество отдѣльно отъ начальства. Начальство, Захаръ Иванычъ, это продуктъ отечества; отечество же въ свою очередь—продуктъ начальства. Одно немыслимо безъ другого, другое немыслимо безъ одного—вотъ я какъ это дѣло понимаю. Однимъ словомъ, начальство и отечество—это... вотъ! (Я вкладываю пальцы одной руки промежду пальцевъ другой руки и дѣлаю видъ, что никакъ не могу растащить.) И ежели я сейчасъ сказалъ, что отечество производитъ однихъ изъ насъ въ тайные совѣтники, а другимъ обѣщаетъ въ перспективѣ званіе коммерціи совѣтниковъ, то сказалъ это въ переносномъ смыслѣ, имѣя въ виду, что отечество всѣ эти операціи производитъ не само собой (что̀ было бы превышеніемъ власти), но при посредствѣ естественнаго своего о̀ргана, то-есть начальства.

Захаръ Иванычъ, въ виду вторичнаго упоминовенія о перспективѣ коммерціи совѣтника, не выдерживаетъ и кричитъ: „шаманскаго!“ Остальные подхватываютъ и троекратно провозглашаютъ: „ура!“

— Тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, что шероховатости и недоразумѣнія, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ, суть не что иное, какъ

горькій видъ слабаго человѣческаго естества. Вся штука въ томъ, Захаръ Иванычъ, что человѣкъ слабъ, и такъ какъ эта слабость непроизвольная, то мы не имѣемъ права не принимать ее въ разсчетъ при оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій. Но, кромѣ того, мы не должны забывать, что бываютъ минуты въ жизни народовъ, когда дѣйствія начальствующихъ лицъ пріобрѣтаютъ какъ бы нарочито изнурительный характеръ, и что именно въ эти-то минуты подначальный человѣкъ и отыскиваетъ въ себѣ охоту прегрѣшать. Все это, разумѣется, можетъ и даже должно въ значительной мѣрѣ служить оправданіемъ для невинно-падшаго; но... Но въ томъ-то и дѣло, Захаръ Иванычъ, что у всякой штуки всегда имѣется въ запасѣ еще двѣ штуки, не одна, а именно двѣ, и притомъ діаметрально противоположныя. Такъ что если, съ одной стороны, мы не имѣемъ права не принимать въ соображеніе смягчающихъ обстоятельствъ, то, съ другой стороны, обязываемся не упускать изъ вида и того, что Провидѣніе, усѣвая нашъ жизненный путь спасительными искушеніями, въ то же время приходитъ къ намъ на выручку съ двумя прекраснѣйшими своими дарами. Первый изъ этихъ даровъ есть твердость въ дѣйствіяхъ; второй—раскаяніе, сопровождаемое испрошеніемъ прощенія. О первомъ распространяться не буду, ибо оно достаточно извѣстно всѣмъ, здѣсь присутствующимъ; что же касается до втораго, то даръ сей практически можетъ быть формулированъ такъ: люби кататься, люби и саночки возить. Я увѣренъ, что каждый изъ насъ, ежели только онъ искренно вникнетъ въ смыслъ этой формулы, найдетъ, что въ ней не только нѣтъ ничего обременительнаго, но что, напротивъ, она во многомъ развязываетъ намъ руки. Что̀ стоитъ сказать: пардонé?—формально ничего! А между тѣмъ, едва вы произнесли это слово, какъ уже все забыто! Одно слово—только одно слово, Захаръ Иванычъ!—и какія безграничныя перспективы открываются передъ нами! Не знаю, какъ вы, Захаръ Иванычъ, но еслибъ очередь прегрѣшать дошла до меня, то я, выполнивъ этотъ невольный долгъ, налагаемый на меня природою, непремѣнно сказалъ бы: пардонé. А потомъ и опять бы своевременно прегрѣшилъ, и опять — пардонé! И дѣлалъ бы я это тѣмъ охотнѣе, что въ сущности, куда бы я ни обернулся, куда бы ни пытался уйти—нигдѣ отъ начальства спрятаться не могу. Вездѣ оно меня отыщетъ и покараетъ, и слѣдовательно, ежели я могу отвертѣться отъ него съ помощью ко-

ротенькаго „пардонé“ —ужели же я не воспользуюсь этимъ? Итакъ, поднимемъ бокалы наши! И пусть тѣ, которые чувствуютъ себя прегрѣшившими, изъ глубины сердецъ воскликнутъ: пардонé!—и затѣмъ пусть вновь на здоровье прегрѣшаютъ!

Рѣчь моя произвела потрясающее дѣйствіе. Но въ первую минуту не было ни криковъ, ни волненія; напротивъ, всѣ сидѣли молча, словно подавленные. Тайные совѣтники жевали и, можетъ быть, надѣялись, что сейчасъ сызнова обѣдать начнутъ; Матрена Ивановна крестилась; у Ѳедора Сергѣича глаза были полны слезъ; у Капитолины Егоровны покраснѣлъ кончикъ носа. Захаръ Иванычъ первый положилъ конецъ молчанію, сказавъ:

— Пардонé—и шабашъ! Ну, парень, прошибъ ты меня! Поцѣлуемся!

Слова эти послужили сигналомъ для нахлыва чувствъ. Ѳедоръ Сергѣичъ бросился ко мнѣ и, обнимая, прерывающимся голосомъ говорилъ:

— Вы облегчили... вы сняли бремя съ души... Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я измучился! Капочка! милая!

Въ отвѣтъ на этотъ крикъ сердца Капитолина Егоровна улыбнулась сквозь слезы и сказала:

— Что-жъ, ежели всѣ... попробуй, мой другъ!

А Захаръ Иванычъ присовокупилъ:

— Валяй!

Словомъ сказать, все произошло точь-въ-точь какъ я предвидѣлъ.

И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на совершенный нами подвигъ смиренія и добра, вечеромъ того же дня произошло чудо.

Старосмысловъ получилъ прогоны...

Онъ получилъ ихъ при любезномъ письмѣ отъ самого Пафнутьева, который, въ согласность съ полученными начальственными предписаніями, просилъ забыть его недавнія консервативныя неистовства и имѣть въ виду одно: что отнынѣ на всемъ лицѣ Россіи не найдется болѣе надежнаго либерала, какъ онъ, Пафнутьевъ. Но въ иллюзіи все-таки убѣждалъ не вѣрить.

Однимъ словомъ, какъ-то такъ случилось, что не Старосмыслову пришлось раскаиваться, а раскаялся самъ Пафнутьевъ!

Я считаю излишнимъ описывать радостный переполохъ, который это извѣстіе произвело въ нашей маленькой колоніи. Но для меня лично къ этой радости примѣшивалась и частичка горя, потому что на другой же день и Блохины, и Старосмысловы уѣхали обратно въ Россію. И я опять остался одинъ-на-одинъ съ мучительною думой: кого-то еще пошлетъ Богъ, кто поможетъ мнѣ размыкать одиночество среди этой биткомъ-набитой людьми пустыни?..

Глава VI.

Главное, чего русскій гуляющій человѣкъ долженъ всего больше опасаться за границей—это одиночества и въ особенности продолжительнаго. Одиночество даетъ человѣку поблажку мыслить—вотъ въ чемъ бѣда. Мыслить, то-есть припоминать, ставить вопросы, а буде не пропала совѣсть, то чувствовать и уколы стыда. Такъ что въ результатѣ непремѣнно получится какое-то гложущее уныніе. Это уныніе приведетъ къ нулю всю работу мысли; оно парализируетъ возможныя рѣшенія, заслонитъ возможныя перспективы и будетъ лишь безнадежно раздражать до тѣхъ поръ, покуда счастливый случай не подвернетъ подъ руку краснохолмскаго купца или всероссійскаго безшабашнаго совѣтника. Или, говоря другими словами, покуда пустяки и праздное мельканіе вновь не займутъ той первенствующей роли, которая, по преданію, имъ принадлежитъ.

Но для того, чтобъ сдѣлать мою мысль по возможности ясною, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о пустякахъ.

Въ средѣ, гдѣ нѣтъ ни подлиннаго дѣла, ни подлинной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, пустяки играютъ громадную роль. Это единственный ресурсъ, къ которому прибѣгаетъ человѣкъ, чтобъ не задохнуться окончательно, и въ то же время это легчайшая форма жизни, такъ какъ всѣ проявленія ея заключаются въ непрерывномъ маятномъ движеніи отъ одного предмета къ другому, безъ плана, безъ очереди, по мѣрѣ того, какъ они сами собой выплываютъ изъ бездны случайностей.

Предаваясь этому движенію, человѣкъ совершаетъ простую обрядность, не только не требующую помощи мыслящей силы, но даже идущую прямо въ разрѣзъ ей. Въ этой сутолокѣ нѣтъ и не можетъ быть

мѣста для мысли. Подавленная цѣлой массой случайныхъ подробностей, мысль прячется, глохнетъ, а ежели отъ времени до времени и настаютъ для нея минуты пробужденія, то она не помогаетъ, не выводитъ на дорогу, а только мучительно раздражаетъ. Она ставитъ вопросы, взбутораживаетъ совѣсть, но въ то же время постыдно ослабѣваетъ передъ всякой серьезной работой разъясненія. Вопросы остаются обнаженными, въ томъ зачаточномъ видѣ, въ какомъ они возникли; совѣсть безконечно поетъ—только и всего. Даже компромиссовъ не является, на которыхъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, можно было бы примириться. Одно желаніе: уйти, забыть, на все махнуть рукой...

Повторяю: при такихъ условіяхъ одиночество лишаетъ человѣка послѣдняго рессурса, который даетъ ему возможность заявлять о своей живучести. Потребность усчитать самого себя, которая при этомъ является, приводитъ за собой не работу мысли, въ прямомъ значеніи этого слова, а лишь безнадежное вращаніе въ пустотѣ, вращаніе, сопровождаемое всякаго рода трусостями, отступничествами, малодушіями.

Плодъ жизни, въ основѣ которой лежатъ одни пустяки, эта пустота только пустяками же и можетъ быть наполнена. Вопросы встаютъ, но внушаютъ болѣзненный страхъ; воспоминанія плывутъ на встрѣчу, но вызываютъ отчаяніе; совѣсть пробуждается, но переходитъ въ смуту. Въ силу какого-то ужаснаго преданія никто не задерживаетъ мысли, не вызываетъ ее на правильную работу. Остаются —пустяки. Они представляютъ собою жизненный фондъ, естественное продолженіе всего прошлаго, начиная съ пеленокъ и кончая послѣднею, только-что прожитою минутой, когда съ языка сорвалось—именно сорвалось, а не сказалось — послѣднее пустое слово. Въ однихъ пустякахъ человѣкъ ощущаетъ себя вполнѣ легко; передъ ними одними онъ не чувствуетъ надобности трусить, лицемѣрить, оглядываться въ страхѣ по сторонамъ. Пустяки представляютъ подавляющую силу именно въ томъ смыслѣ, что убиваютъ въ человѣкѣ способность интересоваться чѣмъ бы то ни было, кромѣ самаго низменнаго бездѣльничества. Является неудержимая потребность потонуть въ пустякахъ, развѣять жизнь по вѣтру, существовать со дня на день, слоняться отъ одного предмета къ другому, ни во что не углубляясь...

Понятно, что тамъ, гдѣ жизнь слагается подъ бременемъ массы пустяковъ, никакіе твердые общественные устои не могутъ быть мыслимы. Тѣ рѣдкіе проблески энергіи, которые по временамъ пробиваются наружу, и они пріобрѣтаютъ какія-то чудовищныя противочеловѣческія формы. Причина простая: въ кисельныхъ берегахъ никакое истинно-жизненное теченіе удержаться не можетъ. Когда жизнь растекается и загниваетъ, то понятно, что случайныя вспышки энергіи могутъ найти себѣ выходъ только или въ изувѣрствѣ, или въ презрѣніи. Ничего не жаль, нечего и некого воззвать къ дѣятельности. Надъ всѣмъ опочила плесень вѣковъ; все потонуло въ безразличной бездиѣ, даже не отвѣдавъ отъ плода жизни. Возможна ли при подобныхъ условіяхъ иная дѣятельность, кромѣ такой, которая ничего другого не приноситъ, исключая личнаго самомнѣнія, ненависти и презрѣнія?

Кто, не всуе носящій имя человѣка, не испыталъ священныхъ экзальтацій мысли? кто мысленно не обнималъ человѣчества, не жилъ одной съ нимъ жизнью? Кто не метался не изнемогалъ, чувствуя, какъ существо его загорается подъ наплывомъ сладчайшихъ душевныхъ упоеній? Кто хоть разъ, въ долгій или короткій періодъ своего существованія, не обрекалъ себя на служеніе добру и истинѣ? И кто не пробуждался, среди этихъ упоеній, подъ окрикъ: цыцъ... вредный мечтатель!

Мы, сходящіе съ жизненной сцены старики, мы настолько уже отдалены отъ упоеній мысли, что съ трудомъ можемъ воспроизвести даже внѣшніе признаки ихъ. Поэтому и бездна, лежащая между упоеніемъ и пробуждающимъ его окрикомъ, не заставляетъ насъ метаться отъ боли. Но несомнѣнно, что и мы въ свое время испытали всѣ фазисы этихъ упоеній. Однакожъ пришли пустяки и заволокли ихъ. Какимъ образомъ заволокли?—мы даже послѣдовательности этого процесса теперь намѣтить не можемъ. Мы можемъ только сказать: заволокли, и затѣмъ, какъ бы подъ гнетомъ глубокой обиды, поспѣшить уйти отъ случайно выплывающихъ воспоминаній. Но, клянусь, даже теперь становится жутко, когда спросишь себя: ужели съ такою же легкостью пустяки заволокутъ и тѣхъ, которые призваны смѣнить насъ?

Какъ бы то ни было, но для насъ, мужей совѣта и опыта, пустяки составляютъ тотъ средній жизненный уровень, которому мы

фаталистически подчиняемся. Я не говорю, что тутъ есть сознательное „примиреніе“, но въ существованіи „подчиненія“ сомнѣваться не могу. И благо намъ. Пустяки служатъ для насъ оправданіемъ въ глазахъ сердцевѣдцевъ; они представляютъ собой нѣчто равносильное патенту на жизнь и въ то же время настолько одурманиваютъ совѣсть, что избавляютъ отъ необходимости ненавидѣть или презирать...

Счастливцы!!

Тоска настигла меня немедленно, какъ только Блохины и Старосмысловы оставили Парижъ. Воротившись съ проводинъ, я ощутилъ такое глубокое одиночество, такую неслыханную наготу, что чуть-было не послалъ въ русскій ресторанъ за безшабашными совѣтниками. Однако на этотъ разъ воздержался. Во-первыхъ, вспомнилъ, что я ужъ больше трехъ недѣль по Парижу толкаюсь, а ничего еще порядкомъ не видалъ; во-вторыхъ, меня вдругъ озарила самонадѣянная мысль: а что ежели я и независимо отъ безшабашныхъ совѣтниковъ съумѣю просуществовать?

Цѣлыхъ два дня я бился, упорствуя въ своей рѣшимости, и скажу прямо: это были одни изъ мучительнѣйшихъ дней моей жизни. Вся бѣда въ томъ, что я сейчасъ же принялся мыслить. Началъ съ того, что побывалъ на берегахъ Пинеги и на берегахъ Вилюя, задалъ себѣ вопросъ: ужели есть такая нужда, которая можетъ загнать человѣка въ эти волшебныя мѣста?—и ничего на вопросъ не отвѣтилъ. Потомъ, тутъ же сряду, спросилъ себя: что, еслибъ Старосмыслова не на шутку... сначала на коняхъ, затѣмъ на оленяхъ, наконецъ, на собакахъ... а?—и опять ничего не отвѣтилъ. По сцѣпленію идей, съ береговъ Пинеги и Вилюя я перенесся на берегъ Невы и заглянулъ въ квартиру современнаго русскаго либерала. Увы! онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ одинъ, всѣми оставленный (ибо прочіе либералы тоже сидѣли каждый въ своемъ углу, въ ожиданіи возмездія), и тревожно прислушивался, какъ бы выжидая: вотъ-вотъ звякнетъ въ передней колокольчикъ. Лицо его замѣтно осунулось и выцвѣло противъ того, какъ я видѣлъ его мѣсяцъ тому назадъ, но губы все еще по привычкѣ шептали: „въ надеждѣ славы и добра“... И куда это онъ все приглашаетъ? на что надѣется? Или это такая

ужъ скверная привычка: шептать, надѣяться, приглашать? удивился я про себя, и опять ничего не отвѣтилъ. Отъ либерала мысленно зашелъ на квартиру консерватора и засталъ тамъ цѣлое сборище. Шумѣли, пили водку, потирали руки, проектировали мѣры по части упраздненія человѣческаго рода, писали вопросные пункты, проклинали совѣсть, правду, честь, проливали веселыя крокодиловы слезы... Должно быть, случилось что-нибудь ужасное—ишь вѣдь какъ гады закопошились! Быть можетъ, осуществился какой-нибудь актъ противочеловѣческаго изувѣрства, который далъ *гадамъ* радостный поводъ для своекорыстныхъ обобщеній? Все это мелькнуло у меня въ головѣ, мелькнуло и запыло безъ отвѣта. Затѣмъ я направился въ курную избу самарскаго мужика, но тутъ, даже не формулировавши вопроса, безъ оглядки побѣжалъ дальше. Углубился въ исторію, вспоминалъ про Ермака, подарившаго Россіи Сибирь, про новгородскую вольницу, отыскавшую Вятку, Соликамскъ, Чердынь, Пермь; про Чеслера, указавшаго путь къ устьямъ Сѣверной Двины, воскликнулъ: экъ васъ угораздило! и до такой степени оставилъ это восклицаніе безъ послѣдствій, что даже и теперь не могу обстоятельно объяснить, какимъ образомъ и зачѣмъ оно у меня сложилось.

Однимъ словомъ, парилъ сизымъ орломъ по поднебесью, рыскалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ и даже растекался мыслью по древу. Совсѣмъ какъ во снѣ. Отчего я ни на одномъ вопросѣ не остановился, ни на одинъ не далъ отвѣта? я и на этотъ вопросъ отвѣтить не могу. Можетъ быть потому, что мысль, атрофированная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, вообще утратила цѣпкость; но можетъ быть и потому, что затронутая мною матерія представляла нѣчто до того обыденное, что и вопросы и отвѣты по ея поводу предполагаются фаталистически начертанными въ человѣческомъ сердцѣ и, слѣдовательно, одинаково праздными. Не то чтобъ не было отвѣтовъ, но не было потребности ни отыскивать, ни формулировать ихъ...

Нѣсколько настойчивѣе и какъ будто опредѣленнѣе останавливался я на вопросѣ о сердцевѣдцахъ и сердцевѣдѣніи; но и тутъ, едва доходило дѣло до живого мяса, какъ мысль моя сейчасъ же впадала въ позорное двоегласіе.

Вопросъ о содержаніи сердецъ во всегдашней готовности для прочтенія—одинъ изъ самыхъ мучительныхъ въ нашей жизни. И я полагаю, что потому именно онъ такъ обострился у насъ, что нигдѣ въ

цѣломъ мірѣ не найдется такой массы глупыхъ людей, для которыхъ весь кодексъ политической благопадежности выразился въ словахъ: „что-жъ, если у меня душа чиста—милости просимъ!“ Да и не только за себя такимъ образомъ говорятъ эти глупцы, но и къ посторонимъ людямъ обращаются: „вѣдь у васъ, господа, души чистыя: отчего же не одолжить ихъ для прочтенія?...“ Ахъ, срамъ какой!

Хуже всего то, что, наслушавшись этихъ приглашеній, а еще больше насмотрѣвшись на ихъ осуществленіе, и самъ мало-по-малу привыкаешь къ нимъ. Сначала скажешь себѣ: а что, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же въ благоустроенномъ обществѣ безъ сердцевѣдцевъ. Вѣдь это въ своемъ родѣ необходимость... печальная, но все-таки необходимость! А потомъ, помаленьку да полегоньку, и свое собственное сердце начнешь съ такимъ разсчетомъ располагать, чтобъ оно во всякое время представляло открытую книгу: смотри и читай!

Приливы предупредительно-пресѣкательнаго энтузіазма, во время которыхъ сердце человѣческое, такъ сказать, само собой летитъ на встрѣчу околодочному, до такой степени вошли въ наши нравы, что сдѣлались одною изъ самыхъ обыкновенныхъ обрядностей нашего существованія. Мы такъ мало вѣримъ въ себя, что даже не пытаемся искать защиты въ самихъ себѣ, а прямо вопіемъ: „господа сердцевѣдцы! милости просимъ!“ Очевидно, мы сами въ этомъ контролѣ видимъ единственное средство обѣлить себя не только въ глазахъ любопытствующихъ, но и въ своихъ собственныхъ...

Само собой разумѣется, что я лично ничего противъ приливовъ этого рода не имѣю. Напротивъ того, я въ этомъ случаѣ даже привередливъ: самъ и страницы помогаю перевертывать, потому что вѣдь у него, у сердцевѣдца, пальцы-то чортъ знаетъ въ чемъ перепачканы... Но, говоря по совѣсти, все-таки не могу скрыть, что любители подобнаго чтенія подчасъ бываютъ очень для подлежащаго прочтенію человѣка непріятны. Причина тому простая: въ человѣческомъ сердцѣ не одни дѣла, до благоустройства и благочинія относящіяся, написаны, но есть кое-что и другое. И вотъ когда начинаютъ добираться до этого „другого“, то, по мнѣнію моему, это уже представляется равносильнымъ вторженію въ районъ чужого вѣдомства. Все равно какъ при обыскѣ или прочтеніи писемъ частныхъ лицъ. Я знаю, конечно, что ежели у меня „искомаго“ ничего нѣтъ, то и опасаться мнѣ нечего; но, къ сожалѣнію, кромѣ „искомаго“, у меня можетъ

оказаться и нѣчто „нескомое“. Это „нескомое“ я имѣлъ слабость считать своею личною неприкосновенною тайностью, и вдругъ на него глянулъ глазокъ-смотрокъ. „Помнишь ли, милый другъ, какъ ты, какъ я“... кажется, въ этомъ ничего нѣтъ „некомаго“? А между тѣмъ когда это „нескомое“ дѣлается обрѣтеннымъ, то чувствуется ужасная, почти несносная неловкость. Сначала думается: „вотъ оно какое дѣло случилось!“ а потомъ думается и еще: „эхъ, руки-то коротки!..“ Право, съ ума сойти можно... И сходятъ.

Не знаю, можетъ быть, меня упрекнутъ, что, разсуждая такимъ образомъ, я обнаруживаю крайнюю неспособность держаться на высотѣ положенія. Виноватъ, дѣйствительно, этой способности во мнѣ нѣтъ. Будь у меня она, я стоялъ бы себѣ да поставалъ на высотѣ положенія—и горюшка мало! Но разъ что высоты для меня недоступны, я по-неволѣ отношусь скептически къ полезнымъ свойствамъ сердцевѣдѣнія. И потому, когда замѣчаю, что большинство сердцевѣдовъ не только смѣшиваетъ „искомое“ съ „нескомымъ,“ но даже сопровождаетъ подобныя смѣшенія веселыми прибаутками, то эти послѣднія нимало не кажутся мнѣ восхитительными. Иной, напримѣръ, сразу видитъ, что читать нечего, но замѣтитъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ: „помнишь ли, какъ ты, какъ я“—и вцѣпятся. А бываютъ и такіе, что прежде всего норовятъ отыскать, не написано ли гдѣ: „Извлеченіе изъ Высочайшаго манифеста о кредитныхъ билетахъ“. и какъ только отыщетъ, такъ сейчасъ: „эти страницы я ужъ у себя на дому прочту-съ“...

Неужто это резонъ?

Вотъ почему иногда и думается: не лучше ли было бы, еслибъ въ видѣ опыта право читать въ сердцахъ было замѣнено правомъ ожидать поступковъ... Но тутъ же сряду представляется и другое соображеніе: иной вѣдь, пожалуй, такъ изловчится что иногда отъ него никакихъ поступковъ не увидишь... неужто-жъ такъ-таки и ждать до скончанія вѣковъ?

Нѣтъ, воля ваша, а это тоже не резонъ.

Или возьмемъ другой примѣръ того же порядка. Многіе публицисты пишутъ: ежели-де на песчаномъ морскомъ брегѣ случай просыпалъ коробку съ иголками, то нужно-де эти иголки всѣ до одной разыскать, хотя бы для этого пришлось взбуторажить весь берегъ...

Многіе, однакожъ, полагаютъ, что это не резонъ.

Но, съ другой стороны, какъ размыслишь, да къ тому же еще и съ околоточнымъ переговоришь, то представляется и такое соображеніе: иголки имѣютъ свойство вниваться, причинять общее безпокойство и т. д.—неужто же такъ-таки и оставить ихъ безъ разысканія?

Нѣтъ, какъ хотите, и это не резонъ.

Резонъ—не резонъ; не резонъ—и опять резонъ. Вотъ вокругъ этихъ-то безплодныхъ терминовъ и вертится жизнь, какъ бѣлка въ колесѣ.

Въ сей крайности, мнѣ кажется, самое лучшее: отложить всякое попеченіе, сидѣть и молчать. Только и тутъ опять бѣда: пожалуй, молчавши, измучаешься!

Слово—серебро, молчаніе—золото; такъ гласитъ стародавняя мудрость. Не потому молчаніе приравнивается злату, чтобъ оно представляло нѣкоторую драгоцѣнность, а потому что при извѣстныхъ условіяхъ другого, болѣе правильнаго выхода нѣтъ. Когда на сцену выступаетъ практическое сердцевѣдѣніе, то я прежде всего разсуждаю такъ: вѣроятно въ данную минуту обстоятельства такъ сложились, что безъ этого обойтись невозможно. Но въ то же время не могу же я заглушить въ своемъ сердцѣ голосъ той высшей человѣческой правды, который удостовѣряетъ, что подобныя условія жизни ни нормальными, ни легко переживаемыми назвать не приходится. И вотъ, когда очутишься между двумя такими голосами, изъ которыхъ одинъ говоритъ „правильно, а другой: „правильно, чортъ возьми, но несносно!“ — вотъ тогда-то и приходитъ на умъ: а что, ежели я до времени помолчу? И помолчу, потому что и безъ меня охотниковъ говорить достаточно...

Тяжелое настунило нынѣ время, господа: время отравленія особаго рода ядомъ, который я назову *газетнымъ*. Ахъ, какое это неслыханное мученіе, когда газетныя трихины играть начинаютъ! Ползаютъ, суматошатся, вниваются, сыскиваютъ, точатъ. Наглотаешься съ утра этого яду, и потомъ цѣлый день какъ отравленный ходишь...

Какой же, однако, выходъ изъ этого лабиринта двословій? Неужто только одинъ и есть: помолчу?..

. . . . . .

Но положеніе мое ухудшилось еще больше, когда, наскучивъ безплоднымъ пребываніемъ въ мірѣ конкретностей, я самонадѣянно по-

пытался сизымъ орломъ возлетѣть въ сферу отвлеченностей. Встарину я дѣлывалъ подобные полеты нерѣдко. Вмѣстѣ съ прочими сверстниками, я охотно баловалъ себя экскурсіями въ ту область, гдѣ предполагается „невидимыхъ вещей обличеніе“, и, помнится, экскурсіи эти доставляли мнѣ живѣйшее удовольствіе. Не скажу, чтобъ я видѣлъ эту область вполнѣ отчетливо, но во всякомъ случаѣ созерцаніе ея возбуждало во мнѣ не страхъ, а положительно сладостное чувство. Вообще тогда жилось дерзновеннѣе (я, конечно, имѣю въ виду только себя и своихъ сверстниковъ), хотя не могу не сознаться, что основной жизненный фондъ все-таки былъ пораженъ непослѣдовательностью, граничащей съ легкомысліемъ. Двѣ жизни шли рядомъ: одна, такъ сказать, pro domo, другая—страха ради іудейска, то-есть въ формѣ оправдательнаго документа передъ начальствомъ. Сидишь, бывало, дома и всѣмъ существомъ, такъ сказать, уходишь въ область „невидимыхъ вещей обличенія“. И вдругъ бьетъ урочный часъ — бѣги въ канцелярію. Надѣлъ штаны, вицъ-мундиръ, и черезъ четверть часа находишься ужъ совсѣмъ въ другой области—въ области „видимыхъ вещей утвержденія“. Натурально, и тамъ, и тутъ — вопросы совсѣмъ разные. Въ первой области—вопросъ о томъ, позади ли нужно искать золотого вѣка, или впереди; во второй—вопросъ объ устройствѣ золотыхъ вѣковъ при помощи губернскихъ правленій и управъ благочинія, на точномъ основаніи изданныхъ на сей предметъ узаконеній. Посидишь, поскребешь перомъ, смотришь—опять бьетъ урочный часъ. Снова бѣжишь домой, перемѣняешь штаны, надѣваешь сюртукъ или халатъ и опять попадаешь въ область „невидимыхъ вещей обличенія“. Такъ и прошла молодость...

Нынѣшнему поколѣнію можетъ показаться не совсѣмъ складною эта бѣготня изъ одной области въ другую, но тогда—жилось и неловкостей не ощущалось.

И вотъ теперь, спустя много-много лѣтъ, благодаря случайному одиночеству, точно струя молодости на меня хлынула. Дай, думаю, побѣгаю, какъ встарину бывало.

Однако бѣгать не привелось, ибо какъ ни ходко илыли на встрѣчу молодыя воспоминанія, а все-таки пришлось убѣдиться, что и ноги не тѣ, и кровь въ жилахъ не та. Да и вопросы, которые принесли эти воспоминанія... ужъ, право, не знаю, какъ и назвать ихъ. Одни, болѣе снисходительные, называютъ ихъ несвоевременными; другіе,

несомнѣнно злобные—прямо вредными. Что же касается лично до меня... А впрочемъ судите сами.

Вопросъ первый: утѣшаетъ ли исторія? Лѣтъ сорокъ тому назадъ —я знаю это навѣрное—я по сущей правдѣ отвѣтилъ бы: да, утѣшаетъ. А нынѣче что я скажу? Вѣдь я даже мыслить принципіально, безъ вводныхъ примѣсей, разучился. Начну съ мрака временъ, и только-что забрезжетъ свѣтъ, сейчасъ наткнусь либо на Пинегу съ Вилюемъ, либо на уставъ о пресѣченіи, да тутъ и загрязну. Именно это самое и теперь случилось. Едва выглянулъ на меня вопросъ, едва приступилъ я къ его расчлененію, какъ вдругъ откуда ни взялся генералъ-маіоръ Отчаянный и такъ сверкнулъ очами, что я сразу опѣшилъ. „Нѣтъ, ужъ лучше я завтра“... смущенно отвѣтилъ я самъ себѣ, и въ ту же минуту поспѣшилъ съ такимъ разсчетомъ юркнуть, чтобъ и ушей моихъ не было видно.

Вопросъ второй: можно ли жить съ народомъ, опираясь на оный? Сорокъ лѣтъ тому назадъ я навѣрное отвѣтилъ бы: не только можно, но иначе и жить нельзя. Нынѣче... Только-что начну я разсказывать и доказывать „отъ принципа“, что человѣческая дѣятельность внѣ сферы народа безпредметна и безсмысленна, какъ вдругъ во всемъ моемъ существѣ „шкура“ заговоритъ. Выглянутъ молодцы изъ Охотнаго ряда, сотрудники съ Сѣнной площади и наконецъ цѣлая масса аферистовъ-бандитовъ, въ родѣ Наполеона III, который вѣдь тоже возгласилъ: tout pour le peuple et par le peuple... И, разумѣется, въ заключеніе: „нѣтъ, ужъ лучше я завтра“...

Вопросъ третій: можно ли жить такою жизнью, при которой полагается ѣсть пирогъ съ грибами исключительно затѣмъ, чтобъ держать языкъ за зубами? Сорокъ лѣтъ тому назадъ, я опять-таки навѣрное отвѣтилъ бы: нѣтъ, такъ жить нельзя. А теперь?—теперь: „нѣтъ, ужъ я лучше завтра“...

Словомъ сказать, на цѣлую уйму вопросовъ пытался я дать отвѣты, но, увы! ни конкретности, ни отвлеченности—ничто не будило обезсилѣвшей мысли. Мучился я, мучился и чуть-было не крикнулъ: водки! но, къ счастію, въ Парижѣ это напитокъ не столь общедоступный, чтобъ можно было, по произволенію, утѣшаться имъ...

Такъ я и легъ спать, вынеся изъ двухдневной тоски одну истину: что при извѣстныхъ условіяхъ жизни заной долженъ быть разма-

триваемъ не столько съ точки зрѣнія порочности воли, сколько въ смыслѣ неудержимой потребности огорченной души...

Мой сонъ былъ тревожный, больной. Сначала мерещились какіе-то лишенные связи обрывки, но мало-по-малу образовалось нѣчто связное, цѣлый colloquium, героиней котораго была... свинья! Однакожъ этотъ colloquium настолько любопытенъ, что я считаю нелишнимъ подѣлиться имъ съ читателемъ, въ томъ видѣ, въ какомъ сохранила моя память.

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ СВИНЬЯ

или

РАЗГОВОРЪ СВИНЬИ СЪ ПРАВДОЮ.

Прерванная сцена.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Свинья, разъѣвшееся животное; щетина ощерилась и блеститъ, вслѣдствіе безпрерывнаго обхожденія съ хлѣвной жидкостью.

Правда, особа, которой по штату полагается быть вѣчно-юною, но уже изрядно побитая. Прикрыта, по распоряженію начальства, лохмотьями, сквозь которыя просвѣчиваетъ классическій полный мундиръ, т.-е. нагота.

Дѣйствіе происходитъ въ хлѣву.

Свинья (*кобенится*). Правда ли, сказываютъ, на небѣ-де солнышко свѣтитъ?

Правда. Правда, свинья.

Свинья. Такъ ли, полно? Никакихъ я солнцевъ, живучи въ хлѣву, словно не видывала?

Правда. Это оттого, свинья, что когда природа создавала тебя, то, создаючи, приговаривала: не видать тебѣ, свинья, солнца краснаго!

Свинья. Ой-ли? (*Авторитетно.*) А по моему, такъ всѣ эти солнцы—одно лжеученіе... ась?

Правда *безмолвствуетъ и сконфуженно поправляетъ лохмотья. Въ публикѣ раздаются голоса: „Правда твоя, свинья! лжеученія! лжеученія!“*

Свинья (*продолжаетъ кобениться*). Правда ли, будто въ газетахъ печатаютъ: свобода-де есть драгоцѣннѣйшее достояніе человѣческихъ обществъ?

Правда. Правда, свинья.

Свинья. А по моему, такъ и безъ того у насъ свободы по горло. Вотъ я безотлучно въ хлѣву живу—и горюшка мало! Что мнѣ! Хочу—рыломъ въ корыто уткнусь, хочу—въ навозѣ кувыркаюсь... какой еще свободы нужно! (*Авторитетно.*) Измѣнники вы, какъ я на васъ погляжу... ась?

Правда *вновь старается прикрыть наготу. Публика гогочетъ: „Правда твоя, свинья! Измѣнники! измѣнники!“ Нѣкоторые изъ публики требуютъ, чтобъ Правду отвели въ участокъ. Свинья самодовольно хрюкаетъ, сознавая себя на высотѣ положенія.*

Свинья. Зачѣмъ отводить въ участокъ? Вѣдь тамъ для проформы подержатъ, да и опять выпустятъ. (*Ложится въ навозъ и впадаетъ въ сантиментальность.*) Ахъ, нынѣче и участковые однимъ языкомъ съ фельетонистами говорятъ! Намедни я въ одной газетѣ вычитала: оттого-де у насъ слабо, что законы только для проформы пишутся...

Правда. Такъ ты и читаешь, свинья?

Свинья. Почитываю. Только понимаю не такъ, какъ написано... Какъ хочу, такъ и понимаю!.. (*Къ публикѣ.*) Такъ вотъ что, други! въ участокъ мы ее не отправимъ, а своими средствами... Съискивать ее станемъ... сегодня вопросецъ зададимъ, а завтра—два... (*Задумывается.*) Сразу не покончимъ, а постепенно чавкать будемъ... (*Сопя, подходитъ къ Правдѣ, хватаетъ ее за икру и начинаетъ чавкать.*) Вотъ такъ!

Правда *пожимается отъ боли; публика грохочетъ. Раздаются возгласы: „Ай да свинья! вотъ такъ затѣйница!“*

Свинья. Что? сладко? Ну, будетъ съ тебя! (*Перестаетъ чавкать.*) Теперь сказывай: гдѣ корень зла?

Правда (*растерянно*). Корень зла, свинья? корень зла... корень зла... (*Рѣшительно и неожиданно для самой себя.*) Въ тебѣ, свинья!

Свинья (*разсердилась*). А! такъ ты вотъ какъ поговариваешь! Ну, теперь только держись! Правда ли, сказывала ты: общечело-

вѣческая-де правда противъ околоточно-участковой не въ примѣръ превосходнѣе?

Правда (*стараясь изловчиться*). Хотя, при извѣстныхъ условіяхъ жизни, невозможно отвергать...

Свинья. Нѣтъ, ты хвостомъ-то не верти! Мы эти момо-то слыхивали! Сказывай прямо! точно ли, по мнѣнію твоему, есть какая-то особенная правда, которая противъ околоточной превосходнѣе?

Правда. Ахъ, свинья, какъ измѣнически подло...

Свинья. Ладно, объ этомъ мы послѣ поговоримъ. (*Наступаетъ плотные и плотные.*) Сказывай дальше. Правда ли, что ты говорила: закопы-де одинаково всѣхъ должны обезпечивать, потому-де, что, въ противномъ случаѣ, человѣческое общество превратится въ хаотическій сбродъ враждующихъ элементовъ?.. Объ какихъ это законахъ ты говорила? По какому поводу и кому въ поученіе, сударыня, разглагольствовала? ась?

Правда. Ахъ, свинья!

Свинья. Нечего мнѣ „свиньей“-то въ рыло тыкать. Знаю я и сама, что свинья. Я—Свинья, а ты—Правда... (*Хрюканье свиньи звучитъ ироніей.*) А нутко, свинья, погложи-ка правду! (*Начинаетъ чавкать. Къ публикѣ.*) Любо, что-ли, молодцы?

Правда *корчится отъ боли. Публика приходитъ въ неистовство. Слышится со всѣхъ сторонъ: „Любо! Нажимай, свинья, нажимай! Гложи ее! чавкай! Ишь вишь, распостылая, еще разговаривать вздумала!“*

. . . . . .

На этомъ colloquium былъ прерванъ. Далѣе я ничего не могъ разобрать, потому что въ хлѣву поднялся такой гвалтъ, что до слуха моего лишь смутно долетало: „правда ли, что въ университетъ...“, „правда ли, что на женскихъ курсахъ...“ Въ одно мгновеніе ока Правда была опутана цѣлою сѣтью дурацки-предательскихъ подвоховъ, причемъ всякая попытка распутать эту сѣть встрѣчалась чавканьемъ свиньи и грохотомъ толпы: „Давай, братцы, ее своимъ судомъ судить... народнымъ!!“

Я лежалъ какъ скованный, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ сейчасъ и меня начнутъ чавкать. Я, который всю жизнь въ легкомысленной самоувѣренности повторялъ: „Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ!“ —я вдругъ во все горло заоралъ: „Съѣстъ свинья! съѣстъ!“

Въ эту минуту сильный стукъ въ дверь заставилъ меня проснуться.

Стучалась хозяйка. Кто-то, добрый человѣкъ, проходилъ по лѣстницѣ и слышалъ мои стоны. Хозяйка прибѣжала испуганная—ей представилось, что, отъ нечего-дѣлать, я произвожу опыты самоубійства,—и, разумѣется, очень обрадовалась, какъ узнала, что весь переполохъ произошелъ оттого, что мнѣ приснилась свинья.

— Mais cela m'arrive tous les jours! — воскликнула она и сейчасъ же самымъ естественнымъ образомъ объяснила это явленіе.

Дѣло въ томъ, что меблированная квартира была какъ разъ расположена надъ рынкомъ Мадлэны, и такъ какъ туда каждую ночь привозили транспорты свиней, то обстоятельство это не могло не дѣйствовать соотвѣтствующимъ образомъ на воображеніе квартирантовъ.

— Въ первое время, когда мы сняли наше заведеніе, это было очень тяжело,—добавила она:—я, впрочемъ, довольно скоро привыкла, но мой бѣдный мужъ чуть съ ума не сошелъ. Однако, теперь все пришло въ порядокъ. Всякій день мы видимъ во снѣ каждый свою свинью, и это ужъ не смущаетъ насъ.

Тѣмъ не менѣе она ужасно изумилась, когда я, въ свою очередь, объяснилъ ей, что намъ видятся во снѣ совершенно различныя свиньи: ей—такія, которыхъ люди ѣдятъ, а мнѣ—такія, которыя сами людей ѣдятъ.

— У насъ такихъ животныхъ совсѣмъ не бываетъ,—сказала она:—но русскіе, дѣйствительно, довольно часто жалуются, что ихъ посѣщаютъ видѣнія въ этомъ родѣ... И знаете ли, что я замѣтила? что это случается съ ними преимущественно тогда, когда друзья, въ кругу которыхъ они проводили время, покидаютъ ихъ и вслѣдствіе этого они временно остаются предоставленными самимъ себѣ.

Я долженъ былъ согласиться, что это правда. Одиночество вынуждаетъ насъ думать, а мы къ думанью непривычны. Сообща мы еще можемъ какъ-нибудь проваландаться: въ винтъ, что-ли, засядемъ, или въ трактиръ закатимся, а какъ только останешься одинъ, такъ и обступитъ тебя...

— Очень мы оробѣли, chère madame, прибавилъ я.—Дома-то насъ выворачиваютъ-выворачиваютъ—все стараются, какъ бы

лучше вышло. Выворотить наизнанку—нехорошо; на-лицо выворотить—еще хуже. Выворачиваютъ да приговариваютъ: „паче всего, вы не сомнѣвайтесь!“ Ну, мы и не сомнѣваемся, а только всеминутно готовимся: вотъ сейчасъ опять выворачивать начнутъ!

— Но вѣдь пріѣхавши за границу, mon cher monsieur...

— И за границей тоже. Какъ набоишься дѣма, такъ и за границей небо съ овчинку кажется. Въ ресторанъ придешь — гарсона боишься: какое вы, скажетъ, имѣли право меня не дѣльными заказами безпокоить? Въ музей придешь—думаешь: а что, если я ничего не смыслю? Въ библіотеку завернешь — думаешь: а ну какъ у меня языкъ сболтнетъ: дайте-молъ водевиль „Отецъ какихъ мало“ почитать, буде онъ цензурой не воспрещенъ! Такъ-то, chère madame! Взвѣсьте-ка все это, да и спросите себя по совѣсти: можемъ ли мы другіе сны видѣть, кромѣ самыхъ, что называется, экстренныхъ?

Признанія мои видимо тронули добрую женщину. Глаза ея отуманились и до слуха моего не разъ долетало тихое, но глубоко прочувствованное: „saperlotte!“

— Единственное средство избавиться отъ видѣній, — продолжалъ я:—это вновь подыскать компанію, которая не давала бы думать. Слыхалъ я, будто въ Парижѣ за сходную цѣну собесѣдника нанять можно? Не знаете вы, chère madame?

Она задумалась на минуту, какъ бы ища въ своихъ воспоминаніяхъ.

— C'est ça! j'ai votre affaire! — воскликнула она, хлопнувъ себя по ляжкѣ.—Ah, vous serez bien, bien content, mon cher monsîeur! je ne vous dis que ça!

И точно: черезъ полчаса она уже вновь стучалась въ мою дверь, ведя за собой „собесѣдника“.

— Le général Capotte! — отрекомендовала она пришельца и оставила насъ вдвоемъ.

Передо мной стоялъ крупный, плечистый и сильный дѣтина, достаточно пожилой (впослѣдствіи оказалось, что ему 60 лѣтъ), но удивительно сохранившійся. Въ построеніи его тѣла замѣчалось, однакожъ, нѣчто въ высшей степени загадочное. Голова выдалась впередъ, грудь—тоже, между тѣмъ какъ животъ представлялся вдавленнымъ и вся нижняя часть тѣла искусственно отброшенною назадъ. Руки выворочены: лѣвая представляется устремленною, съ выдавши-

мися указательнымъ и третьимъ пальцами; правая—согнута въ локтѣ и какъ бы нѣчто держитъ въ стиснутомъ кулакѣ. Ноги тоже изумительныя: лѣвая — держитъ позицію, правая — осталась позади и слегка приподнята. Гдѣ-то я видывалъ подобныя фигуры (впослѣдствіи выяснилось, что на вывѣскахъ провинціальныхъ трактировъ). И лицо у него было знакомое, какъ бы спеціально приспособленное: бѣлыя хрящевидныя щеки, одинъ глазъ прищуренъ и всматривается, другой—задумался, ротъ — перекосило. И въ довершеніе загадочности, на плечахъ — вицъ-мундиръ вѣдомства народнаго просвѣщенія.

Онъ молча подалъ мнѣ карточку, на одной сторонѣ которой значилось:

Jean-Marie-François-Archibald Capotte.

Conseiller d'Etat Actuel.

Ancien professeur de billard.

А на другой:

Иванъ Архиповичъ Капоттъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Педагогъ.

Карточка эта разомъ объяснила всѣ загадочности тѣлеснаго построенія. Одно только сомнѣніе представлялось уму: говорить ли ему „ваше превосходительство“, или просто: „Капоттъ“? Несомнѣнно, что въ томъ кафѣ, при которомъ онъ состоитъ въ качествѣ всегда готоваго къ услугамъ посѣтителей бильярднаго партнера (за это онъ ежедневно получаетъ отъ буфета одну котлету и двѣ рюмки gorki),

его зовутъ не иначе, какъ „général“; но почему-то мнѣ показалось, что по совѣсти онъ совсѣмъ не генералъ, а прохвостъ. Мы, русскіе, на этотъ счетъ очень щекотливы. Охотно признавая заслуги, оказываемыя государству отлично-усерднымъ веденіемъ входящихъ и исходящихъ регистровъ, мы подозрительнымъ окомъ взираемъ на заслуги, приносимыя бильярдной игрой, фехтованіемъ и хореграфическимъ искусствомъ. Да вѣдь оно и въ самомъ дѣлѣ какъ будто странно. Сидишь, напримѣръ, въ балетѣ, спрашиваешь сосѣда: а кто-молъ это сію минуту такое изумительное антраша откололъ?—и вдругъ отвѣтъ: „это дѣйствительный статскій совѣтникъ Маріюсъ Петина“...

А въ Парижѣ это ужъ и совсѣмъ никуда не годится, ибо тамъ даже Гамбетта не дослужился до дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Какъ бы то ни было, но, взглянувъ еще разъ на вывернутыя Капоттовы ноги, я сразу порѣшилъ, что буду называть его просто: mon cher Capotte.

— Ну-съ, mon cher Capotte,—началъ я:—такъ вы изъявляете готовность быть моимъ собесѣдникомъ... Какія же ваши условія?

Разумѣется, онъ не сразу отвѣтилъ мнѣ, но предварительно началъ лгать. Изъ словъ его оказывалось, что всѣ „знатные иностранцы“ (конечно, изъ русскихъ) непремѣнно обращаются къ нему. Ибо онъ не только пріятный собесѣдникъ, но и мужъ совѣта. Всѣ проекты, которыми „знатные иностранцы“, воротившись изъ Парижа, радуютъ Россію, принадлежатъ ему, Капотту. Такъ, напримѣръ, не очень давно князь Букиздà проектъ публиковалъ: какъ поступить съ мужикомъ? — и выдалъ его за собственный, а въ сущности главнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Капоттъ.

— Князь даже совсѣмъ не того хотѣлъ, что̀ потомъ вышло,— объяснилъ Капоттъ:--онъ думалъ, что мужика необходимо въ кандалы заковать. Но я убѣдилъ его передать это дѣло на обсужденіе въ наше кафе́—мы тамъ все демократы собираемся...

— Но и шпіоны, Капоттъ?

— Гм... вы понимаете, что ежели въ интересахъ истины необходимо...

— Продолжайте, Капоттъ.

— И мы, по внимательномъ разсмотрѣніи, рѣшили мужика рас-

ковать, а заковать интеллигенцію, препоручивъ молодцамъ изъ Охотнаго ряда имѣть бдительнѣйшій за нею надзоръ...

— Послушайте, Капоттъ! какъ вы, однакожъ, чисто по-русски говорите!

Замѣчаніе это видимо ему польстило.

— О, душою я и до сихъ поръ русскій! — воскликнулъ онъ и въ доказательство произнесъ нѣсколько неупотребительныхъ въ печати выраженій, съ такою отчетливостью, что по комнатѣ въ одно мгновеніе распространился смрадъ.

— Прекрасно! — перебилъ я его: — но не будемъ увлекаться. Стало быть, еслибъ и у меня, чего Боже сохрани, что-нибудь повернулось... вы мнѣ покажете, Капоттъ?

— Несомнѣнно,—отвѣтилъ Капоттъ.

— Но, главное, вы поможете мнѣ убить время... Время — это злѣйшій изъ нашихъ враговъ! Скучно намъ, Капоттъ, ахъ, какъ скучно!

— Русскіе, дѣйствительно, чаще скучаютъ, нежели люди другихъ національностей, и, мнѣ кажется, это происходитъ оттого, что они черезъ-чуръ избалованы. Русскіе не любятъ ни думать, ни говорить. Я зналъ одного полковника, который во всю жизнь не сказалъ ни одного слова своему деньщику, предпочитая объясняться посредствомъ тѣлодвиженій.

— Ахъ, Капоттъ! но вѣдь это-то и есть...

— Идеалъ, хотите вы сказать? Сомнѣваюсь. Въ сущности, разговаривать не только не обременительно, но даже пріятно. Постоянное молчаніе приводитъ къ угрюмости, а угрюмость — къ пьянству. Напротивъ того, человѣкъ, имѣющій привычку пользоваться даромъ слова, очень скоро забываетъ объ водкѣ и употребляетъ лишь такіе напитки, которые способствуютъ общительности. Русскіе очень талантливы, но они почти совсѣмъ не разговариваютъ. Вотъ когда они начнутъ разговаривать...

— Благодарю васъ, Капоттъ!

— Вообще Россіи предстоитъ великая будущность: но все зависитъ оттого, въ какой мѣрѣ и когда будетъ ей предоставлено воспользоваться даромъ слова. Такъ напримѣръ, ежели это случится черезъ тысячу лѣтъ...

— Благодарю васъ, Капоттъ!

— Мы во Франціи съ утра до вечера говоримъ,—не унимался Капоттъ:—говоримъ да говоримъ, а иногда что-нибудь и скажемъ. Но еслибъ насъ заставили тысячу лѣтъ молчать, то и мы навѣрное одичали бы...

— Еще разъ благодарю васъ, Капоттъ, но я считаю подобные разговоры преждевременными. Возвратимся къ предмету нашего свиданія. Ваши условія?

— Условія мои всегда одинаковы. Десять франковъ въ день — это мой гонораръ. Затѣмъ, куда бы мы съ вами ни пошли—въ театры, рестораны и проч.—вы предоставляете мнѣ тѣ же удобства, какими будете сами пользоваться. Если, по обстоятельствамъ, вамъ придется гдѣ-нибудь остаться одному, то я буду ожидать васъ въ ближайшемъ кафѣ, и вы уплатите за мою консомацію. Я же, съ своей стороны, обязываюсь быть въ вашемъ распоряженіи отъ одиннадцати часовъ утра вплоть до закрытія театровъ. Но въ крайнемъ случаѣ вы можете задержать меня и дольше.

Эти условія были положительно тяжелы для моего бюджета; но страхъ вновь увидѣть во снѣ свинью былъ такъ великъ, что я, недолго думая, согласился.

— Въ принципѣ я ничего не имѣю противъ вашихъ условій, —сказалъ я:—но предварительно желалъ бы предложить вамъ два вопроса. Во-первыхъ. объ чемъ мы будемъ бесѣдовать?

— Я могу говорить обо всемъ. Я выжилъ тридцать лѣтъ въ Россіи: слѣдовательно, если вы захотите говорить объ язвахъ, удручающихъ вашу страну,—я могу перечислить ихъ вамъ по пальцамъ. если же, напротивъ, вы пожелаете вести рѣчь исключительно о доблестяхъ,—я и тутъ къ вашимъ услугамъ. Затѣмъ я знаю очень много „разсказовъ“ изъ жизни достопримѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, и увѣренъ, что разсказы эти доставятъ вамъ удовольствіе. Такова моя программа относительно Россіи. Что же касается Франціи, то вы можете предлагать мнѣ какіе угодно вопросы—я на все имѣю самые обстоятельные отвѣты.

— Отлично. Во-вторыхъ, отвѣтьте мнѣ откровенно, Капоттъ!! Вы не шпіонъ... то-бишь. pardon!—не сердцевѣдецъ?

Я ждалъ, что Капоттъ смутится, но онъ смотрѣлъ на меня ясно и почти благородно. Очевидно, подобный вопросъ уже не разъ былъ обращаемъ къ нему.

— Въ смыслѣ постояннаго занятія — нѣтъ, — отвѣчалъ онъ твердо: — но не скрою отъ васъ, что когда обстоятельства призываютъ меня, то я всегда застаю себя стоящимъ на высотѣ положенія!

Тѣмъ не менѣе, говоря это, онъ привсталъ, какъ бы приготовляясь ретироваться. Такова сила предразсудка, сопряженная съ представленіемъ о сердцевѣдѣніи, что даже этотъ крупный и сильный мужчина опасался: а ну какъ меня за это не похвалятъ! Разумѣется, я поспѣшилъ успокоить его.

— Капоттъ! — сказалъ я: — не опасайтесь! Вообще говоря, сердцевѣдѣніе, конечно, не особенно для меня симпатично: но такъ какъ я понимаю, что въ благоустроенномъ обществѣ обойтись безъ этого нельзя, то покоряюсь. Но прошу васъ объ одномъ: читайте въ моемъ сердцѣ, но читайте лишь то, что дѣйствительно въ немъ написано! Не лгите! А если чего не поймете, то не докладывайте, не объяснившись предварительно со мною!

Онъ съ радостью согласился исполнить эту просьбу, и мы окончательно поладили.

Біографія Капотта была очень трогательна. Онъ былъ внукъ сестры Марата и много пострадалъ отъ людской несправедливости по случаю этого несчастнаго родства. Уже родители Капоттови старались примѣрнымъ поведеніемъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ смыть наслѣдственное пятно, но всѣ усилія ихъ остались тщетными: ни Наполеонъ, ни Бурбоны не довѣряли ихъ искренности. Нерѣдко пробовали Капотты предавать своихъ кровныхъ, оставшихся вѣрными бездѣльнымъ Маратовымъ преданіямъ, но ихъ предательства называли недостаточными и своекорыстными; когда же они проливали слезы боли и раскаянія, то ихъ слезы называли крокодиловыми. Со вступленіемъ на престолъ Луи-Филиппа, сердца Капоттовъ на мгновеніе оживились надеждою: но хотя Луи-Филиппъ былъ возведенъ на тронъ не parceque, а quoique Бурбонъ, однакожъ въ отношеніи къ Маратовскимъ преданіямъ оказался еще больше Бурбономъ, нежели самые истые Бурбоны. Онъ даже „извѣщеній“ не велѣлъ принимать отъ Капоттовъ, „яко отъ людей бездѣльныхъ и довѣрія не заслуживающихъ“. Тогда Капотты окончательно пали духомъ и долгое время жили въ полномъ отчужденіи, находя утѣшеніе только въ религіи. Наконецъ, въ 1840 году, юный отпрыскъ этого дома, Jean-Marie-François-Archibald Capotte, принялъ героиче-

ское рѣшеніе. Это былъ двадцатилѣтній юноша, сильный, цвѣтущій, полный надеждъ и въ совершенствѣ постигшій тайны бильярдной игры. Наскучивъ унылымъ прозябаніемъ въ отечествѣ и возмущенный несправедливостью сограждан, онъ отрясъ прахъ съ ногъ своихъ и переселился въ снѣга Россіи.

Въ Россіи словно только и ждали его пріѣзда. Прибывъ въ Петербургъ, онъ чистосердечно объяснилъ свое родство съ Маратомъ, присовокупивъ при этомъ, что постарается искреннимъ раскаяніемъ смыть съ себя это пятно. Поступокъ этотъ былъ найденъ благороднымъ. Признано было, что внукъ не долженъ отвѣчать за поступки дѣда, хотя бы то былъ Маратъ. Когда же на вопросъ: что онъ можетъ дѣлать?—Капоттъ съ твердостью отвѣтилъ: все, что угодно! —то было сочтено за удобнѣйшее пристроить его въ качествѣ педагога. А дабы сообщить этому устройству нарочитую прочность, Капоттъ изъявилъ готовность присоединиться къ единой православной греко-россійской церкви. Узнавъ объ этомъ, русскія дамы вдругъ словно обѣсплись. Графиня Мамелфина, княгиня Букназба, маркиза де-Сангло, генеральша Бѣдокурова наперебой перемапивали его другъ у друга для воспитанія дѣтей. Благодаря ихъ ходатайствамъ, Капоттъ былъ зачисленъ на службу разомъ по тремъ вѣдомствамъ: у стараго князя Букназба по части изобрѣтенія пристойныхъ законовъ, у маркиза де-Сангло—по части распространенія пристойнаго просвѣщенія и у генерала Бѣдокурова—по какой-то не вполнѣ ясной части, въ титулѣ которой можно было, однакожъ, разобрать: „строгость и притомъ быстрота“. И по всѣмъ тремъ вѣдомствамъ получалъ пристойное жалованье.

Между тѣмъ юные питомцы были тоже безъ ума отъ Капотта, ибо послѣдній, посѣвая въ ихъ сердцахъ сѣмена религіи, въ то же время обучалъ ихъ веселымъ романсамъ и игрѣ на бильярдѣ. Кромѣ того, имѣя въ виду, что питомцамъ его предстоитъ великое будущее, онъ издалъ „Краткія правила для изобрѣтенія мѣропріятій и немедленнаго ихъ осуществленія“, которыя и до сихъ поръ остаются незамѣнимыми. Словомъ сказать, Капоттъ до того преуспѣлъ, что когда, по истеченіи двадцати-пяти лѣтъ, маркизъ де-Сангло объявилъ ему, что онъ произведенъ въ генералы, то, несмотря на свое французское легкомысліе, онъ хлопнулъ себя по ляжкѣ и прослезился. Но, на свою бѣду, онъ въ то же время узналъ, что на основаніи ка-

кихъ-то сокращенныхъ сроковъ выслужилъ разомъ три пенсіи, и... пожелалъ выйти въ отставку.

Это была важная ошибка съ его стороны, ибо она отвратила отъ него сердца родителей. Дѣло въ томъ, что онъ успѣлъ сколотить изрядный капиталецъ и, подобно всѣмъ французамъ, легкомысленно увлекся идеей о независимой жизни. Открывши школу бильярдной игры, онъ надѣялся, что молодое поколѣніе поддержитъ его. И дѣйствительно, въ первое время дѣла его пошли блистательно, потому что, независимо отъ бильярдной, онъ содержалъ еще маркитантскую, изъ которой въ долгъ отпускалъ закуски и вино. Но черезъ годъ, совсѣмъ непредвидѣнно, прибылъ изъ Парижа французъ Санъ-Кюлоттъ (слухи ходили, что его, изъ мщенія къ Канотту, выписала генеральша Вѣдокурова, а злые языки, кромѣ того, прибавляли: „съ производствомъ въ коллежскіе регистраторы") и сталъ расшѣвать такія пѣсенки, что кадеты разомъ ошалѣли. А черезъ мѣсяцъ на помощь къ Санъ-Кюлотту явилась дѣвица Альфонсинка (Каноттъ былъ на этотъ счетъ строгъ и Альфонсинокъ въ своемъ „заведеніи" не допускалъ), и тѣ же пѣсни начала расшѣвать ужъ съ пристойными иллюстраціями. Въ сей крайности Каноттъ попытался-было обратиться съ жалобой на Санъ-Кюлотта къ родителямъ и даже заговорилъ о нравственности, но родители (или, точнѣе, родительницы), вмѣсто отвѣта, напомнили ему объ изнѣнѣ, а нѣкоторые даже дозволили себѣ жестокій намекъ на происхожденіе отъ Марата. Кадеты между тѣмъ разсѣялись по лицу земли, не уплативъ долговъ, и Каноттъ окончательно прогорѣлъ. Тогда, продавъ за безцѣнокъ свое заведеніе тому же Санъ-Кюлотту, онъ вновь отрясъ прахъ съ ногъ своихъ, тайно возсоединился къ единой истинной римско-католической церкви и переѣхалъ въ Парижъ.

Теперь онъ скромно живетъ въ Парижѣ на свою пенсію, которая, однакожъ (по тремъ вѣдомствамъ), представляетъ для него вѣрный ресурсъ въ количествѣ семи тысячъ франковъ ежегодно. Бо́льшую часть времени онъ проводитъ въ кафе́, играя на бильярдѣ, но, кромѣ того, всегда имѣетъ къ услугамъ „знатныхъ иностранцевъ" разнообразный выборъ соблазнительныхъ картинокъ и секретныхъ принадлежностей туалета. Бывшіе питомцы не забываютъ его, и это составляетъ его утѣшеніе и гордость. Нѣкоторые изъ нихъ уплатили ему долги по бильярдной, но большинство ограничивается тѣмъ, что

сообщаетъ ему свои проекты. Когда эти проекты скопляются во множествѣ, тогда Капоттъ временно исчезаетъ изъ кафе́ и весь отдается государственнымъ соображеніямъ.

Между тѣмъ мѣстные демагоги въ свою очередь не забываютъ, что Капоттъ олицетворяетъ собою послѣдній отпрыскъ пресловутаго Маратова корня. Въ день рожденія Марата они сходятся въ кафе́ и качаютъ Капотта. А въ день Маратовой смерти тоже сходятся въ кафе́ и качаютъ Капотта вторительно. Причемъ называютъ его „général“ и слушаютъ его разсказы о томъ, какъ онъ былъ однажды сосланъ на каторгу, какъ его сѣкли кнутомъ, какъ онъ съ каторги бѣжалъ къ бурятамъ, dans les steppes, долгое время исправлялъ у нихъ должность шамана, оттуда бѣжалъ—въ Китай... „et me voilà à Paris“.

Цѣлыхъ четыре дня я кружился по Парижу съ Капоттомъ, и все это время онъ безъ умолку говорилъ. Часто онъ повторялся, еще чаще противорѣчилъ самъ себѣ, но такъ какъ мнѣ, въ сущности, было все равно, что̀ ни слушать, лишь бы упразднить представленіе „свиньи“, то я не только не возражалъ, но даже механическимъ покатываніемъ головы какъ бы приглашалъ его продолжать. Многаго вѣроятно я и совсѣмъ не слыхалъ, довольствуясь тѣмъ, что въ ушахъ моихъ не переставаючи раздавался шумъ.

Первый день мы бесѣдовали объ язвахъ, удручающихъ Россію. До завтрака Капоттъ говорилъ:

— Главная ваша язва въ томъ состоитъ, что вы никогда не представляете себѣ ясно, чего вы хотите. Сегодня вы выражаете чувства, всѣмъ вообще человѣкамъ свойственныя, а завтра вдругъ пустите такую душину́, что хоть топоръ повѣсь. И это происходитъ не отъ ренегатства, а оттого, что вслѣдствіе недостаточной подготовки для познаванія вещей вы не различаете добра отъ зла. Къ тому же, на ваше несчастіе, вы воспріимчивы, и потому легко воспламеняетесь. Но вы увлекаетесь безъ разбору, безъ критики и, къ сожалѣнію, чаще всего тѣмъ, чѣмъ ужъ никто въ цѣломъ мірѣ не увлекается. Сегодня, видя человѣка, которому тяжело дышется, вы великодушно говорите: надо ему помочь! А завтра, едва только началъ этотъ человѣкъ дышать легче, какъ вы ужъ сердитесь и восклицаете: надо его подтянуть! Ясно, что при такой неустойчивости взглядовъ и чувствъ не можетъ существовать ни малѣйшаго довѣрія къ будущему. Болѣзнь

завтрашняго дня—вотъ червь, который точитъ вашу жизнь. Но смѣю думать, что покуда вы будете заниматься только трепетаніемъ, вашъ національный геній особенно блестящихъ свойствъ не предъявитъ.

Я слушалъ эту предику и возмущался духомъ. Но такъ какъ я разъ навсегда принялъ за правило: пускай Капотты съ Гамбеттами что̀ угодно разсказываютъ, а мы свою линію будемъ потихоньку да полегоньку вести,—то и ограничился тѣмъ, что сказалъ:

— Врете вы все, Капоттъ! Я увѣренъ, что послѣ завтрака вы совсѣмъ другое будете говорить!

И точно, послѣ завтрака, выпивши на свой най бутылку бургонскаго, Капоттъ говорилъ:

— Вы, русскіе, черезъ-чуръ настойчивы въ преслѣдованіи вашихъ цѣлей—вотъ ваша главная язва. Vous êtes trop logiques. Жизнь требуетъ уступокъ, а вы хотите только реформъ. Въ такое короткое время—и такой прогрессъ!—какой организмъ это выдержитъ! А вы не только выдерживаете, но еще говорите мало! Вамъ дали свободу слова, а вы какъ будто и не подозрѣваете этого, и все жалуетесь: когда жъ намъ свободу слова дадутъ? Нѣтъ, mon cher monsieur, такъ нельзя! Конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается, а человѣкъ... Человѣка вотъ какъ надо держать, cher monsieur, чтобъ онъ не спотыкался!

Говоря это, онъ показывалъ, какъ надо „держать“ человѣка: одной рукой натягивалъ воображаемыя вожжи, другою—стискивалъ воображаемый бичъ.

Передъ обѣдомъ въ ушахъ моихъ раздавалось:

— Подобно древнимъ римлянамъ, русскіе временъ возрожденія усвоили себѣ кличъ: panem et circenses! И притомъ чтобы даромъ. Но circenses у васъ отродясь никогда не бывало (кромѣ сѣкуцій при волостныхъ правленіяхъ), а panem началъ поѣдать жучокъ. Поэтому-то, мнѣ кажется, старый князь Букпазбá былъ правъ, говоря: „во избѣжаніе затрудненій, необходимо въ нихъ сію прихоть истребить“.

А послѣ обѣда (три рюмки gorki и двѣ бутылки „ординéра“) я слышалъ слѣдующее:

— Тѣмъ не менѣе, скажу вамъ откровенно: тридцать лѣтъ сряду стараюсь я отличить русскія язвы отъ русскихъ доблестей—и, убей меня Богъ, ничего понять не могу!

Выговоривши это косѣющимъ языкомъ, онъ повалился на диванъ и заснулъ. Я же отправился въ „Variétés“ и въ третій разъ съ возрастающимъ удовольствіемъ прослушалъ „La femme à papa“. Но какъ, однакожъ, заматерѣла Люлинъ!

— А какъ любитъ русскихъ, еслибъ вы знали!—разсказывалъ мнѣ сосѣдъ по креслу:—представьте себѣ, прихожу я на дняхъ къ ней. „Такъ и такъ, говорю, позвольте поблагодарить за наслажденіе... въ Петербургѣ, говорю, изволили въ 74 году побывать“... „Такъ вы, говоритъ, русскій? Скажите, говоритъ, русскимъ, что они —душки! Всѣ, всѣ русскіе—душки! а нѣмцы—фи! И еще скажите русскимъ, что они (сосѣдъ наклонился къ моему уху и шепнулъ что-то, чего я, признаюсь, не разобралъ)... Это, говоритъ, меня одинъ кирасиръ научилъ!“

Второй день мы съ Капоттомъ посвятили доблестямъ. До завтрака, впрочемъ, дѣло шло довольно вяло, но за завтракомъ Капоттъ постепенно разогрѣлся.

— Нигдѣ я не ѣдалъ такихъ прекрасныхъ рыбъ, какъ въ Россіи!—ораторствовалъ онъ.—Oukha au sterlet—ah! c'est quelque chose d'ineffable! Однакожъ, когда я поступилъ воспитателемъ къ молодому графу Мамелфину, то мнѣ долгое время не давали этого божественнаго кушанья. Всѣмъ, бывало, подаютъ уху стерлядью, а мнѣ—изъ окуней. Но когда графиня ближе ознакомилась съ моими нравственными качествами, то мнѣ стали давать двѣ тарелки съ лучшими кусками, а стараго графа перевели на уху изъ окуней. Вотъ тогда я узналъ... Да впрочемъ одна ли уха?! а осетровый янтарный балыкъ? а тающая провѣсная бѣлорыбица? а икра банкетная, салфеточная и зернистая? Я долгое время не могъ разобрать, что̀ это такое, но когда понялъ... о!!!

За обѣдомъ Капоттъ вспомпналъ:

— Тѣмъ не менѣе, рыбами далеко не исчерпываются дары, которыми надѣлилъ Россію ея національный геній. Вспомнимъ о румяной кулебякѣ съ угремъ, о сдобномъ пирогѣ-курникѣ, объ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ поросенкѣ съ кашей, съ которымъ можетъ соперничать только гусь съ капустой, — и не будемъ удивляться, что подъ воспитательнымъ дѣйствіемъ этой снѣди умолкаютъ всѣ вопросы внутренней политики. Самыхъ лучшихъ поросятъ я ѣлъ у маркизы де-Сангло, самыя лучшія кулебяки—у генеральши Бѣдо-

куровой. Что же касается до княгини Букназбá, то она приготовляла для меня особый напитокъ, называемый „ломонò“. Ah, c'est bien, bien barbare, cette boisson-là! Въ первое время я подумалъ, что это одна изъ тѣхъ жестокихъ мистификацій, которымъ такъ охотно предаются русскіе „бояре“ относительно беззащитныхъ иностранцевъ; но когда я понялъ... о!!!

Наконецъ, послѣ ужина, передъ отходомъ на сонъ грядущій, онъ сказалъ:

— Есть у васъ и еще одна доблесть: вы тверды въ бѣдствіяхъ. Ежели есть у васъ поросенокъ — вы ѣдите поросенка; ежели нѣтъ ничего — вы довольствуетесь хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ лебедой... C'est ça! Никто этого не ѣстъ... ну, вотъ ей-и Богу никто! ха-ха!

Послѣднія слова онъ произнесъ заплетающимся языкомъ и затѣмъ, взглянувъ на меня съ какой-то неисповѣдимой иронісй, дико захохоталъ. Увы! то были естественныя послѣдствія полубутылки fine champagne, выпитой на ночь!

Третій день былъ посвященъ нами чертамъ изъ жизни достопримѣчательныхъ дѣятелей.

По словамъ Канотта, оказывалось, что русскіе вельможи давно уже сомнѣвались въ непререкаемости основъ, на которыхъ покоилось крѣпостное право. Такъ напримѣръ, однажды за обѣдомъ, маркизъ де-Сангдò выразился такъ: „Хотя крѣпостное право и похваляется многими, яко согласное съ требованіями здравой внутренней политики, но при семъ необходимо имѣть въ виду, что и оные люди, Провидѣніемъ въ наше распоряженіе для услугъ предоставленные, суть, подобно намъ, по образу и подобію Божію созданы!“ А присутствовавшій при этомъ генералъ Бѣдокуровъ присовокупилъ: „Сіе есть несомнѣнно, хотя съ нѣкоторымъ въ физіономіяхъ поврежденіемъ!“ Въ другой разъ князь Букназбá высказалъ такое мнѣніе: „Сія мысль, что Иванъ (камердинеръ князя) служитъ мнѣ токмо за страхъ, весьма для меня прискорбна, хотя не могу скрыть, что и за симъ я пользуюсь его услугами съ удовольствіемъ“. Наконецъ старый графъ Мамелфинъ чуть-было совсѣмъ не проговорился. „Тогда лишь я счастливымъ почитать себя буду“... началъ онъ, но, вспомнивъ, что за сіе не похвалятъ, продолжалъ: „а впрочемъ, еслибъ и впредь оное продолжать за нужное было сочтено, то мы и за сіе должны благодарить и онымъ безъ критики пользоваться“.

— И эти люди назывались либералами, и состояли въ подозрѣніи!—присовокупилъ въ заключеніе Капоттъ.

Нѣкоторые изъ этихъ достопримѣчательныхъ людей не были чужды и литературнымъ занятіямъ. Такъ, князь Урюпинскій-Доѣзжай написалъ сочиненіе: „О чаѣ и сахарѣ и удовольствіяхъ, ими доставляемыхъ“, а князь Сершуховскій-Догоняй, въ отвѣтъ на это, выпустилъ брошюру: „Но напиче сивухой“. Графъ Пустомысловъ печатно предложилъ вопросъ: „Куда дѣвался нашъ рубль?“ а графъ Твэрдоонтѳ тоже печатно отвѣтилъ: „Много будешь знать—скоро состаришься“. Наконецъ генералъ-маіоръ Отчаянный вопрошалъ тако: „Слѣдуетъ ли ввести кобылу въ ряды кавалеріи?“—и отвѣчалъ на вопросъ утвердительно: „Слѣдуетъ, ибо черезъ сіе былъ бы достигнутъ естественный коневой ремонтъ“. А генералъ Правдинъ-Маткинъ на это возражалъ: „Сіе столь же разумно, какъ еслибъ кто утверждалъ, что необходимо въ ряды арміи допустить генералъ-маіоршъ, дабы черезъ сіе достигнуть естественнаго ремонта генералъ-маіоровъ“. Однимъ словомъ, шла безпрерывная и живая полемика по всѣмъ отраслямъ государствовѣдѣнія, но полемика серьезная, при равномъ оружіи: князь съ княземъ, графъ съ графомъ, генералъ-маіоръ съ генералъ-маіоромъ. Буде же въ полемику впутывался коллежскій регистраторъ, то на таковой дѣлалась надпись: „Печатать *не* дозволяется. Цензоръ Красовскій-Вируковъ-Фрейгангъ. При семъ съ духовной стороны депутатомъ былъ и такожде къ печатанію не одобрилъ смиренный Іона Вочревѣбывшій“.

— Однажды военный совѣтникъ (былъ въ древности такой чинъ) Сдаточный насъ всѣхъ перепугалъ,—разсказывалъ Капоттъ.—Совсѣмъ неожиданно написалъ проектъ: „о необходимости устроенія фаланстеровъ изъ солдатъ, съ припущеніемъ въ оныхъ, для приплода, женскаго пола по пристойности“, и, никому не сказавъ ни слова, подалъ его по командѣ. Къ счастью, дѣло разрѣшилось тѣмъ, что проектъ на другой день былъ возвращенъ съ надписью: „дуракъ!“

Но съ собственнымъ сочувствіемъ, какъ и слѣдовало ожидать, Капоттъ относился къ своимъ бывшимъ питомцамъ, относительно которыхъ онъ былъ непстощимъ, хотя и довольно однообразенъ. Такъ. молодой князь Букпазбà, уже въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, безъ промаху сажалъ желтаго въ среднюю лузу; и однажды, тайно отъ родителей, поступилъ маркеромъ въ Малоярославскій трактиръ,

за что̀ былъ высѣченъ; молодой графъ Мамелфинъ столь былъ склоненъ къ философскимъ упражненіямъ, что, имѣя отъ роду тринадцать лѣтъ, усомнился въ безсмертіи души, за что̀ былъ высѣченъ; молодой графъ Твэрдоонто̀ тайкомъ отъ родителей изучалъ латинскую грамматику, за что̀ былъ высѣченъ; молодой подпрапорщикъ Бѣдокуровъ, въ предвидѣніи финансовой карьеры, съ юныхъ лѣтъ заключалъ займы, за что̀ былъ высѣченъ. Что же касается до молодого маркиза де-Сангло̀, то онъ съ семилѣтняго возраста готовилъ себя по духовному вѣдомству.

— Теперь эта бодрая молодежь въ цвѣтѣ силъ и надеждъ!— восторженно прибавилъ Канотть:—и любо посмотрѣть, какъ она поворачиваетъ и подтягиваетъ! Одинъ только де-Сангло̀ сплоховалъ: поѣхалъ на Аѳонъ; думалъ, что его оттуда призовутъ (какихъ, моль, еще доказательствъ нужно!), анъ его не призвали! Теперь онъ сидитъ на Аѳонѣ, поетъ на крылосѣ и бьетъ въ било. Такъ-то, mon cher monsieur! и Богу молиться надо умѣючи! Чтобъ видѣли и знали, что хотя духъ бодръ, но плоть отъ пристойныхъ окладовъ не отказывается!

На четвертый день мы занялись дѣлами Франціи, причемъ я предлагалъ вопросы, а Канотть давалъ отвѣты.

Вопросъ первый. Возсіяетъ ли Бурбонъ на престолѣ предковъ, или не возсіяетъ? Ежели возсіяетъ, то будетъ ли поступлено съ Греви и Гамбеттой по всей строгости законовъ, или, напротивъ, имъ будетъ объявлена благодарность за найденный во всѣхъ частяхъ управленія образцовый порядокъ? Буде же *не* возсіяетъ, то неужели тѣмъ только дѣло и кончится, что не возсіяетъ?

Отвѣтъ Каготта. Виды на возсіяніе слабы. Главная причина: ничего не приготовлено. Ни золотыхъ каретъ, ни бѣлаго коня, ни хоругвей, ни приличной квартиры. Къ тому же безплодень. Относительно того, какъ было бы поступлено, въ случаѣ возсіянія, съ Греви и Гамбеттой, то въ легитимистскихъ кругахъ существуетъ такое предположеніе: обоихъ выслать на жительство въ дальнія вотчины, а Гамбетту, кромѣ того, съ воспрещеніемъ баллотироваться на службу по дворянскимъ выборамъ.

Вопросъ второй. Не возсіяетъ ли кто-либо изъ Наполеонидовъ?

Отвѣтъ. Трудно. Но буде представится случай пустить въ ходъ обманъ, коварство и насиліе, а въ особенности въ ночное время, то

могутъ возсіять. Въ настоящее время эти претенденты главнымъ образомъ опираются на кокотокъ, которыя и донынѣ не могутъ забыть, какъ весело имъ жилось при Монтихиномъ управленіи. Однакожъ республика повидимому уже предусмотрѣла этотъ случай и въ видахъ умиротворенія кокотокъ установила такое декольте́, передъ которымъ цѣнѣла даже смѣлая „наполеоновская идея".

Вопросъ третій. Не возсіяютъ ли Орлеаны?

Отвѣтъ. Не возсіяютъ.

Вопросъ четвертый. Но что̀ вы скажете о Гамбеттѣ и о papa Trinquet? не возсіяютъ ли они? Или, быть можетъ, придетъ когда-нибудь Иванъ Непомнящій и скажетъ: а дайте-ка, братцы, и я возсіяю?

Отвѣтъ. О первыхъ двухъ могу сказать: ихъ возсіяніе сомнительно, потому что ни одинъ gavroche не согласится кричать: vive l'empereur Gambetta! а тѣмъ менѣе: vive l'empereur Trinquet! Правда, были времена, когда кричали: да здравствуетъ царь Горохъ! —но, кажется, эти времена ужъ не возвратятся. Что же касается до Ивана Непомнящаго, то онъ не возсіяетъ... навѣрное! Хотя же у васъ въ Москвѣ идетъ сильная агитація въ пользу его, но я полагаю, что это только до поры до времени. Обыкновенно принято съ Иванами поступать такъ: ты, дескать, намъ теперь помоги, а потомъ мы тебѣ носъ утремъ! И точно: не успѣетъ Иванъ порядкомъ возвеселиться, какъ его ужъ опять гонятъ: ступай свойственныя тебѣ тѣлесныя упражненія производить. Такъ-то, mon cher monsieur!

Вопросъ пятый, дополнительный. И вы полагаете, что правильно такъ съ Иванами поступать?

Отвѣтъ. На это могу вамъ сказать слѣдующее. Когда старому князю Букиза̀ предлагали вопросъ: правильно ли такой-то награжденъ, а такой то обойденъ?—то онъ неизмѣнно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „о семъ умолчу". Съ этимъ отвѣтомъ онъ прожилъ до глубокой старости и пріобрѣлъ репутацію человѣка, которому пальца въ ротъ не клади.

Прослушавъ эти отвѣты, я почувствовалъ себя словно въ туманѣ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, никто? Ни Бурбонъ, ни Тренке́... никто!!

— Послушайте, Капоттъ!—воскликнулъ я въ смущеніи:—но подумали ли вы о будущемъ? Будущее! вѣдь это цѣлая вѣчность. Капоттъ! Что̀ ждетъ васъ впереди? какую участь готовите для себя?

Я говорилъ такъ горячо, съ такимъ серьезнымъ и страстнымъ убѣжденіемъ, что даже кровожадный отпрыскъ Марата—и тотъ по-видимому восчувствовалъ.

— Вѣроятно придется прожить безъ возсіянія,—сказалъ онъ уныло:—конечно, быть можетъ, будетъ темненько; но...

Голосъ его дрогнулъ и на глазахъ показались слезы.

— Ainsi soit-il!—произнесъ онъ торжественно, и, хлопнувъ себя по ляжкѣ (онъ всегда это дѣлалъ, когда находился въ волненіи), разомъ выпилъ на сонъ грядущій двѣ рюмки gorki.

. . . . . .

На пятый день Канотъ не пришелъ. Я побѣжалъ въ кафе́, при которомъ онъ состоялъ въ качествѣ завсегдатая, и узналъ, что въ то же утро приходилъ къ нему un jeune seigneur russe и, предложивъ десять франковъ пятьдесятъ сантимовъ, увлекъ стараго профессора съ собою. Такимъ образомъ, за лишнюю полтину мѣди, Канотъ предалъ меня...

Медлить было нечего. Я сейчасъ же направилъ шаги свои въ русскій ресторанъ, въ увѣренности найти тамъ хоть одного безшабашнаго совѣтника. И на мое счастье нашелъ ту самую пару, съ которой не очень давно познакомился на обѣдѣ у Блохиныхъ. Они сидѣли у самаго окошка, за столикомъ другъ противъ друга, и по-видимому подсчитывали прохожихъ, останавливавшихся у писсуара Комической Оперы. Передъ ними стояли неубранныя тарелки, съ которыхъ только-что исчезли битки au smétane. Не спрашивая ихъ дозволенія, я тотчасъ же заказалъ еще три порціи зразъ и три рюмки очищенной; затѣмъ мы поздоровались, усѣлись и замолчали. Нѣсколько разъ старики взглядывали на меня, разѣвали рты, чтобъ сказать нѣчто, но ничего не говорили. Но отъ времени до времени то тотъ, то другой поворачивался по направленію къ улицѣ и произносилъ:

— Сто-двадцать-седьмой!

На что другой кратко отзывался:

— Однако! сегодня что-то ужъ не на шутку...

Наконецъ подали водку и зразы; и то, и другое мы мгновенно проглотили и вновь замолчали. Я даже удивился: точно всѣ слова у

меня пропали. Навѣрное я хотѣлъ что-то сказать, объ чемъ-то спросить и вдругъ все забылъ. Но наконецъ одинъ изъ стариковъ возгласилъ: „Сто-сорокъ-третій!“ и, повернувшись ко мнѣ, присовокупилъ:

— Вотъ у насъ этихъ удобствъ нѣтъ.

Тогда и другой почувствовалъ себя свободнѣе и тоже высказался:

— Здѣсь насчетъ этого превосходно. Сошелъ съ тротуара, завернулъ въ будочку и правъ.

— И, надо сказать правду, здѣшнее населеніе пользуется этимъ удобствомъ съ полнымъ сознаніемъ своего права на него. Представьте себѣ, невступно часъ мы здѣсь сидимъ, а ужъ сто-сорокъ-три человѣка насчитали. Семенъ Иванычъ! смотрите-ка, смотрите-ка! Сто-сорокъ-четвертый! сто-сорокъ-пятый!

— А вонъ и сто-сорокъ-шестой бѣжитъ!

Я сейчасъ же догадался, что это статистики. Съ юныхъ лѣтъ обуреваемые писсуарной идеей, они три года сряду изучаютъ этотъ вопросъ, разъѣзжая по всѣмъ городамъ Европы. Но нигдѣ они не нашли такой обильной пищи для наблюденій, какъ въ Парижѣ. Еще годъ или два подробныхъ изслѣдованій—и они воротятся въ Петербургъ, издадутъ томъ или два статистическихъ таблицъ, и, чего добраго, получатъ премію и будутъ избраны въ де-сіянсъ академію.

Но такъ какъ это были только догадки съ моей стороны, то, конечно, я поспѣшилъ провѣрить ихъ.

— Изслѣдованіями занимаетесь?—спросилъ я.

— Да, изслѣдуемъ,—отвѣтили они въ одинъ голосъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что въ этомъ дѣлѣ заинтересованъ, въ качествѣ мецената, капиталистъ Губошлеповъ, который на приведеніе его въ ясность пожертвовалъ милліонъ рублей. Изъ нихъ по пяти тысячъ выдалъ каждому статистику впередъ, а остальныя девять сотъ девяносто тысячъ спряталъ въ свой письменный столъ и заперъ на ключъ, сказавъ:

— По окончаніи видно будетъ...

— А ключъ онъ вамъ отдалъ?

— Нѣтъ, въ карманъ положилъ.

— Ахъ, братцы!

Старики тревожно переглянулись и даже поблѣднѣли. Но, къ счастію, они до того прониклись своею идеей и принесли ей столько

жертвъ, что никакія опасенія уже не могли сбить ихъ съ истиннаго пути. Не успѣли они надлежащимъ образомъ сосредоточиться на моей догадкѣ, какъ ужъ одинъ изъ нихъ радостно воскликнулъ:

— Николай Петровичъ! ваше превосходительство! Сто-сорокъ-седьмой, сто-сорокъ-восьмой, сто-сорокъ-девятый!

Затѣмъ они подробно изложили мнѣ планъ работъ. Прежде всего они приступили къ изслѣдованію Парижа по сю сторону Сены, раздѣливъ ее на двѣ равныя половины. Вставши рано утромъ, каждый отправляется въ свою сторону и наблюдаетъ, а около двухъ часовъ они сходятся въ русскомъ ресторанѣ и ужъ совмѣстно наблюдаютъ за стѣною Комической Оперы. Потомъ опять расходятся и поздно ночью, возвратясь домой, провѣряютъ другъ друга.

— И много беретъ это у васъ времени?—полюбопытствовалъ я.

— Да какъ вамъ сказать! вотъ пять мѣсяцевъ живемъ въ Парижѣ, съ утра до ночи только этимъ вопросомъ и заняты, а между тѣмъ и десятой части еще не высмотрѣли.

— И любопытныхъ результатовъ достигли?

— Да вотъ какъ-съ. Теперь я, напримѣръ, Монмартрскимъ бульваромъ совсѣмъ овладѣлъ, такъ вѣрьте или не вѣрьте, а даже сію минуту могу сказать, въ какой будкѣ есть гость и въ какой—нѣтъ!

— Чортъ побери!

— Это такъ точно,—подтвердилъ и Семенъ Ивановичъ:—то же самое и я могу сказать о бульварѣ Бонинъ-Нувелль...

— Законы статистики вездѣ одинаковы,—продолжалъ Николай Петровичъ солидно.—Утромъ, напримѣръ, гостей бываетъ меньше. потому что публика еще исправна; но чѣмъ больше солнце поднимается къ зениту, тѣмъ напливъ дѣлается сильнѣе. И наконецъ ночью, по выходѣ изъ театровъ—это почти цѣлая оргія!

— И замѣтьте,—пояснилъ Семенъ Иванычъ:—каждый день, въ одни и тѣ же промежутки времени, цифры всегда одинаковыя. Колебаній—никакихъ! Такова незыблемость законовъ статистики!

— Безподобно. Но что же вы, кромѣ наблюденій, въ Парижѣ дѣлаете? Въ театрахъ бывали?

— Собираемся, да все недосугъ...

— Въ Лувръ, въ Люксамбургскомъ дворцѣ, на выставкѣ художественныхъ произведеній были? Венеру Милосскую видѣли? съ Гамбеттой бесѣдовали? Въ ресторанѣ Фуà turbot sauce Mornay ѣли?

Въ Jardin d'acclimatation на верблюдахъ ѣздили?—сыпалъ я одинъ вопросъ за другимъ.

— То-то, что недосугъ еще...

— Стало быть, только съ предметомъ своихъ изслѣдованій и познакомились?

Собесѣдники мои поникли головами.

— Ну, а насчетъ республики какъ? Понравилась?

Но и на этотъ вопросъ отвѣта не послѣдовало.

Я взглянулъ на этихъ трудолюбивыхъ и скромныхъ стариковъ, и сердце мое вдругъ умилилось. „Вотъ люди!—воскликнулъ я мысленно:—которые навѣрное не знаютъ ни уныній, ни вопросовъ, кромѣ того, который задалъ имъ Губошлеповымъ! Живутъ они себѣ въ Парижѣ и, не засматриваясь по сторонамъ, выполняютъ полегоньку провиденціальное свое назначеніе. И благо имъ! Именно только такъ и можно жить въ наше смутное время! И еслибы мы всѣ слѣдовали ихъ примѣру, еслибъ всякій изъ насъ глядѣлъ только въ ту точку, которая у него передъ носомъ — насколько человѣчество было бы счастливѣе! Насколько самая жизнь была бы удобнѣе и пріятнѣе! Устройте, напримѣръ, писсуары, удовлетворите хоть въ этомъ отношеніи справедливыя требованія публики—какой вдругъ получится переворотъ въ жизни цѣлой массы пѣшеходовъ! Какъ всѣ будутъ довольны! Какъ повеселѣютъ и расцвѣтутъ лица! Какая появится въ движеніяхъ свобода и увѣренность!“

— Господа, да не возьмете ли вы и меня...

Къ счастію, я не успѣлъ договорить, потому что въ эту минуту Николай Петровичъ въ какомъ-то неистовомъ восторгѣ закричалъ:

— Семенъ Иванычъ! смотрите! цѣлая компанія! Сто-пятьдесятъ-девятый! сто-шестидесятый! сто-шестьдесятъ-первый... ахъ!

Я поспѣшилъ уплатить за зразы и водку, и воспользовался восторженнымъ состояніемъ безшабашныхъ совѣтниковъ, чтобъ улизнуть изъ ресторана.

Весь вечеръ я просидѣлъ одинъ, и потому ночью опять видѣлъ во снѣ свинью.

На другой день я уже мчался на всѣхъ парахъ въ Петербургъ.

Глава VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Октябрь ужъ начался и признаки осени выказывались довольно явственно. Нѣсколько дней сряду стояла перемѣнная погода; солнце показывалось на-короткѣ, и ежели не наступили настоящіе холода, то въ воздухѣ уже чувствовалась порядочная сырость. Тянуло на сѣверъ, въ печное тепло, за двойныя рамы, въ страну пироговъ съ грибами и держанія языковъ за зубами... Хорошо тамъ!

Я собрался мигомъ, но моментъ отъѣзда былъ выбранъ не совсѣмъ удачно. Кёльнскій поѣздъ выходилъ изъ Парижа вечеромъ; сверху сыпалось что-то похожее на нашу петербургскую изморозь; туманъ стлался по бульварамъ и улицамъ и въ довершеніе всего платформа желѣзнодорожной станціи была до крайности скудно освѣщена. Все это, вмѣстѣ взятое и осложненное перспективами дорожныхъ неудобствъ, наводило унынie и тоску.

Вообще русскій культурный человѣкъ не имѣетъ особенной склонности къ передвиженіямъ, а за границей онъ, сверхъ того, встрѣчаетъ, при переѣздахъ, множество неудобствъ, которыя положительно застаютъ его врасплохъ. Главное неудобство — недостатокъ желѣзнодорожной прислуги. Приходится не только самому нести свой ручной багажъ, но самому отыскать свой вагонъ, самому сѣсть на мѣсто и самому сказать: ну, сѣли — теперь съ Богомъ! У тамошнихъ людей все это не считается неудобствомъ. Не потому, что тамъ нѣтъ охотниковъ получать пятиалтынные за мелкія услуги по переноскѣ коробокъ, чтобъ эта монета утратила свой престижъ въ глазахъ кабальнаго большинства, а потому, что пѣтъ охотниковъ давать эти пятиалтынные. Предполагается, что всякій самъ съумѣетъ найти свое мѣсто и устроить себя. Все равно какъ въ жизни вообще. Бываютъ обстановки, при которыхъ можно получить слѣдуемое даромъ, а бываютъ и такія, при которыхъ слѣдуемое можно получить только сунувъ въ руку желтенькую и зеленькую бумажку. И когда люди привыкаютъ къ этимъ послѣднимъ обстановкамъ, то всегда держатъ подачки на-готовѣ, и только тогда чувствуютъ себя обнадеженными, когда все, что̀ слѣдуетъ, отдадутъ.

Заграничный человѣкъ идетъ и прямо садится на мѣсто, какъ

будто оно и въ самомъ дѣлѣ его. А мы, русскіе, въ этомъ не увѣрены, Все думается: сѣсть-то я сяду, да усидѣть-то придется ли? А вдругъ генералъ Отчаянный крикнетъ (да еще въ темнотѣ!): „знай сверчокъ свой шестокъ!“—ну, и снимайся съ мѣста, разыскивай, гдѣ онъ, этотъ „свой“ шестокъ, обрѣтается! Поэтому мы, какъ и во всѣхъ случаяхъ жизни, прежде всего суемъ въ руку двугривенный и спрашиваемъ, можно ли сѣсть? Русскіе кондукторы знаютъ это и снисходятъ, а заграничные кондукторы не понимаютъ и только покрикиваютъ: „en voitures, les voyageurs, en voitures!“ Какъ будто это такъ ужъ легко: взялъ да и сѣлъ!

Но сверхъ того большинство изъ насъ еще помнитъ золотыя времена, когда по всей Руси, изъ края въ край, раздавалось: „Эй, Иванъ, платокъ носовой! Эй, Прохоръ, трубку!“—и хотя, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, можно бы, кажется, ужъ сродниться съ мыслью, что сапоги приходится надѣвать самолично, а все-таки эта перспектива приводитъ насъ въ смущеніе и порождаетъ въ нашихъ сердцахъ ропотъ. Единственный ропотъ, который, не будучи предусмотрѣнъ въ регламентахъ, пользуется привилегіей: роптать дозволяется.

Именно это чувство неизвѣстности овладѣло мной, покуда я, неся подъ мышками и въ рукахъ какія-то совсѣмъ ненужныя коробки, слонялся въ полумракѣ платформы. Собственно говоря, я не искалъ, а въ глубокомъ уныніи спрашивалъ себя: „гдѣ-то онъ, мой шестокъ („идѣ домувъ мой?“ какъ пѣвали братья-славяне на „Минерашкахъ“ у Излера), обрѣтается? Не знаю, долго ли бы я такимъ манеромъ прослонялся, еслибъ въ ушахъ моихъ не раздался, на чистѣйшемъ русскомъ діалектѣ, призывъ:

— Вы русскій, и я русскій; давайте вмѣстѣ искать.

И дѣйствительно, ободряя другъ друга и напоминая, что на Парижъ дѣйствіе регламентовъ не распространяется, мы вдвоемъ нашли довольно скоро и такъ ловко усѣлись на мѣстахъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ эти мѣста были наши собственныя. Да и пора было, потому что едва я успѣлъ сказать: „теперь—съ Богомъ!“ какъ паровозъ засвистѣлъ, запыхтѣлъ, и мы покатили.

Насъ ѣхало въ купé всего четыре человѣка, по одному въ каждомъ углу. Можетъ быть, это были все соотечественники, но знакомиться намъ не приходилось, потому что наступала ночь, а утромъ

въ Кёльнѣ предстояло опять мѣнять вагоны. Часа съ полтора шла обычная дорожная возня, причемъ мой vis-à-vis не утерпѣлъ-таки сказать: „а у насъ-то что дѣлается—чудеса!“—фразу, какъ будто сдѣлавшуюся форменнымъ привѣтствіемъ при встрѣчѣ русскихъ въ послѣднее время. И затѣмъ все окунулось въ безмолвіе.

Но мнѣ не спалось. Какъ только я созналъ себя одинокимъ, такъ тотчасъ на встрѣчу поплыли „мысли“. Вспомнилось тоскливое, безцѣльное заграничное шатаніе, въ сопровожденіи потухшей любознательности и отсутствія интереса ко всему, исключая трактировъ: вспомнилось и сѣрое житьишко дома, полное безпредметныхъ и неосмысленныхъ тревогъ... И какъ-то невольно, само собою сказалось: „Ахъ, какая это ужасная вещь—жизнь!“

Въ конечныхъ результатахъ жизненныя тревоги послѣдняго времени настолько ужъ развратили насъ, что каждый въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ почти исключительно выходитъ изъ представленія о „шкурѣ“. Боязнь за „шкуру“, за завтрашній день—вотъ основной тезисъ, изъ котораго отправляется современный русскій человѣкъ, и это смутное ожиданіе вѣчно-грозящей опасности уничтожаетъ въ немъ не только позывъ къ дѣятельности, но и къ самой жизни. На первый взглядъ тутъ кроется какъ бы противорѣчіе. Ежели человѣкъ тревожно цѣпляется за свой завтрашній день—стало быть, онъ жаждетъ жить. Ничуть не бывало. Не жажда жизни заставляетъ трепетать, а просто инстинктивная сердечная смута, которая, помимо сознанія, каждоминутно сосетъ и терзаетъ. Сама по себѣ, жизнь и ненавистна, и постыла; но такъ какъ она привязалась, то приходится ее выносить. Да объ ней какъ-то и не думается, а думается только объ этой несносной смутѣ, которая до такой степени всѣмъ завладѣла, все заслонила, что уничтожила даже силу взглянуть смѣло въ глаза смерти. Не завтрашняго дня жаль, а жутко при мысли, что можетъ быть онъ будетъ, а можетъ быть и не будетъ.

„Шкурный“ инстинктъ грозитъ погубить, если ужъ не погубилъ, всѣ прочіе жизненные инстинкты. Ужасно подумать, что возможны общества, возможны времена, въ которыхъ только проповѣдь надругательства надъ человѣческимъ образомъ пользуется правомъ гражданственности. Уши слышатъ, очи видятъ—и вѣры не имутъ. Невольно вырывается крикъ: неужто все это есть, неужто ничего другого и не будетъ? Неужто все пропало, все? Вѣдь было же когда-то

время, когда твердили, что безъ идеаловъ шагу ступить нельзя! Были великіе поэты, великіе мыслители, и ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о „шкурѣ“, ни одинъ не указывалъ на принципъ самосохраненія, какъ на окончательную цѣль человѣческихъ стремленій. Да, все это несомнѣнно было. Такъ неужто же и эти поэты, мыслители, Шекспиры, Байроны, Сервантесы, Данты, были люди опасные, подлежащіе упраздненію?

Въ смыслѣ свободы мышленія мы, конечно, не можемъ похвастаться, чтобъ наше прошлое было изобильно благопріятными днями. Но даже въ самыя трудныя времена злобная ограниченность, пошлость и приниженность стремленій не выступали такъ нагло впередъ, не выказывали такъ явно своей властности. Чувствовалась общая суровость жизненныхъ тоновъ, но не было подлаго ликованія съ поддразниваньями, науськиваніями и проч. Правда, дѣйствующая въ кварталахъ, представлялась обязательною, но никому не приходило въ голову утверждать, что нѣтъ солнца, кромѣ сіяющаго изъ будки, и что правду высшую, человѣческую, слѣдуетъ заковать въ кандалы. Полезность Псоя Стахича Замухрышкина рекомендовалась къ непремѣнному признанію, но никто не позволялъ себѣ сказать, что Пушкинъ—разбойникъ, а Псой Стахичъ—идеалъ человѣковъ. Право, мнѣ кажется, что даже цензура того времени не пропустила бы ничего подобнаго. Потому что вѣдь проповѣдь всеобщаго одичанія, по малой мѣрѣ, столь же опасна, какъ и проповѣдь всеобщаго равенства передъ домашнимъ обыскомъ.

А нынѣче послушайте, какая трель всенародно раздастся изъ любого литературнаго клоповника! Мыслить не полагается! добрый же сынъ отечества обязывается предаваться установленнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ и затѣмъ пасыщаться, переваривать и извергать. Всякій же, кто обнаружитъ попытку мышленія, будетъ яко пособникъ, укрыватель и соучастникъ злодѣйскихъ замысловъ. Неужто же мы такъ и останемся при этихъ хлѣвныхъ идеалахъ?

Неужто это будетъ?..

Всякій, конечно, совершенно ясно понимаетъ практическую несостоятельность подобныхъ опасеній, и всякому въ то же время становится жутко, потому что хлѣвные идеалы формулируются уже черезъ-чуръ рѣшительною и беззастѣнчивою рукой. Страшно подумать, что можетъ выдаться хоть одна минута подобнаго торжества, что

возможны даже сомнѣнія въ этомъ смыслѣ. Помилуйте! вѣдь насъ, наконецъ, всѣхъ, отъ мала до велика, вина заѣстъ! Мы разучимся говорить и начнемъ мычать! Мы будемъ въ состояніи только совершать обрядныя тѣлесныя упражненія, не понимая ихъ значенія, не умѣя ни направлять ихъ, ни пользоваться какими-нибудь результатами! Мы будемъ хлѣбъ сѣять на камнѣ, а навозъ валить во щи...

Да, это тоже своего рода крамола. Это крамола противъ человѣчества, противъ божьяго образа, воплотившагося въ человѣкѣ, противъ всего, что человѣчеству дорого, чѣмъ оно живетъ и развивается. И, къ ужасу, это крамола не подпольная, а явно и вслухъ проповѣдуемая. Обитательница хлѣвовъ не знаетъ солнца—и отрицаетъ его; не знаетъ вольнаго воздуха—и удостовѣряетъ, что это выдумка злонамѣренныхъ людей. А Правда слушаетъ это безсмысленное бормотаніе и ежится. Она ощущаетъ свою „шкуру“ и боится, какъ бы до нея дѣло не дошло! Какъ тутъ не воскликнуть: вина источитъ насъ, вина! мычать будемъ! щи съ навозомъ будемъ хлебать!

Я помню, покойница бабушка говаривала: „и мужичка, мой другъ, безъ ума пугать не надо; запугаешь его—онъ и будетъ сохой вавилоны по пашнѣ водить; и самъ-то изъ силъ выбьется, да и пользы отъ этого никакой!“ Милая бабушка! точно она провидѣла!

. . . . . .

Вотъ тутъ и разсуждай, утѣшаетъ ли исторія. Несомнѣнно, такія личности бываютъ, для которыхъ исторія служитъ только свидѣтельствомъ неуклоннаго наростанія добра въ мірѣ; но вѣдь это личности исключительныя, насквозь проникнутыя свѣтомъ. Ихъ точно такъ же подавляютъ идеалы будущаго, какъ другихъ пригнетаетъ прахъ прошедшаго. Это личности до того вѣрующія, что для нихъ осуществленіе идеаловъ не составляетъ даже вопроса времени. Они уже осуществились, эти идеалы, они носятся передъ глазами, ихъ можно осязать руками, и никакіе уколы неумолимой дѣйствительности не въ силахъ поколебать въ нихъ эту блаженную увѣренность... Конечно, тутъ не можетъ быть даже вопроса о томъ, утѣшаетъ ли исторія.

Этотъ изумительный типъ глубоко вѣрующаго человѣка нерѣдко смущалъ мое воображеніе и я не разъ пытался воспроизвести его. Но задача оказывалась непосильною. Нужно имѣть и громадную подготовку, и почти сверхъестественное художническое чутье, чтобъ отыс-

скать неисчерпаемое богатство содержанія въ этомъ внѣшнемъ однообразіи вѣры. Часто представлялъ я себѣ человѣка забытаго, затерянnаго и все-таки обращающаго глаза къ востоку. Онъ ясно видитъ, какъ горитъ и пламенѣетъ этотъ востокъ, и совсѣмъ не замѣчаетъ, что на самомъ дѣлѣ и востокъ и западъ, и сѣверъ и югъ—все кругомъ охвачено непроглядной тьмою. Но вѣдь это картина—и только; картина, характеризующая лишь моментъ извѣстнаго душевнаго настроенія. Повторите этотъ моментъ хотя безчисленное множество разъ—вы не выйдете изъ предѣловъ однообразія, не получите ничего, кромѣ утомительныхъ перифразъ. Чтобы выйти изъ этого однообразія, необходимо прежде всего понять, что тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является „вѣра“, и что представленіе о „вѣрѣ“ объемлетъ собой не только всего человѣка, но весь міръ, всю область знанія. И вотъ тотъ, кто съумѣетъ раскрыть всю безпредѣльность этого содержанія, кто найдетъ въ себѣ мощь воспроизвести все разнообразіе идеаловъ, которое составляетъ естественный выводъ этого содержанія—тотъ, несомнѣнно, напишетъ картину, безконечное разнообразіе и яркость которой зажжетъ всѣ сердца. Слово утратитъ вялость, образы будутъ полны жизни и огня. Но спрашиваю по совѣсти: гдѣ тотъ художникъ, которому были бы подъ силу такія глубины?

Повторяю: не объ этихъ исключительныхъ натурахъ можетъ идти здѣсь рѣчь, а о простой злобѣ дня. Герой этой злобы—заурядный дѣятель современности, устроитель ея будничныхъ отношеній, человѣкъ относительной правды, относительнаго добра, относительнаго счастья. Онъ живетъ, потому что схваченъ тисками жизни; но разъ онъ живетъ, лукавыя мудрствованія уже не смущаютъ его. Онъ вникаетъ въ обстановку современности и дѣлаетъ всѣ усилія, чтобъ примѣниться къ ней; онъ ищетъ не абсолютной правды, а *возможной*, и примиряется съ нею; наконецъ онъ охотно признаетъ „удобство“ за синонимъ счастія и подчиняется этому опредѣленію. Вообще это человѣкъ не сложныхъ требованій, не выспренныхъ идеаловъ, который въ случаѣ нужды пойдетъ на компромиссъ: только не добивай до конца! Понятно, что для этого человѣка утѣшенія, преподаваемыя исторіей, составляютъ не вопросъ экзальтированной вѣры, а конкретнѣйшую задачу самаго обыкновеннаго будничнаго обихода.

Несомнѣнно, что и между этими средними дѣятелями современ-

пости встрѣчается очень много честныхъ людей, которые совершенно искренно вѣрятъ, что исторія представляетъ неистощимый источникъ утѣшеній. Но средній человѣкъ всегда инстинктивно отличаетъ теорію отъ практики. Не будучи даже малодушнымъ, онъ отводитъ для историческихъ утѣшеній скорѣе отдаленное будущее, нежели ближайшее настоящее. Въ настоящемъ процессъ наростанія правды нерѣдко кажется ему равносильнымъ процессу сдиранія кожи съ живого организма. Туго приходитъ въ міръ правда и притомъ цѣною неслыханныхъ жертвъ. Самоотверженность не въ правахъ средняго человѣка, да вѣдь она и не обязательна. Средній человѣкъ не прочь даже, въ видахъ самооправданія, сослаться на ненормальность самоотверженности вообще, и въ принципѣ будетъ пожалуй правъ. И хотя ему можно возразить на это: такъ-то такъ, да вѣдь въ ненормальной обстановкѣ только ненормальныя явленія и могутъ быть нормальными,—но вѣдь это ужъ будетъ порочный кругъ, вращаться въ которомъ можно до безконечности, не придя ни къ какому выводу.

Поэтому, ежели въ глазахъ человѣка вѣры безразличны всѣ виды и степени относительной правды, оспаривающіе другъ у друга верхъ, то для человѣка средняго борьба этихъ правдъ составляетъ источникъ глубокихъ и мучительныхъ опасеній. Онъ не подавленъ ни будущимъ, ни прошедшимъ: онъ всѣми своими помыслами прикованъ къ настоящему и отъ него одного ждетъ охраннаго листа на среднее, не очень свѣтлое, но и не черезъ-чуръ мрачное существованіе. Программа его скромна и имѣетъ очень мало соприкосновенія съ блескомъ и полнотою историческихъ утѣшеній...

И вотъ, когда у него оспаривается право на осуществленіе даже этой скромной программы, онъ, конечно, получаетъ полное основаніе сказать: „Я охотно вѣрю, что исторія *должна* утѣшать, но не могу указать на людей, которыхъ имѣютъ коснуться ея утѣшенія. Что касается до меня лично, то я чувствую только одно: что исторія сдираетъ съ меня кожу“.

А между тѣмъ этотъ средній человѣкъ именно и есть дѣйствительный объектъ исторіи. Для него пишетъ исторія свои сказанія о старой неправдѣ; для него происходитъ процессъ наростанія правды новой. Ради него созидаются религіи, философскія системы, утопіи; ради него самоотвергаются тѣ исключительныя натуры, которыя по-

сять въ себѣ зиждительное начало исторіи. Какимъ же образомъ ему примириться съ утѣсненіями исторіи, какимъ образомъ увѣровать въ нихъ, когда онъ ежеминутно встрѣчаетъ осязательныя доказательства, что эта самая исторія на каждомъ шагу въ кровь разбиваетъ своего собственнаго героя?

Дѣло въ томъ, что исторія даетъ пріютъ въ нѣдрахъ своихъ не только прогрессивному наростанію правды и свѣта, но и необычайной живучести лжи и тьмы. Правда и ложь живутъ одновременно и рядомъ, но при этомъ первая является нарождающеюся и слабо защищенною, тогда какъ вторая представляетъ собой крѣпкое мѣсто, снабженное всѣми средствами самозащиты. Легко понять, какого рода результаты могутъ произойти изъ подобнаго взаимнаго отношенія сторонъ.

Вообще ложь имѣетъ за собою цѣлую свиту преимуществъ... Во-первыхъ, она знаетъ, что торжество правды не влечетъ для нея за собой никакихъ отмщеній. Правдѣ чужда месть; она приноситъ за собой прощеніе, и даже не прощеніе, а просто только возстановленіе дѣйствительнаго смысла явленія. Во-вторыхъ, циклъ правды до сихъ поръ никогда не представлялся завершившимся, и даже сомнительно, можно ли ждать, чтобъ онъ когда-нибудь завершился. Правда способна развиваться до безконечности, открывая новые и новые горизонты и облекаясь въ новыя, болѣе совершенныя формы. Эта растяжимость правды и на человѣка дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. Онъ не прекращаетъ своихъ поисковъ не потому, чтобъ это была прихоть его бунтующей природы, какъ утверждаютъ литературные клоповщики, а потому что исканія эти столь же естественны, какъ естественъ и самый законъ прогрессивнаго наростанія правды. Ложь знаетъ неизбѣжность этихъ исканій, но знаетъ также и неизбѣжность сопровождающихъ эти исканія недоумѣній и ошибокъ. И. на минуту посрамленная, въ лицемѣрномъ спокойствіи ждетъ очерёди для отмщеній.

Среднему человѣку приходится считаться со всѣми этими привилегіями лжи. Повторяю: его искъ къ жизни и ея благамъ до крайности скроменъ. До такой степени скроменъ, что онъ самъ всегда признаетъ за ложью право защищаться до послѣдней крайности. Быть можетъ, онъ даже отказалъ бы себѣ въ правѣ идти на встрѣчу искомой правдѣ (эту осторожность подсказываетъ ему „шкура“), но

онъ не можетъ сдѣлать это, потому что всѣ инстинкты тянутъ его въ сторону. И вотъ, для него наступаетъ моментъ ожесточенной свалки. Это—свалка жизни, въ которой нѣтъ свидѣтелей, а всѣ сплошь—дѣйствующія лица. И въ этой свалкѣ его бьютъ, бьютъ, бьютъ безъ конца!

Ибо ежели и не его лично бьютъ, такъ нельзя же вѣдь сказать: тебя не бьютъ, а до прочихъ тебѣ нѣтъ дѣла! Это будетъ разсужденье каплунье, а не человѣческое.

А такъ какъ процессъ наростанія правды трудный и медлительный, то встрѣчаются поколѣнія, которыя нарождаются при началѣ битья, а сходятъ со сцены, когда битье подходитъ къ концу. Даже передышкой не пользуются. Какой горькой ироніей долженъ звучать для этихъ поколѣній вопросъ объ историческихъ утѣшеніяхъ!

Утѣшайся исторіей и живи одной мыслью съ народомъ—вотъ обязательныя условія существованія современнаго человѣка. И точно: когда жизнь кидаетъ вмѣсто хлѣба камень, тогда по-неволѣ приходится искать утѣшеній въ исторіи; но вѣдь, по правдѣ-то говоря, не исторія должна утѣшать, а сама жизнь. Во всякомъ случаѣ средній человѣкъ имѣетъ право такъ думать, этого желать. Да еслибъ онъ думалъ иначе, еслибъ онъ не ждалъ, что жизнь поступится чѣмъ-нибудь въ пользу его, то онъ и не добывалъ бы, цѣною смертнаго боя, матеріалы, изъ которыхъ созидаются историческія утѣшенія. И тогда исторія едва-ли имѣла бы возможность занести на свои страницы достаточное число фактовъ наростанія добра, которые можно бы принять за отправный пунктъ для утѣшеній.

Что же касается до единенія съ народомъ, то это вопросъ едва-ли еще не болѣе жестокій, нежели вопросъ объ историческихъ утѣшеніяхъ. Конечно, достигнуть или, точнѣе, представить себѣ это единеніе на манеръ тѣхъ испускателей трубныхъ звуковъ, у которыхъ нѣтъ ничего за душой, кромѣ высокомѣрнаго и суетнаго празднословія, очень легко; но дѣйствительное единеніе съ народомъ по малой мѣрѣ столь же мучительно, какъ и сдираніе съ живого организма кожи, ради осуществленія историческихъ утѣшеній. Не призыва требуетъ народъ, а подчиненія, не руководительства и ласки, а самоотреченія. Вы задаете себѣ задачу: міръ, валяющійся во тьмѣ, призвать къ свѣту; на массы болящія и негодующія пролить исцѣ-

леніе. Но бываютъ историческія минуты, когда и этотъ міръ, и эти массы преисполняются угрюмостью и недовѣріемъ, когда они сами непостижимо упорствуютъ, оставаясь во тьмѣ и въ недугахъ. Не потому упорствуютъ, чтобъ не понимали свѣта и исцѣленій, а потому, что источникъ этихъ благъ заподозрѣнъ ими. Въ такія минуты къ этому валяющемуся во тьмѣ и недугахъ міру нельзя подойти иначе, какъ предварительно погрузившись въ ту же самую тьму и болѣя тою же самою проказой, которая грозитъ его истребить.

Вотъ какія изумительныя задачи выпали на долю средняго человѣка. Съ одной стороны онъ обязывается завоевать для исторіи утѣшенія, а съ другой—погружаться въ тьму и примиряться съ проказой. Добавьте къ этому смертный бой ликующей современности, которая какъ-то особенно злобно привязывается именно къ среднему человѣку,—и картина душевнаго благополучія будетъ полная. Я не говорю, что онъ преднамѣренно и тщеславно беретъ на себя выполненіе этихъ непосильныхъ задачъ; напротивъ, онѣ тяготѣютъ надъ нимъ фаталистически, и онъ, даже при желаніи, не можетъ ускользнуть отъ нихъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ онъ идетъ на встрѣчу ликующей современности, и не только не можетъ защититься отъ нея, но не можетъ и отступить. Жизнь защемила его въ свои тиски и не выпуститъ до тѣхъ поръ, пока не высосетъ всей его крови до послѣдней капли. А затѣмъ выброситъ въ общую яму его трупъ и будетъ туда валить новые и новые трупы, изъ массы которыхъ исторія со временемъ выработаетъ свои „утѣшенія“.

Положа руку на сердце, говорю: меня морозъ подралъ по кожѣ отъ этихъ мрачныхъ думъ. Отъ времени до времени я заглядывалъ въ окно и сквозь окрестную тьму различалъ вдали цѣлые свѣтящіеся города. То былъ промышленный уголокъ Бельгіи съ его неусыпающими фабриками и заводами. Вотъ-то гдѣ доподлинно добываются историческія утѣшенія! думалось мнѣ, и воображеніе рисовало пѣлыя картины процесса этого добыванія. Да и единеніе съ народомъ тутъ же кстати пристегнулось. Съ народомъ, повинным вѣчной работѣ и изнемогающимъ подъ игомъ тьмы и проказы! Подп-ка подступись къ этому народу! Ты думаешь о наслажденіяхъ мысли, чувства и вкуса, о свободѣ, объ искусствѣ, объ литературѣ, а онъ свое твердитъ: жрать!

Не разнообразно, но за то какъ опредѣленно! Вотъ онъ говоритъ, что книги истребить надо — войди-ка съ нимъ въ единеніе во имя истребленія книгъ! А можетъ быть ему и фабрика съ заводомъ не въ утѣшеніе, а въ тягость — что-жъ, и эта почва для единенія не дурна! Какъ бы то ни было, но ужъ онъ не уступитъ! Кто въ проказѣ — тотъ съ нимъ, у кого нѣтъ проказы — тотъ противъ него! Коротко и ясно.

Ты хочешь единенія съ народомъ? — прекрасно! — выбирай проказу, ложись на навозъ, ѣшь хлѣбъ, сдобренный лебедой, надѣвай рваный понитокъ и жги книгу. Но не труби въ трубу, не заражай воздуха запахомъ трубныхъ огрѣховъ! Трубные звуки могутъ только раздражать, а съ такимъ непочатымъ организмомъ, какъ народъ, дѣло кончается не раздраженіями, а представленіемъ доказательствъ.

Но всероссійскіе клоповники не думаютъ объ этомъ. У нихъ на первомъ планѣ личные счеты и личныя отмщенія. Посѣвая смуту, они едва-ли даже предусматриваютъ, сколько жертвъ она увлечетъ за собой: у нихъ нѣтъ соотвѣтствующаго органа, чтобъ понять это. Они знаютъ только одно: что лично они непремѣнно вывернутся. Сегодня они злобно сѣютъ смуту, а завтра, ежели смута приметъ безпокойные для нихъ размѣры, они будутъ, съ тою же холодною злобой, кричать: пали!

Очевидно, тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ не объ единеніи, а о томъ, чтобъ сдѣлать изъ народа орудіе извѣстныхъ личныхъ разсчетовъ. А сверхъ того, можетъ быть, и розничная продажа играетъ извѣстную роль. Потому что, сообразите на самомъ дѣлѣ, для чего этимъ людямъ вдругъ понадобилось это единеніе? Съ чего они такъ внезапно заговорили о немъ?

Я помню еще отъ лѣтъ дѣтства, какъ нашъ сельскій батюшка говаривалъ: „всегда бывали господа, и всегда бывали рабы, и впредь уповательно такъ же будетъ“. Говорилъ-говорилъ батюшка, да вдругъ пришелъ Царь-Освободитель и снялъ съ рабовъ узы. И остался батюшка съ носомъ. Но онъ не обидѣлся этимъ и, вынувъ изъ-за назухи предику на тему: „любите други своя“, воскликнулъ: „Совершилось дѣло прелюбезное и для всѣхъ сердецъ равно благопотребное! Съ горнихъ высотъ раздался гласъ: рабы да возвеселятся, помѣщики же да радуются! Размыслимъ же о семъ, любезные слушатели, и для сего предложимъ себѣ два вопроса: первое, что сіе означаетъ? и второе, что симъ достигается?“ и т. д.

Въ сущности, наши консервативные клоповники твердо помнятъ только до-реформенный батюшкинъ афоризмъ и хлопочутъ только объ одномъ: о дѣйствительнѣйшихъ средствахъ народнаго порабощенія. Но они понимаютъ, что коль скоро разъ сказано: „рабы да возвеселятся“, то упрощенныя батюшкины предики уже недостаточны, а главное, они знаютъ, что встрѣтятъ на пути противниковъ, которымъ дѣйствительно ненавистно народное порабощеніе. Стало быть, прежде всего нужно упразднить этихъ людей, стереть ихъ съ лица земли, обрызгать „слюною бѣшеной собаки“. А для этого необходимо сдѣлать ихъ подозрительными, давъ имъ кличку, воспользоваться всѣми неясностями и недоразумѣніями жизни, чтобъ наплодить массу новыхъ неясностей и недоразумѣній. И когда травля будетъ надлежащимъ образомъ организована, когда пробудившееся чувство исторической розни будетъ доведено до степени неразличенія враговъ отъ друзей, тогда...

Что будетъ тогда — клоповники сами не уясняютъ себѣ. Они не прозираютъ въ будущее, а преслѣдуютъ лишь ближайшія и непосредственныя цѣли! Поэтому ихъ даже не пугаетъ мысль, что „тогда“ они должны будутъ очутиться лицомъ къ лицу съ пустотой и безсиліемъ. Покамѣстъ они удовлетворены уже тѣмъ, что ненавидятъ все, за исключеніемъ своей ненависти. Ненавидятъ завтрашній день, потому что тайна, которую онъ хранитъ въ нѣдрахъ своихъ, мѣшаетъ имъ бездумно предаваться удовлетворенію инстинктовъ человѣконенавистничества; ненавидятъ своихъ собственныхъ дѣтей, потому что видятъ въ нихъ пособниковъ и соучастниковъ завтрашняго дня. Собственно говоря, нельзя представить положенія болѣе ужаснаго. Быть осужденному на вѣчное омертвѣніе и знать, что тутъ же рядомъ нѣчто страдаетъ, изнываетъ, стонетъ, но все-таки живетъ — развѣ можно представить себѣ казнь болѣе жестокую, нежели это пустоутробное, пустомысленное и клокочущее самодовлѣющей злобой существованіе?

Но для живущихъ дѣло не въ томъ, чего достигаютъ граждане клоповниковъ, а въ томъ, что бываютъ историческія минуты, когда ихъ клеветы производятъ извѣстный переполохъ въ обществѣ. Міръ, конечно, не погибнетъ отъ этихъ клеветъ, и исторія не перестанетъ созидать утѣшенія; но отдѣльные индивидуумы могутъ погибнуть. Вотъ это-то именно и составляетъ ахиллесову пяту средняго чело-

вѣка. Видя, съ какою безнаказанностью дѣйствуетъ клевета, онъ начинаетъ бояться, и въ умѣ у него постепенно созрѣваетъ деморализирующее „ученіе о шкурѣ“. Но разъ деморализированъ средній человѣкъ, деморализація уже дѣлается достояніемъ всего общества. Всѣ поголовно начинаютъ усчитывать себя и припоминать; у всѣхъ опускаются руки, у всѣхъ начинаютъ биться сердца безпредметной тревогой. Работа мысли перестаетъ быть плодотворною и сосредоточивается исключительно на одномъ: на спасеніи „шкуры“.

По совѣсти говорю: общество, въ которомъ „ученіе о шкурѣ“ утвердилось на прочныхъ основаніяхъ,—общество, котораго творческія силы всецѣло подавлены однимъ словомъ: „случайность“—такое общество, какія бы внѣшнія усилія оно ни дѣлало, не можетъ придти ни къ безопасности, ни къ спокойствію, ни даже къ простому благочинію. Ни къ чему, кромѣ безсрочнаго вращенія въ порочномъ кругѣ тревогъ и въ концѣ концовъ... самоумерщвленія.

. . . . . .

Было уже около шести часовъ утра, когда я вышелъ изъ состоянія полудремоты, въ которой на короткое время забылся; въ окна проникалъ бѣлесоватый свѣтъ, и облака густыми массами неслись въ вышинѣ, суля впереди цѣлую перспективу ненастныхъ дней. Мой vis-à-vis тоже проснулся, и я не безъ смущенія замѣтилъ, что глаза его были пристально устремлены на меня. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, скорѣе молодой, нежели старый, подвижной и худощавый, не безобразный, но съ сильнымъ выраженіемъ приказной каверзности въ лицѣ, такъ что я тотчасъ же мысленно надѣлъ ему на голову фуражку съ кокардой и форменное пальто. Такое выраженіе лица нерѣдко встрѣчается у земцевъ (онъ и дѣйствительно оказался таковымъ), которые когда-то служили въ столоначальникахъ и ошиблись въ надеждахъ на дальнѣйшую бюрократическую карьеру. Люди эти слывутъ въ земствѣ дѣльцами, сочиняютъ формочки съ безчисленнымъ множествомъ графъ, называютъ себя консерваторами, хвастаются связью съ землею, утверждаютъ, что „русскій мужичокъ не выдастъ“, и приходятъ въ умиленіе отъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Нельзя сказать, чтобъ они были положительно противны, но извѣстная ограниченность мѣшаетъ имъ различить добро отъ зла. Потому они всегда смотрятъ въ одну точку, говорятъ однимъ и тѣмъ же тономъ, одни и тѣ же слова, мыслятъ азбучно, но съ сознаніемъ благо-

надежности своихъ мыслей, и безконечно надоѣдаютъ всѣмъ авторитетностью и изобиліемъ пустяковъ. Повидимому, этотъ человѣкъ узналъ меня.

— Въ Парижѣ побывали?—спросилъ онъ меня съ напускною развязностью земскаго человѣка, который, памятуя, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ исполняетъ должность пятаго колеса въ колесницѣ государственнаго механизма, не хочетъ, чтобъ его заподозрили, что онъ чѣмъ-нибудь стѣсняется.

— Въ Парижѣ,—отвѣчалъ я.

— Поѣздили? погуляли?

— Такъ же, какъ и вы.

— Воротитесь домой, что-нибудь въ смѣшномъ родѣ напишете?

— Можетъ быть, и въ смѣшномъ...

Онъ съ минуту помолчалъ. Отвѣты мои не удовлетворяли его: почему-то онъ ждалъ, что я передъ нимъ, земцемъ, откроюсь. Потому онъ уперся руками въ колѣни и опять въ упоръ посмотрѣлъ на меня. Именно тѣмъ взглядомъ посмотрѣлъ, который говоритъ: а вотъ я смотрю на тебя—и шабашъ!

— Однако вы любите-таки посмѣяться...

Онъ откинулся спиной къ стѣнѣ купé и ждалъ. Но я молчалъ.

— А пора бы, наконецъ, и трезвенное слово сказать, — продолжалъ онъ, все пристальнѣе и пристальнѣе вглядываясь въ меня, какъ будто поставивъ себѣ задачею запечатлѣть въ своей памяти не только слова мои, но и выраженіе лица.

— Рады стараться!

— Вотъ видите, вы и теперь шутите. А вѣдь я, право, не шутя говорю: пора.

— Да, сколько помнится, я никогда пьяныхъ словъ и не говорилъ.

— И опять шутите! Я вамъ говорю, что пора трезвенное слово сказать, а вы о какихъ-то пьяныхъ словахъ...

— Въ такомъ случаѣ отвѣчу вамъ яснѣе: по крайнему моему убѣжденію, всѣ слова, которыя я когда-нибудь говорилъ, были трезвенныя.

— Будто?

— Именно. Только надо знать грамотѣ и понимать, что̀ читаешь—вотъ что̀ прежде всего.

— Гм...

Онъ на минуту смолкъ, однакожъ не сконфузился.

— Я, знаете, тамбовецъ; земецъ я... — началъ онъ, какъ бы желая этимъ сказать, что стоитъ выше грамотности.

— Отлично.

— Вамъ, можетъ быть, страннымъ кажется, что я такъ прямо съ вами заговорилъ?

— Да, странно.

— Но мы живемъ въ такое время, когда церемоніи-то приходится сдать въ архивъ.

— Не вижу надобности.

— Право, такъ... а?

— Повторяю вамъ: не вижу надобности.

Но, повидимому, и эти отвѣты не удовлетворили его, потому что онъ довольно-таки строго покачалъ головой и съ разстановкою произнесъ:

— Однако вы... не патріотъ!

Земцы вообще прилипчивы и самодовольны, но они рѣдко бываютъ недоброжелательны. Дома, въ своихъ захолустьяхъ, они съ утра до вечера суетятся и хлопочутъ: покупаютъ новые умывальники для больницъ, чинятъ паромы, откладываютъ до будущей сессіи вопросъ о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, о прекращеніи эпизоотій, объ оздоровленіи крестьянскихъ жилищъ и проч., и такъ какъ все это имъ удается, то они чувствуютъ себя совершенно довольными. Набѣгаются день-деньской, у всѣхъ побываютъ, со всѣми поговорятъ, вездѣ закусятъ, а къ ночи, усталые, воротятся домой и засыпаютъ до слѣдующаго утра. Понятно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о недоброжелательномъ отношеніи къ ближнему. Вѣруя искренно въ свой жизненный подвигъ, земецъ и ближняго своего не рѣшается заподозрить въ невѣріи. Потому что тутъ дѣло ясное: вотъ онъ рукомойникъ—смотри!

Но послѣднее трудное время, повидимому, тронуло даже эту душевную ясность. Земцы начинаютъ подозрѣвать и озираться. Рукомойники остаются неслуженными; паромы даютъ течь, потому что земецъ рѣшилъ, что это дѣло второстепенное, и что прежде всего слѣдуетъ смотрѣть вглубь. Вотъ онъ и смотритъ: смотритъ да смотритъ. и вдругъ фигу увидитъ. Взволнуется, побѣжитъ и начинаетъ шеве-

лить бровями. И всѣ разомъ бровями зашевелятъ—ужасно у нихъ это серьезно выходитъ. Пошевелятъ и порознь—и опять фигу увидятъ... Нельзя сказать, чтобъ это было страшно, но какъ-то безтолково и неполезно. По крайней мѣрѣ я лично очень жалѣю, что на нашихъ глазахъ переводится наивная и добродушная порода людей, вполнѣ довольныхъ получаемымъ ими содержаніемъ.

Сидѣвшій передо мною экземпляръ земца, вѣроятно, и прежде уже таилъ въ себѣ сѣмена недоброжелательства, но событія послѣдняго времени еще болѣе обострили въ немъ это качество. Онъ не просто смотрѣлъ вглубь, но потщился укрѣпить свой умъ чтеніемъ передовыхъ статей. Представленіе о рукомойникахъ и паромахъ онъ, повидимому, совсѣмъ ужъ утратилъ и весь погрузился въ дѣла внутренней политики. При этомъ, вѣроятно, вновь зароились въ его мозгу и прерванныя честолюбивыя мечты столоначальника-неудачника. Представилась возможность не только наверстать потерянное, но и получить рубль на рубль. Творчество—не въ ходу; за то на подозрительность—требованіе. Въ прежнее время онъ былъ бы радъ-радёхонекъ, еслибъ его почтили хоть мѣстомъ начальника отдѣленія; теперь онъ смотритъ ужъ выше. Даже ископную земскую неряшливость онъ уже успѣлъ стряхнуть съ себя. Прежде онъ ѣздилъ въ третьемъ классѣ и комкалъ свои пожитки въ узелъ; нынче онъ въ первомъ классѣ ѣдетъ, и въ рукахъ его блеститъ лакированный мѣшокъ: прежде онъ умывался только черезъ день; нынче онъ даже поясницу каждодневно моетъ казанскимъ мыломъ. Вообще при взглядѣ на этого человѣка впечатлѣніе получалось колючее. До такой степени колючее, что когда онъ усомнился въ моемъ патріотизмѣ, то мнѣ какъ-то невольно пришло на мысль: а вѣдь онъ, пожалуй, возьметъ да вдругъ...

— Вы, можетъ быть, опасаетесь, что я закричу караулъ?—продолжалъ онъ, прозорливо комментируя мысленныя тревоги, отражавшіяся въ моемъ лицѣ.

— Здѣсь я не опасаюсь этого, потому что за такой подвигъ васъ навѣрное высадятъ на станціи.

— А въ Вержболовѣ, напримѣръ?

Я долженъ былъ ожидать этого вопроса; но есть вопросы, которыхъ всегда ожидаешь и которые всегда же застаютъ врасплохъ. Я спасовалъ и сдался на капитуляцію.

— Спрашивайте,—сказалъ я.

— Прежде всего разувѣрьтесь,— началъ онъ:—я человѣкъ правды—и больше ничего. И я полагаю, что если мы всѣ, люди правды, столкуемся, то весь этотъ дурной сонъ исчезнетъ самъ собою. Не претендуйте же на меня, если я повторяю, что въ такое время, какое мы переживаемъ, церемоніи нужно сдать въ архивъ.

— Ахъ, что̀ вы! да развѣ я думалъ?

— То-то-съ. По моему мнѣнію, мы всѣ, люди добра, должны исповѣдаться другъ передъ другомъ и простить другъ друга. Да-съ, и простить-съ. У всякаго человѣка какой-нибудь грѣхъ найдется—вотъ и надобно этотъ грѣхъ ему простить.

— Ахъ, Боже мой! да вѣдь это и есть моя мысль!

— Ну-съ, такъ это исходный пунктъ. Простить—это первое условіе; но съ тѣмъ, чтобъ впредь въ тотъ же грѣхъ не впадать—это второе условіе. Итакъ, будемъ говорить откровенно. Начнемъ съ народа. Какъ земецъ, я живу съ народомъ, наблюдаю за нимъ и знаю его. И убѣжденіе, которое я вынесъ изъ моихъ наблюденій, таково: народъ нашъ представляетъ собой образецъ здороваго организма, который никакія обольщенія не заставятъ сойти съ прямого пути. Согласны?

— Но развѣ можно сомнѣваться въ томъ?

— Прекрасно. Несмотря, однакожъ, на это, несмотря на то, что у насъ подъ ногами столь твердая почва, мы не можемъ не признать, что наше положеніе все-таки въ высшей степени тяжелое. Мы живемъ, не зная, что̀ ждетъ насъ завтра и какіе новые сюрпризы готовитъ намъ жизнь. И все это, повторяю, несмотря на то, что нашъ народъ здоровъ и спокоенъ. Спрашивается: въ чемъ же тутъ суть?

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ (нельзя же было отвѣтить: „прежде всего, въ твоихъ безумныхъ подстрекательствахъ!“), но, грѣшный человѣкъ, подмигнулъ-таки глазкомъ, какъ бы говоря: вотъ именно это самое и есть!

— Въ томъ суть-съ, что наша интеллигенція не имѣетъ ничего общаго съ народомъ, что она жила и живетъ изолированно отъ народа, питаясь иностранными образцами и проводя въ жизнь чуждыя народу идеи и представленія,—однимъ словомъ, вливая отраву и разложеніе въ нашъ свѣжій и неначатой организмъ. Спрашивается: на какомъ же основаніи и по какому праву эта лишенная почвы

интеллигенція приняла на себя непринадлежащую ей роль руководительницы?

Я опять хотѣлъ-было подмигнуть глазкомъ: но на этотъ разъ онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ и ждалъ. Поэтому я рѣшился отвѣтить ни да, ни нѣтъ.

— Удивительно, какъ вы плавно говорите!—польстилъ я ему.

— Прекрасно,—отвѣчалъ онъ.—А теперь спрашивается: что необходимо предпринять, чтобъ устранить это растлѣвающее вліяніе? чтобъ вновь вдвинуть жизнь въ ту здоровую колею, съ которой ее насильственно свела ложь, насквозь пропитавшая нашу интеллигенцію?

Онъ опять остановился, но на этотъ разъ уже не для того, чтобъ выждать отъ меня отвѣта, а для того, чтобы дать, такъ сказать, вылежаться фигурѣ вопрошенія, которую онъ такъ искусно пустилъ въ ходъ. Онъ даже губы сложилъ сердечкомъ, словно самъ себѣ подсвистать хотѣлъ.

— Отвѣтъ на этотъ вопросъ простой,—продолжалъ онъ:—необходимо вырвать съ корнемъ злое начало... Коль скоро мы знаемъ, что нашъ врагъ—интеллигенція, стало-быть съ нея и начать нужно. Согласны?

Признаюсь откровенно: какъ я ни былъ перепуганъ, но при этомъ вопросѣ испугался вдвое („шкура“ заговорила). И такъ какъ трусость, помноженная на трусость, даетъ въ результатѣ храбрость, то я даже довольно явственно пробормоталъ:

— Прекрасно. Но, помнится, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкто Маратъ именно такого рода цѣлебныя средства предлагалъ...

— То-то вотъ и есть, что вы все иностранныхъ образовъ ищете!—ни мало не смущаясь, прервалъ онъ меня:—Маратъ! что такое Маратъ?! И какое значеніе можетъ имѣть Маратъ... для насъ?

Тогда я опять понялъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ прежде всего необходимо соглашаться, и, разумѣется, поспѣшилъ исправить свою ошибку.

— Еще бы!—сказалъ я съ увлеченіемъ:—Маратъ! что такое Маратъ?! тамъ, у себя, онъ былъ Маратъ, а у насъ, вѣроятно, былъ бы коллежскимъ ассессоромъ!

— То-то вотъ и есть. Надо говорить дѣло, а вы... Маратъ!!

Насъ, батюшка, Маратами-то не удивишь! Итакъ, первое дѣло—по боку интеллигенцію: второе дѣло—по боку печать!

Но при словѣ „печать“ мнѣ опять сдѣлалось тяжко, и я ужъ совсѣмъ безсознательно проговорилъ:

— Но Гутенбергъ...

— Что такое Гутенбергъ?

— То-есть, не Гутенбергъ... а собственно говоря... Позвольте! не лучше ли было бы печать-то простить, а вотъ, напримѣръ, суды, земство... ихъ бы вотъ...

— Суды—всенепремѣнно-съ. Но земство—земля-съ. Земли касаться не слѣдуетъ-съ.

— Ну, да, земство—это такъ,—оправдывался я:—здоровое земство и за нимъ здоровый народъ... И затѣмъ, ежели принять въ соображеніе присвоенные земскимъ дѣятелямъ оклады...

Я хотѣлъ-было развить мою мысль, какъ вдругъ случился совершенно неожиданный скандалъ. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ вѣроятно увидѣлъ отличнѣйшій сонъ и на чистѣйшемъ русскомъ діалектѣ закричалъ: „Ай люли! ай люли!“

Это восклицаніе разомъ перерѣзало нашъ разговоръ. Собесѣдникъ мой обидѣлся и проворчалъ:

— Нарѣзался... свинтусъ!

Но я, признаюсь, былъ обрадованъ, потому что съ этими земцами, какъ ни будь остороженъ и консервативенъ, навѣрное, въ концѣ концовъ, въ чемъ-нибудь да проштрафишься. Сверхъ того мы подъѣзжали къ Кёльну, и въ головѣ моей созрѣлъ предательскій проектъ: при перемѣнѣ вагоновъ засѣсть на нѣсколько станцій въ третій классъ, чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ собесѣдованій по дѣламъ внутренней политики.

— Въ Кёльнѣ сядемте опять вмѣстѣ,—обольщалъ меня между тѣмъ мой vis-à-vis:—я увѣренъ, что мы навѣрное столкуемся. Слушайте!—прибавилъ онъ съ увлеченіемъ:—вы должны! вы непремѣнно должны трезвенное слово сказать! это ваша нравственная обязанность.

— Ай люли! ай люли!—опять заѣлъ безпокойный сосѣдъ и на этотъ разъ самъ проснулся отъ звуковъ собственнаго голоса.

— Фляжку-то не стибрили у тебя?—продолжалъ онъ, обращаясь къ своему vis-à-vis, тоже проспувшемуся:—а я, братъ, должно быть, переспалъ... инда очумѣлъ!

Черезъ десять минутъ мы были въ Кёльнѣ.

Я выполнилъ въ Кёльнѣ свой планъ довольно ловко. Не успѣлъ мой почтовой товарищъ оглянуться, какъ я затесался въ толпу и по первому звонку ужъ сидѣлъ въ вагонѣ третьяго класса. Но я имѣлъ неосторожность выглянуть въ окно, и онъ замѣтилъ меня. Я видѣлъ, какъ легкая тѣнь пробѣжала у него по лицу; однакожъ на этотъ разъ онъ поступилъ уже съ меньшею развязностью, нежели прежде. Подошелъ ко мнѣ и довольно благосклонно сказалъ:

— Въ народъ идти пожелали?.. Ну, и прекрасно! Только помомните мое слово: необходимо, чтобъ вы трезвенное слово сказали! Увидимся... въ Вержболовѣ!

Онъ удалился скорымъ шагомъ по направленію къ своему вагону, но слова его остались при мнѣ и заставили меня задуматься. За минуту передъ тѣмъ я готовъ былъ похвастаться, что ловко отдѣлался отъ назойливаго собесѣдника, но теперь эта ловкость почему-то представилась мнѣ уже сомнительною. А ну, какъ вмѣсто ловкости-то я собственными руками устроилъ себѣ западню? — смутно мелькало у меня въ головѣ.

Немецъ, коль скоро ему разъ вступило въ голову, что онъ консерваторъ, дѣлается строгъ до непреклонности. На всякое возраженіе онъ смотритъ какъ на противодѣйствіе, и ежели, на бѣду, заподозритъ при этомъ еще иронію, то готовъ мстить до седьмого колѣна. Говоря безотносительно, эта мстительность была бы не очень-то страшна; но то-то вотъ и есть, что времена-то нынче переходчивыя: не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Смотришь на него, какъ онъ усами шевелитъ, думаешь, что онъ въ какомъ-нибудь Цивильскѣ на вѣчныя времена погрузнулъ, а на повѣрку окажется, что онъ только нырнулъ тамъ, а вынырнулъ-то вонъ гдѣ! Ты ему *тамъ* не потрафилъ, а онъ тебя *тутъ* учтетъ, да еще такъ учтетъ, что небу жарко будетъ.

Разумѣется, при помощи смѣтки и очень большого запаса осторожности можно и это дѣло обладить. А именно: всякому встрѣчному стараться попасть въ тонъ, польстить, оказать услугу, сказать при случаѣ: „какъ это вы съ такими способностями да въ чортовой дырѣ засѣли!“ Только черезъ-чуръ ужъ много хлопотъ это требуетъ. Вѣдь

нынѣче и не сочтешь, сколько этихъ „встрѣчныхъ“ развелось. Всѣхъ не переслушаешь, всякому не накланяешься. Поди, угадай, котораго полезно очаровать и про котораго можно сказать: „а ты попрежнему продолжай въ Пирятинѣ смердѣть!“

Часто сижу я въ своей квартирѣ у окна, смотрю на прохожихъ и все думаю: который изъ нихъ суженый мой? котораго мнѣ умницей и красавчикомъ назвать? Еслибъ можно было всѣмъ огуломъ крикнуть: здорово, молодцы!—это было бы сейчасъ готово; но вѣдь они самолюбивы, и каждый непремѣнно требуетъ, чтобъ его назвали „молодцомъ“ особо. Смѣшай-ка его съ массой другихъ „молодцовъ“—онъ обидится, будетъ мстить; а попробуй каждаго останавливать. передъ каждымъ изъясняться—ей Богу, спина переломится, языкъ перемелется. Да пожалуй еще скажутъ: вотъ-моль сума переметная, ко всякому лѣзетъ, у всѣхъ ручку цѣлуетъ! должно быть, въ умѣ какое-нибудь предательство засѣло, коли онъ такъ лебезитъ!

Но все-таки, если разъ судьба уже свела съ прохожимъ или проѣзжимъ—держи его крѣпче за фалды! Нужды нѣтъ, что онъ прямо изъ-подъ Наровчата выскочилъ—все-таки слушай его и удивляйся мудрости его соображеній. Самое лучшее: слушай и не возражай—прохожіе это любятъ. Можно однакожъ и возразить, но такъ, чтобъ, благодаря возраженію, мудрость еще рельефнѣе выступила—это они тоже любятъ. А всего больше любятъ раскаяніе. Они будутъ на бобахъ разводить, а ты сиди и раскаивайся. Можешь даже слегка наклепать на себя—и это въ заслугу сочтется. Былъ, дескать, я разбойникомъ печати, неповинныя души погублялъ, а теперь съ тобой, наровчатскимъ мудрецомъ, посидѣлъ—и вотъ я весь тутъ. Никогда они этихъ ласковыхъ твоихъ словъ не забудутъ. Потому что, въ сущности, они добрые, исключая, разумѣется, тѣхъ минутъ, когда задыхаются отъ злобы. И вотъ, когда ты подмѣтишь, что онъ въ твою пользу размякъ, тогда ужъ не плошай. Слѣди за нимъ, гдѣ онъ нырнулъ, въ которую сторону побѣжала струя и гдѣ можно предположить, что онъ вынырнетъ. Но при этомъ имѣй въ виду и слѣдующее: если онъ слишкомъ долго нырятъ, то легко можетъ случиться, что теченіе вновь прибьетъ его къ наровчатскимъ тряпкамъ, а тамъ онъ ужъ окончательно пойдетъ ко дну. Тогда, дѣлать нечего, лови другого прохожаго мудреца, къ другому примазывайся.

А что если мой недавній собесѣдникъ возьметъ да вынырнетъ?

думалось мнѣ. Вѣдь онъ меня тогда съ кашей съѣстъ! Что я такое? много ли нужно, чтобъ превратить мое бытіе въ небытіе? Хотя, съ другой стороны, на какую потребу мнѣ бытіе? вотъ такъ бытіе! Такъ не лучше ли сразу погрузиться въ небытіе, нежели остаться при бытіи, съ тѣмъ, чтобъ смотрѣть въ окошко да улыбаться прохожимъ?

И вѣдь какую задачу мнѣ задалъ этотъ проѣзжій мудрецъ: скажи ему трезвенное слово — шутка! Онъ будетъ закусывать да усы въ очищенной мочить,—а я передъ нимъ на вытяжкѣ стой и трезвенныя слова говори... шутники!

Право, мнѣ до сихъ поръ совѣмъ искренно казалось, что я никогда никакихъ другихъ словъ, кромѣ трезвенныхъ, не говорилъ: а вотъ отыскался же мудрецъ, который въ глаза мнѣ говоритъ: нѣтъ, совѣмъ не того отъ тебя нужно. Но что-нибудь одно: или я былъ постоянно пьянъ, и въ такомъ случаѣ отъ пьянаго человѣка нечего и ждать трезвеннаго слова; или я былъ трезвъ, а тѣ, которые слушали меня, были пьяны. А можетъ быть они и теперь пьяны.

Ужасно мудрено имѣть дѣло съ пьяными цѣнителями. Говори ему, вразумляй, взывай къ его совѣсти, пробуждай въ немъ самосознаніе, кричи ему: проснись, пьяница! — а его только тошнитъ въ отвѣтъ. А именно это-то и случается сплошь и рядомъ. Пьяный не возражаетъ и не опровергаетъ, а выражается афоризмами. Ни начала, ни конца у этихъ афоризмовъ услѣдить невозможно, а между тѣмъ онъ такъ самодовольно долбитъ ими, точно въ нихъ и только въ нихъ однихъ заключается патентъ на дальнѣйшее существованіе. „Нѣтъ, вы не патріотъ!“ — поди, разгрызи этотъ камень! Спроси его, что онъ разумѣетъ подъ словомъ „патріотъ“? — онъ, вмѣсто отвѣта, повторитъ: „нѣтъ, вы не патріотъ!“ Спроси, почему онъ именно въ данномъ случаѣ формулируетъ упрекъ въ недостаткѣ патріотизма?—онъ и опять повторитъ: „нѣтъ, вы не патріотъ!“ Да пожалуй еще глазкомъ подмигнетъ. бездѣльникъ. Ужасно очутиться лицомъ къ лицу съ этой глухой стѣной. Сама по себѣ стѣна есть только стѣна; но сознаніе, что нельзя отъ нея отойти. дѣйствуетъ на человѣка необыкновенно мучительно. Весь дрожишь отъ боли, и все-таки стоишь.

Вотъ еслибъ онъ сказалъ: не нужно. молъ, никакихъ вашихъ словъ, ни пьяныхъ. ни трезвенныхъ — это, по крайней мѣрѣ, было бы складно. Да пожалуй оно къ тому и придетъ. Общество погрузи-

лось съ нѣкоторыхъ поръ въ такую смуту, что и само не разберетъ, пьяно оно или трезво. Къ кому обращаться съ словомъ-то? — вотъ вѣдь къ какому мы вопросу пришли. Будь слово самое трезвенное — все-таки найдутся пьяницы, которые перетолкуютъ его въ пьяномъ смыслѣ; будь слово самое пьянственное — тѣ же пьяницы будутъ плескать руками. Велика должна быть сладкая привычка говорить, если даже такая дремучая смута не въ силахъ заставить человѣка добровольно погрузиться въ тину молчанія! Но откуда взялась эта привычка? зачѣмъ?

Поймите же, пьяницы, сколько нечеловѣчески-горькаго заключается въ этихъ вопросахъ, и какъ долженъ быть измученъ человѣкъ, который предлагаетъ ихъ себѣ! Вѣдь слово-то даръ Божій — неужто же такъ-таки и затоптать его? Вѣдь оно задушить можетъ, если его не выговорить!.. Но разъ подобные вопросы возникли, никакого другого отвѣта на нихъ нельзя ожидать, кромѣ безповоротнаго осужденія. И небо, и земля, и движеніе, и жизнь — все исчезаетъ; впереди усматривается только скелетъ смерти, въ пустой черепъ которой наровчатскій проѣзжій, для страха, вставилъ горящую стеариновую свѣчку.

Я невольно вспомнилъ: не дальше, какъ въ іюлѣ, три мѣсяца тому назадъ, я ѣхалъ за границу, и спутниками моими были Удавъ и Дыба. Не скрою, не понравились мнѣ тогда эти люди. Городятъ какія-то двусмысленности, не то либеральничаютъ, не то „жамкнуть“ собираются. Наслушаешься ихъ — точно пустую бочку то вскатишь на гору, то опять съ горы спустишь. А теперь съ какою благодарностью, можно сказать, даже съ любовью я помянулъ ихъ! Такъ бы, кажется, и не наслушался музыки ихъ рѣчей, кабы Богъ привелъ опять на распутіи встрѣтиться! Даже объ Твэрдоонтѣ вспомнилъ — и у того нѣкоторыя словечки были...

Сравните ихъ съ этимъ непомнящимъ родства Маратомъ, котораго я только-что оставилъ, — и вы сразу почувствуете, какъ изъ области не особенно блестящей, но все-таки человѣческой, переноситесь въ область чистѣйшаго истуканства. Интеллигенцію — по боку, печать — по боку; съ чѣмъ же жить-то останетесь? Земство покуда еще пощадилъ — жалованье ему оттуда выдаютъ; но дай срокъ! когда онъ вынырнетъ, онъ и земству кѣпоти задастъ. Онъ въ солнце кишку пожарной трубы направитъ, чтобъ свѣтило умѣреннѣе. И все-таки

мнѣ не столько солнца жалко, сколько печати. Солнца-то, я знаю, не усмирить, а печать,.. чикъ! и нѣтъ ея!

Удавъ и Дыба были довольно разнообразны въ выборѣ сюжетовъ для собесѣдованія и сверхъ того обладали кой-какою фантазіей. Напротивъ того, проѣзжій Маратъ однообразенъ до утомительности и бѣденъ фантазіей до нищенства. За душой у него всего одинъ мѣдный грошъ, и онъ даже не старается ввести насчетъ его въ заблужденіе. Онъ прямо и всенародно ставитъ его ребромъ, какъ бы говоря: вотъ вамъ грошъ, и знайте, что другого у меня нѣтъ.

Удавъ и Дыба охотно склонялись на сторону „подтягиванья“, но, отстаивая это міровоззрѣніе, они отчасти обставляли его теоретическими соображеніями, отчасти ссылались на обстоятельства и вообще какъ бы слегка стыдились. Грустно-молъ, но дѣлать нечего. Проѣзжій Маратъ хотя тоже докраевъ преисполненъ „подтягиванья“, но уже у него нѣтъ ни обстановокъ, ни ссылокъ, ни стыда, такъ что „подтягиванье“ является совершенно самостоятельною безсмыслицей, не имѣющей ни причинъ, ни предмета.

Склонялись на сторону „подтягиванья“. Удавъ и Дыба, тѣмъ не менѣе, не отрицали, что можно отъ времени до времени и „поотпустить“. Проѣзжій Маратъ не только ничего подобнаго не допускаетъ, но просто не понимаетъ, о чемъ тутъ рѣчь. Да онъ и вообще ни о чемъ понятія не имѣетъ: ни о предѣлахъ власти, ни о предметѣ ея, ни о сложности механизма, приводящаго ее въ дѣйствіе. Онъ бьетъ въ одну точку, преслѣдуетъ одну цѣль и знать не хочетъ, что это однопредметное преслѣдованіе можетъ произвести общую чахлость и омертвѣніе.

Все въ мірѣ выясняется только при посредствѣ сравнительнаго метода. Часто мы бываемъ несправедливы къ людямъ потому только, что полагаемъ, что хуже ихъ не можетъ ужъ быть. А на повѣрку оказывается, что природа въ этомъ смыслѣ неистощима. Съ какимъ бы удовольствіемъ я побесѣдовалъ теперь съ Удавомъ! съ какимъ наслажденіемъ выслушалъ бы безконечные разсказы Дыбы о мудрости князя Михаила Семеныча и прозорливости графа Алексѣя Андрепча! По крайней мѣрѣ въ этихъ собесѣдованіяхъ я могъ бы уловить образъ, слово... Конечно, возражать было и тогда неудобно; но неужто-жъ непремѣнно надобно возражать?

А теперь, вотъ, гляди на картонное лицо непомнящаго родства прохожаго и слушай его азбучное гудѣніе! И не моргни.

Наконецъ мы и въ Вержболовѣ. Все, о чемъ въ теченіе празднаго скитанія по заграничнымъ палестинамъ, томилось и тосковало сердце, —все теперь тутъ, на-лицо. Осмотръ вещамъ совершился: „отмѣтка о возвращеніи“ оторвана. Тихо, смирно, благородно. Кто-то въ толпѣ крикнулъ: „теперь, братъ, ау!“ Крикнулъ и собственнаго голоса не узналъ. Въ станціонномъ ресторанѣ подаютъ сосиски съ капустой и предупреждаютъ: „это у нѣмцевъ, въ Эйдткуненѣ, съ трихинами, а у насъ и заведенія этого нѣтъ“. Всѣ крестятся, всѣ довольны: слава Богу! пріѣхали! Какой-то земецъ—но не мой (я нарочно три дня въ Берлинѣ прожилъ, чтобы „мой“ схлынулъ)—надѣваетъ на шею аннинскій крестъ. Барыни спрашиваютъ другъ у друга: „ну что? провезли?“—и отъ радостнаго волненія тыкаютъ вилкой и не могутъ попасть въ тарелку.

При входѣ въ спальный вагонъ меня принялъ молодой малый въ ловко сшитомъ казакинѣ и въ барашковой шапкѣ съ бляхой на лбу, на которой было вырѣзано: *Артельщикъ*. Въ суматохѣ я не успѣлъ вглядѣться въ его лицо, однакожъ оно съ перваго же взгляда показалось мнѣ ужасно знакомымъ. Наконецъ, когда все понемногу угомонилось, всматриваюсь вновь, и кого же узнаю:—того самаго „мальчика безъ штановъ“, котораго я, четыре мѣсяца тому назадъ, видѣлъ во снѣ, ѣдучи въ Берлинъ!

— Слушайте-ка,—сказалъ я, улучивъ минуту, когда онъ проходилъ мимо меня:—помните, между Бромбергомъ и Берлиномъ, въ какой-то нѣмецкой деревнѣ, я васъ безъ штановъ видѣлъ?

Однако онъ прошелъ, сдѣлавъ видъ, что не разслышалъ моего вопроса. Мнѣ даже показалось, что какая-то тѣнь пробѣжала по его лицу. Минуту передъ тѣмъ онъ мелькалъ по корридору, и на лицѣ его, казалось, было написано: ужъ ежели ты *мнѣ* на водку не дашь, такъ ужъ послѣ этого я и не знаю... Теперь же, благодаря моему напоминанію, онъ вдругъ словно остепенился.

Разумѣется, я не настаивалъ; но явленіе это не могло однакожъ не заинтересовать меня. Что собственно не понравилось ему въ моемъ напоминаніи? То ли, что я когда-то зналъ его въ угнетенномъ видѣ,

котораго онъ теперь, одѣвшись въ штаны, стыдится, или то, что я былъ однажды свидѣтелемъ, какъ онъ хвастался передъ „мальчикомъ въ штанахъ“, что онъ хоть и безъ штановъ, да за то Разуваеву души не продалъ—„а ты, нѣмецъ, контрактомъ господину Гехту обвязался, душу ему заложилъ“... И вотъ теперь, послѣ такого рѣшительнаго бахвальства, я же встрѣчаю его не только въ штанахъ, но и въ суконной поддёвкѣ, въ барашковой шапкѣ, форма и качество которыхъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о прикосновенности къ этой метаморфозѣ господина Разуваева.

Подобныя неясности въ жизни встрѣчаются довольно нерѣдко. Я лично знаю довольно много тайныхъ совѣтниковъ (въ Петербургѣ они меня игнорируютъ, но за границей по временамъ еще узнаютъ), которые въ свое время были губернскими секретарями, и въ этомъ чинѣ не отрицали, что подлинный источникъ свѣта—солнце, а не стеариновая свѣчка. И представьте себѣ, ужасно они не любятъ, когда имъ про это губернское секретарство напоминаютъ. И тоже трудно разобрать, почему.

Въ надеждѣ уяснить себѣ этотъ вопросъ, я нѣсколько разъ, даже по пустякамъ, зазывалъ „мальчика безъ штановъ“ въ свой куне́, но какіе вопросы я ни предлагалъ, онъ на всѣ отвѣчалъ односложно и угрюмо. Наконецъ я рѣшился дать ему двугривенный. Принялъ.

— Это на первый разъ,—поощрительно присовокупилъ я, не вступая впрочемъ въ дальнѣйшій допросъ.

Поклонился, но промолчалъ.

Миновали Ковно. Пришла ночь, а съ нею пора дѣлать постели. Я и еще двугривенный далъ. Опять принялъ и даже какъ будто повеселѣлъ.

— Отъ Разуваева штаны получили?—спросилъ я какъ бы мимоходомъ.

— Отъ него.

— А помните ли вы...

Притворился, что какіе-то пассажиры его требуютъ, и ушелъ, не давши мнѣ договорить.

Ночь я провелъ совершенно покойно и видѣлъ веселые сны. Я будто бы пишу, а меня будто бы хвалятъ, находятъ, что я трезвенныя слова говорю. Вообще я давно замѣтилъ: воротишься домой, ляжешь

въ постельку, и начнетъ тебя укачивать и напѣвать: „спи, ангелъ мой! спи, Богъ съ тобой!“

Утромъ проснулся, еще семи часовъ не было. Выхожу въ корридоръ—„мальчикъ“ спитъ и папироску курить. Вынимаю третій двугривенный.

— По контракту?—спрашиваю.

— Не иначе, что такъ.

— Крѣпче?

— Для господина Разуваева крѣпче, а для насъ и по контракту все одно, что безъ контракта.

— Значитъ, даже надежнѣе, нежели у „мальчика въ штанахъ“?

— Пожалуй, что такъ.

— А какъ же теперь насчетъ Разуваева? помните, хвастались?

Заторопился, сталъ къ чему-то прислушиваться, сдѣлалъ видъ, что нѣчто услышалъ, и скрылся.

Вплоть до самой Луги я не могъ его уловить. Нѣсколько разъ онъ пробѣгалъ мимо, хотя я держалъ на-готовѣ четвертый двугривенный,—и даже съ такимъ разсчетомъ держалъ, чтобъ онъ непремѣнно замѣтилъ его,—но онъ, очевидно, рѣшился преодолѣть себя и на встрѣчу ласкѣ моей не пошелъ.

Разумѣется, это меня возмутило. Вотъ, думалось мнѣ, какъ Разуваевъ „обязалъ“ тебя контрактомъ, такъ ты и заочно ему служишь все равно, какъ бы онъ всеминутно у тебя передъ глазами стоялъ, а я тебѣ ужъ три двугривенныхъ сряду безъ контракта отдалъ, и ты хоть бы ухомъ повелъ! Нѣтъ, надобно это дѣло такъ устроить, чтобъ на каждый двугривенный—контрактъ. Коротенькій, но точный, и душа чтобъ тутъ же значилась. И непремѣнно въ Разуваевскомъ вкусѣ. Чтобъ для тебя, „мальчика безъ штановъ“, это былъ контрактъ, а для меня чтобъ все одно, что есть контрактъ, что его нѣтъ.

Наконецъ, въ Лугѣ, всѣ пассажиры разошлись обѣдать, и я поймалъ-таки его.

— Вотъ вамъ рубль,—говорю.

Принялъ.

— Слышалъ я за границей, что покуда я ѣздилъ, а на васъ мода пошла?—продолжалъ я.

Усмѣхнулся и хотѣлъ-было увильнуть; но потомъ вспомнилъ, что я за свой рубль имѣлъ хоть на отвѣтъ-то право, — и посовѣстился.

— На насъ, сударь, завсегда мода. Потому господину Разуваеву безъ насъ невозможно.

Проговоривъ это, онъ скорымъ шагомъ удалился къ выходу и черезъ минуту ужъ сновалъ взадъ и впередъ по платформѣ, отрывая зубами куски булки, которая замѣняла ему обѣдъ.

Черезъ два часа мы были дома.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

Гос. ... ная ... Ленинграде

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА (Н. ЩЕДРИНА)

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

— въ двѣнадцати томахъ обыкновеннаго формата:

Томъ I.—Губернскіе очерки.—Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова, съ портретомъ автора, его факсимиле и могильнымъ памятникомъ.
— II.—Господа Головлевы.—Сатиры въ прозѣ.
— III.—Помпадуры и помпадурши.—Невинные разсказы.
— IV.—Благонамѣренныя рѣчи.—Культурные люди.
— V.—Мелочи жизни.—Сборникъ.
— VI.—Сказки.—Пестрыя письма.—Недоконченныя бесѣды.
— VII.—Исторія одного города.—Убѣжище Монрепо.—Признаки времени
— VIII.—Дневникъ провинціала.—За рубежемъ.
— IX.—Господа Ташкентцы. — Пошехонскіе разсказы. — Круглый годъ.
— X.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности.—Письма о провинціи.—Итоги.
— XI.—Современная идиллія.—Письма къ тетенькѣ.
— XII.—Пошехонская старина.—Брусинъ, разсказъ.

Каждый томъ—1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб.

По подпискѣ на 12 томовъ—**18** р., съ перес.—**21** р.

Складъ изданія:

въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича,

Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

ГПБ Русский фонд
18.268.5.1/8